

ЮЖНЫЙ УРАЛ. ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

История
Южного
Урала

История Южного Урала

серия
из 8 книг

История Южного Урала

Восьмитомное издание «История Южного Урала» подготовлено ведущими учеными-историками Южно-Уральского государственного (национально-исследовательского) университета при поддержке ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова и президента вуза Г. П. Вяткина.

В издании на основе обобщения накопленных материалов по археологии Южного Урала и сопредельных территорий представлена история социального, культурного и экономического развития населения региона в эпоху камня, бронзы и в раннем железном веке. Комплексный анализ археологических и письменных источников раскрывает исторические процессы, протекавшие в южноуральских степях с эпохи Великого переселения народов до распада Золотой Орды. Новые данные, полученные в результате архивных исследований и подробного анализа горного законодательства дореволюционной России, представляют Южный Урал в XVI–XIX веках. Современные исследования раскрывают ключевые события истории Южного Урала в XX веке.

- Том 1. В. С. Мосин. Урал в эпоху камня
- Том 2. А. В. Епимахов и коллектив авторов. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век
- Том 3. А. Д. Таиров. Южный Урал в эпоху ранних кочевников
- Том 4. С. Г. Боталов. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII века)
- Том 5. С. Г. Боталов и коллектив авторов. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV века)
- Том 6. Г. Х. Самигулов и коллектив авторов. Южное Зауралье (1420 — конец XIX века)
- Том 7. В. М. Свистунов, А. Г. Тептеев. Южный Урал в период перемен (1734–1900)

**Том 8. И. В. Сибиряков и коллектив авторов.
Южный Урал. Век двадцатый**

**ЮЖНЫЙ
УРАЛ.
ВЕК
ДВАДЦАТЫЙ**

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)
И907

Печатается по решению Ученого совета
Южно-Уральского государственного университета.
Протокол № 4 от 29.12.2018 г.

Руководитель проекта:
Г. П. Вяткин,
член-корреспондент Российской академии наук

И907

Сибиряков И. В.

Южный Урал. Век двадцатый / И. В. Сибиряков и др. // История Южного Урала:
в 8 т. Т. 8. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. — 432 с.

ISBN 978-5-696-05080-5 (т. 8)
ISBN 978-5-696-05081-2

Данное издание восьмитомной «Истории Южного Урала» посвящено событиям и процессам, происходившим в этом регионе в XX веке. Особое внимание уделено различным аспектам политической, экономической и социальной истории Южного Урала. Сюжеты, освещенные в книге, представляют интерес для специалистов-историков, студентов, учащихся и широкого круга читателей.

Составитель, научный редактор:
И. В. Сибиряков, доктор исторических наук, профессор

УДК 94(470.55)
ББК ТЗ(2Р36)

ISBN 978-5-696-05080-5 (т. 8)
ISBN 978-5-696-05081-2

© Сибиряков И. В. и др., текст, 2019
© Шарапов Р. Я., оформление, макет, 2019
© Издательский центр ЮУрГУ, 2019

ТЗ(2)
И907

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук», Южно-Уральский филиал

Южный Урал. Век двадцатый

Том **8**
История Южного Урала

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

Проект «История Южного Урала» значим не только для Южно-Уральского государственного университета, который выступил его инициатором и сыграл ключевую роль в его реализации. Это проект, значение которого выходит далеко за пределы локального научного или образовательного эксперимента. Создание многотомной «Истории Южного Урала» — это серьезный шаг в процессе конструирования нового образа региона, сыгравшего заметную роль в истории России. Формирование такого образа является очень сложной и ответственной задачей — политической, экономической, социальной, нравственной.

Книга, посвященная истории Южного Урала в XX веке, занимает в этом проекте особое место. Ее авторы постарались показать жизнь

Южного Урала в этом столетии через призму сложнейших и болезненных процессов, связанных с войнами, революциями и радикальными реформами, отметив ее особый драматизм и напряженность. На наш взгляд, такой подход может быть интересен как ученым, исследующим различные проблемы отечественной и мировой истории, так и тем молодым людям, которые еще только вступают в большую жизнь и, к сожалению, не всегда хорошо знают историю родного края. Мы уверены, что эта книга позволит и тем и другим узнать новые факты, имена, географические названия, а главное — понять нечто важное из нашего исторического прошлого, непростого настоящего и, возможно, будущего.

Ректор Южно-Уральского
государственного университета
А. Л. Шестаков

История Южного Урала неразрывно связана со многими важнейшими эпохами в истории человечества. Проект, который был инициирован учеными Южно-Уральского государственного университета, по-своему уникален. Он призван показать тесную историческую взаимосвязь социальных, экономических, культурных процессов, происходивших в южноуральском регионе на протяжении тысячелетий, с аналогичными процессами в различных точках евразийского пространства, он позволяет лучше увидеть ту особую роль, которую сыграл Южный Урал в развитии Российского государства, открывает многие новые грани тех исторических проблем, решение которых может оказать существенную помощь политикам, государственным деятелям, деятелям культуры, ученым, размышляющим не только о прошлом страны, но и о ее будущем. Издание, посвященное истории Южного Урала

в XX веке,— это первый шаг в реализации столь масштабного проекта. Его авторам, на наш взгляд, удалось решить главную задачу, которую ставили перед собой инициаторы проекта, а именно — показать масштаб и сложность тех проблем, что возникли и были решены на Южном Урале в течение XX столетия, рассказать о мужестве и героизме южноуральцев, оказавшихся по воле истории в центре многих конфликтов и войн, осветить многообразие процессов, определивших сегодняшнюю ситуацию в регионе.

То, что этот том реализовывался в год 75-летия Южно-Уральского государственного университета, на наш взгляд, очень показательно: ЮУрГУ с момента своего создания неизменно играл заметную роль в жизни Челябинской области, Южного Урала, страны в целом. История ЮУрГУ неразрывно связана с историей Южного Урала, и наш совместный проект это, безусловно, подтверждает.

Президент Южно-Уральского
государственного университета
Г. П. Вяткин

Оглавление

1

Введение
(И. В. Сибиряков) –
10

Глава 1.
Южный Урал
в эпоху войн
и революций –
18

А. И. Конюченко.
Ворота на Восток –
21

Н. А. Антипин.
П. А. Столыпин на
Южном Урале
и переселенческое
движение –
41

И. В. Сибиряков.
В годы Первой
мировой войны –
57

И. В. Нарский.
Революционный
1917-й... –
79

Е. В. Волков.
«Челябинский
инцидент» и Граж-
данская война
на Южном Урале –
99

2

Глава 2.
Южный Урал
в годы строитель-
ства социализма –
126

И. В. Нарский.
Переход к нэпу
на Южном Урале –
129

Н. А. Антипин.
Челябинский
тракторный завод:
рождение гиганта –
145

М. Н. Потемкина,
Н. В. Чернова.
К истории
строительства
Магнитогорского
металлургического
комбината –
165

А. И. Сысов.
Советская индус-
триализация
в горнозаводской
зоне Южного
Урала –
189

Н. С. Журавлева.
Становление лите-
ратурного движения
на Южном Урале –
203

Г. С. Трифонова.
Искусство и индус-
триализация
1930-х годов
на Южном Урале –
219

3

Глава 3. Южный Урал в годы Великой Отечественной войны – 234

М. Н. Потемкина.
Повседневная жизнь
южноуральцев
в годы военного
лихолетья (1941–
1945) –
237

И. В. Сибиряков.
Челябинский меха-
нико-машиностро-
ительный институт
в годы войны
и в первые после-
военные годы –
253

А. Н. Федоров.
Деятельность
Исаака Моисеевича
Зальцмана
на Южном Урале
269

4

Глава 4. Южный Урал во второй половине XX века – 288

А. В. Буданов.
Создание
атомного щита –
291

Н. А. Антипин.
Орден Ленина за
рекордный урожай:
освоение целинных
и залежных земель
на Южном Урале –
319

Т. В. Вольфович.
Формирование
профессиональной
хореографии
в Челябинске –
341

И. В. Нарский.
«Мастерица
на все руки»:
эпизод из жизни
челябинской
художественной
самодельности
1960-х годов –
357

М. Н. Потемкина.
Шел по городу
трамвай... –
373

А. С. Дюрягин.
Первые Челя-
бинские биржи:
как это было –
389

Н. А. Антипин.
Челябинское
противостояние
(1991–1996) –
401

Заключение (И. В. Сибиряков) – 419

Список сокращений
и аббревиатур –
422

Сведения
об авторах –
424

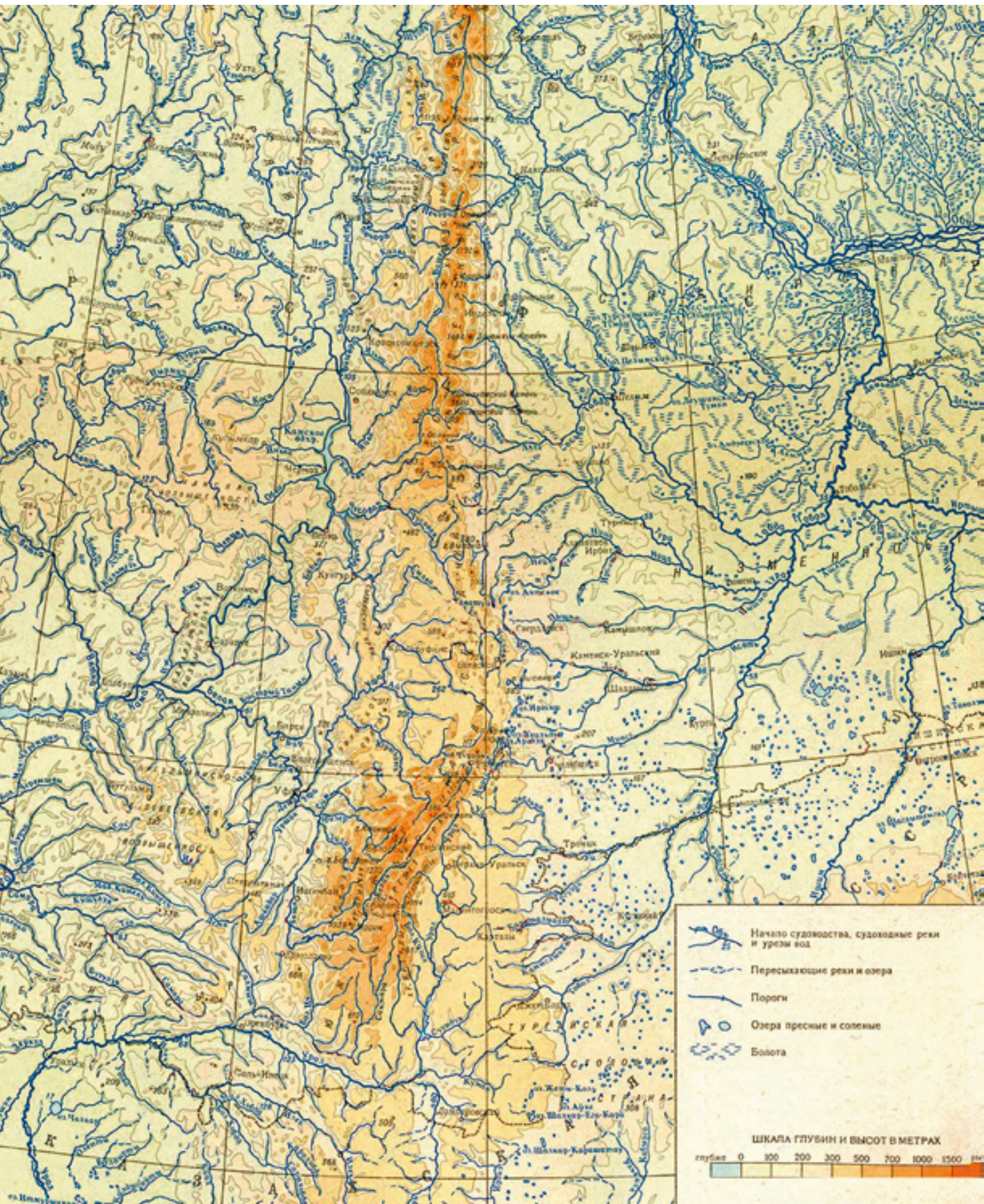
На Урале.
Челябинская область.
2019 год. Фото: В. Шаратов

История Южного Урала

8

том
Введение

- Начало судоходства, судоходные реки и урезы вод
- Пересыхающие реки и озера
- Пороги
- Озера пресные и соленые
- Болота

ВВЕДЕНИЕ

Очередной том из серии «История Южного Урала» посвящен событиям, явлениям и процессам, происходившим на Южном Урале в XX веке. Этот век стал одним из самых драматичных в истории региона и страны в целом. На протяжении столетия много раз и очень резко менялась жизнь миллионов южноуральцев. Многочисленные войны, смелые социальные и экономические эксперименты, серьезные успехи в развитии науки, культуры, спорта удивительным образом сочетались с тяжелейшими социальными катастрофами, экономическими кризисами, демографическими «ямами». Описать все эти явления в рамках одного монографического исследования очень сложно. Поэтому создателями этого тома было принято решение объединить в нем отдельные «очерки», посвященные наиболее важным, с их точки зрения, событиям и процессам в истории Южного Урала XX века. При подборе ключевых сюжетов авторы исходили из нескольких базовых идей.

Во-первых, XX век стал особым этапом в развитии Южного Урала. Его уникальность обусловлена не только большим количеством событий общероссийского и регионального уровня, которые во многом определили основные тенденции развития региона, но и особо высокой скоростью тех социальных, экономических, политических процессов, где участвовали южноуральцы. Часто эти процессы носили противоречивый и болезненный характер и приводили к неоднозначным результатам, которые не позволяют сегодня воспринимать историю Южного Урала в XX веке как череду побед и достижений.

Регион, чья территория в начале века входила в состав двух российских губерний — Уфимской и Оренбургской, — встретил новый век в состоянии очередного серьезного кризиса. Его причины были неразрывно связаны с модернизацией, что набирала скорость во всех сферах жизни в различных уголках страны. Проигрывая экономическое соревнование новым промышленным центрам Российской империи, Южный Урал в лице наиболее одаренных представителей политической, интеллектуальной и бизнес-элиты пытался найти свое, особое место в новой формирующейся социально-экономической реальности России XX века.

Своеобразным символом начала нового периода в жизни региона стала Транссибирская железная дорога. Она позволила не только существенно ускорить экономическое развитие Южного Урала, но и оказала заметное влияние на политическую, социальную, культурную жизнь края.

Именно поэтому том «открывает» статья, посвященная Транссибирской железной дороге. Новая дорога не просто стала «воротами в Сибирь», она позволила многократно ускорить интеграцию страны, столь важную накануне крупных военных конфликтов. Государство получило возможность форсировать многие миграционные процессы. Неслучайно Южному Уралу была отведена особая миссия в реализации переселенческой политики П. А. Столыпина, о чем рассказывает еще одна статья. Приезд П. А. Столыпина в Челябинск стал заметным событием в жизни не только города, но и всего региона в целом.

Многие жители Южного Урала, как и жители всей Российской империи, оказались участниками одной из самых масштабных военно-политических катастроф XX века — Первой мировой войны. О том, как южноуральцы встретили известие о начале войны, какие шаги были предприняты для перестройки жизни в Челябинске и на всем Южном Урале в условиях войны, рассказывается в другой статье данного тома.

Особое внимание уделено трагическим событиям 1917 года. В статье, посвященной истории Российской революции, показано, как воспринимали южноуральцы известия, приходившие из политических центров государства, как происходило перераспределение власти на местах, как нарастал на Южном Урале политический и социальный хаос. Именно из этого хаоса родился феномен Гражданской войны, что оставила на Южном Урале свой глубокий кровавый след. Закономерно, что одна из статей тома посвящена выступлению чехословацких легионеров на Южном Урале. Этот сюжет уже много лет является темой масштабных исторических и политических дискуссий. Споры о том, какую роль сыграли события на Южном Урале в истории Гражданской войны в России, продолжаются и сегодня. Читатели, которые внимательно ознакомятся с материалами, представленными в этом томе, смогут сформировать собственное мнение по столь важному для отечественной истории вопросу.

История Южного Урала 1920–40-х годов оказалась неразрывно связана с поисками новых моделей развития экономики, общества, культуры. В данный том включено несколько сюжетов, раскрывающих важные детали таких поисков. Авторы статей предлагают свой, порой особый взгляд на историю развития Южного Урала в первые годы советской власти в условиях новой экономической политики и в годы индустриализации. Анализируя новые исторические источники, используя новые методы исследования, они стараются показать широкий круг проблем, с которыми столкнулись жители Южного Урала на этапе форсированной модернизации экономики и в годы так называемой культурной революции, когда регион третий раз в XX веке оказался в центре мощных миграционных потоков, удивительным образом соединявших и разделявших человеческие судьбы.

Неслучайно некоторые исследователи сравнивают Южный Урал с гигантским котлом, в котором «переплавлялись» в единую новую массу разные традиции, институты, ценности различных эпох и регионов страны. Особенно интенсивно это процесс шел в годы первых пятилеток, символами которых уже много лет принято считать два промышленных гиганта, созданных

на Южном Урале усилиями сотен тысяч людей из самых разных уголков Советского Союза. Челябинский тракторный завод и Магнитогорский металлургический комбинат стали не просто самыми гигантскими промышленными предприятиями Южного Урала. Они изменили скорость и вектор развития огромного региона, судьбы миллионов людей. Очерки, посвященные истории создания ЧТЗ и ММК, позволят читателям не только лучше осознать масштаб изменений, произошедших в экономической, социальной, культурной жизни Южного Урала, но и увидеть часть тех огромных трудностей, с которыми столкнулась страна в процессе индустриализации и коллективизации.

Одной из особенностей материалов этого тома является стремление авторов показать хорошо знакомые многим читателям исторические процессы с несколько необычной и, может быть, не совсем традиционной исторической перспективой. Особенно хорошо это заметно в очерке, посвященном индустриализации горнозаводской зоны Южного Урала. В 1930–40-е годы здесь не были построены гиганты советской промышленности, но процессы индустриализации, развернувшиеся и в этом регионе, существенно повлияли на жизнь людей и судьбу края. О том, как эти процессы отразились в изобразительном искусстве, в южноуральской литературе, также рассказывается в данном томе.

Южный Урал помог стране в решении большого числа проблем, возникших или резко обострившихся во время Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Отдельные аспекты этой важной исторической миссии Южного Урала тоже отражены в очерках этого тома. Особый интерес у молодого читателя могут вызвать сюжеты, связанные с повседневной жизнью южноуральцев в условиях войны, ролью региона в создании ядерного щита советской державы, освоением целинных земель. Авторам статей, посвященных данным сюжетам, было важно показать многие процессы, происходившие тогда на Южном Урале, и глазами обычного человека, и через призму официальных документов, и через образы, которые удалось запечатлеть с помощью фотографий. Каждый из очерков, собранных в этом разделе тома, открывает новые грани истории региона. Если роль Южного Урала в победе над германской военной машиной в годы Великой Отечественной войны традиционно исследовалась с точки зрения развития военно-промышленного комплекса, эвакуационных и реэвакуационных процессов, то авторы включенных в этот том очерков предложили читателю познакомиться с тем, как жили в условиях войны те, кого принято называть простыми советскими людьми; как формировался и вставал на ноги Челябинский механико-машиностроительный институт, превратившийся впоследствии в хорошо известный в Советском Союзе и за его пределами легендарный ЧПИ; какую роль в истории Южного Урала сыграл И. М. Зальцман, чье имя совсем недавно вернулось к южноуральскому читателю и зрителю.

Сюжеты послевоенной истории Южного Урала также по-своему очень интересны. Они раскрывают многообразие и сложность процессов, проходивших в регионе и в стране в целом в послевоенные годы. Новые миграционные потоки в годы освоения целинных земель, создание принципиально новых

научных центров и предприятий, необходимых для производства современных видов вооружений, влияние модернизации транспортной инфраструктуры на повседневную жизнь горожан, формирование центров новой для Южного Урала культуры — все это существенно повлияло на темпы развития региона, его место в экономической и культурной жизни страны, на экологические, социальные и другие проблемы, часть из которых до сих пор оказывает свое воздействие на жизнь края.

Завершают том сюжеты, посвященные некоторым политическим и экономическим процессам, проходившим в регионе в столь непростые для страны 1990-е годы. Распад Советского Союза привел к тяжелейшим последствиям во всех сферах жизни общества. Формирование новых экономических структур, начавшееся еще на последнем этапе существования СССР, шло на Южном Урале очень непросто. Часть возникших тогда проблем авторы тома осветили в очерке, посвященном истории создания на Южном Урале первых бирж. Некоторые политические аспекты новой постсоветской истории Южного Урала читатель сможет увидеть при знакомстве с очерком, посвященным судьбе первых челябинских губернаторов В. П. Соловьева и П. И. Сумина.

Таким образом, создатели этого тома постарались с помощью отдельных статей создать целостную картину развития южноуральского региона в XX веке. Не пытаясь в равной мере осветить все аспекты этого сложного многоуровневого процесса, они, тем не менее, стремились выявить и показать основные тенденции политического, экономического, социального развития Южного Урала, во многом определившие судьбы миллионов южноуральцев.

Во-вторых, при выборе сюжетов авторы исходили из особой роли исторических источников в формировании той картины прошлого, которая может возникнуть у «серьезного» читателя. Двадцатый век оставил исследователям много самых разнообразных исторических источников — от традиционных, таких как документы государственных учреждений, воспоминания деятелей науки и культуры, материалы периодической печати, до фото- и даже видеоресурсов. При подготовке всех без исключения разделов книги использовались подлинные источники по истории Южного Урала. Часть из них уже хорошо известна профессиональным историкам, часть впервые вводится в научный оборот. В первую очередь речь идет о документах и материалах, которые хранятся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Эти материалы позволили более глубоко и детально рассмотреть сюжеты, связанные со сталинскими реформами, строительством ЧТЗ, освоением целины и т. д. Кроме того, некоторые авторы при подготовке своих статей использовали документы и материалы, которые они обнаружили в других столичных и региональных архивах.

Для создания визуального образа многих исторических процессов и событий привлекались материалы, хранящиеся в Государственном историческом музее Южного Урала, Челябинском государственном музее изобразительных искусств, ряде других музеев и ведомственных архивов Челябинской области и в частных коллекциях. Именно наличие или отсутствие полноценных исторических источников во многом определило подбор основных сюжетов книги и внутреннюю структуру изложения материалов.

В-третьих, авторы данного тома сознательно приняли решение отказаться от строгого научного дискурса при изложении сюжетов, с тем чтобы существенно расширить круг читателей и упростить для них работу с текстом. При этом абсолютное большинство использованных языковых конструкций, терминов соответствует традициям научного стиля изложения материала, которые сформировались в отечественной историографии. Фрагменты исторических документов приведены в статьях с сохранением особенностей орфографии и стилистики той эпохи, в которую они были созданы. Понятие «Южный Урал», являющееся системообразующим в данном издании, большинство авторов использовали в «широкой» трактовке, включая в южноуральский регион в первую очередь территорию современной Челябинской области и часть сопредельных территорий, в том числе современных Республики Башкортостан и Оренбургской области. Отказ от «жесткой» географической ориентации позволил авторам избежать той детализации, которая могла существенно осложнить читателям восприятие материала.

В-четвертых, авторы статей, вошедших в данный том, пользовались различными приемами научного исследования и принадлежат к различным научным школам. Но все они разделяют тезис о том, что в научном сообществе никто не обладает монополией на истину, а значит, обсуждение любых сюжетов истории Южного Урала может и должно продолжаться с привлечением новых источников и новых исследовательских практик. Для того чтобы дать возможность читателям расширить и углубить свои представления по тому или иному вопросу, затронутому в тексте, авторы многих статей составили небольшие, но очень полезные списки основных публикаций, посвященных истории Южного Урала XX века.

В-пятых, главной задачей данного проекта его авторы считают пробуждение интереса к истории Южного Урала среди школьников и студентов, среди тех молодых людей, кто родился и живет в этом регионе, кто планирует провести здесь несколько лет или целую жизнь. Авторы проекта считают, что именно для молодежи, которая пока еще слабо разбирается во многих важных политических, экономических, социальных процессах, проходящих сегодня на Южном Урале, важно показать не только великие достижения, но и те огромные трудности, с которыми столкнулись жители Южного Урала в течение XX века, подчеркнуть особую трагичность данного этапа истории региона, выявить глубокие исторические корни некоторых проблем, которые по-прежнему требуют своего решения уже в XXI веке.

Авторы уверены, что отдельные статьи и разделы данной книги при внимательном прочтении могут сложиться в яркую картину истории региона, сыгравшего важную роль в судьбе России в прошлом столетии.

Мы благодарим коллективы Государственного исторического музея Южного Урала, Объединенного государственного архива Челябинской области, Челябинского государственного музея изобразительных искусств, Центра историко-культурного наследия города Челябинска, Магнитогорского краеведческого музея, Музея Магнитогорского металлургического комбината, Музея трудовой и боевой славы ЧТЗ, частных коллекционеров за большую помощь, оказанную при подготовке иллюстративного материала.

Урал. Челябинская область.
2018 год. Фото: В. Шарапов

История Южного Урала

8
ТОМ
глава
1

ЮЖНЫЙ
УРАЛ
В ЭПОХУ
ВОЙН И
РЕВОЛЮЦИЙ

А. И. Конюченко. ВОРОТА НА ВОСТОК

Господа!

Приступ к сооружению сплошной сибирской железной дороги есть одно из великих деяний достопамятного царствования незабвенного моего родителя. Довершить с Божиею помощью это исключительно мирное предприятие не только мой священный долг, но и задушевное мое желание, тем более, что дело это было мне поручено моим дорогим отцом. Надеюсь при содействии вашем довести до конца начатую им постройку сибирского рельсового пути дешево, а главное скоро и прочно.

Из речи императора Николая II, обращенной к членам Комитета Сибирской железной дороги и департамента государственной экономии Государственного совета 30 ноября 1894 г. [21, с. 69]

Поход экспедиции Ермака в 1582 году в Сибирь заложил основы Азиатской России. Уже в середине XVII века русские первопроходцы продвинулись до восточной оконечности Евразии. В 1648 году Семен Дежнев, выйдя из устья Колымы в Северный Ледовитый океан, обогнул Чукотский полуостров и зазимовал на реке Анадыри, впадающей в Тихий океан. В 1648 году отряд Василия Пояркова добрался до Приамурья, а казаки Ерофея Хабарова в 1649–1652 годах основали в Приамурье ряд русских поселений.

У России не было человеческого потенциала, чтобы по-настоящему освоить обширнейшие территории от Урала до Дальнего Востока. Но и уходить с этих земель русские не собирались. После заключения Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров с Китаем Россия окончательно определила свои границы на Дальнем Востоке.

Во второй половине XIX в. повышенный интерес к Китаю и Дальнему Востоку проявляют ведущие европейские державы, США и Япония. Поэтому, чтобы защитить свои интересы, стимулировать колонизационные процессы, активизировать экономическое развитие Сибири и торговые отношения, Российской империи было необходимо установить прочные связи центра страны со своей восточной периферией, связав их железной дорогой.

Поскольку Россия была страной второго эшелона мирового капиталистического развития, она, несмотря на свои колоссальные размеры, значительно отставала в железнодорожном строительстве. Первая серьезная железная дорога связала Санкт-Петербург с Москвой лишь в 1851 году. А связь европейской части страны с Сибирью осуществлялась посредством почтового тракта.

В первой половине 1870-х годов были определены три возможных направления, связывавших европейскую и азиатскую части России:

- 1) Кинешма — Вятка — Пермь — Екатеринбург — Тюмень;
- 2) Нижний Новгород — Казань — Екатеринбург — Тюмень;
- 3) Алатырь — Уфа — Челябинск.

Во время обсуждения оптимального направления железные дороги продолжали строиться на Урале. В 1877 году железная дорога пришла в Оренбург из Самары, в следующем году связала губернскую столицу Пермь и некоронованную — Екатеринбург [21, с. 56]. Получалось, что из губернских городов Урала к этому времени железнодорожной связи лишена оставалась Уфа, а фактически — почти весь Южный Урал.

Оренбург на тот момент, как важный административный центр Оренбургского края (в нем нахо-

дилась резиденция генерал-губернатора, которому подчинялись гражданские губернаторы), больше всех нуждался в железнодорожной связи с центром. Но уже в 1881 году Оренбургское генерал-губернаторство было упразднено, и город стал просто губернским центром. При этом большая часть Южного Урала продолжала оставаться без железнодорожных сетей. Их были лишены Уфимский, Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский уезды Уфимской губернии, Верхнеуральский, Орский, Троицкий и Челябинский — Оренбургской губернии. В условиях модернизации страны такая удаленность южноуральских городов от железнодорожных путей неминуемо обрекала их на жалкое прозябание в дальнейшем.

Южноуральский вариант продолжения дороги первоначально поддержки не получил. Комитет министров выбрал второй: Нижний Новгород — Казань — Екатеринбург — Тюмень. Но его реализация замедлилась политическими осложнениями и русско-турецкой войной 1877–1878 годов. После ее окончания снова началось обсуждение. Место прокладки железной дороги волновало многих — города, земства, владельцев заводов. Заводовладелец И. П. Балашов от своего имени и тринадцати других южноуральских владельцев заводов в докладной записке министру государственных имуществ доказывал выгоду прокладки дороги через Златоуст и Челябинск, делая вывод: «Причем теперь уже ясно определилось, что с этим направ-

Транссиб от Челябинска до Владивостока

лением совпадает и самое выгодное направление самой Сибирской железной дороги, как по затрате строительного капитала, так и по краткости соединения ее с сетью дорог Европейской России и до-стижению естественных водных путей, то есть Волги и Белой» [27, с. 38–39].

Аналогичное мнение выражал уполномоченный Уфимского губернского земства городской голова Уфы Волков: «Постройка Самаро-Златоустовской железной дороги в регионе принесет великие выгоды государству во всех отношениях. Железная дорога на Челябинск будет перевозить не только заводские уральские грузы, но и хлеб из Сибири в Центр России... неужели не восторжествует истина в бесконечном споре о Сибирской дороге!» Но споры продолжались и во второй половине 1880-х годов. Одни расхваливали красоты и богатства Зауралья, другие пугали страшной природой. [27, с. 40–43].

В 1884 году Комитет министров выбрал следующий маршрут: Кинель (39 верст от Самары) — Уфа — Златоуст — Челябинск. В следующем году были проведены необходимые изыскания, и в 1886 году одновременно на всех участках линии начаты строительные работы [11, с. 148–149]. Первый поезд в Уфу пришел в 1888 году, в Златоуст — в 1890 году, в Челябинск — в 1892 году [21, с. 87].

В 1890 году специальная комиссия прочертила следующий путь — по маршруту Челябинск — Курган — Омск — Красноярск — Иркутск — Владивосток [28, с. 550].

Темпы строительства впечатляют. Но прокладка железной дороги через горы Южного Урала была чрезвычайно сложна. Нужно было отвоевать пространство у непроходимых лесов. Приходилось вгрызаться в скальные горные породы, чтобы получить место для дороги. На особо сложных участках применялись взрывные работы, но подавляющая часть работ — снятие и транспортировка грунта, возведение насыпей, сооружение подпорных стен и др. — проводилась вручную. Использовались топор, пила, лом, кайло, лопата, ручные носилки, тачки, запряженные лошадьми повозки.

Кроме того, для преодоления водных преград в виде своенравных горных рек требовалось возведение инженерных сооружений. Всего на расстоянии почти триста километров было возведено около трехсот искусственных сооружений: насыпей, подпорных стен и укрепительных дамб, водоотводов, мостов [27, с. 44].

Писатель Д. Л. Мордовцев восхищался людьми, «теми неутомимыми “гномами”, гением и энергиею которых была пробита “каменная грудь” великана, отделяющего Европу от Азии, и которые создали себе бессмертный, хотя и “рукотворный” памятник, едва ли не столь же прочный, как и египетские пирамиды.

В самом деле, сколько нужно было иметь в запасе технических знаний и строительной, строго математической сообразительности, сколько требовалось предварительных самых точных цифровых выкладок при исчислении предстоящих

в непроходимых дебрях работ и физического и умственного труда для приведения этих исчислений в дело, в жизнь, каким лишениям приходилось подвергаться в горных и болотистых местностях, где убийственная сырость и невыносимые страдания от насекомых, от туч болотной мошкары, которой не выносил даже ни один рабочий, могли лишить энергии даже каменных людей, сколько, повторяю, нужно было всего этого запаса терпения, настойчивости и прочей дьявольщины, чтобы перескочить в Азию!

И перескочили!

Для того чтобы возможно было работать в убийственных тучах мошкары, заказано было для рабочих и для наблюдавшими за работами “гномов” три тысячи сеток-наличников, и в этих намордниках люди должны были работать. Мало того, каждый должен был носить на себе, на спине жаровню, в которой постоянно тлел и дымил можжевельник для отогнания дымом сибирской мошкары, перед которой даже “египетская песья муха”, по выражению Гоголя, не более как “мальчишка и щенок» [17, с. 224–225].

В 1893 году открылось движение по железной дороге от Челябинска до Кургана, в следующем — до Омска, а затем и далее. В 1895 году железнодорожная ветка соединила Челябинск с Екатеринбургом [26, с. 26].

Самая большая ветка у Усть-Катава. Лето 1910 года.
Фото: С. М. Прокудин-Горский

Специалисты расценивали Самаро-Златоустовскую дорогу как важнейший связующий элемент железнодорожной сети в широтном направлении. Протянувшись на 1057 верст с запада на восток от правого берега Волги, она заканчивалась Челябинском, узловой станцией трех дорог — Самаро-Златоустовской, Западно-Сибирской и Пермь-Тюменской [21, с. 87].

От Миньяра до Миасса 244 версты железной дороги прошли по территории, где существовала горнодобывающая и металлургическая промышленность [21, с. 89], что стимулировало ее развитие и открывало новые отрасли производства. Например, в Усть-Катаве стали производить подкладки для рельсов и железнодорожные костыли, вагоны, в Юрюзанском заводе — детали мостов, в Катав-Ивановском — рельсы [21, с. 108, 109].

Но больше всех среди южноуральских городов от прокладки железной дороги выиграл захолустный уездный Челябинск, превратившийся в важный транспортный узел Российской империи, который стали называть воротами в Сибирь.

Саткинский казенный завод.
Заводской пруд. 1910 год.
Фото: С. М. Прокудин-Горский

Если раньше Челябинск, являясь центром богатого сельскохозяйственного района, отправлял продукцию на горнозаводской Урал и в европейскую часть страны, то став важным транспортным узлом, он расширил районы сбыта хлеба. Во второй половине 1890-х годов местные торговцы ежегодно вывозили от 500 до 700 тысяч пудов хлеба. Кроме того, зерно покупали представители компаний из Ростова-на-Дону, Ревеля (Таллинна), Либавы (Лиепая). Несколько позже подключились заграничные фирмы Луи Дрейфуса (Франция) и Миллера и Ко (Англия). Общий вывоз хлеба из Челябинска, по официальным данным, определялся в 25 миллионов пудов или более тридцати тысяч вагонов [21, с. 121; 26, с. 29]. Со станции Челябинск хлеб вывозился также в Финляндию, Голландию, Бельгию. В 1913 году на станции было отгружено десять миллионов пудов зерна, а транзитом проследовало в несколько раз больше [29].

Журналист В. А. Весновский отмечал, что «вплоть до проведения железной дороги торговля скотом шла по старинке. “Скотинка” убивалась по-просту: кто бил на частных бойнях, а кто у себя во дворе, кровь тут же втапывалась в землю, различные отбросы мирно гнили на задворках. Железная дорога сделала переворот в торговле скотом. Вместо того чтобы гнать скот гуртом, его можно колоть в Челябинске и отправлять мясными тушами. Развилась деятельность городских и частных скотобоев. В 1908 году было убито голов крупного и мелкого рогатого скота: на городских скотобойнях — до 12 тысяч, на бойне Моренова — до 16 тысяч баранов, на бойне Лошкарева — до 1 тысячи голов» [6, с. 57].

Для городского строительства требовался лес. Ранее его доставляли в Челябинск гужевым транспортом из башкирских земель и лесных угодий Златоустовского завода, а во время половодий на Миассе — сплавом. С приходом железной дороги строительный лес стали привозить в Челябинск

Строительство
железнодорожного моста
через реку Миасс

сначала из Уфы, а после соединения с Екатеринбург — из Верхотурья, Ляли, Выи и Тюмени, где находились крупные склады и лесопилки [26, с. 31]. Поставки строительного леса способствовали росту города.

Для контроля над импортными товарами, проходившими через Челябинск, в 1899 году в городе была открыта таможня первого класса, переведенная из Тюмени. В основном через нее проходил чай — около полутора миллионов пудов ежегодно [5, с. 390; 6, с. 57; 26, с. 27].

Родиной чая был Китай, где его начали использовать с IV века до н. э. сначала как лекарство, а потом как напиток. В Европе он стал относительно широко известен около середины XVII века. Первый чайный магазин в Лондоне открылся в 1657 году, но лишь примерно с 1720-х годов чай вошел в моду в высших слоях английского общества. С конца XVIII века он стал доступен по цене более широким слоям [25, с. 185].

Дореволюционный русский стол трудно представить без самовара и чаепития, так же как и английский завтрак (English breakfast tea) — без чая. Но чай пришел в Россию и получил распространение еще позже.

Отношения со страной — родиной чая Россия начала во второй половине XVII века: торговые караваны, посольство, вооруженные конфликты, мирный договор. В 1716 году в Пекин прибыла из России православная духовная миссия, которая занималась не столько распространением православия, сколько изучением местной культуры, обычаев и языков. Заключенный в 1727 году Кяхтинский договор способствовал увеличению объема торговли между двумя странами.

В середине XVIII века чай составлял уже одну из главных статей торговли с Китаем. Но цены на него были достаточно высокими. Однако уже в середине XIX века, по свидетельству современника, было «трудно найти в России уголок, где бы чай не был

Вид с задней площадки вагона у станции Симская. Лето 1910 года. Фото: С. М. Прокудин-Горский

известен. Чай пользуется расположением даже той касты русского общества, которая в своей сильной привязанности к “старой вере”, поразила табак анафемой, как страшную ересь» [20, с. 3, 6, 7].

Развитие чайной торговли привело к созданию в Челябинске крупных складов главных московских фирм, занимавшихся торговлей чаем: Вогау, Перлова, Филиппова, Швецова и Грибушина. Затем в городе появились и чаеразвесочные фабрики Губкина и Кузнецова, Колокольникова, Попова, В. Высоцкого и Ко. Особенно крупным производство чая было на чаеразвесочных фабриках Кузнецова и Высоцкого. Их оборот достигал 7–8 миллионов фунтов байхового чая в год общей стоимостью 10–12 миллионов рублей. Поставленное в Челябинске чайное дело уступало по своим оборотам только Москве и конкурировало с Одессой [26, с. 27]. В портовую Одессу морским путем поступал индийский чай, в Челябинск по железной дороге — китайский. В настоящее время фирма «Wisotzky Tea» («Чай Высоцкого») действует на международном рынке. Ее управление находится в Тель-Авиве [2].

Челябинск сохранял роль единственных ворот в Сибирь до 1913 года, когда железная дорога Екатеринбург — Тюмень была продлена до Омска. Но импульс, приданный Челябинску железнодорожной магистралью, сказался на дальнейшем развитии города.

Всплеск и развитие торговли вызвали к жизни учреждение товарной биржи и банков: Государственного, Общества взаимного кредита, Русского торгово-промышленного, Агентства русского для внешней торговли. Кроме того, в Челябинске действовали 14 страховых обществ и 8 транспортных контор [26, с. 31]. Благодаря челябинскому тарифному перелому в городе получило развитие мукомольное производство [29].

Наблюдатель отмечал: «Из собственной промышленности Челябинска самая крупная и яркая — мукомольное дело. Развивается оно чрезвычайно быстро. В 1901 году было в пяти уездах, тяготеющих к Челябинску, 9–10 крупных мельниц, теперь — 34 паровых вальцево-крупчатых мельниц. Производство 85 тысяч (видимо, пудов.— А. К.) в сутки. Мельницы сравнительно не крупные. Но купцов прямо эпидемия охватила. Чуть у кого заведется тысяч 60–70, начинает воздвигать мельницу.

А нужно на нее самое меньшее тысяч 250. Залезают в долги, опутываются обязательствами, а потом крахают.

В 1908 году было пять или шесть крахов. Для крупчатников очень выгоден перелом тарифа в Челябинске. Они и хлопчут об его оставлении. Еще бы: к ним подвозят зерно, они отправляют дальше муку. Для них ломаный тариф одна польза: на сибирских конкурентов накладывают 8 копеек в пуд» (цит. по: [6, с. 59]).

Выемка у Юрюзанского моста. Лето 1910 года. Фото: С. М. Прокудин-Горский

После отмены крепостного права продолжилось стихийное переселение крестьян, начавшееся в XVII веке, на Урал и далее — в Сибирь, вплоть до самого Дальнего Востока, где их привлекали удобные для ведения хозяйства земли.

Появление железной дороги способствовало активизации этого процесса. В 1893 году в Оренбургской губернии насчитывалось 125 313 переселенцев. В Уфимскую губернию с 1861 по 1897 год переселились 168 773 человека. Одни переселенцы оседали на Южном Урале, другие следовали дальше. Около 94 % переселенцев в Сибирь проходило через Челябинск. С 1894 по 1909 год через станцию прошло более четырех миллионов переселенцев. Поэтому здесь был построен крупный переселенческий пункт и размещалось оперативное руководство переселенческого движения [22].

Около 94% переселенцев в Сибирь проходило через Челябинск

Побывавший в Челябинске в 1909 году бывший депутат 2-й Государственной думы И. В. Жилкин писал: «Челябинск — проходной двор. С гримасой говорят о Челябинске засевшие здесь интеллигенты. Двое ворот всегда распахнуты в проходном дворе: одни — в европейскую Россию, другие — в Сибирь. Дело не в одних переселенцах, которые густой волной, непрерывно, сотнями тысяч переливаются через Челябинск. Всякий люд стремится в Сибирь, и многие застревают в Челябинске. Хотя с порога проходных ворот, повернувшись лицом к Сибири, видишь лишь бесконечную снежную степь, и только ветер, разбежавшись с тысячеверстной дали, бьет хлестко и звонко по глазам, но все же в этом странном, пестром проходном городе отчетливо и ясно чувствуешь: гудит, пробуждается Сибирь. К добру или худу — пока неизвестно,

но из Челябинска видишь, что многие стороны сибирской промышленной и торговой жизни чрезвычайно быстро, почти лихорадочно развиваются. Растет торговля Сибири, естественно растет и Челябинск. Здесь пока единственные ворота, через которые волнами перекатывается в Европу сибирское добро. В Челябинск из России идет разный коммерческий и торговый люд. Всех манит сладкая возможность быстрой наживы...» (цит. по: [6, с. 59]).

Писатель Д. Л. Мордовцев из переселенцев, увиденных им в Челябинске, выделил украинцев: «...хохлы в своих бараньих шапках и “широких, как море” шароварах и хохлушки в коротких “спидных” и “корсетках”, повязанные широкими платками. Все это тащится на Амур, на Усури. Подумаешь, что совершается обратное “переселение народов”...» [17, с. 228].

А. М. Нечаева писала, что на станции Челябинск можно встретить «типы самых разнообразных народностей, начиная от великоросса и кончая бурятами», и обратила внимание на оседавших на Южном Урале украинцев и немцев: «Едут целыми деревнями или отдельными семьями, преимущественно хохлы Киевской, Екатеринославской, Полтавской и иных губерний, а также и немцы из колонистов Приволжья. <...> Среди киргизских степей и татарских аулов вдруг зазвучит характерная хохлацкая речь, мелькнет расшитая рубаха “дивчины” или мерлушечья шапка парубка, а за ними и веселенькая хатка-мазанка, убранная внутри узорными полотенцами с “тавченками” и горилкой на столе. Встречаются и типичные немцы в “кепках” с трубками во рту и белых панталонах [18, с. 246, 247].

Очевидец так описывал отправку переселенцев из Челябинска: «К шести часам утра площадка переселенцев окончательно встала на ноги, поднялась, зашумела и двинулась к вагонам. Это было нашествие, это была борьба, это было словно на пожаре. Туда бежали, летели котомки, туда стремились со всех ног целые мешки, туда несли на головах детей, имущество, и все это пугалось в дверях, шумело, кричало, не зная еще куда броситься, куда бежать, собирая семью, направляя ее энергетическими словами куда следует... Вагоны брались с боя, и вмиг были взяты, заняты, наполнены, завоеваны на целый долгий путь, вплоть до самого Иртыша. <...> Поезд тронулся. Боже! Сколько разнообразных лиц, бледных, красных, веселых, смеющихся, сколько милых глаз двигалось теперь перед нами, сколько любопытства, шутики, тоски, слез, каких-то жестов двинулось в путь, то прощаясь, то радуясь освобождению, надеждам пути...» [19, с. 231].

Журналист Н. Н. Лендер делился своими впечатлениями об организации переселенческого движения: «Каких картин я насмотрелся в злосчастном Челябинске — этом главном пункте переселенческого движения на рубеже Европейской России с Азией! Не скажу, чтобы эти картины ласкали глаз! Переселенцев перевозят у нас в самых каторжных условиях. Сбитые в кучу, они помещаются в товарных или скотских вагонах, в которых в жаркую погоду можно задохнуться, а в холода — замерзнуть... Переселенческое движение происходит преимущественно в летние месяцы, с мая по сентябрь, но ранние холода и жестокие на Урале морозные утренники иногда дают себя знать и в августе! Простуды и заболевания среди переселенцев весьма часты. В летний зной в переселенческих вагонах — жара, смрад человеческих испарений, нечистоты... Да! Неприглядная картина нашего переселенческого движения! На свежий взгляд она

производит прямо страшное, отталкивающее впечатление. В Петербурге я слышал о вагонах-теплушках, приспособленных для переселенцев, но что это за теплушки, я воочию увидел в Челябинске. В товарном или скотском вагоне поставлены скамейки да железная печка — вот и вагон-теплушка» [14, с. 222].

В начале переселенческого движения построенных барачных не хватало, и люди в ожидании своей очереди проследовать дальше на восток размещались или в сооруженных наскоро шалашах, кибитках, или просто под открытым небом. Но со временем переселенческий пункт обустроивался.

А. М. Нечаева сообщала в 1909 году: «"Переселенческий пункт" в Челябинске занимает собою громадную огороженную забором площадь, застроенную домиками для останавливающихся в Челябинске переселенцев. Здесь помещаются переселенческая больница, столовая, баня и канцелярия по переселенческому делу.

К пункту подведена особая железнодорожная ветка для посадки и высадки пассажиров» [18, с. 248].

Работавший на «переселенке» счетоводом Ф. И. Горбунов вспоминал о ней уже в годы советской власти, когда не было принято положительно говорить о дореволюционном прошлом: «С ростом переселенческого движения переселенческой администрация во главе с прикомандированным Владимиром Петровичем Пилкиным начала большое строительство. Была приобретена у Челябинского городского самоуправления земля площадью 8 десятин. Постройки стали производиться по плану, уже не барачного типа, а прекрасные деревянные здания. Высокие, светлые, с высокими окнами и вычурной резьбой. Первоначальные бараки постепенно разламывались... Полный расцвет пункт получил в период 1910–1914 гг., когда на пункте было построено прекрасное 2-этажное здание Управления пункта, прекрасные квартиры для

На станции Есаульская.
1914 год

обслуживающего персонала, которого было до 170 человек, почти все семейные. Больница на 140 коек с рентгеновским кабинетом, родильным и операционным отделениями, амбулатория, столовая на 1500 человек на одну варку. Каменная баня с японской параформалиновой дезокамерой с пропускной способностью до 1000 человек в сутки. Прачечная. Светлые высокие бараки для переселенцев. Показательное осведомительное бюро с образцами почв, хлебных злаков, массой карт, фотоснимков колонизируемых районов. Пункт разделялся на 2 «двора» — «Больничной» в 31 здание и «Общей» с 44 зданиями, где были построены: церковь, школа, библиотека и приют для детей переселенцев, потерявших в пути родителей. Все здания были снабжены водопроводом и электрическим освеще-

нием. Была своя динамомашинка» [10, с. 214–216].

Прошедшая по Южному Уралу железная дорога, по сути, положила начало санаторно-курортному лечению. В первую очередь страдающих привлекали горько-соленые озера Зауралья. Современница тех событий писала: «Разбросанные среди степей, зачастую не имея никакого названия, озера делают свое дело, предотвращая и исцеляя недуги населения, живущего по их берегам. За границей эти целебные пункты давно бы уже эксплуатировались находчивыми предпринимателями и собирали бы публику со всех концов света. У нас же эти озера обслуживают лишь местных жителей. За самое последнее время (статья написана в 1909 году.— А. К.) некоторые из таких озер начинают, однако, получать более широкую известность, которая растет с каждым

годом. Таково, например, озеро Ала-Куль, находящееся в 8 верстах от разъезда того же названия, на 69 верст от Челябинска по Сибирской железной дороге. Каждое лето в расположенную на озере деревушку Тихоновку съезжаются из окрестностей и прилегающих губерний, преимущественно Вятской и Пермской, до 500 человек... Те, кому приписываются горячие ванны, привозят их с собой, подогревают в них озерную воду и таким образом получают горячие ванны. Бывали поразительные случаи исцеления. Многие больные приезжают с едва передвигающимися ногами и уезжают совершенно здоровыми» [18, с. 253–254].

Идея создать на озере курорт не была реализована. «Являлись лица, думавшие взять это озеро для курорта,— крестьяне запросили слишком высокую плату. Они находят, что им выгод-

нее самим пускать к себе в избы постояльцев, чем устраивать курорт. Кстати сказать, деревня эта очень зажиточная и спокойная, с крепкими и чистыми избами, специально построенными для приезжающих на лето лечиться купальщиков» [Там же, с. 254].

В Зауралье стало развиваться и кумысолечение. «Своими прекрасными результатами,— свидетельствовала А. М. Нечаева,— оно привлекает все больше и больше лечущихся. Например, местечко Чумляк по Сибирской железной дороге насчитывает несколько сот человек каждое лето легочных больных, жаждущих исцеления и истребляющих ежедневно по четверти кумыса на человека. <...> Хилая молодежь... к концу сезона возвращается домой вполне здоровой» [Там же].

Прибытие первого поезда на станцию Троицк. 18 октября 1911 года

Авторы «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге», вышедшего в 1900 году, отмечали невзрачный облик Челябинска: «Несмотря на близлежащие богатые ломки серого песчаника, представляющего прекрасный строительный материал, и близость других разнообразных горных пород, — город преимущественно деревянный, плохо обстроенный, не имеющий мостовых; из 1308 домов каменных только до 80, из числа торговых лавок каменных не более 40, остальные деревянные» [21, с. 120].

Но появление железной дороги вскоре сказалось на стремительном росте города. С 1904 по 1908 год количество каменных домов, не считая торговых лавок, выросло с 2427 до 3841 [4, с. 157]. «Дома растут в Челябинске, — свидетельствовала приезжая, — с быстротою поганых грибов после дождливой погоды и, конечно, обладают таким же крупным недостатком, то есть вовсе непригодны для

жилья, и, тем не менее, берутся нарасхват. Явление это понятно и легко объяснимо. Город так быстро растет, потребности так быстро назревают, что их не успевают удовлетворять с надлежащей добросовестностью» [18, с. 238].

Это было характерно не столько для самого города, сколько для территорий, примыкающих к железнодорожной станции. Здесь хаотичным образом, без плана возникали слободы и поселки: Пригородная, Сибирская, Пугаевский, Колупаевский, Никольский, Порт-Артур.

Транзитное положение города придавало особые черты его облику. У бывшего депутата 2-й Государственной думы И. В. Жилкина о городе составилось следующее впечатление: «Слушаешь рассказы местных обывателей, как будто дурмящие туманы наживы ползут над городом, а в них мерещатся одутловатые, хитрые, юрковатые физиономии торговых хищников. Кажется, с торопливого, жадного хапанья начинается всякая полуварварская, некультурная коммерция. Эту болезнь приходится

Памятное фото на станции Бердяуш. 1910 год

пережить Сибири, а в частности Челябинску» (цит. по: [6, с. 59]). Это было в пору дикого капитализма. К сожалению, Челябинску предстояло переживать это еще раз, спустя сто лет.

Криминогенная обстановка в Челябинске, действительно, была хуже, чем в других городах Оренбургской губернии. В 1907 году в городе было зафиксировано 21 убийство и обнаружено 8 мертвых тел, в Челябинском уезде — 56 убийств, 5 «дето-

убийств», найдено 14 мертвых. В челябинскую тюрьму поступило по судебным приговорам заключенных на разные сроки 270 человек, подсудимых и подсудимых — 354, ссыльных — 13, пересыльных — 2994, при полиции содержались 2662, в государственных преступлениях обвинялись 83 человека [6, с. 62].

Пересыльных преступников в Челябинске всегда хватало, поскольку через город проходил

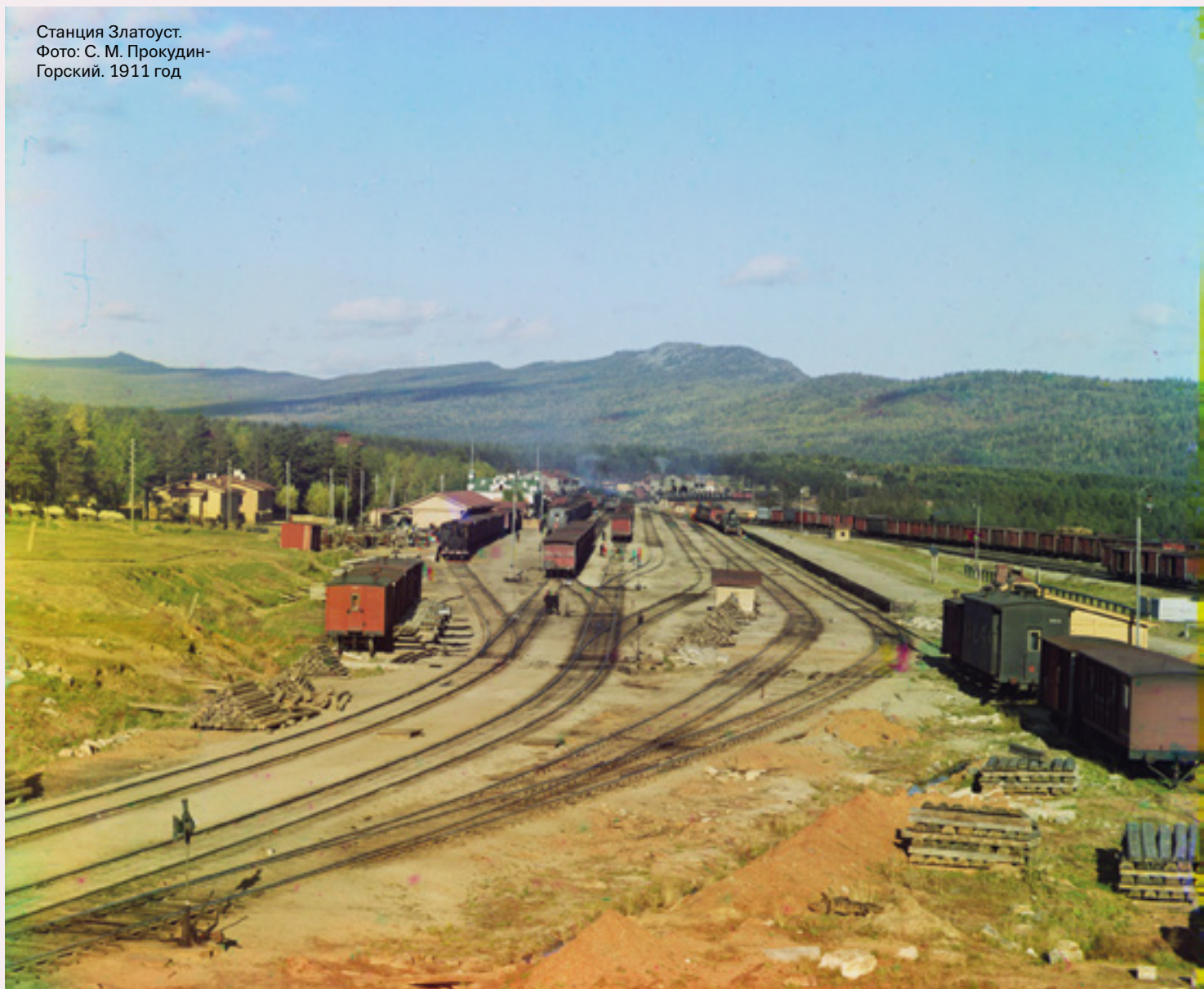
Колоритнее всех об облике Челябинска, пожалуй, высказался композитор, собиратель фольклора сибирской каторги В. Н. Гартевельд: «Мне пришлось побывать почти во всех городах европейской и азиатской России, был я и на Кавказе, но смело ручаюсь, что ни один город не носит такой поразитель-

ной и исключительной физиономии, как Челябинск. <...> Это какой-то “вольный город”, для которого закон не писан. <...> Нравы Челябинска много зависят от того, что он является каким-то распределительным пунктом для ссыльных (больше всего уголовных) и что последних собирается в городе

до 2000 человек. Они получают от казны что-то около 15–20 копеек в сутки и до своего отправления дальше могут жить как хотят. Оживляющий, и я бы сказал “аристократический”, элемент города составляет огромное число евреев (торговцев и комиссионеров по хлебным делам). <...>

В городе стоит батальон войска, есть острог и все прочее. А нравы, между тем, тождественны с далеким западом Америки. Закон каждый носит с собой в кармане в виде “браунинга”, так как с наступлением темноты без такого “аргумента” никто на улицу не выходит» [9, с. 258].

Станция Златоуст.
Фото: С. М. Прокудин-Горский. 1911 год

Сибирский каторжный тракт. В конце XIX — начале XX века их количество возросло, и помещений для содержания стало не хватать. Поэтому в 1908 году была открыта новая пересыльная тюрьма. На первое августа 1911 года в ней находился 751 человек, в Оренбургской тюрьме содержалось 649 заключенных, в Орской — 236, Верхнеуральской — 234, Троицкой — 189, в Илецком исправительном арестантском отделе — 399 [3].

Составители «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге» отмечали также безрадостное состояние гостиничного комплекса Челябинска: «Гостиницы очень плохие (Сибирские номера, Коммерческая гостиница и др.» [21, с. 121]. Еще хуже была обстановка на постоянных дворах [16].

Но благодаря железной дороге количество гостиниц значительно увеличилось. Они получали как менее причудливые названия («Номера на шоссе», «Оренбургские», «Российские», «Купеческие», «Центральные», «Урал», «Приуралье»), так и претенциозные, призванные произвести впечатление на потенциальных клиентов («Коммерческие», «Биржевые», «Китайские», «Варшавские», «Европейские», «Американские», «Трансвааль», «Столичные», «Московские», «Эрмитаж») [13, с. 466–467].

О некоторых гостиницах ходила дурная слава: «Есть от вокзала несколько подозрительных номеров для приезжающих, где, говорят, можно найти не только временный, но и вечный покой» [9, с. 258].

Благоустройство Челябинска осуществлялось замедленными темпами. Первые два телефона начали работать в 1901 году, коммутатор на 50 номеров появился в 1906 году [7, с. 462]. Первая

Станция Златоуст.
Фото: С. Арканов. 1995 год

дизельная электростанция введена в эксплуатацию в 1904 году [12, с. 483]. Первая очередь водопровода сооружена в 1912 году [24, с. 195].

Владельцы некоторых гостиниц старались быть «на уровне» и создавали соответствующие условия, о которых давали рекламу в местных газетах: «Ресторан и номера “Эрмитаж” А. Ф. Новиковой во вновь выстроенном доме Холодова. Вблизи банков и присутственных мест. Ресторан и номера комфортабельно обставлены. При ресторане имеется всевозможный выбор русских и заграничных вин. Кухня под управлением опытного повара. При номерах и ресторане телефон и электричество. Для пользования пассажиров имеются лошади»; «Номера М. И. Дядина. Лучшие в Челябинске. 45 вполне благоустроенных номеров, водяное отопление, электроосвещение, роскошный общий зал, новые биллиарды, ванная, телефон № 150»; «Едущим в Челябинск рекомендуются только “Американские номера”, увеличенные, переведенные в новое помещение д. Соболева против Госбанка. В центре города, вблизи банков, контор, магазинов, правительственных и общественных учреждений. Номера роскошно обставлены, хороший домашний стол, электрическое освещение. Телефон № 219» (цит. по [4, с. 157–158]).

С появлением железнодорожной станции для отъезжающих и приезжающих в город появился транспорт, ходивший по расписанию: «Извозчики по таксе, экипажи нерессорные. От железнодорожного вокзала к городу и обратно ходят крытые линейки, через известный промежуток времени, с платою по 5 копеек за место» [21, с. 121]. По свидетельству местного жителя, «публика очень охотно садилась в эти ковчеги, ибо разница в цене между извозчиками и “дилижансом” была слишком существенна, особенно для бедных людей. Такса для дилижанса 5 копеек в один конец, для извозчика — 35 копеек. Таким образом, разница очевидна, и даже интеллигентная публика охотно садилась в эти дилижансы. И тогда дилижансы работали бойко» [23, с. 314].

Количество извозчиков выросло с приходом железной дороги: если в 1863 году их было в городе всего 30, то в 1901 году стало 322, а в 1908 году — 735 [1, с. 158].

Станция Сатка. Почтовая открытка начала XX века

У посетившего Челябинск композитора В. Н. Гартевельда о гостинице и ее хозяйне сложились интересные впечатления: «Самым любопытным, для меня лично, в Челябинске осталось в памяти гостиница “Метрополь”, где я остановился, и ее хозяин Поляков. Итак, позвольте мне представить вам хозяина гостиницы г-на Полякова, бывшего московского шулера, высланного сюда за мошенничество. Было время — увы, когда я отдал дань зеленому полю. И вот в лице Полякова я узнал того господина, которого как-то “под утро” сильно били в одном из московских игровых притонов, то есть клубов. Я его сейчас же вспомнил. Он пришел ко мне

Прибытие первого поезда на Архиповскую мельницу Челябинск. 1921 год

в комнату и поведал, что его дела здесь, в Челябинске, идут недурно и, что он имеет еще “порядочный заработок со стороны” (что это был за “заработок”, я узнал только в 1909 году, после того, как его арестовали в Новониколаевске. Он оказался в то время не только содержателем гостиницы, но также и организатором шайки грабителей, грабившей и убивавшей прохожих на большой дороге. Следствие также выяснило, что он своих постояльцев в гостинице не раз усыплял каким-то дурманом и затем грабил)» [9, с. 260].

Наблюдательная приезжая дама записала в 1909 году: «О быстром росте и развитии города свидетельствует справка о том, что лет 15 тому назад трехверстное расстояние между станцией

и городом было покрыто сплошь дремучим березовым лесом, и до города нужно было добираться по узкой лесной дорожке, рискуя оставить голову под дубиной беглого каторжника. В настоящее время город соединяется со станцией трясучим шоссе, очень плохим, но все-таки вымощенным. По шоссе пустили общественный омнибус... Что это за омнибус, лучше не говорить... Но он все-таки существует, как и в цивилизованных странах. Омнибус — это не что иное, как деревянный ящик без окон, с двумя дырками вместо дверей. Кучер при нем верх безобидности и хладнокровия. Между кучером и пассажирами дилижанса, происходят постоянные пререкания:

– Да погони же ты лошадей немного... Поезд

уйдет,— раздаются голоса из дилижанса.

– Никак невозможно для лошадей...

Тяжесть-то какая...

– Да какая там тяжесть?

Нас всего двое ведь едет. Разве это тяжело?

– Да что пассажиры...

Пассажиры, известно, тяжесть небольшая, а вот дилижанс-то чего стоит протащить... Без мала тридцать пудов весит» [18, с. 238].

Слова гостя Челябинска совпадают с мнением местного жителя, который тоже был далеко не в восторге от этого вида транспорта. Он писал, что эти дилижансы (омнибусы) появились «в счастливую эпоху железнодорожного движения в Челябинске, в те лихорадочные времена, когда управление находилось в городе и когда жизненный

Служащие
железной дороги

пульс населения бился энергично и бодро, вызванный на это железной дорогой. Нашлись люди, которые ввели в употребление, для переездов от города до станции и обратно, тяжелые крытые экипажи, запряженные парюю коней... <...> Ныне времена изменились. Работают далеко меньше, хотя серая публика по-прежнему предпочитает дилижансы. Господа содержатели дилижансов, очевидно, не получают прежних

барышей, а потому и махнули рукой на порядок в отношении своих экипажей. В большинстве случаев дилижансы грязны, оборваны внутри, неизмеримо тряски. Путешествие ваше в этих закупоренных чертогах сопровождается таким адским грохотом и стуком, что вы едва слышите соседа и кричите, как на пожаре, отвечая на чей-нибудь вопрос. Возницы иногда дерзки и грубы, пресловутый “контроль” билетов тоже» [23, с. 314].

«Станция Челябинск,— писал челябинский журналист А. Г. Туркин,— здесь много того, что мы называем жизнью. Целые дни и ночи грохочут поезда, гудят свистки и несут с собой волну мятущегося и куда-то спешащего люда. Куда они едут? На этот вопрос ответить невозможно, так как через Челябинск можно проехать куда угодно» [23, с. 314–315].

И действительно, из Челябинска по железной дороге стало возможным уехать на все четыре стороны света. До Архангельска было 2347 верст, до Варшавы — 3096, до Батуми — 4343, до Баку — 3569, до Владивостока — 6089 верст [6, с. 68].

Почтовая
карточка нача-
ла XX века

Поезда достаточно часто выбивались из расписания, но пассажиры к этому привыкли: «Когда говорят о самарском поезде, тогда вы непременно заметите на лицах собеседников иронические усмешки:

- Он, конечно, часика на три запоздал...
- Может, сегодня меньше...
- Господа! А был ли когда случай, чтобы самарский поезд не запоздал?

– Ну, это вы скорее белого слона поймаете...

Хохочут. Железнодорожные чины иногда тут же скалят зубы. Попробуйте спросить такого чина о причине запоздания, и он непременно ответит вам стереотипной фразой:

– А кто его знает — отчего...

И ждут. Ждет само начальство, тоскливо расхаживая по платформе. Наконец, где-то далеко, за товарной платформой метнется густая струя дыма, послышится рокочущий шум, грохот, и давно желанный поезд показывается» [23, с. 315].

Публика, путешествующая в вагонах третьего класса, по-прежнему представляла собой «сермяжную Русь». В зале ожидания второго класса палитра пассажиров была значительно разнообразней: «Вот в толпе растерянно пробирается сельский батюшка, в широкой шляпе и потертом подряснике. Он, видимо, окончательно сбит с толку этой человеческой волной, которая бушует вокруг него. Вон высокий и элегантный офицер. За ним пробирается тощая фигура в чиновничьем платье с желтым лицом и сердитым взглядом из-под очков. Там, дальше, откуда-то выглянуло наивное и добродушное хохлацкое лицо, прошел стройный и худощавый горец в папахе и с кинжалом. Два толстых киргиза сидят, как монументы, и смотрят на публику узкими черными глазами. За столом сидит кружок молодежи и горячо трактует о последней чеховской пьесе. Мелькают студенческие фуражки, иногда татарские тюбетейки, форменные картузы, чалма, казачья папаха и пр. и пр.» [23, с. 315].

Железнодорожный мост
через реку Сим.
Фото: С. Арканов. 2003 год

В вагонах первого класса вояжировала избранная публика. Встречались и вагоны со сказочно комфортными условиями. Инженер-путеец Н. Г. Гарин писал: «А теперь прошла здесь железная дорога, и мы мчимся в вагонах. И в каких вагонах: вагон-столовая, вагон-библиотека, ванная, гимнастика, рояль. Почти исчезает впечатление утомительного при других условиях железнодорожного пути» [8].

Через Южный Урал по железной дороге проходили поезда, везущие промышленную и сельскохозяйственную продукцию отечественного и импортного производства. По этой железной дороге проследовали огромные человеческие массы: крестьяне в поисках лучшей доли; воины, принимавшие участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов; красноармейцы, воевавшие у Хасана и Халхин-Гола; участники грандиозных всесоюзных комсомольско-молодежныхстроек; советские солдаты и офицеры, разгромившие японскую армию в 1945 году в Манчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах...

Сегодня Южно-Уральская железная дорога проходит по территориям Челябинской, Курганской, Оренбургской, частично — Самарской, Саратовской, Свердловской областей, Башкортостана и Северо-Казахстанской области Казахстана. Ее протяженность составляет 5,6 % российских железных дорог, а грузооборот — 9 % от перемещаемых железнодорожными путями грузов [15, с. 5–6].

Список литературы

1. Боже В. С. Вези меня извозчик // Врата Рифея. М. : Моск. писатель, 1996. С. 158–160.
2. Боже В. С. Торговля чайная // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 6 / сост. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 534.
3. Боже В. С. Тюрьма пересыльная // Там же. С. 645.
4. Боже В. С. Челябинские «номера» // Врата Рифея. М. : Моск. писатель, 1996. С. 157–158.
5. Боричев Н. В., Скориков А. И. Челябинская таможня // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 6 / сост. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 390.
6. Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности // Дореволюционный Челябинск в слове современников : собр. текстов. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. С. 44–146.
7. Вялов Л. Г. Телефонная связь // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 6 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 462–463.
8. Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия // Дореволюционный Челябинск в слове современников : собр. текстов. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. С. 229.
9. Гартевельд В. Н. Каторга и бродяги Сибири // Там же. С. 258–260.
10. Горбунов Ф. И. Окраины Челябинска: переселенческий пункт // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 1. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 1996. С. 214–217.
11. Дегтярев И. В. Великий Сибирский путь // Врата Рифея. М. : Моск. писатель, 1996. С. 148–150.
12. Дегтярев П. Я. Электроэнергетика // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 7 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2007. С. 483–484.
13. Из истории гостиниц дореволюционного Челябинска (публ. И. С. Янгировой) // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост. В. С. Боже. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 466–478.
14. Лендер Н. Н. По северу и югу (Картинки России) // Дореволюционный Челябинск в слове современников : собр. текстов. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. С. 222–223.
15. Лоскутов С. А. Ворота в Сибирь. Екатеринбург : Изд-во УрГУПС, 2014. 168 с.
16. Мамин-Сибиряк Д. Н. Ночевка // Дореволюционный Челябинск в слове современников : собр. текстов. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. С. 303–309.
17. Мордовцев Д. Л. Из летних скитаний // Там же. С. 224–228.
18. Нечаева А. М. Челябинские впечатления // Там же. С. 234–257.
19. Носилов Д. От Москвы до Челябинска // Там же. С. 230–231.
20. Прозоровский Д. И. Чай по старинным русским сведениям. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1865. 7 с.
21. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здзярского ; М-во путей сообщения. СПб. : Т-во художеств. печати, 1900. 589 с.
22. Смирнов С. С., Смирнова В. Е. Переселенческое движение // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 5 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 128–129.
23. Туркин А. Г. Мимоходом // Дореволюционный Челябинск в слове современников : собр. текстов. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2010. С. 314–324.
24. Турова Е. П. «А у нас водопровод, вот...» // Врата Рифея. М. : Моск. писатель, 1996. С. 190–197.
25. Уинтл Д. История Китая. М. : АСТ : Астрель, 2002. 275 с.
26. Чернавский Н. М. Материалы к истории Челябинска. Челябинск, 1993. 73 с.
27. Шуклина Н. Я. Из истории южноуральской // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост. В. С. Боже. Вып. 2. Челябинск, 1998. 511 с.
28. Шуклина Н. Я. Транссибирская железнодорожная магистраль // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 6 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 550–551.
29. Янгирова И. С. Челябинский тарифный перелом // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 7 / сост. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2007. С. 246.

Н. А. Антипин.
**П. А. СТОЛЫПИН НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**

Летом 1910 года председатель Совета Министров П. А. Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин совершили поездку по России, в ходе которой посетили четыре губернии и области, в том числе Оренбургскую губернию, и проделали путь в 800 верст. Свои наблюдения и размышления, выводы и итоги поездки они изложили в совместном труде «Поездка в Сибирь и Поволжье». Рукопись была закончена к октябрю 1910 года и вскоре опубликована в Санкт-Петербурге (переиздана в 1911 году).

В своих записках П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин отмечали: «Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение. Богатым всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полную хозяйственную и культурную жизнь. <...> Под влиянием этой силы сдвигаются с места и пере-

сматриваются все иные отношения: к новым условиям, создаваемым приходом переселенцев, должны приспособиться и захватное хозяйство старожила, и вековое первобытное хозяйство кочевника и местные рабочие рынки» [15, с. 1].

Суть переселенческого движения заключалась в перемещении населения, преимущественно сельского, на постоянное жительство в малонаселенные окраинные районы России и на свободные территории. Переселенческое движение было одним из видов миграции населения и основным средством внутренней колонизации земель. Определяющими факторами этого процесса являлись: аграрное перенаселение в европейской части России, социальные противоречия в деревне, политика правительства, наличие доступных и удобных путей сообщения и транспортных средств.

П. А. Столыпин в Челябинске

Одним из пунктов поездки П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина стал Челябинск, где располагался крупнейший центр переселенческого движения — переселенческий пункт [9; 14; 16–19].

Премьер-министр прибыл в Челябинск экстренным поездом из Самары 22 августа 1910 года в 8 часов 15 минут утра. Он проехал по железнодорожной ветке переселенческого пункта и вышел на перроне, который встречал всех переселенцев,двигающихся на восток. После представления должностных лиц местной администрации,

начальников служб Сибирской железной дороги делегация направилась на переселенческий пункт. Петербургское телеграфное агентство сообщало: «В течение двух часов осматривали учреждения переселенческого управления, рассчитанные на прием и отправку в день 10 000 переселенцев. Были осмотрены ночлежные бараки, амбулатория больницы, лавки для продажи переселенцам предметов первой необходимости и оружия, столовая, где статс-секретарь Столыпин пробовал приготовленную ожидавшемуся переселенческому поезду пищу, баня, прачечная и другие сооружения пункта, представляющего целый переселенческий

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель, реформатор. Происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI века.

В 1884 году окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета.

С 1899 года уездный, затем губернский предводитель ковенского дворянства.

С 1902 года губернатор Гродненской, в 1903–1906 годах – Саратовской губернии.

26 апреля 1906 года назначен министром внутренних дел.

С 8 июня того же года одновременно председатель Совета Министров. Осуществил аграрную реформу, законодательно закрепившую право выхода крестьян из общины и имевшую целью сформировать слой зажиточного крестьянства.

1 сентября 1911 года был смертельно ранен в Киеве. Похоронен в Киево-Печерской лавре. 22 ноября 2017 года в Челябинске на площади перед залом камерной и органной музыки «Родина» был открыт памятник П. А. Столыпину (скульптор А. Плохоцкий).

Памятник П. А. Столыпину в Челябинске. Скульптор А. Плохоцкий. Фото: С. Арканов

городок площадью в десять десятин и оказавшегося в образцовой чистоте и порядке. Столыпин и Кривошеин расспрашивали находившихся в бараках и больнице переселенцев» [9].

Премьер-министр остался очень доволен тем, как обстоят дела в Челябинском переселенческом пункте, «так как вся переселенческая организация в Челябинске оказалась в надлежащем порядке, а помещения для переселенцев — в образцовой чистоте» [14]. Там же он узнал, что в городе и округе свирепствует эпидемия холеры, и выразил желание посетить местную больницу. Прежде чем отправиться в больницу, делегация присутствовала на богослужении в Христорождественском соборе. Таким образом, у П. А. Столыпина была возможность ознакомиться с Челябинском.

В больнице премьер-министр в сопровождении городского головы А. Ф. Бейвеля осмотрел холерное отделение. Глава правительства побеседовал с больными и затем дал местной администрации указания для дальнейшей борьбы с эпидемией. Он «нашел местную больницу весьма неудовлетворительной, например, был поражен, что для холерных больных имеются всего две ванны, и рекомендовал возможно расширить холерное отделение и должным образом обставить его» [9].

«Оренбургская газета» так описывала визит П. А. Столыпина в городскую больницу: «Министр обратил внимание на тесноту и нечистоту помещений, отсутствие достаточного числа медицинского персонала и вообще на неупорядоченность медицинского дела. В общем, медицинское дело в Челябинске министр признал неудовлетворительным. Все эти дефекты, по мнению министра, происходят благодаря отсутствию надзора со стороны губернского врачебного начальства. Придавая громадное значение медицинскому делу в Челябинске, где происходит постоянное скопление переселенцев, едущих в Сибирь и Среднюю Азию, министр предложил городскому голове созвать чрезвычайное думское собрание для немедленного принятия мер против распространения холерной эпидемии и заявил, что в данном случае об экономии в средствах на холерные мероприятия не может быть и речи» [14].

После отъезда П. А. Столыпина в Петропавловск больницу посетил вице-губернатор М. М. Эверсман, после чего начались работы по расширению холерного отделения и наведению порядка. Корреспондент челябинской газеты «Голос Приуралья» сетовал по этому поводу: «Приходится весьма пожалеть, что наше с позволения сказать общественное самоуправление, во главе которого стоит, стыдно сказать, доктор медицины, способно проявлять некоторую деятельность лишь после административных указаний» [16].

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921), государственный деятель, гофмейстер, действительный тайный советник. Родился в семье военного (подполковника), выходца из крепостных крестьян. Учился на физико-математическом факультете, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата права.

С 1887 года работал в земском отделе МВД. С 1896 года помощник начальника, с 1902 года

начальник Переселенческого управления МВД.

С июня 1905 года товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 6 мая 1906 года член Государственного совета.

С 6 октября 1906 года товарищ министра финансов, управляющий Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками.

В 1908–1915 годах главноуправляющий земледелием и землеустройством. Эмигрировал.

Скончался в Берлине.

Создание инфраструктуры Челябинского переселенческого пункта

Каким же увидел председатель Совета министров П. А. Столыпин Челябинский переселенческий пункт? Это нетрудно представить благодаря изданной в том же 1910 году. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия книге «Челябинский переселенческий пункт». В ней были представлены результаты работы переселенческого пункта в Челябинске и зафиксировано его современное состояние [20].

История Челябинского переселенческого пункта начинается с железной дороги. До ее строительства переселенческий поток двигался за Урал водным путем — по Волге и Каме — до Перми. Из Перми по Уральской железной дороге, построенной в 1885 г., он проходил до Тюмени, а затем по сибирским реками Туре, Иртышу и Оби или на подводах переселенцы добирались до мест своего водворения. Строительство Самаро-Златоустовской железной дороги и Транссибирской магистрали изменило логистику, ускорило продвижение переселенцев и сделало его намного удобнее.

После строительства железной дороги Челябинск получил неофициальное название «ворот в Сибирь». Журналист В. А. Весновский так описывал это время: «Но вот, в 1891 году начинается сооружение великого Сибирского пути, причем Челябинск был избран исходной точкой всей линии. В город сразу нахлынуло великое множество всякого рода люда. Старому Челябинску с его патриархальными степными порядками настал конец. Началась новая полоса в его истории, полоса кипучей деятельности, лихорадочной жизни. Старые уклады рушились и на их место вставал новый двигатель всей современной жизни — торговый и промышленный капитал» [3, с. 12].

Переселенцы сами определили значение Челябинска как будущего центра. В 1892–1893 годах значительные группы крестьян расположились близ станции в ожидании продолжения своего пути. Это вынудило обратить внимание на проблему организации движения переселенцев по железной дороге, а также их медицинского обслуживания и снабжения продовольствием. И после этого началось обустройство в Челябинске переселенческого пункта.

Центральный вход на Челябинский переселенческий пункт. Фотография 1900-х годов

Вид с колокольни Рождество-Богородицкой церкви на Челябинский переселенческий пункт. Фотография 1900-х годов

Число переселенцев, прошедших через Тюмень, достигло в 1892 году 80 483 душ обоего пола; с этого года оно постепенно падает, так как с постройкой Самаро-Златоустовской, а затем и начального участка Сибирской железной дороги часть переселенцев направлялась через Челябинск; значительные партии, сходя с железной дороги, располагались таборами около названной станции, ожидая дальнейшей отправки.

Ввиду этого в Челябинске выстроен был в 1893 году местной администрацией, против здания станции временный дощатый барак с земляным полом, площадью в 75 квадратных сажений.

Начиная с 1895 года путь через Челябинск оказался настолько выгоднее старого, что все значение Тюмени в переселенческом движении постепенно переходит к Челябинску.

Для содействия переселенцам командирован был в 1894 году Земским отделом на Сибирскую железную дорогу один из чиновников особых поручений. Несмотря на то, что вновь строящаяся дорога не была еще приспособлена к эксплуатации, администрация дороги стала отправлять переселенцев наряду с балластными поездами при всякой возможности. Тем не менее, благодаря неравномерности движения переселенцы задерживались в Челябинске иногда по несколько суток, и потребовалась организация медицинской и продовольственной им помощи.

В 1894 году построен был, с разрешения города, недалеко от вокзала второй дощатый барак, небольшая баня и приемный покой с двумя больничными палатами.

Кроме того, приобретено было и установлено на Челябинском пункте значительное число кир-

Челябинский переселенческий пункт. Здание для регистрации переселенцев

и статистический отдел. Фотография 1900-х годов

гизских юрт,— для размещения переселенцев, для изолирования заразных больных и для помещения служебного персонала. По мере надобности юрты эти отправлялись для обслуживания переселенцев и на другие станции Сибирской железной дороги — Курган, Петухово, Петропавловск

и Омск (главные пункты высадки переселенцев).

В 1895 году выстроен был в Челябинске первый бревенчатый барак площадью в 62 квадратных сажений и помещение для регистрации переселенцев, введенной в Челябинске с 1894 года.

Во время усиленного весеннего движения,

при значительном скоплении ожидающих дальнейшей отправки переселенцев, число последних достигало 17 тысяч душ; поэтому указанных помещений оказалось далеко не достаточно и большинство переселенцев, несмотря на холодные весенние дни, принуждены были располагаться под открытым небом в ими самими сооруженных березовых шалашах.

Общая цифра движения достигала в 1896 году 190 310 душ обоюбого пола. Значительная часть этих переселенцев проходила через Челябинск в мае месяце. Прибывая по Самаро-Златоустовской дороге в большом числе (2–3 поезда в день), переселенцы принуждены были ожидать в Челябинске дальнейшей отправки по несколько дней, так как Сибирская дорога, занятая перевозкой материалов и балласта для постройки, могла предоставить для переселенцев только 3–4 поезда в неделю. При таких

обстоятельствах пришлось экстренно расширить существующие помещения; в две недели построены были 4 дощатых барака с двухэтажными нарами, вмазано было в землю под открытым небом несколько котлов для приготовления пищи и организовано снабжение переселенцев хлебом. Частная благотворительность широко пришла на помощь переселенческой администрации, организуя бесплатное снабжение переселенцев горячей пищей и давая у себя в домах в холодное время приют детям и женщинам.

Тем не менее, всех этих мер оказалось недостаточно. Во избежание на будущее время подобных явлений приступлено было к капитальному оборудованию Челябинского пункта. Из Тюмени, утратившей для переселенческого движения свое прежнее значение, перевезена была в Челябинск часть зданий, в том числе и барак, построенный

на пожертвования Наследником Цесаревичем, ныне благополучно царствующим Государем Императором, при проезде Его через Тюмень, средства. В этом же году состоялось соглашение с городом Челябинском о предоставлении на шесть лет в безвозмездное пользование переселенческой организации пяти десятин земли под устройство пункта.

В первые годы существования Челябинского пункта посадка переселенцев в поезда производилась на путях без платформы, вдали от центрального вокзала, где скопление переселенцев препятствовало общепассажирскому движению; так как переход через пути людей с багажом и детьми грозил опасностью для жизни переселенцев, то в 1898 году построена была недалеко от главной линии специальная переселенческая платформа с навесом. Но скопление переселенцев и их клади около главной линии и товарного

двора и отдаленность пункта по-прежнему препятствовали делу приемки и отправки переселенческих поездов. Все переселенческое дело выделено было поэтому с главного вокзала и перенесено к переселенческому пункту, для чего построена особая ветка в три пути с двумя платформами и необходимыми служебными зданиями.

В 1904–1905 годах построен около этой ветки и воинский остановочный пункт; а в 1907 году, ввиду сразу возросшего после войны переселенческого движения, уложен четвертый путь и значительно увеличены обе платформы.

В настоящее время Челябинский пункт, помимо земли, находящейся под веткой и железнодорожными постройками, занимает 8 1/2 десятин земли, ныне отчуждаемый по Высочайшему повелению у города [20, с. 1–3].

Переселенцы в Челябинском переселенческом пункте. Фотография 1900-х годов

Расширение переселенческого пункта продолжилось и в последующие годы, так как в пиковые периоды движения имеющейся базы было недостаточно. Поэтому в 1910-е годы планировалось увеличение числа барачков для переселенцев, расширение больницы и квартир для служащих, занимавших теперь в среднем по 2–3 квадратных сажени на семью. В смету 1910 года была внесена постройка одного барака на 500 человек и двух больничных отделений — скарлатинозного и сыпнотифозного.

По данным на 1912 год, на ремонтные и строительные работы было израсходовано более 88 тысяч рублей: строился водопровод, проводилось электрическое освещение, завершилось возведе-

ние кирпичного здания детского приюта, который обошелся казне в десять тысяч рублей, выстроена кирпичная баня с пароформалиновым отделением для дезинфекции одежды и багажа переселенцев. Строительные работы продолжались и в годы Первой мировой войны, хотя и в меньшем объеме. В 1915 году построены новый каменный больничный корпус, ледники, произведен капитальный ремонт здания регистратуры [6; 7].

К революционным событиям 1917 года Челябинский переселенческий пункт представлял из себя комплекс из более сотни различных сооружений. Он занимал около десяти десятин земли. Территория пункта делилась на три части.

План территории Челябинского переселенческого пункта. 1910 год

Первая часть — переселенческий остановочный двор, куда подходили железнодорожные пути и располагались платформы.

Вторая часть — общий двор. Здесь находились две канцелярии (заведующего передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири и заведующего Западно-Сибирским подрайоном), здание регистратуры, столовые, в которых одновременно возможно было накормить более трех тысяч человек, а также кухни, переселенческие бараки, баня, прачечная, водокачка, ледники, квартиры обслуживающего персонала, помещения для скота, детский приют и двухклассная школа.

Третью часть занимал больничный двор, где располагались амбулатория, аптека, больничный комплекс и квартиры медицинского персонала. «Больничный двор, отделенный от прочих зданий особой оградой и обсаженный деревьями, представляет из себя 11 больничных построек с 15 отделениями, здание приемного покоя и аптеки и помещение для медицинского персонала. Вся больница, устроенная по типу петербургской Боткинской различной больницы, со специальными бараками для каждого рода инфекций, оборудована на 120 кроватей; в весеннее же время, в период усиленного движения переселенцев, она принимает и гораздо

большее число больных», — отмечалось в описании переселенческого пункта 1910 года [20, с. 4].

До появления на Челябинском переселенческом пункте собственной церкви религиозные нужды переселенцев удовлетворяла Рождество-Богородицкая церковь, располагавшаяся с восточной стороны пункта, у его центрального входа, по Торговому проспекту к вокзалу.

В 1911 году под церковь был определен стандартный бревенчатый барак № 16–17. Он располагался в самом центре переселенческого пункта, по дороге от платформы железнодорожной ветки к центральному входу и зданию канцелярии. Около церкви устроили деревянную колокольню. Церковь освятили во имя святителя Николая Чудотворца 8 апреля 1911 года, а 10 апреля в ней прошло первое пасхальное богослужение. Причт состоял из одного священника и одного псаломщика, которые за свою службу получали жалование от переселенческого ведомства в размере 1000 и 500 рублей в год соответственно [8]. Требы совершались безвозмездно. Священник ежедневно посещал бараки переселенцев, беседовал с ними, раздавал книжки и брошюры религиозного содержания, дважды в неделю посещал переселенческую больницу. В церкви ежедневно с 9 до 10 часов вечера устраивались чтения

Центральный вход на Челябинский переселенческий пункт. Двухэтажное здание справа от ворот — канцелярия. Открытка 1915 года

Переселенческий барак, построенный в 1908 году. Челябинский переселенческий пункт. Фотография конца 1900-х годов

религиозно-нравственного и исторического содержания с демонстрацией «световых картин». Перед отправлением в Сибирь каждого переселенческого поезда отъезжающих напутствовал молебен [1, с. 241–246].

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов рядом с переселенческим пунктом, на другой стороне железной дороги, возник войсковой остановочный пункт. В годы войны переселенческий пункт обслуживал также и воинское движение. В бараках размещались мобилизованные на театр военных действий войска, больницу разбили на две части: в одной из них работал лазарет Российского общества Красного Креста на 80 кроватей, а в другой функционировала больница на 30 кроватей, принимавшая главным образом нижних чинов из следовавших на Дальний Восток эшелонов. Кроме того, предоставлены были для нужд проходящих войск баня и больничная прачечная, стиравшая

белье из воинских санитарных поездов. На самом войсковом остановочном пункте были построены три кирпичных двухэтажных казармы и штаб [2].

В 1906–1910 годах здания военного городка использовались переселенческим пунктом в весенний период увеличения численности переселенцев. Затем казармы были заняты 196-м Инсарским пехотным полком, а в годы Первой мировой войны в них располагался 147-й сводный эвакуационный госпиталь, в котором оказывали медицинскую помощь раненым военнослужащим русской армии.

Челябинск как центр управления миграционным потоком

На рубеже XIX–XX веков по линиям речных и железнодорожных путей сообщения была создана целая сеть переселенческих пунктов. В их задачи входили организация, координация и сопровождение переселенческого движения. На Южном Урале переселенческие пункты действовали на железнодорожных линиях в Златоусте, Полетаево, Троицке и Челябинске. Крупнейшим из них стал челябинский пункт. Его организатором и первым руководителем был чиновник особых поручений Министерства внутренних дел по организации крестьянского переселения в Тобольскую губернию П. П. Архипов, заведовавший до 1894 года Тюменским переселенческим пунктом. Первоначально его деятельность на Южном Урале ограничивалась только Челябинском. Постепенно круг обязанностей был расширен до надзора за передвижением переселенцев по Самаро-Златоустовской железной дороге, а затем и по всем остальным железнодорожным линиям европейской части России [11].

В 1906 году, с объединением всех отраслей переселенческого дела в руках Переселенческого управления, образовались два района передвижения переселенцев — Западный и Восточный. В состав Западного района входили пути следования переселенцев в пределах Европейской России. Челябинский пункт стал местом пребывания заведующего Западным районом передвижения

Архипов Петр Петрович (1858–дата смерти неизвестна), организатор переселенческого движения.

Один из первых чиновников, направленных в Челябинск для организации передвижения и расселения переселенцев. Окончил Константиновский межевой институт.

До 1884 года управляющий кабинетными землями на Алтае. В 1884–1894 годах чиновник особых поручений МВД по организации крестьянского переселения в Тобольскую губернию. Одновременно заведовал

Тюменским переселенческим пунктом. В 1894–1902 годах, с началом движения по Сибирской железной дороге и изменением переселенческих маршрутов, был заведующим Челябинским переселенческим пунктом – фактический организатор и руководитель транспортировки переселенцев по европейской части России и Западной Сибири. В дальнейшем управляющий переселенческим делом на Дальнем Востоке, уполномоченный Главного управления земледелия и землеустройства на Кавказе.

и находился в непосредственном подчинении последнего. С 1903 года заведующим Челябинским переселенческим пунктом был В. П. Пилкин. Он же с 1911 года возглавлял и Западный район передвижения, сосредоточив в своих руках управление переселенческим движением по Европейской России и Западной Сибири [10; 12, с. 48–49]. В 1912 году Челябинский пункт вошел в состав Западно-Сибирского подрайона Западного района передвижения переселенцев.

Обширная территория деятельности переселенческого пункта и возрастающий поток переселенцев требовали большого штата: «Всего работает на пункте, кроме четырех чиновников и двух врачей, один провизор, 12 лиц фельдшерского персонала, 3 лица заведующего пунктовым и больничным хозяйством, двое заведующих инвентарем, 19 сиделок, 25 стражников и 48 человек сторожей и прочей прислуги. Кроме того, имеется бухгалтер, два счетовода, статистик, 40 регистраторов и писцов, 4 агента по розыску клади и осмотру переселенческих поездов, техник и чертежник. В указанное число писцов входят и служащие по бухгалтерии и канцелярии заведующего передвижением переселенцев по европейской России, в руках коего сосредоточена счетная и распорядительная часть по всем состоящим в его ведении переселенческим санитарно-продовольственным пунктам, расположенным по линиям железных дорог европейской России и западного участка Сибирской дороги» (по данным на 1909 год) [10, с. 7]. Медицинский пер-

Пилкин Владимир Петрович (даты жизни неизвестны), организатор переселенческого движения, действительный тайный советник. Чиновник особых поручений Переселенческого управления. В 1905–1911 годах возглавлял переселенческое дело в Челябинске и передвижение переселенцев по Европейской России.

В 1911–1917 годах руководил передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири.

сонал пункта на 1912 год состоял из 14 человек. В пиковые периоды движения служащие пункта работали круглосуточно в три смены, в остальное время — в две.

В канцелярию заведующего передвижением переселенцев Западного района стекалась вся оперативная статистическая информация, полученная на Челябинском, Сызранском, Иркутском и других пунктах. Составленные статистические данные активно использовались Переселенческим управ-

лением и Министерством путей сообщения для планирования объемов перевозок, регулирования переселенческих потоков, подготовки участков, оборудования пунктов.

Челябинский переселенческий пункт, расположенный при начальной станции Сибирской железной дороги, обслуживал около 94 % всего переселенческого движения. Ежегодные объемы переселенческого движения выглядят следующим образом [20, с. 5]:

Год	Количество переселенцев, чел.		
	в Сибирь	обратно	всего
1894	7 896	2 369	10 265
1895	90 691	10 334	101 025
1896	190 310	29 915	220 225
1897	86 676	35 990	122 666
1898	202 720	56 053	258 773
1899	223 209	65 605	288 814
1900	219 265	89 666	308 931
1901	120 125	54 796	174 921
1902	110 930	47 870	158 800
1903	114 826	37 899	152 725
1904	36 487	11 760	48 247
1905	33 062	8 595	41 657
1906	200 794	40 535	241 329
1907	561 307	111 340	672 647
1908	716 599	110 318	826 917
1909	637 650	130 268	767 918
Итого	3 552 547	843 313	4 395 860

Объемы переселенческого движения через Челябинский переселенческий пункт

Никольский поселок, Торговый переулок. Дорога от железнодорожного вокзала к Челябинскому переселенческому пункту. Открытка 1915 года

Барельеф с изображением переселенцев на памятнике П. А. Столыпину в Челябинске.

Скульптор А. Плохоцкий.
Фото: С. Арканов

Распределяясь довольно неравномерно по месяцам года, наибольшее количество переселенцев проходило на май, достигая в отдельные дни 11–12 тысяч человек. Прибывая круглосуточно, большинство переселенцев задерживалось на станции Челябинск не более пяти-шести часов, что требовало напряженной работы пунктового персонала как днем, так и ночью. Подобное неравномерное распределение переселенческого потока объясняется тем, что крестьяне, покидавшие ранней весной родные места в Европейской России, рассчитывали как можно скорее оказаться в Сибири, чтобы успеть обустроиться на новых землях до зимы.

Как видно из приведенной таблицы, с конца 1890-х годов наблюдался рост переселенческого движения, прерванный голодом начала 1900-х годов, а затем и Русско-японской войной 1904–1905 годов. Однако уже в 1906 году были почти достигнуты показатели 1900 года, а в 1907 году поток увеличился более чем в два раза. При этом на Южном Урале оседала незначительная часть переселенцев. С 1904 по 1914 год в Оренбургскую губернию прибыли 65 574 человека, треть из них вернулись обратно или пожелали продолжить путь в Сибирь [13].

П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин в своей записке, составленной по результатам инспекционной поездки по переселенческим районам страны, особое внимание уделили обратному движению. Как видно из таблицы, за пятнадцать лет обратно че-

рез Челябинский переселенческий пункт проехало почти 850 тысяч человек. Сложно сказать, сколько из них ходоков, возвращавшихся на родину за своими семьями, но в этом количестве значительную долю составляли и те, кто разочаровался в идее переселения и не собирался возвращаться в Сибирь.

Одной из задач Переселенческого управления, по мысли премьер-министра, было достижение максимальной эффективности его деятельности. Главным же критерием эффективности работы переселенческого ведомства должно было стать сокращение обратного потока переселенцев. П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин с удовлетворением отмечали, что в 1910 году процент «самовольных» переселенцев сократился с половины до одной трети, а две трети составили «организованные» переселенцы, следовавшие на заранее определенные им земли [15, с. 12–13]. Тем не менее чиновники пришли к выводу: «Система организованного переселения на заранее назначенные доли, имевшие сначала столько горячих сторонников и на местах, и в Государственной думе, и в печати, принесла многие разочарования, оказавшись едва ли не хуже старой народной системы — «брести врознь». Самая идея хождения — поисков подходящей земли — оказалась искаженной: ходок был связан заранее назначенной ему землей. При этом отдалялось получение земли теми, кто охотно ее взял бы и кому она действительно нужна, в ущерб и им, и общему народному хозяйству» [15, с. 15–16].

Один из выводов после поездки П. А. Столыпина заключался в необходимости восстановления

свободного переселения и уменьшения степени регламентации переселенческого движения. В новых условиях в обязанности уполномоченных органов входили лишь два направления работы: 1) осведомление населения о запасах участков и условиях водворения в различных районах Сибири и 2) направление переселенческого движения тарифной политикой в труднозаселяемые или приграничные местности [15, с. 18].

После поездки П. А. Столыпина в Сибирь и восстановления в 1911 году свободы хождения Переселенческое управление приняло решение об организации на Челябинском переселенческом пункте справочного бюро. Так, еженедельно в Челябинске собиралась информация от заведующих районами передвижения о количестве имеющихся в каждом уезде свободных долей земли, справочные данные с картами тех местностей, где находились открытые для заселения участки, описания районов водворения для раздачи и продажи всем желающим.

Сотрудники справочного бюро проводили собеседования с целью ознакомления ходяков и переселенцев с установленным в 1911 году порядком хождения, информирования об условиях ведения сельского хозяйства в разных районах водворения, об их климатических и почвенных особенностях, составе населения, ценах на главные предметы потребления [5]. Работы по созданию сети справочных бюро, а также колонизационных музеев при них были свернуты с началом Первой мировой войны.

Информационное сопровождение переселенческого движения было лишь одним из направлений работы переселенческого пункта. Действовала целая система государственной помощи крестьянам, решившим переехать в Сибирь. Она включала в себя материальную, врачебно-санитарную информационно-справочную поддержку переселенцев в период их переезда и хозяйственного обустройства. В пути следования переселенцам оказывали помощь в перевозке по льготным тарифам в особых поездах, оборудованных санитарными вагонами; выдавали денежные путевые ссуды и пособия; обеспечивали дешевое или бесплатное питание для отдельных категорий переселенцев; осуществляли врачебно-санитарное и информационно-справочное

обслуживание; в период обустройства — давали дополнительные ссуды на обустройство хозяйством, применяли льготное налогообложение. Для легальных переселенцев предусматривались скидки в оплате проезда: в специальных переселенческих поездах проезд был в три-четыре раза дешевле, чем в вагонах третьего или четвертого класса пассажирских поездов. Удешевленные тарифы распространялись также на переселенческую кладь и скот. Бесплатное питание в пути получали лишь отдельные категории переселенцев, в основном больные и дети; амбулаторное и больничное обслуживание осуществлялось бесплатно медицинским персоналом соответствующих железных дорог [13].

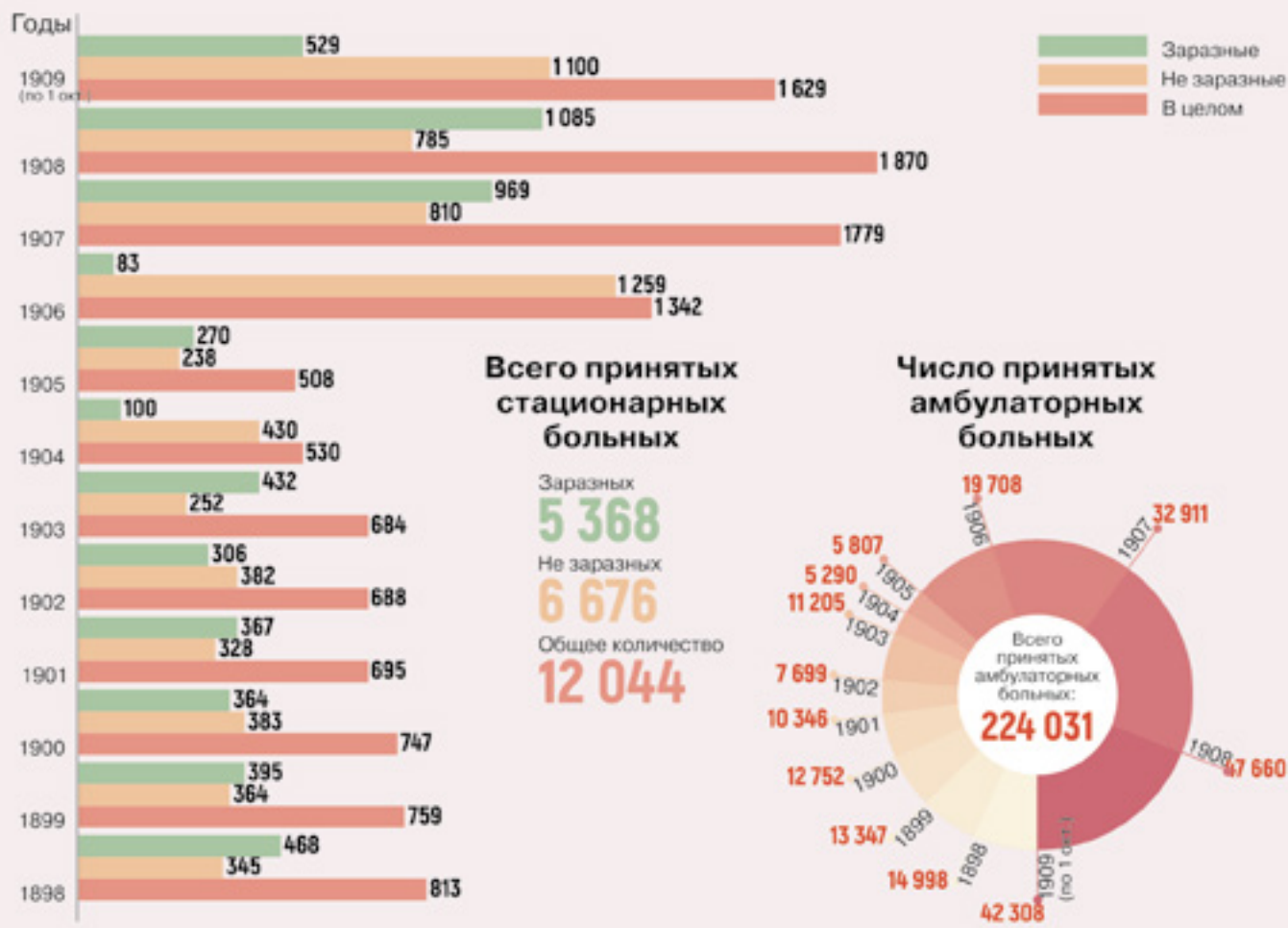
На практике это выглядело следующим образом (пример Челябинского переселенческого пункта):

«После подачи поезда на переселенческую ветку все переселенцы подвергаются медицинскому осмотру; обнаруженные больные отводятся в приемный покой, где легкоболезным подается амбулаторная помощь, а тяжелоболезные, преимущественно заразные, помещаются в больницу, часто даже против их желания. Деятельность Челябинского пункта особенно важна именно в этой своей части, так как в пределах европейской России челябинская больница была до настоящего года единственной на всем пути следования переселенцев; всего принято за последние 12 лет 12 044 стационарных и 224 031 амбулаторных больных.

После медицинского осмотра переселенцы, по одному от каждой семьи, отправляются в регистрацию, где подвергаются

подробному опросу по специально выработанным карточкам. В то же время производится пересадка переселенцев в чистые вновь поданные вагоны или же, в период усиленного движения, делается только частичная пересортировка переселенцев и отчасти всего состава поезда. В дневное время, от 6 часов утра и до 10 часов вечера, в распоряжении переселенцев имеются бесплатная баня, прачечная для стирки белья и кухня-столовая, где детям до 5 лет выдается бесплатно по 1/2 бутылки кипяченого молока и по 1/2 фунта белого хлеба, детям до 10 лет — порция горячей пищи, а взрослым продаются по уменьшенной цене скоромные щи с мясом по 4 копейки, а постный суп по 2 копейки. За последние 4 года отпущено 724 653 порции» [20, с. 5–6].

Число стационарных больных

Санитарно-медицинская помощь переселенцам была важной составляющей работы Переселенческого управления и его структурных подразделений. При передвижении большого количества людей необходимо было особенно внимательно относиться к поддержанию благоприятной санитарной обстановки, дабы избежать возникновения эпидемий, которые могли молниеносно распространиться по значительной части территории страны. Таким образом, Челябинский переселенческий пункт играл роль своеобразного фильтра, препятствуя распространению эпидемий [4].

Обязательным условием продвижения переселенцев в Сибирь была пересадка и сортировка людей по станциям назначения. Пока путешествующие посещали амбулаторию, заполняли анкеты, получали интересующую их информацию и питались, в вагонах организовывалась уборка и очистка. Таким образом, переселенческое движение и Челябинск, как центр организации миграционных потоков, были, по словам П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина, важным элементом «укрепления и оживления экономической жизни сельской России».

Список литературы

1. Антипин Н. А., Купцов И. В. Православные храмы Челябинска: история и современность. Челябинск : АвтоГраф, 2015. 452 с.
2. Антипин Н. А., Семенов В. Г. Русско-японская война (1904–1905) // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. Т. 5. С. 667–669.
3. Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности : карман. справ. Челябинск : Тип. Л. Б. Бреслиной, 1909. 138 с.
4. Дружинина Э. Б. Переселенческая больница // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 5 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 127.
5. ОГАЧО. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 590. Л. 109.
6. Там же. Д. 1052. Л. 1–2.
7. Там же. Д. 1070. Л. 9.
8. Там же. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 367. Л. 84–85 об., 91.
9. Поезд П. А. Столыпина // Голос Приуралья. 1910. 24 авг.
10. Смирнов С. С., Смирнова В. Е. Пилкин Владимир Петрович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 5 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 181.
11. Смирнова В. Е. Архипов Петр Петрович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 1 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2003. С. 190.
12. Смирнова В. Е. Челябинский переселенческий пункт (конец XIX века — 1920-е годы) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. История. 2000. № 1. С. 47–53.
13. Смирнова В. Е., Смирнов С. С. Переселенческое движение // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 5 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 128–129.
14. Столыпин в Челябинске // Голос Приуралья. 1910. 1 сент.
15. Столыпин П. А., Кривошеин А. В. Поездка в Сибирь и Поволжье. Пб., 1911. 170 с.
16. Хроника: В больнице // Голос Приуралья. 1910. 25 авг.
17. Хроника: Приезд П. А. Столыпина // Там же. 6 сент.
18. Хроника: Приезд Столыпина // Там же. 22 авг.
19. Хроника: Слухи о переменах // Там же. 10 сент.
20. Челябинский переселенческий пункт. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910. 8 с.

ГЕРМАНИЯ ОБЪЯВИЛА РОССИИ ВОЙНУ

ГЕРМАНИЯ ОБЪЯВИЛА РОССИИ ВОЙНУ

19 июля Германский посол передал мюнхенским дель от имени своего правительства объявление войны России

Вот содержание сообщения

ВЪ ВЪМНЪ НЕ УВЪНЧАЛОСЬ УСКОМЪ СМОТРИ НА ОСУЖДЕНІЕ СЕРБІИ ПЕСТУПНАГО ЗЛОДѢЯНІЯ И НА ВЫСКАЗАННУЮ ГОТОВНОСТЬ ДАТЬ ОБЛЕТВОРЕНІЕ АСЕРІИ ВЪ МЪРЪ ТОРЯ ПРІВЪЗША ОНІДАНІА НЕ ТЪМЪ РОССИИ, НО И ДРУГІХЪ ДЕРЪ, АВСТРО-ВЕНГЕРСКОІ ПОСЛАНЦЪ ВЪ ВЪЛГРАДѢ ПРІЗНАЛЪ СЕРБІИ ОТВѢТЬ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЪ И ВЫХАЛЪ ИЗЪ ВЪЛГРАДА ЕЩЕ НЕ СОЗНАВІА ЧРЕЗМЪРНОСТЬ СЪДЪЛЕННЫХЪ ТРЕБОВАНІИ РОСЪ ЗАВЪЛА О НЕВОЗМОЖНОСТИ ПОСЪ РАВНОДУШНОІ НЕ ОТКАЗЫВА- СЪ ВЪ ТО ВРЕМЯ ПРИЛОЖИТЬ ВСѢ СІЛЫ КЪ ИЗЫСКАНІЮ МАРШЛОГО ВЪДА, ПРИЕМЛЕМАГО ДЛІА АВСТРО-ВЕНІИ И НЕЗАТРАГИВАЮЩАГО ЕЯ САМОБІА, КАКЪ ВЪЛИКОІ ДЕРЖАВЪ, ПРИ МЪ РОССИИ ВЪРДО УСТАНОВИЛА МІРНОЕ РАЗРЪШЕНІЕ ВОПРОСА ДОПУСКАЕТЪ ВОСПОЗНО ОНО НЕ ВЫБАЕТЪ УМАЛЕНІА ДОСТОИНСТВА СІА, КАКЪ НЕЗАВИСИМАГО ГОСУСТВА.

ТАКОЕ РЪШЕНІЕ ПРЕСТАВЛЯЛОСЪ НЕОБХОДИМЫМЪ ВЪ ВЪДУ ТОГО, ЧТО СЪ ДНІА ВРУЧЕНІА АВСТРО-ВЕНГЕРІИ НОТЫ СЕРБІИМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ПЕРВЫХЪ ЧАСОВЪ РОССИИ ПРОШЛО ПЛЪТЪ ДНЕІ, А МЕЖДУ ТЪМЪ СЪ СТОРОНЫ ВЪНОСАГО КАБІНЕТА НЕ БЫЛО СЪДЛАНО НИКАКИХЪ ШАГОВЪ НАВСТРЪЧУ НА ШІМЪ ПОСЫЛАНІА И НАОБОРОТЪ БЫЛА ОБЪЯВЛЕНА МОБИЛИЗАЦІА ПОЛОВАИИ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОІ АРМІИ.

О ПРИЗНАВАЕМЫХЪ РОССИЕЙ МЪРАХЪ БЫЛО ДРЕДЕНО ДЪ СЪДЪНІА ГЕРМАНИИ СЪ ОБЪЯВЛЕНІЕМЪ, ЧТО ОНЪ ПОДЛЯТСЯ ВОСЛЪДСТВІЕМЪ АВСТРО-СІЯХЪ ООБРУЖЕНІА И ОТНЮДЪ НЕ НАПРАВЛЕНІА ПРОТИВЪ ГЕРМАНИИ. ВЪМЪ СЪ ТЪМЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗАВЪЛО О ГОТОВНОСТИ РОСІИ ПУТЕМЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІА СЪ КАБІНЕТАМИ ИЛИ НЕ СОГЛАСНО ПРЕДЛОЖЕНІЮ ВЪЛИКОБРИТАНИИ ПУТЕМЪ КОНФЕРЕНЦІИ ЧЕТЫРЕХЪ НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫХЪ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВЪЛИКИХЪ ДЕРЖАВЪ—АНГЛІИ, ФРАНЦІИ, ГЕРМАНИИ И ИТАЛІИ—ПРОДОЛЖАТЬ ПЕРЕГОВОРЫ О МІРНОМЪ УЛАЖЕНІИ СПОРЪ.

ОДНАКО И ЭТА ПОПЫТКА РОССИИ НЕ УВЪНЧАЛАСЪ УСПѢХОМЪ. АВСТРО-ВЕНГЕРІА ОТКЛОНИЛА ДАЛЬНЪЙШІА ОБЪМЪНЪ МІНІОНІА СЪ НАМИ, А БЕРЛИНСКІА КАБІНЕТА УКЛОНИЛСЯ ОТЪ УЧАСТІА ВЪ ПРЕДПОЛОЖЕННОМЪ КОНФЕРЕНЦІА ДЕРЖАВЪ, ТЪМЪ НЕ МЕНЬЕ РОСІИ И ЗДЪСЪ ПРОДОЛЖАЛА СВОИ УСІЛІА ВЪ ПОЛЪЗУ МІРА. НА ВОПРОСЪ ГЕРМАНСКАГО ПОСЛА,—УКАЗАТЬ НА КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ МЫ ЕЩЕ СОГЛАСИЛИСЪ БЫ ПРОСТАНОВИТЬ НАШИ ВООРУЖЕНІА, МІНИСТЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДЪЛЪ ЗАВЪЛЪ, ЧТО ТАКОВЫМЪ УСЛОВІЕМЪ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАНІЕ АВСТРО-ВЕНГЕРІА, ЧТО АВСТРО-СЕРБСКІА ВОПРОСЪ ПРИНІМЪ ХАРАКТЕРЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ВОПРОСА И ЗАВЪЛЕНІА ЕЯ, ЧТО ОНА СОГЛАСНА НЕ НАСТАВЛЯТЬ НА ТРЕБОВАНІАХЪ, НЕВОЛЪНЪСТИМЫХЪ СЪ СУВЕРЕНИИМИ ПРАВАМИ СЕРБІИ.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ РОССИИ БЫЛО ПРИЗНАНО НЕПРИЕМЛЕМЫМЪ.

НА ЗАПРОСЪ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ БЕРЛИНСКАГО КАБІНЕТА БЫЛО ОТВѢЧЕНО, ЧТО РОССИИ ВЫНУЖДЕНА БЫЛА НАЧАТЬ ООБРУЖЕНІА, ДАБЫ ПРЕДОХРАНИТЬ СЕБЯ ОТЪ ВСЯКИХЪ СЛУЧАЙНОСТЕЙ.

ПРИНІМАЯ ТАКУЮ МЪРУ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, РОССИИ ВЪМЪ СЪ СІМЪ ПРОДОЛЖАЛА ВСЪМІА СІЛАМИ ИЗЫСКАТЬ ИСХОДЪ ЖЪТЪ СОЗДАВШАГОСЪ ПОЛОЖЕНІА И ВЫРАЗИЛА ГОТОВНОСТЬ СОГЛАСИТЬСЯ НА ВСЯКІА СПОСОБЫ РАЗРЪШЕНІА СПОРА, ПРИ КОЕМЪ БЫЛИ БЫ СОБЛЮДЕНЫ ПОСТАВЛЕННЫЕ НАМИ УСЛОВІА.

НЕСМОТРИ НА ТАКОЕ МІРОЛОБНОЕ СООБЩЕНІЕ ГЕРМАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО 19 ІЮЛІА ОБРАТИЛОСЪ КЪ РОССИИМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СЪ ТРЕБОВАНІЕМЪ КЪ 12 ЧАСАМЪ 19 ІЮЛІА ПРОСТАНОВИТЬ ВСЕИНЫ МЪРЫ УТРОНАЯ ВЪ ПРОТИВНОМЪ СЛУЧАЕ ПРИСТУПИТЬ КЪ ООСООБЩЕИ МОБИЛИЗАЦІИ.

НА СЛЪДУЮЩІА ДЕНЬ 19 ІЮЛІА ГЕРМАНСКІА ПОСЛА ПЕРЕДАЛЪ МІНИСТЪРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДЪЛЪ ОТЪ ИМЕНИ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ.

ПАРІЖЪ, 19 ІЮЛІА СООБЩАНІЕ МІНИСТЪРУ ПЪДЪ ПРЕДСЪДАТЕЛЬСТВОМЪ ВЪАННАРЕ ПРОДОЛЖАЛОСЪ ДО ПОЛНОЧІА.

ВЪАННАРЕ ПОДПИСАЛЪ 3 ДЕКРЕТА: ПЕРВЫИ ОБЪ ОТСРОЧКЪ ВЪРЪСТА ПЛАТЕЖЕА ДО 19 АВГУСТА, ВТОРОИ О ЗАВЪРШЕНІИ ВЫВОЗА ЖУЖИ И РАЗЛИЧНЫХЪ ПРОДУКТОВЪ СЪЛЪСКАГО ХОЗЯИСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРЕТІИ—ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ОТЪ ПОШЛИНЪ ВЪВОЗНЫХЪ ВЪ ФРАНЦІЮ ХЛЪБА И МУКИ.

СОВЪТЪ ОБСУЖДАЛЪ ТАКИЕ МІНУЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

НУЩЪ, ВО ВРЕМЯ НОЧНОЕ БОМБАРДІРОВАНІЕ ПАРІЖА.

Дель мюнхенский

ПО ЭТОМУ ПОВОДУ БЕРЛИНСКАГО КАБІНЕТА БЫЛО ОТВѢЧЕНО, ЧТО РОССИИ ВЫНУЖДЕНА БЫЛА НАЧАТЬ ООБРУЖЕНІА, ДАБЫ ПРЕДОХРАНИТЬ СЕБЯ ОТЪ ВСЯКИХЪ СЛУЧАЙНОСТЕЙ.

ПРИНІМАЯ ТАКУЮ МЪРУ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, РОССИИ ВЪМЪ СЪ СІМЪ ПРОДОЛЖАЛА ВСЪМІА СІЛАМИ ИЗЫСКАТЬ ИСХОДЪ ЖЪТЪ СОЗДАВШАГОСЪ ПОЛОЖЕНІА И ВЫРАЗИЛА ГОТОВНОСТЬ СОГЛАСИТЬСЯ НА ВСЯКІА СПОСОБЫ РАЗРЪШЕНІА СПОРА, ПРИ КОЕМЪ БЫЛИ БЫ СОБЛЮДЕНЫ ПОСТАВЛЕННЫЕ НАМИ УСЛОВІА.

НА СЛЪДУЮЩІА ДЕНЬ 19 ІЮЛІА ГЕРМАНСКІА ПОСЛА ПЕРЕДАЛЪ МІНИСТЪРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДЪЛЪ ОТЪ ИМЕНИ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ.

ПАРІЖЪ, 19 ІЮЛІА СООБЩАНІЕ МІНИСТЪРУ ПЪДЪ ПРЕДСЪДАТЕЛЬСТВОМЪ ВЪАННАРЕ ПРОДОЛЖАЛОСЪ ДО ПОЛНОЧІА.

ВЪАННАРЕ ПОДПИСАЛЪ 3 ДЕКРЕТА: ПЕРВЫИ ОБЪ ОТСРОЧКЪ ВЪРЪСТА ПЛАТЕЖЕА ДО 19 АВГУСТА, ВТОРОИ О ЗАВЪРШЕНІИ ВЫВОЗА ЖУЖИ И РАЗЛИЧНЫХЪ ПРОДУКТОВЪ СЪЛЪСКАГО ХОЗЯИСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРЕТІИ—ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ОТЪ ПОШЛИНЪ ВЪВОЗНЫХЪ ВЪ ФРАНЦІЮ ХЛЪБА И МУКИ.

СОВЪТЪ ОБСУЖДАЛЪ ТАКИЕ МІНУЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

НУЩЪ, ВО ВРЕМЯ НОЧНОЕ БОМБАРДІРОВАНІЕ ПАРІЖА.

1-0-20-23-24-25-26-27-28-29-30-31-32-33-34-35-36-37-38-39-40-41-42-43-44-45-46-47-48-49-50-51-52-53-54-55-56-57-58-59-60-61-62-63-64-65-66-67-68-69-70-71-72-73-74-75-76-77-78-79-80-81-82-83-84-85-86-87-88-89-90-91-92-93-94-95-96-97-98-99-100

И. В. Сибиряков. В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Официальное известие о начале войны с Германией и ее союзниками поступило в Челябинск по телеграфу от оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерала Н. А. Сухомлинова 17 июля 1914 года [39, с. 158]. Вскоре после этого во всех местных газетах был опубликован царский указ о мобилизации и переводе на военное положение части армии, о снятии льготы с казаков, в том числе Оренбургского казачьего войска. В Челябинской станице, входившей в состав 3-го военного отдела ОКВ, был объявлен сбор казаков второй и третьей очередей, предназначенных для комплектования 11, 12, 17 и 18-го казачьих полков, 27-й и 28-й особых конных сотен, отдельного казачьего дивизиона, 6-й артиллерийской батареи ОКВ [40, с. 92].

21 июля 1914 года в экстренном выпуске газеты «Голос Приуралья» был опубликован Высочайший манифест императора Николая II. В манифесте, в частности, говорилось: «...ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство и целостность России, и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с его наро-

дом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага...» [4].

22 июля в Челябинске было расклеено объявление о призыве ратников ополчения 1-го разряда. В объявлении говорилось, что во исполнение высочайшего повеления: «1) Призываются все ратники А) Проходившие ряды войск; Б) Зачисленные в ополчение при призыве к отбытию воинской повинности в 1913, 1912, 1911, 1910, 1909, 1908 и 1907 годах и В) Те свободные от призыва ратники, которые сами добровольно желают поступить на службу. 2) Призываемые ратники должны явиться на сборный пункт уездного воинского начальника в Челябинске на 4 день мобилизации утром, то есть 28 июля, имея при себе ополченские билеты или свидетельства об исполнении воинской повинности, а не имеющие таковых — виды на жительство или удостоверения о личности. 4) Все учреждения и лица, у которых служат призываемые ратники, обязаны немедленно окончить с ними расчет и выдать ополченские билеты (свидетельства), если таковые находятся у нанимателя» [5].

В первый год войны в действующую армию из Оренбургской губернии было призвано свыше ста тысяч человек. Только из Челябинского уезда на фронт ушло почти двадцать тысяч человек [37, с. 4]. При этом несколько сотен человек (в основном из низших чинов, состоявших на постоянном учете в управлении челябинского уездного воинского начальника) при общей мобилизации в 1914 году на воинскую службу не явились [34, л. 4–44].

В целом же в уральских гарнизонах с начала войны и до февраля 1917 года было подготовлено и отправлено на фронт свыше семисот тысяч военнослужащих. Южноуральцы проходили службу в различных частях российской армии. Казаки в основном воевали в составе конных и артиллерийских подразделений ОКВ. Первыми из южноуральцев вступили в бой 17 августа 1914 года казаки 3-го Уфимско-Самарского казачьего полка, входившего в 12-ю кавалерийскую дивизию. За годы войны два офицера полка были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени, два — Георгиевским оружием; казаки полка получили 603 Георгиевских креста, 920 Георгиевских медалей, 275 медалей «За усердие». Героически сражались на фронтах Первой мировой войны и многие другие южноуральцы [25, с. 18–43].

Вступление России в Первую мировую войну сопровождалось на Южном Урале, как и по всей стране, молебнами, статьями в газетах и патриотическими манифестациями, состоявшимися во многих городах региона. В воскресенье 20 июля, как только в Челябинске стало известно о том, что Германия объявила войну России, в городе, как писала газета «Голос Приуралья», «состоялось несколько патриотических манифестаций. Первая наиболее многочисленная прошла по улицам города с портретом Государя Императора и национальными флагами. Участники манифестаций пели народный гимн, и «Спаси Господи». Горожане... довольно охотно присоединялись к манифестации. Вечером в саду Общественного собрания по требованию

Казаки 9-го Оренбургского полка в Красных казармах в Челябинске

публики были исполнены русский и сербский народные гимны, которые были покрыты криками «ура»» [5]. Челябинский уездный исправник в своем рапорте оренбургскому губернатору сообщал: «На мосту манифестацию встретил священник отец Суханов и был уполномочен толпою произвести сбор добровольных пожертвований в пользу семейств призванных на службу запасных. По окончании сбора манифестанты прошли к собору, где отцом протоиреем Холмогорцовым был отслужен молебен, а затем толпа разошлась... В 6 часов манифестанты собрались снова и, неся портрет его императорского величества и национальные флаги, направились на станцию... толпа прошла около казарм остановочного пункта и железнодорожного вокзала, приветствуя офицеров и солдат и выражая им пожелания счастливого пути. Около железнодорожного клуба военный оркестр исполнил гимн и толпа разошлась. В манифестации участвовало свыше 1000 человек. Порядок нигде не нарушался...» [2, с. 30–31].

21 июля в Казанском кафедральном соборе Оренбурга викарный епископ Челябинский Дионисий зачитал Высочайший манифест об объявлении войны Германии и совершил торжественный молебен «О ниспослании победы русскому оружию» [27, с. 204]. Такие же службы прошли во всех храмах Оренбургской епархии.

22 июля с утра «по случаю тезоименитства государыни императрицы Марии Федоровны и назначенного для объявления народу Высочайшего манифеста 20 июля» все магазины и конторы в Челябинске были закрыты. В 11 часов утра по окончании литургии из собора на Хлебную площадь направился крестный ход в сопровождении всего городского духовенства и массы молящихся для совершения молебна. «Вся огромная площадь была залита народом; здесь же выстроился и Инсарский полк во главе с полковником Н. А. Килениным. При приближении крестного хода к специально устроенной эстраде для молебствия — оркестр военной музыки исполнил гимн. Затем дьякон собора о. Архипов, взойдя на эстраду, прочитал Высочайший манифест, и началось молебствие о ниспослании победы русскому оружию. После многолетия Государю Императору, Государыням Императри-

цам, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему дому, равно и воинству — оркестр исполнил “Коль славен”. Когда крестный ход удалился, полковник Н. А. Киленин принимал парад и, обратившись к полку, привел знаменательные слова Государя Императора, сказанные 20 июля во дворце после молебствия. Также указывал он, что полк может идти, куда призывает его долг, совершенно спокойным за участь своих семей, так как заботу о последних правительство берет на себя. При прохождении полка церемониальным маршем публика приветствовала его многократным “ура» [6]. Первый патриотический, во многом эмоциональный порыв жителей Южного Урала свидетельствовал о том, что начавшийся военный конфликт не был для них неожиданным. О возможности войны говорили и писали уже давно. Ее формальное начало воспринималось как неизбежность, а желание продемонстрировать государю свою преданность было естественным. Обращает на себя внимание активное участие Русской православной церкви в первых акциях, связанных с Первой мировой войной. Религиозный аспект начавшегося военного конфликта играл далеко не последнюю роль для жителей провинциального Южного Урала.

Однако уже 25 июля 1914 года в «Голосе Приуралья» был опубликован анонимный материал с очень характерным названием «Непомерное поднятие цен». В нем, в частности, говорилось, что с объявлением мобилизации временно сократилось товарное движение, и это немедленно отозвалось на местном рынке, где внезапно поднялись цены почти на все товары. «Это обстоятельство, конечно, на руку торговцам,— подчеркивалось в статье,— но оно сильно беспокоит остальное население. Нам кажется, что непомерное поднятие цен зависит исключительно от желания торговцев — использовать момент». Ввиду того, что городская дума не принимала никаких мер, часть горожан обратилась к оренбургскому губернатору с просьбой «вменить в обязанность челябинской думе» следить за ценами на продовольствие [7]. Чуть позже в «Голосе Приуралья» было опубликовано показательное предупреждение. «В виду вздорожания продуктов первой необходимости исправник сделал предупреждение торговцам че-

рез чинов городской полиции о невышении цен на продукты, так как на основании закона о чрезвычайной охране искусственное повышение цен на продукты повлечет оштрафование виновных до 3000 руб. с закрытием предприятия» [8]. В августе 1914 года аналогичное предостережение содержалось уже в распоряжении оренбургского губернатора.

Поддержку российскому императору, а в его лице — всему российскому государству, в связи с начавшимся военным конфликтом уже в первые дни войны продемонстрировали представители разных религиозных конфессий, проживавшие на Южном Урале. 27 июля 1914 года в еврейской синагоге Челябинска при многочисленном стечении прихожан, солдат-евреев в присутствии представителей различных учреждений и массы русской публики был совершен торжественный молебен о здравии государя императора и даровании русскому оружию победы над врагом. Председатель хозяйственного правления еврейской общины обратился к присутствующим со следующими словами: «...многоплеменная могучая Русская рать созвана. С чувством глубокой веры в правоту принятого решения нашим Государем Императором, Верховным вождем нашей доблестной армии, помолимся о здравии и благоденствии Императора нашего Николая Александровича и всей Царской семьи, что бы вся страна наша вышла окрепшей и обновленной из этого тяжелого испытания. На днях отправляется на театр военных действий наш Инсарский полк. Помолитесь же о том, чтобы Господь Бог сохранил силы и здоровье полка и всех его чинов и даровал бы им желанную и славную победу над врагом...» [9]. Верноподданнические чувства проявило мусульманское население Челябинска и Верхнеуральска, за что получило сердечную благодарность от императора Николая II [2, с. 36].

28 июля 1914 года в Челябинске состоялось экстренное заседание городской думы. Прежде всего дума единогласно постановила «изъявить через начальника губернии свои верноподданнические чувства Государю Императору» и избрала комиссию для составления текста телеграммы. На этом же заседании был рассмотрен вопрос «об ассигновании средств на проводы Инсарского полка». Городской

голова В. А. Семейн доложил, что «горожане готовятся к организации торжественных проводов Инсарского полка и с этой целью собирают пожертвования». Всего было собрано около пятисот рублей. «Но для того чтобы устроить соответствующие проводы, необходимо около 1200 руб., как было предложено на частном совещании Управы, совместно с лицами, принимавшими в этих проводах деятельное участие. Деньги предложено употребить на покупку иконы для полка (около 200 руб.) и на раздачу нижним чинам по 25 коп. на человека (1000 руб.). Докладывая об этом, Городской Голова предложил Думе, со своей стороны, ассигновать 500 руб.». В виду того что возражений не последовало, городской голова поставил свое предложение на закрытую баллотировку. В результате оказалось, что за ассигнование было подано 19 шаров, против — ни одного. Подношение иконы возложили на городского голову. Вопрос о программе чествования поручили «разработать Управе совместно с другими лицами, принимающими в этом деятельное участие...» [26, с. 320].

Решение Челябинской городской думы стало одним из первых официальных решений государственных органов города и в целом Южного Урала, посвященных Первой мировой войне. Обращает на себя внимание тот факт, что участники заседания проявили полное единодушие при голосовании по вопросу о выделении городской думой ассигнований на торжественные проводы Инсарского полка. Все депутаты считали этот шаг важным и необходимым. Патриотический порыв охватил все слои южноуральского общества, создав не свойственную для России начала XX века атмосферу социального единения.

Первая мировая война не только стала фактором социальной консолидации, но и пробудила к активным действиям часть населения Южного Урала. Неслучайно на заседании думы говорилось об активности жителей Челябинска, которые самостоятельно, без всякого административного давления собрали первые пятьсот рублей, необходимых для организации торжественных проводов Инсарского полка. Желание организовать эти проводы именно как «торжественное» мероприятие тоже по-своему символично. Оно говорит о том, что жители Челя-

бинска летом 1914 года воспринимали начавшуюся Первую мировую войну как событие масштабное, значимое, нравственно оправданное, которое должно было завершиться победой российской армии и российского государства в целом. Желание подарить солдатам и офицерам икону было связано не только с давней традицией, но и со стремлением подчеркнуть особый характер начавшейся войны — «за веру, царя и Отечество». Помимо икон воинам, уходившим на фронт, вручались различные подарки (сахар, открытки, конверты, карандаши и пр.). На эти цели горожанам в первые дни войны удалось собрать более 1689 рублей [27, с. 204].

30 июля 1914 года на Хлебной площади по случаю торжественного дня тезоименитства наследника цесаревича вновь был совершен молебен, на который собрались войсковые части, воинские и гражданские начальствующие лица. «Вся громадная площадь была запружена народом, горячо молившимся о здравии Царской семьи и даровании победы русскому воинству» [10]. 10 августа 1914 года «после литургии в соборе духовенство с иконами и портретами государя императора, государыни императрицы и наследника цесаревича, в сопровождении представителей городского самоуправления, государственных учреждений и общественных организаций и массы публики — направились на Южную площадь к переселенческой ветви для совершения молебствия о даровании победу русскому воинству. Здесь у специально устроенной для молебствия эстрады, украшенной национальными флагами, расположился Челябинский полк во главе с командиром полка полковником Николаенко и оркестром музыки. Последний встретил шествие гимном. По совершении молебствия и провозглашения многолетия Царствующему Дому, военным начальникам и воинству, — состоялось подношение полку городом иконы, причем городской голова В. А. Семейн произнес соответствующую случаю речь. После чего состоялся парад полка, который принимал полковник Николаенко, а затем части войск были разведены офицерами по палаткам» [11].

В первые дни войны патриотический подъем проявлялся не только в разного рода шествиях и церковных службах. В региональных газетах ста-

ли появляться сообщения об исчезновении и поиске подростков, сбежавших на фронт [27, с. 205]. «Беглецы» торопились принять участие в войне, чтобы продемонстрировать мужество и героизм, свою любовь к Родине.

С другой стороны, с объявлением войны на Южном Урале, как и во многих регионах страны, наблюдался всплеск антигерманских настроений и проявлений враждебности к лицам немецкого происхождения. «В жандармские управления городов, особенно тех, где существовало военное производство, хлынули потоки доносов, коллективных писем, жалоб и прочих “ходатайств” непосредственно от рабочих и служащих» [23, с. 104]. Помощник начальника Уфимского жандармского управления в Златоустовском уезде сообщал: «Отношение к лицам немецкого происхождения недоброжелательное, население считает этих лиц врагами России, стремящимися захватить промышленность в свои руки» [2, с. 207].

* * *

24 августа 1914 года в помещении городской управы под председательством В. А. Семейна состоялось организационное собрание горожан, в котором участвовало более семидесяти человек, «по вопросу об учреждении челябинского общественного лазарета» для больных и раненых воинов. Городской голова обратился к челябинцам с просьбой помочь в организации общественного лазарета. Это обращение свидетельствовало о том, что первый, во многом эмоциональный порыв общества, проявившийся в самом начале войны, постепенно стал уступать место более реалистичному восприятию масштабов и последствий, начавшегося мирового конфликта. В обращении было, в частности, сказано: «Челябинский Городской Голова просит граждан города Челябинска принять участие в организации Городского Общественного Лазарета. Помещение для Лазарета от 30 до 40 кроватей имеется. Нужно общими силами создать оборудование его. Содержание одной больничной кровати в течение месяца обходится от 35 до 40 руб. Желательно, чтобы

все слои населения приняли участие в содержании Лазарета. Лица, общества, учреждения, служащие учреждений, торговых фирм, отдельные кружки могут не обезличиваться и принять на свое содержание по одной или несколько кроватей, причем кровати могут именоваться именем жертвователя. Граждане! Жертвуйте на содержание Лазарета, не стесняясь суммой! Каждая копейка дорога! Жертвуйте материалами, продуктами, бельем, предметами ухода и проч.! Помогайте личным трудом! Работы много! От вашего желания, от Вашего участия зависит создание Городского Общественного Лазарета! Организационное собрание назначается в 6 часов вечера, 24 августа, в помещении Городской Управы. Участники не платят членских взносов, а приглашаются на добровольные жертвы» [26, с. 321].

Обращает на себя внимание очевидное желание авторов документа подвигнуть жителей Челябинска к более активным действиям по поддержке своей страны в начавшейся войне. При этом воззвание было адресовано самым разным группам населения, имевшим различные представления о войне и различные материальные возможности для выражения своей поддержки действиям государства. Показательна готовность организаторов госпиталя принять помощь не только деньгами, но и материалами, продуктами, бельем, ведь для некоторых групп населения даже минимальные денежные пожертвования были достаточно обременительными.

Дважды в тексте подчеркивался особый, жертвенный характер этой помощи, соответствующий нормам христианской морали, согласно которым жертвенность основывается не только на чувстве долга, но и на любви. О многом говорит и сам факт создания городского общественного лазарета. Уже первые недели полноценных боевых действий на фронтах мировой войны привели к большому числу убитых и раненых солдат, лечение последних только силами официальных государственных медицинских учреждений было невозможно. Круг тех, на чью помощь городской голова рассчитывал в первую очередь, в обращении был обозначен максимально широко: «лица, общества, учреждения, служащие учреждений, торговых фирм, отдельные кружки». Для города, где не было высших

учебных заведений и крупных промышленных предприятий, мощных банков и научных центров, основные надежды на проявление социально-патриотической активности возлагались на «служащих учреждений», торговых фирм и отдельных лиц. И этот расчет в целом оказался верным. В архивах сохранились имена некоторых челябинцев и внесенные ими суммы. Например, Николай Мартынов внес 40 рублей, от служащих торгового дома Губкина и Кузнецова на содержание двух кроватей поступило 70 рублей, от рабочих этого же дома — 35 рублей. Деньги собирали педагоги торговой школы, 1-го городского училища, учащиеся различных учебных заведений. Для сбора средств в пользу общественного лазарета было решено «устроить благотворительный сеанс в местном кинематографе “Модэрн” и благотворительный спектакль с постановкой цензурованной пьесы в помещении Народного дома...» [1].

28 августа 1914 года состоялось заседание Верхнеуральско-Троицкого земского собрания, на котором был рассмотрен целый ряд вопросов, связанных с начавшейся войной. Собрание заслушало доклады об оказании помощи семьям служащих уездного земства, призванных по мобилизации в армию, об учреждении уездных и местных комитетов по оказанию помощи семьям запасных, призрению раненных и сбору пожертвований, о принятии мер к предотвращению чрезмерного повышения цен на предметы первой необходимости, о возможном сокращении всех сметных расходов текущего года и отнесении части их на будущий период и т. д. Органы земского самоуправления по всей России стремились «подключиться» к решению тех проблем, что «проявились» в стране уже в первые дни войны. Показательны некоторые решения Верхнеуральско-Троицкого земского собрания. Например: «должности лиц, состоящих на службе уездного земства, призванных в ряды войск в следствие мобилизации армии, не считать вакантными и после войны предоставлять таковые тем же лицам»; «поручить управе ходатайствовать перед правительством о закрытии также на все время войны пивных лавок и ренсковых погребов»; «просить всех г.г. гласных уездного земского собрания, если ими будет обнаружено чрезмерное

повышение цен на жизненные продукты, сообщать о том управе» [2, с. 37–40]. Они свидетельствуют о том, что часть земских деятелей Южного Урала, как и другие граждане России, еще не представляли себе в полной мере масштабов начавшейся войны и ее последствий.

Многие российские семьи лишились своих кормильцев уже в первые дни войны. Неслучайно 1 августа 1914 года в Челябинске был создан комитет по сбору пожертвований для оказания помощи семьям призванных в русскую армию запасных и ополченцев. Его председателем стал И. Ф. Бакалинский. 6 августа 1914 года в Летнем саду Общественного собрания было проведено гуляние, сбор от которого шел «в пользу семей запасных и ратников ополчения, призванных на действительную службу». Как свидетельствует отчет, опубликованный комитетом в газете «Голос Приуралья» 23 августа 1914 года, поступления от продажи входных билетов составили 308 рублей 75 копеек, а от продажи цветов — 87 рублей 60 копеек. За фейерверк было уплачено 20 рублей, за печатание анонсов, афиш — 19 рублей 25 копеек, за кинокартины — 20 рублей, контролерам и охранникам — 9 рублей. «Сдано чистой прибыли в Челябинский Комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну под квитанцию от 7 августа 1914 г. № 71 — 300 руб.».

9 августа 1914 года комитет по оказанию помощи семьям призванных на войну запасных устроил «благотворительный спектакль». Согласно отчету комитета, приход от продажи билетов на этот спектакль составил 604 рубля 5 копеек. «Поступило пожертвований сверх платы за билеты от г. Фреймана — 8 руб. 50 коп., г. Варвариго — 50 коп., г. Нагоркина — 50 коп., г. Стрелецкого — 12 коп., полковника Степанова — 1 руб., г. Турунова — 25 коп. За программы — 3 руб. 15 коп. То есть всего — 618 руб. 37 коп. Расходы, связанные с проведением этой акции составили 141 руб. 95 коп. Из них: телеграмма г. Губернатору о разрешении спектакля — 2 руб. 55 коп., марки в пользу ведомства императрицы Марии — 33 руб. 40 коп., труппе театра за постановку спектакля — 100 руб., авторских — 6 руб. Деньги 476 руб. 12 коп. поступили в Комитет по оказанию помощи семьям запасных,

призванных на войну под квитанцию от 14 августа за № 504 и поступили в Общественный банк на текущий счет № 334 по оказанию помощи означенным семьям». Публикуя отчет, комитет выразил «сердечную благодарность гг. жертвователям, артистам и артисткам, а также типографии г-жи Бреслиной за безвозмездное напечатание афиш и программ и всем посетившим спектакль» [12].

Примечательно, что пожертвования в пользу «семей запасных нижних чинов» осуществлялись жителями Южного Урала и вне каких-то организованных компаний и акций. Так, газета «Голос Приуралья» 22 августа 1914 года сообщила о том, что «чины Челябинской почтово-телеграфной конторы на общем собрании постановили отчислять из своего содержания по 1 % до окончания войны. Это отчисление составит около 50 руб. в месяц». А служащие и рабочие «С.-Петербургской биржевой Владимирской артели при Челябинской таможне изъявили свое согласие делать ежемесячные на все время военных действий отчисления из своего жалования: служащие 2 % и рабочие 1 % в пользу семейств воинов, призванных на войну, каковые суммы будут сдаваться по принадлежности в Челябинский Комитет под квитанцию». Оговорка «на все время военных действий» свидетельствует о том, что многие жители Южного Урала еще воспринимали начавшийся конфликт как локальный и недолговременный.

Всего же с 13 по 23 августа 1914 года в комитет по оказанию помощи семьям запасных солдат и ратников ополчения поступило в качестве пожертвований «3220 руб. 20 коп., из которых было выдано на удовлетворение нужд семей 577 руб. 60 коп.», осталось «в распоряжении комитета 2643 руб. 22 коп.». С начала работы комитета в него было направлено 504 заявления о помощи, из которых 108 были удовлетворены. Для принятия решения по многим заявлениям комитет решил провести «обследование материального положения просителей» [13].

С 10 по 17 сентября 1914 года в комитет по оказанию помощи семьям призванных на войну поступило еще 153 рубля 60 копеек. Самое крупное пожертвование — 100 рублей — сделало товарищество «Лаптев и Манаев». Акционерное общество «Эльворти» внесло 25 рублей, служащие кон-

торы «Аксай» — 6 рублей 60 копеек. Тарелочный сбор Успенского храма дал еще 23 рубля 44 копейки. Певчие Успенского храма передали в комитет 10 рублей. А всего к этому моменту комитет сумел собрать в качестве пожертвований 5956 рублей 46 копеек [14].

В конце августа 1914 года в Челябинске прошло первое заседание комитета Красного Креста, в ходе которого был избран президиум. Председателем выбрали А. А. Бакалинскую, ее товарищем — о. П. Холмогорцева, казначеем — П. М. Высоцкого, его заместителем — И. И. Гриневича. 27 августа «Голос Приуралья» опубликовал первое обращение от Челябинского комитета Красного Креста. В нем говорилось, что «Челябинский комитет Красного Креста призывает всех граждан города Челябинска посильно откликнуться на помощь. Всякая лепта, малая и большая, будут приняты с одинаковой благодарностью и вниманием. Быть может, в ближайшие же дни придут в город раненые воины, для этого необходимы средства и дружные силы. Приглашая пополнить ряды членов Красного Креста, Комитет покорнейше просит все пожертвования направлять на имя Комитета». Всего в кассу Челябинского комитета Российского общества Красного Креста в августе 1914 года поступило 1082 рубля. Самые крупные пожертвования сделали И. А. Катков (60 рублей) и В. А. Анкин (50 рублей). Тот же И. А. Катков в сентябре

Агитационный плакат, выпущенный в России в годы Первой мировой войны

1914 года пожертвовал 50 рублей в комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. Но самое крупное пожертвование сделал М. П. Архипов — он внес 200 рублей [15].

5 сентября 1914 года Челябинский комитет Красного Креста совместно с Челябинским комитетом вспомоществования семьям призванных в войска воинских чинов и ратников ополчения с разрешения губернатора устроили так называемый «день флажков». Сообщая о первых результатах этой акции, газета «Голос Приуралья» писала:

«В ожидании начала “дня флажков” публика собиралась на перекрестках и у сбора, обсуждая и комментируя известия с театра войны. Наконец, в 11 часов пошли со всех церквей процессии с иконами и хоругвями. Торжественно направился крестный ход к Народному дому. Туда же стремились со всех концов города толпы народа. Начался молебен, во время которого часть сборщиц уже производила сбор. По окончании молебствия хор певчих, а затем два оркестра музыки исполнили трижды народный гимн, который каждый раз покрывался дружным “ура”. Поочередно были исполнены гимны союзных наций, встреченные так же громкими “ура”. Затем сборщики и сборщицы рассеялись по всему городу и деятельно принялись продавать флажки. Публика охотно жертвует. Из сборщиков выдавались: девочка в костюме сестры милосердия и мальчик, изображавший раненного солдата. Было три автомобиля и несколько экипажей, изящно разукрашенных флагами и цветами».

Для сбора пожертвований было изготовлено и опечатано 176 кружек. Из них роздана сборщицам 171 кружка. Из них одна (№ 67) была возвращена запертой и опечатанной, но пустой. Остальные 170 кружек сборщицы сдали с целыми печатями, затем в присутствии работников Челябинского отделения Государственного банка и членов общества Красного Креста и комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных в войска, кружки были вскрыты, произведен подсчет пожертвований. Некоторые кружки заполнялись деньгами в короткое время, поэтому их опорожняли, вновь опечатывали и опять выдавали сборщицам. В общей сложности было собрано 5013 рублей 76 копеек. Деньги эти остались на хранении в отделении банка и были поделены пополам: 2506 рублей 88 копеек сданы в кассу Челябинского комитета общества Красного Креста, такая же сумма поступила в кассу Челябинского комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных в войска. Неизвестная женщина бросила в кружку золотое обручальное кольцо, сопроводив его запиской следующего содержания: «Жертвую колечко; у меня муж тоже на войне... Вернется жив или нет, болит сердце, а помочь ничем не могу».

Доводя до сведения общественности результаты сбора 5 сентября, его устроители выразили глубокую благодарность начальнику депо «инженеру

Агитационный плакат, выпущенный в России в годы Первой мировой войны

Лаврову и Общественному собранию за любезно присланные оркестры, типографии Печатное дело, учебным заведениям и всем лицам, пожертвовавшим флажки и значки. П. В. Иванову за 1000 присланных открыток, отделению Государственного Банка, сборщицам и сборщикам, понесшим много труда и всем лицам, способствовавшим успеху этого дня» [16].

7 сентября 1914 года Миасский комитет Российского общества Красного Креста провел в Миасском заводе и шести окружных селениях однодневный кружечный сбор пожертвований с продажей национальных и союзных флагов. Деньги должны были пойти на открытие и содержание в Миасском заводе лазарета для раненых воинов. В отчете было сказано, что после вскрытия 53 кружек, розданных 48 лицам, обнаружено было 2594 рубля 79 копеек. При этом организаторы акции понесли расходов (типографских, транспортных и пр.) на сумму 44 рубля 79 копеек. Таким образом, чистый сбор составил 2550 рублей, которые были сданы в Государственную сберегательную кассу при Миасском казначействе. Основной объем работы по организации кружечного сбора взял на себя член правления комитета Красного Креста В. А. Крушевский. В сборе пожертвований приняли участие представители разных слоев населения Миасского завода, которые горячо сочувствовали устройству лазарета. Большинство сборщиков представляли местную молодежь: учителя, торговые работники, чиновники, служащие разных учреждений и сельские обыватели. Наибольшую сумму (123 рубля 5 копеек) пожертвовали в селе Поляковском.

Со страниц газеты «Голос Зауралья» правление Миасского комитета выразило «сердечную благодарность все гг. жертвователям за принесенную ими лепту на пользу раненных воинов и гг. сборщикам и сборщицам за труды по производству сбора, а так же духовенству, представителям полиции, волостного и сельского управлений, железнодорожной администрации и других общественных и частных учреждений и всем лицам, содействовавшим успешному сбору пожертвований [17].

14 сентября 1914 года состоялось открытие лазарета в Миасском заводе. Помещался он в двух домах, предоставленных для этих целей их владельца-

ми Бакакиным и Жаровой. Лазарет был рассчитан на 40 коек, причем половина из них принадлежала собственно комитету, остальные содержались на средства частных лиц или местных сообществ (например, имелись койки старообрядческого общества, мусульманского общества, преподавательского персонала женской гимназии, чинов Министерства финансов и др.). Содержание каждой койки обходилось в 20 рублей в месяц. В некоторые мастерских для раненных шилось бесплатно белье [18].

28 сентября 1914 года газета «Голос Приуралья» сообщала, что в станице Звериноголовской на нужды Красного Креста с разрешения оренбургского губернатора организатором изысканий железной дороги Куртамыш — Звериноголовская Д. А. Ермолаевым, состоявшим членом Челябинского отделения общества Красного Креста, при участии Ю. И. Ваниной, Н. М. Лаврентьевой, А. В. Ермолаевой, К. В. Китаевой, М. И. Кривошековой, Е. П. Лосевой и других граждан была устроена продажа флажков, давшая чистого дохода 121 рубль 51 копейку. А И. Д. Жвалов и другие лица устроили любительский спектакль, давший чистого дохода 18 рублей 11 копеек, и лотерею-аллегри, доход от которой составил 163 рубля 21 копейку. Кроме того, Ермолаев собрал от разных лиц пожертвований на 142 рубля. И этих сумм 506 рублей 46 копеек поступило в кассу Челябинского отделения общества Красного Креста.

6 сентября 1914 года в Челябинске в Народном доме прошло первое заседание еще одного комитета, созданного в первые месяцы войны, — комитета по оказанию помощи раненым воинам и семьям раненых и убитых на войне. На собрании присутствовало около сорока человек — как писала газета «Голос Приуралья», «исключительно почти интеллигентны». Большинство составляли учителя из «среднеучебных» заведений, остальные — представители адвокатуры и чины судебного ведомства.

А уже 8 сентября члены нового комитета организовали в Народном доме концерт с целью сбора средств для помощи раненым. Приглашая челябинцев на этот концерт, его организаторы писали: «Там на полях сражений в далекой от нас Галиции и Восточной Пруссии проливают кровь, отдают

свою жизнь наши защитники страны родной. За нас, за нашу безопасность и спокойствие они переносят ужасы сражений, лишений, нечеловеческих страданий и в муках истерзанные умирают. ...Но вот они возвращаются, герои! К нам везут около тысячи раненых. Измученные их тела требуют покоя, облегчения страданий. Что же мы? Дадим ли мы этот покой, облегчим ли их страдания за их великие жертвы? Они поставили все: жизнь, будущность, довольство своей семьи. От нас требуется только немного трудов, немного средств на их лечение. Нас в городе около 60 тысяч, из коих до 20 тысяч трудоспособных; их, больных, только тысяча. Наши жертвы в сравнении с их жертвой — ничтожны...» [19]. Согласно отчету, подготовленному Т. Покровской и М. Колокольниковым, от продажи билетов и благодаря пожертвованиям было получено 416 рублей 45 копеек, из буфета поступило 64 рубля 10 копеек, от продажи цветов выручено 50 рублей 10 копеек, от продажи программ — 15 рублей 80 копеек. «Чистый сбор выразился в сумме 523 руб. 10 коп., из коих сто рублей были сданы в Красный крест и 423 руб. в городской лазарет» [20].

Челябинский комитет по оказанию помощи раненым и семьям их и убитых на войне занимался сбором пожертвований в виде всякого рода вещей. Его центральный склад размещался на углу улиц Михайловская и Азиатская, в доме Бухарина, при квартире неперменного члена Крестьянского банка Г. М. Боровикова.

14 сентября 1914 года император Николай II дал разрешение на учреждение комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. В положении о комитете было сказано, что он «оказывает временную помощь лицам, впавшим в нужду вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами, в пределах их постоянного места жительства либо временного пребывания, причем помощь эта распространяется как на тех, кои остались в месте своего жительства, так и на тех, кои были вынуждены покинуть его по требованию подлежащих властей или по другим, связанным с войною, причинам» [29, л. 2]. До принятия закона от 30 августа 1915 года

«Об обеспечении нужд беженцев» этот комитет «являлся центральной организацией в Российской империи по защите беженцев» [3, с. 104].

25 сентября 1914 года комитет разослал призывы к широкому развертыванию благотворительной деятельности на местах, справедливо полагая, что они никого не оставят равнодушными: «...настал час широко, по-русски, придти на помощь вынесшему всю тяжесть неприятельского напора населению пограничных окраин наших... Необходимо немедленно пригреть осиротевших, убогих и бесприютных, накормить голодных и разоренных, дать заработок лишившимся обычных занятий... Комитет обращается к общественному управлению г. Челябинска с горячим призывом не отказать ему в посильной своей жертве. Да не оскудеет рука дающего!» [38, с. 69].

23 октября 1914 года состоялось чрезвычайное заседание Челябинской городской думы под председательством городского головы В. А. Семейна. Гласные думы, встав со своих мест, выслушали сообщение оренбургского губернатора о том, что император «повелел соизволить сердечно, благодарить население гор. Челябинска за верноподданнические чувства, выраженные по поводу военных действий». Дума рассмотрела обращение комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. В обращении, в частности, говорилось: «...едина и нераздельна Святая Русь. Сознывая в том свою силу, русское общественное мнение всегда чутко отзывалось на всякую отечественную невзгоду. И ныне сознание единства между всеми, входящими в состав необъятной России, местностями повелительно требует от благополучных и уцелевших протянуть свою братскую руку помощи пострадавшим и разгромленным...» [29, л. 3 об.]. В ходе обсуждения этого вопроса в думе возникла дискуссия. Священник о. Д. Неаполитанов предлагал «пройти по городу с кружками». И. А. Пентегов указывал, что таких сборов уже было достаточно и много предстоит в дальнейшем, поэтому проще «ассигновать известную сумму из городских средств».

Выслушав обращение и приложенное к нему положение о комитете и желая оказать комитету по-

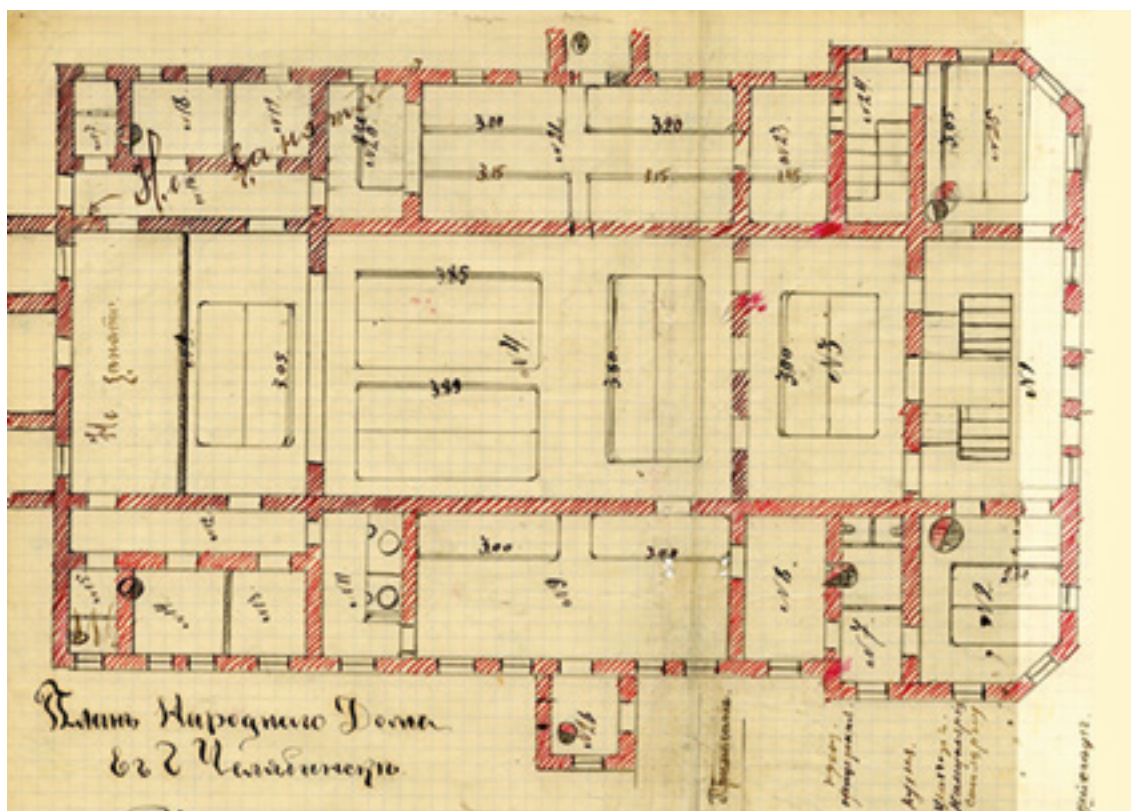
сильную жертву от города, дума единогласно (19 голосами) определила: «...ассигновать из средств городского запасного капитала Комитету Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий пятьсот руб. (500) и, кроме того, поручить Городской Управе совместно с местными общественными благотворительными организациями устроить в гор. Челябинске для указанной цели однодневный кружечный сбор, испросив по телеграфу на устройство этого сбора разрешение от Его Превосходительства, Господина Оренбургского Губернатора» [29, л. 6].

26 октября 1914 года губернатор Н. А. Сухомлинов сбор разрешил. 29 октября в Челябинске состоялось организационное собрание «по вопросу об устройстве однодневного кружечного сбора в пользу жителей, пострадавших от военных бедствий». Председатель собрания В. А. Семейн «выразил сожаление, что однодневно с этим собранием в Народном Доме по случайному стечению обстоятельств назначено точно такое же организационное собрание представителей

частно-благотворительных организаций, созданных для обсуждения вопроса об устройстве однодневного кружечного сбора в пользу лазаретов “Красного Креста” в действующей армии. Не желая придавать тому или иному сбору первенствующего значения, В. А. Семейн, тем не менее, был поставлен в необходимость поднять вопрос — удобно ли вообще устраивать на протяжении нескольких дней два кружечных сбора и не следует ли ограничиться одним сбором, разделив собранную сумму поровну для обеих целей?» И все-таки собрание решило кружечный сбор в пользу пострадавшего от военных действий населения устроить отдельно. Начало его было назначено на 11 часов утра 14 ноября, а окончание — через 24 часа. Перед открытием

Народный дом. Старейшее общественное учреждение Челябинска. Архитектор Р. Карвовский. 1903 год

План размещения нар в помещении Народного дома в Челябинске в годы Первой мировой войны

сбора было решено устроить у соборной церкви молебен. Активное участие в организации сбора приняли: Т. З. Фогель, Е. Я. Мордкович, Е. Ф. Орлова, Ф. Е. Пентегова, Н. В. Агапова, А. А. Пентегов, П. В. Иванов, К. А. Соколов, А. И. Сопина, А. Ф. Бухарина, К. Н. Теплоухов, А. С. Степанов, А. И. Малышев, Н. И. Степовая, М. В. Дунаева, П. С. Рогожников, И. А. Пентегов, Б. П. Рымкевич, И. Д. Искосков, О. П. Александрова, В. И. Искоскова, К. А. Рымкевич, А. Г. Нестерович, Е. Н. Добровольская, Л. А. Зазулевская, Е. С. Соколова, Н. Н. Степовой. Кроме того, для выдачи, приема и подсчета кружек была избрана контрольная комиссия, в состав которой вошли: И. Ф. Бакалинский, Н. С. Желтовский, А. И. Малышев, К. Н. Теплоухов, П. А. Агапов, П. В. Иванов, А. А. Пентегов, И. Д. Искосков, П. С. Рогожников, П. М. Андреев, П. М. Юркевич, Я. Л. Борман, В. М. Лисовский, И. А. Пентегов, А. С. Степанов, Б. П. Рымкевич, В. А. Вурин.

14 ноября 1914 года весь день по городу ходили учащиеся старших классов реального училища, учительской семинарии и торговой школы с трехцветными повязками на рукаве. В руках они держали большие кружки с надписью: «Помогите пострадавшему от военных действий населению». Согласно отчету, за сутки на улицах города было собрано 1376 рублей 80 копеек; 44 рубля 4 копейки внесли прихожане костела; от оперной труппы Кастаньян поступило 25 рублей; от инженера В. В. Гана — 5 рублей. Итого сборы дали 1450 рублей 84 копейки, накладные расходы составили 26 рублей 76 копеек. Из собранной суммы 1424 рубля 8 копеек были переведены в комитет [30, л. 42], за что городской голова получил благодарность от Великой княжны Татьяны Николаевны.

В 1915 году на Южный Урал вновь пришло специальное обращение от комитета по оказанию

временной помощи пострадавшим от военных действий. Тон этого обращения, языковые конструкции отражали те тяжелые перемены, что произошли на фронтах Первой мировой войны в конце 1914 — начале 1915 года: «Более полугода подвигается Россия на полях великой освободительной брани. С замиранием сердца следит русская молодежь за тяжкими испытаниями залитых огнем и кровью Польши и Закавказья. Зверский враг грозит жилища мирного населения и губит беззащитных стариков, женщин и детей. Бегут они тысячами, без памяти и оглядки, лишённые кормильцев, крова, одежды и хлеба. Отзовись на призыв комитета, чуткая русская молодежь! Подайте — сколько кому окажется по силам. Как ни скромны были бы отдельные приношения, но сольется воедино великое множество мелких их ручейков и могучею рекою разольется по разоренным городам и селам. Братская помощь русской молодежи. С миру по нитке, голому — рубашка» [31, л. 10].

11 мая 1915 года в Челябинске состоялось организационное собрание, в повестке дня которого было устройство сбора пожертвований в пользу комитета Ее Высочества. Как следует из протокола, собрание прошло под председательством нового городского головы П. Ф. Туркина в присутствии представителей общественно-благотворительных организаций и частных лиц: А. А. Бакалинской, Е. А. Досаевой, К. Желтовской, Макаровой, Н. А. Маньковской, К. А. Рымкевич, Н. И. Степовой, А. Л. Яцовской, Г. Г. Арендаря, И. Ф. Бакалинского, Н. С. Желтовского, Н. Н. Кудрина, В. М. Лисовского, А. И. Пентегова, В. П. Пилкина, Б. П. Рымкевича, Н. Н. Степового, К. Н. Теплоухова, П. А. Шадрина, П. М. Юркевича. Председатель Туркин прочел адресованное ему письмо оренбургского губернатора и прилагаемое к нему обращение председателя комитета Ее Высочества «об организации в гор. Челябинске 29, 30 и 31 сего мая Сбора пожертвований деньгами и вещами на усиление средств Комитета Ея Высочества и предложить Собранию вышеназванный сбор обставить возможной заботливостью в целях наиболее успешного выполнения его в материальном отношении, ибо широкая поддержка несчастных жертвам войны от имени царской дочери является актом не только

Учащиеся торговой школы. 1915 год

благотворительным, но и в полном смысле слова Государственным. Обсудив предложение Председателя, Собрание постановило: в виду местных условий сбора вещами по домам не производить, так как сбор этот может не оправдать затрат на него, а произвести усиленный сбор вещами только по магазинам, обратив главное внимание на кружечный сбор деньгами...» [30, л. 57].

В пользу комитета Великой княгини Татьяны Николаевны перечислили: 75 рублей 59 копеек — электротheater «Люкс», 66 рублей 10 копеек — электротheater «Луч», 24 рубля 30 копеек — электротheater «Грезы», 20 рублей поступило от офицеров и нижних чинов 8-й роты 109-го пехотного запасного батальона. Кружечный сбор проходил в помещении железнодорожного вокзала, Челябинском казначействе, других государственных учреждениях.

31 мая 1915 года в городском саду прошли благотворительные гулянья, сборы от которых (139 рублей 34 копеек) затем были перечислены в комитет Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны и Челябинский комитет по оказанию помощи семействам лиц, призванных на войну [30, л. 23–24]. Всего в России кружечные сборы 29–31 мая 1915 года принесли 2,2 миллиона рублей [3, с. 139].

С другой стороны, архивные документы свидетельствуют о том, что среди жителей Южного Урала уже в конце 1914-го и в 1915 году стали проявляться первые признаки недовольства ходом боевых действий. Челябинский уездный исправник сообщал о высказываниях казачки А. Г. Киселевой: «Глупо делает Государь, что назначает в действующую армию офицеров, не соответствующих своему назначению — неспособных действовать против врага». Жандармский унтер-офицер по Миньярскому заводу Н. Демидов писал об «антирусской позиции механика завода Ф. Л. Герлица», который утверждал, что «из настоящей военной эры победительницей выйдет Германия» [2, с. 203]. Помощник начальника Уфимского губернского жандармского управления в Златоустовском уезде отмечал, что «в некоторой незначительной части населения замечается стремление к заключению мира, к этой категории относятся лица, материальное благосостояние которых пошатнулось вследствие войны,

или же лиц, коим, по слухам, предстоит в скором времени стать на защиту Отечества» [2, с. 206–207].

В регулярных отчетах начальников губернских жандармских управлений о настроениях населения в связи с войной 1915–1916 годов по-прежнему отмечались высокий патриотизм земцев и интеллигенции, живой интерес и желание победы над врагом со стороны крестьян и учащихся, но все чаще признавался и тот факт, что «высокопатриотическое настроение рабочих под влиянием неудачных операций наших войск перешло в подавленное состояние». А к концу 1916 года, когда стало ясно, что Россия не в силах быстро и успешно завершить войну, среди различных слоев населения Южного Урала стали усиливаться настроения «в пользу скорейшего заключения мира и окончания войны» [28, с. 22].

Будучи крупнейшим транспортным узлом России, Челябинск стал одним из главных пунктов приема и переправки беженцев на восток страны. В декабре 1915 года в Челябинске и Челябинском уезде насчитывалось более 22 тысяч беженцев. Через пять месяцев их было уже 30 тысяч, в том числе в Челябинске — свыше 6 тысяч. Только в бараках переселенческого пункта проживали около тысячи человек, получавших горячую пищу через столовую продовольственного пункта. Для координации работы по призрению беженцев образованы были уездный и городской комитеты во главе с членами соответствующих управ. Городской комитет по призрению беженцев, который до ноября 1915 года возглавлял В. А. Семенин, а затем — И. Е. Фотеев, открыл две школы для беженцев — в городской части и пригородной слободе (на 150 человек), а так же больницу (на 30 мест) в доме Зайцева по улице Клубной.

Несмотря на стабилизацию линии фронта в 1916 году приток беженцев на Южный Урал сохранялся. По неполным данным, к маю 1917 года в Челябинском уезде были размещены 21 860 беженцев. Неслучайно ситуация со сбором средств, необходимых для создания и поддержки медицинских учреждений, помощи солдатам действующей армии, проведения различных компаний в деревнях и селах Южного Урала, с каждым годом войны становилась все тяжелее.

Различные аспекты проблемы беженцев хорошо видны из текста письма управителя Саткинского завода В. А. Гассельблата председателю Златоустовской уездной земской управы от 23 сентября 1915 года. В письме, в частности, говорится:

Многоуважаемый Иван Степанович!
 На заседании Саткинского Комитета о беженцах было решено просить в Саткинском заводе разместить не более 500 человек беженцев. Я, как Управитель завода, призванного изготовлять предметы Государственной обороны всецело присоединяюсь к такому решению. Причем мною руководят следующие соображения:
 1. Завод наш во время мобилизации настоящей войны, в смысле количества населения, почти не изменился, так как рабочие завода оставлены на работах, следовательно, свободных квартир в заводе мало.
 2. Врачебная помощь у завода сведена к нулю — врача нет, земский врач, заведующий лазаретами, обременен работой, следовательно, при возникновении какой-нибудь эпидемии заводу может угрожать опасность.
 3. Трудность получения жизненных продуктов при увеличении населения еще больше может усугубиться и повлечь удорожание, что так же может неблагоприятно отразиться на деятельности завода.
 4. Отсутствие плана и регистрации в переселении беженцев может дать на Саткинский завод элемент крайне нежелательный и даже опасный,

и, возможно, будет угрожать заводу, что ввремя войны недопустимо. Охрана же завода слишком недостаточна. В бытность мою 14–15 сентября в Уфе вопрос этот был поднят при разговоре с г. Председателем Губернской Земской Управы П. Ф. Коропачинским и г. Председателем Губернского Совета о беженцах П. П. Толстым, которые согласились с моей точкой зрения на этот предмет. Обращаюсь к Вам, Многоуважаемый Иван Степанович и прошу, если возможно, в Саткинский завод не направлять более 500 беженцев. Было бы очень желательно, что бы в Сатку попали беженцы, которые могли бы найти здесь работу. Для казенного завода на лесные работы требуются рабочие — рубщики и плотники. Мне думается, желательно было бы при размещении беженцев по селениям Златоустовского уезда в Саткинский завод направлять исключительно рабочий элемент, для чего я со своей стороны предлагаю следующую схему: размещать беженцев в начале по селениям Златоустовского уезда, кроме заводов, в заводы же направлять уже из числа размещенных после их регистрации по специальности работы... [26, с. 337].

Из текста письма следует, что темпы прибытия беженцев на Южный Урал оказались неожиданно высокими для многих местных чиновников. Никакой программы по приему и размещению беженцев в первые месяцы войны разработать не удалось. Заводы Южного Урала оказались не готовы к приему «гостей» из западных регионов страны ни с точки зрения наличия «свободных квартир», ни с точки зрения обеспечения их медицинской помощью. Более того, уже первая волна переселенцев на Южный Урал привела, по свидетельству местных чиновников, к существенному удорожанию «жизненных продуктов», что в дальнейшем могло «неблагоприятно отразиться на деятельности» заводов. Однако главной опасностью, которая грозила южноуральским заводам в этой ситуации, с точки зрения В. А. Гассельблата, было проникновение на заводы «крайне нежелательного» и «опасного» элемента. Можно предположить, что Гассельблат этим термином обозначал членов различных социалистических партий, чья активность по мере продолжения войны только нарастала.

Понимая неизбежность роста потока беженцев, управитель Саткинского завода Гассельблат пытался предложить свою схему их размещения на территории Златоустовского уезда. Но даже точная реализация этой схемы не гарантировала окончательного решения наметившейся проблемы. К 1 ноября 1916 года только на территории Оренбургской губернии в статусе беженцев пребывали 79 843 человека [28, с. 24].

В связи с большим поступлением раненых, уже к концу 1914 года в Челябинске были открыты десять лазаретов для лечения семисот человек: при городской больнице — лазарет на 40 коек, лазарет Красного Креста — на 20 коек, земский лазарет — на 100 коек и т. д. К этому моменту в городе уже работали три эвакогоспиталя (№ 101, 141, 147). Самый крупный из них (№ 101) был рассчитан на 400 солдат и 20 офицеров. Всего на средства военного ведомства в Челябинске содержалось 900 коек, в том числе 450 — для инфекционных больных. Основную тяжесть работы по оказанию помощи раненым и больным воинам на Южном Урале взяли на себя земства. В 1915 году только на средства Всероссийского земского союза в Челябинске содержалось

восемь лазаретов (942 койки), в которых раненые провели 1 194 408 койко-дней. В 1917 году этот показатель составил 272 961 койко-день. На 1 мая 1915 года в Оренбургской губернии 2514 из 4680 коек (53,7 %) находилось на обеспечении органов местного самоуправления, в Уфимской губернии — 2103 из 2817 коек (74,7 %) [28, с. 23].

* * *

С началом войны на Южном Урале, как и в целом по стране, прекратилась продажа крепких спиртных напитков, что привело к существенным переменам в повседневной жизни многих южноуральцев. Корреспонденты региональных газет сообщали о том, как прошел первый год «народной трезвости». Чаще других в качестве альтернативы потреблению крепких спиртных напитков в деревнях Челябинского уезда называли: потребление «ханжи», «савраски», «кислушки», браги, пива; игру в карты, реже устройство спектаклей, чтение книг и газет. Еще в августе 1914 года целый ряд российских губернаторов приняли решение о запрете «азартных игр». В постановлении уфимского губернатора Башилова, подписанного 25 августа 1914 года, было сказано: «...нахожу нужным изъять из общей подсудности в пределах Уфимской губернии дела об устройстве запрещенных игр (ст. 46 Уст. нак. нал. мир. суд.) в отношении как виновных в устройстве и участии в означенных играх, так равно и дежурных старшин собраний, допустивших азартные игры в помещениях клубов и собраний... Виновных в совершении указанных выше проступков подвергаются в административном порядке штрафу до 3000 руб. или аресту на три месяца» [2, с. 214]. А в январе 1915 года этот же губернатор своим постановлением запретил «бродячим шарманщикам производить продажу публике билетов с предсказаниями о войне и мире» [2, с. 222].

Однако наиболее болезненно жители Южного Урала реагировали не на эти запреты, а на начавшийся уже в первые месяцы войны рост цен на товары первой необходимости. 4 декабря 1914 года под руководством городского головы В. А. Семе-

Общественный лазарет

Георгиевский крест. Самая массовая награда Российской империи

ина состоялось совещание представителей городского и земского управлений, биржевого комитета, местных торговцев и сведущих лиц из числа потребителей «по вопросу о пересмотре таксы на предметы первой необходимости». Открывая собрание, Семейн предложил совещанию в виду изменения справочных цен на некоторые продукты первой необходимости пересмотреть установленную 22 сентября таксу. Приступив к рассмотрению цен на чай, собрание констатировало, что повышение розничных цен на чай вызвано повышением на 20 % оптовых цен местными фирмами Высоцкого и Губкина — Кузнецова, обслуживающими почти весь регион Приуралья и Сибири. Повышение это состоялось тотчас же после начала войны. Вместе с тем собрание признало, что регулировать оптовые цены на чай, в зависимости от которых находятся и розничные цены, не представляется возможным ввиду большого разнообразия в сортах поступающего на рынок чая. В отношении же розничных цен собрание постановило: «...обязать торговцев производить розничную продажу чая по ценам, не превышающим показанных на бандероли цен» [32, л. 263].

Особенно в тяжелом материальном положении из-за роста цен оказались семьи мобилизованных на фронт солдат. Типичным можно считать прошение от 27 ноября 1915 года, которое подала в Челябинское городское попечительство жена ратника 1-го разряда А. И. Неможенко. В нем, в частности, говорилось: «Мой муж мобилизован в январе 1915 года, и я до настоящего времени никакого пособия не получаю, хотя уже выделено казенное пособие, но на отопление квартиры я пособия никакого не получала — имею 4-х малолетних детей, от которых на заработки отходить не могу. Ввиду дороговизны дров и по неимению средств к жизни я всепокорнейше прошу Городское попечительство обратить на мое бедственное положение, и выделить по возможности какое-либо ежемесячное пособие на отопление квартиры, дабы не дать замерзнуть малым сирым детям...» [31, л. 36].

Помощник начальника Уфимского жандармского управления в Златоустовском уезде в 1915 году сообщал: «Меры по борьбе с дороговизной в виде пресечения злоупотреблений путем наложения взысканий на торговцев по обязательным постановлениям, изданным Главнначальствующим, население считает неудовлетворительным, так как местные торговцы принуждены увеличивать цены на товары и предметы первой необходимости в силу того обстоятельства, что фабриканты, мукомолы и сахарозаводчики произвольно взвинчивают цены, что правительство и должно прекратить» [2, с. 208].

И все-таки самым опасным для власти был рост цен на хлеб. В июле 1916 года на заседании нормировочной комиссии по борьбе с дороговизной заведующий челябинским районом по заготовке хлеба для армии Н. В. Луцкихин сообщил, что мукомольная фирма Колокольникова хотя и не торгует мукой в Челябинске, но все же продает муку в своих отделениях в Перми, Тюмени и других городах по ценам выше нормированных, оправдываясь тем, что фирма нормированных Правительством сортов не имеет, а между тем по анализу некоторые сорта крупчатки Колокольникова по качеству подходят именно к сортам, нормированным Правительством... и, следовательно, повышение цен, по

мнению Н. В. Луцкихина, является неправильным» [32, л. 35].

Участники особого совещания 13 июля 1916 года, обсуждая «вздорожание отдельных продуктов и предметов первой необходимости» подтвердили, что со времени войны «чай вздорожал» на 50 %, все виды сахара — на 50 %, ячменная крупа — на 50 %, пшено — на 60–70 %, гречневая крупа — на 100 %. Спички и мыло стали дороже на 300 %, дрожжи и дрова — на 200 %, каменный уголь — на 100 % [32, л. 40–41]. Но даже такой рост цен не привел к увеличению производства и продажи этих товаров и продуктов.

Еще одной проблемой, появившейся на Южном Урале именно в годы Первой мировой войны, стало размещение и содержание военнопленных. «Местные гражданские и военные власти оказались не готовы к приему большого контингента иностранных военнопленных. Первые партии иностранных военнопленных в Оренбургскую и Уфимскую губернии прибыли спустя месяц после вступления России в войну. Контингент военнопленных состоял из военнослужащих Германии, Австро-Венгрии и Турции, оказавшихся в плену в ходе военных действий, а так же из подданных этих государств, проживавших в крае [24, с. 15].

В 1914 году в Челябинск прибыли 255 человек (военнопленные германской и австро-венгерской армий), в 1916 году — 2452, весной 1917 года — 2814. Нормы питания, установленные для них в начале войны, соответствовали принятым в российской армии. Однако по мере ухудшения продовольственной ситуации в стране объемы продовольственного снабжения военнопленных сокращались.

В январе 1916 года в самом Челябинске размещались 565 пленных, в уезде на сельскохозяйственных

1916 года марта 5 дня, Нязепетровская дача, пристав 3-стана Красноуфимского уезда при участии Врача 5 участка Западно-Уральской жел. дороги производил врачебно-санитарный осмотр военнопленных, находящихся на работах по вырубке дров в Нязепетровской заводской даче, Кыштымского Округа, в пределах Красноуфимского уезда, на Васелгинских, Берсенеvских и Ургалинских томильных печах, по осмотру оказалось следующее:

Военнопленные в числе 178 человек, размещены в пяти деревянных казармах. Означенные здания довольно просторные и светлые, скученности между пленными не замечается.

Отопляют эти здания сложенными из кирпича очагами с чугунными на них плитами, а в некоторых чугунными печками, в ночное время они освещены керосиновыми лампами. В стенах каждой казармы имеются вентиляторы. Около некоторых казарм замечено выливание остатков пищи, чая и выбрасывание казарменного сора. Для приготовления горячей пищи и чая при каждой казарме в отдельных помещениях имеются кухни, печи их сложены из кирпича с вложенными в них чугунными котлами, последние закрываются деревянными крышками, причем у двух котлов крышек не оказалось. Столы в кухнях и вообще помещение кухонь

содержится в чистоте. Существующие для военнопленных бани отстоят от казарм на расстоянии 15–20 сажень и по объяснению военнопленных топятся ими два раза в неделю, так как в один день они все вымываться не успевают. Ретирадные места, имеющиеся при каждой казарме, находятся в двадцати сажнях от последних, ямы их довольно глубокия и содержимое их засыпается золою.

Наружный вид военнопленных здоровый, все они коротко подстрижены, имеющейся для этой цели машинкой, купленной заводоуправлением. Все военнопленные одеты в полушубки и пимы, холщевые рубахи и шаровары, последних

по объяснению военнопленных имеется две смены, а для стирки имеются корыта, и отпускается достаточное количество мыла. Паразиты, по заявлению военнопленных, их не беспокоят.

Эпидемических заболеваний среди военнопленных не наблюдается, медицинской помощи им оказывает врач — заведующий Нязепетровской больницей, по распоряжению которого к военнопленным два раза в месяц наезжает фельдшер, кроме того, он выезжает и по мере надобности, по вызову телефоном, т. к. при каждой углевыжигательной печи, места расположения военнопленных имеются телефоны... [26, с. 340–341].

работах использовался труд 327 человек. Кроме того, 321 человек работал на лесозаготовках, 167 — на каменноугольных копиях, 780 — на железной дороге, 234 — на мукомольных мельницах.

Некоторые аспекты проблемы военнопленных становятся хорошо видны при прочтении «Акта военно-санитарной комиссии об уровне содержания военнопленных» от 5 марта 1916 года:

Очевидно, что содержание таких городков для военнопленных требовало существенных материальных затрат. Кроме того, сам факт их существования порождал социальное напряжение между военнопленными и местным населением, многие представители которого были лишены возможности пользоваться теми «достижениями цивилизации», которые были доступны военнопленным (например, телефонами).

В июле 1916 года уездный исправник сообщал начальнику Златоустовского горного округа о недостойном поведении военнопленных и возникшем в связи с этим напряжением в уезде. В письме исправника, в частности, говорилось: «На Центральных углевыжигательных печах, находящихся вблизи гор. Златоуста, имеется около 150 чел. во-

еннопленных Австрийской и Германской армий, сданных на работы для Златоустовского завода; надзора за этими пленными или совсем нет или он весьма слаб, и пленные совершенно свободно разгуливают по всему окружающему лесу, являются целыми партиями даже в город, доходя до Ветлужской части; причем некоторые из них позволяют себе приставать к гуляющей в лесу публике, в особенности женщинам, и допускать весьма неприличные выходки. Такая свобода и выходки военнопленных возмущают местное население, которое не прочь произвести с пленными свою расправу...» [26, с. 349].

В конце 1916 года на заводах Южного Урала все чаще стали фиксироваться случаи отказа военнопленных от работы. Так, 31 декабря исполняющий обязанности управителя Саткинского завода в рапорте горному начальнику Златоустовских заводов писал: «Заведывающий Куренной Операцией вверенного мне завода рапортом от 16 декабря сего года за № 1846 донес мне, что в числе 829 человек военнопленных, поступивших на работы в Куренное Отделение, имеется до 50 таких, которые всякими способами уклоняются и отказываются

от работ; выдаваемую им амуницию умышленно рвут и жгут, обмораживаются, морят себя голодом до истощения и, хотя категорически не отказываются работать, но работу производят так, что в неделю двое нарубают одну осьмью сажени. В печах работать совершенно не могут, на других работах — тоже. Многие из них, человек до 15, истощились до того, что работать [совершенно] не могут и переведены на паек больных. Но это очень нежелательно влияет на остальных [других военнопленных], которые также пробуют уклоняться [от работ] и попасть в госпиталь. Горнозаводский Госпиталь в настоящее время перегружен больными и дальше принимать некуда. Таких отказывающихся военнопленных передавали в распоряжение полиции, но это делу не помогает, так как их возвращают обратно, вследствие чего положение дела при стечении таких обстоятельств получается крайне безвыходное...» [26, с. 355–356].

Напряженная ситуация сложилась и в Троицком лагере для военнопленных: «Лагерь находился в 2-х верстах от Троицка, и военнопленные часто появлялись в городе, меняли на рынках свои нехитрые поделки на еду или зарабатывали на хлеб колкой дров, кладкой или ремонтом печей и т. п. Неблагоприятные условия содержания, недостаточное питание, суровый климат и другие факторы способствовали возникновению различных инфекционных заболеваний. Наиболее распространенными среди них являлись тиф, холера, оспа» [21].

Содержание военнопленных офицеров обходилось очень недешево. Так, Челябинская городская управа летом 1915 года представила челябинскому уездному воинскому начальнику счет на сумму 1006 рублей 53 копейки, «израсходованных на содержание квартир для военнопленных офицеров с 1 июля по 4 августа с/г.». С 1 ноября 1915 года по 1 января 1916 года управа выставила счет на 854 рубля 73 копейки. А в мае 1916 года — еще один счет на сумму 1975 рублей 70 копеек — «за расквартирование пленных офицеров с 1 ноября 1915 г. по 1 апреля 1916 г.». Ни один из этих счетов своевременно оплачен не был [33, л. 6, 18, 26].

Расчет властей на то, что военнопленные восполнят недостаток рабочей силы на предприятиях Южного Урала в годы Первой мировой войны,

не оправдался. В 1914–1917 годах Оренбургская губерния направила в действующую армию 11,7 % населения, Уфимская — 10,6 % (в среднем по России — 11,2 %). Перекрыть такой отток людских ресурсов силами военнопленных было невозможно. Тем более что среди последних было много представителей творческих профессий — музыкантов, провизоров, банковских служащих, — оказавшихся не в состоянии заменить квалифицированных рабочих у станков и крестьян в поле.

Несмотря на серьезный дефицит квалифицированной рабочей силы, проявившийся на Южном Урале в годы Первой мировой войны, государственным чиновникам и предпринимателям региона удалось наладить производство необходимых для фронта изделий. За период с 1914 по 1917 год южноуральскими казенными заводами было выпущено 4 280 437 снарядов (6,3 % произведенных в России), частными предприятиями — 254 545 снарядов (0,4 %) [28, с. 23–24]. Предприятиями только Златоустовского горного округа было изготовлено более четырех миллионов снарядов разного калибра. Более чем в два раза выросли объемы производства холодного оружия. Было произведено более 600 тысяч шашек, кинжалов и кавалерийских пик. В целях дальнейшего расширения выпуска военной продукции в начале 1915 года Златоустовским заводом «за границей было заказано около 250 станков для обработки снарядов общей стоимостью в 1 млн рублей, а также несколько прессов и точильных кругов для производства шанцевого инструмента» [23, с. 74]. Завод «Столь В. Г. и Ко» в Челябинске увеличил объемы производства в 2,5 раза, Челябинкопи увеличили добычу угля со 132 тысяч до 500 тысяч тонн. В 1914–1916 годах на Южном Урале было выплавлено 38,356 миллиона пудов чугуна, а производство стали и железа выросло почти в два раза, достигнув 7172 тысяч пудов [28, с. 24].

Недостаток военного снаряжения, обнаружившийся в начале войны, заставил правительство России пойти на шаги по непосредственному отчуждению (реквизиции) для военных надобностей обмундирования, предметов и материалов, необходимых для действующей армии. Активное участие в этих мероприятиях приняли органы местного самоуправления. В 1914–1915 годах только

в Оренбурге и уезде было реквизировано вещей на 497 185 рублей 25 копеек. В 1916 году по Оренбургской губернии сумма реквизиций составила почти 300 тысяч рублей. Специальная реквизиционная комиссия в годы войны работала и в Челябинске. Она собирала и отправляла на фронт одежду, обувь, медикаменты, предметы личного обихода. Для нужд оборонных предприятий у населения изымались дефицитные цветные металлы, в особенности остродефицитный алюминий, картонные и латунные гильзы, холодное оружие. Комиссия немало сделала для улучшения снабжения солдат теплыми вещами и одеждой, особенно во время острой нехватки на фронте обмундирования и снаряжения [39, с. 158]. Но участие земств в реквизициях дискредитировало их в глазах местного населения [28, с. 23].

Примечательно, что на последнем этапе войны ситуация в промышленности Уральского региона стала ухудшаться. Сказывались перебои в работе железнодорожного транспорта, нехватка топлива и сырья, дефицит рабочей силы. В 1914 году из уральских горных округов было призвано на фронт 43,7 % вспомогательных рабочих, занятых в основном на лесозаготовительных и транспортных работах. В 1915 году по причине нехватки топлива и сырья из 158 доменных печей были остановлены 22, а 11 печей работали с неполной загрузкой. В январе 1917 года из 112 доменных печей стояли

уже 55, а с недогрузкой работали 20 [41, с. 140]. В Кыштымском горном округе с 1913 по 1916 год производство сократилось на 33 %, в Симском горном округе — на 37 %. В сельской местности уменьшились площади посевов и поголовье скота. В 1916 году был запрещен вывоз из Оренбургской губернии мяса (за исключением поставок для нужд армии); весной в ходе реквизиций на каждом трех членов семьи оставляли одну молочную корову, остальных забирали. В июле в Оренбурге, а позднее и в других городах губернии, была введена карточная система распределения сахара, муки, отрубей, дров. В борьбе с дороговизной хлебных продуктов правительство усиливало государственное регулирование сельскохозяйственного производства, вводило продразверстку. Однако многие меры, предпринятые государством, «оказались неадекватными сложившейся ситуации в южноуральском регионе, поскольку при галопирующей инфляции и недостатке товаров промышленного производства хлебодержатели отказывались продавать хлеб по установленным твердым ценам».

Неслучайно в 1916 году Оренбургское жандармское управление зафиксировало заметный рост протестных настроений среди жителей Оренбургской губернии. В отчете Оренбургского жандармского управления «О современном настроении населения Оренбургской губернии и Тургайской области» директору департамента полиции

В Челябинске 23 ноября 1915 года «женщины-солдатки, отчаявшись получить свои законные продуктовые пайки, вышли на Соборную площадь. Их возглавила работница кондитерской фабрики Капитолина Карамзинова. Призыв двинуться к городской управе и потребовать пайки был поддержан. Никто из чиновников к женщинам не вышел. Тогда потерявшая всякое терпение толпа выбила стекла в здании управы и нескольких магазинах. Для подавления

волнения были вызваны казачья сотня и две роты солдат. Однако солдаты встали на защиту женщин, заявив: «Если хоть одна солдатка будет побита, то вся казарма выступит в их защиту. И если вы нас заставите стрелять, то неизвестно еще, кто в кого будет стрелять». За участие в «бунте» в Челябинске были арестованы 39 женщин. После «бабьего бунта» власти объявили в городе военное положение, опасаясь возможных осложнений» [35, с. 77].

от 18 октября 1916 года говорилось о том, что наиболее острую форму к осени 1916 года принял продовольственный вопрос, затрагивающий все слои населения. Причины продовольственного кризиса население видело в политике правительства, затянувшейся войне [37, с. 15]. Недовольство привело к погромам. Первые разгромы магазинов и лавок в самом Оренбурге произошли еще в мае 1915 года.

В августе 1916 года «бунт» произошел в поселке Крутоярском Троицкого уезда. В ноябре того же года в связи с нехваткой продовольствия произошли волнения населения Троицка и Соль-Илецка [36, с. 11]. И опять основными участниками этих событий были женщины, на плечи которых легла основная тяжесть работы в тылу. Помимо «промышленного» и «продовольственного» обострился «квартирный», «топливный» и целый ряд других вопросов, неразрешенность которых вела к дальнейшему падению уровня жизни значительной части населения Южного Урала. По школам Министерства народного просвещения в пяти

уездах Оренбургской губернии в 1916 году свыше трети учителей получали менее 200 рублей в год, пятая часть — менее 100 рублей, небольшое количество педагогов (16 человек) — менее 50 рублей. В Верхнеуральском уезде — 34 учителя, в Троицком уезде — 98 учителей, в Челябинском уезде — 32 учителя денег вообще не получали (находились на натуроплате) [22, с. 150]. В то же время состоятельные южноуральцы продолжали вести прежний образ жизни. По воспоминаниям старожил, в Троицке даже в последние годы войны «работали рестораны, в цирке и театре шли представления, а на местном ипподроме устраивались бега, работал тотализатор с огромными ставками» [21].

Неслучайно в начале 1917 года во многих городах, деревнях и станицах Южного Урала сложилась напряженная обстановка. Недовольство охватило различные группы населения, создав в регионе атмосферу социально-политической нестабильности и психологической готовности к самым радикальным переменам.

Список литературы

1. Южноурал. панорама. 2014. 18 июня.
2. Башкирия в годы Первой мировой войны : сб. док. и материалов. Уфа : Китап, 2014. 446 с.
3. Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. : АИРО-XXI, 2014. 432 с.
4. Голос Приуралья. 1914. 21 июля.
5. Там же. 22 июля.
6. Там же. 24 июля.
7. Там же. 25 июля.
8. Там же. 27 июля.
9. Там же. 29 июля.
10. Там же. 1 авг.
11. Там же. 12 авг.
12. Там же. 19 авг.
13. Там же. 24 авг. и др.
14. Там же. 19 сент. и др.
15. Там же. 20 сент. и др.
16. Там же. 23 сент. и др.
17. Там же. 24 сент.
18. Там же. 1 окт.
19. Там же. 11 окт.
20. Там же. 14 окт.
21. Южноурал. панорама. 2013. 28 нояб.
22. Губскова Г. Г. Начальная школа в годы Первой мировой войны (на материалах Оренбургской губернии) // Народы Южного Урала на страже Родины : материалы Всерос. науч. – практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренб. казачьего войска / под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург : Университет, 2014. 624 с.
23. Жук А. В. Арсенал Первой мировой войны. Оборонная промышленность Урала в 1914–1918 гг. М. : НИЯУ МИФИ, 2014. 219 с.
24. Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с.
25. Кобзов В. С., Семенов В. Г. Челябинцы на фронтах // Южный Урал. Первая мировая война: К столетию со дня начала / сост.: Н. А. Антипин, Д. Г. Графов. Челябинск : Камен. пояс, 2014. 112 с.
26. Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов : в 3 т. Т. 1. 1673–1917 гг. Челябинск : Книга, 2008. 399 с.
27. Магомедов Р. Р., Шмакова Н. Н. Население Южного Урала в начале Первой мировой войны // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2012. № 5. С. 203–207.
28. Машкова Н. Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны 1914–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004. 28 с.
29. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1180.
30. Там же. Д. 1164.
31. Там же. Д. 1185.
32. Там же. Д. 1207.
33. Там же. Д. 1213.
34. Там же. Д. 1215.
35. Рязанский И. В. Челябинск в годы Первой мировой войны // Южный Урал. Первая мировая война: К столетию со дня начала / сост.: Н. А. Антипин, Д. Г. Графов. Челябинск : Камен. пояс, 2014. 112 с.
36. Сафонов Д. А. Оренбургское общество и мировая война // Народы Южного Урала на страже Родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренб. казачьего войска / под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург : Университет, 2014. 624 с.
37. Семенов В. Г., Махрова Т. К. Южный Урал в годы Первой мировой войны // Южный Урал. Первая мировая война: К столетию со дня начала / сост.: Н. А. Антипин, Д. Г. Графов. Челябинск : Камен. пояс, 2014. 112 с.
38. Турова Е. П. 1914г. Эхо войны // Там же.
39. Кобзов В. С., Семенов В. Г. Война Первая мировая: положение в Челябинске // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск : Камен. пояс, 2001. 1112 с.
40. Семенов В. Г., Махрова Т. К. Первая мировая война // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 5 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2008.
41. Щербин Н. М. Горнозаводская промышленность Урала в 1914–1920-х гг. // Вестн. Томс. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 140–146.

И. В. Нарский. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917-й ...

«» Еще в ноябре в Челябинск начали просачиваться слухи, что в Петрограде происходят крупные события,— Керенский куда-то исчез, его коллеги — тоже,— власть захватили красные... В декабре слухов больше и больше,— одним верили, к другим относились с сомнением. Говорили, что новая власть ведет переговоры с немцами о сепаратном мире; немцы уже отхватили порядочный кусок России; не думают его возвращать, но дальнейшее наступление прекратили и предъявили свои требования. Во всяком случае — видимо, война кончена,— объявлена демобилизация, подтверждать ее не пришлось,— с фронта началось массовое бегство,— задерживательные центры исчезли. Объявлено об аннулировании всех государственных долгов — внешних и внутренних; внешние — забота государств, которые давали деньги, а внутренние наказывают уже своих... За прекращением войны аннулируются и все военные заказы Военно-промышленным комитетам. В какую форму отольется будущее,— никто, понятно, не знал.

Слухами интересовались все,— некоторые волновались, но подавляющее большинство оставалось спокойным; вот будет Учредительное собрание, оно и решит — что и как...

Пока мирная жизнь по инерции продолжалась. Лавки торговали; товару немного, но был. Цены очень поднялись, хотя угроза Вильгельма II:

“Я заставлю этих русских платить по рублю за обыкновенную иголку!” — еще не осуществилась. Присутственные места открывались и закрывались в свое время. В школах учили и учились» [35, с. 229–230].

Эта зарисовка конца революционного 1917 года, каким он виделся в Челябинске, принадлежит местному акцизному чиновнику Константину Николаевичу Теплоухову (1870–1942). В воспоминаниях, написанных во второй половине 1930-х годов на основании подробных дневников, которые автор аккуратно вел многие годы, приведенная цитата находится почти в самом конце главы «1917-й год». Описанию большевистского прихода к власти — этого центрального события русской революции с далеко идущими последствиями планетарного масштаба — в мемуарах Теплоухова предшествуют зарисовки других событий конца октября — ноября 1917 года. Среди них — отпуск и поездка в Миасский завод, охота на зайцев, неприятности с квартирантами, сложности в работе Военно-промышленного комитета, в котором в тот момент служил Теплоухов. Вслед за упоминанием о событии, которое задним числом будет названо Великой Октябрьской социалистической революцией, мемуарист как ни в чем не бывало вновь обращается к будням хозяйственной, домашней и общественной жизни.

К. Н. Теплоухов

Для челябинского мелкого чиновника, как и для многих других «обычных» людей, столичные революционные события были далекой и не очень важной материей, во всяком случае — не такой важной, как по инерции продолжавшаяся повседневная жизнь с маленькими радостями и неприятностями. Это следует и из самой приведенной цитаты. Из нее видно, что бегство из Петрограда главы Временного правительства А. Ф. Керенского и его министров, ведение переговоров большевистского правительства с немцами о прекращении вот уже четвертый год шедшей Первой мировой войны и угрозы германского императора задушить страну инфляцией и дороговизной были не более чем слухами. Гораздо важнее из провинциальной перспективы казались толпы солдат, бегущих с фронта на восток через железнодорожный Челябинск и возможность закрытия Военно-промышленного комитета — общественной организации, с 1915 года руководившей распределением военных заказов между местными предприятиями. Столичные события воспринимались с любопытством, но чаще — с равнодушием. Ответственность за будущее списывалась провинциальными обывателями на Учредительное собрание, которое должно было собраться в начале 1918 года.

Словом, для большинства жителей российских регионов, в том числе и для южноуральцев, революция 1917 года была внешним фактом, ответственным за который они себя не считали. Не только октябрьский переворот, но и Февральская революция обрушилась на Южный Урал совершенно внезапно.

Отношение к ней поначалу было легкомысленным. Характерно, как К.Н. Теплоухов отнесся к крушению монархии:

«Отречение Николая не произвело особого впечатления на меня, да и на окружающих. „На такое место охотников много — ушел этот, найдется другой. Если не будет царя — будет президент или что-нибудь вроде этого. Нам-то, во всяком случае, ни тепло, ни холодно!“ Будущее показало, насколько мы были наивны. Одобрили и отказ Михаила, о котором не имели ни малейшего представления. „Должно — не дурак,— не захотел ввязываться в эту грязную историю в такое время...“ В общем, было даже очень любопытно, что будет дальше...» [35, с. 212].

Даже в Петрограде неожиданное начало долгожданной революции вызвало шок. А в провинциальных регионах петроградские события рубежа февраля — марта породили всеобщее замешательство. Партийная жизнь на периферии империи, в том числе и на Южном Урале, после последнего всплеска во время избирательной кампании 1912 года в Государственную думу замерла или еле теплилась, существуя в большей степени в секретном делопроизводстве политического сыска ради обоснования им собственной значимости.

Характерно, насколько абсурдными были первые заседания сторонников конституционно-демократической партии (кадетов) в Челябинске в апреле 1917 года, свидетельствовавшие о вопиющей политической неосведомленности и неопытности в партийной практике. Они также с иронией описаны Теплоуховым:

Народу собралось много — из всех слоев,— выступали различные ораторы. Большинство присутствующих были не левее умеренных октябристов, но стеснялись публично заявить об этом и почти единогласно решили поддержать кадетов... Кстати, и Временное Правительство — большинство кадеты.

Дальше начался курьез. Земцы убедили публику, что надо сначала ознакомиться хорошенько и пересмотреть программу кадетов, чтобы сделать ее приемлемой для всех. Выбрали специальную комиссию, человек 15,— попал в нее и я. На другой день — заседание комиссии, на следующий — еще и еще. Подробно обсуждали

Словом, местное население к новой общественной жизни было не готово. По мнению одного из знатоков ситуации начала 1917 года на Урале, Февральская революция в регион была в буквальном смысле слова “прислана в запечатанном конверте” (цит. по [29, с. 51]).

События 1917 года в южноуральской провинции развивались по общероссийскому сценарию и не предвещали превращения Урала в один из эпицентров Гражданской войны. После первых полуслухов — полуофициальных сообщений о начале революции информация о столичных событиях, несмотря на частичное сопротивление местных властей, в первые дни марта ураганно распространилась по городам Южного Урала, вызывая ответную реакцию в виде многочисленных манифестаций и митингов. В сельскую местность сведения о революции проникли с опозданием на недели. Было бы, видимо, преувеличением говорить о всеобщем восторге и воодушевлении по поводу смены политического режима — настроения колебались от радостных надежд на быстрое решение всех проблем до недоумения и равнодушия.

К середине первой декады марта 1917 года власть губернаторов и других представителей прежней гражданской администрации перешла к председателям губернских и земских управ и главам городских дум — все они получили статус комиссаров Временного правительства.

В революционном ажиотаже больше разрушалось, нежели создавалось. Несмотря на заверения в преданности революции и Временному правительству, были ликвидированы прежние прави-

тельственные учреждения, распущены полиция и жандармерия. Их служащих, даже если они не подвергались преследованию и насилию, ждало бесперспективное будущее. Растерянностью и отчаянием дышат строки письма в Петроград супруги помощника челябинского полицмейстера:

*14 марта, 1917,
г. Челябинск.*

*Его превосходительству
Председателю
нового строя Родзянко.*

Мой муж, помощник полицмейстера г. Челябинска, остался не у дел. В Челябинске рабочий комитет полицию не признает. Я и муж радовались новому правительству, да и кто не радуется? Но теперь мы не знаем, что делать. Мы остались совершенно без средств, жалования, причитающиеся моему мужу за 2 месяца, не выдают, на что же мы будем существовать? Умоляю Ваше Высокопревосходительство дать моему мужу службу. Вы освободили Россию, ос-

вободите и нас от голода, не давайте повода роптать на новый строй. Чем виноваты мы, что раньше существовало правительство во главе с царем? И почему полицейские должны страдать за старый строй? Дайте нам кусок хлеба, и мы будем честно и преданно служить новому правительству и тогда так же, как и все, будем радоваться новой жизни и свободно можем сказать:

“Да здравствует свободная Россия и пусть Господь сохранит жизнь председателя новой России”.

*г. Челябинск гости-
ница Дядина*

*Наталья Иоанновна
Де-Гросс-Добровольская
(цит. по [7, с. 210])*

каждый параграф, вносили такую кучу поправок, что программа стала совсем не кадетской. Я не понимал, для чего мы проделываем это, и, наконец, заявил, что кадеты уже установившаяся партия, и вряд ли они изменят программу по указаниям челябинцев; надо — или вступать без разговоров в партию, или создавать свою, новую — самостоятельную партию.

Публика замылась, — действительно... Занятия комиссии прекратились, на общем собрании постановили — просто вступить. Наиболее рьяные — новопеченные кадеты — записали и всех служащих своего учреждения или конторы, — уплачивали из своих средств пятирублевый взнос и получали на них именные удостоверения.

А те и не подозревали, что они кадеты, а потом пережили много неприятных минут, когда воцарились красные и начали преследовать бывших кадетов [35, с. 214–215].

Разрушение старых институтов управления вкупе с обуявшей россиян эйфорией свободы не снимало, а обостряло прежние проблемы и создавало новые. Отстранение прежних представителей власти сопровождалось стихийным и насильственным, с эксцессами погромного характера, разрушением структур правопорядка и политического сыска. Преследование полицейских и жандармов, самосуд над бывшими представителями власти, попытки уничтожения делопроизводства органов сметенного режима, захват тюрем и освобождение без всякой проверки всех заключенных, преимущественно уголовников, прокатились по Южному Уралу. Это были своеобразные символические акты расправы с царским строем и признания новой власти.

В Челябинске, по воспоминаниям бывшего банковского служащего И. Д. Дмитриева, весной 1917 года из тюрьмы были выпущены 500–800 уголовных преступников с условием обязательного вступления в армию. Они были переведены в воинские казармы и влиты в 109-й полк. Однако с первых же дней под прикрытием солдатских шинелей начались ночные кражи и грабежи. Многочисленные шайки орудовали сначала на окраинах города, вблизи казарм, а затем — на всей территории уездного центра. Караульщики, нанятые населением, разбежались. Жители пребывали в панике. Городская управа ничем не могла помочь ввиду отсутствия средств и малочисленности милиции [18].

Этот опыт не пошел, однако, новым властям впрок, разбиваясь о легкомыслие и радужные умонастроения. В апреле 1917 года Челябинская городская тюрьма оказалась практически без всякой охраны: рабочие и солдатские депутаты настояли на том, чтобы на Пасху камеры были открыты, а вход в них был бы свободен для всех желающих, и без всяких пропусков. В результате посетители, арестанты и надзиратели дружно распивали в камерах «дышничек» (денатурированный спирт) [49].

Наряду с органами местного самоуправления, значение которых в управлении подведомственными территориями резко возросло, повсеместно, хотя и с различными темпами и интенсивностью, стали возникать общественные органы, претендующие на участие во власти — комитеты обще-

ственной безопасности (КОБы) и Советы рабочих, солдатских, затем — крестьянских депутатов. При этом активно воспроизводился опыт первой российской революции, точнее — конца октября 1905 года, когда комитеты общественной безопасности или обороны создавались в ответ на столкновения революционно и патриотически настроенных манифестантов. Этим отчасти объясняется более стремительное, по сравнению с Советами (неразвитыми в 1905 году на Урале), возникновение КОБов. В результате в первую декаду марта КОБы в уральских городах доминировали.

Однако вскоре это соотношение кардинально изменилось. Распространение КОБов, возникших, как и в 1905 году, по инициативе земств и других общественных и партийных организаций, быстро натолкнулось на естественную границу — неразвитость уральских городов. В то же время в горно-заводской зоне и, в меньшей степени, на селе организовывались Советы. В целом общественные организации развивались на Южном Урале медленнее, чем в других частях Урала. Если в 1912 году местные представительства всероссийских политических партий на Южном Урале составляли треть от существовавших на всем Урале (в Оренбургской губернии — 6 % от общеуральского уровня), то в 1917 году — менее 10 % (в Оренбуржье — 4 %). В середине 1917 года количество Советов на Южном Урале составляло всего 63, или около 5 % уральских Советов.

Несмотря на новые проблемы, вызванные административным хаосом, в первые недели революции у местного населения преобладало праздничное настроение. Оно поддерживалось многочисленными праздниками в честь революции, прошедшими в марте — апреле 1917 года. Так, торжественный парад войск Уфимского гарнизона 7 марта принимал местный Комитет общественных организаций [41]. В Челябинске, где первые столичные газеты с сообщениями о политическом перевороте были получены лишь 7 марта, 10 марта праздновали день гражданского обновления России. Пресса призывала украшать дома только красными и красно-черными флагами. Жители предупреждались, что знамена старого образца, в случае их вывешивания, будут уничтожаться. На газетные полосы

для разучивания были помещены революционные песни — похоронный марш «Вы жертвою пали», «Варшавянка», «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу!», «Марсельеза» [30]. С раннего утра 10 марта отдельные дома были украшены красными флагами, которых с каждым часом становилось все больше. Красный цвет доминировал. На улицах мелькали красные бантики, ленты, пояса, галстуки, шарфики, обтянутые кумачом кокарды, флажки на штыках. Появились продавцы искусственных красных цветов, которые охотно раскупались празднично настроенной толпой [51].

Однако вскоре праздничные и миролюбивые настроения стали сменяться агрессией. Праздники начали сопровождаться беспорядками и демонстрацией враждебного отношения к новой власти, которой население совсем недавно присягало на верность. Празднование 1 Мая в Троицке Оренбургской губернии 23 апреля вылилось, например, в пьяный погром — первый на Урале предвестник «пьяной революции» октября — декабря 1917 года. Солдаты и гражданское население разгромили винный склад, растащив около 40 тысяч ведер спирта. Пресса живописала отвратительные сцены пьяного разгула: «Люди забыли свободу, люди забыли совесть и честь и великое светлое будущее. Как дикие звери, давя друг друга, казаки и солдаты, граждане и гражданки рвались за водкой. Хватали бутылки, четвертные, и тут же, выбивая пробки, пили из посуды и тут же валились... А пьяные садились на тела спившихся и об их головы ударяли бутылками, выбивая пробки <...> Перепившиеся толпы граждан буянили на улицах... Пьяные казаки рубили друг друга, брат брата шашками» [31].

Склад горел, и люди бросались за спиртным сквозь пламя. В тот же день город был объявлен на военном положении. С пьяной толпой боролась всего одна военная часть — учебная команда. На следующее утро, по разным данным, было обнаружено 180–200 трупов опившихся людей. По просьбе Троицкого Совета солдатских и рабочих депутатов исполком Челябинского Совета направил для подавления бесчинств воинскую часть. Погром был объявлен делом рук «провокаторов в солдатской форме» [32; 40].

К популярной среди современников версии о спланированной провокации контрреволюционеров следует, однако, отнестись с крайней осторожностью. В беспорядках проявилось прежде всего отчаяние обывателя по поводу все более обострявшейся продовольственной проблемы, которую новая власть не в силах была разрешить.

Возникновение продовольственной проблемы на Южном Урале весной 1917 года на первый взгляд может показаться неожиданным. Действительно, сельское хозяйство региона было представлено традиционно процветающими земледелием и скотоводством Оренбургской и Уфимской губерний. По душевому земельному наделу и остроте социальной напряженности Южный Урал выгодно отличался от Центральной России. Потери рабочих рук, вызванные мировой войной, переживались уральской деревней и казачьей станицей менее болезненно. Сокращение посевных площадей вследствие нехватки работников, поставленных во время войны под ружье, было незначительным. Так, в Уфимской губернии (без Мензелинского уезда) площадь посевов в крестьянских хозяйствах в 1916 году составляла 83 % от уровня 1911 года, количество хозяйств без посева возросло с 11 до 13 % всех хозяйств, число дворов без рабочей силы увеличилось более чем в два раза (с 11,5 до 22 % всех дворов) (см. [37, с. 123]). Перемены не были критичными, а 1917 год благодаря богатому урожаю, казалось бы, ничем не грозил сельскому хозяйству, несмотря на революционные потрясения в столицах и смену власти в стране. Так, в Оренбургской губернии в 1917 году было собрано 29,1 миллиона пудов пшеницы, что было больше предыдущего урожая на треть. Особенно высокой была урожайность в Челябинском уезде, где показатели по основному зерновому культурам превысили прошлогодние на 24–234 %. Осенью 1917 года специалисты исчисляли излишки хлеба нового урожая в Оренбуржье более чем в три миллиона пудов [20].

Тем не менее продовольственная проблема начала маячить на горизонте еще до начала революции. За размыванием в годы Первой мировой войны рынка продукции массового спроса и ростом, вследствие этого, инфляции последовало нежелание крестьян продавать хлеб. Его дефицит вызвал

государственные меры по регулированию цен, а введение в 1916 году твердых цен на хлеб лишь усугубило стремление крестьян придержать его. Замкнулся порочный круг, из тесных рамок которого не смогло вырваться и Временное правительство. В марте 1917 года оно издало постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства», продолжившее практику царского режима. В соответствии с ним устанавливались порайонные твердые цены на зерновые культуры и хлебные продукты. Усилились обязательные изъятия из сельского хозяйства в пользу армии.

Однако государственная монополия на право распоряжаться хлебом оказалась unsuccessful. Причинами тому были как сопротивление крестьянства и новых представителей его интересов, так и недостаток у государства сил для последовательной реализации своей политики (подробнее см. [5, с. 68–85]). Крестьяне и казаки на сходах и съездах отказывались передавать хлеб государству и даже обсуждать сам вопрос об этом, а если и отдавали часть своих запасов, то исключительно в виде добровольных пожертвований на нужды армии.

Распространенным способом избежать государственных поставок, с которым власти тщетно боролись, являлось тайное изготовление и незаконная продажа сельскими жителями алкогольных напитков. Эта практика была на Урале распространена повсеместно, включая Оренбуржье, населенное законопослушным казачеством. Бывали случаи, когда изготовление самогона осуществлялось под контролем и даже по указанию местных представителей власти: в поселке Изобильном Оренбургской губернии, например, поселковый атаман Г. Шмелев и волостной писарь В. Неклюдов при распределении прибывшего в начале января 1917 года из Оренбурга сахара, вместо 1,25 фунта выдавали только по одному фунту, а остальное раздали кисловарам в обмен на две четверти кислушки с каждого [19].

К. Н. Теплоухов, по долгу службы занятый борьбой с самогонварением в Челябинском уезде, в феврале 1917 года, за несколько дней до революции, записал в своем дневнике: «Случайно получил в товарной конторе любопытное сведение: за прошлый год в с. Куртамыш отправлено 900 пуд[ов]

хмеля — он идет в небольшом количестве на бражку и на дрожжи для самогонки. Сколько же изготовлялось самогонки!» [36, с. 290].

Нежелание крестьян продавать хлеб по твердым ценам, страх перед дефицитом продовольствия в городах и необходимость канализировать обязательные крестьянские поставки преимущественно для нужд армии заставили власти начать с 1914 года введение продуктовых карточек для горожан. Это создавало в городах напряжение, вызванное растущими ценами на продукты питания, опасениями грядущего голода, и интенсивную деятельность жителей по добыванию и накоплению съестных запасов. В конце апреля 1917 года, например, среди проезжающих через Уфу солдат вспыхнули волнения в связи с дороговизной хлеба по сравнению с другими местностями. На площадях и улицах Уфы 1–2 мая толпы народа требовали обыскать крупных торговцев. Власти подозревали провокацию, поскольку среди задержанных «темных личностей» оказался сотрудник распущенного во время революции Уфимского губернского жандармского управления [9].

У конторы Челябинского городского продовольственного комитета ежедневно собиралась для оформления продуктовых карточек очередь в 300–400 человек. Люди дрожали от многочасового стояния в весенней промозглости, в то время как служащие «барышни» мирно беседовали и лузгали семечки. «Если какая-нибудь женщина насмелится спросить: “Барышня, нельзя ли мою книжку закончить”, то получит в ответ — “обождите, не до вас, у нас и так много работы!”» [50]. Формировалась система, в которой не продавец обслуживал покупателя, а покупатель существовал для продавца и был совершенно незащищен перед произволом с его стороны.

К лету 1917 года в Оренбургской губернии, несмотря на очень хороший урожай, не только наметился острый хлебный кризис, но и началась «мануфактурная паника» из-за отсутствия тканей. В Челябинске дошло до избиения торговцев. Так, 15 июня на базаре за рекой толпа солдат и гражданских лиц избила владельца лавки готового платья Гершковича по подозрению, что он в больших количествах закупает мануфактуру и скрывает ее,

выжидая повышения цен. В конце июня челябинцы могли наблюдать давку женщин перед мануфактурным магазином Ш. Ахметова. Их пропускали по несколько человек вооруженные ружьями солдаты. Толпа у продовольственного магазина на Исетской улице требовала отпускать не по одному, а по два фунта сахара. Был избит артельщик продовольственного комитета. Эксцессы на почве недовольства населения получением предметов первой необходимости все учащались. Толпа избивала кассира Челябинской городской продовольственной лавки: женщины расправились с ним в ответ на нецензурную брань, которой он осыпал их в ответ на требования отпуска обычной нормы сахара. Продовольственные и «ситцевые» волнения длились несколько дней [33] (о «ситцевом голоде» в Челябинске см. также [1, с. 165]). Коалиционный комитет и Совет рабочих и солдатских депутатов вынуждены были в конце июня организовать обыски в магазинах и складах с целью обнаружения скрытых запасов товаров и предотвращения погромов. Поиски, как и прежде, закончились безрезультатно. Муки челябинских горожан периода «ситцевого голода» живописала местная пресса: «Целыми днями люди стоят, жарясь на солнце, и ждут своей очереди. Уходят от рабочего верстака, от малых детей, чтобы получить свой фунт сахара или несколько аршин ситца. Простоявши 5–6 часов, им, большую частью, объявляют, что товара больше нет» [34].

В Уфе также не прекращались скандалы у табачных и обувных лавок. Чтобы несколько разрядить возбуждение толпы, в которой роль заводил играли солдаты, комитет общественных организаций и исполком Совета рабочих и солдатских депутатов в начале июня приняли решение запретить отпуск товаров воинским чинам из лавок и магазинов. Снабжение солдат впредь должно было осуществляться только через полковые комитеты [10].

В горнозаводской зоне Южного Урала жизнь также становилась все более неуютной и горькой. Перебои с топливом и сырьем, рост количества неисправных паровозов, дефицит рабочих рук вследствие военных мобилизаций — все это вело к сокращению производства и угрожало остановкой крупных заводов в Златоусте, Аше, Симе, Миньяре. Возвращавшиеся с фронта солдаты, не нахо-

дя рабочих мест, насильно занимали места более квалифицированных рабочих, что также вносило дополнительную нервность и хаос в будни горнозаводских территорий. Нарастала волна насилия, не санкционированного и не контролируемого государством. В Миасском заводе Оренбургской губернии ночные грабежи из квартир были прекращены после поимки четырех громил. Население завода 10 июня единогласно высказалось за самосуд, предотвратить который исполком был бессилён: трое заподозренных в преступлениях были растерзаны толпой [39].

Большая часть 1917 года прошла в обстановке совершенно неопределённой перспективы, неясной расстановки политических сил и невыраженных линий противостояния: «двоевластие» Советов и органов власти Временного правительства на периферии бывшей империи реально оборачивалось многовластием бесчисленных государственных, общественных и партийных органов, учреждений и организаций, бестолковая конкуренция которых на деле означала безвластие, паралич управления и контроля над происходящим.

То было время, когда будущие непримиримые большевики выражали полную солидарность с Временным правительством и призывали к продолжению войны до победного конца. Такой позиции придерживался, например, на общем собрании Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов 11 апреля 1917 года С. М. Цвиллинг, будущий воинствующий большевик, первый председатель большевистского Совета в Челябинске после установления советской власти и ярый противник антибольшевистского движения под руководством атамана А. И. Дутова. В первые месяцы после падения самодержавия земства принимали решения о финансировании Советов, члены КОБов входили в состав Советов, а члены Советов были представлены в КОБах. Социалисты сотрудничали с бывшими и будущими врагами — кадетами, а социал-демократы, в том числе большевики, входили в комитеты общественных объединений, которые один уважаемый челябинский советский историк задним числом признал «местными органами власти Временного правительства», формировавшимися «из кадетов, офицерства и представителей

мелкобуржуазных партий» [13, с. 20]. Внутренняя логика и железные закономерности, приписанные позднее историками революционному процессу 1917 года, при ближайшем рассмотрении ситуации не обнаруживаются. Политический хаос, усугубленный неустойчивостью и ненадежностью хозяйственного положения и деградацией быта, вызывал растущее раздражение населения, в котором ожидание сильной власти становилось все более напряженным и нетерпеливым.

Большевистский переворот в Петрограде в октябре 1917 года только усложнил ситуацию. Сценарии борьбы большевиков за власть на Урале в последние месяцы 1917 — первые месяцы 1918 года находятся в явном противоречии с созданным задним числом мифом о «триумфальном шествии советской власти» и свидетельствуют о слабости позиций местных сторонников «диктатуры пролетариата» в Уральском регионе, в том числе на Южном Урале.

Исходя из соотношения сил большевиков и их политических противников, можно выделить несколько сценариев перехода власти к большевикам или их борьбы за нее. Если на стороне ленинцев был явный перевес сил, власть бралась ими легко и без сопротивления. Эта модель установления «диктатуры пролетариата» преобладала (хотя и не была единственной) в горнозаводской зоне Среднего Урала, но не была характерна для Южного Урала.

Иначе устанавливалась советская власть в губернских и уездных центрах. Там переход управления в руки Советов был сопряжен со значительными трудностями. Например, в Верхнеуральске Оренбургской и Златоусте Уфимской губернии новая власть установилась лишь в марте 1918 года.

Там, где силы большевиков, с одной стороны, эсеров и меньшевиков — с другой, были уравновешены, создавались коалиционные органы — революционные комитеты, военно-революционные комитеты, исполкомы Советов, которые в конце 1917 года без вооруженных столкновений отстранялись от власти большевизированными Советами. На Южном Урале по такой схеме развивались события в Уфе.

Еще более сложная для большевиков ситуация возникала, если расстановка сил в Советах была

не в их пользу. В таких случаях им приходилось добиваться перевыборов Советов, как это произошло в горнозаводской зоне Южного Урала (Саткинский, Юрюзанский, Белорецкие заводы).

Если же мирный вариант прихода к власти через механизм перевыборов не удавался, большевики шли на насильственные меры: вооруженный захват власти, разгон Советов, физическое устранение противников, установление открытой диктатуры чрезвычайных органов. Такой сценарий был разыгран большевиками в Златоусте.

Особенно драматично развивалась борьба за власть в Оренбургской губернии. Избранный в сентябре 1917 года на чрезвычайном войсковом круге ОКВ войсковым атаманом и главой войскового правительства, А. И. Дутов в начале ноября 1917 года по решению чрезвычайного совещания, созданного губернским комиссаром Временного правительства, получил всю полноту полномочий для предотвращения большевистского захвата власти. Противостояние большевикам относительно хорошо организованных казачьих контингентов фактически являлось прологом Гражданской войны. Лишь 18 января 1918 года Оренбург в ходе регулярных боевых действий оказался под контролем советской власти, которая продержалась в нем полгода — до начала июля 1918 года. Позиции А. И. Дутова еще более усиливались поддержкой созданного летом 1917 года Башкирского центрального шуро

С. М. Цвиллинг

А. И. Дутов

(совета), стремления которого создать автономный Башкурдистан натолкнулись на неприятие со стороны пришедших к власти большевиков.

В целом 1917 год на Урале был отнюдь не праздничным смотрам большевистских сил. Какими бы путями ни устанавливалась новая власть, она не только не преодолела политический хаос, но и усугубила его.

Характерным симптомом падающего авторитета власти в глазах населения стали погромы казенных винных складов, накопивших после введения в августе 1914 года сухого закона в России огромные запасы спиртного. С конца лета 1917 до весны 1918 года по всей стране прокатились попытки населения захватить и разграбить спиртное, вылившиеся в массовое пьянство и насилие. Подобные эксцессы случились и на Южном Урале. О том, что результаты таких действий могли быть совершенно различны, свидетельствуют два контрастных примера покушения горожан на винные склады — в Челябинске и Оренбурге. Вновь представим слово челябинскому акцизному чиновнику К. Н. Теплоухову, который по долгу службы оказался участником челябинской винной истории в сентябре 1917 года:

Мелькнул слух, а потом и подтвердился, что рабочие ж.-д. завода „Столь“ решили уничтожить весь спирт и вино в винном складе!

Склад не работал, и запасы были огромные, — красные потом пользовались больше года. Комитет общественной безопасности исполошился, — что делать? Собрали чрезвычайный совет, пригласили акцизных, — В. И. Филиппова как местного главу Акциза, меня и Лисовского (начальника Челябинской уездной милиции. — И. Н.). Филиппов, как всегда в особых случаях, — надел полушубок, валенки выше колен, зимнюю шапку и заявил, что он опасно болен и уполномочивает

меня. Как оказалось потом, он повидался с некоторыми, желающими уничтожения, и сообщил, что ничего не имеет против.

На совещании трусливые советовали согласиться с желанием „рабочих“ — спустить все немедленно в канализацию, а то... „явится толпа, разобьют склад... перепьются, скандалы, могут быть убийства, пожар... Было же так в других городах...“ Спрашивают нас. Лисовский — туда, сюда... с одной стороны... конечно, а с другой... Я самым решительным образом высказался за сохранение всеми мерами, — ведь это же огромная ценность, а склад — прямо крепость.

Если в Челябинске попытка захватить и уничтожить государственные запасы спиртного ограничилась короткой устной пикировкой, в которой лидер местных большевиков оказался не на высоте, то в Оренбурге покушение на алкогольные сокровища обернулось трагедией с многочисленными человеческими жертвами.

Оренбург был последним крупным уральским городом в череде населенных пунктов, переживших «пьяный погром». Он произошел в декабрьские морозы 1917 года, что имело, как мы увидим, трагические последствия для его участников.

Противодействие приходу большевиков к власти, которая фактически оказалась в руках войскового круга ОКВ, создавало, казалось бы, благоприятные условия для поддержания порядка и недопущения погромных эксцессов. В конце октября за подписями губернского комиссара, войскового атамана, городского головы, председателя губернского КУБа, председателя губернской земской управы, прокурора суда и начальника гарнизона было опубликовано обращение к жителям города, в котором объявлялось, что «в связи с переживаемыми событиями — выступлением большевиков — в целях сохранения порядка в гор[оде] Оренбурге

Согласились со мной, попросили полковника Иолшина (командира 163-го полка. — И. Н.) оказать помощь, — он обещал, и в тот же день несколько десятков солдат поместились в складе.

На другой день прибегают ко мне из склада, — пришли делегаты. Иолшин там и ждет представителей ведомства, — пошел... Делегатов — трое, впереди Цвиллинг в солдатской шинели. „Рядовой?“ — обратился Иолшин к Цвиллингу. „Да“ — замаялся Цвиллинг. „Стой, как следует!“ — Цвиллинг подтянулся. „В чем дело?“ — „Мы находим нужным уничтожить весь спирт и вино, потому что...“ — „Мне неинтересно

почему, — а мы находим нужным сохранить его. В складе полсотни солдат, у каждого 200 патронов!“ Молчание... „Больше ничего? — спросил Иолшин. — Можете идти“. Делегаты ушли — никаких попыток уничтожить спирт не было [35, с. 224].

и спокойной работы по подготовке выборов в Учредительное собрание город Оренбург объявлен на военном положении» [53]. Вторая неделя ноября в городе прошла, тем не менее, в большом напряжении. Подводя затем итог миновавшим страхам, пресса писала: «Оренбург прожил минувшую неделю в сильной тревоге. В связи с событиями, проходившими в разных городах России, и здесь ждали погромного выступления большевиков. Город был полон самых разнообразных слухов» [26].

В понедельник 6 ноября в связи с тревожными настроениями на городских окраинах учебные занятия во второй смене были отменены, учащиеся распущены по домам. Повсюду были расклеены подписанные А. И. Дутовым воззвания к населению и войскам, расставлены надежные караулы, учреждены разъезды, запрещены митинги и прочие сборища. В городе были сосредоточены значительные силы казаков, пехотных частей, артиллерии. В ночь на 7 ноября были арестованы лидеры местных большевиков, которых рассредоточили по казачьим станицам для содержания под стражей.

Беспокойство к середине месяца улеглось настолько, что редакция местной газеты с удовлетворением отметила: «Разве нельзя сказать, что мы живем в редком счастливом городе? Ни одной капли крови не было пролито у нас, ни одного братоубийственного выстрела не раздалось на улицах нашего города» [55].

Слухи о возможных погромах, однако, не стихали: 22 ноября к А. И. Дутову явилась делегация евреев, обеспокоенных возможностью погрома из-за якобы пропавших трех гимназисток. Войсковой атаман поставил в известность Комитет спасения родины и революции и просил выпустить от его имени воззвание с опровержением версии ритуального убийства девушек. «Погромное настроение, — заявил он, — особенно по отношению к евреям, может повести к нежелательным последствиям» [56].

Напряженное ожидание худшего, тем не менее, не проходило. К началу декабря в связи с наступлением большевиков на Оренбург мятежный город оказался в изоляции: 1 декабря прекратилось железнодорожное сообщение с Самарой. В середине декабря педагогический совет и родительский комитет 1-й женской гимназии наложили запрет на

проведение вечеров с танцами. «Поводом для такого запрещения служили события переживаемого времени: государственная разруха, надвигающийся голод, печальные события повсюду и небезопасное положение здесь, что должно мысли настраивать не к танцам, а в сторону отрезвления от того угара, который, как пир на торжестве большевиков, несется по всем увеселительным местам» [59]. Наконец, 19 декабря местная печать с сокрушением объявила: «Все те, кто с завистью слушал известия о пьяных погромах в Петрограде, Самаре, Казани и других городах и кто алчно поглядывал на оренбургский винный склад, удовлетворили, наконец, ненасытную страсть к вину» [60].

16–18 декабря в Оренбурге произошел разгром винного казенного склада, в котором хранилось 40 тысяч ведер спирта. Как и в других городах, власти по предложению губернского комиссара Н. В. Архангельского решили избавиться от опасного богатства и спустить спиртное в реку Урал. Операция в течение двух-трех дней шла успешно, пока по единоличному решению председателя Комитета спасения родины и революции В. Ф. Барановского отверстие в трубах не было заделано. В результате повышенного давления труба лопнула и началась утечка спирта. К месту аварии для охраны была приставлена 5-я сотня 4-го запасного полка, которая, не удержавшись, вечером 16 декабря отведала «огненной влаги». Перепившийся караул был сменен новым, который последовал примеру предшественников. Весть о бесплатной выпивке в неограниченном количестве с молниеносной быстротой распространилась по городу. Началось «паломничество» на склад с ведрами, чайниками и другими емкостями. Толпа проникла во двор и разбила двери в помещения, где находились баки со спиртом и денатуратом. В одном из помещений с разлитым спиртом вспыхнул пожар, который быстро разрастался, так как тушить его было некому: приехавшие пожарные тут же перепились. Местная пресса писала: «Несмотря на большую опасность от огня, толпа все больше и больше увеличивалась и вскоре началось нечто неопишное: спирт тащили всем, чем только можно — ведрами, бутылками, четвертями. Некоторые опускали в бак со спиртом шарфы и потом сосали их... Люди превратились

в зверей. Многие из напившихся падали здесь же, на площади, около завода. Бесснежная ветренно-морозная декабрьская погода многих из них навеки усыпила, а многие останутся без рук и без ног. Утром следующего дня явилась масса нового народа. Если ночью отряды казаков, вооруженных винтовками и шашками, с посудой всех калибров и размеров ходили за спиртом, то утром спирт толпой вывозился на возах...» [27].

В полдень 17 декабря на пожар прибыл атаман А. И. Дутов. В это время начальник милиции А. Е. Гамбашидзе бросил на толпу конную милицию, которая несколькими залпами разогнала «посудников». Двор и площадь были очищены, большой бак со спиртом взорван, колодец со спиртом зажжен. Здания склада в течение трех дней горели, как свечи.

На этом, однако, точку в оренбургской трагедии поставить не удалось. Весь день 17 декабря по улицам города бродили пьяные солдаты, казаки, рабочие и прочий люд, оглашая воздух бессмысленными криками, руганью и песнями. Некоторые пьяные казаки с винтовками и шашками гонялись за мирными жителями. Вечером закрылись кинотеатры, театры и рестораны, на следующий день — магазины.

Немаловажной проблемой стала организация отпора погромщикам. Главная сложность заключалась в том, что на казаков гарнизона в этом вопросе опереться было сложно. Войсковой круг 17 декабря проанализировал причины погрома и действия по его прекращению. А. И. Дутов сообщил собравшимся, помимо прочего, суть проблемы восстановления спокойствия в городе: «Для водворения в городе порядка предполагалось отправить к винному складу отряд казаков, но предварительно был произведен учет лиц трезвых. Оказалось, что из всех казаков гарнизона трезвых было только 26 человек» [23]. В этой сложной ситуации были призваны казаки-старички Форштадта, которые задержали 60 пьяных казаков и отняли у них награбленное на винном складе, в том числе стенные часы и зеркало. Круг единогласно принял решение приказать казакам близлежащих станиц немедленно явиться в Оренбург. В город прибыло около двух тысяч стариков-станичников, в основном — из станиц

Павловской и Сакмарской, мобилизовавших все мужское население в возрасте от 22 до 55 лет. К вечеру 17 декабря жители города организовали охрану домов от погромов и поджогов. На следующий день Форштадт был оцеплен со всех сторон добровольцами из жителей станицы, чтобы не допустить туда кого-либо с алкогольными напитками. По всем улицам, ведущим к складу, по инициативе квартальных старост были выставлены заставы, на которых обыскивали проходящих и выливали спиртное. 21 декабря Комитет спасения родины и революции обратился с призывом к мужчинам в возрасте старше 20 лет записываться в дружину по охране города.

Все эти усилия не смогли, тем не менее, остановить погром горящего винного склада. Всю ночь на 18 декабря и весь следующий день там слышались одиночные выстрелы и взрывы. В этот день сгорела ранее уцелевшая часть складских построек. При пожаре 17–18 декабря оттуда была расхищена почти вся мебель расположенного там же губернского акцизного управления, а также арифмометр, пишущая машинка, канцелярские принадлежности. Очевидец творившегося 18 декабря В. В. Трунин так живописал в газетной хронике: «Дойдя до винного склада, я увидел следующую картину: за валом, позади склада, образовался лагерь, состоящий из мужчин и женщин, в большинстве рабочего класса; были солдаты и человек 10–15 казаков. Посредине этого лагеря находился огненный очаг, вероятно, в него был спущен спирт. Из этой огненной ямы люди, посредством приспособленных длинных шестов и привязанных к этим шестам проволокой или веревкой ведер, доставали какую-то горящую желтую жидкость и здесь же разливали по посудам. При доставании спирта на некоторых загоралась одежда. Для того чтобы спирт не продолжал гореть в ведрах, у каждого была смоченная тряпка, которою накрывались горящие ведра с жидкостью, эти же тряпки употребляли и для тушения на себе одежды» [24].

У горящего здания, где находились запасы коньяков, рябиновки и прочих сортов высококачественного горячительного, собралась огромная очередь, чтобы проникнуть внутрь, несмотря на опасность быть погребенным под грозящим рухнуть

горящим потолком. Когда же это произошло, люди разбежались в разные стороны, но через несколько минут опять образовали хвост. Здесь же шел торг добычей, бутылка спиртного стоила 10–15 рублей, у некоторых алкоголь насильно отбирали солдаты.

Оренбургская пресса до середины последней декады декабря сообщала о продолжающемся погроме: «До сих пор паломничество за спиртом на винный склад продолжается. Спирт черпается из водяного колодца. Все запугивания, что в колодец вылита бочка нечистот, что в колодце находятся трупы, не останавливают паломников. У колодца толпятся сотни людей с ведрами и разными посудинами. Между паломниками часто происходят кулачные расправы из-за желания скорее набрать и как можно больше ценной влаги» [62].

Во время пьяных беспорядков в Оренбурге от неумеренного употребления спиртного и прочих сопутствующих причин погибло более 200 человек. Основная масса жертв пришлось на 17 декабря — первый день массового пьянства и решительной попытки стражей порядка пресечь погром. Убытки от разгрома и пожара винного склада составили около двух миллионов рублей. Помимо 40 тысяч ведер спирта сгорели 50 кубометров заготовленных дров, 10 тысяч ящиков, нефть, посуда, предметы интерьера. Шесть семей служащих склада остались без крова [61].

Пьяная вакханалия не локализовалась в городах, а широко разлилась по сельской местности, став составной частью крестьянской революции. Крестьянский «черный передел» государственной, помещичьей, церковной и хуторской земли на основах общинного уравнительного землепользования, стихийно начавшийся в Центральной России весной 1917 года, осенью докатился до Южного Урала. Если до прихода большевиков к власти крестьянское захватное движение носило незаконный характер, то после опубликования большевистского «Декрета о земле» крестьяне опирались на этот документ как на законное основание своих действий. Большевистские власти, в свою очередь, в силу слабости нового государственного аппарата, были вынуждены мириться с этими крестьянскими акциями, несмотря на их эсеровский привкус.

С 29 октября 1917 года в Мензелинском уезде Уфимской губернии начались погромы имений, которым предшествовал разгром винного склада. Погромы усадеб и хуторов перемежались свадьбами и курением самогона; по оценке очевидца, они были «сытыми» и «пьяными» — в них активно участвовали солидные, процветающие крестьяне, так называемые «тысячники» (с запасом денег свыше тысячи рублей) [42]. В начале ноября крестьяне Белебеевского уезда разгромили Богородице-Одигитриевский монастырь, угнали скот, разграбили личное имущество монахов, присвоили 1300 пудов зерна, земледельческие орудия, экипажи [43]. В середине ноября председатель Мензелинского уездного комитета общественных организаций телеграфировал начальству: «Все волости уезда, где имеется крупное землевладение, охвачены погромным движением. Движение приняло стихийный характер и все меры приостановить погромы достигают лишь частичных результатов» [14].

В конце ноября из того же уезда на имя губернского комиссара была послана телеграмма, авторами которой были доверенные лица крупных землевладельцев Стахеевых. В ней говорилось: «Анархия продолжается, расхищенные хлеба в большинстве сложены крестьянами в погребах, оставленный хлеб в открытых местах и под навесами пропадет окончательно, если не будут срочно приняты меры к сбору. Команда солдат совершенно бездействует, все кругом пьяно, непринятие мер грозит дальнейшим осложнением, укрепляет в грабителях законность грабежей, уже идет призыв выравнивать зажиточных крестьян с бедняками деревни, собираются идти на деревню. Убедительно просим принять срочные меры к водворению порядка, к сбору похищенного. Ведь Россия голодает, помирает, а здесь дикая пьяная пляска идет» [15].

«Пьяная революция» в селах Уфимской губернии продолжалась и в декабре 1917 года. Башкирское национальное правительство А. З. Валидова, не имея денег на строительство государственного аппарата, решило поправить финансовые дела, захватив водочный завод Самакина в Усерганском кантоне и продав продукцию русским. В воспоминаниях Валидова этот эпизод истории борьбы баш-

кир за свою независимость описан довольно ярко: «Не только из окрестных, но даже из оренбургских казацких сел примчались люди с чайниками, бутылками, ведрами, бочками. Продавали дешево. Заработали около полумиллиона рублей. Разослали деньги по кантонам для зарплаты служащим. Не обошлось без происшествий. Русские пили, пока не падали, прямо на заводе. Некоторые, отбросив стаканы, прикладывались прямо к кранам в бочках. Один забрался на огромную бочку, но, поскольку был пьян, свалился в нее и захлебнулся. Башкирские солдаты никому не сказали об этом, боясь, что тогда не продадут водку из этой бочки; они вытащили и похоронили русского пьяницу» [38, с. 147].

В декабре в селе Кургаза Уфимской губернии был разорен хутор Шотта. Крестьяне из села Карагай угнали 90 быков, 18 лошадей, увезли сено, солому, машины [61]. В принадлежащих Крестьянскому поземельному банку имениях Челябинского уезда в ноябре шло варварское истребление леса: «...лес, даже молодняк, усиленно вырубается; то же, что не успевают вырубить, сжигают. Крестьяне и башкиры выходят в лес партиями от 5 до 20 человек. Уговоры и разъяснения не помогают. Лесная администрация запугана до последней возможности» [22].

Во второй половине декабря 1917 года «свободные граждане»-крестьяне разгромили имение Левина около Марьевки Оренбургского уезда и вывезли все, включая пианино, которое поместили в одной из крестьянских изб [63]. В конце декабря начальник 9-го участка Оренбургской уездной милиции докладывал уездному комиссару: «...грабежи и захваты по означенному участку все более усиливаются. Все селения и хутора разграблены до основания, между населением развиваются распри, крупные села нападают на мелкие, односельцы делятся на две партии и друг друга грабят и убивают» [25].

Всякая попытка стражей порядка остановить бесчинства натывалась на угрозы самосуда и ареста. Задержать подстрекателей к грабежам не было никакой возможности. К началу 1918 года южноуральская деревня «представляла из себя настоящее взбаламученное море» [52, с. 358].

Приход большевиков к власти только обострил проблему снабжения городов продуктами питания

А. З. Валидов

и товарами массового спроса. Это касалось и Южного Урала. С октября 1917 года Уфа в течение осени — зимы не получала сахара. В итоге наряды по обеспечению городского населения сахаром к середине февраля 1918 года были недовыполнены на 253 вагона [44]. Рыночные цены росли, как и в других уральских губерниях. Заготовке хлеба в земледельческой Уфимской губернии мешали, наряду с сопротивлением крестьян и активностью мешочников, конкуренция Казани и Самары, продовольственные органы которых самовольно скупали в губернии хлеб по вольным ценам [47]. В Уфе, при отсутствии острого голода, положение с продуктами питания было нестабильным. Цены были неустойчивы. В 20-х числах марта, несмотря на свободную продажу соли в городских лавках по цене 1,4 рубля за фунт, по городу пронесся слух о предстоящем соляном голоде, который вызвал усиленную скупку соли и рост цены на нее [48]. Весной 1918 года остроумные жители Уфы откликнулись на отсутствие предметов первой необходимости куплетом, который распевался на мотив «Марсельезы»:

Отречемся от серого мыла,
Перестанем мы в баню ходить.
И по нашему грязному телу
Насекомые будут бродить (цит. по [2, с. 200]).

Актуальность этого куплета повышалась принятым в конце марта 1918 года городскими властями решением национализировать бани, так как их держатели отказывались подписать договор с комиссариатом городской коммуны [11].

В уездных центрах губернии положение было не лучше. В конце мая 1918 года въезд в Златоуст и Златоустовский уезд был закрыт из-за недостатка хлебных и других припасов, а также из-за переполнения его беженцами из Европейской России [8].

Непростым было продовольственное положение и в Оренбургской губернии, на территории которой фактически с момента получения известий о падении Временного правительства разгорелись боевые действия Гражданской войны. Из-за недостаточного количества пунктов раздачи хлеба в Оренбурге росли хлебные «хвосты», в которых жители города часами простаивали на крепком ноябрьском морозе [57]. 10 декабря 1917 года местные власти опубликовали обращение к населению по поводу отчаянного финансового положения оказавшегося в изоляции Оренбурга: «Захватив насильно власть в свои руки в Петрограде и приведя к полной разрухе всю жизнь России,— большевики не сумели даже обеспечить наше оренбургское отделение Государственного банка необходимыми для оборотов деньгами. Из-за неимения денежных знаков закрылось у нас отделение Государственного банка, закрылись и частные банки, по той же причине постепенно должна прекратиться торговля, подвоз хлеба, товаров, нечем будет платить рабочим, служащим их заработки и перед всеми стоит грозный призыв — голод в крае» [58].

Чтобы избежать очерченной мрачной перспективы, было принято решение «выпустить временные денежные знаки, которые, после получения общегосударственных кредитных билетов, будут тотчас же обмениваться на них через тот же Государственный банк, казначейство и другие правительственные учреждения». Выпуск временных денег планировалось осуществлять под контролем независимой комиссии. Население призывалось отнестись к новым деньгам с доверием. Они были выпущены 13 декабря. На лицевой стороне купюр достоинством в 100 рублей был изображен герб Оренбурга [21].

В конце декабря в Оренбурге фактически установилась свободная торговля хлебом. Подвоз его был значительным, и муку можно было купить по цене 18 рублей за пуд. Однако прекращение нормированного распределения было вызвано не столько обилием продуктов и тем более не эффективным функционированием рынка. Наступление большевистских формирований на Оренбург нарушило оборот товаров. Советское командование Оренбургским фронтом имело возможность задерживать вагоны с продовольствием, для того чтобы взять город измором. В результате голод охватил Туркестан и всю линию Ташкентской железной дороги. Оппонент А. И. Дутова П. А. Кобозев, напротив, распространял информацию о том, что в голоде населения Средней Азии повинен Оренбург, задерживающий грузы [62]. Как бы то ни было, в середине декабря местные власти решили на три месяца, начиная с 1 января 1918 года, ввести карточную систему распределения. Предполагался выпуск бланковой карточки с комбинацией пайков на одного, двух, четырех и пятерых человек для получения основных продуктов питания — муки, хлеба, чая, сахара, масла, крупы — и безымянных пронумерованных карточек сроком действия в один месяц с указанием кварталов и раздаточных пунктов. Для получения керосина, спичек, табака, дрожжей, обуви, мануфактуры, фуража и прочих товаров массового спроса планировалось введение талонных продовольственных книжек [16]. Этой сложной системе рациирования, ассортимент которого позволяет предполагать значительно лучшую продовольственную ситуацию, чем в других губерниях Урала, не суждено было реализоваться — 18 января 1918 года в город вошли «красные» отряды.

В «большевистской» части губернии продовольственный вопрос был не менее болезненным, но по иной, чем в Оренбурге, причине: если последний страдал от изоляции, то Челябинск изнемогал от наводнения города и уезда мешочниками из центральных губерний России и из Поволжья. Челябинский и Троицкий уезды, где урожай в 1917 году был особенно обилен, осенью, по сравнению с другими уральскими территориями, благоденствовали, пока с первых чисел октября в ней не появились «ходоки» из «голодных мест» — губерний Европей-

ской России, в которых в 1917 году был недород. Челябинская продовольственная управа первоначально отказывала им в продаже продовольствия. Поэтому мешочники направлялись вглубь уезда на самостоятельные поиски хлеба, скупая его по баснословным ценам. Исправляя допущенную ошибку, Челябинский уездный продовольственный комитет стал продавать приезжим хлеб по твердым ценам, в объеме 30 фунтов на едока на количество лиц, проставленных в удостоверениях. Однако было поздно: с начала ноября «ходоки» хлынули тысячами. По ориентировочным оценкам современника, от 10 до 15 тысяч человек углубились в уезд на расстояние 40 и более верст от железной дороги, самостоятельно закупаая хлеб. Справиться с такой массой «спекулянтов» власти были не в состоянии. В начале ноября 1917 года Шумихинская организация РКП(б) направила в Челябинский комитет партии письмо, проникнутое отчаянием: «У нас анархия! Голодающие (спекулянты) обирают весь хлеб у крестьян и набивают большую цену на хлеб, который у нас в Шумихе уже стал 13–14 руб. пуд. Сделать ничего не можем. Посоветуйте» [17].

Из-за наплыва мешочников цены на хлеб в Челябинске росли с ужасающей быстротой. Челябинский Совет солдатских и рабочих депутатов, совместно с Комитетом по поддержанию революционного порядка, уездными комиссаром и продовольственной управой тщетно предполагали найти выход из создавшегося положения, запретив с 10 ноября вывоз хлеба и фуража из Челябинского района, пригрозив изъятием скупленного хлеба. С этой целью формировались заслоны из милиции и воинских команд. Однако конкуренция мешочников государственным хлебозаготовкам не теряла остроты, а хлеб из уезда уходил в любом случае — если не нелегально, с перекупщиками, то на вполне законных основаниях: Челябинск был обязан снабжать хлебом и фуражом Оренбургский фронт, Туркестан, Петроград и ряд губерний [1, с. 406].

Нарушение еще накануне революции нормальной циркуляции товаров и хозяйственных связей между сельской местностью и городами, усугубленное борьбой Временного правительства и особенно большевиков против вольной торговли, ставило городское население в положение заложника дере-

венских настроений. А тем временем деревня все более насыщалась ненавистью к власти и центрам ее дислокации — городам. Крестьянство стонало от государственных сборов зерна и прочего продовольствия, которые в условиях неорганизованности власти превращались в произвол.

Практика сопротивления крестьян сдаче хлеба государству и насилия над ними зимой — весной 1918 года была на Урале повсеместной. Мензелинская продовольственная управа, жалуясь на скопление в уезде мешочников, в феврале 1918 года констатировала: «Население не сдает хлеба; урожай яровых был ниже среднего: на излишек хлеба сверх потребности уезда нет надежды». К такому же выводу склонялась и Златоустовская продуправа: «... вывоза семян из пределов уездов ожидать невозможно» [45]. Тем не менее, по губернии рыскали продовольственные отряды, отнимая якобы излишки продуктов. В деревню Карамалы Стерлитамакского уезда в феврале 1918 года прибыл посланный уездным Советом отряд численностью 20 человек для отчуждения хлеба, продаваемого на базаре по свободной цене. Владельцы хлеба оказали солдатам сопротивление: часть солдат разбежалась, остальные были жестоко избиты. Эта история вызвала большой и разноплановый резонанс. С одной стороны, «случай этот напугал отряды, работавшие в соседних районах». С другой — в деревню по этому поводу были направлены следственная комиссия и революционный трибунал. В следующем месяце Стерлитамакская городская продовольственная управа была в полном составе привлечена к суду Уфимского революционного трибунала за нарушение хлебной монополии: в декабре 1917 года она скупала у крестьян хлеб по вольным ценам, платя 16 рублей за пуд пшеницы [46].

Картину произвола в южноуральской деревне передают заслуживающие точного воспроизведения жалобы крестьян на действия советской власти, поданные после ее падения летом 1918 года. Житель одного из сел Уфимского уезда П. И. Брусов написал в Карауловскую волостную земскую управу письмо с просьбой взыскать причиненные ему убытки с арестованных членов местного Совета: «В марте месяце 1918 года, то есть во время

Большевистской Власти, Карауловский Совет Крестьянских Депутатов во главе Председателя Совета Федора Васильева Курдакова и других лиц входящих в Организации Красной Армии Насильственным Действием взяли с меня под угрозой ареста пять сот руб. (500 руб.) на таковую сумму имею квитанцию. Дали мне сроку на двадцать четыре часа (24 часа) в случае неуплаты угрожали мне тюрьмой, а я как мелкий крестьянин и чернорабочий не имея у себя такой суммы но подчиняюсь насилию совету. Я продал Корову. Которая нужна была для пропитания семьи а часть занял у людей и выдал Означенному Совету» [3].

Мытарства южноуральского крестьянина воспроизводят эмоционально сдержанные строки заявления Ф. С. Елисеева из Карауловки, арестованного и направленного местным Советом в Катав-Ивановский завод в марте 1918 года: «Там под угрозой расстрела с меня потребовали 25 тысяч рублей, но не имея такого состояния, если бы продал весь сельскохозяйственный инвентарь и скот, платить отказался, тогда меня как контрреволюционера посадили в холодное помещение, потом через несколько часов пришли, раздели и разули меня донага и разувши поставили на лед. Придя уже часов через пять стали просить уже пять тысяч рублей, при неуплате угрожали утопить или застрелить. Но я, согласившись продать скот и уплатить 3500 рублей, тогда они меня посадили уже в теплое, но темное помещение. Когда уже приехал мой сын и уплатил вышеуказанную сумму, то меня освободили. По приезду меня в Карауловку с меня снова была наложена контрибуция так, что всего пришлось мне уплатить 3650 рублей, притом же шесть дней занимали лошадей для поездки Красной гвардии, а также несколько раз брали тарантас для поездки комиссаров и весь его разбили, так что ремонт обошелся — сто рублей. Кроме того по распоряжению местного совета ко мне было поставлено на квартиру и на хлеба каких-то три красногвардейцев, каковых я кормил три недели, и они мне ни за квартиру, ни содержание нисколько не заплатили. А ежедневно требовали мяса, яйца и т. д., при отказе всегда угрожали расстрелом» [4].

На территориях, находившихся под контролем ОКВ, сельскому населению также не удалось избе-

жать обязательных изъятий сельскохозяйственной продукции. Войсковое правительство 14 ноября 1917 года опубликовало объявление, в котором населению Оренбургского войска было предложено в срок до 1 января 1918 года подвезти и сдать излишки хлеба, согласно закону о хлебной монополии, на ссыпные пункты. Не сданный в срок хлеб подлежал реквизиции по установленным твердым ценам и должен был вывозиться на станции за счет владельцев. Хлеб, добровольно вывезенный после 1 января, предполагалось принимать на 30 % дешевле твердых цен, а реквизируемый — по половинной цене [54].

Сельские жители оказались между двух огней. Реквизиции ожидали их и со стороны антибольшевистского правительства, и со стороны наступавших красногвардейских отрядов, которым центральная власть предоставила карт-бланш. Еще в декабре 1917 года на запрос о снабжении «красных» частей И. В. Сталин ответил командованию Оренбургского фронта: «Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышлем сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, достаньте на месте хотя бы в банке... Раз навсегда запомните нашу просьбу: когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем» [6, с. 134].

Поощряемые большевистской Москвой на самообеспечение «всеми средствами», советские боевые формирования и без того считали себя хозяевами на завоевываемой территории. Мирное население должно было снабжать приходящие войска всем необходимым, если хотело остаться в живых.

Но подлинная вакханалия беззакония началась в Оренбургской губернии после вытеснения отрядов атамана А. И. Дутова за пределы войсковой территории. Оренбургский ВРК начал налагать непомерные контрибуции на казачьи станции. Эта практика скоро вышла из-под контроля ВРК. Участники реквизиционных отрядов в счет контрибуции стали изымать скот, хлеб, семенной материал, часто деля конфискованное между собой. Продовольственные отряды, созданные по решению 1-го губернского съезда Советов в марте

1918 года, были направлены, в качестве наказания станичников, в основном в Верхнеуральский и Троицкий уезды, казачье население которых в свое время поддержало войскового атамана. Их карательная миссия в отношении «провинившихся» казаков весной 1918 года сделала жизнь в станицах невыносимой. Началось спонтанное формирование повстанческих казачьих отрядов, к которому А. И. Дутов, вытесненный с этих территорий, не имел ни малейшего отношения. Ответом на ширококомасштабную и интенсивную борьбу казаков против продовольственных отрядов стал массовый и беспрецедентный по своей жестокости террор. Не имея возможности справиться с неуловимыми, подвижными повстанческими формированиями, большевистские карательные отряды обрушили невиданные репрессивные меры на мирное население. Расстрелы по малейшему поводу чередовались с артиллерийскими обстрелами населенных пунктов, в результате которых весной — в начале лета 1918 года было сожжено около 400 тысяч жилых и хозяйственных построек в 19 станицах. Ущерб от артиллерийских налетов оценивался в 10 миллионов рублей (подробнее см. [12, с. 48–51]). Террор против казаков стал составной частью войны города против деревни и содействовал новому, еще более трагичному витку Гражданской войны.

Накапливая все больше негативного опыта общения с внешним миром, южноуральская деревня угрюмо замыкалась в себе, пропуская всю доходящую до нее информацию через заветную идею земельного раздела. Характерные зарисовки сельских настроений осени 1917 — весны 1918 года оставил в своих мемуарах крупный уфимский землевладелец и общественный деятель, член кадетской партии с 13-летним стажем князь В. А. Кугушев. В ноябре 1917 года он, разъясняя крестьянам большевистский декрет о земле, пытался убедить их создать трудовую коммуну на основе его имения. Однако доводы в пользу сохранения хорошо налаженного хозяйства на крестьян не подействовали. Идея коммуны провалилась, чему немало способствовали зажигательные речи юного эсера — сына местного лавочника. Когда спустя несколько месяцев, в апреле 1918 года, Кугушев вернулся из Самары в родное имение, «барин», которого с крестья-

нами связывали многолетние добрые отношения, был воспринят как лишняя фигура и главное препятствие на пути «черного передела». В воспоминаниях Кугушева описан, видимо, один из наиболее гуманных способов крестьянского решения «помещичьего вопроса»:

Поехал в имение, где начиналось разбазаривание и разорение. Остановился в квартире управляющего... Узнаю, что хозяйство разрушается; распоряжается всем предвек (председатель волостного комитета. — И. Н.) Пудеич, полубатрак, полукрестьянин, принесший с фронта хорошо заученные революционные фразы, смелый, энергичный, слабохарактерный и пьющий. Ярый и не вполне бескорыстный противник коммуны, он тайно ведет агитацию против меня; мое присутствие стесняет и связывает его; он требует моего отъезда “по добру”. Я отказываюсь: “пусть сходит постановит”. Село беспрекословно митингует, во главе фронтовики. Жду, не зовут. Иду в село на почту. Из окна высунулась голова Пудеича: “Лександрыч, приходи на сход”. Прихожу; среди гробового молчания протискиваюсь сквозь плотно заполнившую избу толпу к столу. Сажусь. За мной протискивается Пудеич, становится и, обращаясь к присутствующим, произносит громовую, трафаретную речь о кровопийцах, эксплуататорах-помещиках, грабивших, оскорблявших и унижавших крестьян, и о том, что их нужно стереть с лица земли.

Беру слово, соглашаюсь, что все это верно, но недоумеваю, какое это имеет отношение ко мне, который никогда, ни одного из них не оскорбил словом, который живет личным заработком, не пользуется доходами имения и преимуществами положения лично для себя; напомнив недавние тюрьму и ссылку и т. д. Смотрю на замолкшую аудиторию и не могу уловить ни одного сочувственного взора. Возмущаюсь, повышаю голос, говорю, что требование Пудеича о моем изгнании оскорбительное и незаслуженное хулиганство. Никакого сочувствия, молчат и не смотрят в глаза. Пудеич формирует предложение: “выехать Лександрычу из имения в 24 часа, кто согласен, на месте, кто наспротив, подымай руку”. Ни одной поднятой руки, ни одного обращенного на меня взора. “Дать две лошади и две коровы по выбору и домашние вещи”. Глубоко взволнованный, встаю, кланяюсь: “Прощайте, завтра уеду...” Расступившись, пропустили, ни слова, ни звука, несколько молчаливых сочувственных, незаметных рукопожатий в задних рядах... (цит. по [28, с. 559–560]).

Златоуст. Демонстрация.
1 мая 1917 года

Слом большевиками в январе — марте 1918 года прежних земских и муниципальных структур нарушил всякую преемственность в осуществлении власти. Чрезвычайные методы управления, волна жесточайших реквизиций и репрессий, ничем не оправданное изъятие продовольствия в деревнях и станицах, запрещение частной торговли до предела измотали население, терпение которого взорвалось зимой — летом 1918 года мощной волной крестьянских восстаний, более известной как «кулацкая контрреволюция». На Южном Урале она захлестнула часть Бирского и Златоустовского уездов Уфимской губернии, всю северную часть Оренбургской губернии, а летом расплескалась по всему Уралу, содействуя весной — летом 1918 года началу в регионе полномасштабной Гражданской войны.

Список литературы

1. Борьба за Советскую власть на Южном Урале : сб. док. и материалов. Челябинск. 1957.
2. Верещагин А. С., Егоров А. В. Отражение в народной поэзии реалий революции и гражданской войны (1917 — начало 1920-х гг.) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.
3. ГАРФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 20. Л. 6.
4. Там же. Л. 7.
5. Григорьев А. П. Хлебная монополия 1917 г. и зауральское крестьянство // Социально-экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX и начале XX в. Вып. 10. Челябинск, 1976. С. 68–85.
6. Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г. : сб. ист. док. и материалов. М., 1943.
7. Из истории деятельности органов власти и милиции в Челябинске. События гражданской войны на Южном Урале. 1917–1921 гг. // Исторические чтения : материалы науч. регион. конф. Центра ист.-культ. наследия г. Челябинска «Крушение царизма и гражданская война на Урале». Челябинск, 1998.
8. Известия (Челябинск). 1918. 30 мая.
9. Изв. Уфим. губерн. комиссариата. 1917. 24 апр., 4 мая.
10. Там же. 5 июня.
11. Изв. Уфим. губерн. совета нар. комиссаров. 1918. 30 марта.
12. Кобзов В. С., Сичинский Е. П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997.
13. Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957.
14. Нар. свобода. 1917. 16 нояб.
15. Там же. 26 нояб.
16. Новости дня. 1917. 14 дек.
17. ОГАЧО. Ф 596. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.
18. Там же. Д. 326. Л. 176 об.
19. Оренб. жизнь. 1917. 10 февр.
20. Оренб. земс. дело. 1917. 14 нояб.
21. Там же. 15 дек.
22. Оренб. казачий вестн. 1917. 19 нояб.
23. Там же. 19 дек.
24. Там же. 20 дек.
25. Там же. 29 дек.
26. Оренб. церк.-обществ. вестн. 1917. 12 нояб.
27. Там же. 25 дек.
28. Писаренко Е. Э. Либеральная аристократия и революция (князь В. А. Кутушев) // Русский либерализм: исторические судьбы и современность : материалы междунар. науч. конф. М., 1999. С. 559–560.
29. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917–1918 (Опыт военно-исторического исследования). М., 1925.
30. Союз. мысль. 1917. 10 марта.
31. Там же. 2 мая.
32. Там же. 2, 6 мая.
33. Там же. 17, 28 июня, 2, 4 июля.
34. Там же. 2 июля.
35. Теплоухов К. Н. Мемуары: 1899–1934. М., 2011. С. 229–230.
36. Теплоухов К. Н. Челябинские хроники. 1899–1924. Челябинск. 2000.
37. Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.
38. Тоған З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 147.
39. Урал. жизнь 1917. 20 июня.
40. Там же. 2 мая.
41. Уфим. вестн. 1917. 8 марта.
42. Уфим. жизнь. 1917. 17 нояб.
43. Там же. 18 нояб.
44. Уфим. жизнь. 1918. 14 февр.
45. Там же. 18 февр.
46. Там же. 24 февр., 21 марта.
47. Там же. 12 марта.
48. Там же. 26 марта.
49. Челяб. листок. 1917. 10 апр.
50. Там же. 11 апр.
51. Там же. 12 марта.
52. Эльцин В. Дни Октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе. // Пролетар. революция. 1922. № 10.
53. Юж. Урал. 1917. 28 окт.
54. Там же. 14 нояб.
55. Там же. 17 нояб.
56. Там же. 24 нояб.
57. Там же. 26 нояб.
58. Там же. 10 дек.
59. Там же. 15 дек.
60. Там же. 19 дек.
61. Там же. 23 дек.
62. Там же. 25 дек.
63. Там же. 30 дек.

Вперед, на Заднюю ура!!

А. ТЕРПОВ —

Е. В. Волков.

«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ» И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

« Сегодня у нас было столкновение с военнопленными мадьярами и немцами. Дело было так: эшелон с военнопленными начал маневрировать, готовясь к отправлению. Пленные, думая, вероятно, что они уже уезжают стали бросать тяжелыми предметами в наших стрелков и ранили одного стрелка 6-го полка. Наши вытащили их из вагонов и одного убили, и девять ранили. Немного попало и подвернувшемуся красноармейцу, но его спас наш офицер. Думаю, что из-за всего этого еще будут неприятности. Надо скорее отсюда уезжать, но скоро это вероятно не удастся» [17, л. 17].

Эти строки — из дневника выходца из семьи русского офицера польского происхождения подполковника Сергея Николаевича Войцеховского, который находился тогда на службе в Чехословацком корпусе — иностранном воинском соединении русской армии. Запись относится к событиям 14 мая 1918 года, с которых началось противостояние чехословацких легионеров и большевиков в Челябинске. Затем конфликт стал разрастаться и в итоге привел к военным действиям. С выступления чехословацких легионеров настоящая Гражданская война на Южном Урале стала реальностью, хотя ее эскалация началась за несколько месяцев до этих событий.

Гражданская война как новая фаза революции в России началась на Южном Урале уже в ноябре 1917 года, после вооруженного восстания в Петрограде. Локальные военные столкновения перешли на новый, более масштабный уровень в конце мая — начале июня 1918 года, когда антибольшевистские силы воспользовались выступлением чехословацких легионеров и с помощью оружия взяли власть во многих населенных пунктах региона в свои руки. Завершилась активная фаза военных действий между армиями красных и белых в августе 1919 года, когда территория региона оказалась под контролем представителей советской власти. Однако вплоть до января 1922 года на Южном Урале не утихало повстанческое движение против советской власти с участием казаков и крестьян.

Причины Гражданской войны коренились, с одной стороны, в политических ошибках, допущенных Временным правительством, а с другой — в нарастающей силе большевистской партии, ее сторонников, как в центре, так и на местах. Все это происходило на фоне общего структурного кризиса и продолжающейся Первой мировой войны. Радикальная политика большевиков, захвативших власть в центре страны, вызвала консолидацию антибольшевистских сил (политических партий и организаций, выступивших против временного союза большевиков, левых эсеров и анархистов). Еще одним фактором эскалации Гражданской войны стала позиция руководства Англии и Франции, союзников России по Антанте, видевшего в большевиках

потенциальных сторонников Германии. По этой причине военные контингенты Антанты пока не выводились из портовых городов России, а командование Чехословацкого корпуса после его вооруженного выступления в мае — июне 1918 года получило указание развернуть свои войска на запад и помогать антибольшевистским войскам.

В административно-территориальном плане военные действия на Южном Урале развернулись в Уфимской, Оренбургской и части Пермской губерний. Горная, лесная и степная природные зоны определяли особенности вооруженной борьбы с применением маневров, когда широко не использовалась конница и основные боевые действия происходили в пешем порядке с небольшой огневой мощью. Военные контингенты разных сторон первоначально были малочисленны, фронты как таковые отсутствовали. Бои зачастую велись вдоль линий железных дорог и за населенные пункты. Широкое развитие получило повстанческое движение и с той и с другой стороны. Все это позволило советскому военному историку Н. Е. Какурину обозначить начальный этап боевых действий, в том числе на Южном Урале, как период «эшелонной войны» [22, с. 155–156; 39, с. 178].

Население Южного Урала, вовлеченное в Гражданскую войну, обладало социальной и национальной спецификой. Южные территории Урала с середины XVIII века считались землями Оренбургского казачьего войска (созданного в 1744 году), которое активно выступило против большевистской власти. В начале XX века это казачье войско территориально делилось на три отдела с центрами в Оренбурге, Верхнеуральске и Троицке. В случае войны войско могло выставить до 25 вооруженных полков. Подавляющее большинство мужского казачьего населения сражалось против большевиков, путем их мобилизации сформировали Оренбургский военный округ, а впоследствии Юго-Западную (затем Оренбургскую) армию. Лишь небольшая часть казаков примкнула к красным. Многие казачьи части не отличались дисциплиной и стойкостью. Казаки активно и упорно сражались против красных преимущественно на своей территории [1, с. 288–330].

Многие уральские крестьяне, как правило, стремились не участвовать в войне, остаться в стороне

и сохранить свои хозяйства. Вообще, здесь имелось большое количество крепких крестьянских дворов. На Южном Урале проживали также столыпинские переселенцы, враждебно настроенные к оренбургским казакам и крестьянам-старожилам. На этом фоне многие столыпинские переселенцы сначала поддерживали советскую власть. Гражданская война внесла раскол в ряды уральских рабочих. Многие из них оказались в армии — как в Красной, так и в Белой. Вообще, уральские рабочие горнозаводской зоны отличались тем, что были привязаны к земле, имея небольшие хозяйства в поселках при заводах.

Немаловажное значение имел на Южном Урале и мусульманский фактор. На этой территории компактно проживают башкиры, татары и казахи. Эти народы оказались между разными политическими лагерями в условиях Гражданской войны. Национальные лидеры башкир и казахов сумели даже создать свои правительственные структуры.

Особенностью Гражданской войны на Южном Урале явилась разнородность антибольшевистских властных структур, существовавших одновременно или сменявших друг друга (Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, Самарский комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Башкирское правительство, Временное Сибирское правительство, Временное областное правительство Урала, Всероссийские правительства Уфимской директории и Верховного правителя адмирала А. В. Колчака), что не способствовало консолидации этих сил и политической стабильности в регионе. Кроме того, в ходе многочисленных территориально-административных реорганизаций изменялись границы губерний и уездов.

Массовый характер приобрело и дезертирство из обеих армий. Часть бежавших солдат сколачивали банды, которые занимались разбоем и грабежами. Другое обстоятельство было связано с широким размахом повстанческого движения (преимущественно среди казачества и крестьянства). Это движение приобретало большие масштабы на начальном и завершающем этапах внутренней войны, в условиях отсутствия сильного контроля властей над определенными территориями.

С одной стороны, с мая до ноября 1918 года значительную роль на востоке России (Поволжье, Урал, Сибирь) играл чехословацкий фактор. Благодаря поддержке чехословацких частей местным казачьим отрядам и другим воинским формированиям удалось в мае — августе 1918 года освободить от красных ряд городов, станиц, поселков и железнодорожных станций. Но только до ноября 1918 года чехословацкие части, где, кстати, служило много русских офицеров, вели боевые действия против Красной армии, а затем их отправили в тыл. В сентябре 1920 года подавляющее большинство чехословацких легионеров вместе с беженцами эвакуировались из Владивостока на судах, направлявшихся в Европу через Американский континент.

Противоборствующие стороны практиковали также террор в отношении как реальных, так и потенциальных противников. В условиях эскалации Гражданской войны на Урале произошла расправа большевиков над Романовыми — бывшим императором и его родственниками.

Вооруженная борьба на Южном Урале, как и во многих регионах России, происходила с 1919 года в условиях эпидемий тифа и холеры, а также массового голода, охватившего в 1921–1922 годах эту местность и унесшего десятки тысяч жизней. На борьбу с эпидемиями были мобилизованы медицинские кадры, агитаторы вели разъяснительную работу среди населения. С голодом приходилось бороться советским властям, не всегда удавалось это сделать эффективно.

Данные факторы в своей совокупности определили специфику Гражданской войны на Южном Урале. Политическая и вооруженная борьба в регионе отличалась как общими, так и особенными тенденциями, характерными для этой территории России.

Александр Ильич Дутов (1879–1921), генерал-лейтенант, в период революции и Гражданской войны атаман Оренбургского казачьего войска (сентябрь 1917 — февраль 1921), командующий Оренбургской армией войск белых (декабрь 1918 — сентябрь 1919). Убит советскими чекистами на территории Китая. Фотография 1919 года

Основные события Гражданской войны на Южном Урале развивались следующим образом. После успешного вооруженного восстания в Петрограде, в результате чего к власти пришли большевики и их союзники — левые эсеры, казачий атаман А. И. Дутов, находясь в Оренбурге, объявил новую власть нелегитимной и призвал всех, кто может держать в руках оружие, к сопротивлению. Вскоре Верхнеуральск, Орск, Троицк признали власть Дутова как законного представителя свергнутого Временного правительства. Наряду с этим в Оренбурге создали антибольшевистский Комитет спасения Родины и революции, где ведущую роль играли члены партии социалистов-революционеров (эсеры), меньшевики, лидеры национальных групп (башкирских и казахских). Комитет поддержал действия Дутова [2, с. 33–34].

Попытка сторонников большевиков в ноябре 1917 года захватить власть в Оренбурге была пресечена казаками и юнкерами по приказу Дутова. В результате ряд руководителей большевиков (в том числе председатель Военно-революционного комитета С. М. Цвиллинг и редактор газеты «Пролетарий» А. А. Коростылев) оказались под арестом. Однако им удалось вскоре бежать из городской тюрьмы.

Красногвардейские отряды из центра страны (под командованием комиссара П. А. Кобозева) и с Поволжья (во главе с красным командиром В. К. Блюхером), направленные на помощь местным большевикам, практически без сопротивления захватили Челябинск и Троицк. В этих условиях решением войскового круга Оренбургского казачьего войска в декабре 1917 года был образован Оренбургский военный округ. Формирования округа, включавшие казачьи части, юнкеров и учащиеся кадетских корпусов обороняли Оренбург, но не сумели удержать город. 18 января 1918 года в Оренбург вошли красногвардейцы. Атаман Дутов с войсковым правительством и несколькими десятками своих приверженцев выехал в Верхнеуральск. В апреле в связи с успешным наступлением красногвардейских отрядов под командованием Блюхера дутовцы (численностью около 300 человек) вынуждены были отступить на юг, в казахские степи Тургая. Но в отдельных районах Оренбургского казачьего войска дружины самообороны станиц и поселков, а также повстанческие отряды казаков (командиры Ф. А. Богданов, А. П. Донецков, Е. Ф. Ершов, Н. П. Карнаухов, Д. М. Красноярцев, Н. В. Лукин, С. И. Нестеренко, Е. В. Уфимов и др.) продолжали борьбу с большевиками. Ночью 4 апреля 1918 года казаки-повстанцы осуществили неудачную попытку взять Оренбург. В ходе последовавших карательных акций красногвардейских отрядов в крае было уничтожено полностью или частично 19 казачьих станиц. В одном из продолжавшихся вооруженных столкновений (апрель 1918 г.) погиб большевистский руководитель Цвиллинг, попавший со своим отрядом в засаду в станице Изобильной.

В результате так называемого Челябинского инцидента, приведшего к вооруженному выступле-

Сергей Николаевич Войцеховский (1883–1951), генерал-лейтенант. В период революции и Гражданской войны служил в Чехословацком корпусе, командовал крупными соединениями в армиях антибольшевистских правительств на востоке России. В эмиграции жил

в Чехословакии, занимал высшие командные посты в Чехословацкой армии (1921–1938). В 1945 году был арестован советскими властями в Праге. Последние годы жизни провел в исправительно-трудовом лагере в Сибири. Фотография 1920 года

нию чехословацких легионеров под командованием подполковника С. Н. Войцеховского, советская власть в Челябинске и вскоре в ряде других населенных пунктов пала, что кардинально изменило ситуацию в регионе в пользу антибольшевистских сил.

Чешская дружина в составе русской армии была сформирована в условиях начавшейся Первой мировой войны, в сентябре 1914 года, и состояла из добровольцев и бывших военнопленных австро-венгерской армии. В 1917 году при Временном правительстве была сформирована Чехословацкая дивизия. Затем приняли решение создать Чехословацкий корпус (две дивизии и бригада общей численностью около 39 тысяч человек).

После прихода большевиков к власти политические деятели, входившие в руководство отделением Чехословацкого национального совета (ЧНС) в России, первоначально заявили о поддержке свергнутого Временного правительства и заключили соглашение с командованием Киевского военного округа и Юго-Западного фронта о совместных действиях. Некоторые части корпуса вместе с юнкерами военных училищ в конце октября 1917 года участвовали в уличных боях в Киеве против сторонников советской власти. Столкновения продолжались до установления перемирия.

Отделение Чехословацкого национального совета в России заключило также соглашение с правительством Центральной Рады о положении чехословацких частей на территории Украины. В случае выхода Украины из войны ее власти дали обещание не препятствовать эвакуации корпуса. Соглашение действовало до января 1918 года, когда Центральная Рада заявила о готовности подписать мир с Германией и ее союзниками.

После установления советским правительством в декабре 1917 года перемирия с центральными державами руководство Чехословацкого национального совета, заинтересованное в дальнейшем продолжении войны, начало переговоры с французским президентом Р. Пуанкаре. В результате в Париже согласились считать корпус частью французской армии и финансировать все необходимые расходы на его содержание [43, с. 292].

В корпусе ввели новые уставы по типу французских правил и традиций. Изменили слова присяги для воинов: во фразе о служении трудовому народу упоминался и Чехословацкий национальный совет [25, с. 144]. Всех военнослужащих, как иностранных солдат, стали называть на французский манер «легионерами», но большую часть командных постов продолжали занимать русские офицеры. Вскоре командование корпуса получило указание готовиться к отправке во Францию. Первоначально рассматривался вариант маршрута через Архангельск и Мурманск. Но вскоре от этого плана отказались из-за плохих дорог, замерзающих портов и опасности со стороны германских субмарин. В качестве нового направления для эвакуации корпуса выбрали путь по Транссибирской железной

дороге до Владивостока, затем на судах по Тихому и Атлантическому океанам, через Американский континент, и далее — в Западную Европу.

Общая численность корпуса на тот момент, по разным данным, составляла от 35 тысяч до 45 тысяч воинов, среди которых находилось большое количество русских офицеров (свыше трех тысяч). Каждый пехотный батальон (700–800 штыков) имел от 40 до 45 лиц командного состава, то есть на 16 солдат приходился один офицер [45, с. 48; 26, с. 77; 40 (а) с. 87]. Большинство чехов и словаков (до 70 %) по своему социальному происхождению являлись рабочими, остальные примерно в равном соотношении считали себя крестьянами, представителями интеллигенции и буржуазии [28, с. 8].

Руководство Чехословацкого национального совета в условиях эскалации Гражданской войны в России старалось сохранять нейтралитет по отношению к различным политическим силам. Так, например, генерал М. В. Алексеев, как один из руководителей белой Добровольческой армии на Дону, просил военной поддержки у чехословацкого командования, в частности у генерала М. К. Дитерихса, для борьбы против большевиков, но не получил положительного ответа [40 (а), с. 81].

Перед эвакуацией чехословацких частей из Украины удалось заручиться документом, подписанным командующим советскими войсками на данной территории М. А. Муравьевым, который обещал не препятствовать переброске корпуса во Францию [37, с. 290]. После подписания 3 марта 1918 года Брест-Литовского мира между Советской Россией и Германией с союзниками началась оккупация австро-венгерскими войсками территории Украины. Не успевшие эвакуироваться чехословацкие части вынуждены были вступить с ними в середине марта в оборонительные бои в районе Бахмача. Боевые столкновения продолжались в течение нескольких дней [14, с. 159–160].

Комиссар корпуса П. Макса и командующий советскими войсками на юге В. А. Антонов-Овсеенко после переговоров в Курске пришли к предварительному соглашению о том, что часть оружия чехословацкие стрелки должны сдать советским властям по линии своего продвижения: в Харькове, Белгороде, Курске, Воронеже Пензе. На каждый

полк помимо винтовок оставались 12 пулеметов «максим» и 12 пулеметов «кольт», на каждую дивизию — одна батарея из двух орудий, а также соответствующее количество боеприпасов и повозок [25, с. 161].

В условиях политического многовластия и экономической неразберихи чехословацкие формирования, двигаясь в 63 эшелонах на восток по железной дороге, самовольно захватывали паровозы, вагоны, продовольствие и имущество. На некоторых станциях из-за их действий образовались пробки. Договоренность о частичном разоружении не выполнялась. Иногда чехословацкие легионеры прибегали к угрозе применения силы для своего дальнейшего продвижения на восток. Все это накаляло отношения с представителями советской власти на местах. Руководители Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь) призвали местные советы протестовать против решения Совнаркома о разрешении Чехословацкому корпусу эвакуироваться через Дальний Восток. Совнарком, в свою очередь, разослал местным советам указание о разоружении чехословацких эшелонов и запрете формировать новые части корпуса, но не запрещал им двигаться дальше [25, с. 180–181].

24–25 марта 1918 года в Пензе состоялись новые переговоры между представителями советской власти (председатель местного совета В. В. Кураев выступал от имени Совнаркома) и руководителями отделения Чехословацкого национального совета в России (П. Макса, В. Гирса и др.). К 26 марта стороны достигли компромисса: чехословацкие представители дали согласие на решение Совнаркома, переданное по телеграфу из Москвы И. В. Сталиным. Чехословацким легионерам разрешалось двигаться на Дальний Восток как «группе свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для самозащиты от покушений со стороны контрреволюционеров». Норма оставленного оружия исчислялась из расчета сто винтовок и один пулемет на каждую тысячу человек. Председателю Пензенского Совета Кураеву поручалось сменить прежних комиссаров, как представителей советской власти, на других лиц для сопровождения эшелонов во Владивосток. Совнарком обещал

всяческое содействие легионерам на территории России «при условии честной и искренней лояльности» [25, с. 183–184].

Согласившись на данные условия, командование корпуса все же не в полной мере подчинилось требованию советских властей. Каждому эшелону, в котором ехало, как правило, не более тысячи человек, предписывалось оставить вооруженную роту солдат с одним пулеметом (по 1200 патронов на каждый) и 168 винтовками (по 300 патронов на каждую). Местом разоружения стала Пенза, через которую прошли все 63 состава с военнослужащими корпуса.

По одним данным, в Пензе легионеры сдали 21 тысячу винтовок, 216 пулеметов, 1 080 000 патронов, 44 пушки, 11 автомобилей, 3500 лошадей, 4 аэроплана [19, с. 44]. По другим подсчетам, они оставили 50 тысяч винтовок, 5 миллионов патронов, 72 орудия, 3 аэроплана [53, с. 61]. Однако легионеры сдали не все оружие, часть его была спрятана под обшивкой вагонов и в других местах. Инициативу в этом деле взяли на себя многие русские офицеры корпуса [44, с. 37; 54, с. 8]. Возможно, еще и поэтому местные советы по мере движения эшелонов на восток требовали увольнения «контрреволюционно настроенных» офицеров. А некоторые русские офицеры, преимущественно по собственному желанию, ушли из корпуса. Например, оставил свой пост начальник 1-й дивизии генерал Коломенский, за ним последовал и начальник штаба дивизии полковник Леонтьев [16, с. 23].

Еще в конце марта советские руководители в Кремле полагали, что необходимо как можно скорее эвакуировать весь Чехословацкий корпус из России [7, с. 31]. Но 4 апреля 1918 года во Владивостоке высадились две роты японских солдат. В Москве данные события расценили как начало иностранной интервенции и отдали распоряжение о приостановке эшелонов с чехословацкими войсками, следующими во Владивосток. Помимо этого активизировали свою деятельность в русле сопротивления большевикам казацкие атаманы: А. И. Дутов — на Южном Урале, Г. М. Семенов — в Забайкалье. В связи с этим в Москве стали опасаться, что чехословацкие легионеры могут быть использованы в борьбе против Советской Республики.

Известна телеграмма наркома иностранных дел Г. В. Чичерина от 21 апреля 1918 года Красноярскому Совету. В ней говорилось о скорейшем возвращении из России на родину немецких военнопленных и задержке чехословацких эшелонов [34, л. 6].

С другой стороны с личным составом корпуса активно работали большевистские агитаторы. В результате более 200 военнослужащих дезертировали и вступили в Красную гвардию. Среди них оказался и будущий чешский писатель Я. Гашек, создатель знаменитого романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».

У французского военного командования в середине апреля появился новый план: все эшелоны, не дошедшие до Омска, повернуть на запад и отправить по северному маршруту — на Архангельск и Мурманск. Но такое решение трудно было реализовать. Оно так и осталось на бумаге.

Легионеры ехали под музыку в вагонах, украшенных зеленью, флагами, вензелями, гербами. Первые большие задержки эшелонов начались в середине апреля 1918 года по всей линии железной дороги. Затем движение, хотя и с длительными остановками, возобновилось. По прибытии 21 апреля в Пензу командир 3-го полка корпуса подполковник С. Н. Войцеховский в своем дневнике отметил: «Передаем советским властям оружие». Причем с каждым разом требования о разоружении становились все жестче [17, л. 6]. 29 апреля вечером шесть эшелонов с частями 3-го и 6-го чехословацких полков прибыли в Челябинск. На станции стояли два воинских эшелона с сербами (воинские формирования в составе старой русской армии). Они, подобно частям Чехословацкого корпуса, ранее двигались во Владивосток, но теперь повернули назад и намеревались ехать в сторону Архангельска [17, л. 13].

На следующий день Войцеховский сделал следующую запись: «Вчера наш комиссар (прапорщик Которба.— Е. В.) показал мне телеграмму из Москвы: немцы боятся наступления японцев и требуют скорейшей эвакуации из Восточной Сибири своих военнопленных: движение наших эшелонов на восток распоряжением советских властей остановлено. Мне начинает казаться, что мы не попадем во Владивосток» [17, л. 13].

1 мая 1918 года легионеры, среди которых находилось немало сторонников социалистических идей, решили отметить праздник трудящихся и совершить мирное шествие по улицам Челябинска с музыкой и песнями. Однако местный совдеп не дал разрешения, мотивируя свой отказ тем, что чехословацкие солдаты планировали выйти отдельной колонной, а не совместно с другими участниками демонстрации во главе с большевистскими руководителями [17, л. 14; 33, л. 1]. Но все же солдаты корпуса прошли строем с музыкой по улицам города, отметив Первомайский праздник. В течение последующих двух недель, пока эшелоны стояли на запасных путях, никаких конфликтов между легионерами и Челябинским совдепом не происходило. Наоборот, как отмечали некоторые советские руководители, солдаты корпуса исправно несли службу у вагонов и на станции, отличались корректностью и учтивостью в отношении населения во время пребывания на улицах и площадях города. Один из горожан так описал чехословацких военных в своем дневнике: «...одеты франтами, с иголки; офицеры — с оружием — на прекрасных лошадях. К жителям относились свысока, но держались очень вежливо; жили на вокзале, кажется в вагонах на путях,— обыватели посматривали на них с недоумением,— что сие значит?» [46, с. 322].

Хотя один случай мог стать той искрой, которая бы вызвала огонь раздора еще раньше. На челябинском рынке чехословацкие солдаты схватили с поличным вора и доставили его в комиссариат для дознания. Военный комиссар Ф. Мазур решил отправить задержанного в уголовный отдел железнодорожной милиции. Но возле здания комиссариата собралось несколько десятков легионеров, требовавших выдачи им вора для расправы. Мазур отказался это сделать и приказал им разойтись. Солдаты зашумели. Обстановка накалялась. Тогда в критический момент вперед вышел офицер корпуса и по-чешски повторил приказание расходиться. Легионеры с недовольным ворчанием отступили. Инцидент был исчерпан [34, л. 6].

Со временем положение чехословацких солдат в городе становилось все более неопределенным. Сербские эшелоны отправились на Архангельск. Некоторые офицеры корпуса, потеряв всякую

надежду, стали покидать свои части и возвращаться назад, предполагая попасть на родину через западную границу России. Так, например, поступил подполковник Дорман.

12 мая Войцеховский записал в дневнике: «Большевики не пускают нас дальше на восток, так как мешает Семенов, который где-то под Читой... и французская миссия почему-то теперь заявляет, что во Владивостоке нельзя собрать достаточного количества транспортов». Делегация Чехословацкого национального совета во главе с П. Максой отправилась на переговоры с большевиками для окончательного решения вопроса об эвакуации в северном или восточном направлении. «Ехать в Архангельск,— написал Войцеховский,— никому не хочется. По-моему, это поведет к катастрофе. Послал сегодня Максе в Москву от своего имени (и ссылаясь на настроение в полку) протест. Полковой комитет протестует от себя. Был поручик Сыровой, командир 2-го полка, он такого же мнения, собирается послать такой же протест от себя. Надо быть готовым к тому, что, может быть, придется ехать дальше силой, хотя это трудно» [17, л. 16, 17].

К середине мая 1918 года наиболее крупные формирования чехословацких частей находились по линии железной дороги в районах Пензы (около 8 тысяч стрелков под командой С. Чечека), Челябинска — Миасса (свыше 8 тысяч под командой С. Н. Войцеховского), Новониколаевска — Тайги (около 4,5 тысячи под командой Р. Гайды), Владивостока (около 14 тысяч под командой М. К. Дитерихса).

Наступил день 14 мая 1918 года, с которого началось противостояние чехословацких солдат и местного совета в Челябинске. Когда поезд с военнопленными мадьярами и немцами стал маневрировать, из него полетели в чехословацких легионеров металлические предметы. Один из часовых был ранен. Тогда легионеры остановили состав, выволокли из вагона нескольких военнопленных, стали избивать их, одного даже убили.

Созданная советскими властями в Челябинске комиссия во главе с И. А. Кольцовым установила следующее. После ранения в голову чугунной ножкой от печки солдата Ф. Духачека, отчего он временно потерял сознание, возмущенные сослу-

живцы пострадавшего отцепили три вагона с военнопленными, вывели около тридцати мадьяр и немцев на перрон и устроили их публичное избиение с целью найти истинного виновника ранения своего товарища. В итоге, не выдержав побоев, бывший австрийский солдат Ф. Мольнар указал на И. Малика. Последний под угрозой дальнейших избиений сознался в содеянном. К нему сразу же подступили чехословацкие легионеры. Необходимо отметить, что в этот момент прапорщик Грушка пытался удержать своих соратников от самосуда, но его усилия оказались тщетны. На Малика посыпались удары, и кто-то нанес ему смертельную рану штыком в область сердца. Затем солдаты расступились, оставив лежать на месте расправы обезображенный труп. Они приказали находившимся тут же военнопленным вырыть неподалеку могилу. Такую картину происходящего и застали прибывшие на место инцидента представители советской власти. Из группы легионеров слышались возгласы: «Собаке — собачья смерть!» [34, л. 2–18].

Через пару дней следственная комиссия допросила сначала пострадавшего Духачека, а затем десять чехословацких солдат, стоявших в тот злополучный день в карауле. Свидетели из военнопленных указали на двоих из них (Я. Карбилика и К. Рафиля) как на участников убийства. Обвиняемые, естественно, все претензии в свой адрес отвергали. Тогда советские работники задержали всех десятиерых легионеров и отправили их в тюрьму [34, л. 10].

Эти события, произошедшие 17 мая, вызвали волнение в чехословацких эшелонах. Двое солдат и офицер корпуса, отправившиеся на переговоры об освобождении своих товарищей, также оказались под арестом. Масло в огонь подлили и опечатки о действиях легионеров, допущенные в газете «Известия», издаваемой Челябинским совдепом. Вместо слов «они не идут против советской власти» в газете напечатали «они идут против советской власти», вместо «мирным путем, без вооруженного выступления» — «мирным путем вооруженного выступления» [30, с. 223].

Среди легионеров все громче стали раздаваться призывы об освобождении своих товарищей силой. Некоторые чистили оставшиеся в их рас-

поражении винтовки. «Командиру 2-го батальона 6-го полка штабс-капитану Ульриху,— записал в дневнике Войцеховский,— удалось уговорить их подождать и послать делегацию. Я со своей стороны принял меры, чтобы мои стрелки не ходили в город». Но «очевидно было, что удержать людей не в моей власти». И далее: «Чаша терпения была переполнена известием, что из депутации 6-го полка также арестовали одного офицера. Известие это было получено в тот момент, когда у меня сидел штабс-капитан Ульрих... и я убеждал его не предпринимать этого выступления. Около эшелонов меня уже ждали все офицеры, и даже унтер-офицеры и старшие вагонов всего полка, которым я тоже хотел сказать все, что мог, чтобы удержать их в руках». Но Ульрих заявил о выступлении своего полка. «Жребий был брошен, и я должен был его поддержать, во что бы то ни стало» [17, л. 18, 19].

Легионеры выступили поздним вечером с песнями. Они сразу же заняли вокзал, перерезали телеграф. Караул красноармейцев бежал, бросив винтовки. Затем, уже в вечерних сумерках, колонна чехословацких солдат двинулась к городским кварталам, которые взяли почти без всякого сопротивления большевиков (прогремело лишь несколько выстрелов). «Мятежники» оцепили Уфимскую и прилегающие к ней улицы, окружили здания, где располагались советские учреждения. Некоторые руководители и чиновники спешно, на автомобилях, выехали из города.

Как сообщала местная газета «Трудовая мысль», вооруженные легионеры окружили «номера Дядина» — место расположения главных советских учреждений. Военный комиссар В. К. Садлуцкий потребовал разойтись, но чехословацкие солдаты не подчинились и упорствовали, угрожая применить силу, если не освободят их товарищей. Тогда спешно созданный Челябинский совдеп решил отпустить арестованных легионеров [49].

«Все было совершенно кончено к 11 часам вечера,— отметил Войцеховский,— и наши арестованные были нам возвращены. Наши потери: убит один стрелок 6-го полка (унтер-офицер) и два ранено... С противоположной стороны пострадали два-три военнопленных. Все сопротивление сводилось к выстрелам одиночных военнопленных и че-

тырех каких-то солдат... уже за городом; солдаты эти, выстрелив, сейчас же удрали. К 12,5 часам мы все вернулись в свои эшелоны» [17, л. 21].

Итак, легионеры освободили своих однополчан, не претендуя на захват власти в городе. Сергей Николаевич записал по этому поводу следующее: «Нам инкриминируют грабеж. Правда, к сожалению, было и насилие над советской властью, то есть противозаконное выступление с оружием в руках...» И далее о большевиках: «Мечтают о нашем разоружении. Провоцируют наше выступление. Пугают нас нападением и всякими ужасами. Со вчерашнего дня мы контрреволюционеры» [Там же].

«В перспективе,— заключил подполковник,— куча осложнений и последствия самые неопределенные и, кажется, не радужные. Для меня лично все совершившиеся большой минус. Я допускаю даже, что придется сдать полк и уйти от чехов. Для общего дела — чешского — трудно сейчас даже представить, как все это обернется и как выйдет на плюс или минус. Посмотрим... Пока буду готовиться к худшему и принимать меры самообороны для полка» [Там же, л. 21–22].

На следующий день, 18 мая, вышло обращение к населению города, подписанное Войцеховским. В нем говорилось следующее: «Чешские войска всегда были и будут друзьями русского народа. Мы никогда не пойдем против советской власти. Вчера 17 мая мы приходили в город только для того, чтобы освободить своих солдат, арестованных без всякой вины. Не верьте никому, кто будет говорить, что мы, чехи, враги русского народа, Советской власти и революции!» [21].

Но в городе было беспокойно. В окрестностях и в сельской местности стали распространяться слухи: Челябинск в руках легионеров, а советские руководители все арестованы. При этом произошла кража большой суммы денег (140 тысяч рублей) из кассы мусульманской секции совдепа. Арестовали кассира, который в совершенном преступлении не сознавался, возлагая всю вину на чехословацких солдат. Совдеп объявил военное положение, а при исполнительном комитете даже создали комиссию для организации крестьянской дружины как нового формирования с целью усиления военных частей гарнизона [47; 48; 49].

20 мая, по свидетельству Войцеховского, пришла телеграмма от военного комиссара Омска с требованием разоружить и наказать легионеров. Просочились даже слухи, что уже имеется распоряжение об отправке некоторых эшелонов в Тюмень, а других — в Омск, «для разброса» [17, л. 22].

К этому времени в Челябинск, начиная с 16 мая, приезжали делегаты от разных частей на съезд Чехословацкого корпуса. Все это происходило на фоне поступления сведений о враждебной подготовительной деятельности различных советов Урала и Сибири против легионеров корпуса, которых планировали полностью разоружить.

После предварительных совещаний делегатов от 1-й и 2-й дивизий 20 мая 1918 года состоялось совещание членов отделения Чехословацкого национального совета в России, командиров полков и руководителей делегаций обеих дивизий. На совещании приняли решение: не подчиняться требованию об изменении маршрута и сдаче оружия, несмотря ни на что продвигаться во Владивосток, даже если потребуется применять вооруженную силу. С этой целью образовали Временный исполнительный комитет Чехословацкой армии в составе членов отделения Чехословацкого национального совета Й. Давида, Б. Павлу, Ф. Рихтера, Б. Завады, а также командиров полков подполковника С. Н. Войцеховского, поручика С. Чечека, капитана Р. Гайды и четырех делегатов съезда от нижних чинов. Председателем комитета выбрали Павлу, а руководство всеми практическими действиями поручили Военному совету (Войцеховский, Чечек, Гайда). В Совнарком отправили телеграмму об отказе сдать оружие по причине того, что советская власть не может обеспечить безопасный и свободный проезд застрявших в Поволжье, на Урале и в Сибири чехословацких эшелонов.

Среди военных руководителей возникли некоторые разногласия по тактическим вопросам. Согласно воспоминаниям капитана Р. Гайды, подполковник Войцеховский предлагал в тот же день, 20 мая, захватить Челябинск. Но его остановили, так как требовалось разъехаться по полкам, подготовиться и действовать согласованно [42, л. 12].

По воспоминаниям одного из чешских военных руководителей С. Чечека, именно Гайда сразу

же хотел выступить, не считаясь ни с чем. Но все-таки договорились до 27 мая никаких решительных мер не предпринимать, а затем все эшелоны начнут движение на восток в один и тот же день [55, с. 251].

В связи с событиями в Челябинске, произошедшими 17 мая, большевики в Москве арестовали 21 мая деятелей отделения Чехословацкого национального совета в России П. Максу и Б. Чермака. Затем их вынудили подписать обращение, направленное всем командирам чехословацких частей, о немедленной сдаче всего оружия. Но обращение никакого эффекта не имело [40 (а), с. 91].

«Французы добиваются движения на Архангельск,— отметил 25 мая в дневнике Войцеховский,— по-видимому, для своих целей... Центральное советское правительство поставило нам требование: сдать все оружие без исключения и дать себя под охрану советских властей». Причем пригрозили, что не исполнивший данного приказа окажется вне закона и будет считаться мятежником [17, л. 22].

С 25 мая 1918 года начались настоящие вооруженные столкновения чехословацких легионеров с советскими частями. Причем не всегда чехословацкие солдаты нападали первыми. Например, на станции Мариановка (недалеко от Омска), в Иркутске и Златоусте инициатива действий исходила от местных совдепов [19, с. 47–48]. Видимо, это обуславливалось тем, что как раз тогда вышел приказ председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого, адресованный местным советам, о полном разоружении Чехословацкого корпуса и расстреле на месте всех лиц, не сдавших оружия.

Тем временем к Челябинску подтянулось еще три состава с легионерами. Общая численность солдат и офицеров в эшелонах, стоявших на железнодорожных путях, составила около 8400 человек, из них только около трех тысяч воинов имели оружие. У легионеров находилось и шесть пулеметов [32, л. 32].

Красных в Челябинске, по причине отправки некоторых их формирований под Оренбург, было меньше, но они имели больше оружия и боеприпасов. На так называемой Семеновской горке, в Красных казармах, располагались два полка 5-й Уральской дивизии, в рядах которых состояло около двух

тысяч красноармейцев. Среди них только около 700 человек являлись уроженцами России, остальные — бывшие военнопленные из мадьяр, австрийцев, немцев. Командовал дивизией упоминавшийся выше военспец Владимир Константинович Садлуцкий, одновременно исполнявший должность военного комиссара Челябинска и Челябинского уезда. В Красных казармах имелся большой арсенал оружия и боеприпасов [24, с. 21].

Садлуцкий, бывший кадровый капитан-артиллерист, видимо, не считал, что выступление легионеров может стать реальностью в ближайшее время. Красные выставили только несколько застав с пулеметами на мостах через реку Миасс и на плотинах у мельниц Архипова и Толстых [24, с. 22].

Накануне нового выступления чехословацких солдат в некоторых местах появились расклеенные листовки, содержащие обращение к жителям города. В нем говорилось: «Братья русские! Чехословацкие дружины с 14-го года дрались вместе с вами и за вас на фронте. Чехословацкий народ у себя дома в Австрии все время раздувает пламя общей революции. Читайте газеты, вы увидите, что никто так энергично и прямо не протестует против империалистического гнета Германии и Австрии, как чехи. Во время борьбы на Украине между большевиками и тогдашней Украинской Радою, чехи, прекрасно вооруженные и сосредоточенные все вместе, отклонили все настойчивые требования и просьбы украинцев и категорически отказались участвовать в борьбе с нарождающейся советской властью. Когда русский фронт против германцев и австрийцев перестал существовать, чехи с последними силами рука об руку с советскими войсками вели бои с немцами у Киева и Бахмача».

Затем в качестве доказательства высокой оценки боевых действий чехословацких солдат приводился текст обращения от 16 марта 1918 года командующего советскими войсками в Южной России В. А. Антонова-Овсенко. В этом тексте отмечалась «братская услуга», оказанная Чехословацким корпусом «в борьбе рабочего народа Украины с хищным империализмом». И далее чехословацкое воззвание гласило: «У нас единственная задача — освободить свой маленький народ от невыносимого гнета центральных империй и добиваться своей республики.

Теперь мы хотим только одного — ехать дальше на Владивосток, где уже ждут нас и наши братья чехи, и пароходы». Далее в воззвании говорилось о том, что чехословацкие солдаты выполнили, по заключенному соглашению, требования советских властей о максимальном разоружении корпуса, но при этом беспрепятственный проезд на Дальний Восток не был им обеспечен. Главными виновниками создавшейся ситуации, когда на многих железнодорожных станциях застряли эшелоны с легионерами, они считали германское руководство, ставшее союзником большевиков.

В заключительной части обращения приводится копия текста перехваченной телеграммы военного комиссара Садлуцкого в Екатеринбург военному С. А. Анучину с просьбой о скорейшей отправке эшелонов в Омск. Там, по словам Садлуцкого, будет больше возможности разоружить и наказать легионеров за разгром военного комиссариата в Челябинске. Ссылаясь на эту телеграмму, чехословацкое командование, в лице прежде всего подполковника Войцеховского, объясняло свое будущее выступление самозащитой. Одновременно горожанам приносились извинения за «тревоги и неприятности», которые невольно причиняют своими действиями чехословацкие воины [52].

Все началось 27 мая в два часа ночи. Подполковник Войцеховский решил провести операцию по захвату города быстро и ограниченными силами, поэтому было задействовано чуть более двух сотен солдат. В ночной темноте легионеры на эшелоне по железнодорожной ветке добрались до Архиповской мельницы. Затем, разделившись на две части, через лес подошли к реке Миасс и стали переправляться вброд в районе водокачки, обойдя заставы красных. Затем они окружили Красные казармы, где располагались два полка красноармейцев, и быстро их обезоружили. По сообщению газеты «Трудовая мысль», потери оказались минимальными: убито шесть легионеров и двое красноармейцев из русских, двадцать — из мадьяр [24, с. 22–23; 50; 51].

Утром 27 мая 1918 года Войцеховский сделал в дневнике многозначительную запись: «Война! Сегодня ночью... мой отряд занял весь город Челябинск без всяких потерь. У противной стороны убиты: четверо военнопленных и ранено двое

русских. Мое обходное движение удалось блестяще. В казармах были окружены спящими и захвачены два советских полка (около 2 тысяч одних военнопленных), их окружило 250 стрелков! Нам досталось очень много винтовок (подсчет еще не сделан), пулеметы, грузовые автомобили и около 14 орудий. Перехватываем и читаем бешеные телеграммы советских властей из Екатеринбурга, которые ясно знают их действительно серьезное положение. Но и наше положение, несмотря на эту блестящую победу, нелегкое, предстоит много осложнений и затруднений, и боев, так и потерь. Зато я в своей тарелке» [17, л. 24, 25].

Один из местных чиновников, видимо, опираясь на слухи и некоторые достоверные сведения, так описал действия легионеров: «Ночью к казармам пришло несколько десятков чехов с винтовками; стража у орудий у казарм безмятежно спала, — ночь была теплая... Чехи разбудили стражу: “Вытряхивайтесь, товарищи! Ваше время вышло!” — те благоразумно ретировались. Чехи вошли в казармы, — то же самое, — исчезли и те. Выстрелов никто не слышал». И далее: «...исчезли, — точно провалились сквозь землю. Чехи их не преследовали и не искали, но некоторых потом поймали казаки в поселках и доставили в город» [46, с. 323].

По некоторым данным, трофеи чехословацких легионеров составили от 5 до 15 тысяч винтовок, 3 миллиона патронов, 5 пулеметов, 20 орудий [19, с. 48; 42, л. 43; 54, с. 17]. Впоследствии часть захваченного вооружения передали оренбургским казакам, подошедшим из районов Верхнеуральска и Троицка.

После выступления легионеров главный орган власти города — Челябинский совдеп еще несколько раз собирался на свои совещания. Так, 27 мая состоялось заседание исполнительного комитета совдепа, куда пригласили делегатов от Чехословацкого корпуса. Последние заявили, что они не являются врагами и никогда не будут вмешиваться во внутренние дела России. Главная их цель — выехать через Дальний Восток на Западный фронт. Советские власти стали им в этом препятствовать и разоружать, поэтому они выступили. Захваченное оружие чехословацкие представители отказались

сдать и обещали до конца своего пребывания следить за порядком в городе [51].

В этот же день газета Челябинского совдепа «Известия» напечатала успокоительное обращение подполковника Войцеховского, в котором говорилось: «На случай возможных попыток со стороны каких-либо партий или темных элементов использовать временное ослабление охраны города советскими войсками доведу до сведения граждан города Челябинска, что пока мы здесь — жизнь и имущество всех без исключения находится под охраной чехословаков. Всякие попытки к грабежам и насилию кем бы то ни было будут остановлены нашим оружием» [24, с. 23].

Председатель исполкома Челябинского совдепа большевик Евдоким Лукьянович Васенко в это время отсутствовал. Он спешно выехал из города с целью «организации отрядов для борьбы с контрреволюционерами». 29 мая в Челябинск пришло известие о том, что в селе Аргаяш или в его окрестностях он попал в плен и погиб от рук казаков [33, л. 7].

Через день вышло воззвание Челябинского уездного исполнительного комитета, сообщавшее о том, что главная цель выступления легионеров — дальнейшее движение их эшелонов на Владивосток. «Действия советской власти во внутренней жизни как города, так и уезда, остаются в полной законной силе» [51].

Организованная при уездном исполнительном комитете чрезвычайная следственная комиссия во главе с И. П. Тарасовым пришла к выводу, что действия легионеров не были направлены против советской власти. А вот деятельность следственной комиссии И. А. Кольцова, в результате чего оказались арестованы десять чехословацких солдат, была признана неправомерной. После такого решения Кольцов подал в отставку [51].

Но советским руководителям все же не удалось удержаться у руля. С 1 июня власть в городе перешла к Военному совету во главе с полковником Н. Г. Сорочинским. Необходимо отметить, что из 120 бывших офицеров, состоявших на учете и записанных в ряды Красной армии в Челябинске, 112 изъявили желание вступить в антибольшевистские формирования. При этом в город прибыл от-

ряд численностью около 300 оренбургских казаков во главе с есаулом А. В. Смирных [54, с. 17].

Таким образом, чехословацкие легионеры оказались «освободителями поневоле» от пут большевистского режима. Противники большевиков воспользовались моментом, чтобы свергнуть их власть и самим утвердиться в качестве новых правителей [30, с. 224].

Сразу же начались аресты. Более сотни человек взяли под стражу и поместили либо в арестантский дом (созданный в «номерах Дядина»), либо в тюрьму. Но многие советские работники еще до арестов бежали: например, большинство членов исполкома оказались в Шадринске.

Вскоре в городе организовали комитет народной власти, в который вошли один эсер, один меньшевик, три казака, один представитель от Чехословацкого корпуса. Комитет возглавил меньшевик С. С. Самодуров [3, с. 273; 33, л. 29].

3 июня пьяные казаки, сопровождавшие ночью из «номеров Дядина» пятерых советских руководителей в городскую тюрьму, по дороге, на Солдатской площади, у мостка через речку Игуменку, самовольно, без какого-либо приказа свыше, зарубили шашками пленных. Среди казненных оказались большевики Д. В. Колющенко и Ш. И. Гозиосский, эсеры М. А. Болейко и В. И. Могильников, беспартийный П. Н. Тряскин. По словам очевидцев расправы, окровавленные тела были похожи на «котлеты» [11, с. 96–97; 33, л. 26; 35, л. 2].

Эти люди погибли от рук казаков фактически случайно. Видимо, никто специально не отдавал приказ о казни. Они стали жертвами самосуда в условиях определенного безвластия в Челябинске. В целом реакция основной массы населения на выступление чехословацких легионеров была позитивной. На улицах царило необыкновенное оживление, как во время праздников [3, с. 264]. Местный чиновник К. Н. Теплоухов в те дни записал в дневнике: «Город точно успокоился,— нашлась привычная точка опоры; на улицах появились веселые лица, базары оживились... Немного действовало на нервы высокомерие чехов». Но в целом стало лучше, чем при совдепе [46, с. 323].

В начале июня 1918 года недалеко от Челябинска, в селе Мишкино, состоялся волостной съезд

советов с участием местных жителей. Крестьяне приняли решение: лояльно относиться к «братям-чехословакам» и разоружить местные отряды сельской Красной гвардии. В ответ на такие меры красногвардейцы разогнали крестьянских депутатов, но вскоре им самим пришлось отступить в район Шадринска [29, с. 34].

Учитывая интересы коренного населения Урала, в Челябинске при поддержке руководства Чехословацкого корпуса в июне 1918 года восстановили Башкирское автономистское правительство во главе с З. В. Тоганом (Валидовым). Стал выходить его официальный орган «Башкорт».

Обстановка на Урале после выступления легионеров стала меняться не в пользу большевиков, которые имели в своем распоряжении красногвардейские рабочие формирования и отряды, прибывшие из центра страны. 30 мая 1918 года на Урал прибыла Высшая военная инспекция наркомата по военным делам во главе с Н. И. Подвойским. Однако организовать малочисленные, недисциплинированные и малообеспеченные части Красной армии Подвойскому не удалось. После оставления красными Миасса Подвойский спешно выехал в Уфу, передав все руководство комиссару И. М. Малышеву, который стал командующим Златоустовским фронтом. Но силы красных в этом регионе были ограниченными — не более четырех тысяч бойцов с 54 пулеметами и тремя орудиями. Вскоре погиб и сам Малышев, взятый в плен в бою у станции Тундуш [5, с. 28].

Антибольшевистским силам активно помогло и местное население. Так, в середине июня 1918 года вспыхнуло крестьянское восстание на востоке Уфимской и юге Пермской губерний. Поводом для выступления стала попытка мобилизации крестьян (в том числе вернувшихся фронтовиков) в Красную армию для борьбы с частями Чехословацкого корпуса [29, с. 35].

Мобилизованные казачьи части и полки чехословацких легионеров начали развивать успех из Челябинска на трех железнодорожных направлениях: на запад, север и юг. 10 июня чехословацкие формирования взяли Кыштым, 18 июня совместно с отрядами оренбургских казаков — Троицк, который неудачно защищал красногвардейский отряд

им. С. Разина под командованием Н. Д. Томина. Войцеховский, как командир Челябинской группы чехословацких войск, после занятия Троицка выпустил обращение к жителям. В нем говорилось, что легионеры не будут вмешиваться во внутренние дела города, они являются друзьями русского народа, а не врагами революции, и вынужденно борются с советской властью, чинившей произвол и террор. «Жизнь и имущество горожан,— гласило обращение,— находятся под защитой чешского оружия, все попытки насилия и грабежей будут пресекаться». Накладывались лишь ограничения на перемещение населения в сторону противника и ношение оружия. Для этого требовалось письменное разрешение от одного из командиров чехословацких формирований [36, л. 108–109].

26 июня 1918 года чехословацкие солдаты освободили от большевиков Златоуст, вытеснив оттуда красногвардейские отряды под командованием

В. Д. Ковшова. Затем чехословацкие стрелки взяли под свой контроль Бердяуш и Усть-Катав, а 6 июля в Миньяре произошло соединение авангарда Пензенской и частей Челябинской группировок корпуса. Таким образом, своими действиями легионеры способствовали падению советской власти во многих районах Поволжья и Урала. Активно действовали воины корпуса и в Сибири, освободив от большевиков Омск, Новониколаевск, Иркутск и другие города [31, с. 33].

Но при этом, по точному замечанию одного советского военного историка 1920-х годов, действия чехословацких стрелков, например на Урале (как, впрочем, и в Сибири), в большей степени имели характер «увеселительных прогулок», так как их борьба против советской власти имела активную поддержку, прежде всего со стороны казачества и зажиточного крестьянства. Поэтому захват того или иного населенного пункта, как правило, осу-

Памятник погибшим в период Гражданской войны чехословацким легионерам (указано 226 имен) близ Челябинского железнодорожного вокзала.

Архитектор Е. Удовик. Памятник открыт 20 октября 2011 года на средства Чешского правительства. Фото Е. Волкова

ществлялся силами одной-двух рот солдат. И эти «увеселительные прогулки» действовавших медленно и вяло легионеров затянулись на два месяца, что позволило красным в дальнейшем собрать военные силы и укрепить свои позиции [39, с. 128–129].

В ходе Гражданской войны на Урале большевики расправились с находившимися здесь в ссылке или под арестом Романовыми. Судя по хронологии событий, это была спланированная акция. Так, 13 июня 1918 года в Перми был произведен расстрел ссыльного Великого князя Михаила Александровича и его секретаря Б. Джонсона. 17 июля 1918 года в Екатеринбурге в доме инженера Ипатьева расстреляли бывшего царя Николая Романова, всю его семью (жену и пятерых детей) и оставшихся с ними четырех людей из прислуги. На следующий день, 18 июля, под Алапаевском расстреляли ссыльных великих князей Игоря Константиновича, Константина Константиновича, Сергея Михайловича, Ивана Константиновича, Великую княгиню Елизавету Федоровну, князя В. П. Палея и двух приближенных к ним лиц. Согласно историческим источникам, эти события не вызвали бурной реакции и значительных ответных действий в стане антибольшевистских сил. Многие жалели бывшего царя и его родственников. Ходили слухи о спасении Великого князя Михаила Александровича и дочери бывшего императора Анастасии.

Ответные действия на успехи местных сил «демократической контрреволюции» и чехословацких легионеров не заставили себя долго ждать. 13 июня 1918 года большевистское руководство создало из бывшего Чехословацкого и Самаро-Златоустовского фронтов единый Восточный фронт. В его составе начали формировать 1-ю армию (ей последовательно командовали: А. И. Харченко, М. Н. Тухачевский, Г. Д. Гай, Г. В. Зиновьев и др.), 2-ю армию (командующие: В. В. Яковлев, Ф. Е. Махин, К. Н. Блохин, В. И. Шорин и др.), 3-ю армию (командующие Р. И. Берзин и др.), позднее — 4-ю и 5-ю армии. Первоначально в Уральском регионе дислоцировалась 3-я армия (район Кунгура и Нижнего Тагила) и 2-я армия, части которой действовали в Поволжье и на Южном Урале [5, с. 49]. Силы красных в данный период были

немногочисленны, в армиях насчитывалось всего по несколько тысяч бойцов, не хватало оружия и боеприпасов.

Если говорить о внешнеполитической стороне истории, связанной с выступлением Чехословацкого корпуса, то первоначально среди дипломатов стран Антанты в России не было единого мнения по вопросу, как реагировать на такие действия. Некоторые из них даже пытались остановить военные столкновения. Так, один из сотрудников французской военной миссии 31 мая 1918 года телеграфировал из Омска командованию легионеров: «Ваши действия вынуждают французскую миссию умыть руки в этом деле. Это будет позор, если чехов втянут в российский бедлам. Если же чехи настаивают на своем участии, то между ними и французским правительством все будет кончено». А через пару дней французский военный атташе наказывал всем чехословацким формированиям «избегать какого-либо участия во внутреннем политическом конфликте» в России [56, р. 30; 6, л. 62–63]. Лидер Чехословацкого национального совета Т. Масарик, находившийся с визитом в США, 19 июня 1918 г. на встрече с американским президентом В. Вильсоном высказался против участия чехословацких легионеров в российской Гражданской войне. Он ратовал за скорейшую эвакуацию всего корпуса из Сибири во Францию [6, л. 63].

Однако через месяц, в июле 1918 года, уже определились планы руководителей Антанты по созданию в России с помощью Чехословацкого корпуса нового антигерманского фронта. 1 августа Масарик, поменяв свою первоначальную позицию, в обращении к легионерам из Парижа заявил, что корпус временно остается в России. Новым командиром корпуса назначили Я. Сыровы. В середине июля в Новониколаевске (ныне Новосибирск) начали формироваться два новых полка корпуса (11-й и 12-й), а 20 августа отделение ЧНС объявило всеобщую мобилизацию чехов и словаков на территории России. Мобилизация предполагала поступление либо на службу в корпус, либо в рабочие дружины для технического обслуживания предприятий и войск. До конца 1918 года в корпус влилось 13 740 новобранцев, 4700 чехов и словаков записались в рабочие дружины [25, с. 258].

Михаил Васильевич Ханжин (1871–1961), генерал от артиллерии, в период Гражданской войны командующий 3-м Уральским корпусом войск Временного Сибирского правительства, затем — правительства Директории (июнь — декабрь 1918), Западной армии белых войск (декабрь 1918 — июнь 1919),

военный министр правительства А. В. Колчака (октябрь — январь 1920). В эмиграции жил в Китае, арестован в 1945 году советскими властями в Дайрене (ныне Далянь), до 1954 года отбывал тюремное заключение. Фотография 1920 года. Из семейного альбома сына генерала Ю. М. Ханжина (архив Е. В. Волкова)

Начался процесс консолидации всех войсковых групп корпуса. Дальневосточная и Сибирская группы двинулись на запад для объединения с Поволжской и Уральской группировками. В итоге войска корпуса преимущественно сосредоточились в Поволжье и на Урале, действуя против Красной армии совместно с формированиями Комуча и Временного Сибирского правительства.

Правительство Комуча, созданное в Самаре, просуществовало с июня по сентябрь 1918 года и сумело создать, хотя и немногочисленную, Народную армию. Это правительство имело определенное влияние на Южном Урале. Атаман Дутов, вернувшийся со своими сторонниками в начале

июля 1918 года из Тургая в освобожденный повстанческими казачьими отрядами от красных Оренбург, вскоре признал власть этого правительства. Он стал главноуполномоченным Комуча на территории Оренбургского войска, получил чин генерал-майора и отправил некоторые казачьи части в Самару. На землях Оренбургского казачьего войска Дутов осуществил мобилизацию казаков, а также башкир и казахов («киргизов»). В итоге были сформированы новые казачьи части Оренбургского военного округа, шесть башкирских и два казахских полка [15, с. 181, 193, 220–222]. Большой проблемой для атамана Дутова оставался Орск, который красные защищали почти до конца сентября 1918 года, а затем, оставив город, организованно отступили в направлении на Актюбинск.

Часть районов Южного Урала с июня по сентябрь 1918 года находились под контролем властей, представлявших Временное Сибирское правительство, заседавшее в Омске. Эти территории образовали Челябинский округ (создан в июле 1918 года), на который претендовало и Временное областное правительство Урала, учрежденное 19 августа 1918 года в Екатеринбурге. Атаман Дутов вел переговоры и с Временным Сибирским правительством, даже побывал в Омске. В Челябинске под эгидой этого правительства в начале июля 1918 года в составе Сибирской армии началось формирование 3-го Уральского армейского корпуса во главе с генерал-лейтенантом М. В. Ханжиным. Части корпуса (первоначально около 12 тысяч солдат и офицеров) дислоцировались на большой территории: в районах Екатеринбург, Челябинска, Златоуста, Миасса, Троицка, Шадринска, Кустаная [12, с. 91–93].

Корпусу Ханжина пришлось сражаться с отрядами В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина во время их рейда по Уралу с юга на север, от Оренбурга до Кунгура. История, связанная с рейдом, началась в июне 1918 года, когда в районе Оренбурга сосредоточилось около двадцати красногвардейских отрядов общей численностью несколько тысяч бойцов. Возглавил отряды Блюхер. Командующим красным Оренбургским фронтом стал Г. В. Зиновьев, который в обстановке угрозы окружения отдал приказ своим частям отступать на юг, в Туркестан. Однако Блюхер, назначенный его заместителем, от-

Мозаичное панно «Полководец Блюхер» (1967).
Художники Р. И. Габриэлян,
В. И. Григорьев.

Челябинск, ул. Кирова, 92
(бывший дом купцов Злоказовых). Фото: Е. В. Волков

казался выполнить приказ и повел свой сводный Уральский отряд на север для соединения с частями Красной армии. Его поддержали Н. Д. Каширин и М. В. Калмыков, командиры Южного и Уфимского отрядов. Таким образом, большинство красногвардейцев во главе с Зиновьевым ушли в район Актюбинска и Орска (впоследствии на их основе создали Туркестанскую армию). Блюхер с другими отрядами двинулся первоначально на Белорецк, находившийся в руках красных. Незадолго до их прибытия здесь погиб старый большевик, председатель местного военно-революционного комитета П. В. Точисский. Он пал от рук красных партизан И. Н. Каширина (младший брат Н. Д. Каширина), отступивших сюда из Верхнеуральска, занятого частями Сибирской армии, поскольку пытался пресечь их грабежи и насилия в отношении гражданского населения [12, с. 101].

В Белорецке большинство красных командиров отвергли предложение Блюхера идти далее на север

и поддержали план Н. Д. Каширина двигаться по линии Верхнеуральск — Троицк — Миасс — Екатеринбург. В связи с этим командующим избрали Н. Д. Каширина и двинулись на Верхнеуральск. К этому времени силы красных партизан насчитывали около 6,5 тысячи пеших и конных бойцов, 13 орудий и 70 пулеметов [38, с. 14]. В ночь с 31 июля на 1 августа 1918 года в результате упорного боя им удалось овладеть горой Извоз близ Верхнеуральска. Но в город красные не вошли, узнав о падении Екатеринбурга и опасаясь быть окруженными превосходящими силами противника. Партизаны, снова возглавляемые Блюхером (Н. Д. Каширин был ранен), пошли на запад в сторону Уфы, а затем в силу обстоятельств повернули на север, к Кунгуру. В то же время войска 3-го Уральского корпуса генерала Ханжина несколько раз пытались их остановить и уничтожить.

Практически весь август и начало сентября 1918 года бойцы Блюхера провели в походе и локальных стычках с частями Сибирской армии. За это время сводный Уральский отряд пополнился

и насчитывал более 10 тысяч пеших и конных бойцов, около 100 пулеметов и 17 орудий [38, с. 18]. В то же время корпус генерала Ханжина имел в своем составе более 5 тысяч пехотинцев, свыше 12 тысяч кавалеристов и 16 орудий. Но значительная часть этих сил находилась в других районах Урала. Войска Народной армии Комуча и чехословацкие легионеры не оказывали Ханжину какой-либо поддержки. Таким образом, остановить и разгромить многочисленный сводный отряд Блюхера без достаточного количества войск было практически невозможно. В середине сентября 1918 года в районе Кунгура партизаны вышли на позиции частей 3-й армии красных и влились в ее состав. Позже за этот рейд Блюхера наградили орденом Красного Знамени [12, с. 104–105].

Нередко между Комучем, Временным Сибирским правительством и Временным областным правительством Урала вспыхивали споры и конфликты из-за территорий. Очень остро стоял вопрос об объединении всех антибольшевистских сил и создании единой Всероссийской власти. Данный вопрос рассматривался дважды в Челябинске на так называемых политических совещаниях. Это были встречи представителей правительств самарского Комуча, Временного Сибирского правительства, Антанты и других политических, общественных, национальных объединений. Первое совещание состоялось 15–16 июля 1918 года. Комуч представляли эсеры И. М. Брушвит, М. А. Веденяпин и полковник Н. А. Галкин. Помимо их присутствовали члены Учредительного собрания А. А. Аргунов и Л. А. Кроль (председатели «Союза возрождения»). Делегацию Временного Сибирского правительства возглавляли министр финансов И. А. Михайлов, товарищ министра иностранных дел М. П. Головачев и военный министр генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов. Чехословацкий корпус представляли Б. Павлу и генерал-майор В. Н. Шокоров, Антанту — майор французской армии Гинэ. Председателем совещания избрали руководителя отделения Чехословацкого национального совета в России Б. Павлу.

На совещании произошел обмен мнениями о методах организации центральной власти. Обсуждались два основных вопроса: создание Всерос-

сийской центральной власти в противовес большевистскому правительству и объединение в одних руках командования всем антибольшевистским фронтом на востоке страны. Сразу выявились разные позиции сторон: комучевцы занимали «левые», а сибиряки более «правые» позиции, каждая из сторон стремилась добиться преимущества в свою пользу. После дискуссии по предложению майора Гинэ приняли решение встретиться на следующий день, 16 июля. На новом заседании вначале выступил А. А. Аргунов. Сообщив о подпольной деятельности «Союза возрождения» в Москве, он указал, что главная цель его членов, представителей различных партий — довести страну до Учредительного собрания, но для этого необходимо создать единое антибольшевистское правительство. Затем выступил И. М. Брушвит, заверивший присутствующих, что Комуч в состоянии выполнять функции центральной власти до созыва Учредительного собрания. Он предложил прямо сейчас создать управления военными, иностранными и финансовыми делами. «Против» выступил И. А. Михайлов. Другой выступающий, кадет Л. А. Кроль, предложил создать единую власть с правительством диктаторского типа во главе с авторитетным лицом. Его поддержал генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов, который отверг претензии комучевцев на всероссийскую власть, потому что они не учитывали в своей политике интересов национальных окраин и «страдали принципом партийности» в ущерб общегосударственным интересам. Споры вновь затянулись, и майор Гинэ предложил прекратить общее заседание и провести отдельные консультации политических и военных руководителей Комуча и Временного Сибирского правительства.

На переговорах военных, где помимо генерал-майора А. Н. Гришина и полковника Н. А. Галкина присутствовали командир 3-го Уральского армейского корпуса сибирских войск генерал-лейтенант М. В. Ханжин и начальник штаба корпуса полковник Н. Т. Сукин, приняли следующие решения. Командование всеми вооруженными формированиями Народной и Сибирской армий до прибытия союзных войск в оперативном отношении поручить генерал-майору В. Н. Шокорову, к которому прикомандировать от каждой армии по одному

военному консультанту. По вопросам военного снабжения создать Верховную комиссию в составе представителей Сибирской и Народной армий, Чехословацкого корпуса (по одному человеку), а также инженера Павловского и представителя Антанты майора Гинэ. Эта комиссия для своей работы должна была собраться 26 июля 1918 года в Омске. На заседании политических лидеров пришли к следующим соглашениям: во-первых, встретиться еще раз 6 августа в Челябинске в расширенном составе для создания единой власти. Предполагалось, что на новой встрече будут присутствовать члены Учредительного собрания (закрытого большевиками в январе 1918 года), находившиеся вне советской территории, делегаты от центральных комитетов антибольшевистских партий и от «Союза возрождения». Во-вторых, для совместного решения финансовых вопросов решили создать Верховную комиссию, включавшую по одному представителю от каждой стороны.

Второе совещание в Челябинске состоялось 23–25 августа 1918 года, позже намеченного срока. Всего съехалось свыше 150 делегатов. Представители Комуча из Самары и Временного Сибирского правительства из Омска прибыли в Челябинск специальными поездами. Самарскую делегацию (около 50 человек) возглавляли эсер В. К. Вольский, сибирских делегатов — И. А. Михайлов и А. Н. Гришин-Алмазов. На совещании присутствовали и представители других политических, общественных и национальных организаций, а также французский консул Комо. Совещание открыла известная революционерка, эсерка Е. К. Брешко-Брешковская, председателем избрали одного из лидеров «Союза возрождения» эсера Н. Д. Авксентьева, товарищами (заместителями) председателя стали сибирский областник И. А. Михайлов и эсер Е. Ф. Роговский. Главные проблемы, обсуждаемые делегатами, касались вопросов подготовки к Государственному совещанию с целью создания единой антибольшевистской власти. Первый вопрос касался места проведения совещания и вызвал разные предложения и споры. Делегаты от Комуча выступали за Самару, которая располагалась ближе к центру и имела все необходимые ресурсы для проведения Государственного совещания. Сибиряки предлагали город

с «наиболее тихой политической обстановкой», один из них (кадет В. Н. Пепеляев) выступал за проведение совещания в Челябинске. Его поддержали представители от Временного областного правительства Урала, от казачьих правительств, от социал-демократической группы «Единство». В итоге в качестве компромисса местом будущего совещания была избрана Уфа.

Второй темой, обсуждаемой в Челябинске, стал вопрос о составе Государственного совещания. Споры вызвали полномочия (в виде мандатов) представителей областного правительства Урала, съезда земств и городов, киргизских (казахских), башкирских и тюрко-татарских объединений. Для утверждения их мандатов была создана комиссия из 12 человек (по одному человеку от делегаций), не вызывавших споры о их полномочиях. Если полномочия представителей от Временного областного правительства Урала и земгора утвердили без особых проволочек, то мандаты «инородцев» вызвали неприятие со стороны «правых». В. Н. Пепеляев утверждал, что они лишены «государственного духа» и враждебны российской державе, а полковник П. П. Иванов-Ринов, ссылаясь на свой опыт подавления восстания 1916 года в Туркестане, считал, что их нельзя допускать на Государственное совещание. В итоге после длительной дискуссии под нажимом «левых» полномочия национальных объединений признали.

По третьему вопросу — о сроке созыва Государственного совещания — по настоянию сибиряков делегаты быстро пришли к единому мнению и решили собраться 1 сентября 1918 года. При этом договорились, что Государственное совещание не прекратит своей работы до тех пор, пока не будет создана единая Всероссийская власть.

Таким образом, в ходе Челябинских политических совещаний была проведена организационная и подготовительная работа для объединения всех антибольшевистских сил на востоке страны под единой властью. Несмотря на значительные разногласия между главными политическими силами — «левым» самарским Комучем и «правым» Временным Сибирским правительством, — удалось достичь компромисса и созвать Государственное совещание в Уфе (Директория) [14, с. 223–224].

Государственное совещание в Уфе проходило с 8 по 23 сентября 1918 года и собрало 23 делегации, ведущими являлись представители Комуча, Временного Сибирского правительства, областного правительства Урала, правительств казачьих войск (Астраханского, Оренбургского, Уральского, Иркутского, Енисейского, Семиреченского, Сибирского), национальных государственных образований (Алаш-Орда, Башкирия, Туркестан и др.). После длительных дебатов был найден компромисс и образовано Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория) во главе с эсером Н. Д. Авксентьевым. Это правительство должно было организовать и консолидировать все силы, ведущие борьбу с большевиками, и осуществлять свои функции до созыва Учредительного собрания. Весь аппарат вновь сформированного правительства переехал в Омск.

Главнокомандующим всех вооруженных формирований был назначен генерал-лейтенант В. Г. Болдырев. Эти силы образовали так называемый Западный фронт (во главе с чешским генералом Я. Сыровы), штаб которого расположился в Челябинске. Кроме того, 17 октября 1918 года войска Дутова реорганизовали в Юго-Западную армию, состоявшую преимущественно из оренбургских казаков, в нее также входили армейские и национальные формирования [15, с. 246–247]. Части этой армии составили Юго-Западный фронт (самарское и актюбинское направления).

Однако Уфимская директория продержалась менее двух месяцев. В результате переворота 18 ноября 1918 года в Омске по инициативе части офицерства и сторонников партии кадетов Верховным правителем был провозглашен вице-адмирал А. В. Колчак. Именно с приходом к власти Колчака на Урале и в Сибири оформилось Белое движение как наиболее авторитарный вариант по сравнению с другими антибольшевистскими политическими режимами. При Колчаке значительная часть Южного Урала, за исключением западной окраины Оренбургской губернии и части Башкирии, с ноября 1918-го по июль — август 1919 года находилась под контролем белых.

Александр Васильевич Колчак (1874–1920), адмирал. В период Гражданской войны провозглашен Верховным правителем. Возглавлял антибольшевистское

правительство и вооруженные формирования на востоке России. Взят в плен в Иркутске в январе 1920 года, после нескольких допросов расстрелян. Фотография 1919 года

Приход к власти после падения правительства Уфимской директории адмирала А. В. Колчака и провозглашение его Верховным правителем были встречены во многом негативно со стороны эсеров, меньшевиков, анархистов и чехословацких стрелков. Члены филиала Чехословацкого национального совета в России публично заявили о своем отрицательном отношении к смене власти, назвав события в Омске «переворотом» [8].

Многие легионеры, по мнению английских корреспондентов, беседовавших с ними, считали такие события «делом рук врагов демократии в России» [57]. О негативных настроениях среди воинов корпуса относительно захвата власти Колчаком писали и другие британские газеты [58; 59]. Следует отметить, что большинство чехословацких стрел-

ков симпатизировало социалистическим идеям, и в корпусе действовали выборные комитеты военнослужащих.

По своей идеологии прокадетское правительство А. В. Колчака в программных заявлениях ориентировалось преимущественно на либеральные ценности, но, с учетом условий Гражданской войны, делало ставку и на авторитарные методы. Радикальные реформы в экономической, социальной и политической сферах откладывались до окончания войны и созыва Национального собрания, которое должно было быть сформировано на демократических принципах.

Для эффективного управления в области промышленности, торговли, транспорта создали Чрезвычайное экономическое совещание (впоследствии — Комитет экономической политики). Политика правительства Колчака была направлена на восстановление промышленного производства, сокращение инфляции, строительство и эксплуатацию железных дорог, разработку земельного и рабочего законодательства. Власти в своих заявлениях опирались на рынок и «принцип частного хозяйства», была объявлена свобода торговли, восстанавливалась банковская и кредитная система. Выдавались ссуды на развитие предприятий. Вводилась более эффективная система налогообложения. Но при этом сохранялась бюрократическая волокита — как старая «болезнь» имперской системы. Кроме того, в условиях войны правительству Колчака пришлось вводить ограничения рыночных принципов. Широко использовались для военных целей реквизиции, мобилизации на работы, регулирование торговли и цен. Значительная власть на местах принадлежала военным начальникам, гражданские учреждения находились в подчиненном положении. Большой проблемой для белого режима явилась ограниченность экономических и людских ресурсов Урала и Сибири, где размещалось не так много промышленных предприятий и проживало небольшое количество населения, в отличие от европейской части России. Объемы производства в горнодобывающей и металлургической отраслях неуклонно падали [20, с. 139–148].

Масштабы и последствия «белого террора» режима Колчака на Урале в советской историографии

зачастую сильно преувеличивались, когда указывались цифры от нескольких сотен до десятков тысяч жертв в разных губерниях региона [4, с. 262–264; 18, с. 265; 27, с. 78–81]. Однако документальные источники того времени не опровергают наличие «белого террора», творившегося, как правило, в нарушение закона, но не подтверждают огромных его масштабов с колоссальным количеством жертв.

С точки зрения военного управления и организации, при режиме Колчака было создано несколько отдельных армий, дислоцировавшихся в основном на Урале: Сибирская (командующий Р. Гайда), Западная (М. В. Ханжин), Оренбургская (А. И. Дутов) и Уральская (В. С. Толстов). Две последние состояли преимущественно из оренбургских и уральских казаков. Для обеспечения войск всем необходимым были организованы военные округа: Курганский (Западная армия), Тюменский (Сибирская армия), Оренбургский (Оренбургская и Уральская армии). Общая численность белых войск на фронте, по данным на июнь 1919 года, составляла свыше 118 тысяч солдат и офицеров, в то время как в прифронтовых и тыловых районах насчитывалось около 297 тысяч военнослужащих [41, л. 2–6, 12].

24 декабря 1918 года части Сибирской армии взяли Пермь, но в то же время в самом начале 1919 года красные овладели Уфой, Бирском, Оренбургом, Уральском, Орском, заставив белых отступить к Уральскому хребту. В феврале 1919 года большинство башкирских формирований по приказу своего политического лидера А.-З. Валидова перешло из состава войск Дутова на сторону РККА. Обстановка на Восточном фронте зимой 1918/19 годов сложилась неоднозначная и во многом не в пользу белых.

Военное командование стран Антанты рассчитывало удержать Чехословацкий корпус на Урале и в Сибири, прислав в качестве командующего всеми союзными силами в России французского генерала М. Жанена. Прибывший в Сибирь в январе 1919 года военный министр чехословацкого правительства М. Р. Штефаник после осмотра частей корпуса приказал отвести их в район между Новониколаевском и Иркутском для охраны Транссибирской железной дороги. С 1 февраля 1919 года

все формирования стали именоваться Чехословацкой армией. К середине февраля в трех дивизиях и вспомогательных частях числилось 50 997 солдат и офицеров.

Планы союзного командования активно использовать чехословацких легионеров для поддержки войск А. В. Колчака оказались нереалистичными. В корпусе возобладали настроения в пользу скорейшей эвакуации в Западную Европу. Верховный правитель в одном из посланий Ж. Клемансо настоятельно просил об ускорении процесса отправки чехословацких легионеров из России во Францию. Эвакуация затянулась почти на два года. Лишь в сентябре 1920 года последние партии чехословацких легионеров вместе с гражданскими беженцами отбыли из Владивостокского порта.

Для принятия решений по предстоящим стратегическим операциям 11 февраля 1919 года в Челябинске под председательством А. В. Колчака состоялось военное совещание (проходило в «номерах М. И. Дядина», где размещался штаб Западной армии). В совещании помимо Верховного правителя приняли участие командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда, начальник его штаба генерал Б. П. Богословский, командующий Западной армией генерал М. В. Ханжин, начальник его штаба генерал С. А. Щепихин, командующий Оренбургской армией генерал А. И. Дутов, полковник Д. М. Супрунович (секретарь). Основным вопросом на совещании были сроки наступления в западном направлении и общий план действий. По плану Ставки Верховного главнокомандующего Колчака, наступление белых должно было начаться в конце февраля. Генералы Гайда и Дутов заявили о готовности своих войск. Однако Щепихин указал на то, что войска Западной армии не в состоянии проводить широкомасштабные операции из-за отсутствия подготовленных резервов. Его поддержал Ханжин. В то же время Дутов предложил нанести главный удар не на Уфу, а южнее. На это возникли следующие возражения: во-первых, Оренбургская армия была самой малочисленной и слабой; во-вторых, существовала угроза нанесения флангового удара противника со стороны Туркестана; в-третьих, Оренбуржье, область Уральского казачьего войска и прилегающие к ним казахские

степи не имели развитых транспортных коммуникаций, что осложнило бы снабжение наступающих. Гайда все равно поддержал Дутова, однако при этом заметил, что его войска ослаблены переброской дивизии генерала В. В. Голицына в состав Западной армии и уходом с фронта чехословацких формирований. В итоге было решено, что главный удар нанесет Западная армия в направлении Уфа — Самара — Саратов, чтобы затем соединиться с войсками генерала А. И. Деникина на юге и осуществить общее наступление белых на Москву. Другие наступающие армии должны были прикрывать ее правый и левый фланги. При этом Гайда должен был выступить раньше, чтобы отвлечь на себя часть сил Красной армии. На левом фланге положение осложнялось тем, что казаки Дутова были ненадежны. Поэтому в случае критической обстановки на центральном участке фронта Гайда предложил ударить в район Бугульмы — Симбирска. С целью подготовки и реорганизации войск наступление отложили до начала марта [13].

По заданному плану 4–6 марта 1919 года армии Колчака начали наступление на западном направлении. На Восточном фронте красные имели несколько армий, общая численность которых в феврале 1919 года составила около 85 тысяч бойцов, при 372 орудиях и 1474 пулеметах [23, с. 122]. Они располагались следующим образом. Крайняя с левого фланга 3-я армия — против Перми, южнее ее — 2-я армия, еще южнее — 5-я армия, затем 1-я армия и на крайнем правом фланге против уральских казаков — 4-я армия.

Сосредоточив главный удар в районе Западной армии по направлению к Волге, белые в итоге смогли взять Уфу, Бугульму, Белебей, Бугуруслан, Сергиевск. Сибирская армия освободила от красных Сарапул, Ижевск, Чистополь, Елабугу, Глазов, а части Оренбургской армии захватили Орск. Успехи белых обуславливались значительным перевесом сил на направлениях главных ударов. Войска Колчака вышли в район Волжского бассейна.

В то же время большевики под руководством Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б) развернули в тылу белых широкую подпольную работу, в которой приняли активное участие левые эсеры и анархисты. Крупные организации большевистского

подполья действовали в Челябинске, Троицке, Златоусте, Карабаше, Миньяре, Симе, Сатке, Миассе. Часть подпольщиков была арестована белой контрразведкой, ряд активных деятелей расстрелян. Наиболее значительным стал провал в феврале —

марте 1919 года крупной челябинской подпольной организации (руководители В. И. Гершберг, А. А. Григорьев, С. А. Кривая, З. И. Лобков, С. М. Rogozинский, О. П. Хотеев). Очаги повстанческого движения под руководством большевиков были

Советский плакат «Расстрелять каждого десятого рабочего и крестьянина» (1920). Художник В. Н. Дени (Денисов)

созданы в районах Сима, Златоуста, Карабаша, Кыштыма, Нязепетровска, Троицка. Подпольщикам удалось развернуть агитацию и организовать несколько мятежей в воинских частях, в частности 1 мая 1919 года в полку им. Т. Г. Шевченко, что существенно ослабило силы белых на фронте.

Командование РККА перебросило на Восточный фронт дополнительные военные силы и партийные кадры. Под руководством М. В. Фрунзе была создана Южная группа в составе 1, 4, 5-й и Туркестанской армий, соединения которой начали 28 апреля 1919 года контрнаступление и ударили по левому флангу Западной армии. Красные провели последовательно успешные Бугурусланскую, Белебеевскую и Уфимскую операции, овладели Бугурусланом, Белебеем, Бугульмой, Бирском, Уфой. Соединения 2-й и 3-й армий красных также взяли Сарапул, Глазов, Осу, Оханск, Пермь, Екатеринбург. В результате Златоустовской операции (24 июня — 13 июля 1919 г.) соединения 5-й армии красных (командарм М. Н. Тухачевский) овладели Симским, Миньярским, Катав-Ивановским, Юрюзанским, Кусинским заводами и Златоустом.

Военное командование белых, отстранив некоторых военачальников (Р. Гайду, М. В. Ханжина), реорганизовало Сибирскую и Западную армии в 1-ю (командующий генерал В. Н. Пепеляев), 2-ю (генерал Н. А. Лохвицкий) и 3-ю (генерал К. В. Сахаров) армии. Предполагалось остановить и окружить 5-ю армию Тухачевского в районе Челябинска, имитируя отступление из города основных сил, и замкнуть кольцо с помощью фланговых ударов. Однако Челябинское сражение (17 июля — 14 августа 1919 г.) обернулось поражением для белых, окружить и разгромить 5-ю армию не удалось. Поддержку частям красных оказали и несколько сотен мобилизованных рабочих Челябинских копий [10, с. 174–175]. В итоге белые оставили Миасс, Челябинск, Троицк, Курган и были вынуждены отступить дальше, в Сибирь, что в дальнейшем привело их к поражению.

Победа красных в Гражданской войне во многом была обусловлена отсутствием политического единства в антибольшевистском лагере; стратегическими и тактическими просчетами военного командования белых; недостаточной материальной

Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937), командарм, один из первых советских маршалов (1935), в период Гражданской войны — командующий 5-й армией (РККА) (апрель 1919 — февраль 1920), под руководством которого были проведены Бугурусланская, Златоустовская, Челябинская и Петропавловская наступательные операции (июнь — июль 1919). Пал жертвой сталинских репрессий. Фотография 1920-х годов

помощью им со стороны стран Антанты; значительным военным потенциалом Советской Республики, географически занимавшей центр страны с большим количеством экономических и людских ресурсов. После ухода белых с Южного Урала на территории региона в 1919–1921 годах сохранялось военное положение. Советские власти объявили о создании Челябинской губернии как самостоятельной административно-территориальной единицы. Реальностью стала политика «военного коммунизма». В сельской местности проводилась продразверстка. Власти объявили запрет на свободу торговли. Проводились массовые конфискации имущества у «буржуазии» и репрессии против реальных и потенциальных противников советского режима. В результате продовольственный вопрос, с которым прежние власти кое-как справлялись, превратился в злободневную проблему. Разрушенные хозяйственные связи, плохое продовольственное снабжение, запрет на свободу торговли и выжидательная позиция крестьянства в отношении сдачи хлеба — все эти обстоятельства привели к голодному кризису. В связи с запретом на свободную продажу сельскохозяйственной продукции резко подскочили цены. Дефицитом стали и предметы первой необходимости — одежда и домашняя утварь. Процветал черный рынок. Местные руководители и их подчиненные действовали неорганизованно и неэффективно. Все это происходило в условиях массового дезертирства как из белых, так и из красных войск. Многие дезертиры с оружием в руках занимались грабежами [30, с. 273–274, 276–277, 283]. В таких условиях населе-

ние выражало недовольство и даже враждебность по отношению к советской власти.

Итак, экономический кризис, политика «военного коммунизма» (прежде всего продразверстка в сельской местности) и массовые мобилизации оренбургских казаков на Польский фронт — все это способствовало эскалации повстанческого движения на Южном Урале. В 1919–1922 годах на Урале произошло не менее 478 локальных выступлений, в том числе 97 случаев организованного сопротивления. Повстанцы (преимущественно крестьяне и казаки) выступали под лозунгами «Советы без коммунистов», «Даешь свободную торговлю!», «Да здравствует партия большевиков, долой коммунистов!». В феврале 1920 года в Мензелинском уезде вспыхнуло крестьянское восстание «Черного орла», распространившееся на территории Оренбургской и Вятской, Казанской, Самарской губерний. Повстанцы насчитывали в своих рядах свыше 20 тысяч человек. Наиболее организованным повстанческим формированием на территории Челябинской губернии был казачий отряд, получивший известность как «Голубая армия» (в разное время насчитывал от 300 до 4000 бойцов). Активную борьбу с властью большевиков вели и жители башкирских селений. В районе Златоуста действовали около 2,5 тысячи повстанцев, которые пытались захватить город. Масштабное Западно-Сибирское восстание 1921 года охватило значительные территории Тюменской, Омской, Курганской, Челябинской, Оренбургской, Екатеринбургской губерний. В Оренбуржье бывший полковник Белой армии Старжевский объединил разрозненные казачьи отряды в так называемую «Первую народную армию». Выступления повстанческих отрядов сопровождалось террором в отношении советских и партийных работников. Наиболее известные фигуры большевиков, павших от рук повстанцев на Южном Урале: комиссар М. Л. Гербанов, убитый казаками в Бредах, сотрудник губернского ЧК А. О. Зимнох, начальник Челябинского губернского угрозыска Я. И. Чупин.

Для борьбы с повстанцами власти направили регулярные части РККА, милицию, отряды ЧК и рабочие формирования. Участники антибольшевистского сопротивления, как правило, слабо

организованные и плохо вооруженные, несли значительные потери, за исключением Оренбургской и Челябинской губерний, где к повстанцам примкнули хорошо обученные военному делу казаки. Однако к концу 1921 года благодаря значительному военному потенциалу РККА, а также в результате засухи и голода антибольшевистское сопротивление казаков и крестьян было сломлено. Гражданская война на Южном Урале завершилась.

Таким образом, в истории Гражданской войны на Южном Урале можно выделить несколько этапов. Первый период (ноябрь 1917 — май 1918 г.) характеризуется коалиционной властью большевиков, эсеров, меньшевиков, анархистов и появлением первых очагов сопротивления советской власти, прежде всего на территории Оренбургского казачьего войска. Данный этап, учитывая специфику военных действий, можно назвать периодом «эшелонной войны» (Н. Е. Какурин). Вторым этапом (май — ноябрь 1918 г.) связан с выступлением Чехословацкого корпуса против большевиков и организацией антибольшевистских сил в регионе в качестве таких структур, как Оренбургское войсковое и Башкирское правительства, Комуч (Самара), Временное Сибирское (Омск) и Уральское областное (Екатеринбург) правительства. В конце данного периода на основе определенных договоренностей удалось создать Временное Всероссийское правительство (Директорию) как структуру, призванную объединить все антибольшевистские силы на востоке России. Третьим этапом (ноябрь 1918 — август 1919 г.) стал наиболее ожесточенным с точки зрения военно-политического противостояния. В результате переворота в Омске все антибольшевистские силы на востоке страны были объединены под властью верховного правителя адмирала А. В. Колчака, которому удалось создать более эффективное правительство и значительные военные силы. Большая часть территории Южного Урала находилась под контролем режима Колчака. Первоначально белым армиям в их наступлении на западном направлении сопутствовал успех,

но затем в силу разных причин они стали терпеть поражение и вынуждены были отступить с Урала в Сибирь. Новый, четвертый этап Гражданской войны (август 1919 — январь 1922 г.) продолжался в условиях «военного коммунизма» и экономического кризиса. В данный период развернулось крестьянское и казачье повстанческое движение против советской власти. Но активные военные и карательные меры большевиков, а также массовый голод в результате продразверстки и засухи привели к прекращению военных действий.

Гражданская война стала причиной многочисленных жертв среди населения страны. По разным оценкам, пострадали от трех до десяти миллионов человек — преимущественно в результате боевых действий, террора, от эпидемий, голода, болезней. Не менее двух миллионов бывших российских поданных и граждан эмигрировали из страны. За рубежом фактически образовалась «Россия № 2». Главными центрами российской эмиграции стали Европа, Китай и США. Гражданская война привела к еще большему социально-экономическому кризису в стране. Победа большевиков и окончательное установление однопартийного режима создали базовые условия для формирования тоталитарной политической системы.

Список литературы

1. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. 450 с.
2. Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками (1917–1920). Шанхай : Слово, 1937. 212 с.
3. Буцевич А. Первые дни чехо-словаков // Пролет. революция. 1922. № 5. С. 262–274.
4. Васьяковский О. А. и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1969. 391 с.
5. Васьяковский О. А. и др. Урал в Гражданской войне. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 336 с.
6. Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 310 л.
7. Велеховский Ф. Чехословаки в России. Екатеринбург : Чеш.-словац. нац. совет, 1918. 39 с.
8. Власть народа. 1918. 22 нояб.
9. Волков Е. В. Гражданская война // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. Т. 1. С. 963–966.
10. Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. 336 с.
11. Волков Е. В. Площадь павших революционеров: чехословацкий «мятеж» глазами советского художника. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 158 с.
12. Волков Е. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. 200 с.
13. Волков Е. В. Челябинское военное совещание // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск : Камен. пояс, 2001. С. 995.
14. Волков Е. В. Челябинские политические совещания // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. Т. 7. С. 223–224.
15. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 623 с.
16. Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск : Информ.-просветит. отд. чехословац. воен. м-ва, 1919. 86 с.
17. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 772.
18. Гражданская война и иностранная интервенция : энциклопедия. М. : Совет. энцикл., 1983. 702 с.
19. Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж ; Прага, 1928. 220 с.
20. Дмитриев Н. И. Экономика по Колчаку: поиск путей развития // Урал в событиях 1917–1922 гг. Актуальные проблемы изучения : материалы регион. науч. семинара, г. Челябинск, 24–25 апр. / под ред. И. В. Нарского. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. С. 131–151.
21. Изв. Челяб. Совета рабочих, крестьян., казачьих и арм. депутатов. 1918. 19 мая.
22. Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1990. 272 с.
23. Какурин Н. Е. Как сражалась революция : в 2 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1990. 431 с.
24. Канинский Г. Г. «Иначе не мог поступить». Русский генерал С. Н. Войцеховский. Челябинск : Б. и., 2003. 67 с.
25. Клеванский А. Х. Чехословацкие интервенты и проданный корпус. М. : Наука, 1965. 396 с.
26. Константинов С. И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург : Изд-во ЕВВТАИ, 1997. 314 с.
27. Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале (1918–1919 гг.). Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1958. 194 с.
28. Муна А. Кто такие чехо-словаки. М. : Изд-во ВЦИК Советов РСК и КД, 1918. 8 с.
29. Назыров П. Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны. Челябинск : Энциклопедия, 2009. 260 с.
30. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.
31. Новиков П. А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май — август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. 2000. № 8. С. 5–20.
32. ОГАЧО). Ф. 388. Оп. 3. Д. 9.
33. Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 111.
34. Там же. Д. 142.
35. Там же. Д. 287.
36. Там же. Д. 325.
37. Папоушек Я. Причины чехословацкого выступления в 1918 году // Воля России. 1928. № 8/9. С. 287–350.
38. Плотников И. Ф. В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1978. 128 с.
39. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917–1918 (Опыт военно-исторического исследования). М. : Госвоениздат, 1925. 222 с.
40. Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 году // Вопр. истории. 2012. № 5. С. 75–103 (а); № 6. С. 54–76 (б).
41. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64.
42. Там же. Ф. 40169. Оп. 1. Д. 1.
43. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. М. : Книга, 1990. 400 с.
44. Сахаров К. В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). Берлин, 1930. 138 с.
45. Софинов П. Чехословацкий мятеж // Ист. журн. 1940. № 12. С. 47–60.
46. Теплухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 2001. 510 с.
47. Трудовая мысль. 1918. 19 мая.
48. Там же. 22 мая.
49. Там же. 24 мая.
50. Там же. 28 мая.
51. Там же. 29 мая.
52. Там же. 30 мая.
53. Хабас Р. К истории борьбы с чехо-словацким мятежом // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 56–65.
54. Хрулев В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М. : Воениздат, 1940. 100 с.
55. Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. 1928. № 8/9. С. 246–265.
56. Dotsenko P. The Struggle for a Democracy in Siberia, 1917–1920 // Eyewitness Account of a Contemporary. Stanford ; California : Hoover Institution Press, 1983. 178 p.
57. The Manchester Guardian. November 29, 1918.
58. The Times. November 28, 1918
59. The Times. December 19, 1918.

На Зюраткуле.
Челябинская область.
Июль 2016 года.
Фото: С. Арканов

История Южного Урала

8
2

ТОМ
два

ЮЖНЫЙ
УРАЛ В ГОДЫ
СТРОИ-
ТЕЛЬСТВА
СОЦИА-
ЛИЗМА

A portrait of Vladimir Lenin, shown from the chest up, wearing a dark jacket and a cap. He is looking to the right. The background is a solid red color. To the right of his head, there is white text in Cyrillic.

**ИЗ РОССИИ
НЭПОВСКОЙ
БУДЕТ РОССИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ**
(ЛЕНИН)

И. В. Нарский. ПЕРЕХОД К НЭПУ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В конце февраля 1923 года Челябинский губернской отдел ГПУ¹ направил в Москву секретную фельдъегерскую телеграмму, в которой описывалось положение губернии и настроения ее населения. В ней, помимо прочего, говорилось:

Настроение рабочих госпромышленности губернии за февраль месяц в большинстве случаев изменялось в ту или иную сторону в зависимости от основных причин: несвоевременной выплаты зарплаты и тяжести налогов, влияющих всегда на политэкономическое состояние рабочих отрицательно. В общем же можно положение считать устойчивым. <...>

Настроение крестьянских масс в общем можно считать подавленно-спокойным. Проводимые налоги могут иметь своим результатом сокращение посевной площади, так как в уплату налогов крестьяне вынуждены реализовывать свои скудные запасы семенного хлеба. Отказов от выполнения налогов до сих пор не наблюдалось, но почти

во всех уездах губернии, в особенности, беднейшее крестьянство переходит к употреблению в пищу суррогатов <...>

Работа кооперации по-прежнему слаба, вследствие отсутствия необходимых средств и товарных ценностей [10].

Челябинская политическая спецслужба в телеграфном стиле перечисляла проблемы, влияющие на политические настроения населения, за которыми она по долгу службы должна была наблюдать. Так, она сообщала в центр об отсутствии забастовок среди рабочих, несмотря на стесненные материальные условия и колебания в связи с этим в настроениях по отношению к советской власти и коммунистической партии. Телеграфная информационная сводка извещала о признаках надвигающегося на деревню голода, в связи с чем крестьяне, по опыту голодных лет, за неимением в достаточном количестве нормальной пищи переходили на использование всевозможных ее заменителей (так называемых суррогатов) — растений, корней, прочих веществ растительного и минерального происхождения. Наконец, краткая сводка упоминала и о слабости несоциалистических форм хозяйствования, обмена и распределения продуктов промышленного и сельскохозяйственного производства — кооперации и торговли. В годы военного коммунизма и единоличное, и коллективное (кооперативное) частное производство, и частная торговля были запрещены большевиками и вновь

¹ Государственное политическое управление как политическая спецслужба при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР было создано в феврале 1922 года взамен ликвидированной Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, более известной современникам и потомкам как ВЧК, или ЧК. В ноябре 1923 года в связи с образованием СССР ГПУ было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) на всесоюзном уровне.

допущены весной 1921 года в рамках новой экономической политики (нэпа).

Информационная сводка была составлена почти через два года после начала нэпа. Она необычна, поскольку противоречит распространенному представлению о скорых успехах новой экономической политики. Вместе с тем она типична, потому что информационные сводки и бюллетени челябинского филиала ВЧК, ГПУ, а затем и ОГПУ писали о плохом, неустойчивом, недоверчивом и враждебном отношении местного городского и сельского населения и раньше, и позже. Таково же было и содержание информационных сводок отделов ВЧК и ГПУ соседних уральских губерний. Все это позволяет использовать приведенную в начале главы телеграмму Челябинского губернского отдела ГПУ как документ, ключевой для понимания того времени, как повод, предлог и импульс для рассказа об особенностях перехода к нэпу на Южном Урале и об особенностях самой эпохи новой экономической политики в регионе.

Рассказ следует начать с причин перехода коммунистической партии и советского государства от политики военного коммунизма к новой экономической политике, затем кратко перечислить основные компоненты нэпа. После этого будет рассказано о специфике перехода к нэпу на Урале (особенно в его южной части) и всего периода новой экономической политики на Южном Урале.

Первая мировая война, революция и Гражданская война разорили народное хозяйство и население страны. Сумма ущерба, причиненного событиями 1914–1921 годов, составила четверть всего довоенного достояния страны. Промышленное производство за эти годы сократилось в пять раз, выплавка чугуна — в 33 раза, добыча нефти — вдвое. Разительнее были перемены, произошедшие с сельским хозяйством. Уже в 1920 году в Центральной России было собрано лишь 48 миллионов тонн зерна, что на 21 миллион тонн меньше, чем в 1917 году, и на 30 миллионов тонн меньше, чем в 1913 году. С 1917 по 1920 год удельный вес крестьянских хозяйств с посевом более четырех десятин сократился с 31 до 8 %, в то время как доля меньших участков возросла с 58 до 86 %. Измельчание крестьянских хозяйств, которые не только про-

изводили меньше, но и потребляли большую часть произведенного, болезненно отражалось на продовольственном обеспечении городов. Если с 1917 по 1919 год обрабатываемые земли сократились всего на 16 %, то до городского населения доходило вдвое меньше продуктов сельского хозяйства [9, с. 81, 93]. Поистине катастрофическим падением сельскохозяйственного производства был отмечен 1921 год. О его причинах будет рассказано ниже.

Разорение страны сопровождалось беспрецедентной инфляцией, нарушением системы торговли, обнищанием населения и ростом недовольства новой властью. Насильственное изъятие продуктов питания в деревне в рамках продразверсток вооруженной силой вызывало ожесточение и массовые возмущения бастующих рабочих и бунтующих крестьян в 1920–1921 годах, по окончании основных боевых действий Гражданской войны между регулярными частями Красной и Белой армий. На юге страны продолжалось начавшееся еще в 1918 году крестьянское повстанческое движение во главе с Н. И. Махно. В Тамбовской губернии в 1920–1921 годах восстали крестьяне под руководством А. С. Антонова. Массовые движения сельских повстанцев развернулись также в Западной Сибири. Последней каплей, заставившей советскую власть пересмотреть свою прежнюю политику, стало в начале 1921 года восстание кронштадтских моряков (так называемый Кронштадтский мятеж), обвинивших коммунистическую партию в перерождении и антинародной политике. Государству пришлось не только вооруженным путем подавить восстание матросов, поддержавших большевиков в 1917 году, но и пересмотреть свою политику. Крутой поворот был заявлен на X съезде РКП(б) в марте 1921 года.

Урал пережил в годы революции еще более катастрофичные перемены. Относительно благополучный Уральский регион, став в 1917–1919 годах одним из эпицентров боевых операций Гражданской войны с подвижными линиями фронтов и многочисленными сменами власти, за несколько лет между 1917 и началом 1920-х годов превратился в руины с разрушенной промышленностью, разоренным сельским хозяйством, нищим, голодным населением. Валовая продукция уральской промышленности в 1921–1922 годах составляла всего

15 % от объема 1913 года. Наиболее стремительно падало производство железа и стали. В 1920–1921 годах на Урале выплавлялось чугуна всего 8 % от уровня 1913 года. В 8–20 раз понизились производство мартеновского металла, проката, кровельного железа, добыча железной руды, прекратилась выплавка меди. На Южном Урале, в том числе на железнодорожной станции Челябинск, количество неисправных паровозов составляло от 50 до 70 % [9, с. 81].

Изменение состояния уральского сельского хозяйства напоминало прыжок в пропасть. В 1905 году на одно крестьянское хозяйство на Урале приходилось в среднем более 20 десятин земли — почти в два раза больше, чем в Европейской России. На казачьих же территориях Южного Урала, где средний надел составлял 67,4 десятины, население почти не знало земельного голода. С 1913 по 1920 год посевная площадь на Урале сократилась в три раза. Валовая продукция зерна в 1921 году уменьшилась до 22 % от уровня 1916 года. Поголовье лошадей между 1913 и 1920 годами снизилось в два раза, крупного рогатого скота — в 2,5 раза [Там же, с. 94]. Темпы уменьшения посевных площадей были различными в отдельных уральских губерниях, сокращаясь с севера на юг. Эта же тенденция наблюдалась в уральском скотоводстве.

Рука об руку с распадом промышленности и сельского хозяйства шли галопирующая инфляция, свертывание торговли, разрушение экономических связей между городом и деревней, переход на нормированное снабжение городов продовольствием. На юге Урала крестьяне, оренбургские казаки и сельские жители Башкирии в 1919–1921 годах подняли ряд крупных и мелких восстаний против коммунистов, на рубеже 1920–1921 годов примкнув к восстанию западносибирских крестьян, которым на некоторое время удалось даже установить контроль над своей территорией, изгнав представителей ненавистной власти. Выход из сложившейся катастрофической хозяйственной и политической ситуации на Урале был специфичным.

Казалось, весной 1921 года решение было найдено — переход от внеэкономических к рыночным методам регулирования сельскохозяйственного, а затем и промышленного производства и распре-

деления. Целью «новой», по сравнению с годами военного коммунизма, политики было скорейшее преодоление разрухи в области промышленности, сельского хозяйства, торговли и финансов. На этом основании предполагалось укрепить связь города и деревни и ее политическое воплощение, которое на языке коммунистов называлось «союзом рабочего класса и крестьянства». Важной задачей было улучшить материальное положение населения. Это, в свою очередь, должно было устранить враждебное отношение населения к правящей партии и государству, а в конечном счете — укрепить правящий режим, позиции которого в начале 1921 года казались угрожающе шаткими.

Решения X съезда РКП(б) о переходе к новой политике были воплощены в Постановлении ВЦИК от 21 марта 1921 года «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» и ряде других актов. Налог должен был быть меньше прежнего, разверсточного обложения (на 1921/22 хозяйственный год — 240 миллионов пудов вместо 423 миллионов) и исчисляться из минимальных потребностей армии и неземледельческого населения. При его взимании предполагалось переориентироваться с необоснованных запросов государства на реальные возможности крестьянских хозяйств. О размере налога крестьяне должны были оповещаться до начала весенних полевых работ, чтобы сельское население имело стимулы к расширению производства. Остающимися у крестьян после уплаты налога запасами они могли свободно распоряжаться по своему усмотрению [5, с. 245–247, 283–285]. В постановлении были ясно обозначены задачи нового экономического курса: «Для обеспечения правильного и свободного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [Там же, с. 245]. В следующем, 1922 году крестьянам было разрешено свободно выбирать форму землепользования

и в определенных пределах использовать наемный труд. С 1924 года натуральный продналог был заменен единым денежным, что облегчило крестьянам планирование своего производства, торговых операций и собственного потребления. Их перспектива впервые после 1918 года (начала политики военного коммунизма) стала более ясной, будущее — более надежным. Правда, эти ощущения хозяев своей судьбы, если и возникали у советских крестьян-единоличников, вскоре сменились горьким разочарованием, вызванным возвращением режима к насильственным методам сбора сельскохозяйственной продукции в 1927–1928 годах и переходом в 1929–1930 годах к коллективизации сельского хозяйства, означавшей гибель российской деревни.

Вместе с отменой продразверстки декретом от 21 марта 1921 года были созданы минимальные условия для свободного развития торговли: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах» [5, с. 246].

В области промышленности в начале 1920-х годов были допущены несоциалистические, негосударственные и смешанные формы производства. Были разрешены частное производство, сдача государственных предприятий (за исключением предприятий оборонного характера — металлургических, станкостроительных, энергетических, железнодорожных) в аренду, в том числе иностранным предпринимателям (концессия). Государственные предприятия стали переводиться на хозрасчет с ограниченным правом самостоятельно распоряжаться своей прибылью.

Большое значение для оздоровления народного хозяйства имела знаменитая денежная реформа 1921–1924 годов, ставшая одним из важных инструментов нэпа. В конце 1921 года в обращение был

введен серебряный рубль, в 1922 году появились бумажные червонцы, приравненные к 10 золотым рублям, а затем в свободном обращении оказался и золотой червонец. Была проведена деноминация рубля: рубль образца 1922 года был приравнен к 10 тысячам прежних рублей. Наступал короткий период стабилизации российской финансовой системы.

Переход к нэпу в 1930-е годы стал официально трактоваться как целостная и успешная программа, сразу же давшая плоды и убедительные доказательства ее целесообразности. Так, в знаменитом «Кратком курсе истории ВКП(б)», в создании которого активное участие принимал сам И. В. Сталин, введение нэпа оценивалось следующим образом:

Х съезд принял важнейшее решение о переходе от продразверстки к продналогу, о переходе к новой экономической политике (нэп). В этом повороте от военного коммунизма к нэпу сказала вся мудрость и дальновидность ленинской политики. В решении съезда говорилось о замене продразверстки продналогом. Натуральный продовольственный налог был меньше продразверстки. Сумма налога должна была быть опубликована до весенних посевов. Точно устанавливались сроки сдачи налога. Все то, что оставалось сверх налога, поступало в полное распоряжение крестьянина, которому предоставлялась свобода торговли этими излишками. <...>

Первый же год новой экономической политики показал ее правильность. Переход к нэпу значительно укрепил союз

рабочих и крестьян на новой основе. Мощь и крепость диктатуры пролетариата возросли. Почти полностью был ликвидирован кулацкий бандитизм. Крестьяне-середняки после отмены продразверстки помогали Советской власти бороться с кулацкими бандами. Советская власть сохранила в своих руках все командные позиции в народном хозяйстве: крупную промышленность, транспорт, банки, землю, внутреннюю торговлю, внешнюю торговлю. Партия добилась перелома на хозяйственном фронте. Сельское хозяйство вскоре двинулось вперед. Промышленность и транспорт добились первых успехов. Начался пока еще очень медленный, но верный хозяйственный подъем. Рабочие и крестьяне чувствовали и видели, что партия стоит на верном пути [8, с. 245, 247–248].

Такая интерпретация начала новой экономической политики стала канонической в сталинский период. Гладко рассказанная история культивировала представление о нэпе как закономерном, спланированном и успешном шаге мудрой партии. Такая интерпретация нэпа не была подвергнута десталинизации после смерти Сталина. Более того, нэп был воспет Н. С. Хрущевым и сторонниками «оттепели» как «золотой век» и образец развития, как проявление «подлинного ленинизма».

Именно истолкованию перехода к нэпу как истории уверенного успеха противоречит процитированная в начале статьи информационная сводка челябинских чекистов. Она свидетельствует о том, что и через два года после начала нэпа на Южном Урале население было нищим и недовольным, а новые принципы производства и распределения еще не прижились и не продемонстрировали своих преимуществ. Каковы же были препятствия для успешного воплощения новой экономической политики в жизнь?

В области сельского хозяйства переход к нэпу был существенно затруднен следующими обстоятельствами: во-первых, наследием продовольственных разверсток прежних лет, обобравших крестьян до нитки; во-вторых, неурожаем 1921 года; в-третьих, негибкостью государственного аппарата, проводившего новую экономическую политику старыми, «военно-коммунистическими» методами.

О первом обстоятельстве — положении российской и уральской деревни к началу 1921 года — было рассказано выше. Вторая причина сомнительного или запоздавшего успеха нэпа была связана с природной стихией.

В 1921 году природа сыграла с Советской Россией злую шутку, словно бы демонстрируя большевистскому режиму ограниченность человеческих возможностей планировать социальную деятельность. По официальным данным, из 50 миллионов десятин посевной площади РСФСР засуха охватила 20 миллионов. В двадцати пораженных неурожаем губерниях, дававших до революции ежегодно 20 миллионов тонн зерна, было собрано всего 2,9 миллиона тонн — в семь раз меньше дореволюционного уровня и втрое меньше, чем в предыдущем году. Голодающими были признаны 22 милли-

она человек из 110 миллионов жителей РСФСР [31, с. 2]. В 40 губерниях России и Украины голодало, по данным Центрального статистического управления, 33,5 миллиона людей, в том числе 7 миллионов детей. От 10 до 15 миллионов человек умерли голодной смертью или подорвали здоровье [30, с. 488]. Голод 1921 года многократно превосходил предыдущие голодные годы — 1891, 1906, 1911-й,— когда в 17 неурожайных губерниях в среднем было собрано с десятины соответственно 15, 17 и 13,6 пуда зерна: в 1921 году сбор не доходил до 6 пудов с десятины [33].

Голодная катастрофа зашла настолько далеко, что выйти из нее без помощи со стороны ни население, ни государство были не в состоянии. В июле — августе 1921 года ВЦИК принял решение о создании на местах комиссий помощи голодающим (помгол). Летом того же года на Урале, как и в других регионах, были учреждены губпомголы. Однако у государства не хватало средств, чтобы обеспечить экстренные действенные меры по обузданию голода. Москва, крайне неохотно признавая одну губернию за другой частично или полностью голодающей, вынуждена была, вопреки принципам классовой борьбы, допустить к участию в преодолении голода российскую и зарубежную общественность. Летом 1922 года, когда деятельность иностранных организаций развернулась в полном объеме, они кормили ежедневно 14 миллионов человек (в том числе АРА — 11 миллионов).

На Урале из-за неурожая 1921 года голодало население Башкирии, Вотской автономной области, ряда уездов Челябинской, Оренбургской, Пермской, Екатеринбургской и Вятской губерний. В декабре 1921 — январе 1922 года, когда голод еще только набирал обороты, в Пермской губернии голодало 300 тысяч человек, в Екатеринбургской — 313 тысяч, в Челябинской — 700 тысяч, в Уфимской — 1218 тысяч. То есть бедственное положение усиливалось, судя по численности голодающих, с севера на юг [10]. Голод в Поволжье вызвал поток беженцев на соседние уральские территории, еще более обострив и без того тяжелое положение.

В Челябинской губернии посевная площадь в 1922 году сократилась в два раза, или до 43 % от необходимой для прокормления и обсеменения:

«Среднее крестьянское хозяйство из крепкого и мощного превратилось в маломощное, малополевое и нередко безлошадное и бескоровное» [12]. В губернии почти не осталось племенного скота. Из-за истребления производителей яловость достигла опасных размеров. В Златоустовском уезде осталось всего 127 быков, на каждого из которых приходилось по 190 коров — втрое выше нормы. В особенно бедственном положении оказался казачий Верхнеуральский уезд, в котором посевная площадь под пшеницу и рожь сократилась с 1916 года в 56 раз и на десятину приходилось пять-шесть едоков.

Неурожай болезненно коснулся и Оренбургской губернии, где принял менее острый, но затяжной характер. Во время голода 1921–1922 годов Оренбуржье лишилось 75 % скота и инвентаря. В 1922 году в Оренбургской губернии было 12 тысяч хозяйств без посева, 40 тысяч — без рабочего скота, 28 тысяч — без инвентаря. Более 30 тысяч хозяйств были заброшены — их владельцы выбыли из губернии или вымерли. В конце 1922 года голодало 115 тысяч человек, 12 тысяч детей были беспризорными [7; 39]. С октября 1921 года по август 1922 года среди голодающего населения было распределено более полумиллиона продуктовых пайков, однако они не удовлетворяли спрос. Из необходимых 988 тысяч пудов хлеба было получено лишь 19,8 тысячи, из 988 пудов мяса — 5,8 тысячи, из 494 тысяч пудов картофеля — 6,5 тысячи, из 132 тысяч пудов соли — 0,4 тысячи пудов [4].

Наибольшие беды от неурожая 1921 года испытала Башкирия, в которой признаки голода обозначились уже в мае, поскольку погибло 34 % озимых, а площадь посева сократилась на четверть по сравнению с 1920 годом. Но к июню всходы погибли на $\frac{3}{4}$ засеянных полей, охваченных засухой. Никакого урожая не дала 371 тысяча десятин, а средний урожай на основных засеянных площадях не дотягивал и до 6 пудов с десятины, вследствие чего валовой сбор хлебов на каждого жителя Башкирии составлял менее 15 килограммов. В ноябре 1921 года на территории бывшей Уфимской губернии голодали 61 % жителей (от 34 % в Златоустовском уезде, до 93,4 % в Белебеевском), в августе 1922 года — 73 % населения. Небывалый

неурожай в сочетании с жестокими изъятиями продразверсток 1919–1920 годов, антикрестьянским террором зимой 1920/21 годов и проведением, несмотря на безнадежное положение крестьян, кампании по сбору продовольственного налога осенью 1921 года привел к тому, что в Малой Башкирии зимой 1921/22 годов голодало 88 % жителей. Половину голодавших составляли дети. Между тем государственные столовые и питательные пункты АРА в апреле 1922 года могли кормить менее 40 % голодных. Это означало, что более 690 тысяч человек в Башкирии были обречены на голодную смерть, которая к лету 1922 года постигла $\frac{2}{3}$ из них. Летом 1922 года ежемесячная смертность от голода в Башкирии балансировала между пятью и шестью тысячами человек [42]. Именно в Башкирии зарегистрированы наиболее частые, по сравнению с другими регионами Урала, случаи каннибализма и массового трупоедства [37].

Голодная трагедия в Башкирии вызвала у сторонников башкирской автономии всплеск «земельного шовинизма». В марте 1922 года ЦИК БАСССР издал ряд приказов — «О земельных захватах», «О запрещении самовольных переселений», «О порядке внутринадельной аренды», — которые шли вразрез с земельным законодательством РСФСР. В них объявлялось о запрещении переселений в БАСССР с других территорий, о немедленном выселении и конфискации имущества граждан, поселившихся в Башкирии в течение 1921 года, о возвращении коренному населению всех земель, захваченных переселенцами с 1 марта 1917 года. В апреле 1922 года эти распоряжения ЦИК БАСССР, чреватые обострением конфронтации между башкирами, татарами и русскими, были отменены президиумом ВЦИК [34, с. 778].

Третьим препятствием на пути успешного претворения новой экономической политики в жизнь стали методы ее реализации в 1921 году. Несмотря на беспрецедентное голодное бедствие в регионе центральные и местные власти приложили все усилия, чтобы собрать с полумертвой деревни продналог, который и по структуре, и по методам сбора первоначально мало чем отличался от продразверстки. Неудивительно, что крестьяне не видели разницы между продналогом и продразверсткой

или считали его тяжелее прошлых реквизиционных мер. Так, в Оренбуржье, куда в июне 1921 года хлынули беженцы из Самарской и других соседних голодающих губерний, доброжелательное отношение к продналогу наблюдалось только в тех немногих районах, где сохранился хлеб прошлого урожая. Преобладали совершенно иные настроения, о которых в июне сообщали местные сводки ЧК: «Отношение крестьян к Советской власти не изменилось, в лучшем случае крестьяне равнодушны к власти. В большинстве же крестьянство настроено враждебно к Советской власти и не доверяет ей. Среди них даже носят слухи, что введение продналога — обман, и как только хлеб уберут с полей, Советская власть отменит продналог и опять введет продразверстку. Советскую власть крестьяне считают временной и все ждут перемены власти. Задач и смысла Советской власти они не понимают» [40].

Опасения крестьян в отношении продналога не были вызваны классовой заскорузлостью, социально-групповыми предрассудками, а диктовались здравым смыслом. В условиях неурожая необходимость расстаться с частью скудных продовольственных запасов воспринималась как бедствие, а опыт прежних реквизиций продуктов питания порождал законное сомнение в способности государственных заготовителей быстро перейти на иные методы работы с крестьянством, чем опробованные в прошлые годы. Вскоре эти сомнения подтвердились самым горьким образом.

Летом и осенью 1921 года возобладала практика насильственного сбора продналога, без учета возможностей крестьян. Это превращало продналоговую кампанию в абсолютное подобие прежних разверсток. Более того, насильственное взимание налога в условиях жесточайшего неурожая делало налог страшнее всякой продразверстки. Продналог действительно был, во-первых, в первый год нэпа в ряде регионов выше, чем разверстка. Во-вторых, благодаря натуральному характеру налога и множеству его составляющих, крестьяне не могли знать об общей сумме налога весной 1921 года, за исключением объема хлебного налога. В-третьих, сам сбор проводился по образцам времен военного коммунизма, с жесткими судебными и адми-

нистративными санкциями, с обременительными, если не разорительными, денежными штрафами. Только этим, а также меньшими масштабами неурожая можно объяснить парадоксальный факт перевыполнения плана по сбору продналога в Екатеринбургской губернии. Из урожая в 15 миллионов пудов хлеба Екатеринбургская губерния отдала 8,6 миллиона пудов. На потребление населению Екатеринбургской губернии, в перерасчете 30 фунтов хлеба на человека в месяц, в итоге оставалось запасов на пять месяцев — до 1 февраля 1922 года. Остальные губернии Урала с задачей продналога не справились, что подтверждает несоответствие планов по его сбору реальным условиям. Всего на Урале на январь 1922 года было собрано 75,7 % продналога, что существенно выше общероссийского показателя (53,3 %).

В качестве яркого примера проведения продналоговой кампании 1921 года на Южном Урале стоит привести историю сбора продналога в Челябинской губернии. Командированный летом 1921 года в Верхнеуральск член губисполкома и уполномоченный губпродсовещания С. К. Алексеев докладывал о полном застое в работе уездного продовольственного комитета. Беседовавшие с ним крестьяне пытались убедить высокого начальника в неудачном выборе времени для сбора продналогов: «... если бы к налогам на масло, яйца, шерсть приступили раньше, было бы лучше: у нас был хлеб, коровы давали больше молока, куры уже перестали нестись, весенняя стрижка шерсти израсходована на свои нужды» [13].

12 августа губком партии обратился с письмом «Всем укомам РКП[б] и членам губкома РКП(б)», в котором уверял в необходимости созыва пленума для обсуждения наиболее актуальных проблем: «Сбор продналога, организация осеннего посева, помощи голодающим — это наипервейшая боевая задача». Любопытно, что организация помощи голодающим была поставлена в перечне «первоочередных боевых задач» на последнее место. Губернскому руководству еще были неясны виды на урожай и размер бедствия в регионе. Только этим можно объяснить то, что на пленуме предполагалось «выяснить возможность сбора пожертвованной или хлеба для голодающего Поволжья» [14].

В том же месяце губернское начальство забило тревогу: контуры неурожая достаточно прояснились, чтобы невозможность справиться с заданиями по продналогу стала очевидной. В конце августа губком партии задержал проезжавшую через Челябинск в Кустанай комиссию ЦК помощи голодающим (Помгол) для обследования неурожайных уездов губернии. Дальнейшее описано в докладе Челябинского губкома, составленном для областного совещания при Уральском бюро ЦК РКП(б):

Между тем, все уезды губернии Совнаркомом были признаны по первому разряду урожайности, в то время как большая часть губернии не только не собрала семян, но и не смогла заготовить достаточного количества суррогатов для того, чтобы обеспечить себя от голодной смерти, так как все травы выгорели. Комиссия Цека Помгола правильно сравнивала Троицкий и В.-Уральский уезд с голодными уездами Самарской губернии. Несмотря на это, центр не хотел даже слушать того, что[бы] половину

Челябгубернии признать голодающей и снять государственное задание по продналогу. Потребовалась посылка 2-х комиссий во главе с предгубисполкомом и цифровыми фактическими данными, что у нас действительно настоящий голод и что нужна помощь, наконец, удалось добиться признания трех уездов голодающими, но, несмотря на нашу информацию в центр, в центральных газетах ни звука о том, что у нас голод, как будто бы Челябинская губерния обречена на вымирание [15].

Лишь 8 декабря 1921 года на заседании президиума ВЦИК была принята контрольная цифра по продналогу с Челябинской губернии — 1012 тысяч пудов, или 51 % от первоначального задания наркомпрода. По поводу исчисленной Челябинским губисполкомом реальной цифры продналога (832 600 пудов) было заявлено, что дальнейшее понижение задания невозможно.

Между тем сбор продналога осенью 1921 года шел полным ходом. В начале сентября начальник Куртамышского политбюро² телеграфировал в Челябинск, что сбор продналога в условиях голода

обостряет недовольство крестьян. Сельские партийные ячейки, по его словам, ходатайствовали об отмене продналога всех видов. Тем временем голод охватывал все большую часть населения, имелись случаи голодной смерти [16]. В Челябинском уезде наблюдалась аналогичная картина. По информации губчека, «находясь в критическом продовольственном положении, население стало выносить постановления об отмене продналога». Крестьяне Каменской волости, желая, чтобы их ходатайство о снятии с них продналога было убедительным, избрали волостную комиссию по осмотру урожая 1921 года. Результаты проверки оказались впечатляющими: весь урожай злаковых культур волости составил 20989 пудов — в среднем по 2 пуда 20 фунтов с десятины. При населении в 9500 человек получалось, что в сентябре 1921 года, еще до сдачи продналога, на одного жителя волости до нового урожая приходилось всего два пуда зерна. Прожить с таким запасом до следующего лета было нельзя.

Сентябрьская информационная сводка Челябинской губчека о настроениях сельских жителей Миасского и Троицкого уездов сообщала следующее: «Население недовольно проведением продналога, указывая, что продналог ни в чем не отличается от продразверстки, потому что в настоящее время требуют выполнения, хотя нет да отдай, не принимая во внимание никаких заявлений от того или иного хозяйства» [17].

Как бы ни хотели чекисты интерпретировать недовольство крестьян нэпом их «шкурными интересами», картина бедствий деревни оставалась пронзительно трагичной. Ранней осенью 1921 года наметился очередной и последний до начала сталинской коллективизации подъем вооруженного сопротивления крестьян мероприятиям советской власти. По словам населения, в Троицком уезде в сентябре действовало повстанческое объединение численностью до 300 человек. Вновь оживило повстанчество и в Курганском уезде: «Бандитизм в Курганском уезде не изживается, а наоборот, продолжает постепенно развиваться. Бандиты оперируют в северных волостях, в местностях, где население таковым сочувствует, особенно в момент изъятия продналога» [18].

2

Политбюро — уездные организации ЧК — были введены 12 июля 1921 года.

Автор сводки оценивал настроение крестьян как «затаенно-выжидательное», констатируя, что «вся жизнь, как крестьянского населения, так и рабочих сводится к одному — поискам продовольствия» [19].

В связи с недостаточно активным сбором продналога — к началу октября 1921 года в Челябинской губернии было собрано менее 10 % от плана — губком РКП(б) направил уездным комитетам партии циркуляр о продлении продналоговой кампании до 1 ноября. Предлагаемые документом меры по активизации сбора продналога явно опирались на опыт донэповских продовольственных реквизиций:

а) Немедленно пересмотреть все брошенные райкомом силы по проведению продналога, изъять из них все колеблющееся, все мягкотелое и негодное вообще к проведению твердой линии поведения в деле проведения всех распоряжений по сбору продналога. И заменить этих работников сейчас же лучшими силами района, бросив их на продмесячник, не останавливаясь даже перед закрытием отделов исполкомов.

б) Обратить самое серьезное внимание на работу соворганов, связанных с проведением продналога, и на ячейки,

искореняя в корне халатное отношение коммунистов к сбору продналога. Чем и объясняется общий застой в проведении продналога.

Указать членам партии ваших ячеек, что активно проявившие себя ячейки и сельсоветы на местах будут премированы за их работу, путем занесения их на красную доску и выдачи всевозможных премий материального характера.

Всех же умышленно саботирующих уком предлагает привлекать к самой тягчайшей ответственности, предавая их суду выездной сессии Ревтрибунала» [20].

При проведении «агитации» в пользу сдачи продналога рекомендовалось предупреждать, что «если волость или село откажется, будут введены воинские части, которые будут содержаться за счет населения данного села». Ответственность за успех кампании возлагалась на укомы.

Нажим на местных работников мало способствовал успеху. Сумятица в сборе продналога только возросла. Уполномоченный губчека по сбору продналога в Челябинском уезде в середине октября 1921 года докладывал о суматохе, неопытности

продработников, непонимании населением смысла продналога и бестолковости распоряжений. Списки плательщиков постоянно переписывались, у крестьян не было уверенности, что после сбора налогов с них не будут взимать его дополнительно, так как размеры налогов изменялись по несколько раз. В докладе обращалось внимание на то, что «с выполнением молочного продналога получается скверное положение: время упущено, а нажим идет вовсю, что напоминает населению не продналог, а разверстку...» [21].

Насилие заменяло всякую экономическую целесообразность. В то время как крестьяне намолачивали всего 40–50 пудов зерна, продналог доходил до 60–70 пудов: чтобы сдать налог, крестьянам не оставалось ничего иного, как не только отдавать весь урожай, но и дополнительно занимать хлеб. Чекистские сводки откровенно констатировали: «На мобилизованных на продработу коммунистов население смотрит, как на старых жандармов» [22].

Положение рядовых сельских советских и партийных работников поздней осенью 1921 года было столь же безысходным, как и положение рядовых деревенских жителей. В сводке губернской ЧК за 15–30 ноября было приведено письмо председателя сельсовета села Пискалова Челябинского уезда, члена РКП(б) Ф. Т. Давыдова:

Работаю не покладая рук, с начала революции 18 месяцев состою председателем сельсовета. Проводил разверстку, продналог, выполнял целый ряд государственных заданий. За три года существования Соввласти сам заплатил триста пудов хлеба, отдал одну корову, отдал 17 фун[тов] шерсти и 22 фунта масла, имел хозяйство 3 лошади и 3 коровы, 12 шт[ук] овец, теперь имею 1 лошадь, одну корову и 2 овцы плюс ко всему

9 чел[овек] семьи. Хлеба не ел уже два с половиной месяца. Находясь на советской работе, не имел возможности заготовить суррогатов. Паек не получал и не получаю. Теперь создается такое положение — не имею возможности работать, также и с большим семейством не имею возможности даже и жить. Я должен погибнуть с семьей с голоду, что делать дальше? Товарищи, помогите!

Комментируя этот крик о помощи, составитель сводки резонно отмечал: «Но кто ему поможет? Кулаки на это говорят — брал разверстку, кричал за Соввласть, вот теперь знай Советскую власть. Случаев таких можно привести много, которые говорят о безвыходном положении рядовых работников» [23].

С помощью репрессий к 21 ноября 1921 года из крестьян Челябинской губернии удалось выбить 33 % продналога. Выездная сессия ревтрибунала с 5 октября по 5 ноября отправила, преимущественно из Куртамышского уезда, в концлагерь 275 человек, условно осудила 695. У 52 крестьян было конфисковано имущество реально, у 150 — условно. Под воздействием репрессий «население стало быстро платить налог, отдавая последнее и даже покупая на рынке» [24].

Насилие над крестьянством не прекратилось в Челябинской губернии и зимой 1921/22 годов. Так, 25 декабря в село Птичье Верхнеуральского уезда прибыл продотряд, который арестовал за неуплату продналога 42 жителя. Арест сопровождался издевательствами и унижениями: 27–28 декабря арестованные провели 16 часов в помещении в 120 кубических аршин, тут же отправляя естественную нужду. Среди них были женщины и дети, накануне ходившие побираться. Крестьяне жаловались на грубость и злоупотребление властью со стороны руководителя этой акции, инспектора ударно-боевой подгруппы Ишакова: «Обращается гр. Ишаков с гражданами всегда с насмешкой и площадной бранью. Списки на неплательщиков составлялись под угрозой предания председателя суду ревтрибунала, если он не укажет, что тот или иной гражданин злостный неплательщик. Из-за этого в настоящее время сессией ревтрибунала присуждены к конфискации имущества действительно такие граждане, которые питаются одной травой» [32].

Несмотря на неурожай и признание уезда голодающим, сбор продналога продолжался. В других уездах, где урожай был ниже среднего, сбор налога также осуществлялся как со среднего или даже более высокого урожая. Крестьяне роптали на налог и семенную ссуду, но отдавали весь собранный хлеб, питаясь суррогатами и мясом.

Оглядываясь назад, ГПУ Челябинской губернии весной 1922 года в докладе секретарю губкома партии признавало, что в феврале 1922 года крестьянство было в высшей степени озлоблено на советскую власть и коммунистов, и объясняло, почему дело не дошло, как годом ранее, до массового крестьянского сопротивления: «Непосильный продналог, при наличии неурожая, выкачивался репрессивными методами. Действия продработников и выездной сессии (ревтрибунала.— *И. Н.*), нередко неправильные, еще более возбуждают крестьян, и если не произошло восстаний, то, надо думать, исключительно потому, что население получило хороший урок в 1921-м году. Помощь, оказываемая голодающим, была ничтожной. Население, питавшееся еще с осени суррогатами, было истощено, ослабший организм легко воспринимал различные болезни, и эпидемии тифа, голодного,— свирепствовали повсюду» [25].

Автор доклада признавал, что нэп для крестьян в принципе выгоднее прежнего курса, поскольку позволяет распоряжаться излишками своей продукции. Однако как раз этой выгоды сельское население в 1921 году ощутить не могло: «Но дело в том, что излишков этих не только не было, но не было и достаточных ресурсов уплатить продналог, и крестьянство было принуждено отдать имущество, инвентарь, все хозяйство на уплату продналога».

Задним числом продрозверсточную сущность продналога 1921 года признал и Челябинский губком РКП(б). В докладе Уральскому областному партийному совещанию, составленном в 1922 году, констатировалось: «Продналог оказался непосильным для большинства крестьян. Налоговая система с обилием налогов, при той пестроте урожая, какая наблюдалась в Челябинской губернии, вызвала много ошибок, для значительной части населения продналог был не легче продрозверстки. Установлены многочисленные случаи, когда крестьянин, чтобы уплатить налог, вынужден был продавать лошадь, корову, чтобы купить хлеб и уплатить продналог. Многие хозяйства остались разоренными...» [26].

Лишь во второй половине марта 1922 года сбор продналога был приостановлен, недоимки перенесены на осень 1922 года, усилилась помощь голо-

дающим, чему способствовало прибытие международных организаций помощи, началась выдача крестьянам семенного материала. Однако десятки тысяч крестьян Челябинской губернии, сотни тысяч крестьян Урала этой помощи не увидели, не дожив до весны, погибнув от голода и болезней.

Итак, после сбора урожая 1922 года и налаживания более или менее регулярной помощи извне уральское крестьянство могло, как казалось, перевести дух. Расширение посевных площадей с 1923 года свидетельствовало о том, что сельское хозяйство Южного Урала миновало критическую точку. Однако «успех» сельского хозяйства Урала 1922 года был относительным. Урожай в Башкирии был в два раза ниже необходимого для прокормления населения и скота и восстановления посевных площадей до уровня 1921 года [37]. В Челябинской губернии в 1922 году была засеяна вся запланированная площадь, однако структура посева вызывала тревогу: пшеницы было засеяно от 20 % планового задания в Челябинском уезде до 75 % — в Курганском; недосев пшеницы достигал 68 %, ячменя — 26 %. Зато, учитывая опыт прошлого года, крестьяне усиленно возделывали стойкие к засухе культуры, перевыполнив задание по посеву проса более чем вдвое, картофеля — втрое, конопля — в пять раз [27]. Это, в свою очередь, создавало проблемы со сбором продналога 1922 года.

С весны 1923 года среди сельского населения 32 губерний СССР вновь стал нарастать голод. В апреле — июне голодали жители Вотской автономной области и трех губерний Урала. Наибольшие испытания вновь выпали на долю населения Южного Урала. В Челябинской губернии к лету 1923 года голодали 400 тысяч человек, в БАССР — 800 тысяч, то есть почти столько же, сколько весной 1922 года.

Совершенно очевидно, что в сложном ансамбле причин массового голода в деревне сбор продналога в 1921–1922 годах жестокими методами по образу и подобию прошлых лет играл не последнюю роль, вызывая у крестьян подозрительное отношение к новой экономической политике. По справедливому замечанию немецкого историка Маркуса Венера, преобладание военно-административных методов решения крестьянского вопроса в 1921–

1923 годах позволяет усомниться в корректности характеристики этого времени в масштабах всей страны как начала новой экономической политики [43, с. 156]. Это наблюдение тем более справедливо для Южного Урала, пережившего в начале 1920-х годов страшное голодное бедствие.

Лишь в 1924 году голод на Южном Урале был преодолен. Сменивший натуральный продналог единый денежный налог на крестьянский урожай, казалось бы, позволял крестьянству планировать хозяйственную деятельность. Однако всего тремя-четырьмя годами позже, в конце 1927 года, выяснилось, что эта уверенность преждевременна: государство, столкнувшись с проблемой хлебозаготовок, вернулось к насильственным приемам сбора продовольствия в деревне, используя богатый опыт военного коммунизма и раннего нэпа. К причинам недолговечности новой экономической политики мы вернемся позже. Сперва следует рассмотреть уральские особенности нэпа в промышленности.

В области промышленности содержание нэпа на Урале невозможно свести к хрестоматийному тезису о восстановительном периоде. Восстановление уральской промышленности, конечно, имело место. В 1926/27 хозяйственном году был достигнут объем продукции 1913 года. К осени 1927 года было восстановлено $\frac{3}{4}$ разрушенных мостов и железнодорожных станций.

Однако суть ситуации в уральской промышленности в 1920-е годы состояла не в восстановлении, а в тупиковом характере развития ее ведущего сектора — горнозаводской промышленности. Функционирование горнозаводского дела в 1920-е годы повторяло его дореволюционную специфику. Горнозаводская промышленность была организована по принципу вотчин, с заводами, к которым были приписаны земли, лесные угодья и рабочие. Последние по роду занятий были полурабочими-полукрестьянами. Такая организация производства обеспечивала неразрывную связь трех проблем уральской горной промышленности, определивших ее специфику, затяжной характер кризиса и бесперспективность развития. Первой проблемой была ограниченность топливно-сырьевой базы, которую обеспечивал древесный уголь, добываемый из древесины приписанных

к заводам лесов (так называемых лесных дач). Второй проблемой была примитивная транспортная система: ее обеспечивали конная тяга и подводы местного населения. Третью проблему создавала нехватка рабочих рук: привлекать рабочих без предоставления им земельных участков, имеющих в ограниченном количестве, было затруднительно.

Тупиковый характер развития индустрии Урала подтверждается тем обстоятельством, что сама топография «сталинской индустриализации», сменившей нэп в конце 1920-х годов, в регионе принципиально отличалась от южнороссийской: если на промышленном Юге, например в Донбассе, она опиралась на дореволюционные центры и фактически являлась органичным продолжением хозяйственной модернизации 1890-х годов, то на Урале в 1930-е годы она проходила практически на голом месте, с нуля, преимущественно за пределами горнозаводских округов [1, с. 94].

Архаичность и бесперспективность созданного в XVIII веке уральского горнозаводского хо-

зяйства, однако, не означали его безжизненности. Система горных округов вотчинного типа, совершивших полный производственный цикл от заготовки топлива до выпуска готовой продукции (преимущественно по государственным заказам), была возрождена в годы нэп, потому что советской власти не оставалось ничего иного, как опираться на нее в качестве единственной надежной и устойчивой организационной структуры до начала сталинской «революции сверху». Оригинальным явлением на Урале, в том числе в его южной части, была сдача в 1921–1922 годах остановленных заводов коллективам рабочих, которые имели в горнозаводских поселках свое хозяйство и поэтому не меняли места жительства в поисках заработков. В сентябре 1922 года съезд представителей уральской крупной промышленности и транспорта вынужден был специально рассматривать вопрос о приписке лесных дач к горнозаводским трестам. В ноябре 1922 года Совет труда и обороны принял Постановление «О приписке лесных дач к трестам

Подготовка детей к эвакуации из голодающей Челябинской

губернии в Башкирию. Челябинск. 1922 год

Урала». Были созданы тресты-комбинаты, восстановившие систему дореволюционных горнозаводских округов. В них вошли лесные угодья.

Начало нэпа отнюдь не ознаменовалось оздоровлением промышленной ситуации в регионе. Развал уральской индустрии в 1921 году достиг своего завершения. С весны промышленное производство резко сократилось в связи с ожидаемым неурожаем, продовольственным и топливным кризисом. Летом 1921 года производство замерло: во второй половине июля — первой половине августа на Урале не действовали ни доменные, ни мартеновские печи, ни прокатные станы. Подвоз древесного угля к предприятиям Екатеринбургского райметаллоуправления сократился в августе 1921 года до 0,4 % от январского показателя того же года, доставка дров — до 3,6 %; производство чугуна и проката на Урале сократилось в 20–30 раз по сравнению с мартом 1921 года, сталь не вырабатывалась [3, с. 134–135]. В августе 1921 года в Башкирский обком РКП(б) сообщалось: «Четырехмесячное неудовлетворение продовольствием всех производств БСНХ вызвало их остановку, даже лесные заготовки, причисленные к ударным работам, совершенно остановились и впереди, при такой постановке дела, перспективы неприглядные» [41].

Выход из катастрофической ситуации в промышленности был затяжным и болезненным. Относительный подъем производства в 1922–1923 годах был иллюзорным: стоимость продукции металлургии была в два раза выше, чем в 1920/21 хозяйственном году, но составляла лишь 26 % от производства 1914 года. Заводы Южного Урала с апреля 1922 года вновь остановились из-за отсутствия топлива, продовольствия и рабочей силы; 8 тысяч потерявших место рабочих были обречены на голодную смерть [28]. В Оренбургской губернии в конце 1922 года работала лишь мелкая промышленность, которая, как сообщалось в закрытом письме губкома в ЦК РКП(б), «в силу отсутствия покупательной способности полуголодных крестьян губернии и отсюда крайнего недостатка оборотных средств влачит незавидное существование» [39]. На заседании Уральского бюро ЦК РКП(б) 11 декабря 1922 года подчеркивалась необходимость разработать меры борьбы с чрезмерным браком на производстве, так

как качество увеличившейся в объемах продукции было крайне низким [29].

Частичный переход к экономическим методам регулирования производства отразился на положении рабочих двойственным образом. В 1921 году началась перерегистрация кадров, повлекшая неизбежные увольнения принудительно привлеченных и, следовательно, недобросовестно работавших. Введение новой тарифной системы привело к преобладанию в начале 1922 года сдельной оплаты труда, заключению коллективных тарифных соглашений, росту зарплат и норм снабжения продовольствием. Это не означало, конечно, что нэп изначально был временем благоденствия трудящихся. Оплата труда рабочего металлопромышленности, выросшая с середины 1921 года в два раза, составляла в сентябре 1922 года 9,14 довоенных рублей, то есть была втрое ниже дореволюционной, и выплачивалась со значительными задержками [3, с. 167, 168, 170].

С другой стороны, для людей, потерявших работу, начало нэпа было сопряжено с новыми бедствиями. Количество безработных росло. В условиях страшного голода 1921–1922 годов и отсутствия надежной системы социальной защиты перспектива голодной смерти для многих из них превращалась в грозную реальность. Если с 20 января по 1 сентября 1921 года на Оренбургской бирже труда зарегистрировались 2206 безработных, из которых работу получили 1729, то в январе — мае 1922 года количество зарегистрированных безработных в Оренбуржье колебалось уже в районе 12–13 тысяч. Более половины из них составляли женщины [6; 35; 38]. Таким образом, значительная часть городского населения, включая рабочих, мало что выиграла от «диктатуры пролетариата» и в «военно-коммунистической», и в «нэповской» ипостаси.

Сложности оздоровления индустрии Урала были связаны с хронической нехваткой ресурсов и застаревшими структурными слабостями уральского горнозаводского хозяйства, продолжавшего работать на древесном топливе. В момент учреждения Уральского металлургического синдиката в 1922 году его уставный капитал был равен всего 6 миллионам довоенных золотых рублей, или был в 18 раз меньше, чем накануне Первой мировой

войны [2, с. 167]. В связи с разрушением финансов и стремительной инфляцией, за которой не поспевал печатный станок, задолженность государства перед промышленностью Урала к 1 апреля 1922 года достигла 260 миллиардов рублей [36]. Выход из затруднительного положения в начале 1923 года стал осуществляться за счет консервации (вплоть до ликвидации) ряда металлургических предприятий. Эта мера обеспечивала концентрацию производства при максимальной экономии средств и дала ограниченный эффект роста промышленного производства. Хроническую слабость уральской промышленности, усугубившую бедствия 1917–1922 годов, удалось преодолеть лишь в период сталинской индустриализации 1930-х годов и на совершенно иных организационно-технических основаниях.

Итак, эпоха новой экономической политики на Южном Урале была недолговечной. Какими же причинами можно объяснить хрупкость этого феномена?

Экономическая подоплека этого явления лежит на поверхности: неустойчивость нэпа объясняется беспримерной «разрухой» в области промышленности и сельского хозяйства. Скорые хозяйственные успехи в значительной степени были эффективной видимостью, поскольку начинались с крайне низкого старта и достигались прежде всего за счет снятия запретов на свободную торговлю и сопровождавшую ее денежную реформу.

Но за кратким успехом и скорым свертыванием нэпа стояли не столько экономические, сколько политические причины. «Разруха» была следствием долгой и жестокой Гражданской войны. Ее участники приложили руку к краху промышленности и сельского хозяйства, снабжая свои армии в ущерб гражданским отраслям промышленности, за счет насильственного перераспределения материальных средств, продовольствия и людских ресурсов. Красная армия, вышедшая из Гражданской войны победителем, стала моделью и резервуаром для организации внутренней политики и гражданского управления. На X съезде РКП(б) в марте 1921 года одновременно с провозглашением новой экономической политики была ужесточена партийная

дисциплина и фактически запрещена свобода мнения в партии. Одновременно в начале 1920-х годов прошли волны террора против еще оставшихся, хотя серьезно ослабленных противников Советского государства и Коммунистической партии — церкви и осколков социалистических партий. Нэп воспринимался советским руководством и большинством коммунистов, вступивших в партию после Гражданской войны, особенно после смерти В. И. Ленина, как угроза социалистическому строительству. Страх перед новой экономической политикой как инструментом реставрации капитализма в стране толкал сталинское окружение к ее дискредитации и преодолению. Большевицкие представления о классовой борьбе как универсальном объяснении социально-экономических и политических явлений создавали у политического руководства СССР ложный взгляд на происходящее. Когда в 1927–1928 годах начались вызванные экономическими причинами и просчетами самого руководства в сфере ценообразования проблемы с закупкой у крестьян зерна для нужд индустриализации, сталинское руководство интерпретировало «кризис хлебозаготовок» как результат злой воли врагов, прежде всего «сельской буржуазии», и обратилось к привычной практике насильственной «выкачки» хлеба из деревни времен военного коммунизма.

Принудительные хлебозаготовки наиболее болезненно коснулись регионов, которые были главными поставщиками зерна в СССР, — Украины, Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала, Казахстана. Сельские жители отреагировали на знакомые методы продразверстки массовым сопротивлением, прибегнув к опыту начала 1920-х годов. Сельское население, в том числе южноуральские русские и нерусские крестьяне и казаки, вновь проиграло в этом столкновении с безжалостной «городской» властью, на этот раз окончательно. Нэп был свернут. Коллективизация сельского хозяйства и массовый голод 1932–1933 годов в основных зерновых районах, в очередной раз обрушившийся и на Южный Урал, необратимо и до неузнаваемости изменили жизнь крестьянства и бывшего казачества.

Список литературы

1. Адамов В. В. О предпосылках второй буржуазно-демократической революции (по материалам Урала) // Свержение самодержавия : сб. ст. М., 1970.
2. Гараев Г. Г. Борьба за обобщение промышленности на Урале в первые годы советской власти // История СССР. 1984. № 2.
3. Голубцов В. С. Черная металлургия в первые годы Советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.
4. ГАОО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 33. Л. 87.
5. Декреты Советской власти : в 15 т. Т. 13. М., 1989.
6. Завод и пашня. 1922. 1 июня.
7. Там же. 24 дек.
8. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : крат. курс. М. : Правда, 1938.
9. Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001.
10. ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 674. Л. 1–2.
11. Там же. Д. 507. Л. 3; 17. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49. Л. 15.
12. Там же. Д. 499. Л. 105.
13. Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 407. Л. 49.
14. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 304. Л. 27.
15. Там же. Д. 451. Л. 131.
16. Там же. Ф. 596. Оп. 1. Д. 197. Л. 3.
17. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 321. Л. 8.
18. Там же. Л. 12.
19. Там же. Л. 13.
20. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 304. Л. 38.
21. Там же. Д. 401. Л. 135.
22. Там же. Д. 321. Л. 37, 41.
23. Там же. Л. 53.
24. Там же. Л. 54.
25. Там же. Д. 54. Л. 104.
26. Там же. Д. 451. Л. 125.
27. Там же. Д. 499. Л. 56.
28. Там же. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 77. Л. 33.
29. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 429. Л. 12.
30. Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.
31. Размеры голода и меры борьбы с ним : материалы для агитаторов. Б. м., б. г.
32. Совет. правда. 1922. 15 марта.
33. Там же. 13 апр.
34. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939 : док. и материалы : в 4 т. Т. 1: 1918–1922. М., 1998.
35. Степ. правда. 1921. 8 сент., 21 дек.
36. Урал. рабочий. 1922. 4 июня.
37. Там же. 13 июля.
38. Там же. 21 окт.
39. ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293. Л. 1.
40. Там же. Д. 233. Л. 102 об.
41. ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 5. Д. 13. Л. 25.
42. ЦГИА РБ. Ф. Р-629. Оп. 1. Д. 492. Л. 11–16 ; Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 ; Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 14.
43. Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat: Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928. Köln ; Weimar ; Wien, 1998.

Н. А. Антипин. **ЧЕЛЯБИНСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД: РОЖДЕНИЕ ГИГАНТА**

В апреле 1929 года на XVI Всесоюзной конференции ВКП(б) в Москве был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства. В ходе индустриализации в Советском Союзе должны были появиться не только новые предприятия, но и целые отрасли промышленности. Уже строился тракторный завод в Сталинграде, велись работы по проектированию подобного завода в Харькове. Третий должен был появиться на Урале.

Через месяц после завершения партийной конференции, 29 мая 1929 года, председатель Совета народных комиссаров СССР А. И. Рыков подписал постановление «О приступе к постройке тракторного завода на Урале». Документ лишен конкретики, он констатировал факт необходимости «приступить в 1929–1930 годах к постройке на Урале второго тракторного завода с производительностью не менее 40 000 тракторов в год». Далее слово было за Высшим советом народного хозяйства СССР [8].

Выбор пал на Челябинск. Здесь предстояло построить крупнейшее предприятие машиностроения. Будущий завод должен был быть приближен к потребителю — восточным сельскохозяйственным районам. Кроме того, город располагался в центре железнодорожного узла недалеко от ме-

таллургических заводов и угольного месторождения, уже возводилась электростанция (ЧГРЭС), здесь в достаточном количестве имелись строительные материалы.

Свидетелем грандиозной стройки стал молодой инженер Михаил Алексеевич Храпко. В 1987–1988 годах по просьбе руководителя литературного объединения ЧТЗ Е. Г. Ховива он написал воспоминания «История моей жизни», в которых немало внимания уделил строительству в Челябинске тракторного завода. Автор родился в 1904 году в Ереване, в 1925 году поступил в Ленинградский политехнический институт, где был законтрактан Челябтракторостроем и, досрочно получив диплом, в апреле 1930 года оказался в Челябинске. Здесь он работал инженером сборочной группы опытного завода, начальником сборочного отделения механосборочного цеха основного завода, начальником цехов наладки и топливной аппаратуры. В ноябре 1937 года был арестован, осужден к десяти годам лишения свободы: работал инженером в специальном конструкторском бюро («шарашке»). После освобождения и реабилитации в 1950-е годы жил в Ленинграде, где работал в различных научно-исследовательских организациях. Последний раз М. А. Храпко посетил Челябинск в 1988 году, когда, по-видимому, передал свои воспоминания Е. Г. Ховиву [13]. Позднее в различных изданиях были опубликованы фрагменты этой рукописи [14–16].

Разметка площадки под строительство ЧТЗ. 1929 год. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Первые колышки на месте будущего тракторного завода. Ноябрь 1929 года. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Молодой специалист М. А. Храпко был полон энтузиазма, оптимизма и готовности внести свой вклад в реализацию планов индустриализации страны. Он вспоминал: «...побывав в разных уголках нашей страны, увидев состояние нашей промышленности, ее отсталость и просто отсутствие целых отраслей промышленности, я остро почувствовал грандиозность планов первой пятилетки, которые захватывали дух. Ведь все это надо было осуществить и осуществить нам, молодым специалистам, других ведь не было, и это увлекало, воодушевляло» [13, л. 191].

Будущий инженер, обучавшийся в Ленинграде, заключил с Челябтракторостроем контракт, по которому взял на себя обязательство после окончания института работать на данном предприятии,

а оно, в свою очередь, выплачивало студенту до окончания обучения повышенную стипендию — 140 рублей в месяц. При этом сократился и срок обучения: «Потребность в инженерно-техническом персонале на стройках, на проектных и конструкторских работах была так велика, что был осуществлен ускоренный выпуск во всех вузах: студентам дали возможность полностью сдать экзамены — зачеты по всем предметам учебной программы, а дипломное проектирование отменили. Нам объяснили: знания получены вами в полном объеме, по программе, а дипломное проектирование, защищать дипломный проект будете на работе десятки раз» [13, л. 187]. 28 апреля 1930 года М. А. Храпко прибыл в Челябинск и был определен на строящийся опытный завод.

Ловин Казимир Петрович (1893–1937), организатор производства. Трудовой путь начал в 14 лет в Санкт-Петербурге. В 1925 году по окончании Московского объединения государственных электрических станций. В 1929 году назначен начальником Челябинского тракторостроя. В 1930 году с группой специалистов

побывал в США, где знакомился с опытом работы фирм «Катерпиллер», «Аллис Чалмерс», «Аллиганс» и другими, организовал в Детройте специальное проектное бюро «Chelyabinsk Tractor Plant». В 1932 году назначен директором ЧТЗ, за успешное строительство которого был награжден орденом Ленина. В 1934 году под его руководством первая очередь завода вышла на проектную мощность, благодаря чему СССР выдвинулся на первое место в мире по производству тяжелых гусеничных тракторов. С 1934 года вновь в Москве: первый заместитель, начальник Главэнерго Наркомтяжпрома СССР. В 1937 году в период массовых политических репрессий арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. В Челябинске одна из улиц Тракторозаводского района носит имя Ловина.

К этому времени к завершению подходили проектные работы, и уже намечалась закладка цехов основного завода. С июня 1929 года в Государственном институте проектирования металлургических заводов (Гипромез) в Ленинграде работало специальное бюро. В его задачи входило составление промышленного задания на проектирование будущего завода по выпуску мощных гусеничных тракторов типа «Катерпиллер-60».

Одновременно с проектными работами было организовано управление постройки государственного уральского тракторного завода «Челябтракторострой» (ЧТС). Его возглавил Казимир Петрович Ловин [12, с. 13; 18]. В ноябре 1929 года К. П. Ловин прибыл в Челябинск, чтобы своими глазами увидеть место, где предстояло построить новый завод. Были забиты первые колышки, и началась планировка территории. Предполагалось, что здесь через три года (к концу 1932-го) появится завод, специализирующийся на выпуске десятитонных гусеничных тракторов типа «Катерпиллер» мощностью 60 лошадиных сил. Предприятие должно было выпускать 40 тысяч машин в год.

Проектное бюро ЧТЗ в Детройте. 1929 год. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Проектное бюро ЧТЗ в Детройте

К концу 1929 года в ленинградском Гипромезе завершилась работа над эскизным проектом опытного тракторного завода, а в марте 1930 года был готов эскизный проект основного тракторного завода. После окончания проектировочных работ, большая часть проектной группы выехала в США для консультаций с американскими специалистами и доработки проекта. Остальная часть проектной группы выехала в Челябинск.

В январе 1930 года К. П. Ловин, после посещения Сталинградского тракторного завода, вместе с главным инженером И. В. Ивановым прибыл в США. Советские тракторостроители обратились на завод «Caterpillar» с предложением оказать помощь в проектировании завода в Челябинске. Однако представители «Caterpillar» выдвинули неприемлемые условия: оплата в сумме 3,5 миллиона долларов, полный запрет на экспорт тракторов из СССР в течение 20 лет, а сам проект предлагалось выполнить на английском языке и в британской системе мер.

Переговоры зашли в тупик. К. П. Ловин 6 марта 1930 года писал в Челябинск своим заместителям: «Наша начатая с первых же дней по приезде в Нью-Йорк упорная и тяжелая работа протекает в исключительно неблагоприятных условиях... Теперь у меня остается очень мало надежд на благоприятный исход переговоров с «Катерпиллером». Время безвозвратно уходит, и, по-видимому, придется работать силами собственного бюро с помощью другой, второстепенной тракторной фирмы и отдельных американских специалистов. Это займет значительно больше времени. Мы и так уже потеряли два месяца» [5, с. 22–23].

В качестве фирмы-партнера была выбрана «А. Кан», занимавшаяся строительством Сталинградского завода. Специалисты американской фирмы критически отнеслись к идее строить двенадцать производственных цехов и предложили объединить их в три огромных корпуса: механический, литейный и кузнечный. Кроме того, они рекомендовали применить цельнометаллические опорные колонны вместо железобетонных, что давало широкие пролеты и главное — возможность менять объекты производства. В годы Великой Отечественной войны это позволило без пере-

стройки цехов перейти к выпуску танков. В апреле 1930 года в США пришел эскизный проект основного завода, разработанный в ленинградском Гипромезе. К этому времени было организовано проектное бюро «Chelyabinsk Tractor Plant», офис которого разместился в центре американской автомобильной промышленности в городе Детройте на четырнадцатом этаже «Union Trust Building». Для работы в бюро из СССР прибыло 40 советских специалистов, к ним присоединились 12 американских проектировщиков.

В феврале 1930 года началось строительство опытного завода. «...На территории холодильника были построены два барака. В одном бараке разместились хозяйственники и строители, в другом — группа инженеров и техников, приехавшая из Ленинградского ГИПРОМЕЗа, молодые специалисты-инженеры и техники, приехавшие после окончания вузов и техникумов прямо в Челябинск. В основном одна молодежь: инженеры, окончившие на 1–2 года раньше вузы и успевшие где-нибудь поработать, считались у нас специалистами с опытом», — вспоминал М. А. Храпко [13, л. 196].

Группа инженеров ЧТЗ в Нью-Йорке: М. Храпко, Б. Филимонов, Н. Швелидзе, В. Ломоносов, Н. Межевич. 1936 год. Музей «Наследие» школы № 59 г. Челябинска

Опытный завод строился для устранения «детских болезней» при пуске основного завода. Основными задачами опытного завода были: подготовка кадров для основного завода, проверка чертежей трактора в процессе выпуска тракторов на опытном заводе, выполнение в дальнейшем опытных работ по модернизации трактора и выпуску тракторов новых моделей [13, л. 196, 197].

В июне 1930 года в Детройте завершилась разработка проектной документации будущего завода [17]. Проектное бюро «Chelyabinsk Tractor Plant» выполнило свою задачу, и советские специалисты вернулись в СССР. 10 августа 1930 года состоялась закладка фундамента основного завода — «мирового гиганта мощных тракторов» [2; 4]. На торжестве присутствовало около двенадцати тысяч человек. Секретарь окружного комитета ВКП(б) А. И. Финьковский назвал происходящее «боль-

шим днем Большого Урала» [1]. Заводская газета «Наш трактор» опубликовала призыв: «Закладка фундамента под основной завода дает сигнал строителям Челябинтракторостроя, что данный срок партией и рабочим классом на постройку завода в 15-месячный срок должен быть не только выполнен, но и значительно сокращен». Таким образом, предполагалось в ноябре 1932 года запустить завод. Однако этот оптимистичный план был далек от реальности.

В условиях строительства необходимо было решить два сложных вопроса — кадровый и жилищный. В Челябинтракторострое наблюдалась высокая текучесть кадров. За 1930 год на строительство прибыло 43 тысячи рабочих, а выбыло 38 тысяч.

В бараке строителей ЧТЗ.
1930 год. Музей трудовой
и боевой славы ЧТЗ

За лето состав рабочих сменился четыре раза, к 1 января 1931 года осталось немного больше 4500 человек [5, с. 28].

Наиболее остро стояли вопросы жилья и питания. М. А. Храпко так описывал свои жилищные условия: «Я был почти нормально устроен по условиям тех времен: имел крышу над головой (в комнате на 34 человека), имел технический справочник Хютте, но у меня еще не было примуса для того, чтобы считаться вполне устроенным молодым инженером — специалистом на ЧТС» [13, л. 194]. Молодой специалист, воодушевленный масштабными целями и возможностью реализации творческого потенциала, с пониманием и терпением относился к временным трудностям.

Управление Челябтракторостроя и проектный отдел в Челябинске разместились в двухэтажном здании на улице Труда, до революции принадлежав-

шем торговому дому «Братья Яушевы». Кроме того, под нужды ЧТС были выделены Красные казармы, двухэтажное здание бывшей богадельни, двухэтажное здание бывшего архиерейского дома, недостроенный четырехэтажный дом на углу улиц Коммуны и Рабоче-Крестьянской (ныне улица Кирова), несколько отдельных одноэтажных домов и недостроенное здание мясохолодильника, находящееся за городом, с одним небольшим рубленным домом и подсобными строениями. Часть работников ЧТС поселилась в домах местных жителей. Также работниками ЧТС была заселена двухэтажная челябинская гостиница [13, л. 194, 195]. К июню 1930 года для размещения рабочих завершилось строительство временного городка: 94 барака и 15 двухэтажных бревенчатых домов, клуб, театр, больничный городок [6].

Митинг и поднятие флага на месте, где будет построен рабочий поселок ЧТС. 1 июля 1930 года. Музей трудовой и боевой славы ЧТС

Первое время существовала серьезная проблема с питанием. М. А. Храпко вспоминал: «Обеды нам привозили в термосах. Они были плохими. Обедали мы в хорошую погоду прямо на площадке около нашего барака или на своих рабочих местах. Организовали мы свою кухню под навесом. В воскресные дни, поочередно, с участием жен наших сотрудников, ездили на базар, закупали и привозили на телеге продукты на всю неделю. Наняли повариху, которая готовила нам очень вкусные и дешевые обеды, потому что все было на виду, никто не воровал и получалось дешево, сытно и вкусно. К сожалению, скоро пришлось это прекратить, так как трудно было создать необходимые санитарные условия, расплодили мух, и пришлось отказаться от этой затеи. Скоро открыли столовую на опытном заводе» [13, л. 203].

7 ноября 1930 года состоялся пуск опытного завода. К 15 февраля 1931 года предстояло выпустить два первых трактора. Для этого на опытном заводе была проведена большая работа: имелось два трактора «Катерпиллер-60» в разобранном виде, по де-

талям которого инженеры подготовили чертежи трактора в дюймовой и миллиметровой системах измерения [13, л. 207, 208].

Первые опытные образцы были собраны в срок с использованием некоторых комплектующих и гусениц с одного из разобранных американских тракторов. М. А. Храпко, занимавшийся выпуском, вспоминал: «15 февраля 1931 года во второй половине дня все рабочие Опытного завода, начальник ЧТС К. П. Ловин и другие собрались в сборочном цехе. Тракторист С. Назаров стал заводить двигатель. После нескольких попыток двигатель завелся, трактор выехал во двор и проехал несколько раз вокруг двора. Момент был торжественный. Все были рады, восторженно наблюдали за движением первенца. Начальство уехало, все быстро разошлись, поскольку был сильный мороз. А трактор остановился и завести двигатель мы не могли, поэтому, боясь заморозить, спустили воду из радиатора и хотели затащить наш трактор на буксире американским трактором “Клетрак”. Это оказалось нелегко сделать: гусеницы нашего первенца, заби-

Место под строительство
жилья для рабочих
Челябтракторостроя.
9 июня 1930 года. Музей
трудовой и боевой славы ЧТЗ

тые снегом, не вращались, а надо было его протащить через узкий тамбур ворот. Провозились мы до позднего вечера, все промерзли, пока нам удалось затащить наш первый трактор в цех. На другой день выяснили, почему заглох двигатель и остановился трактор. Оказалось, что гусеницы были сильно натянуты... Через несколько дней первый трактор совершил поездку в город и на строительство основного завода, чтобы «себя показать» и показать строителям и жителям Челябинска ради чего они трудятся, перенося лишения, преодолевают трудности — каких красавцев-богатырей будет завод давать стране, выпуская каждые 6,2 минуты 1 трактор — до 40 000 тракторов в год» [13, л. 211].

На митинге, посвященном выпуску первых тракторов, К. П. Ловин обозначил следующие задачи. Он еще раз подтвердил, что пуск основного завода запланирован на 1 ноября 1932 года. Для этого на текущий хозяйственный год было выделено 60 миллионов рублей на строительство и 12 милли-

онов рублей на приобретение оборудования. Однако исполнение плана зависело не только от усилий строителей, но и от регулярности поставок импортного металла из Германии, что часто нарушалось. «Мы должны развернуть огромное строительство и почти совсем окончить здания основных цехов, развернуть огромное жилищное и культурно-бытовое строительство», — сформулировал основную задачу 1931 года К. П. Ловин. Предстояло построить 32 дома по 40 квартир, два дома-коммуны, школу, больницу, диспансер, баню, прачечную, фабрику-кухню, а также частично построить еще два дома-коммуны и клуб со зрительным залом на 1250 мест. Предстояло решить и кадровую проблему: из необходимых двенадцати тысяч рабочих на заводе имелись лишь шесть тысяч [7]. В этот момент приоритетной стройкой был Магнитогорский металлургический комбинат, который поглощал не только рабочие руки, но и финансовые ресурсы.

Жилищные условия и отсутствие нормальной социальной инфраструктуры являлись существенным тормозом для привлечения рабочих

Возведение жилья для строителей ЧТЗ. 1930 год.

Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Возведение жилья
для строителей ЧТЗ.
1930 год. Музей трудовой
и боевой славы ЧТЗ

на строительство. Тем не менее эта проблема постепенно решалась: сначала был построен временный городок (деревянные бараки и двухэтажные дома), затем приступили к возведению соцгорода. Инженер М. А. Храпко в своих воспоминаниях описал такой случай: «Быстро строились первые дома соцгородка. Окончание строительства первого жилого дома назначено было на 5 октября 1930 года. Жилищный вопрос был очень острым. Все с нетерпением ждали окончания строительства первого дома. К концу сентября первый дом был почти готов — заканчивалась внутренняя окраска стен в квартирах. В это время, в какой день точно не помню, на втором участке загорелся сарай. Пожарные команды ЧТС помчались на пожар. Пока тушили сарай, начался пожар в первом жилом доме. Дурные вести распространяются с поразительной быстротой. Я побежал из города на пожар. Верхние этажи дома были объята пламенем. Пожарные команды из-за осенней грязи прибыли на пожар с опозданием, но их действия были малоэффективными: струя воды достигала только до второго этажа. Прибывшая железнодорожная пожарная команда действовала

лучше, но ничего сделать не могла — весь дом был объят пламенем. Положение усложнял сильный ветер в направлении остальных строящихся домов. Необходимо было защищать их от пожара. Во всех окнах и дверях этих домов стояли с ведрами воды. Я стоял в окне дома ближайшего к горевшему. На нас летели не только искры, но и горящие угли. Я был одет в осеннее пальто с наружными карманами. Горящий уголь попал в карман пальто и насквозь прожег его. Я долго не выбрасывал пальто, напомиравшее об общем несчастье. От первого дома остались обгорелые стены, но остальные дома остались невредимыми. К 7 ноября 1930 года был заселен один четырехэтажный дом в соцгородке. Сгоревший дом был, очевидно, подожжен, озлобленных людей было немало, но и противопожарная безопасность была не на высоте» [13, л. 213–214].

За строительством ЧТЗ пристально следили в ЦК ВКП(б). В мае 1930 года, пока К. П. Ловин был в США, И. В. Сталин встретился с его заместителем В. В. Борисовым. На этой встрече был решен вопрос о месте строительства соцгорода недалеко

Строительство кузнечного цеха. Начало 1930-х годов.

Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Первый рейс трамвая
в соцгородке ЧТЗ.
1 мая 1933 года. Музей
трудовой и боевой славы ЧТЗ

от завода [11; 13, л. 212]. В апреле 1931 года К. П. Ловин представил в ЦК ВКП(б) доклад о ходе строительства ЧТЗ, после чего 30 апреля было принято постановление «О ходе строительства Челябинского тракторного завода». В нем отмечались основные недостатки: отставание строительства от плана, чрезвычайно высокая стоимость выполнения работ, высокие накладные расходы и большой штат служащих. Между тем в постановлении было сказано и о положительных результатах работы Челябинского тракторостроя: пуск опытного завода, использование местных строительных материалов, строительство лесопильного завода и механических мастерских. Для решения назревших вопросов ЦК ВКП(б) предложил ВСНХ СССР реорганизовать Челябинский тракторострой в самостоятельное строительное управление на положении треста с назначением начальником управления К. П. Ловина. Для эксплуатации существующего опытного завода, подготовки кадров для основного завода, разработки плана пуска завода, снабжения топливом, сырьем, для заказа и монтажа оборудования,

наблюдения за сроками строительства, приемки и эксплуатации сооружений организовывалась дирекция завода во главе с В. И. Ильичевым [5, с. 49]. Это решение оказалось неэффективным: «Возникли острые споры между руководством строительством и руководством завода и еще больше — между аппаратами. Поэтому приказ НКТП от 29 сентября 1932 года об объединении Управления ЧТС и ЧТЗ и назначении Ловина директором ЧТЗ положил конец двоевластию и был воспринят с удовлетворением», — вспоминал М. А. Храпко [13, л. 215].

28 ноября 1932 года Совет труда и обороны СССР принял постановление о сроках пуска ЧТЗ. Учитывая отставание от плана строительных работ и задержку с поставками импортного оборудования из США, Германии и Великобритании, определили новый срок начала регулярного выпуска продукции — не позднее 15 мая 1933 года [5, с. 99].

Пока на основном заводе шли монтажные работы, опытный завод постепенно осваивал новое оборудование, технологию и выходил на про-

ектную мощность. Не обходилось и без курьезов. М. А. Храпко в своих воспоминаниях описал несколько случаев, когда новые трактора отказывались ехать. Один из таких случаев произошел в конце 1931 года: «В Челябинске проходила какая-то партийная конференция. Нам сказали, что надо отправить один из наших тракторов показать его делегатам конференции. Я был совершенно уверен, что, несмотря на морозы в конце 1931 года, трактор благополучно совершит эту поездку. Трактор отправился в город, но отъехав немного от завода, заглох двигатель. Оказалось, что весь отстойник топлива забит ржавчиной. Промыли отстойник и продули топливные трубки, поехали дальше. Опять заглох двигатель — весь трубопровод и отстойник забиты ржавчиной. На тракторе был тракторист М. Я. Макагон и я. Так дальше ехать нельзя. Повернули обратно, и двигатель останавливался еще несколько раз. Было очень неловко и стыдно, что новый трактор ехал и не доехал. Оказалось, что топливный бак, хотя и был промыт перед сборкой, и все было чисто, но когда после заполнения топливом он простоял некоторое время в цехе, случилось вот что: ржавчина стала отставать от стенок, загрязнила топливо при сильной тряске по дороге. Бак в холодно-штамповом цехе был сварен из ржавого листа стали. Было очень неприятно, но это случилось первый и последний раз в моей практике» [13, л. 228].

В подобных случаях возможно было увидеть вредительство, однако в этом и состояло назначение опытного завода: в процессе испытаний опытных образцов машин выявить их слабые стороны и устранить «детские болезни». В результате работы инженеров к 7 ноября 1932 года был изготовлен эталонный трактор [13, л. 234]. Все детали этого образца выполнялись точно по чертежам, разработанным проектным бюро в Детройте. В их изготовлении принимали участие самые опытные рабочие под наблюдением мастеров и контролеров. В сборочном цехе выделили специальное помещение, определили лучших сборщиков и контролера. В процессе производился замер всех зазоров, посадок и биений. В результате крупных ошибок в чертежах обнаружено не было, но мелких неточностей

М. Я. Макагон на первом тракторе. 1933 год. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Макагон Марк Яковлевич (1906–1999), слесарь, тракторист-водитель. Окончил три класса церковно-приходской школы. Работал лаборантом, помощником механика на заводе. Был направлен на строительство ЧТЗ: нормировщик, слесарь-сборщик, бригадир сборочного цеха опытного завода. В 1933 году переведен в механосборочный цех основного завода, назначен бригадиром. Вывел из цеха сборки завода первый (15 мая 1933), стотысячный (30 марта 1940), полумиллионный (26 мая 1966), миллионный (3 ноября 1984) тракторы с маркой ЧТЗ.

Участвовал в параде 12 выпущенных в Челябинске тракторов, проходившем на Красной площади в Москве (7 ноября 1933). С 1939 года старший контрольный мастер сборочного цеха № 2. С 1942 года начальник бюро технического контроля сборочного цеха, заместитель начальника СБ-2. С 1946 года начальник бюро технического контроля цеха сборки тракторов.

Новые цеха ЧТЗ. 1933 год.
Музей трудовой
и боевой славы ЧТЗ

оказалось несколько сотен, соответствующие изменения и уточнения внесли в чертежи [13, л. 229].

В конце января 1933 года ЧТЗ получил первое производственное задание: изготовить в первом квартале запасные части для ремонта тракторов на 1,5 миллиона рублей, в том числе самую массовую деталь — звенья гусеницы трактора «Катерпиллер». Для штамповки звеньев гусеницы в кузнечном цехе были введены в эксплуатацию семь паровых молотов. В марте того же года было отштамповано 103 700 звеньев, вместо 99 450 по заданию. План первого квартала по запасным деталям выполнили. Он явился генеральной репетицией перед пуском завода [13, л. 217].

В ходе выпуска первых экземпляров машин инженеры опытного завода стремились усовершенствовать технологию производства и приблизить ее к существующим условиям: «В проектно бюро работали наши опытные инженеры и молодые

специалисты с хорошим техническим образованием. Работники бюро не копировали слепо трактор «Катерпиллер-60», а очень смело и грамотно внесли ряд существенных изменений, улучшающих конструкцию трактора: материал шестерней коробки скоростей и конечной передачи изменен — вместо хромоникелевой стали применена хромистая сталь; детали из ковкого чугуна, переведены на стальное литье; клепаная рама трактора заменена холодноштампованной. В Советском Союзе мало добывалось никеля, поэтому применялась хромистая сталь, эта замена вполне себя оправдала. Ковкий чугун требует длительной термической обработки, очень неудобной для массового производства — он был заменен стальным литьем. Автомобильные рамы изготавливались холодной штамповкой, но холодная штамповка рам из толстой двенадцатимиллиметровой стали осуществлялась впервые. Электродуговой плавкой для выплавки стали такой боль-

шой производительности, требуемой по проекту, в США не изготавливали. Они были изготовлены в Советском Союзе» [13, л. 219].

Согласно правительственному заданию, 15 мая 1933 года с конвейера Челябинского тракторного завода должен был сойти первый трактор. 11 мая началась сборка первого двигателя, который после обкатки и испытаний развил мощность в 67 лошадиных сил. 14 мая первую собранную коробку скоростей установили на тележку трактора, и к вечеру того же дня он поступил в окрасочную камеру. 15 мая, пройдя сушильную камеру, первый трактор сошел с главного конвейера, был заправлен топливом и маслом. «Сборщик-водитель М. Макагон завел двигатель, трактор выехал на разложенные гусеницы, натянул на себя с помощью сборщика Г. Гублина и его помощника. Затем звенья гусеницы были замкнуты, и, наконец, Г. Гублин забил кувалдой замыкающий палец в обе гусеницы и закрепил их шплинтами. Первый трактор был собран, я сел на трактор рядом с Макагоном, и трактор выехал

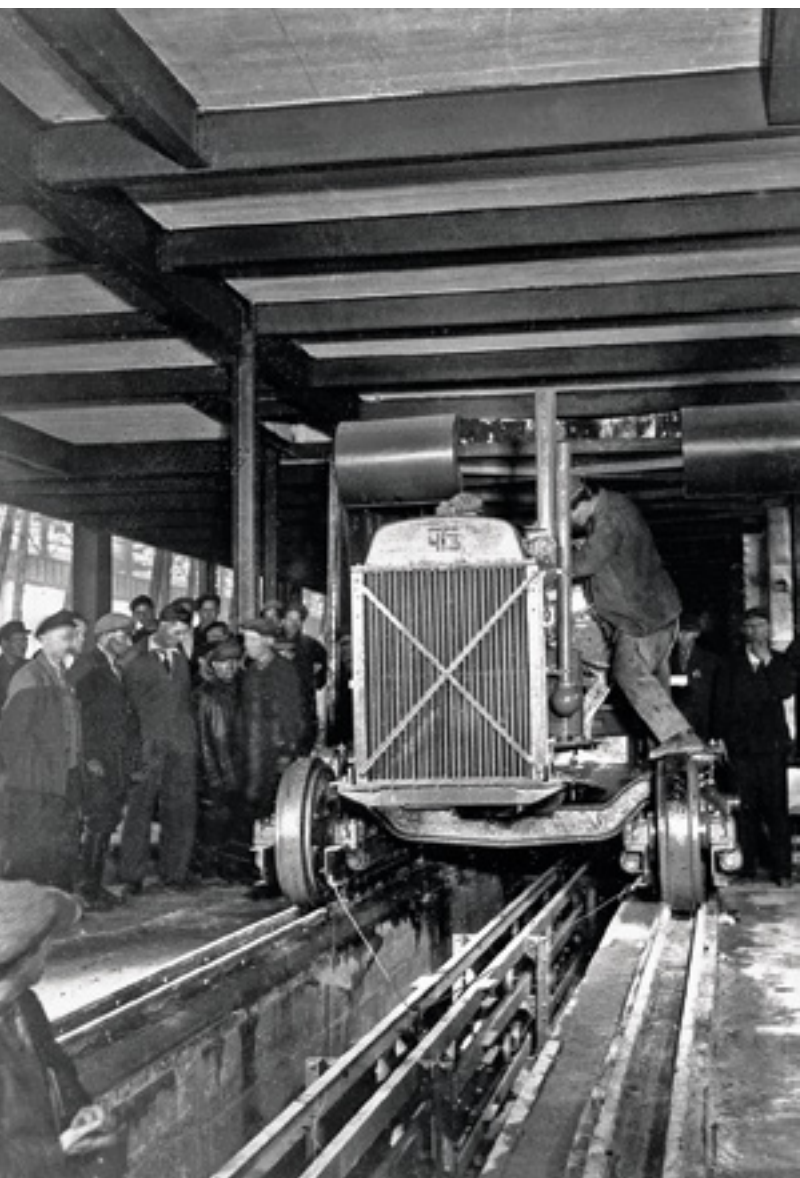
на погрузочную площадку и через открытые ворота МСЦ (механосборочный цех.— Н. А.) выехал на заводской двор. Это было 15 мая 1933 года в 3 часа 40 минут дня. В этот день и накануне на сборке была масса народа, всем хотелось видеть рождение первого мощного гусеничного трактора ЧТЗ... Этот день был для всех необыкновенным праздником, все волновались и радовались...»,— вспоминал М. А. Храпко [13, л. 238–239]. Ко дню торжественного пуска завода 1 июня 1933 года предстояло собрать 13 тракторов.

Пуск ЧТЗ стал главной новостью тех дней для всего СССР. Газета «Правда» номер 29 мая 1933 года почти полностью посвятила новому заводу, «Челябинский рабочий», «Наш трактор» и другие подробно освещали выход первых тракторов и торжества по случаю пуска предприятия.

31 мая в заводском клубе состоялось расширенное заседание Уральского облисполкома, горсовета, бюро горкома партии с участием ударников строительства ЧТЗ и делегаций, прибывших на пуск завода. По заводу был объявлен приказ директора, в котором он поздравлял коллектив ЧТЗ с пуском завода, выражал благодарность за доблестный

Тракторостроители идут на смену. 1933 год. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Первый трактор «Сталинец-60» сходит с конвейера ЧТЗ. 1933 год. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин выступает на митинге, посвященном пуску ЧТЗ. 1 июня 1933 года. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

труд. Многие работники ЧТЗ были награждены почетными грамотами и ценными подарками, золотые часы получил и М. А. Храпко.

Утром 1 июня в Челябинск прибыл председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. После короткого митинга на привокзальной площади глава государства поехал на ЧТЗ. Он осмотрел инструментальный, кузнечный и литейный цеха, в механосборочном цехе — автоматное, револьверное отделения и перешел на сборку трансмиссий и главный конвейер. В присутствии М. И. Калинина с главного конвейера сошел тринадцатый — комсомольский — трактор.

В 15 часов 30 минут на заводской площади состоялся торжественный митинг. Площадь была заполнена рабочими завода и многочисленными делегациями от предприятий Челябинска с плакатами и знаменами. После выступления К. П. Ловина из ворот механосборочного цеха на заводскую площадь один за другим выехали тринадцать мощных гусеничных тракторов. На первом тракторе сидели водитель М. Я. Макагон и М. А. Храпко [13, л. 240–241]. М. И. Калинин произнес перед собравшимися речь: «Завод построен. Огромное количество народных средств израсходовано на этот завод, израсходовано значительное количество валюты, вложен огромный труд рабочих

и крестьянских масс. Теперь рабочие Челябинского тракторного завода, которые будут осваивать этот завод, обязаны в короткий срок дать максимально высококачественную продукцию. Я думаю, что те кадры, которые будут осваивать этот завод, рабочие, преимущественно молодежь, технический

персонал, партийцы приложат все усилия к тому, чтобы выполнить волю нашей партии... Разрешите мне пожелать вам освоить этот завод так же хорошо, как он был построен» [10].

М. А. Храпко в своих воспоминаниях описал случай, который не вошел в книги по истории ЧТЗ:

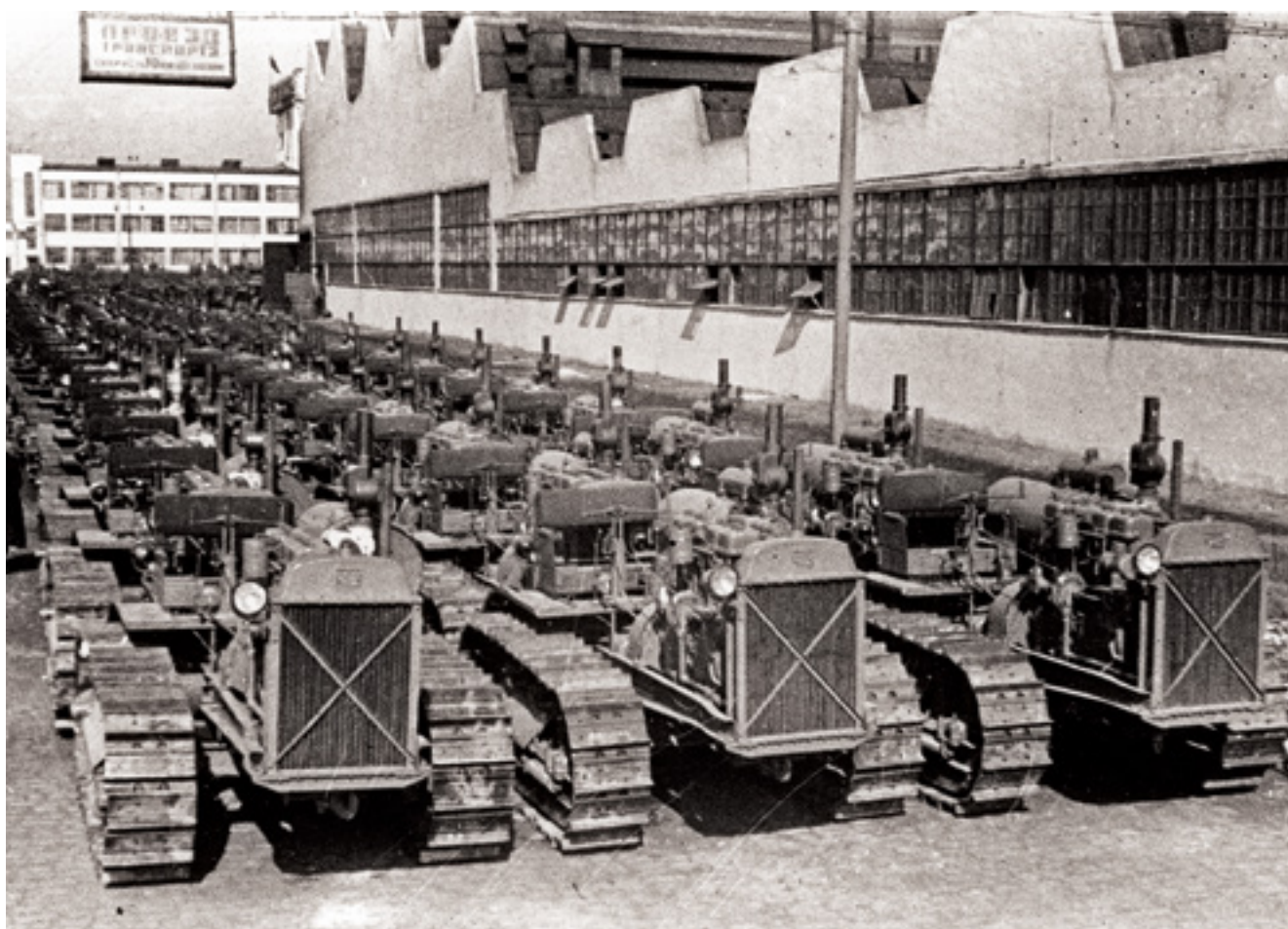

Митинг, посвященный пуску ЧТЗ. 1 июня 1933 года. Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ

«Не обошлось дело без комического происшествия в праздничном торжестве. Во время выступления М. И. Калинина над трибуной стал кружиться самолет У-2 и разбрасывать листовки о трудовой победе и пуске ЧТЗ. Шум самолета заглушал голос Михаила Ивановича. Он остановился и поглядел на небо, на самолет. Все присутствующие на митинге стали кричать и махать руками, отгоняя самолет. Летчик не сразу понял, что его не приветствуют на земле, а отгоняют, что он мешает, а потом, со-

образив в чем дело, улетел. Михаил Иванович, продолжая выступление, заметил, что необходима высокая организованность и порядок на производстве для успешной работы завода, а что, мол, это за организация: я говорю, а он летает и разбрасывает листовки» [13, л. 241–242].

Приказом народного комиссара тяжелой промышленности С. Орджоникидзе от 1 июня 1933 года № 506 Челябинский тракторный завод был зачислен в список действующих предприятий [9].

Трактора перед отправкой.
1930-е годы. Музей трудовой
и боевой славы ЧТЗ

Список литературы

1. Большой день Большого Урала: Выступление ответственного секретаря горрайкома партии т. Финковского на закладке тракторного 10 августа // Челяб. рабочий. 1930. 12 авг.
2. В шеренгу великанов // Наш трактор. 1930. 10 авг.
3. Из доклада т. Ловина об итогах строительства Челябтракторостроя // Наш трактор. 1930. 30 нояб.
4. Имени Сталина... // Челяб. рабочий. 1930. 11 авг.
5. Комаров Л. С., Ховив Е. Г., Заржевский Н. И. Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.). М. : Профиздат, 1972. 376 с.
6. Накануне капитального строительства // Наш трактор. 1930. 1 мая.
7. По-большевистски подготовиться к генеральному бою: Из доклада тов. Ловина на общепостроечном партийном собрании 15 февраля // Наш трактор. 1931. 23 февр.
8. Постановление СНК СССР 29.05.1929 г. «О приступе к постройке тракторного завода на Урале» // Изв. ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. 31 мая.
9. Приказ по народному комиссариату тяжелой промышленности // Челяб. рабочий. 1933. 2 июня.
10. Речь председателя ЦИК СССР тов. М. И. Калинина // Челяб. рабочий. 1933. 2 июня.
11. Тракторострой под особым наблюдением ЦК ВКП(б) // Наш трактор. 1930. 3 июня.
12. Устьянцев С. В. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург, 2008. 246 с.
13. Храпко М. А. История моей жизни. Рукопись // Музей «Наследие» школы № 59 г. Челябинска.
14. Храпко М. А. Челябинский трактор встает на конвейер // Врата Рифея. М., 1996. С. 268–274.
15. Храпко М. А. Только о том, что знаю, что помню // История людей: альманах. Вып. 7. Челябинск : Губерния, 2007. С. 157–350.
16. Челябинские страницы жизни инженера М. А. Храпко / публ. А. И. Скорикова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. История. 2000. № 1. С. 64–75.
17. Через год дать трактора // Наш трактор. 1930. 3 июня.
18. Шмакова Н. П. Ловин Казимир Петрович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. Т. 3. С. 742.

М. Н. Потемкина, Н. В. Чернова. К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА МАГНИТОГОРСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

Из всех работ на земле, выполненных в этом веке, едва ли не самая удивительная — Магнитка.

В. Песков. Магнитка

« Не каждое, даже значительное событие оставляет в истории яркий след. К Магнитострою это не относится. Идеи, планы, искорки дел стремительно превращались в огоньки первопроходчества, в пламя подвижничества, в героизм эпохи. Становилось явлением понятие, слово огненное, знаменное, слово алое Магнитострой. И непостижимо сольются в один поток энтузиазм молодежи, комсомольцев, интеллект инженеров, расчетливый труд завербованных крестьян, стремление выжить, стать равноправными — у спецпереселенцев, раскулаченных и обреченность десятков тысяч заключенных из концлагерей у горы Магнитной. Будут и четкая организация, и неразбериха, идиотизм, и талантливые решения, успехи, и сокрушительные провалы» [29]. Так писал о строительстве металлургического завода и города Магнитогорска известный поэт и писатель В. Машковцев.

История Магнитогорского металлургического комбината и Магнитогорска неоднократно становилась объектом изучения, описания, воспевания со стороны журналистов, писателей, поэтов, краеведов, профессиональных историков и простых современников. Публицистические работы

о Магнитке, как правило, насыщены фактическим материалом с акцентом на романтизм и героизм первостроителей, часто написаны с опорой на воспоминания очевидцев, в них отсутствует аналитическое начало и научно-справочный аппарат. Особо следует выделить публикации М. А. Котлухужина и В. Машковцева, пролившие свет на многие неизвестные страницы истории города и комбината. К теме Магнитостроя обращались и многие известные писатели: А. Г. Малышкин («Люди из захолустья»), В. В. Катаев («Время, вперед!»), Н. П. Воронов («Юность в Железнодорожке»), Е. А. Евтушенко («Бетон социализма»), А. Фадеев («Черная металлургия»), Е. Федоров («У горы Магнитной»), А. О. Авдеенко («Свидание с Магниткой») и др. Различные аспекты истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска изучались и профессиональными исследователями, такими как И. Ф. Галигузов, В. П. Баканов, В. Н. Кучер, М. Н. Потемкина, Н. Н. Макарова, Н. В. Чернова, А. Н. Макаров.

Не обошли своим вниманием историю «соцгорода» Магнитогорска зарубежные журналисты и историки-исследователи. В 1991 году вышли на русском языке воспоминания американца Джона Скотта, работавшего в 1932–1937 годах в Магнитогорске. Это был двадцатилетний молодой человек, с юных лет мечтавший стать писателем. Взгляды его формировались под влиянием отца, профессора политэкономии, входившего некоторое время в компартию США. Книга была написана осенью

1941 года, когда фашистские армии находились на подступах к Москве. Представляет собой серию публицистических очерков о повседневной жизни первостроителей, наполненных симпатией к магнитогорцам и сопереживанием ко всем успехам и неудачам на строительстве комбината и города [45].

Из зарубежных исследователей, писавших о Магнитострое, наиболее известен профессор Принстонского университета Стив Коткин, неоднократно бывавший в Магнитогорске и написавший в 1990-е годы книгу «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» [48]. Коткин рассматривал строительство соцгорода с социокультурных позиций, сместив фокус внимания на повседневную жизнь людей: жилье, коммунальные услуги, продовольственное обеспечение, досуг и т. д.

Во всех публикациях четко прослеживаются две противоположные концепции истории Магнитогорска — панегирическая и критическая. Одни авторы акцентируют внимание на уникальности сроков возведения металлургического предприятия, успешности реализации на практике модели соцгорода Магнитогорска, категорически утверждают, что город был построен исключительно комсомольцами-добровольцами. Другие пишут о хаосе первых лет строительства, провале идеи построения «города будущего», особо отмечают большую долю подневольных категорий населения (спецпереселенцев, заключенных) среди первостроителей города. Кто прав и как на самом деле строился ММК и город Магнитогорск? Попробуем разобраться в этой непростой проблеме, опираясь на разноплановые исторические источники.

Гора Магнитная — железное сердце Магнитогорска

О несметных богатствах горы Магнитной люди знали очень давно, о чем свидетельствуют многочисленные легенды и народные предания. Гора состоит из пяти вершин: Атач, Березовая, Дальняя, Узянка и холм Ежовка. Среди всех этих вершин Атач была самой высокой, с «острым гребнем длиной около версты». Сегодня гора практически скрыта, но еще в XVIII веке высота ее достигала 616 метров. В 1743 году на правом берегу реки Яик по распоряжению оренбургского губернатора Ивана Неплюева была заложена казачья крепость Магнитная, ставшая одним из опорных пунктов Оренбургской пограничной линии. Вскоре после шурфовки горы заводчики Иван Мясников и Иван Твердышев построили неподалеку Тирлянский и Белорецкий железодобывающие заводы, использовавшие руду из

Магнитка. Начало строительства

Проект Магнитогорского металлургического завода

горы Магнитной. Ученые стали изучать богатства горы в XIX веке. В 1917 году гору чуть не продали японцам. Газета «Оренбургское земское дело» от 4 августа сообщала: «Правление общества Белорецких заводов Пашковых в настоящее время ведет переговоры с группой японских капиталистов о продаже горы Магнитной, входящей в состав имущества Белорецких заводов. Стоимость горы определяется в 20 миллионов рублей» [21, с. 12]. Однако вскоре произошла революция, пришедшее к власти большевистское правительство имело другие планы на богатства Магнитной.

В 1918–1921 годах проектированием металлургического комбината у горы Магнитной занималось Сибирское общество инженеров в Томске. Оно было выбрано неслучайно, так как изначально Магнитогорский завод рассматривался как часть Урало-Кузнецкого комбината. В 1925 году в Свердловске было создано Уралпроектбюро для разра-

ботки предварительного технического проекта завода у горы Магнитной. Вскоре проектирование было передано ленинградскому Государственному институту по проектированию металлургических заводов (Гипромезу). После тщательного изучения экономической целесообразности строительства завода президиум Уральского Совета народного хозяйства в ноябре 1926 года утвердил место строительства — площадку у горы Магнитной. К началу строительства запасы руды горы Магнитной оценивались в 455 миллионов тонн.

Различные проекты возведения завода вызвали самые ожесточенные споры. По первому проекту, разработанному Гипромезом в 1928 году, мощность Магнитогорского завода определялась в 656 тысяч тонн чугуна, 656 тысяч тонн кокса, 662 тысяч тонн стали и 574 тысяч тонн готового проката. Планировалось построить четыре доменные печи по 788,5 кубического метра каждая. Было

Место постройки
Магнитогорского завода

два варианта сроков строительства: пятилетний (к 1934 году) и семилетний (к 1936 году). Такой завод был бы самым мощным в СССР, но далеко отстающим по объемам производства от передовых заводов Европы и США. Поэтому разработанный проект был признан «вредительским, нацеленным на сохранение технической отсталости СССР, извращающим идею создания Магнитогорского металлургического комбината как передового предприятия в мире» [21, с. 13]. Когда строительство металлургического завода уже началось, ЦК ВКП(б) 16 декабря 1930 года принял решение,

в соответствии с которым мощность предприятия была определена в 2,5 миллиона тонн чугуна в год с последующим увеличением до 4 миллионов тонн.

17 января 1929 года Совет народных комиссаров СССР и Совет труда и обороны на объединенном заседании под председательством А. И. Рыкова после доклада о Магнитогорском заводе вынесли решение, утверждающее постройку завода. На его строительство в 1929 году отпускалось пять миллионов рублей. Завод и прилегающий к нему город должны были быть построены в рекордно короткие сроки. Датой выпуска первого металла было уста-

Бетономешалка на правом берегу плотины

новлено 1 октября 1932 года. Строительные работы в Магнитогорске развернулись с 1 июля 1929 года, с пуском временного движения по железнодорожной линии Карталы — Магнитная [17, с. 66].

Строительство промышленного гиганта

Учитывая полное отсутствие даже минимального опыта в постройке металлургических гигантов, советское правительство 14 марта 1930 года заключило договор с американской фирмой «Мак-Ки». Согласно договору, фирма обязана была не позднее середины 1930 года предоставить все проекты и чертежи основных цехов и объектов Магнитогорского завода, а потом технически вести их сооружение и освоение. Одновременно были заключены договоры с американской фирмой «Копперс» на проектирование коксохимкомбината, с немецкими фирмами — на строительство некоторых энергетических и промышленных объектов. Впрочем, сотрудничество с иностранными фирмами было недолгим: спустя два года, за которые советские инженеры смогли получить необходимые знания и навыки, договоры были расторгнуты.

Строительство завода и введение его в эксплуатацию должны были осуществиться в самые рекордные сроки [11, с. 9]. Для реализации запланированного требовалась мобилизация материальных и людских ресурсов. Борьба за Магнитогорский завод выходила далеко за пределы строительной площадки и даже за пределы Урала. Бои за скорейший пуск предприятия с упорством и настойчивостью велись и на заводах Москвы, Ленинграда, Одессы, Харькова, в портах советских морей, на железнодорожном транспорте. Из Сталинграда прибывали бригады строителей, с Харьковского тракторостроя — бетонщики, из Днепропетровска, Москвы, Ленинграда — монтажники, из Татарии, Башкирии, Казахстана — землекопы. Вслед за людьми заводы посылали в Магнитогорск в срочном порядке изготовленные инструменты, машины, оборудование и строительные материалы. Невьянск слал цемент, Нижний Тагил изготовлял медные фурмы для домен, Свердловск — пушки «Брозиуса», из Ленин-

града прибывали турбины и электрооборудование, из Москвы — станки и моторы, из Днепропетровска — конструкции для доменных печей. Сибирь тысячам вагонов посылала в Магнитку строительный лес. Сотнями вагонов поступало оборудование из Таганрога, Донбасса, Одессы, Николаева, Воронежа, Челябинска, Сталинграда и сотен других городов Советского Союза.

Следует отметить, что на первых порах основными рабочими инструментами на строительстве были лопата, кайло, грабарка, «коза». Для строительства необходимо было выполнить огромный объем земляных и кирпичных работ, вот и стали грабарка (тачка для перевозки земли) и «коза» (приспособление для переноски кирпичей) самыми распространенными «механизмами» на этом этапе строительства.

Днем рождения Магнитогорского металлургического завода (впоследствии комбината) стало 1 февраля 1932 года. В этот день доменная печь № 1 выдала первый чугун. Летом 1932 года дала первый чугун домна № 2 «Комсомолка».

В 1935 году, через четыре года после начала строительства, Магнитогорский завод уже работал на полную мощность. Причем не нуждался в дотациях государства, что для тяжелой промышленности являлось фактом очень редким.

Грабарка

Первые директора комбината

В процессе формирования директорского корпуса Магнитогорского металлургического комбината выделяются два основных периода. В рамках первого периода (конец 1920-х — начало 1930-х годов) к руководству промышленным строительством привлекались так называемые выдвиженцы, которые все без исключения являлись профессиональными революционерами. Второй период (с начала 1930-х до начала 1950-х годов) характеризуется сменой директоров-выдвиженцев на специалистов, появлением нового типа управленцев-технократов, входивших в высший состав хозяйственной номенклатуры. С момента начала строительства ММК начальники Магнитостроя были одновременно и директорами завода. Лишь в августе 1936 года произошло разделение Магнитостроя на два самостоятельных хозяйствующих субъекта — трест «Магнитострой» и управление металлургического комбината [18, с. 124].

Первым директором Магнитостроя был назначен С. М. Зеленцов. Вскоре он заболел, в результате чего полностью потерял зрение. Его место занял опытный управленец В. А. Смольянинов (1929–1930) [12, с. 244]. Первым директором Магнитогорского металлургического завода был Яков Семенович Гугель (1931–1933), который сменил Смольянинова на посту начальника Магнитостроя. Будучи опытным руководителем в отрасли черной металлургии, он успешно возглавил новый комбинат: под его началом были задуты две первых доменных печи, сданы в эксплуатацию центральная электростанция, рудник горы Магнитной и две коксовые батареи. Отметим трагическую черту биографий директоров первого периода. Большая часть этих по-своему незаурядных людей прошла через репрессии и погибла. Был обвинен и ушел на пятнадцать лет в лагерь В. А. Смольянинов, осудили и расстреляли Я. П. Шмидта, Я. С. Гугеля, Н. Г. Мышкова, Л. М. Марьясина и К. Д. Валериуса. Любимец Магнитостроя Чингиз Ильдырым был расстрелян в Сухановской тюрьме в 1941 году. Расстрелян и прославленный бригадир первостроителей кавалер ордена Ленина В. Е. Калмыков. Первый

А. П. Завенягин.
1936 год

главный инженер В. А. Гассельблат умер от истощения в лагере близ Ухты [29].

Уникальным директором был Авраамий Павлович Завенягин (1933–1936), успешно сочетавший в себе прекрасное образование и способности ученого, твердость и последовательность организатора производства, ответственность и предприимчивость фактического главы города при заводе. Умение работать и понимать людей труда, отличные знания, богатый жизненный опыт и незаурядные способности организатора позволили молодому руководителю добиться удивительных успехов. Завенягин успешно завершил стройку Магнитки. Отдав пять лет Магнитогорску, Завенягин был отозван в Москву, где занял пост первого заместителя наркома тяжелой промышленности.

Следующим директором ММК был Павел Иванович Коробов (1937–1939). В отличие от своих предшественников Коробов до поста директора прошел трудовые ступени доменного производства, в Магнитогорске работал начальником доменного цеха, занимал должность главного инженера комбината. На посту директора Коробов приложил максимум усилий для дальнейшего развития завода — всесоюзного символа сталинской индустриализации. Огромный практический опыт и значительные теоретические знания помогли ему решать важнейшие задачи отрасли. В марте 1939 года, как и многие его предшественники, Коробов был отозван в Москву, где был назначен заместителем народного комиссара черной металлургии СССР.

Кто строил город и завод?

Разные категории советских граждан приезжали в Магнитогорск, проводились организованные наборы специалистов, с которыми заключались договоры. Спецпереселенцев и квалифицированных рабочих привозили принудительно. Многие крестьяне приезжали на строительство города и завода из-за желания улучшить свое материальное положение либо чтобы просто выжить. В условиях голода, свирепствовавшего в стране, коллективизации многие крестьяне добровольно записывались на строительство завода, надеясь получить жилье и питание. На стройке слышалась разная речь, были здесь русские, украинцы, белорусы, чуваша, казахи, цыгане, грузины, башкиры.

По сохранившимся архивным документам можно просчитать долю среди строителей Магнитки комсомольцев, добровольно приехавших на всесоюзную стройку [43]. К концу 1931 года на Магнитострое насчитывалось 13 тысяч членов ВЛКСМ. При этом численность населения Магнитогорска составляла в этот период 70 тысяч 400 человек, из которых рабочими являлись около 47 тысяч. Таким образом, комсомольцы от общего числа рабо-

чих Магнитостроя в 1931 году составляли не более 27,5 % [17, с. 80]. Говоря о героических днях Магнитостроя, М. Рудин достаточно точно выявил специфику труда комсомольцев: «...комсомольские бригады героически боролись за темпы, за выполнение и перевыполнение промфинплана. Их горячая кровь играла в работе, и молодые, крепкие мускулы сильней и сильней взмахивали молот и плющили заклепки... Вечером лилась веселая комсомольская песня, написанная магнитогорским комсомольцем Александром Ворошиловым. Ее распевали ударники домны, идя с работы домой:

Наша ярость огнями горит,
Наша юность, как кровь горяча,
Наша слава у солнца горит,
Мы идем по стопам Ильича.
И у дикой Магнитной горы
Под высоты просторных небес
Мы построим под свету зари
И мартены, и домны и ЦЭС! [43, с. 14–15]

Серьезными проблемами первых лет строительства были высокий травматизм, нарушения трудовой дисциплины, прогулы. Высокий травматизм

Бригада

объяснялся низкой квалификацией рабочих, невниманием к технике безопасности, отсутствием спецодежды и средств защиты, штурмовщиной. Среди основных мотивов невыхода на работу, по словам самих рабочих, преобладали отсутствие обуви и одежды, кратковременная болезнь, а также плохие погодные условия. Прогульщикам и не выполнявшим норму урезали продовольственные пайки, их «разбирали» на собраниях и товарищеских судах, высмеивали в стенгазетах, вручали «рогожное знамя» и т. д. В музее ММК сохранится любопытный документ под названием «"Льготы" прогульщика»:

Виктор Калмыков с сундуком и мешком за плечами прибыл на Магнитострой

У стенда соцсоревнования

Если рабочий данного предприятия совершил прогул, то ему полагается:

1. Взять бумагу, ручку и написать заявление на отпуск только в зимнее время.
 2. Он освобожден от хлопот по переселению в новую квартиру, т. к. очередь его передвигается в конце списка на квартиры.
 3. Ему не следует утруждать себя стоять в длинной очереди, чтобы расписаться в ведомости по вознаграждению по итогам работы за год, т. е. получать 13 зарплату.
 4. Он имеет также преимущество перед рабочими: не обременять себя «мучительными» поездками по курортно-санаторным путевкам подкрепить свое пошатнувшееся здоровье.
 5. Но он имеет право на коллективное обсуждение своего аморального поступка и презрение товарищей по работе.
 6. Поступив на работу, будучи ранее уволенным по статье за прогулы, он может получать премию (при добросовестном отношении к труду), но в половинном размере в течение шести месяцев.
 7. Ему не следует огорчать себя мыслью о том, что он на весь отпуск расстанется с коллективом, т. к. очередной отпуск получит меньше на количество дней — прогулов.
 8. Нарушая трудовую дисциплину, твердо знай о том, что тебя обязательно переведут на нижеоплачиваемую работу сроком до 3 месяцев, а в случае особого внимания к тебе уволят.
- Итак, теперь, зная все льготы прогульщика, каждый из нас должен подумать: захочется ли прогуливать?

Следует отметить, что большая часть первостроителей трудились героически, не обращая внимания на холод, голод и усталость. Работы по бетонированию плотины, проводившиеся в условиях зимы 1930/31 годов, не имели аналогов в мировой истории. Известны примеры, когда рабочие, стоя по пояс в ледяной воде, не покидали своего «боевого дежурства», бросались в февральскую реку за случайно выпавшим из околоченных рук инструментом. По словам рабочего-ударника А. Ворошилова, «январский мороз держал ртуть на 40 градусах. Кожу на лице стягивало, дышать было трудно. Жгло холодом легкие. Но, несмотря на это, стройка Магнитного двигалась вперед. На плотине реки Урал полыхал бой. Росла эстакада плотины сквозь одичалый ветер, сквозь густые, как разжиженный бетон, бураны» [5, с. 16]. Символом стоического преодоления трудностей и самопожертвования во имя общего дела стали слова магнитогорского бетонщика Нурзуллы Шайхутдинова, вынырнувшего из ледяной воды со случайно упущенным ломом: «Пусть немного поболит тело, зато совесть не будет болеть!» [17, с. 83].

Значительную долю первостроителей составляли спецпереселенцы, начавшие прибывать на Магнитострой в мае 1931 года [9, л. 40]. Наиболее обоснованные сведения о количестве спецпереселенцев, на наш взгляд, содержатся в докладной записке М. Д. Бермана от 5 октября 1931 года о результатах обследования хозяйственного устройства спецпереселенцев в Магнитогорске, проведенного по постановлению Политбюро ЦК от 25 сентября 1931 года. Из нее следует: «На 01.10.1931 г. на Магнитострое имеется 10 тыс. семей — 42 462 чел. В этом числе имеется детей до 14-летнего возраста 15 тыс. чел. Занято на работах всего: мужчин, женщин и подростков 14 185 чел., остальные — иждивенцы» [14, с. 730]. Статистика утверждает, что все население города в это время (на 1 июля 1931) составляло 145 721 человека [8, л. 30]. Даже с учетом погрешностей статистики мы можем утверждать, что доля спецпереселенцев в числе первостроителей Магнитогорска составляла в начальный период 27–29 % [40, с. 335–345]. Следует отметить, что наличие спецконтингента в составе населения Магнитогорска не было исключением из общей картины

в промышленных центрах Уральского региона. По данным докладной записки органов ОГПУ Уральской области по состоянию на 1 февраля 1932 года, промышленности были переданы 467 174 человека, из которых заняты на производстве 171 836 человек [13, с. 198–199].

Важное значение здесь имела специальная Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР № П-6028, которая указывала на необходимость прекращения «массовых выселений крестьян» и «возможность допускать их только в индивидуальном и частном порядке», что привело к снижению темпов высылки людей. Поскольку потребность в трудовых ресурсах по-прежнему сохранялась, выросло число ссыльных по другим основаниям [41, л. 171]. По актам прокурорского надзора от декабря 1934 года, «за четыре предыдущих года к Магнитной горе в концлагерь прибыло 32 тысячи политзаключенных, осужденных по 58-й статье» [30, л. 21].

Спецпереселенцы были размещены в четырех спецпоселках, отдельно от вольных рабочих, на расстоянии 2–6 километров от строительной площадки, причем на 1931–1932 годы 7500 человек жили в палатках, а остальные — в общих бараках вместимостью до 200–250 человек. По данным отдела кадров Магнитостроя, на одного кадрового рабочего приходилось от 2 до 3,3 квадратного метра, на одного спецпереселенца — от 1 до 1,5 квадратного метра жилья [14, с. 730].

Из семейного архива М. С. Газизулина: «Наконец, по семьям, стали заводить в бараки вместе с пожитками. Вдоль длинных бесконечных стен тянулись деревянные нары, сделанные из не струганных досок. Никаких перегородок не было и в помине. Семья Ибатуллы заняла отмерянный кусок нары. Отмеряли по количественному составу семьи. Туалет (огромный, деревянный) находился на улице, там же находилась и кухня, где можно было приготовить (со своими дровами) горячую пищу»¹.

В условиях огромной текучести рабочей силы, превышавшей в 1931–1932 годах 100 % (за первое полугодие 1932 года прибыло на строительную площадку металлургического завода 32 769 человек,

¹ Респондент М. С. Газизулин, 1955 г. р. Записано в Магнитогорске 25 апреля 2009 г. Интервьюер М. Н. Потемкина.

убыло 39 128 человек) [42, л. 74–76], режимный характер содержания спецпереселенцев сделал их постоянным костяком рабочих Магнитостроя [7, л. 2–12].

Особенностью Магнитостроя было участие в строительстве завода и города иностранных рабочих и специалистов. Они начали прибывать в строящийся город уже в 1931 году. Мотивы, заставившие их приехать в Магнитогорск, были различными. Одни приезжали в качестве специалистов по строительству [32, с. 18–19]. Другие сопровождали новые станки и другое оборудование, их основная задача состояла в установке и запуске фирменных агрегатов [33]. Третьи бежали от экономического кризиса в Америке и Европе, стремились заработать и обеспечить собственные семьи [31; 34; 35]. Кто-то был заражен идеей строительства нового социалистического государства и приезжал на стройки СССР и собственно Магнитогорска для реализации собственной мечты. Количественный состав иностранных специалистов и рабочих за весь период строительства составлял не более 780 человек. Одни приезжали на несколько дней по командировочному удостоверению фирмы, другие заключали годовой договор с Магнитостроем, иногда задерживаясь на несколько лет. Подходя к вопросу с географической точки зрения, можно сказать, что Магнитогорский металлургический завод строили всем миром. На строительстве присутствовали представители из США, Германии, Италии, Сербии, Франции, Чехословакии, Югославии, Венгрии и других стран. Основная доля иностранных специалистов и рабочих приходилась на США, где разрабатывали первые планы строительства комбината и курировали возведение домен [4, с. 47], и Германию, откуда поставлялось оборудование. Приток рабочих из Германии увеличился с приходом к власти фашистов. Представители коммунистической партии Германии искали поддержки у Советского Союза и пополняли ряды первостроителей Магнитогорска.

Условия проживания иностранных специалистов и рабочих были различными. «Наиболее ценные» проживали в поселке Березки, специально построенном для трудовой элиты. Остальные ютились в бараках: семейные в отдельных комнатах,

остальные делили комнаты на пять-восемь человек [2, с. 379–389]. Среди иностранных рабочих, впрочем, как и среди остальных первостроителей, были распространены травматизм, простудные заболевания и туберкулез легких, в том числе в открытой форме. Простудные заболевания были связаны с условиями проживания: перебоями с отоплением, горячей водой, сложностями проезда к месту работы, на что указывали сами приезжие. Причем именно болезни заставляли иностранных рабочих более требовательно принуждать администрацию Магнитостроя к соблюдению трудового договора. При этом иностранцы часто угрожали невыходом на работу до тех пор, пока не будут решены все возникшие проблемы. При обнаружении туберкулеза в открытой форме у рабочих возникали финансовые проблемы, так как иностранцы лишались заработка [27, с. 174–183]. В целом иностранные специалисты и рабочие плохо адаптировались к местным условиям и предпочитали либо возвратиться на родину, либо перебраться на стройки с менее суровыми условиями.

С пуском металлургического оборудования возросла потребность в грамотных рабочих и дипломированных специалистах. О том, как решалась эта проблема, и о «жажде знаний» пишет в своих воспоминаниях американский рабочий Джон Скотт: «...все эти люди работали по восемь, десять и даже двенадцать часов на производстве в самых суровых условиях, а потом приходили вечером учиться, иногда на пустой желудок, сидели на деревянных скамьях без спинки в комнате, где было так холодно, что пар, идущий от дыхания, виден был на расстоянии ярда, и изучали математику в течение четырех часов, не прерываясь» [45, с. 221].

Металлургический завод испытывал острую потребность в дипломированных специалистах. В 1932 году на 10,6 тысячи работников приходилось всего 156 дипломированных инженеров и 116 техников. Первоначально в Магнитогорске открылись филиалы свердловских вузов. Затем в 1932 году произошло их объединение в Магнитогорский горно-металлургический институт (МГМИ). Институт стал своеобразным магнитом для квалифицированных кадров. В 1933 году численность инженеров и техников черной металлургии

Строитель Магнитки. 1938 год

в Магнитогорске уже достигла 491 человека. Магнитострой стал средоточием специалистов отрасли [46, с. 55], а следовательно, оплотом учителей и научной мысли отрасли. Как писал один из первых выпускников института М. М. Иванов, «многих радовало, что имелось и вечернее отделение без отрыва от производства и даже с организацией лекций по сменам. Десятки жаждущих получить образование устремились в аудитории вновь открытого вуза. Наряду с юношами, только что окончившими среднюю школу, можно было встретить “пожилых” 30–35-летних мужчин и женщин. В спецовках приходили они на лекции прямо из цехов. Каждая свободная минута после работы на производстве отдавалась лекциям в институте и восстановлению в памяти забытого из программы средней школы». В 1934 году МГМИ стал самостоятельным высшим техническим учебным заведением. К концу 1930-х годов неграмотность в городе была почти полностью ликвидирована. В 1940 году на 18,1 тысячи рабочих металлургического комбината уже приходилось 460 инженеров и 384 техника [16, с. 62].

Структура комбината

Комбинат — это громадный комплекс, состоящий из множества производств. Прежде всего, это горно-рудное хозяйство, которое по своей сути представляет самостоятельное предприятие, состоящее из дробильных, промывочных, обогащательной и агломерационной фабрик, транспортного хозяйства и экскаваторного цеха. Ежегодно рудник перерабатывал свыше 12 миллионов тонн горной массы, выдавая до 6–7 миллионов тонн подготовленной руды. Другой составной частью комбината стал коксохим, состоящий из десяти батарей системы Копперса — Беккера. Необходимый для работы доменных печей кокс (топливо) Магнитогорский комбинат вырабатывал из угля, привозимого из Кузбасса [44, с. 27–28]. Для улучшения и удешевления процесса к кузбасскому углю добавляли местные топливные компоненты. Вырабатываемая на руднике порода превращалась в чугун в доменных печах, в составе которого к рубежу 1930–1940-х годов насчитывалось восемь мощных доменных печей, ежедневно в среднем выплавляя 12,5 тысячи тонн чугуна [15, с. 16–17]. Из доменных печей чугун поступал на мартен. Три мартеновских цеха, состоящих из 29 мощных печей американского типа, производили из чугуна железо и сталь высокого качества. В свою очередь сталь поступала в прокатное производство, которое состояло из сортопрокатных цехов: блюминга с группой непрерывно-заготовочных станов («630» и «450»), дающего заготовку для сортовых станов («500», «300», штрипсового, проволочного, «250») [Там же, с. 18–19], и рельсового цеха, включающего в себя один блюминг и рельсовый стан [28, с. 20]. Помимо цехов, которые непосредственно были заняты в металлургическом производстве, существовали и другие составляющие комбината.

Внутризаводской транспорт был одним из крупнейших в Советском Союзе. Протяженность всех железнодорожных линий превышала 300 километров. В парке насчитывалось 93 паровоза, было занято около четырех тысяч рабочих. Внутризаводской транспорт позволял связать воедино все

Магнитка в строю. 1932 год

Металл
большеви-
стских домен.
Магнитка.
1932 год

фабрики, цеха и производства комбината, своевременно доставлять необходимые грузы. Электростанция, построенная для обеспечения комбината энергией, по сути, не была заводской. Она скорее являлась районной центральной, снабжавшей электроэнергией завод, стройку, город, близлежащие рудники; кроме того, протягивались линии к Белорецку и Златоусту. Мощная железобетонная плотина протяженностью 980 метров и высотой 5,8 метра, создала громадный пруд длиной 7 километров и обеспечила на первых этапах строительства и эксплуатации потребность комбината в воде. При строительстве плотины часть станицы Магнитной ушла под воду [3]. В 1937 году стало ясно, что воды для нужд предприятия недостаточно. В связи с этим началось строительство второй плотины. Крупнейший завод огнеупоров, ремонтно-механический, кузнечный и другие цехи также являлись составной частью комбината. Каждый из них — крупный самостоятельный цех со сложнейшим оборудованием и огромным количеством рабочих. К вспомогательному хозяйству комбината необходимо добавить целую сеть карьеров и рудников, снабжавших завод доломитом, марганцем, известняком и т. п. Рудники и карьеры были механизированы и представляли собой крупные производственные участки [38, с. 9–10]. Помимо производственных сооружений комбинат имел ряд

служебных зданий: заводоуправление, проходные, конторы, склады, магазины, пожарное депо, телефонную станцию, химическую, металлографическую лаборатории, цеховые конторы, здание сортировочной станции.

«И мы приехали, а где он, город? В конторе чертежи, — а у горы бурьян» [20, с. 22]

Советский писатель Александр Авдеенко вспоминал, какова была Магнитка в первую пятилетку: «В моей памяти Магнитка осталась приземистой, пыльной, без дорог, без асфальта, без автобусов, без трамваев, без магазинов и кафе, только с двумя-тремя легковыми машинами и десятком грузовиков <...> скопище барачков, землянок, облака пыли, белые рубахи землекопов, табуны лошадей, дымы артельных костров, строительные леса, штабеля конструкции, кирпича, бревен, бочек с цементом. Ни единой заводской трубы еще не было. На правом берегу была серебристая ковыльная степь, и лишь бараки и халупы, покрытые дерном» [1, с. 5, 17]. В архивных документах 1929–1932 годов нет названия «Магнитогорск», везде встречается слово «Магнитострой». Что же такое «Магнитострой»? Изначально Магнитострой — это совокупное понятие возведения Магнитогорского металлургического завода и прилегающего к нему города. Только к 1932 году можно стало разделить руководство завода и города. Магнитогорский городской Совет был создан на территории заводского строительства в августе 1930 года. Для него был выделен отдельный барак. В начале августа 1930 года состоялись выборы, председателем президиума горсовета стал Николай Дмитриевич Бусыгин.

Конечно, основные усилия были направлены на возведение металлургического завода. В середине 1930-х годов возглавлявший Магнитострой Я. С. Гутель писал: «Считалось даже “неприличным”, “несоциалистичным” уделять в такое время слишком много внимания личным удобствам. Это притупляло наше внимание к тому, что являлось важнейшей предпосылкой успешной борьбы на тягчайшем участке» [10, с. 81]. Первые жилые по-

Мартен. Формовка изложниц

стройки возводились первоначально без утвержденных планов. Это была так называемая «селитба при производстве», которая обеспечивала расселение в промышленной зоне определенного количества трудоспособного населения. Поэтому изначально город напоминал группу рабочих поселков, каждый из которых находился рядом с тем или иным предприятием. Вплоть до 1940 года город строился без генерального плана. Такое положение дел объяснялось тем, что необходимо было построить «первый в СССР чисто советский город», а следовательно, планы постройки первенца вызывали многочисленные дискуссии. В январе 1930 года СНК РСФСР был объявлен конкурс на эскизные проекты Магнитогорска, а спустя полгода на Магнитострой прибыла комиссия, в составе которой находились архитектор С. Чернышев и немецкий архитектор Эрнст Май. В силу того что Чернышев отказался от реализации собственного проекта (он был разработан без учета местности), свой архитектурный замысел (создание огромного рабочего поселка в Магнитке) начал реализовывать Май. Капитальное строительство в городе началось 5 июля 1930 года с закладки первого дома по улице Пионерской. Реализация плана немецкого архитектора ограничилась постройкой 1-го и 2-го кварталов на левом берегу реки Урал. В конце 1933 года вышло постановление о переносе строительства города на правый берег Урала [21, с. 12].

Социалистический город был мечтой о лучшем образе жизни, всеобщей грамотности, здоровье, справедливости, изобилии и счастье. Что-то в этих

планах было недостижимым, для чего-то не хватало материальных ресурсов, что-то требовало многолетних усилий [26, с. 52–74]. Город возводился слишком стремительно: «...в нем не было стилей, обычаев, монументов, векового национального запаха», в нем не было вековой традиции.

«И каждый танк второй тогда был родом из Магнитки...» [19, с. 187]

22 июня 1941 года стало черным днем для каждого советского человека. Раннее воскресное утро, которое должно было принести долгожданный отдых после тяжелой трудовой недели, стало началом самой разрушительной войны за всю историю человечества. С началом Великой Отечественной войны на комбинат ложилась большая ответственность. Немецкими войсками в короткие сроки была захвачена обширная территория СССР, где до войны производилось 68 % всего выплавлявшегося

Первый броневой лист, произведенный на блюминге. Июль 1941 года

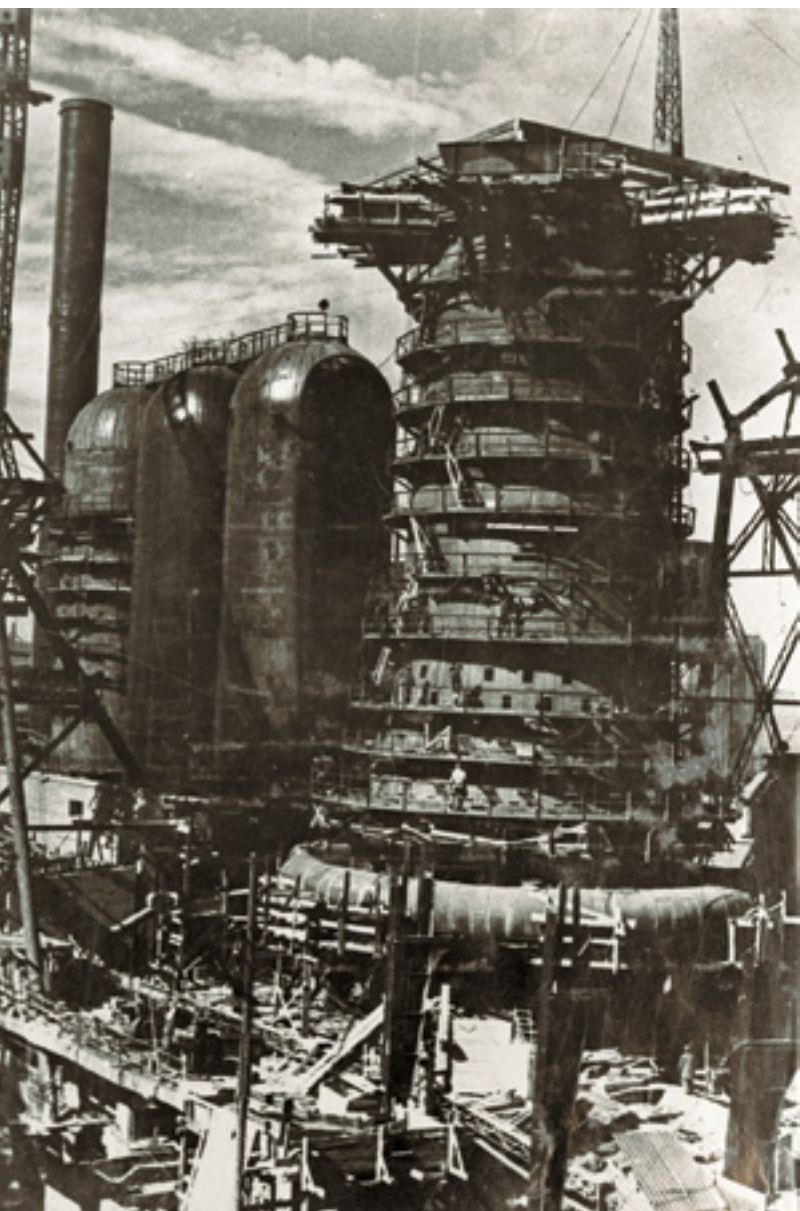

в СССР чугуна и 68 % всей выплавлявшейся стали. Урал в целом и Магнитогорск в частности стали территорией глубокого тыла.

Накануне войны Магнитогорский комбинат был самым крупным металлургическим предприятием отрасли. Здесь действовали четыре доменные печи, коксохимический завод, несколько прокатных станков. Комбинат производил 1,6 миллиона тонн стали, выпускал свыше одного миллиона тонн проката в год. К началу Великой Отечественной войны комбинат еще не вышел на проектную мощность. Он строился, расширялся и ассортимент производства. В 1940 году в условиях начавшейся мировой войны производственный план был выполнен комбинатом только на 96,7 % (по руде — на 103,6 %, по выплавке чугуна — на 98,7 %, по выжигу кокса — на 93,6 %, по выплавке стали — на 91,7 %, по прокату — на 85,8 %), удельный вес качественного металла составил 29,3 % (в 1939 году — 23,2 %) [37].

Директор комбината Г. И. Носов в своем докладе о работе предприятия отметил: «Замечательный комбинат, прекрасные люди, но пока еще мало организации, низка культура производства». Война потребовала коренным образом изменить структуру производства металла, резко увеличить удельный вес легированной стали в общей ее выплавке и сменить сортамент проката.

23 июня 1941 года началась мобилизация на фронт. Но в Магнитогорске, как и в других промышленных центрах, промышленные предприятия которых работали на оборону, ситуация была особой. Непрерывное снабжение фронта оружием требовало сохранения на промышленных предприятиях костяка квалифицированных кадров. Для этого применялось бронирование, которому подлежали рабочие с 3-го разряда и выше и инженерно-технические работники независимо от воинских специальностей, работающие на пред-

Девушка-токарь за работой

Шестая доменная печь. 1943 год

приятнях оборонного значения. Несмотря на это, только с ММК ушло на фронт более пяти тысяч человек, а всего из Магнитогорска было призвано более 18 тысяч человек [21, с. 70].

Отдельного внимания заслуживает история освоения выпуска броневой стали. До войны комбинат давал преимущественно рядовые марки металла, доля качественных сталей составляла всего 12 % в общем производстве. Не было ни специалистов, владеющих технологией варки броневой стали, ни специальных печей и прокатных станков. Большой вклад в решение этой задачи внесли директор комбината Г. И. Носов, инженеры В. А. Смирнов, Е. И. Левин, Н. Г. Вергазов, мастер М. М. Хилько, сталевар Д. П. Жуков. 23 июля 1941 года 185-тонная мартеновская печь № 3, переделанная в «кислую», выпустила первую плавку броневой стали.

Но производство броневой стали составляло лишь полдела — фронту нужен был броневой лист.

Решением ЦК ВКП(б) в Магнитогорск был перебазирован самый мощный в СССР толстолистовой броневой прокатный стан с Мариупольского завода имени Ильича. Его, за неимением специального цеха и отсутствием времени на его строительство, решили разместить на блюминге. Это было не просто смелое, а ошеломляющее решение, некоторые склонны были считать его авантюрой, предрекая большие поломки оборудования. Тем не менее, 28 июля 1941 года был прокатан первый броневой лист. Фронт получил магнитогорскую броню на полтора месяца раньше срока, установленного правительством. За этот научный и трудовой подвиг 14 работников комбината были награждены орденами и медалями Советского Союза [47, с. 377].

Огромное значение в годы войны имела эвакуация предприятий тяжелой промышленности на Урал. В Магнитогорск по решению Совета по эвакуации и Государственного комитета обороны

направлялись 34 предприятия тяжелой промышленности, из которых прибыли 23 [21, с. 145]. География городов, откуда шли эвакуоэшелоны, была обширна: Москва, Ленинград, Тула, Липецк, Днепрпетровск, Днепродзержинск, Кривой Рог, Запорожье, Никополь, Мелитополь, Северо-Донецк

и т. д. Эвакуированное оборудование стало поступать в город в июле — сентябре 1941 года. В результате бомбежек и в виду дальности пути часть оборудования прибыла без всякой упаковки. На складе отдела технического оборудования комбината и просто вдоль железнодорожных путей ле-

Комсомольская дом-на № 2

Памятная чугунная отливка
в честь первого чугуна

из доменной печи № 6
25 декабря 1943 года

жали волочильные станы, краны и другие узлы. Были зафиксированы факты хищения ценного оборудования, из-за нехватки площадей нарушались правила его хранения. Разгружать прибывшие эшелоны приходилось в основном вручную, для чего требовалось много рабочей силы, которой не хватало. Проблема размещения эвакуированного оборудования была решена в Магнитогорске следующим образом: основная часть (80 %) влилась в структуру действующего производства, оставшееся оборудование было направлено на строительство Магнитогорского калибровочного и Магнитогорского метизного заводов.

Комбинат во время войны стал одним из крупнейших арсеналов по снабжению армии боеприпасами и вооружением. В основном механическом цехе, ранее выполнявшем заказы для проведения ремонтных работ, теперь около двух третей станков изготавливали снаряды. В фасонно-сталелитейном цехе стали отливать башни для танков, в кузнечном делали детали для мин, в электроремонтном изготавливали ручные гранаты, в бытовках мартеновских цехов разместились станки новотокарного цеха, на небольшой площадке рядом с котельно-

ремонтным работал тарный цех. Часто упаковщицы боеприпасов писали на ящиках: «Дорогие бойцы! Шлем гостинцы. Бейте гадов!» Такие пустые ящики возвращались в цех и на них было написано: «Били и будем бить гадов, только побольше бы таких посылочек».

В течение 1941–1945 годов в Магнитогорске было введено в строй пять новых заводов, построены две доменные, пять мартеновских печей, четыре коксовые батареи, среднелистовой стан, фасонно-вальце-сталелитейный цех и др.

Именно в 1941–1945 годах был построен комбинат с законченным металлургическим циклом. Магнитогорские рабочие дали стране 10 миллионов 175 тысяч тонн чугуна, 11 миллионов 120 тысяч тонн стали, 7 миллионов 276 тысяч тонн проката.

К концу 1941 года ММК выпускал более ста видов оборонной продукции, в том числе броневой лист, снарядную сталь, литые броневые башни для танков КВ, корпуса авиабомб, мин, реактивных снарядов, ручных гранат, бандажную и танковую полосы для танков. Каждый третий снаряд и броня каждого второго танка были сделаны из магнитогорской стали [21, с. 5].

Выполняя заказы оборонной промышленности, Магнитогорский комбинат за годы войны освоил производство ста новых марок стали и довел удельный вес качественных и легированных сталей в общей их выплавке до 83 % (до войны доля качественного и легированного металла на комбинате составляла 12 %). Американский историк М. Вернер в книге «Восточный фронт» писал: «Весь мир является свидетелем драматической борьбы магнитогорского металла с металлом всей Европы, мобилизованным Гитлером для ведения войны на Востоке». Магнитка победила Рур — главный металлургический центр Германии. В 1943 году за образцовое выполнение заданий ГКО по обеспечению военной промышленности качественным металлом комбинат был награжден орденом Ленина, а в марте 1945 года — орденом Трудового Красного Знамени [6, с. 82–83].

Главный ресурс

Быть руководителем в военное время — это значит ежедневно решать сложнейшие задачи, не иметь права на отдых, быть жестоким и человечным одновременно, нести личную ответственность за каждое порученное дело. Жесткая централизация, деятельность трибуналов, мобилизационные методы были повседневной практикой. Совещания, проводимые в 2–3 часа ночи, были не редкостью, а нормой. Бесспорно, уникальным руководителем был директор ММК Григорий Иванович Носов (1940–1951). Он первым заговорил и поверил в то, что в Магнитогорске можно плавить не только «мирные» марки стали — для каркасов домов и заводов, деталей машин и т. д., — но и высококачественную сталь для нужд фронта. В критические военные дни именно благодаря его способности принимать решения и брать ответственность на себя ММК стал основным поставщиком броневой стали. Носов обладал не узкотехническим, а стратегическим мышлением. За проблемами производственными он всегда видел (даже в тяжелейших условиях войны) проблемы города, проблемы людей. Достаточно вспомнить его заботу о молодых кадрах, решение строить жилую часть города на правом берегу реки Урал, идею создания плодово-ягодного сада и др.

В военной истории комбината неопределима роль инженерно-технических работников и ученых. С началом войны в связи с эвакуацией в городах Урала сосредоточились значительные силы работников различных отраслей науки и техники. Для обеспечения координации и эффективности их деятельности при горкоме партии был создан Комитет ученых помощи фронту, в первый его состав вошли 15 человек, среди них — ученые из различных научных учреждений, инженеры Магнитогорского металлургического комбината, представители войсковых частей. Председателем комитета утвердили главного инженера ММК Г. Ф. Михалевича, заместителями — академика-рентгенолога по металлу Курдюмова и генерал-майора танковых войск Борзикова.

С началом войны остро встала проблема обеспеченности комбината рабочими кадрами. На 20 июня 1941 года на комбинате трудились 22 тысячи 470 че-

Г. И. Носов

ловек. Трудовые коллективы промышленных предприятий в годы войны были представлены: квалифицированными рабочими-магнитогорцами, получившими бронь; эвакуированными специалистами; женщинами-домохозяйками; выпускниками реальных училищ и школ фабрично-заводского обучения, подростками и пенсионерами. Использовался труд рабочих трудовых колонн и заключенных исправительно-трудовой колонии. Наибольшим злом, мешавшим решению кадровой проблемы в годы войны, являлись прогулы и опоздания на работу, самовольные уходы трудящихся с предприятий. В целях закрепления кадров в ведущих отраслях индустрии Президиум Верховного Совета СССР выпустил 26 декабря 1941 года указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Самовольно ушедшие приравнивались к дезертирам и подвергались тюремному заключению на срок от пяти до восьми лет. Чаще всего причинами прогулов были отсутствие теплой одежды и обуви, болезнь, чрезмерная усталость, истощение вследствие потери продуктовых карточек и т. п.

Но большая часть работников комбината немало перевыполняла нормы. В 1941 году средний показатель выполнения норм составлял 129,9 %, в 1943 году — 132,3 %, в 1944 году — 134,7 %.

В 1944 году на комбинате было 298 комсомольско-молодежных бригад, из них 112 имели звание фронтовых. Кстати, для получения звания «фронтальная бригада» все ее члены должны были выполнять норму на 150 % и более и давать продукцию только высокого качества. Лучшие рабочие чаще всего награждались не денежными премиями, а материальными подарками, что в условиях дефицита обуви и одежды было просто бесценно.

«Культурным цехом магнитогорского комбината» называли горожане Магнитогорский драматический театр имени А. С. Пушкина. На одном из заводских митингов, где актеры выступали в концерте, был заключен своеобразный договор со строителями: «Если домна будет закончена в срок, то театр обязуется поставить спектакль о строителях этой домны». И вот в день первой плавки на домне многие из работников комбината, вечером придя в театр, узнавали себя в героях нового спектакля «Этих дней не смолкнет слава». Сценарий к спектаклю написали магнитогорские авторы Г. Татьяничева и Н. Смелянский. В первом номере газеты «Магнитогорский рабочий» за 1944 год под

рубрикой «Гвардейцы сталинской Магнитки» один из дружеских шаржей был посвящен Льву Михайловичу Прозоровскому:

Как юноша в свой труд влюбленный,
Создать спектакль он слово дал,
Где героиней будет домна,
Героем — огненный металл [25].

Таким образом, строительство и производственная деятельность Магнитогорского металлургического комбината всегда привлекали внимание поэтов, писателей, журналистов, ученых. Историческое предназначение и своеобразие Магнитки проявилось в создании промышленного предприятия — «стального сердца России», — играющего и сегодня ведущую роль в металлургической отрасли экономики страны. На него оказали влияние, по мнению авторов, несколько факторов: завод и город создавались практически на пустом месте, что приводило к дополнительным техническим сложностям; первостепенным в планах строительства было возведение металлургического предприятия,

то есть города-завода, что предопределило монопромышленный характер города в будущем. Создание города несло огромную идеологическую нагрузку: это была попытка воплотить идею «социалистического города» будущего, доказать превосходство социалистической системы над капиталистической.

Социальные, национальные, конфессиональные, ментальные характеристики рабочей силы, определившей впоследствии «костяк» населения города, были крайне разнообразны и противоречивы. Многие первостроители искренне верили в идеалы нового социалистического государства, жили не столько ради себя, сколько для будущих поколений, мужественно и стойко переносили невзгоды и трудности; что проявилось в массовом героизме.

Сегодня ММК по-прежнему является ведущим предприятием города. В структуре отгрузки обрабатывающих производств Магнитогорска в 2015 году основную долю (87,7 %) занимает металлургия. Доля ОАО «ММК» в общем объеме производства города за 2015 год составила 74,5 % (421,6 миллиарда рублей) [23]. Удельный вес ОАО «ММК» в общем производстве металлопродукции в России за 2016 год составил 18,1 %. Магнитка остается лидером среди российских металлургических компаний по производству горячекатаного и оцинкованного проката, белой жести. На долю комбината приходится около трети российского производства холоднокатаного проката и около четверти проката с полимерным покрытием [24, с. 8].

Течет металл. Магнитка

Список литературы

1. Авдеенко А. О. Свидание с Магниткой. М. : Совет. Россия, 1975. 96 с.
2. Баженова А. Е., Чернова Н. В. Райское житье. Оправдали бы заморские гости расходов: жилищные перипетии иностранных специалистов и рабочих на Магнитострое // Проблемы рос. истории. 2012. № 1 (11). С. 379–389.
3. Баранов А. Магнитогорская плотина. М. ; Свердловск : ОГИЗ, 1931. 1937 с.
4. Булатов Б. Н., Геккер Г. П. Магнитогорск. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1931. 104 с.
5. Ворошилов А. Победа за человеком. М. : Профиздат, 1931. 47 с.
6. Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. М. : Мысль, 1978. 251 с.
7. ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 4055. Л. 2–12.
8. Там же. Ф. Р-1235. Оп. 109. Д. 50. Л. 30.
9. Там же. Ф. Р-5674. Оп. 3с. Д. 18. Л. 40.
10. Гутель Я. С. Слово о Магнитке. М., 1979. С. 81.
11. Ессяк П. В боях за Урало-Кузбасс : докл. на втором пленуме ЦК ВЛКСМ. М. : Молодая гвардия, 1931. 113 с.
12. За власть Советов! : сб. воспоминаний / под ред. В. Е. Титова. М. : Моск. рабочий, 1977. 312 с.
13. Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М. : Собрание, 2004. 296 с.
14. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : док. и материалы : в 7 т. Т. 5. Спецпоселенцы в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. 824 с.
15. Исапов Г. И. Черная металлургия Челябинской области: современное состояние и перспективы развития. Челябинск : Челябиноблгосиздат, 1936. 215 с.
16. Колокольцев В. М., Филатов В. В. Магнитка. Сталь и люди // Черные металлы. 2016. № 7. С. 60–68.
17. Краеведение. Магнитогорск. 9–11 кл. : учеб. для осн. шк. / под ред. М. Г. Абрамзона, М. Н. Потемкиной. Челябинск : Абрис, 2012. 192 с.
18. Кучер В. Н. Магнитка — это навсегда : в 2 ч. Ч. 1. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. 284 с.
19. Лозневой А. Танк Победы // Давно и недавно. Магнитогорск, 1998. 269 с.
20. Люгарин М. М. Лирика моих лет. М. : Совет. Россия, 1975. 88 с.
21. Магнитки и Победа : науч.-публицист. изд., посвящ. 65-летию Великой Победы / под ред. М. Н. Потемкиной. Магнитогорск : ПР-Капитал, 2010. 200 с.
22. Магнитогорск довоенный. 1929–1941 гг. : сб. док. и материалов / под ред. Н. Н. Макаровой, Н. В. Черновой. Магнитогорск, 2010. 359 с.
23. Магнитогор. металл. 2016. 2 февр.
24. Магнитогорский металлургический комбинат: годовой отчет. 2016. 87 с.
25. Магнитогор. рабочий. 1944. 1 янв.
26. Макарова Н. Н. «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации : сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Магнитогорск, 10–11 дек. 2010 г. / под ред. Н. Н. Макаровой, Н. С. Фроловой. Магнитогорск, 2010. С. 52–74.
27. Макарова Н. Н., Чернова Н. В. Советские граждане и иностранные специалисты: социально-бытовые условия в новом индустриальном центре (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 174–183.
28. Маленький А. Магнитогорск: Каким будет Магнитогорский металлургический комбинат. М. ; Л. : Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. 41 с.
29. Машковцев В. История Магнитки [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/m/mashkowcew_w_i/istoriamagnitki.shtml
30. МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.
31. Там же. Ф. 99. Оп. 8. Д. 111.
32. Там же. Д. 279. Л. 18–19.
33. Там же. Д. 37, 633, 765.
34. Там же. Д. 524.
35. Там же. Д. 601.
36. МГА. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–3 об.
37. ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 14. Д. 54. Л. 1–39.
38. Панфилов А., Прохоров А. Магнитострой. Магнитогорск : Магнитострой, 1931. 39 с.
39. Песков В. Путешествия с молодым месяцем. М. : Молодая гвардия, 1969. 416 с.
40. Потемкина М. Н. Режимные люди в пространстве соцгорода: особенности опыта выживания // Проблемы российской истории. Вып. 13. Магнитогорск : Магнитог. Дом печати, 2015. С. 335–345.
41. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 171.
42. Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 80. Л. 74–76.
43. Рудин М. Героические дни Магнитогорска. Очерки о героях Магнитостроя. М. ; Свердловск : ОГИЗ, 1931. 86 с.
44. Сказинский Б. Магнитогорский гигант имени тов. Сталина. М. ; Свердловск : Госиздат, 1930. 112 с.
45. Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали : пер. с англ. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 304 с.
46. Терехов В. С Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург : УрО РАН, 2003. 243 с.
47. Челябинская область за 40 лет Советской власти : сб. ст. / Н. И. Горшенев, Ф. М. Шишкалов и др. Челябинск : Челябин. кн. изд-во, 1957. 675 с.
48. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley : University of California Press, 1995. 639 p.

А. И. СЫСОВ.
**СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО УРАЛА**

Советская модернизация является примером одной из самых масштабных попыток переустройства общества за всю историю человечества. Центральное место в этих преобразованиях, наряду с коллективизацией и «культурной революцией», по праву занимает индустриализация — процесс форсированного развития промышленного потенциала СССР. Индустриализация 1930-х годов является величайшим подвигом советского народа. Именно благодаря ей страна превратилась из аграрной в по-настоящему индустриальную. Темпы роста тяжелой промышленности в годы первых пятилеток были в два-три раза выше, чем в России перед Первой мировой войной. По абсолютным объемам промышленного производства СССР в конце 1930-х годов вышел на второе место в мире после США. Сократилось отставание от развитых капиталистических стран по производству промышленной продукции на душу населения. Среднегодовые темпы роста промышленного производства были в этот период самыми высокими в мире — от 10 до 17 %. СССР превратился в страну, способную производить практически любой вид промышленной продукции и обходиться без импорта необходимых товаров. Созданный в те годы экономический потенциал позволил накануне и особенно в годы войны развернуть многоотраслевой военно-промышленный комплекс, продукция которого по

своему качеству часто превосходила лучшие мировые образцы.

В народнохозяйственных планах 1920–30-х годов экономическому развитию Уральского региона уделялось большое внимание. Уже первым пятилетним планом развития народного хозяйства предусматривалось значительное развитие промышленности на востоке и превращение Урала в «срединную индустриальную базу Союза». Как отмечалось в решениях XVI съезда ВКП(б), «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири» [12, с. 441–442]. Для этого в регионе намечалось широкое развитие добывающей, металлообрабатывающей, машиностроительной промышленности, электроэнергетики. Еще в 1927 году правительство СССР утвердило «Генеральный план хозяйства Урала» — план развития Урала, рассчитанный на пятнадцать лет. Этот план предусматривал: во-первых, реконструкцию старых заводов на базе новой техники; во-вторых, строительство новых предприятий и создание новых отраслей; в-третьих, создание индустриальной базы для сельского хозяйства; в-четвертых, создание оборонной промышленности. При этом основное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности,

а основное производство должно было концентрироваться на крупных заводах. Эти идеи получили развитие в первом пятилетнем плане, одобренном в мае 1929 года на V съезде Советов. Согласно этому документу, Урал должен был стать крупнейшим индустриальным регионом страны с преобладающей ролью металлургии, металлообработки, машиностроения, химической промышленности [9]. За годы пятилетки здесь планировалось построить 148 промышленных предприятий. Сумма капитальных вложений в народное хозяйство Уральской области должна была составить более трех миллиардов рублей, или 13 % капитальных вложений всей страны. Урал выдвигался на второе место среди экономических районов, а по вложениям в новое строительство — на первое. Особая роль в ходе индустриализации отводилась Южному Уралу, так как именно он должен был стать ведущим звеном второй угольно-металлургической базы страны. Ее создание было связано с решением так называемой Урало-Кузбасской проблемы. Идея соединения магнитогорской руды и кузбасско-

го угля в едином промышленном комплексе возникла еще в конце XIX — начале XX века. Однако к практической ее реализации страна приступила только во второй половине 1920-х годов, после того как было принято решение о строительстве Магнитогорского металлургического завода, который вскоре превратился, по словам народного комиссара тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, в «знамя страны». И хотя действительно успех индустриализации на Южном Урале во многом был связан с необходимостью разработки рудных запасов горы Магнитной, однако данное направление промышленного строительства было далеко не единственным в нашем крае.

Особое внимание следует уделить процессу индустриализации в горнозаводской зоне Южного Урала, так как он обладал здесь целым рядом специфических особенностей. К этому времени этот регион уже более двухсот лет был одним из важнейших промышленных центров страны. После окончания Гражданской войны заводы Южного Урала, в значительной степени разоренные, прак-

Рабочие Юрюзанского леспромхоза. Фото из коллекции Л. Н. Сурина

тически сразу были национализированы и подчинены Уфимскому губернскому СНХ и находились под непосредственным контролем Уралпромбюро и его Бакальского районного управления [10, с. 29]. В период нэпа (1921–1926) вокруг заводов работали также небольшие мастерские, изготавливавшие сельскохозяйственные орудия: лопаты, вилы, косы, молотилки, плуги, бороны и т. д. Власти разрешали кооперативным объединениям и отдельным лицам создавать частные заведения с небольшим количеством рабочих и служащих — «в числе не более 20 человек при механическом двигателе и 40 человек без двигателя». Например, в Катавском районе действовали фабрика металлических изделий и две механические мастерские. В самом Катав-Ивановске находилось управление этими мастерскими и фабрикой Уфимского губернского совнархоза. Хотя создание мастерских и организация их работы, с производственной точки зрения, было шагом назад в развитии металлургической и металлообрабатывающей промышленности Южного Урала, однако их деятельность помогла пережить сложные послевоенные годы, удержать рабочих при заводах, прокормить сотни семей в рабочих поселках. В целом на Южном Урале «начало нэпа отнюдь не ознаменовалось оздоровлением промышленной ситуации в регионе... Восстановление уральской промышленности растянулось до второй половины 20-х годов. Лишь в 1926/27 хозяйственном году был достигнут объем продукции 1913 года» [11, с. 163].

В 1921 году в ходе реорганизации управления промышленностью вопросы общего экономического регулирования перешли от ВСНХ к Совету труда и обороны и местным органам. В мае 1922 года был создан синдикат «Уралмет» с главным офисом в Москве, объединивший снабженческо-сбытовую деятельность всей металлургической и горнодобывающей промышленности Урала. С ноября 1921 года в уральской промышленности началась организация трестов по системе старых горнозаводских округов. В августе 1922 года создан металлургический и металлообрабатывающий «Южно-Уральский горно-заводской трест» («Южурал»), сыгравший огромную роль в восстановлении и технической реконструкции всех заводов

Южного Урала. Трест «Южурал» создавался под общим управлением ВСНХ, непосредственном ведении Уралбюро и под контролем СТО РСФСР. Правление треста располагалось в Златоусте. К тресту «Южурал» отошли все заводские рудники, в том числе Бакальский и рудники бывших Симского и Катав-Ивановского горнозаводских округов, все пристани и баржи, Белорецкая узкоколейная железная дорога, все совхозы с земельными угодьями. Основной капитал треста оценивался в 50 миллионов, оборотный — более чем в 35 миллионов в золотых рублях. Златоустовский металлургический и металлообрабатывающий трест «Южурал» объединил свыше двадцати значимых для страны промышленных предприятий. Именно в составе этого треста и подошли к началу индустриализации заводы горнозаводской зоны, составлявшие в то время основу промышленного потенциала нашего региона. Совершенно естественно, что эти предприятия не остались в стороне от решения важнейших задач первого пятилетнего плана. Однако решать эти задачи предприятиям горнозаводской зоны пришлось в новых социально-экономических условиях, оказавших серьезное влияние на место и роль горнозаводского края в процессе модернизации. Важнейшими факторами, создавшими эти условия, являлись:

1) наличие в регионе большого количества «старых» промышленных предприятий. Не случайно основное внимание при проведении здесь индустриализации было уделено реконструкции и переоборудованию старых промышленных предприятий, оснащение их более передовой техникой и переводу на более современную технологическую основу (причем достаточно часто местные заводы получали оборудование, снятое с более значимых, по мнению правительства, предприятий, взамен получивших новое, как это, например, было на Юрюзанском заводе, получившем в 1931 году паровые машины с Волховской электростанции из-под Ленинграда [10; 15]). В условиях, когда основную ставку при проведении индустриализации правительство делало на строящиеся гигантские предприятия (на Южном Урале это, прежде всего, Магнитогорский металлургический завод и Челябинские предприятия — ЧЭМК, ЧТЗ и др.), а на

территории горнозаводской зоны в ходе первых пятилеток гигантских предприятий построено не было, то соответственно здешние предприятия финансировались и оснащались по остаточному принципу, что приводило к замедлению темпов их развития;

2) перенос промышленного центра Южного Урала из горнозаводской зоны в район Челябинска и Магнитогорска. В результате горнозаводская зона фактически оказалась на периферии большой промышленной политики и не смогла в тот момент полностью использовать огромный потенциал, который был заложен в ней изначально;

3) превращение горнозаводского Урала во второй половине 1920 — 1930-е годы в экспериментальную площадку, где отрабатывались новые методы хозяйствования, характерные для мобилизационного типа экономики, что порой приводило к ломке старых традиций и дисбалансу в сфере социально-экономических отношений;

4) радикальный отказ от прежней системы управления (то есть ликвидация системы горнозаводских округов), которая достаточно успешно действовала более 150 лет и сыграла значительную роль в восстановлении разрушенных в ходе Гражданской войны заводов, но в новых условиях, по мнению советского руководства, сдерживала эффективное развитие уральской промышленности.

В силу указанных причин горнозаводской Урал не смог в полную силу участвовать в создании Урало-Сибирского промышленного комплекса, постепенно начал сдавать свои позиции и играл уготованные ему центральным правительством второстепенные роли. Но в то же время нельзя не отметить и тот факт, что, как и по всей стране, 1930-е годы в горнозаводской зоне стали временем масштабных преобразований в промышленности, сельском хозяйстве, культурной и идеологической сфере. Индустриализация привела к значительным изменениям в структуре производства, его частичному перепрофилированию. Например, в Катавском районе, одном из самых крупных в горнозаводской зоне Южного Урала, здешние заводы были в значительной степени перепрофилированы и отошли от традиционной деятельности — плавки чугуна и производства различных

сортов железа и стали (например, на Юрюзанском заводе основным стало подковное производство, на Катав-Ивановском все большее значение приобретало производство цемента, на Усть-Катавском наращивалось производство железнодорожных вагонов и платформ, а также началось становление трамваестроения). Причем в реконструкцию каждого из этих заводов было вложено в среднем по 2–4 миллиона рублей, которые были потрачены в основном на приобретение станков и оборудования [10, с. 72]. При этом предприятиям района пришлось столкнуться с множеством общих серьезных проблем, многие из которых так и не были решены вплоть до начала войны:

1) крайняя ограниченность энергетической базы, что не давало возможности устанавливать дополнительное оборудование, механизировать труд, применять электросварку и другие передовые разработки. Многие в энергетической системе уральских заводов было унаследовано еще с дореволюционных времен и уже не отвечало современным требованиям и стремительно возростающим объемам производства;

2) слабое развитие транспортного хозяйства (основным транспортом еще долгое время по-прежнему оставался гужевой);

3) топливная проблема (поставки угля осуществлялись с большими перебоями, к тому же уголь зачастую был крайне низкого качества). Попытки хотя бы частично компенсировать недостаток привозного угля путем использования местного топлива (торф, горючие сланцы) не давали нужного результата. Поэтому основным видом топлива на заводе оставались дрова, заготовкой которых занималось все трудоспособное население. Кроме того, на заготовку дров от каждого цеха выделялись специальные группы рабочих, которых отвлекали от основных занятий;

4) сбои в работе изношенного оборудования, которое (с учетом того, что приоритетному снабжению новым оборудованием подлежали гигантские стройки, а местные заводы к таковым не относились) обновлялось нечасто;

5) недостаток квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, усугублявшийся большой текучестью кадров (до 12% в год);

6) периодические простои участков, цехов, связанные с недостаточным снабжением заводов комплектующими деталями, металлом смежными предприятиями;

7) плохое снабжение рабочих продовольствием и спецодеждой;

8) многочисленные и порой непродуманные реорганизации, существенно снижавшие потенциал предприятий;

9) репрессии 1930-х годов (помимо того что было арестовано большое количество квалифицированных специалистов, репрессии посеяли среди людей страх, который сковывал инициативу, в результате производство вместо динамично развивающегося становилось инертным и неповоротливым).

В то же время центральные и региональные власти предпринимали попытки воплотить в жизнь в горнозаводской зоне Южного Урала ряд амбициозных проектов, которые в случае их успешной реализации могли упрочнить позиции нашей области как второго по значению промышленно-экономического района Советского Союза. К числу этих, так и не реализованных проектов относятся, например, планирование строительства в Катавском районе металлургического завода «Бакал-гигант», а также попытка создания в Златоустовском округе лесохимической промышленности — отрасли, которая на тот момент была новой для нашего региона.

Планирование строительства Бакальского металлургического завода — это фактически попытка расширить уральскую угольно-металлургическую базу за счет старых, уже разведанных ресурсов (Бакальское рудное месторождение, которое должно было стать основной рудной базой завода, эксплуатировалось с середины XVIII века). Предполагалось, что будущий Бакальский металлургический завод должен будет в 1934–1935 годах (первая очередь) выплавлять 1300–1400 тысяч тонн. К концу второй пятилетки (1936–1937) производительность завода должна была быть доведена до 4500 тысяч тонн чугуна. При программе выплавки чугуна 2500 тысяч тонн выпуск мартеновского металла был запроектирован в 3200 тысяч тонн, из которых в фабрикатах и полуфабрикатах завод должен был выдавать на рынок до 3000 миллионов тонн

Строительная бригада

[1]. Для этого заводу, по предварительным расчетам, потребовалось 218 миллионов киловатт-часов электроэнергии. Поэтому предполагалось возведение электростанции мощностью 26 тысяч киловатт зимой и 21 тысяча киловатт летом. Эти отправные и контрольные параметры размеров и характера производства будущего завода предписывались отделом перспективного планирования треста «Востокосталь», к которому и должен был в дальнейшем относиться вновь построенный завод.

Основным назначением Бакальского металлургического завода должен был стать выпуск качественного металла, предназначенного главным образом для удовлетворения потребностей тракторо-, авто-, станко- и машиностроения. Кроме того, здесь же предполагалось наладить выпуск специализированной стали для оборонной промышленности [8, с. 40]. Первоначально разработкой проекта завода занимался Уралгипромез, управление которого находилось в Свердловске, а затем его разработка была передана ленинградскому Гипромезу [Там же]. Кроме того, «руку на пульсе» держали Катавский райисполком и Златоустовский окружной исполком. Непосредственно изыскательными работами, в частности в горнозаводской зоне, с декабря 1929 года занималась Бакало-Катавская геологоразведочная партия [2]. Этому предшествовал выход Постановления ЦК ВКП(б) от 15 мая 1929 года о необходимости обеспечения условий для начала строительства Бакальского

металлургического завода [13]. Бакальский завод должен был стать одним из величайших мировых гигантов по выработке высококачественных сталей, оборудованным на основе последних достижений мировой металлургической техники. Общая стоимость всей продукции завода предполагалась выше стоимости продукции вместе взятых Магнитогорского, Кузнецкого и Ново-Тагильского заводов. Таких заводов и таких цехов, которые проектировались для Бакальского завода, на тот момент нигде в мире не было [8, с. 40–41].

Изыскательские работы на Южном Урале, связанные с поиском оптимальной площадки для размещения этого металлургического завода-гиганта велись по трем направлениям — существовали так называемые челябинский вариант изысканий, курганский вариант и юрюзанский вариант, включавший изыскательские работы не только в окрестностях Юрюзанского завода, но и в других районах горнозаводской зоны (Тундуш, Сулея и др.).

Решение вопроса о месте расположения завода вновь натолкнулось на знаменитую урало-кузбасскую проблему, суть которой заключалась в наиболее эффективном и экономически выгодном соединении уральской руды и кузнецкого угля. В данном случае юрюзанский вариант делал более дешевой доставку к заводу бакальской руды, но в то же время доставка угля становилась дороже. В случае выбора челябинского или курганского вариантов ситуация менялась с точностью до наоборот. И все-таки, произведя анализ всех поступивших сведений и сделав необходимые расчеты, Уралгипромез остановил свой выбор именно на окрестностях Юрюзани. Это получило отражение в документах, направленных 12 мая 1930 года в Катавский райисполком, где были отражены предварительные итоги изысканий: «Имеющиеся к настоящему моменту сведения дают возможность называть местом расположения будущего Бакальского металлургического завода район треугольника Бакальского рудного месторождения: Тундуш — Сулея — Юрюзанский завод. Все эти три пункта по-существу являются пунктами расположения завода на руде и выбор одного из них скорее определяется не транспортными показателями, а условиями возможности обеспечения постройки

и эксплуатации завода (наличие необходимой площадки, достаточного количества воды и т. д.). Более уверенно вероятным расположением завода называется район Юрюзанского завода, однако районы ст. Тундуш и район ст. Сулея также рассматриваются» [1].

В то же время районным властям предписывалось к началу 1931 года завершить изыскания. Кроме того, используя прежде всего местные ресурсы, следовало решить вопрос о кадрах. Для этого нужно было организовать систему укомплектования штатов будущего строительства, учредить строительный техникум в Катав-Ивановске и систему фабзауча в Юрюзани. К весне 1931 года требовалось окончательно решить вопрос с проектированием города и сдать проект Уралместхозу. Летом 1931 года надлежало провести железнодорожные изыскания, определить постоянные и временные пути сообщения, а также выполнить и утвердить окончательный проект завода, для того чтобы осенью можно было приступить к заготовке строительных материалов и возведению нескольких кирпичных и бетонных заводов, а затем — к прокладке подъездных путей и частичной постройке города. Одновременно следовало увязать экономические и сырьевые вопросы в масштабе района постройки и Урала в целом [3].

Однако этим планам не суждено было сбыться. 29 сентября 1930 года правление «Новостали», созданной специально для строительства новых металлургических заводов, постановило передать составление проекта завода ленинградскому Гипромезу, руководство которого отдало предпочтение челябинскому варианту. Однако после того как на западе страны вступили в строй новые металлургические предприятия, производившие спецсталь (прежде всего в городах Электросталь и Запорожье), интерес к строительству аналогичного завода на Урале резко ослаб, и едва начавшись, строительство возле Челябинска (Першинская площадка) к 1935 году фактически полностью прекратилось [8, с. 45]. Строительство возобновилось лишь 12 июня 1941 года, за десять дней до начала Великой Отечественной войны. Для этого было организовано специальное управление «Бакалстрой» НКВД СССР, в августе 1941 года переименованное

в Челябинсталлургстрой НКВД СССР. Здесь широко применялся труд заключенных, мобилизованных в трудовую армию, а позднее и военнопленных. Уже осенью 1941 года в район стройки на Першинскую площадку стало прибывать оборудование эвакуированных заводов: из подмосковной «Электростали», Запорожья, Липецка, сталинградского «Красного Октября» и др. Широкомасштабное строительство заводских корпусов началось в марте 1942 года. 7 августа 1942 года строящееся предприятие было переименовано в Челябинский металлургический завод. 1 мая 1942 года в фундамент электроплавильного цеха был уложен первый кубометр бетона, а 19 апреля 1943 года уже выплавлен первый металл.

Однако если проект строительства в 1930-е годы гигантского металлургического завода в горнозаводской зоне так и остался на бумаге, то организовать здесь лесохимическое производство попытались на практике. Его становление связано с деятельностью Центрального организационного управления (ЦОУ). В 1932 году одно из отделений Уральского сектора этого управления разместились в Юрюзани и фактически сразу развернуло очень бурную деятельность в горнозаводской зоне: началось строительство лесохимического комбината, совхоза, начал работу Юрюзанский канифольный завод, разместившийся в бывшем помещении мельницы купцов Чумаковых [10, с. 83]. Канифольный завод только в первый год своего существования изготовил продукции на 518 тысяч рублей. Кроме канифоли завод вырабатывал терпентинное масло, мыло, колесную мазь, сургуч, лаки и др. В течение 1931–1933 годов этой организацией были полностью построены силовая станция, лесозавод, каркасный цех, кузница, олифовочный цех, бондарный цех, помещение для сушки кирпича, небольшая узкоколейная дорога. На 30 % был построен лесохимзавод, на 97 % — столярная мастерская и сушилка, на 90 % — механический цех [10, с. 83].

Центральное организационное управление вело активную вербовку рабочих, которых требовалось немало. Рабочих вербовали не только в своем округе, но и в соседней Башкирии. Всего было заложено пять строительных участков на значительном удалении один от другого. В эти годы в системе ЦОУ

работали 634 человека, для обеспечения которых продовольствием был организован совхоз. Он обрабатывал 1274 гектара посевных площадей, имел 7 тракторов, 39 сеялок, 4 молотилки и другую технику [Там же, с. 84]. С ЦОУ было связано возникшее в 1932 году на окраине поселка Вязовая Катавского района предприятие, которое в документах того времени обозначалось как «Химстрой». Уже в течение первого года здесь была построена значительная часть помещений будущего химкомбината, лесопилка, которая должна была в дальнейшем обеспечить строительство пиломатериалами, началась установка оборудования. В частности, были установлены локомобиль в 220 лошадиных сил и генератор переменного трехфазного тока напряжением 230 вольт и мощностью 60 киловатт [4]. Однако в 1933 году прекратилось финансирование строительных работ ЦОУ, а затем и других направлений его деятельности. В результате полновесная лесохимическая промышленность в Катавском районе так и не была создана, хотя отдельные ее направления существовали еще продолжительное время (действовал канифольный завод, продолжался сбор живицы). Также были свернуты и все работы в районе станции Вязовой, и к концу 1940-х годов этот недостроенный объект был передан железной дороге, где были оборудованы мастерские, занимавшиеся в том числе и деревообработкой (изготовление шпал, стройматериалов для железной дороги).

Станция Вязовая. Фото из коллекции А. И. Сысова

В целом идея создания лесохимического производства в горнозаводской зоне в начале 1930-х годов была весьма перспективной. Ее дальнейшее развитие могло стать локомотивом развития местной промышленности, способствовать более рентабельному использованию лесных ресурсов, стать показательным примером, ориентиром развития для совхозно-колхозного сектора.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что индустриализация 1930-х годов являлась величайшим подвигом советского народа. Именно благодаря ей страна превратилась из аграрной в индустриальную. На востоке страны за это время был создан второй основной угольно-металлургический центр СССР. Именно Южный Урал стал ведущим звеном второй угольно-металлургической базы страны, основной базой производства черных металлов. Челябинская область долгое время по темпам промышленного строительства опережала не только Урал, но и всю страну. Горнозаводскую зону Южного Урала также затронули эти процессы, однако основное внимание здесь было уделено не строительству новых предприятий, а реконструкции и перепрофилированию уже имеющихся. В результате индустриализация возродила к жизни разоренные дореволюционными кризисами и Гражданской войной предприятия. А вместе с ними оживилась жизнь в рабочих поселках, начался, хотя и медленный, рост благосостояния населения. Предприятиям региона пришлось столкнуться с множеством одинаковых трудностей (транспортная проблема, изношенность оборудования, слабая топливно-энергетическая база и др.), решить которые полностью так и не удалось (во многом это было связано с тем, что приоритетное финансирование получили заводы-гиганты, а остальные предприятия финансировались по остаточному принципу). К сожалению, горнозаводская зона Южного Урала оказалась на периферии большой промышленной политики и попытки развертывания здесь строительства крупных промышленных объектов (например Бакальского металлургического завода) так и остались на бумаге. Хотя фактически Горный Урал в 1930-е годы был оттеснен на второй план новыми промышленными центрами, однако именно тогда здесь были заложены

основы того промышленного потенциала, который в полной мере был реализован в годы Великой Отечественной войны.

Индустриализация привела к изменениям не только в технической сфере. Произошли масштабные преобразования в области культуры, общественных отношений, идеологии. Порой они носили очень противоречивый характер. Особенно это касается провинции, где многие экономические, политические, социальные явления протекали и протекают иначе, чем в центре, и часто воспринимаются населением совсем по-другому. В условиях тоталитарного режима здесь вырабатывалась особая стратегия выживания и адаптации, характерными чертами которой являются консерватизм общественных настроений, плохо скрываемая аполитичность, готовность имитировать необходимые для центра процессы и действия. Причины этого, по мнению И. В. Сибирякова, кроются в жестко централизованной системе управления, удаленности от альтернативных источников информации, узком круге интеллектуальной элиты, способной к выработке самостоятельных оценок и суждений, низком уровне грамотности населения [14, с. 116]. Все это в полной мере касалось горнозаводских поселков, построенных вблизи уральских заводов более ста лет назад. При этом нельзя забывать, что представлял из себя горнозаводской край в 1920-е годы: патриархальный быт, мало чем отличавшийся от дореволюционных времен, примитивная техника, гужевого транспорт. И вдруг, по словам М. А. Ананьина, одного из видных партийных и хозяйственных деятелей Челябинской области 1930-х годов, все начало меняться буквально на глазах. Появились электричество, радио, первые автомобили (хотя они по-прежнему оставались редкостью в горнозаводской зоне Южного Урала в 1930-е годы) и другие технические новшества [6, с. 20–22].

Противоречивость в восприятии происходящего в крае в эти годы в первую очередь проявилась в идеологической сфере. Нельзя забывать, что одной из главных целей, поставленных центральным партийным руководством, было воспитание нового человека, преданного коммунистическим идеям. Решить эту непростую задачу можно было только

Радиоузел. 1930-е годы. Фото из коллекции Л. Н. Сурина

в условиях монополии на массовую пропаганду, достичь которой можно было лишь после того, как будет подорвано влияние церкви в обществе.

Действия советских властей против церкви на Южном Урале порой напоминали военную спецоперацию. Например, вот как описывает закрытие церквей в Усть-Катаве М. А. Ананьин: «Из времени учебы запомнился один весенний день 1930 г. Тогда в Усть-Катаве решили покончить с религией. Нас построили и подвели к первой церкви. Там уже собралась толпа народа. С церкви сбрасывали кресты и колокола — ее закрыли. Толпа (старухи, старики) охали, стонали, молились, но все прошло четко и быстро. Потом строем пошли ко второй церкви. Там такая же толпа. И также четко все произошло. В один день церквей не стало..» [6, с. 27]. Аналогично власти действовали не только в отношении ортодоксальной православной церкви, но и в отношении старообрядческих церквей. Так, в Катавском районе Уральской области рядом с деревнями Александровской и Меседой на протяжении ста лет (с 1820-х годов) существовали старообрядческие скиты, которые на основании постановления Катавского райисполкома от 9 сентября 1932 года были принудительно закрыты: 11 сентября 1932 года — Месединский скит, а на следующий день такая же участь постигла и Александровский скит. По воспоминаниям старожилов, вооруженные люди нагрянули в Месединский скит прямо во время богослужения, всех выгнали из моленной и опечатали помещение. Все

имущество монастырей — различные вещи, сельскохозяйственный инвентарь, дома, хозяйственные постройки, скот, продовольствие — согласно протоколу заседания Катавского райисполкома от 14 сентября 1932 года, подлежало конфискации и передавалось колхозам. Изъятое продовольствие направлялось для снабжения сельских учителей, пенсионеров, семей красноармейцев [5]. Жители монастырей должны были покинуть скиты и разъехаться по местам своего прежнего жительства или к своим родственникам. Причем начальнику районного управления милиции было предписано проследить за выездом монахов из монастырей к месту постоянного пребывания.

Началась стремительная ломка старых, существовавших веками традиций, ускорился темп изменений, происходивших в мировоззрении многих южноуральцев. Особенно активно этот процесс шел в молодежной среде. Однако нужно отметить, что именно в сценах закрытия церквей, скитов и проявилось неоднозначное отношение жителей заводских поселков к действиям властей: значительная часть населения, глядя на закрытие храмов, молчаливо осуждала такую «культурную стратегию» власти. Тот же М. А. Ананьин, тогда представитель молодежи, а в будущем видный партийный работник, в своих воспоминаниях с искренней симпатией отзывался о некоторых церковных деятелях Усть-Катавского поселка [6, с. 28].

Удар по религии, безусловно, сделал в тот момент коммунистическое учение безальтернативным, что давало больше возможностей при работе с населением и, особенно, с молодежью. Повсюду создавались избы-читальни, народные дома, рабочие клубы. Проходили слеты ударников, конференции колхозников, передовиков коммунистического труда и т. д. В эти годы практически любое общественное мероприятие было буквально пропитано идеологией, будь то выступление драмкружка, субботник или лыжный пробег [10, с. 109]. Все было подчинено важнейшей цели — формированию нового социалистического общества.

Как и по всей стране, после начала индустриализации в горнозаводской зоне Южного Урала стал ощущаться дефицит квалифицированных рабочих и инженеров. Поэтому в 1930 году повсеместно

Рабочий клуб в здании бывшей церкви. Усть-Катав.

Фото из коллекции Л. Н. Сурина

У стенгазеты. Юрюзанский поселок. Фото из коллекции Л. Н. Сурина

было введено обязательное четырехлетнее, а в городах и промышленных районах — семилетнее образование с обязательным профессионально-техническим (фабрично-заводским) уклоном. При заводах стали создаваться фабрично-заводские ученичества и школы ученичества массовых профессий, ставшие основой начального профессионального образования в южноуральском регионе [15, с. 235]. Более глубокое профессиональное образование давали техникумы. Чтобы быть туда зачисленными, порой недостаточно было иметь лишь хорошие знания. Необходимо было «защитить рабочее происхождение и ничем не запятнанную рабочую честь родителей» [6, с. 28]. Получение образования являлось в то время одним из важнейших «социальных лифтов», тем более что существовала правительственная установка довести «рабочее ядро» среди инженерно-технических специалистов в крупной промышленности до 65 % [6, с. 28].

Вообще изменения в социальной структуре являлись в 1930-е годы одним из самых значительных признаков времени. Помимо системы образования и классовой принадлежности важную роль в этом процессе с середины 1930-х годов стали играть политические репрессии. Они проходили в обстановке нагнетания социальной и политической напряженности [7, с. 213]. Газеты тех лет разжигали подозрительность, недоверие, требовали крепить революционную бдительность, беспощадно поступать с врагами, кем бы они ни были — родствен-

никами, коллегами, друзьями. Любые несчастные случаи на производстве, выпуск бракованной продукции объявлялись происками «врагов народа». Как и по всей стране, в горнозаводской зоне Южного Урала в первую очередь были репрессированы партийные и советские руководители, инженерно-технические специалисты, представители интеллигенции.

Место репрессированных занимали вчерашние выпускники техникумов, ускоренных курсов и т. п., порой не имеющие прочных знаний и достаточного жизненного опыта. М. А. Ананьин вспоминал: «Я быстро рос. А как иначе? Людей-то грамотных, со специальным образованием — техников было мало, а инженеров еще меньше. А тут еще репрессии. Из инженерно-технических работников завода они вымели десятки и десятки людей» [6, с. 46]. Все это неминуемо сказывалось и на производственных процессах, и на жизни простых людей. Изменилось и отношение к людям — господствовать стал «сталинский» тип руководства, когда даже за небольшую провинность следовало жестокое наказание.

Безусловно, ломка традиционных устоев и переход к советскому индустриальному обществу происходили очень болезненно. Было очень много противоречий в сфере как социальной, так и культурной политики. Но несмотря на противоречия в культурном развитии значительная часть проведенных в этой сфере мероприятий носила положи-

тельный заряд и способствовала подъему уровня интеллектуального развития местного населения. Практически во всех населенных пунктах стали действовать начальные школы, в заводских поселках — семилетние и средние школы. Рост грамотности вызвал большой спрос на литературу и привел к росту количества библиотек. В начале 1930-х годов вышли первые номера районных многотиражек. В кинотеатрах и клубах регулярно показывали фильмы и кинохронику. В поселках создавали радиогазеты и радиоточки. Быстро завоевывали популярность в поселках физкультура и спорт. Лыжные забеги, сдачи нормативов, футбольные соревнования получили большое распространение среди молодежи и заводских коллективов. Молодежь в эти годы превратилась в настоящего проводника коммунистических идей и стремилась идти в авангарде всех событий.

«Культурная революция» являлась важной составной частью социалистического строительства на Южном Урале. Ее главной задачей было формирование «нового человека», искренне преданного социалистическому строю и отстаивающего коммунистические ценности. Лучше всего для этой работы подходила молодежь, не имевшая необходимого жизненного опыта и которой, в отличие от старшего поколения, не с чем было сравнивать происшедшие события. Поэтому львиная доля пропагандистских мероприятий была рассчитана именно на молодежную среду. Горнозаводская зона Южного Урала оказалась вовлечена в широкомащтабную идеологическую кампанию, составной частью которой являлась антирелигиозная борьба. И здесь в очередной раз проявилась характерная для российской провинции черта — имитировать требуемые из центра действия, скрывая при этом свои истинные чувства и отношение к происходящему. Большая часть церквей была закрыта, власть расправилась с сильнейшим, пожалуй, на

Пионерский лагерь. 1940 год.

Фото из коллекции
Л. Н. Сурина

тот момент конкурентом в борьбе за умы и души людей. Среди первоочередных задач в культурной области было также развитие образования в регионе, в том числе профессионального, особенно необходимого в условиях начавшейся индустриализации, когда возник резкий дефицит в грамотных технических специалистах. Сумятицу в восприятие перемен, происходивших в 1930-е годы, вносили репрессии. Но в то же время вера в Сталина и провозглашенный им курс заставляли людей отбрасывать всякие сомнения в правоте властей.

Пропаганда делала свое дело и у значительной части современников тех событий остался исключительно позитивный образ 1930-х годов. Было ощущение, особенно у молодежи, что «страна вступила в новую эру и простому трудящемуся открыты все дороги» [7, с. 198].

Список литературы

1. ААКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
2. Там же. Л. 30.
3. Там же. Л. 36.
4. Там же. Д. 3. Л. 15, 16.
5. Там же. Д. 7. Л. 39.
6. Ананьин М. А. Записки деда. Ч. 1. Трехгорный : Гортехснаб, 1996. 60 с.
7. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991 : пер. с фр. М. : Прогресс, 1992. 480 с.
8. Гаврилов Д. В. Несостоявшийся гигант уральской оборонной промышленности (Бакалстрой, 1932–1942 гг.) // Урал в 1941–1945: экономика и культура военного времени : материалы регион. науч. семинара, г. Челябинск, 10 апр. 2005 г. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005. С. 38–51.
9. Личман Б. В. История Урала : в 2 кн. Кн. 2. Екатеринбург, 1998. 432 с.
10. Мукомолов А. Ф. На южноуральских заводах : в 7 кн. Кн. 6. М. : Территория, 2007. 496 с.
11. Нарский И. В. Уральская промышленность в 1917–1922 гг.: социалистический эксперимент или консервация «оригинального строя»? // Промышленность Урала в XIX–XX веках : сб. науч. тр. М. : АИРО-XX, 2002. С. 157–182.
12. Постановление ЦК ВКП(б) «О выполнении пятилетнего плана промышленности» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е, доп. и испр. Т. 4. 1927–1931. М. : Политиздат, 1970. 583 с.
13. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1929 г. «О работе Уралмета» [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/56548>
14. Сибиряков И. В. Нравственные коллизии политической модернизации (интеллигенция Южного Урала в первые годы «оттепели») // Урал в контексте российской модернизации : сб. науч. ст. Челябинск: Камен. пояс, 2005. 448 с.
15. Сурин Л. Н. Среди гор и рек уральских. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2005. 448 с.

Н. С. Журавлева. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Систематическое развитие литературного процесса на Южном Урале прослеживается со второй половины XIX века. Демократизация общества после отмены крепостного права активизировала рост социокультурной базы, системы образования, типографий, периодической печати. К концу XIX века стало можно говорить о сложившихся формах литературной жизни. Эта тенденция прослеживалась прежде всего в Оренбурге, который благодаря губернскому статусу являлся средоточием культурной жизни региона. На рубеже веков здесь сформировалось «литературное гнездо» [47, с. 45]. С Южным Уралом до революции были связаны десятки имен известных поэтов и писателей: А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, С. Т. Аксакова, В. Г. Короленко, В. И. Даля и др. Через этот регион шли мощные переселенческие потоки. Сюда ссылали многих политических заключенных. К примеру, автор первого южноуральского сборника А. Т. Вазилло, осевший в Златоусте после сибирской ссылки, издал книгу стихов «Волны» (1914), правда, полностью уничтоженную жандармерией [65, с. 77].

В уездном Челябинске до революции, по мнению А. А. Шмакова, жили всего два писателя (А. Г. Туркин и М. Г. Чучелов) и были изданы четыре книги («Первые шаги», сборник стихов Чучелова, сбор-

ники рассказов Туркина «Уральские миниатюры» и «Степное») [76, с. 1]. В 1915 году Туркин возглавил газету «Голос Приуралья», уделявшую много внимания вопросам литературы и искусства [30, с. 21]. Здесь дебютировали местные авторы П. Н. Второв, П. А. Мурашев, В. Л. Горохов, А. Лаврухин, А. Доброхотов, П. А. Котельников, П. Н. Дорохов, И. Ф. Колотовкин. Русская революция 1917 года кардинально преобразила политическую и социокультурную сферы. На волне возросшей политической активности художественная интеллигенция проявила стремление к самоорганизации. Разномастные общества, артели, кружки, секции собрали под своим крылом многих писателей, поэтов, художников. В мае 1918 года в Оренбурге возникло первое литературное объединение Южного Урала — Союз писателей, поэтов и журналистов Оренбургского степного края. Его создатель Н. А. Степной (Афиногенов) принял Октябрь 1917 года, стал членом ВЦИК и даже участвовал в штурме Зимнего дворца [74, с. 168]. Писателю поручалось укрепить связи Советов с казачеством через газету «Голос трудового казачества» и собрать творческие силы, готовые к сотрудничеству с новой властью. Союз провозгласил своими целями «освещать природу, жизнь и быт <...> установить разницу между прошедшим и настоящим в бытовом отношении, создать т. н. областную окраинную литературу» [49, с. 81]. По инициативе Степного возникли литературный музей и «храм муз» — будущий Дом печати. Он сумел привлечь в кружок находившихся

Необходимо «создать так называемую областную окраинную литературу». Н. А. Степной (Афиногенов)

тогда в Оренбурге известных поэтов М. Герасимова и А. Ширияевца — друга С. Есенина. Союз первым в стране провел «литературно-художественное утро». Но после захвата города дутовцами подготовленный сборник «Степь» был уничтожен, союз распался [74, с. 171].

В Челябинске из-за отсутствия устойчивой литературной среды первыми консолидировались музыканты и художники: недолго существовали Общество сценического искусства и школа живописи и строительства [10]. Кратковременность постреволюционных объединений объяснялась изменениями в повседневной жизни в виду частой смены режимов власти. За очень короткий срок Оренбургская губерния пережила пять таких поворотов [31, с. 42]. Каждый раз это приводило к социально-экономическим и психологическим катастрофам. Неприятие первых шагов новой власти также стало фактором нестабильности коллективов. Деятели искусства расценивали революцию как потенциал для творчества, свободного от давления государства. К примеру, «Союз писателей, поэтов и журналистов Оренбургского степного края» боролся за независимую печать [12, с. 140].

В период господства «белых» литературные силы Челябинска развивались по инерции, продолжая то, что делали до революции. Из-за отсутствия объединений очагом консолидации стал народный университет, инициировавший 30 марта 1919 года конкурс поэтов. Выступали Баженов, Богатырев, Быкова, Василевская, Зайцев, Злонравов, Итин, Котельников, Рузаев, Сибиряков, Сорокин, Сосновский, Тихомиров, Туркин, Хандзинский, Четвериков, Чубаров, Чучелов, Шталь. Пресса отмечала: «Изголодавшаяся по культурным событиям публика с интересом провела в духоте и тесноте целых три часа» [22]. Зрители присудили «пальму первенства» Н. Д. Василевской, а академический совет выдал почетный диплом поэту Б. Д. Четверикову. Последний был знаком искушенной публике благодаря участию в турне Д. Д. Бурлюка по Уралу и Сибири. Их знакомство произошло на творческом вечере, на котором Четвериков подверг критике футуризм. Он «проехался по Бурлюку на четверке своего остроумия <...> выкрутил руки футуристу Крученых <...> не оставил камня на камне от Васи-

Н. А. Степной (Афиногенов)

П. И. Заякин-Уральский

лия Каменского» [77]. А после концерта предложил поехать с ним на гастроли. В будущем Четвериков станет знаменитым советским писателем, автором романа «Котовский» и др.

На конкурсе поэтов отметили также Чучелова — автора первого в Челябинске послереволюционного издания «Утренник» (1918), высоко оцененного Туркиным [66, с. 3]. Вскоре поэт умер от воспаления легких. Из-за Гражданской войны из числа дореволюционных писателей не осталось почти никого. От тифа скончался Туркин, умер поэт А. П. Бухарин, фельетонист Второва расстреляли за контрреволюцию. Литературное дело приходилось начинать заново. Идейной платформой для первых советских писателей и их кружков стал пролеткульт, провозгласивший нигилизм в отношении прошлого и созидание новой культуры руками рабочих. Для организации его отделов в конце 1919 года на Урал приехал поэт И. В. Шувалов. Он столкнулся с трудностями, связанными с положением дел в местной печати. Многие газеты закрывались, а новые еще не возникли. Сказывался дефицит ресурсов. В записке Оренбургского губкома в 1919 году отмечалось: «Развить печатную агитацию до сих пор не удается: нет бумаги, нет литературных сил. С трудом обслуживаем единственную газету» [67, л. 3]. Консолидация при печатном органе РКП(б) становилась единственной стратегией выживания. Наличие помещения для собраний, возможность публикаций и получения заработка давали старт начинающим литераторам. 24 марта 1920 года при газете «Советская правда» по инициативе Шувалова и ее редактора В. Д. Лаврова

образовался Союз советских журналистов, поэтов, писателей, художников (СоСоЖурПоПиХу) — первое литературное объединение Челябинска. Как и многие учреждения того времени, это был, скорее, профсоюз. Защищал он интересы журналистов, хотя для расширения социальной базы советской власти привлекли разные творческие силы, разногласия между которыми привели к распаду союза менее чем через год.

Параллельно шло создание пролеткультовских студий, где обучались грамоте и профессии будущие «певцы новой реальности». Ученики лите-

ратурной студии приобщались к устным формам творчества, столь популярным в эпоху «военного коммунизма» из-за дефицита бумаги. Также в «духе времени» челябинцы подготовили материал для рукописного журнала «Стропила». Но произошла заминка: «Шувалов наработанный материал носил с собой в портфеле до самого отъезда, который, как видно, остался у него. Так и не удалось челябинской организации развернуться и укрепить своего первенца» [7, с. 120],— сокрушался позднее поэт Н. Ф. Бутров.

В Оренбурге публикационная активность пролеткульта отличалась продуктивностью благодаря социокультурной базе, сложившейся еще на рубеже веков. Выходили журналы «Молот», «На подъеме», «Степные зори». Возник Оренбургский кружок пролетарских писателей (1920). Он собрал пишущий актив города под руководством писателя-демократа П. И. Заякина-Уральского — редактора журнала «Красные зори» и газеты «Коммунар». Здесь начинал свой путь известный советский поэт, лауреат двух Сталинских премий С. П. Щипачев. Однако из-за смерти от тифа Заякина-Уральского деятельность кружка приостановилась, а когда осенью 1921 года Оренбург покинули многие авторы, он прекратил свое существование [16, с. 9].

Челябинский костяк составили Л. Н. Сейфулина, Г. К. Никифоров, А. И. Завалишин, В. П. Правдухин. Последний сумел издать отдельным тиражом книгу «Новый учитель» («Трудовая артель»). Как пьесе местного автора ее поставили в Народном доме (1920). В качестве вознаграждения — продукты питания. «Думают дать мне 50 тыс., один пуд муки, три фунта масла и сколько-то сахару. <...> Видишь, какие успехи!» [75, с. 133],— писал Правдухин брату. Образование заметно отличало его от остальных: учеба в петербургском университете им. Шанявского, работа лектором в Народном университете. Молодая власть нуждалась в специалистах, поэтому Правдухин был очень востребован: служил при театре на острове на реке Миасс, заведовал внешкольным подотделом губотнаробраза. Вместе с Сейфулиной выступал в красноармейских частях, ликвидировал безграмотность среди рабочих. Пьеса Сейфулиной «Егоркина жизнь» по итогам конкурса «Неделя ребенка» получила

А. Г. Туркин. Челябинск, 1909 год

первую премию [60]. В ней автор сама и сыграла. Она признавалась, что стала литератором из-за «саботажа» части челябинской интеллигенции в 1920 году. Кто был готов сотрудничать с советской властью, тот становился писателем, учителем, библиотекарем [58, с. 120].

Деятели культуры и искусства Оренбурга шли на сотрудничество с новой властью во многом благодаря деятельности Дома печати: «Они не только соглашались прочесть одно-два стихотворения, но ставили полные сцены в костюмах и при декорациях. Все это делалось бескорыстно...» [64]. Горожане расценили эти концерты как пробуждение от спячки, залы были переполнены. Здесь также проходили литературные суды над молодыми авторами, издавался журнал «Степные зори», базировался Союз писателей, поэтов, журналистов и работников просвещения (1922).

В Челябинске после снижения активности пролеткульта наблюдалось затишье. Многие ожидали перемен после проведения съезда пролетарских писателей Южного Урала 15 июля 1921 года. Он созывался с целью «выявить свои силы, помочь отставшим категориям, ускорить процесс художественного развития» [61]. Краевед В. П. Бирюков назвал его первым уральским писательским съездом из-за участия екатеринбуржцев [4, с. 78]. Его конкретным результатом стало рождение в 1921 году сборника «Огниво». Прибыль от реализации направлялась в пользу голодающих. Аналогичные издания вышли в Москве, Новониколаевске, Иркутске, Рязани, Царицыне [27, с. 136]. Н. Дегтярев привез типографию для выпуска газеты «На горном фронте» и стихи поэтов «Кузницы», которые вошли в издание. Основные темы: голод, строительство нового мира, революция, Гражданская война, борьба с кулачеством. Из двенадцати авторов пятеро представляли Южный Урал: Ю. Н. Либединский, И. М. Рубановский, Д. Попов, Правдухин, Бутров. Однако сборник не получил резонанса из-за конфликта с местной властью. Прочитав поэму Дегтярева «Голод», начальник военной цензуры приказал прекратить работу. Вмешались губком и комиссия помощи голодающим, куда журнал был отправлен анонимом с «огульным и тенденциозным» заключением о его содер-

Н. Ф. Бутров

жании. Некоторые произведения были объявлены «контрреволюционными» и «нецензурными». Признав поэму спорной, авторы высказались так: «Рассмотрение части произведений в лупу не есть метод критики, а не принять произведение за его пессимистический характер как выявление определенной идеологии мы не имеем права» [37, л. 104]. Вероятно, аргументы Рубановского переубедили председателя губкома: Работники типографии отпечатали тираж на субботнике, авторы отказались от гонорара, бумагу пожертвовал кооператив печатников, а продажа могла дать 30 тысяч рублей. И хотя сборник «Огниво» вышел без поэмы «Голод», он все равно был конфискован. «Спустя год, по возникновению НЭПа, отдельные листы из этого журнала я покупал вместе с клюквой или селедкой в частных лавчонках» [7, с. 123],— сокрушался Бутров. И хотя, по мнению И. Новского, сборник производил сумбурное впечатление, «в хронике приуральской литературы явился довольно заметным событием» [56, л. 4].

После этого эпизода литературная активность в городе стихла. «Живу я не торопясь, пописываю, изредка печатаюсь в газете и даже имею небольшой круг своих поклонников» [57, л. 6],— удивлялся Бутров. Эта ситуация объяснялась трудностями реконструктивного периода и отъездом лидеров из

города. Правдухин и Сейфуллина издавали в Новосибирске альманах «Сибирские огни». Либединский и Никифоров переехали в Москву, Попов и Рубановский — в Екатеринбург, где начинающим авторам было проще реализоваться благодаря издательству УралоГИЗ и сети учреждений периодической печати. Эти и другие возможности расширились после провозглашения в 1923 году города столицей всего Уральского края. После реформирования исключались исконно уральские территории Оренбургской и Вятской губерний, разрушались связи, утрачивался исторический опыт работы общественных структур. Оренбург лишился значения серьезного литературного центра. Из-за статуса столицы Киргизской (Казахской) ССР в 1920–1925 годах здесь получила развитие национальная литература. Еще в 1917 году возникли башкирские кружки «Тулкын» («Волна») и «Туплан» («Объединение»), а в 1923 году — татарские «Октябрь» и «Сулф» («Левый фронт») [48, с. 325]. Попытки консолидации литературных сил Оренбурга оказались затруднены процессами, вызванными национальным межеванием и восстановлением в составе РСФСР в 1925 году [44, с. 9]. Административные изменения спровоцировали миграцию многих деятелей. Ситуация осложнялась сильным влиянием «литературного гнезда» Поволжья. Многие связи Уралом оказались утрачены. Все это помешало оренбуржцам добиться крупных литературных успехов в 1920–30-е годы.

Между тем нэп был в самом разгаре, надежды на упразднение «военного коммунизма» и возрождение страны породили оптимизм в разных слоях общества. Возникло множество небольших, но ярких литературных групп, обратившихся к обществу с новыми манифестами. Однако возвращение рыночных отношений ухудшило экономическое положение творческой интеллигенции, особенно в провинции. Для выхода из кризиса при союзах работников просвещения и печати создавались производственные объединения. Губкомы обязывались им содействовать, а взамен требовать усиления борьбы с чуждой пролетариату идеологией. В январе 1923 года возникла челябинская литературная ассоциация «Челита», заявившая о себе «путем устройства общедоступных вечеров» и из-

данием журнала «Сдвиг». Провозглашалась борьба с «мелкобуржуазными идейками», «свойственным мечтателям эпохи довоенной реакции»: мечтами о вечной красоте, о гуманизме. Как реакция на них зародилось «искусство СДВИГА (так в тексте.— Н. Ж.)» — революция 1917 года. Она проложила «резкую историческую грань между двумя эпохами»: старой, «изжившей себя» классовыми противоречиями, и новой — эпохой «головокружения» [62]. Ядро составили Бутров, П. Вольный, П. Ганский, Э. Лесков, В. Ветров. Декларировалось, что журнал живет современностью и «борется с косностью, традицией и консерватизмом». Коллективизм и машинизм объявлялись факторами новой культуры [20, с. 14]. Культ механики сближал с идеями группы «Кузница». Отмечались заимствования у конструктивистов и В. Маяковского. Исследователь И. Е. Васильев обнаружил влияния футуризма, пролеткульта, имажинизма, крестьянской поэзии, свидетельствующие о стремлении авторов принять вызовы времени, вписаться в существующий литературный процесс [9, с. 282]. Несмотря на созвучность эпохе, журнал конфисковали, многие «сдвиговцы» поменяли работу либо покинули город. Бутров считал, что издание закрыли из-за антисемитизма. Согласно отчету губкома, авторов обвинили в создании «анархо-футуристических» статей и «обывательском верхоглядстве». Коммунистам было предложено прекратить сотрудничество в журнале, и он прекратил свой выход.

В Челябинске не осталось ни одной литературной организации. Это затишье в числе прочих объяснялось резолюцией ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» [35, с. 71]. Ее суть сводилась к утверждению, что «нейтральной литературы нет»: советская литература есть средство коммунистической пропаганды. Предполагалось привлечение «старых» писателей и поэтов к сотрудничеству («попутчиков») и активное поощрение пролетарских «новых» авторов. Резолюция стала попыткой защитить марксизм-ленинизм в культуре, вызванной потребностью борьбы с «враждебной идеологией» в литературе, ожившей в годы нэпа.

Осенью 1925 года возникло Челябинское литературное объединение. Есть мнение, что это было

отделение группы «Перевал», членом которой состоял Ветров. В Москве вышел сборник его рассказов «Кедровый дух» (1926), высоко оцененный перевальцем А. Лежневым [26, с. 260]. Коллектив, в котором числились также Бутров, А. Мориссон (Ф. Хлипкий), Е. Копылов, нацеливался на помощь начинающим писателям. Резолюция 1925 года и задачи «культурной революции» способствовали изменению социального и возрастного состава кружков. «Старые» специалисты вытеснялись рабочим классом и крестьянством — малообразованными слоями общества. Занятия посещали студенты педтехникума, слушатели совпартшколы, заводская молодежь. Обсуждали доклады «Что такое художественная литература?», «Классовое искусство и понятие об общечеловеческом искусстве» [63] и др. Акцент на научную сторону обучения принес свои плоды: вечер по случаю десятилетия Октября получил лестные отзывы в печати. А после издания с 18 декабря 1927 года регулярной литстраницы при газете «Челябинский рабочий» деятельность коллектива заметили в городе.

И все же литературной учебе уделялось мало внимания [25]. Причина — «отсутствовала физиономия организации, т. е. не было платформы. Разномастность рядов организаций: перевальцы, кузнецы, лэфовцы» [34]. По мнению Копылова, единство было бы достигнуто после вхождения в Уральскую ассоциацию пролетарских писателей (УралАПП). Эта структура управляла 12 окружными ассоциациями (426 человек) до 1929 года [14, л. 52]. Мизерный состав писателей-профессионалов, поздняя консолидация литературных сил края, низкий общеобразовательный и культурный уровень кружковцев подталкивали к вхождению в УралАПП. Финансовая помощь авторам, «правильно» осознавшим задачи момента, определила их выбор. На смену кружкам пришли ассоциации с четкой организационной структурой, формализованной системой лидерства и общим интересом среди ее членов.

Этот перелом явился следствием провозглашения первой пятилетки в 1928 году. Концепция построения социализма обозначила перед литераторами вполне конкретные задачи. Они были озвучены на I Всесоюзном съезде пролетарских

писателей, где во главе всех ассоциаций поставили Российскую ассоциацию пролетписателей (РАПП). Как и пролеткульт, РАПП стремилась представлять партию в литературе, а значит, оппозицию своей платформе рассматривала как выступление против ВКП(б). Рапповцы требовали передачи им органов печати и вытеснения «попутчиков» из периодики. Достичь это было сложно, особенно в провинции, крайне бедной профессионалами без досоветского прошлого. Секретарем Челябинской ассоциации пролетарских писателей (ЧАПП) стал Бутров. Он же возглавил консультацию, ставшую популярным местом в городе. Копылов вспоминал, как один старик принес килограмм стихов, которые написал его приятель, тоже старик, из-за болезни оставшийся дома [24].

Потребность рабочих в литературной учебе обусловила рождение в Златоусте кружка «Мартен». На момент создания в феврале 1927 года из сорока членов лишь пять-семь не были задействованы на производстве. Возглавил группу Н. А. Куштум. «Мартеновцы» шефствовали над миасской, кусинской и усть-катавской группами, оказывали помощь в создании заводских кружков, рецензировали сочинения, присланные в редакцию газеты. Критика произведений была обоснованной. Одному автору заметили, что писать прозу предложениями по 75–80 слов нельзя. Другого корили за использование дактиля, ямба и хорей в одном сочинении. В целом произведений, годных к печати, было очень мало. Для остроты пера и формирования писательских навыков советовали чаще читать произведения классиков русской и современной литературы.

Многие провинциальные города в этом смысле не стали исключением. Проблема заключалась не только в низкой художественной ценности — мало отображалась производственная жизнь страны. Так, чапповцев упрекали в слабом освещении трудовой темы и отрыве от читателей, далеких от понимания сущности их творчества [36]. Внутри группы случился конфликт между старым и молодым поколениями. С. И. Черепанов вспоминал: «19-ти и 20-тилетние юнцы во многом не соглашались со старшими товарищами, в творчестве которых иногда проскальзывала ущербность, и отстаи-

вали идею служения литературы людям, ее боевого участия в созидании социализма» [73]. Чаще всего спорили с Бутровым, хотя и признавали талант. Его творчество называли поэзией «безнадежности» и «обывательской мещанской стихии» [68]. Развернулась дискуссия об идеологическом кредо поэта. Его упрекали в том, что он выражал «настроения деревни не тракторной, а отсталой, с заморенным конем» [33]. На творческом вечере Бутрова летом 1929 года чапповцы «разгромили» его новое стихотворение, заканчивающееся словами: «О, как бы нам не расплескать / Октябрьский ковш!» Их восприняли как сомнение в победе социализма. Многие прямо на вечере «размежевались» с поэтом.

Внутренние конфликты обострялись директивами РАПП. После «призыва ударников труда в литературу» с целью «орабочивания» состава прошли «чистки» ассоциаций. По распоряжению УралАПП в январе 1930 года исключили многих чапповцев. Бутрова отчислили за «проведение в творчестве троцкистско-меньшевистских взглядов» и «явно неопределенное отношение к коммунистической партии и ее ведущей роли» [21]. ЧАПП преобразовали в литкружок. А. Исетский объяснял это решение так: «За серьезные производственные темы никто не брался, потому что, как чистосердечно сказал на чистке один из чапповцев, они заводы видели только издали и с жизнью рабочих не соприкасались и не особенно к этому соприкосновению (например, Е. Копылов) стремились» [21]. Директива УралАПП была выполнена: рабочее ядро в регионе достигло 75 % [8].

В числе прочих причин «чистки» литассоциаций объяснялись началом строительства промышленных предприятий. Южному Уралу отводилась важная роль не только в индустриализации, но и в развитии новой советской культуры. Требования к ней изложил М. И. Калинин: «Нам нужна литература понятная и доступная миллионам рабочих и крестьян <...> разносторонне освещающая их борьбу на фронте социалистического строительства» [5, с. 120]. Так, возведение Челябинского тракторного завода потребовало создания газеты и писательского актива для укрепления идеологических стимулов к труду. Местный обком поручил Черепанову организовать многотиражку «Наш трак-

тор», а 6 декабря 1930 года — литкружок. Затем появились три литбригады: на промплощадке, ЖБС и опытном заводе. Сегодня это литобъединение носит имя М. Д. Львова, начинавшего здесь свой творческий путь, как и многие другие южноуральские писатели и поэты. О редакторе многотиражки К. Ф. Реуте Черепанов писал так: «Уже тогда мы считали Реута самым талантливым. <...> Иногда он не ложился спать, стихи рвались из него, а утром радостный и довольный без признаков усталости снова становился боевым журналистом» [72, л. 89]. После публикации «Песни о мировом бригадире» в газете «Правда» к Реуту пришло признание, на I Всесоюзном съезде писателей его назвали одним из крупных уральских поэтов.

Строительство ЧТЗ привлекло многих гостей в столицу Южного Урала. 1 июня 1932 года прибыла бригада писателей от газеты «Известия ЦИК СССР» и журнала «Новый мир» (Ф. В. Гладков, А. Г. Малышкин, В. П. Полонский, Б. Л. Пастернак) [32]. Литкружковец А. И. Александров сохранил записи о визите Л. Арагона и Э. Триоле в августе 1932 года [43]. Между тем внимание всего мира было приковано к Магнитогорскому металлургическому комбинату. В частности, будням этой «стройки века» посвящались романы В. П. Катаева «Время, вперед!» и Малышкина «Люди из захолустья». Грандиозность масштабов строительства воплотило понятие «Магнитострой литературы», олицетворявшее «создание мощной, передовой литературы, достойной нашей грандиозной эпохи» [18, с. 3]. Здесь в сентябре 1930 года возникла группа «Буксир», в 1932 году насчитывавшая уже 150 членов [5, с. 119]. Барак на четвертом участке строительства, где размещалась редакция газеты «Магнитогорский рабочий», стал местом встречи «буксировцев». Один из них, М. Гроссман, вспоминал: «Молодые писатели стройки занимались в холодной, насквозь прокуренной, комнате двухэтажного барака <...> измотанные непогодой, ударной работой, не очень-то сытые, одетые кое-как (иные деревенские парни поначалу ходили в лаптях) — они после смены бежали в барак, и начинались баталии о слове, о стихе, о политике, о будущем» [15, с. 59]. Коллектив до ареста в 1937 году возглавлял В. А. Макаров — крупнейший уральский

поэт, прежде возглавлявший ведущую литературную группу Свердловска «На смену». Большинство в организации составляли поэты, из которых лидировали М. М. Люгарин и Б. А. Ручьев. Последний тогда был на особом положении. У него уже вышла первая книга «Вторая родина» (1933), и «его как поэта перевели из барака в только что выстроенную заводскую гостиницу» [28, с. 254]. Здесь также дебютировали В. Ф. Губарев, Л. К. Татьяничева, А. О. Авдеенко. Имя последнего в 1930-е годы гремело благодаря роману «Я люблю» (1933), переведенному на европейские языки. Руководство комбината поощряло начинающих авторов: был оборудован Дом писателя, создана библиотека. «Буксировцы» включились в работу многотиражек, инициировали создание литбригад на заводе. В Москве увидело свет их первое издание «Весна Магнитостроя» (1931).

Первый сборник челябинцев «Северный ветер» вышел через три месяца после пуска главного конвейера в 1933 году. И хотя «показ большевистской борьбы за постройку ЧТЗ оказался еще не под силу авторам» [3, с. 17], его появление имело идеологическое значение. Наступала эпоха, когда книга признавалась «могущественнейшим средством воспитания, мобилизации и организации масс вокруг задач хозяйственного и культурного строительства» [45, с. 343]. В этих условиях государство перешло к оказанию прямой поддержки «правильных» литераторов. Так, Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 года «Об издательской работе» предлагало дифференцировать оплату труда авторов произведений, освещавших лучшие образцы социалистической стройки, «переделку общественных отношений и рост новых людей». Это решение подготовило почву для Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций»: объединялись все писатели, «поддерживающие платформу Советской власти и стремящиеся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» [46, с. 407]. Большинство деятелей, как в центре, так и на местах, отмечали громадное значение этого постановления, ознаменовавшего новый этап развития литературного движения

в СССР. Его прямым следствием явился I Всесоюзный съезд советских писателей (1934), ускоривший создание региональных филиалов Союза советских писателей (ССП). По разным данным, в это время насчитывалось от 1500 до 2500 членов ССП и кандидатов. Через несколько лет эта цифра выросла за счет выдвижения периферийных авторов. Мотивами вступления в СПП являлись: улучшение материально-бытовых условий, повышение социального статуса, участие в жизни своей страны, желание избежать тяжелого физического труда, повышение уровня образования, романтические представления о профессии писателя. Однако, по мнению В. Антипиной, основная масса литераторов стремилась в ССП для получения материальных выгод. Такой вывод она сделала, опираясь на анализ писем и протоколов заседаний [2, с. 49].

На Южном Урале отделение союза возникло позднее многих других регионов. До 1934 года Челябинская область входила в состав Свердловской, а значит, челябинцы числились членами Свердловского оргкомитета ССП. Реорганизация привела к созданию собственной структуры. В декабре 1935 года возник оргкомитет, утвержденный правлением союза 19 января 1936 года [52, л. 30]. Эту дату нужно считать днем рождения Челябинского союза писателей. В. А. Светозаров вспоминал, что в конце 1935 г. сколотили «литбригаду», которая в поисках поддержки новой организации посетила крупные города Южного Урала [59, с. 90]. В оргбюро вошли Светозаров, Губарев, Макаров, Люгарин, В. Г. Сержантов, Э. А. Шиллер (председатель). Последний также занял пост директора ЧелябГИЗа (так до 1963 года называлось Южно-Уральское книжное издательство). Прежде почти вся печатная продукция выпускалась в Свердловске, что вело к удорожанию и задержке. Официально ЧелябГИЗ существовал с 1936 года [19, с. 124], а неформально — с 1934 года. Располагался он в квартире Б. Кинда [23]. Весной 1935 г. обком назначил редактора и счетного работника, выделил отдельное помещение [42, л. 76].

Шиллер, назначенный в столице, так и не стал своим для челябинцев. Он не справлялся с функциями во многом из-за отсутствия денег, а значит, помещения, ответственного секретаря, системати-

Совещание писателей Челябинской области. 1937 год

ческой работы. Челябинский обком им тоже был недоволен: «Шиллер не может обеспечить необходимого разворота деятельности» [55, л. 7]. Для помощи молодой организации правление ССП в апреле 1936 года направило критиков И. Френкеля и Б. Гроссмана. Они пришли к выводу, что никто не руководил кружками и не вел консультаций, несмотря на способности и интересные замыслы челябинцев. «У ряда работников неправильная точка зрения — они думают, что нужно “импортировать” писателей из Москвы для постоянной работы» [38, л. 1], — к такому выводу пришла комиссия. Другим фактором неэффективности работы называли нерешенность квартирного вопроса у многих литераторов.

Френкель и Гроссман представляли областной сектор ССП, возникший в 1934 году для руководства периферийными авторами [54, л. 18]. Кроме консультирования и рецензирования сектор издавал лучшие произведения начинающих литераторов в столичных издательствах. В 1935 году такой

шанс выпал курганцу И. Т. Коробейникову и его роману «Застойцы». Визит москвичей заставил местную власть обратить внимание на литературное движение. Обком предложил профсоюзам выделить средства для оргкомитета и выдать квартиры Шиллеру, Губареву, Ручьеву [52, л. 22]. Однако руководство проглядело зарождение богемных явлений среди поэтов. В частности, Сержантова и Люгарина обвинили в игнорировании обязанностей по работе с молодыми авторами, заявляя, что «они это дело переросли (а сами уже долго ничего не пишут и не печатают)» [50]. Неслучайно одна заметка получила название «Игра в писатели» [29]. Такие явления, как зазнайство, бескультурье, групповщина, возрождение богемного образа жизни с пьянками и драками характеризовали литературную среду не только в провинции. После заметок М. Горького «Литературные забавы» 1934–1935 годов так стали называть всякое отклонение от соцреализма и этики советского писателя [17, с. 136].

Все это вкупе с финансовыми растратами Шиллера привело к его увольнению уже в сентябре 1936 года. Оргбюро возглавил Светозаров,

а ЧелябинГИЗ — Н. Е. Борисов, благодаря активности которого «было разбито твердо сложившееся мнение, будто в Челябинской области нет писательских кадров» [40, л. 44]. Многие известные южноуральские авторы именно тогда начинали свой путь: Златоуст представлял В. А. Савин, Миасс — В. Р. Гравишкис, Курган — Я. Т. Вохменцев, Кыштым — М. П. Аношкин, Челябинск — Н. А. Глебов, В. Н. Кузнецов, Б. С. Ицын и др. Они оказались в трудном положении из-за дефицита внимания местной власти и профсоюзов, которые признавались, что не видят разницы между писателем и газетчиком. Это стало одной из тем обсуждения на первом областном совещании литературного актива Челябинской области 1–3 марта 1937 года [70]. Совещание стало событием в культурной жизни области и, по мнению Л. П. Гальцевой, заложило основы деятельности челябинского ССП [13, с. 91].

Основанием для этого послужил выход в апреле 1937 года альманаха «Стихи и проза». Это во многом стало заслугой ЧелябинГИЗа, ведь «оргбюро Союза писателей влачило жалкое существование и творческой работы почти не вело» [71]. Рецензенты Б. Уральский и Н. Наумов, похвалив Губарева, В. Вохминцева, П. Ратушного и Кузнецова, признали самым значимым сочинением «Сказку о крысолове» Е. Владимировой. В целом признавалось, что альманах имеет ярко выраженный уральский колорит, хорошо оформлен и бережно издан. Правда, не лишен недостатков: указывалось на шаблонность, захваливание, слабую редакторскую работу. К сожалению, судьбу первого альманаха «Стихи и проза» постигла та же участь, что и издания челябинцев 1920-х годов. Он так и не стал достоянием читателей: типографский набор был рассыпан из-за признания «врагами народа» Ручьева, Губарева и Владимировой [51, с. 148].

Редакция газеты «Голос Приуралья»: А. Н. Лаврушин, Т. В. Нос (Юрезанский),

В. А. Весновский, С. А. Нодель, В. Л. Горбунов-Горохов. 1909 год

Вал репрессий спровоцировал очередной кризис в организации. Поднялась волна недовольства Светозаровым, который не стал авторитетом для коллег и, по их мнению, получил пост лишь благодаря поддержке секретаря Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындина. Став функционером, Светозаров перестал печататься: цензура не пропустила его рукопись, за которую он получил аванс в 1260 рублей. Эту сумму в 1937 году списали как потери [39, л. 6]. Он также вызвал неприязнь из-за превышения полномочий: «Выписал незаконно себе командировочные, оплачивал квартиру в Магнитогорске. Тесть Светозарова, работая бухгалтером оргбюро, способствовал неправильным проделкам своего начальства» [40, л. 7].

Судя по документам, эти явления были типичными, что вызывало беспокойство вышестоящих органов. Так, в печатном органе ССП — «Литературной газете» — А. Алдан написал, что десятки областных отделений расходуют огромные средства (не менее 1–1,5 миллиона рублей) на помощь молодым писателям. Но из них выдвинулось всего два-три человека. Причина — ранняя профессионализация писателя, который отрывается от трудовой среды и стремится зарабатывать лишь литературным творчеством. Они превращаются в «матерых литературоделов»: много пишут, но не печатают, зато становятся активными, когда дело коснется личного благополучия [1]. Статья открыла полемику: нужны ли вообще областные отделения ССП? В итоге летом 1937 года правления региональных филиалов заменили институтом уполномоченных. В челябинской организации перемены не разрешили противоречий: избранные уполномоченные так и не успели вступить в должность. Макаров, а затем и Губарев были репрессированы, что еще больше дезорганизовало писателей. А после ареста Ручьева и Люгарина в организации не осталось ни одного члена ССП. Выход из сложившейся ситуации южноуральцы видели в шефстве московских коллег. Однако приезжавшие З. И. Факторович (Фазин), А. Л. Хмара (Банквицер), С. И. Пакентрейгер, И. А. Рахтанов обещали помочь, но ограничились лишь творческими консультациями.

В Челябинске сложилась парадоксальная ситуация: при отсутствии формального отделения союза

существовали писатели, продолжавшие сочинять и публиковаться в печати. Этот литературный актив избрал временное бюро, которое так и не приступило к работе из-за неимения юридического статуса, а значит, и финансирования. Вскоре последовала очередная реорганизация. Уполномоченных заменили коллективным руководством на местах в составе директора издательства, редакторов художественной литературы, местных писателей [41, л. 75]. Между тем в Челябинске такое положение дел существовало де-факто уже несколько лет. Писатели группировались вокруг ЧелябГИЗа. Благодаря издательству авторы имели возможность получить гонорар за публикацию, консультацию редактора. Инициатива проведения и руководство литературной жизнью Южного Урала в конце 1930-х годов принадлежала работникам издательства. Так, в 1937–1940 годах вышло шесть номеров альманаха «Стихи и проза», были созваны два областных совещания начинающих писателей.

Несмотря на то что региональные отделения Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) сразу оказались под жестким контролем, полностью финансировались из центра и подвергались цензуре со стороны Главлита, редактор все-таки имел возможность издать произведение того или иного автора. Однако с 1939 года запрещались публикации без предварительного просмотра рукописи в Москве, что повышало уровень зависимости областных писателей от центра. Это ограничение ущемляло самолюбие и сужало финансовые возможности. Например, «Челябинское дело» вызвало серьезный резонанс и потребовало вмешательства Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). После рецензии Е. В. Златовой ОГИЗ запретило выпуск четвертого альманаха «Стихи и проза». У рецензента сложилось впечатление, что составители набрали материал, «довольствуясь отрывками, глядя сквозь пальцы на низкое качество и надеясь выгадать на тематической остроте произведений» [53, л. 44]. Возмущение челябинцев отразило письмо заведующей издательским управлением ОГИЗ Е. Смородинской, которой порекомендовали «не пытаться администрировать, не делать скоропалительных выводов, а руководить... так, как требует партия»

[53, л. 47]. Рецензенту посоветовали ознакомиться с указаниями А. А. Жданова, «ибо, как видно в рецензии, Златова как раз относится к той категории псевдоморалистов, а в жизни чаще всего ханжой, о которых говорил в своем докладе на XVIII съезде партии т. Жданов» [53, л. 43]. Секретаря правления ССП А. А. Фадеева просили помочь «доказать товарищам из ОГИЗа, что их распоряжение и рецензия имеют мало общего с линией партии в руководстве начинающими писателями» [53, л. 42]. На итоговом заседании бюро областных комиссий большинство согласилось с рецензией Златовой, признав, что

доля вины лежит на редакторе альманаха. Златову упрекнули в том, что она не имела права делать административных выводов: рецензия — только ее личное мнение. Письмо челябинцев признали хулиганским, а их метод — недостойным звания советского писателя.

Очевидно, что конфликт между челябинцами и правлением союза назревал уже давно и объяснялся неопределенностью статуса писательской организации. О сложившихся противоречиях ярко свидетельствовало письмо на имя правления от марта 1939 года:

«Мы, писатели Челябинской области, вот уже два года тщетно добиваемся перед правлением Союза советских писателей разрешения ряда организационных вопросов, связанных с работой писателей в Челябинской области. Два года назад у руководства литературным движением в Челябинской области стояли разоблаченные ныне враги народа: Шиллер, Макаров, Ручьев, Губарев и др. Эта банда тормозила развитие литературы, но в 1937 году их разоблачили. В Челябинской области не осталось ни одного члена Союза писателей, но зато остались писатели. Разоблачение расчистило дорогу молодым талантливым писателям.

Именно в это время Челябингиз издал альманах “Стихи и проза”, второй, третий, четвертый альманахи, Б. Ицын “Подростки”, Гроссман “На границе”, В. Кузнецов “Базар”, М. Репин “Славный путь”, В. Байдерин “На двух турбинах”, Сединкин и Шушунов “На южно-уральской магистрали”, С. Басков “Кама” поэма. Всего в литактиве Челябинской области постоянно пишущих насчитывается 36 человек, но правление забыло о существовании литературного движения в Челябинской области. Не хочет нас признать.

Факты. Сразу же после ареста врагов была созвана конференция начинающих писателей в январе 1938 года. На нее приглашены представители правления Союза советских писателей, но никто не приехал. Конференция, не имея в своем составе ни одного члена Союза советских писателей, избрала бюро литорганизации, обсудила и наметила задачи. Правление не утвердило оргбюро, но и не ликвидировала его. В течение года челябинских писателей не забывал только какой-то досужий канцелярист из литфонда, с упорством, достойным лучшего применения, требовал статистических отчетов несуществующего в Челябинской области литфонда. Наконец появился “полномочный представитель” Союза писателей тов. Факторович-Фазин. Был внимателен, многообещающ, но результатов нет. В правление Союза советских писателей несколько раз ездили челябинские писатели и члены оргбюро т.т. Дягилев, Ицын, Гроссман. Им обещали помочь, но... только одного приняли. Однажды на челябинском горизонте появился еще один представитель Союза советских писателей. Дыкман оказался бухгалтером-ревизором литфонда. Собрал

писателей и стал решать вопросы организационного оформления, не имея на это никаких полномочий. В это время в Свердловске находился один из работников правления Союза советских писателей Немченко, но, несмотря на просьбы челябинцев, так и не приехал к нам.

В январе 1939 года — вторая конференция начинающих писателей, 60 делегатов. От правления Союза советских писателей приехал С. И. Пакентрейгер, который очень основательно познакомился с писателями и их произведениями. Со дня конференции прошло 3 месяца. Сегодня мы не имеем ни копейки денег на оргработу. Бюро не может выехать в районы области, ни вызвать кого-либо в Челябинск, ни оплатить консультирование произведений. У нас нет ни клуба, ни угла, где мы могли бы собраться. Литорганизация и ее бюро до сих пор являются незаконнорожденными. Правления Союза советских писателей нас фактически и официально не признало. А областные организации не знают, куда же нас присоединить. Кто будет нами руководить и отвечать вместе с бюро за работу. Бюро не может даже заказать печать и штампы, чтобы выступить официально

от имени литорганизации. Юридически литературная организация не существует со времени разоблачения. Никто из челябинских писателей не состоит членом литфонда, хотя существует какая-то смета литфонда по области и делаются отчисления, в том числе и с произведений челябинских авторов. Это влияет на настроения писателей. Мы не можем выполнить решения конференции начинающих писателей. Мы в последний раз просим решить: или признать или отказать» [53, л. 23–28].

Члены редакции
златоустовской газеты
«Пролетарская мысль»

Оно было сделано в редакции златоустовской газеты «Пролетарская мысль».

Верхний ряд:
1) неизвестный; 2) Борис Владимирович Зданевич (редактор ЧелябинГИЗа, псевдоним – Борис Ярославцев); 3) Михаил Давыдович Львов; 4) Иван Михайлович Голов (заместитель редактора газеты «Пролетарская мысль», затем её редактор); 5) Борис Александрович Ручьев.

Нижний ряд: 1) Василий Александрович Кузнецов; 2) Виктор Алексеевич Светозаров; 3) неизвестный, 4) Виктор Федорович Губарев.

Львов датировал фото 1937 годом. Однако краевед А. В. Козлов полагает, что оно было сделано в 1936 году, так как Губарев и Ручьев в это время не могли работать в газете. Краевед также высказал предположение, что в нижнем ряду неизвестным мог быть тогдашний редактор «Пролетарской мысли» Семен Львович Ревзин.

Судя по документам, челябинским писателям вплоть до Великой Отечественной войны так и не удалось наладить полноценную работу, что объяснялось частой сменой руководства из-за репрессий, реорганизациями местного филиала и отсутствием официального статуса отделения ССП.

Таким образом, становление литературного движения на Южном Урале пришлось на 1920–30-е годы — период, очень непростой для Советского государства, переживавшего процесс своего формирования. Наступала «Эпоха Великого Поиска» (Катаев), когда «среди бурь и потрясений» рождалось могучее государство рабочих и крестьян. Переходный характер эпохи вносил неопределенность как в личную, так и в профессиональную жизнь подавляющей части советского общества. Трудности южноуральских писателей были характерными для многих жителей СССР: нехватка денег, отсутствие жилья, необходимость повышения образования, страх за свою жизнь. Однако во многом именно эти факторы определили вхождение в литературные организации, предоставлявшие минимальный набор социальных гарантий.

Большинство советских писателей в этот период не стали профессионалами, а были вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Борьба за статус советского писателя, особенно в провинции, осложнялась тем, что государство еще только вырабатывало стратегию управления периферией, пытаясь реализовать социалистический опыт, беспрецедентный в мировой практике. Помимо материально-бытовой неустроенности факторами, усугублявшими положение южноуральских писателей, следует назвать идеологическую атмосферу в стране, контроль и финансовую зависимость от центра, отсутствие квалифицированных кадров и издательской базы.

И все же благодаря творчеству южноуральских поэтов и писателей формировались языки новой литературы, созревала культурная среда в регионе, воспитывались новые поколения советской интеллигенции. Малообразованные слои населения приобщались к искусству, переставшему быть элитарным, рабоче-крестьянская молодежь получила шанс изменить свой социальный статус. В целом в 1920–30-е годы Южный Урал превратился в один из новых центров литературного движения страны.

Список литературы

1. Алдан А. Нужны ли областные отделения Союза писателей? В порядке обсуждения // Лит. газ. 1937. 5 июня.
2. Антипина В. Повседневная жизнь советских писателей в 1930–1950-е гг. М. : Молодая гвардия, 2005. 416 с.
3. Астахов И. Писатели Челябинского тракторостроя. Сборник «Северный ветер» — Уралогиз : [рец.] // Штурм. 1933. № 9–10. С. 115–116.
4. Бирюков В. «Огниво» и «Буревестник» // Урал. следопыт. 1964. № 11. С. 78.
5. Боголюбов К. 15 лет. Очерк о литературной жизни на Урале // Штурм. 1932. № 11. С. 111–122.
6. Бутров Н. В один присест // Челябин. рабочий. 1928. 1 апр.
7. Бутров Н. О литературных кружках в г. Челябинске с 1919 г. по 1926 г. // Челябин. крас. библиотекарь. 1926. № 6–7. С. 118–125.
8. В 30-е гг. Архивная полка // Челябин. рабочий. 1972. 12 окт.
9. Васильев И. Е. Вызовы революционной современности и челябинский журнал «Сдвиг» (1923) // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы : сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург : УГТУ — УПИ, 2009. С. 278–282.
10. Власть народа. 1918. 15 сент.
11. Вместо предисловия // Сдвиг. 1923. № 1.
12. Войнов В. М. Начало культурной революции. Оренбург ; Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1993. 269 с.
13. Гальцева Л. П. В Урале Русь отражена: статьи, очерки, заметки. Челябинск : Редактор : Челябин. рабочий, 1991. 200 с.
14. ГАСО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 3.
15. Гроссман М. Строки о старом товарище // Встреча с другом: книга о Б. Ручьеве. Воспоминания, статьи, стихи. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 57–70.
16. Джексенбаев Ш. Республика путь нам укажет... // Воспоминания о С. Щипачеве. М. : Совет. писатель, 1989. 210 с.
17. Журавлева Н. «Литературные забавы» уральских литераторов в 1930-е годы // Вопр. лит. 2014. № 2. С. 136–144.
18. За Магнитострой лит. 1932. № 1.
19. Золотов А. А. Мы жили тогда на планете другой... Челябинск : Челябин. Дом печати, 2004. 271 с.
20. Игнат В. Пути новой культуры // Сдвиг. 1923. № 1.
21. Исетский А. Без политических и творческих знамен // На смену! 1930. 16 февр.
22. Искосков Ив. Конкурс поэтов // Нар. ун-т. 1919. 22 июня.
23. Кинд Б. Все началось с «Базара» // Вечер. Челябинск. 1969. 25 сент.
24. Копылов Е. В литературном цехе // Челябин. рабочий. 1928. 5 мая.
25. Копылов Евг. Литературный Урал. Челябинск // Урал. рабочий. 1928. 29 янв.
26. Лежнев А. О группе пролетарских писателей «Перевал» // Крас. новь. 1925. № 3. С. 260–263.
27. Литературная жизнь России 1920-х гг.: события, отзывы современников, библиография : в 6 т. / сост.: Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова, А. Ю. Галушкин (отв. ред.) и др. М. : ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2. 704 с.
28. Лозневой А. Зовет гора Магнитная // Каменный пояс. Челябинск, 1974. С. 52–56.
29. Магнитогорец. Игра в писатели // Челябин. рабочий. 1936. 12 нояб.

30. Макашина Л. П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг.: текст лекций. Свердловск : УрГУ, 1988. 52 с.
31. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 633 с.
32. Наш трактор. 1932. 2 июня.
33. О задрипанном коне и грозном критике // Челяб. рабочий. 1929. 8 дек.
34. О годовой работе ЧаППа // Челяб. рабочий. 1928. 24 июня.
35. О партийной и советской печати. М. : Правда, 1954. 690 с.
36. Обозреватель. Литературный Челябинск // На смену! 1928. 18 нояб.
37. ОГАЧО. Ф-77. Оп. 1. Д. 378.
38. Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 676.
39. Там же. Оп. 2. Д. 192.
40. Там же. Оп. 2. Д. 220.
41. Там же. Оп. 3. Д. 268.
42. Там же. Ф. Р-1569. Оп. 1. Д. 86.
43. Там же. Ф. Р-1532. Оп. 7. Д. 185.
44. Оренбург край. Оренбург, 1994.
45. Постановление ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» (15 августа 1931 года) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. Т. 5. М. : Политиздат, 1985. 431 с.
46. Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (23 апреля 1932 г.) // КПСС в резолюциях...
47. Прокофьева А. Г. Этапы развития литературы в Оренбургском крае // Литература. Методика. Краеведение : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. А. Г. Прокофьевой / под ред. С. М. Скибина, Т. Е. Беньковской. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. С. 39–51.
48. Прокофьева А. Г. Оренбургский край: хроника литературной жизни // Хроника литературной жизни Урала XIV — первой половины XX века (Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области). — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. — 348 с. С 317-345
49. Прокофьева А. Г. Русские писатели и оренбургская периодика конца XIX — начала XX в. // Оренбургский край. Архивные документы, материалы, исследования : сб. работ науч.-исследоват. краевед. лаборатории ОГПУ. Вып. 1. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. С. 76–97.
50. Пугалов Н. Литературная молодежь ждет помощи // Челяб. рабочий. 1936. 12 сент.
51. Романико В. В. Времена не выбирают... // Исторические чтения : материалы регион. конф. «Имена уходящего века». Вып. 6 / сост. Э. Б. Дружинина. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинск, 2003. С. 148–150.
52. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Ед. хр. 35.
53. Там же. Ед. хр. 153.
54. Там же. Ед. хр. 193.
55. Там же. Ед. хр. 214.
56. Там же. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 113.
57. Там же. Ф. 2225. Оп. 1. Ед. хр. 104.
58. Сейфуллина Л. О литературе: Статьи. Заметки. Воспоминания. М. : Совет. писатель, 1958. 300 с.
59. Светозаров В. Летописец Магнитостроя // Встреча с другом : книга о Б. Ручьеве : воспоминания, статьи, стихи. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 84–96.
60. Совет. правда. 1921. 30 янв.
61. Там же. 5 июля.
62. Там же. 1923. 28 янв.
63. Там же. 1925. 11 дек.
64. Судоргина Т. «Это было самое лучшее время в Оренбурге» : к 70-летию Оренбургской организации Союза писателей России // Вечер. Оренбург. 2005. 27 окт.
65. Тарасенков Ан. Русские поэты XX века, 1900–1955. М. : Совет. писатель, 1966. 487 с.
66. Туркин А. Г. Свежие зерна // Утренник : стихотворения 1914–1918 гг. Челябинск : Деятель, 1919. С. 1–3.
67. ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.
68. Челяб. рабочий. 1929. 12 мая.
69. Там же. 2 июня.
70. Там же. 1937. 4 марта.
71. Там же. 23 апр.
72. Черепанов С. Весна поэта // ОГАЧО. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 157. Сборник воспоминаний челябинских писателей «Всегда в строю». Т. 2.
73. Черепанов С. Первая литературная школа // Урал. новь. 1965. 10 февр.
74. Чумаков М. Писатель Н. Степной // Урал. 1972. № 2. С. 166–173.
75. Шмаков А. Наше литературное вчера : ист.-биограф. очерки. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1962. 164 с.
76. Шмаков А. Творчество, отданное народу // Урал. новь. 1967. Ноябрь.
77. Шмаков А. Уральские страницы Бориса Четверикова // Вечер. Челябинск. 1987. 14 янв.

Московский, Ленинградский и Челябинский союзы
Советских художников и Комитет содействия выставке
ПРИ ЧЕЛЯБИНСКОМ ОБЛИСПОЛКОМЕ

НА ВЫСТАВКЕ
ПРИНИМАЮТ
УЧАСТИЕ:

ХУДОЖНИКИ МОСКВЫ:

Белкин Н. Н.
Вильямский Л. И.
Воскресский Л. И.
Вилов К. А.
Герасимов С. В.
Горелов Г. И.
Давыдов Д. М.
Дейкин Б. И.
Иогансон Б. В.
Карев В. В.
Козлова К. Д.
Козлов Н. Г.
Корыгин К. И.
Костяницын В. И.
Котов П. И.
Крайнев Д. В.
Львов Е. А.
Малов Ф. П.
Марков А. К.
Мещеряков Е. О.
Мещков В. В.
Модерново П. Т.
Модоров К. А.
Модоров Ф. А.
Мельник Ф. И.
Михалков К. М.
Норенберг А. М.
Перельман В. И.
Петров С. И.
Пименов Ю. И.
Покровский П. Д.
Почтальов В. В.
Ромдестовский В. В.
Ромдеев К. И.
Рыбченко Б. Ф.
Севердинов А. П.
Семолов-Скала П. П.
Стернов Л. А.
Ташев Б. А.
Терпихов Н. Б.
Толорев Д. А.
Филозов В. И.
Халлов Е. В.
Шегаль Г. М.
Шестопалов Н. И.
Шурин Ф. С.
Яковлев Б. И.
Яковская О. Д. и др.

В НОВОМ КЛУБЕ И В ПОМЕЩЕНИИ
ФЗУ ЧТЗ ИМ. СТАЛИНА

(АНТОВЫЙ ЗАЛ И ФойЕ)

С 30 МАРТА
1936 ГОДА

ВЫСТАВКА КАРТИН

„УРАЛО-КУЗБАСС

В ЖИВОПИСИ“

НА ВЫСТАВКЕ принимают участие свыше 100 известных художников
Москвы, Ленинграда, Челябинска, Свердловска, Уфы.

НА ВЫСТАВКЕ показано свыше 400 художественных картин и этюдов
портретов, пейзажей.

НА ВЫСТАВКЕ все картины и этюды посвящены важнейшим историко-
революционным событиям и гражданской войне на Урале,
социалистическому строительству, производству, быту и
природе Урала и Сибири.

НА ВЫСТАВКЕ будет показано до 70 предприятий: Магнитогорский ком-
бинат, Кузнецкий металлургический завод, завод Ферро-
сплавов, ЧТЗ, Уралмашзавод, Бакал и другие.

НА ВЫСТАВКЕ все картины и этюды исполнены художниками с 1932
по 1935 год по собранным ими материалам в творче-
ских командировках в промышленных центрах на заво-
дах, в совхозах, колхозах УРАЛА, БАШКИРИИ и ЗАПАД-
НОЙ СИБИРИ.

ВЫСТАВКА

ОТКРЫТА

С 10 ЧАС. УТРА

ДО 10 ЧАС. ВЕЧ.

Запись экскурсий
производится на
выставке и в
канцелярии клу-
ба ЧТЗ.
Телефон 3-11-72.

ХУДОЖНИКИ ЛЕНИНГРАДА:

Аностаки В. А.
Белкин В. П.
Бибиков Г. И.
Бродский И. И. заслужен-
ный деятель искусства.
Бучкин П. Д.
Владимиров К. А.
Жаба Е. К.
Колесова И. К.
Кочергин П. И.
Кучинов В. И.
Лебедев А. М.
Левин Т. П.
Рутковский Л. А.
Скуринов П. И.
Семолов К. А.
Строев П. Ф.
Уханов А. В.
Федоров В. Ф.
Чахов Я. А. и др.

ХУДОЖНИКИ ЧЕЛЯБИНСКА:

Вандышев К. А.
Коробельников.
Менулин К. В.
Рудинко-Щелканов Т. В.
Русанов Н. А.
Сабуров А. П.
Семехалов А. К.
Сосновский А. М.
Тарасов А. С.
Фехтнер Д. Ф.
Челябинцев В. К.
Иванов П. Г. и др.

ХУДОЖНИКИ СВЕРДЛОВСНА:

Сносарев К. К. и др.

ХУДОЖНИКИ УФЫ:

Урядов К. И.

Г. С. Трифонова.
**ИСКУССТВО И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
1930-х годов НА ЮЖНОМ УРАЛЕ**

Уральский регион, расположенный посреди России и имеющий свою историю, уходящую в глубокую древность планеты, ее природы и социальной жизни человека и общества, по-своему уникален в истории отечественного и мирового искусства. Возникновение искусства в эпоху верхнего палеолита (знаменитая Капова пещера — Шульганташ — на территории Башкирии), этапы его последующего развития вполне соответствуют мировой хронологии и периодизации искусства, исчисляющей и вымеряющей эпохи, закономерности, стили, направления истории искусства от древности до современности, развитие видов искусства, оригинальных произведений и их авторов — все это имеет свое уникальное преломление и измерение [16]. Спрессованные толщей миллиардов и миллионов лет, недра Урала несут в себе колоссальную энергию, которую издревле человек научился понимать, ощущать органами чувств и образно перерабатывать в своем сознании и творчестве. Металлы и минералы, сложный, разнообразный и богатый уральский горный ландшафт, протянувшийся на 2,5 тысячи километров от берегов Северного Ледовитого океана до Мугоджар на юге, горная тайга и леса, бурные реки и глубокие озера, лесостепь в предгорьях, переходящая в степь — трудно найти место за Земле, где были бы так тесно сплетены

онтологические, природные и гуманитарные основы бытия и духовного его переосмысления, как на Урале.

Народы, заселяющие Урал с древности, ментально вросли в этот мир, взаимодействовали с ним в течение тысячелетий, испытывая присущую человеку органическую потребность к преобразованию реальности и самого себя, к созиданию и творчеству. Художественная обработка металла и камня, глины, дерева, растительных волокон породили различные виды искусства: литье, гравировку, чеканку, керамику, резьбу и роспись по дереву, ткачество, вышивку и кружевоплетение, архитектурно-строительное искусство. С развитием религиозных верований и сложением культов мировых религий, с распространением на Урале христианства возникло храмостроительство, школы иконописания, деревянная христианская скульптура, лицевое шитье. В эпоху нового времени — эпоху Просвещения — гигантская спираль от древнего первобытного реализма развернулась с новой убедительной силой, знаменуя огромную роль искусства в познании мира и отражении представлений о нем в искусстве.

Традиции просвещения — стремления к объективному знанию — были преломлены в России в XX столетии, особенно после Октябрьской революции, когда новая власть советов, сменившая монархию, создала свою идеологию и программу построения нового, как утверждалось, справедливого общества, где человек с детства приобщен

к знаниям и освоению реальности, для того чтобы в свободном созидательном труде строить новый светлый мир. С 1917 по 1991 год Россия жила в этой парадигме, в которой в формировании мировоззрения, идеологии, этики, педагогики большое внимание уделялось искусству. Опираясь на огромный опыт искусства и его место в духовном преобразовании человека и общества, советская власть уделяла большое внимание развитию народного творчества, пробуждению любви к искусству и приобщению к нему детей с раннего возраста — начиная с детских садов, уроков рисования в школах, через художественные школы и изостудии — к получению профессионального образования и воспитания профессиональных художников, а также воспитания огромной массы любителей, зрителей. Такая система создала основания для развития искусства и главный адресат — публику, без которой невозможно существование искусства.

Сознавая огромную силу воздействия искусства, советское государство выработало идеологию активного вовлечения искусства и художников во все области общественной жизни — вплоть до военно-революционной и производственной сфер, сферы семейной и личной жизни [1, с. 33, 145–152]. Сформировались формы и методы агитационного искусства, занимавшегося формовкой массового сознания. Агитационные формы искусства руководство государством использовало для информирования и вовлечения народных масс Советского Союза в выполнение политических задач, стоявших в тот или иной период общественной истории в XX веке. Универсалии искусства использовались амбивалентно: искусство свойственным его природе образом воплощало высшие гуманистические идеалы и ценности; с другой стороны, они использовались определенным образом как средство скорейшего достижения целей, когда и человек превращался лишь в средство. Идеология формовки советского человека включила искусство в свою программу как мощную силу воздействия на сознание и чувство человека [6, с. 73–78, 88–101]. При этом сфера художественной жизни, сама художественная среда и ее институты — система образования, творческие организации, объединяющие профессиональных художников, их

специальная творческая и широкая общественная деятельность — сфера практического применения достижений искусства, художественная критика и искусствознание, выставочные залы и музеи с их постоянно формирующимися собраниями — все это могло жить и существовать благодаря реализации программы развития искусства и художественной сферы и осознания ориентированности на высшие духовные идеалы и ценности. На разных исторических этапах XX века эти идеалы и ценности существенно корректировались, чтобы соответствовать государственно-идеологической парадигме, и были ей тотально подчинены в один из наиболее жестких драматических периодов отечественной истории XX века — в период тоталитаризма 1930–50-х годов.

Для исполнения своей миссии искусство должно было развиваться свободно, не испытывая грубого контроля и жестких идейно-творческих ограничений. В бегло обозначенных здесь положениях и интересах идеологической государственной и собственно художественной (и тоже государственной) сфер лежит основное противоречие жизни искусства в советское время. Драматургия бытия искусства отражала трудности его существования в политизированной обстановке постоянного контроля, с одной стороны, а с другой, вынуждала художников осуществлять свое призвание с большим напряжением сил; это закаливало и играло роль дополнительного стимула к преодолению препятствий и мобилизации человеческих и собственно творческих сил — не только идеологические, но и материальные условия труда художников были отнюдь не идеальными. Каждое произведение, вошедшее в историю отечественного и мирового искусства XX века, несет в себе энергию огромной самоотдачи, мастерства, преодоления, честной и страстной гражданской позиции художника, отстаивающего истину и искусство в своем творчестве.

Обращаясь к реальной истории искусства двадцатого века на Южном Урале [18], мы можем констатировать, что региональное искусство развивается в переплетении общих закономерностей и локальных разновидностей историко-стилевых и смысловых характеристик искусства. художе-

ственные эпохи и явления представлены на южноуральской земле чрезвычайно своеобразно и заслуживают серьезного внимания, изучения и публикации. Минувший двадцатый век по емкости художественной реальности предстает как особенно насыщенный, сложный и противоречивый отрезок художественного времени на Южном Урале. Повсюду — в Уфе, Челябинске, Оренбурге, Магнитогорске, Златоусте, малых городах — наблюдаются тенденции к самообразованию организационной структуры художественной культуры и ее институтов (художественных кружков, выставок, затем организаций Союза советских художников, музеев), расширению творческой, выставочной жизни, просветительной, образовательной сфер. Предтечами развернутого художественного процесса стали земляки-южноуральцы, большие художники, вошедшие в историю отечественного искусства: Ф. А. Бронников, Л. В. Попов, М. В. Нестеров, Ф. А. Малявин, И. Д. Шадр, Н. А. Русаков, Д. Д. Бурлюк, А. Э. Тюлькин. Крупные творческие личности в Челябинске — Н. А. Русаков (1888–1941), И. Л. Вандышев (1891–1964), Д. Ф. Фехнер (1897–1973), В. Н. Челинцова (1906–1981), а также художники А. П. Сабуров, П. Я. Юдаков, О. П. Петровская, Т. В. Руденко-Щелкан — создали в январе 1936 года творческую Челябинскую организацию Союза советских художников, образоваться которому помешала война — Союз художников РСФСР был создан только после войны, в 1957 году.

В XX веке искусство чрезвычайно актуализируется. Революция пробуждает скрытые формы и силы искусства и творчества в народе, его в равной степени художественный и прагматический аспект реализации можно сравнить только с Петровской эпохой, когда искусство становится частью общегосударственной программы развития России. В XX веке на Урале искусство не только исполняет информационно-агитационную миссию, но и способствует перенастройке мировоззрения и парадигмы новой картины мира; оно приобретает невиданный размах своего развития, распространения и применения. Ярким фактом реализации нового понимания миссии искусства становится «Урало-Кузбасс в живописи» — явление, именуемое по названию выставки произведений, созданных

И. К. Колесова.
Ударник Алюминьстроля.
1935 год. Холст, масло.
Собрание ЧГМИИ

на территории уральских промышленных строек периода индустриализации Урала и Сибири. С конца 1920-х — начала 1930-х годов на Урал и Южный Урал едут бригады художников, писателей, поэтов, журналистов, композиторов и музыкальных деятелей, чтобы отразить великий поворотный момент в истории — модернизацию старого демидовского Урала. Более ста художников из Москвы и Ленинграда побывали на Южном Урале на строительстве ЧГРЭС, ЧТЗ, Магнитогорского металлургического завода, Синарстроля, других крупных предприятий, взбудоражив своим творчеством местную художественную жизнь. Документальный метод отражения реальности в ее героическом моменте в искусстве получил на Урале полноту воплощения в первой половине 1930-х годов и был положен в основу сконструированного метода социалистического реализма. Партийно-литературные круги центра формулировали в начале 1930-х годов «программные статьи» соцреализма как метода советского искусства. На промстройках Урала шло

В. Н. Костяницын. Синарстрой. Труболитейный цех. 1932 год. Холст, масло. Собрание ЧГМИИ

практическое и творческое освоение динамически рождающейся реальности [2; 18].

Обратимся к такому динамичному типу визуально-пространственной публикации событий социальной и художественной реальности и коммуникации, как выставка — типу, формировавшемуся в истории искусства со времен античности и особенно интенсивно — начиная с эпохи Просвещения. Представленные на выставках в эпоху индустриализации произведения графики и живописи, на поверхности которых остались следы строительных материалов (крупинки угля и руды, по словам одного из художников — уралокузбассовцев), становятся мощным доказательством идеи переустройства мира и рождения уже сегодня светлого будущего. Искусство выступает наряду с другими созидательными направлениями деятельности человека мощным преобразующим футурологическим фактором, и это продемонстрировано на выставке самым убедительным и доказательным образом. Кроме того, выставка — это временная экспозиция актуального искусства, «здесь и сейчас». Этот принцип зародился на индустриальных стройках Урала и Южного Урала в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов и превратился в постмодернистский в 1990-е годы.

Выставки в XX веке, в том числе художественные, обладают колоссальными возможностями обобщения, анализа различных явлений. Они дают ощущение непосредственного контакта с искусством того или иного периода и соприкосновения, сопереживания запечатленной реальности, формирования собственного самостоятельного отношения, суждения, обобщений и оценки выставленных произведений, а через них и стоящей за ними художественной реальности,— и художнику-автору, и зрителю.

Предшественниками больших выставок на Урале в XX веке, посвященных избранной теме, стали выставки уральского художника И. К. Денисова-Уральского (1864–1926) «Урал и его богатства» в Екатеринбурге, Перми, Санкт-Петербурге [14, с. 373–374], его передвижные выставки той же тематики, представлявшие собой комплексные экспозиции живописи, минералов, произведений камнерезного искусства.

Начиная с 1920-х годов выставки — многоцелевой и многосоставный комплекс публикации явлений — становятся все более популярны и действительны как инструмент мобилизации творческого осмысления жизни в искусстве. Во второй половине 1920-х годов — в 1925–1926, 1927-м — в Перми состоялись первая и вторая выставки творчества современных художников Урала; в 1928 году в Свердловске открылась областная выставка творчества художников Урала, а в 1929-м — первая выставка Свердловского филиала Ассоциации художников Революции (АХР) и областная выставка художников Урала. Так Урал, где полным ходом в конце двадцатых развернулась индустриализация, массивно готовился к рождению нового искусства индустриальной советской эпохи. Эти процессы на Урале и в центре страны происходили практически одновременно. Этому немало способствовала деятельность Ассоциации художников революционной России (АХРР, с 1927 года — АХР), устраивавшей с 1923 года ежегодные тематические выставки и основывавшей свои отделения в крупных городах — культурных региональных центрах и даже в Западной Европе.

Начиная с 1930 года в Москве организуются выставки работ художников, командированных Все-

кохудожником¹ (еще нет Союза художников, но это движение его готовит) на индустриальные стройки страны и особенно на Урал: «Социалистическое строительство в советском искусстве» (14 декабря 1930 — 14 января 1931), проходившая в Москве на Кузнецком мосту; в феврале 1931 года — выставка отчетных работ художников, командированных в районы индустриализации и колхозного строительства (114 участников, 257 произведений живописи и графики); в мае того же года в Музее Революции в Москве — новая выставка «Социалистическое строительство в изобразительном искусстве» с разделами: индустриальное строительство, индустриализация сельского хозяйства, новый быт, участие масс в социалистическом строительстве и классовая борьба, портреты вождей и деятелей СССР (76 художников, 128 произведений); в ноябре 1931-го — январе 1932 года в Третьяковке — выставка «Искусство третьего решающего года пятилетки», посвященная 14-й годовщине Октябрьской революции (разделы: «Кризис капитализма и обострение классовой борьбы в странах капитала»; «СССР и капиталистические страны»; «Красная Армия»; «Социалистические методы труда в СССР. Ударничество, соцсоревнование»; «Социалистическое строительство»; «Реконструкция сельского хозяйства»; «Культурное строительство»; «Реконструкция городского хозяйства») [17, с. 26]. В каталоге указывалось, что выставка отражает только часть урало-кузбасской проблемы, что произведения являются собственностью рабочих Урало-Кузбасса. В декабре 1931 года предполагалось открыть в Москве большую выставку под названием «Урало-Кузбасс», но открылась она лишь в 1935 году в Свердловске.

В этом ключе проходили дальнейшие выставки, отразившие бурную динамику индустриализации и лихорадочный ритм жизни художников, находившихся постоянно в творческих командировках на стройках. В апреле 1932 года в Москве на Кузнецком

открылась «Выставка работ художников, командированных в районы индустриального и колхозного строительства» (64 художника, 243 произведения живописи, графики, скульптуры). В ноябре в Свердловске, столице обширной Уральской области, открылась вторая «Выставка-отчет первой уральской бригады художников, работавших на новостройках Урала и Кузбасса» (работы представили В. В. Карев, В. Н. Корыгин, В. Н. Костяницын, В. В. Крайнев, Е. А. Львов, Ф. А. Модоров, И. А. Модоров, которые впоследствии стали неперенными участниками всех выставок по Урало-Кузбассу). Весной 1934 года в Москве, во Дворце культуры Пролетарского района состоялась третья выставка-отчет той же первой уральской бригады художников, где было представлено 74 произведения. В июне 1934 года в Москве на Кузнецком состоялась большая отчетная выставка произведений художников, командированных Совнаркомом РСФСР, Наркомпросом, Всекохудожником и МОССХ по СССР в 1933 году (94 художника, 272 произведения) [15].

Широко развернувшаяся выставочная деятельность была следствием огромной работы по мобилизации художников на исполнение нового социального заказа. В 1934–1935 годах состоялись: выставка произведений художников Златоуста, «Социалистическая стройка на Урале в советской живописи» в Перми, «Выставка картин, исполненных ленинградскими художниками по заказам урало-кузбасских организаций» в Ленинграде, в залах Всероссийской академии художеств (28 художников, 62 произведения) [2].

Последующие художественные выставки «Гиганты Урала» — в выставочном зале на Кузнецком Мосту в сентябре — октябре 1931 года, «Урало-Кузбасс в живописи» 1935–1936 годов, организованные Всероссийским кооперативным товариществом «Художник» в Уфе, Свердловске, Новосибирске и Челябинске, затем в других уральских городах, — поставили Урал в центре внимания всей страны как пространство рождения новой индустрии и нового этапа современного искусства. Новым было все: маршруты «карты похода художников» — главные центры строительства гигантов советской индустрии (Магнитогорск, Челябинск, Свердловск,

¹ Всероссийское кооперативное товарищество «Художник» (Всекохудожник) было основано в 1928 году, в 1932 году преобразовано во Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства, просуществовал до 1953 года и был преобразован в Художественный фонд СССР.

Каменск-Уральский, Нижний Тагил, Златоуст, промстройки Западной Сибири, Башкирии и Казахстана); написание этюдов с натуры на пленэре теперь уже представлялось как художественное исследование объекта; этюды и композиционные одиночные и групповые портреты строителей

уральских предприятий — инженеров, прорабов, плотников, каменщиков, рабочих кирпичных заводов и других строительных специальностей, написанных на местах их работы, запечатлели лица и характеры первостроителей уральской индустрии — людей нового исторического времени.

С. В. Рянгина.
Цех кирпича
Саткинского
завода
«Магнезит».
1935 год.
Холст, масло.
Собрание
ЧГМИИ

В первую выездную бригаду художников на Урал входили Ф. Лехт, Е. Львов, Ф. Модоров, Д. Топорков, В. Хвостенко. С кистью, карандашом и углем в руках художники исследовали заводы и стройки Урала, называя свой творческий труд по сбору изоматериала художественно-исследовательской работой, а объектами исследования — ударников уральского строительства, их героический труд, а также рождающийся в результате их труда новый индустриальный пейзаж, то есть «вид обширных пространств, волей революционного пролетариата и гениальным предвидением его вождя ВКП(б) обращенных в опорные пункты социалистической экономики» [17]. За период с конца 1920-х до середины 1930-х годов на Урале побывали в творческих командировках, подобных высадке десанта, более ста московских и ленинградских художников. В каталогах к выставкам указывалось, что они отражают ту или иную часть урало-кузбасской проблемы, что произведения являются собственностью рабочих Урало-Кузбасса.

Критика начала 1930-х годов отразила специфику и новизну художественного материала, представлявшегося на выставках: «Перед нами ряд художественных произведений — живопись, рисунки — на которых кое-где уцелели крупинки угля и руды, приставшие к полотну или бумаге во время работы художников в шахтах и карьерах железного Урала. Мы хотим этим сказать, что далеко не все, находящееся на выставке, показано в завершённом, чистовом виде. Значительное число вещей представляет из себя материал для дальнейшей более углубленной, более обобщающей проработки художника» [2].

Подытожила этот нарастающий ритм строек и их художественно-репортажного отражения выставка «Урало-Кузбасс», состоявшаяся в июле, октябре — ноябре и в конце 1935 года соответственно в Уфе, Новосибирске и Свердловске, в марте — апреле 1936 года — в Челябинске, принимая во внимание огромное политическое и культурно-воспитательное значение происходящих событий и их отражение в творчестве художников. За два года художники осуществили огромную работу — ими были написаны около 500 живописных произведений, в том числе и крупномасштабных,

Б. Н. Яковлев.
Рудник. Сатка.
1935 год.
Холст, масло.
Собрание
ЧГМИИ

огромное, практически неучтенное на сегодняшний день число натуральных рисунков и эскизов. Читая прессу тех лет, находим подтверждение целенаправленному воплощению идеи формирования так называемого метода социалистического реализма в художественной практике первой половины 1930-х годов и прежде всего на Урале — искусство в советской стране все более становится зеркалом государственной политической программы и ее иллюстрацией.

Газета «Уральский рабочий» писала: «До сих пор в Свердловске не было ни одной выставки, которая могла бы быть приведена в какое-либо сравнение с выставкой “Урало-Кузбасс”» [20].

Выставка имела четыре раздела: индустриальный (самый большой); историко-революционный (самый интересный, по мнению рецензента); сельскохозяйственный, жанрово-бытовой живописи [19]. Критика отмечала сложность разработки новой для художников индустриальной темы, где еще не накоплено больших традиций. Упреки в формализме получили А. Нюрнберг за его картину «Ударники Омской железной дороги» и Н. Шестопалов, в картине «Пугачев на Белорецком заводе» в ущерб теме забывший о живописной культуре, по мнению рецензента. Среди мастеров индустриального пейзажа особые достижения отмечены в творчестве Б. Яковлева («Бакальский рудник» — ныне в собрании ЧГМИИ, «Строительство Саткинского завода “Магнезит”»). Портреты ударников ЧТЗ Ф. Модорова оценивались как большая творческая

удача (также в собрании ЧГМИИ). В историко-революционной теме подчеркнута высоко оценена картина ленинградского художника А. Любимова «Челябинский пересыльный пункт», где среди ссыльных, выходящих из ворот пересыльной тюрьмы на окраине Челябинска, изображен Сталин², а также картина П. Соколова-Скала «Ночной разговор», посвященная В. И. Чапаеву (в собрании ЧГМИИ).

Выставка «Урало-Кузбасс в живописи», открывшаяся в Свердловске в декабре 1935 года, позднее была перевезена в Челябинск, где открылась 30 марта в клубе ЧТЗ, затем в помещении школы ФЗУ ЧТЗ имени Сталина (актовый зал и фойе) [12, 13]. В ее состав входили произведения московских художников, перечисленных на афише³: Н. Белянина, Л. Вязьминского, Л. Веселовского, К. Вялова, С. Герасимова, Г. Горелова, Д. Девинова, Б. Дейкина, Б. Иогансона, В. Карева, К. Козловой, Н. Козлова, К. Корягина, В. Костяницына, П. Котова, В. Крайнева, Е. Львова, Ф. Малаева, А. Маркова, Е. Машкевича, В. Мешкова, П. Мещерякова, И. и Ф. Модоровых, Ф. Невежина, Н. Никонова, А. Нюрнберга, В. Перельмана, С. Петрова, Ю. Пименова, П. Покаржевского, В. Почиталова, В. Рождественского, Н. Ромадина, Б. Рыбченкова, А. Северденко, Л. Дроздова, Л. Старкова, Б. Такке, Б. Терпсихорова, Д. Топоркова, В. Финогенова, Е. Хохлова, Г. Шегалья, Н. Шестопалова, Ф. Шурпина, Б. Яковлева, О. Яновской. Из ленинградских художников в выставке участвовали В. Апостоли, В. Белкин, Г. Бибииков, И. Бродский, П. Бучкин, И. Владимиров, Е. Жаба, И. Колесова, Н. Кочергин, В. Кучумов, А. Любимов, Т. Лякин, Л. Рутковский, П. Смуркевич, К. Соколов, П. Строев, А. Уханова, В. Федоров, Я. Чахров. В выставке приняли участие и художники из Свердловска (И. Слюсарев и др.), Уфы (И. Урядов и др.) и Челябинска (И. Вандышев, А. Корабельников, Н. Никулин, Т. Руденко-Щелкан, Н. Русаков, А. Сабуров, А. Самохвалов, А. Сосновский, А. Тарасов, Д. Фехнер, В. Челинцева, П. Юда-

2

Картина находится в собрании Киевского музея русского искусства; копия картины неизвестного автора принадлежит коллекционеру Ю. Т. Агееву (Челябинск — Москва).

3

Архив ЧГМИИ. Каталог не был выпущен.

Н. А. Русаков. Автопортрет.
1935 год. Холст, масло.
Собрание ЧГМИИ

Н. А. Русаков. Курай.
Колхоз «Красный Урал».
1934 год. Холст, масло.
Собрание ЧГМИИ

ков и др.) — практически весь творческий состав Союза художников Челябинска, образованного в январе 1936 года. К слову, не все участники были названы в афише.

Выставка такого масштаба ранее в Челябинске не проводилась. Не только художники Москвы и Ленинграда, но и художники соседних южноуральских областей и республики Башкирии показали свои произведения. Для Челябинска, который именно в эти годы стал приобретать облик центра Южного Урала, было очень важным сопоставить произведения профессиональных авторов только что образовавшегося Союза художников. Поскольку не было издано каталога, то трудно сказать, какие произведения челябинцев экспонировались на этой выставке. Художники ждали этого испытания. По воспоминаниям одного из учеников Н. А. Русакова — А. П. Харина, — Русаков показал много работ и в ожидании вернисажа говорил: «Вот завтра увидим, кто из нас художник!» До нас дошли его картины 1927, 1934 и 1935 годов, которые наверняка были представлены в экспозиции «Урало-Кузбасс в живописи»: «Семья ГИРС — граждан Интернациональной Республики Советов» — автопортрет с семьей на фоне конструктивистского индустриального города с памятником Ленину, на котором жена художника предстает в образе индийской женщины; «Курай. Южный Урал» (1934), «Автопортрет в красной рубашке» (1935), портрет-манифест «Советская симфония» как и портрет старшего сына-подростка Олега со скрипкой

Н. А. Русаков. Советская симфония. 1935 год.

Из серии «Молодежь страны Советов». Холст, масло. Собрание ЧГМИИ

на фоне светлого, нового по нафантазированной архитектуре Челябинска 1935 года.

Выставка «Урало-Кузбасс в живописи» — пример государственного заказа художникам. Это правдивое и честное искусство, в нем еще нет панегирической программы не сложившегося к этому времени в полной мере соцреализма. Сохранились воспоминания о том, как начальник стройки Станкомаша, увидев этюды ленинградского художника В. Кучумова, написанные на строительной площадке, возмущился беспорядку, который царил на участке, незначительно и хаотически раскиданному строительному материалу — художники шли за реальностью след в след, не приукрашивая увиденное. Портретируемые участники строек далеки от помпезности и героической напыщенности — их

взгляд спокоен, даже напряжен, порой в нем сквозит озабоченность. Работы различаются индивидуальностью авторов, колоритом, рисунком, композиционным решением. Живое чувство жизненной правды заставляет рассматривать эти произведения, написанные более восьмидесяти лет назад, с огромной заинтересованностью. Они трогают за живое современного зрителя, не испытывавшего в жизни ничего подобного, знающего о том легендарном периоде из учебников, исторических трудов и рассказов первостроителей в пересказе их детей и внуков.

На выставке в Челябинске в 1936 году было организовано посещение школами, училищами, предприятиями. Выставка стала большим событием в городе. Газета «Челябинский рабочий» призывала горожан: «...чтобы каждый трудящийся, студент, ученик школы побывал на выставке и внимательно ознакомился с ней» [5]. Значение выставки «Урало-Кузбасс» огромно. Она вслед за тематическими выставками, названными выше, знаменовала собой рождение ведущего метода советского искусства художественно-документального реализма, получившего толчок для своего развития на гигантских стройках индустриализации Урала и Сибири. Выставка разбудила народ, культурную общественность, послужила мощным импульсом к развитию местной художественной жизни на Урале, образованию творческих союзов художников в Свердловске и Челябинске, открытию художественных музеев в Свердловске (1935–1936) и Челябинске (1939–1940).

Выставка «Урало-Кузбасс в живописи» 1935–1936 годов имела большой резонанс на Урале и в России и получила продолжение: из нее была сформирована передвижная выставка «Южный Урал в живописи», которая прошла по маршруту: Челябинск, Магнитогорск, Златоуст (инструментальный завод, металлургический завод), Троицк (город), Троицк-железнодорожный, Копейск, Курган, Кыштым, Верхний Уфалей, Касли, трубный завод (Синарстрой, Первоуральск), УАЗ, Каменск, Шадринск, Карабаш, Сатка, Аша, Миньяр. Предполагалось отправить ее по маршруту далее в Казахстан, но это не было осуществлено. С октября 1936-го по февраль 1939 года выставка посетила

более 16 пунктов. Экспозиция размещалась обычно в клубных зданиях. Только за 1938 год выставку посетили 77 030 человек.

Работу с передвижной выставкой вел искусствовед, художественный критик, член Союза советских художников Л. П. Клевенский. Из его «Отчета о работе выставки “Южный Урал в живописи” в 1938» узнаем, что выставка представляет собой собрание картин московских и ленинградских художников, которые были выделены из фонда большой выставки «Урало-Кузбасс живописи», организованной Всекохудожником в 1932–1935 годах. И. Дроздов представлен полотном «Златоустовские пролетарии в борьбе за 8-часовой рабочий день в 1897». А. Максимов дал полотно «Златоустовская бойня 1903», П. Соколов-Скала — полотно «Ночной разговор». Н. Шестопапов выставил эскиз «Пугачевщина», Сашин — «Октябрь 1917 в Челябинске». Есть работы Ф. Модорова «Общий вид ЧТЗ», «Паросиловая ЧТЗ», «Бригада бетонщика Монахова», портреты ударников Резниченко, Баландиной, Кондратова, Фомина, портрет Л. Б. Сафразьяна. Борис Яковлев экспонировал три пейзажа Сатки, В. Костяницын — индустриальный пейзаж «На стройке трубного завода», портреты каменщиков Шестакова, Некриной, трех ударников на лесах. Колесов показал пейзаж «Вид на р. Исеть», «Пейзаж с коровами», «На работе»; В. Карев — «Установка танков в инструментальном цехе ЧТЗ», «Портрет прораба Новикова», «Перспектива инструментального цеха». Художники Лякин, Козлов, Е. Львов, Кучумов, К. Соколов, Б. Рыбченков, Мешалкин, Корыгин, Белянин, Соловьев, Бучкин, Чахров, Жаба, Кочергин, Любимов представили картины и карандашные наброски, исполненные на строительстве предприятий алюминиевого комбината (опытного завода), в шахтах, кузницах, цехах Магнитостроя, Кочкарьзолота, Станкомаша, Саткинского завода «Магnezит», Карабашского медеплавильного завода, у Юрюзанских домен и других объектов (всего 95 картин). В ряде городов в экспозицию включались работы местных художников и учащихся школ. Посещение носило коллективный организованный характер, что давало возможность проведения лекций, бесед, семинаров и консультаций [18, с. 80, 81, 112].

Таким образом, выставка «Южный Урал в живописи» выполняла две главные задачи: знакомила трудящихся и учащуюся молодежь с подлинными произведениями современного искусства, исполненными ведущими художниками страны; помогала выявлению талантов на местах и активизировала местную художественную жизнь, творчество профессиональных художников, способствовала их объединению в творческую организацию. Кроме того, она решала и внехудожественные задачи: на основе визуальных образов, переданных художниками в индустриальных пейзажах и портретах, давала представление о гигантском изменении лица уральской земли, а с ней и страны, поднятой на модернизацию промышленности, убеждая в грандиозных преобразованиях советского периода истории.

В отчете за 1938 год Л. П. Клевенский писал: «В октябре исполняется двухлетие нашей передвижной выставки <...> Выставка завершает свою работу. Сохранить выставочный фонд можно двумя путями. Первый (линия наименьшего сопротивления) — передать его хозяевам полотен (Востоксталь, Всекохудожник, Углетрест и т. д.). Сделать так — значит распылить цельное. Второй путь: отметить двухлетие выставки открытием в Челябинске областной картинной галереи <...> При чем мне перспективы картинной галереи мыслятся как большого культурного мероприятия. В нее должны войти выставка “Южный Урал в живописи” полотнами, переданными из нашего же фонда а) областному музею; б) 15 полотен крупнейших художников, в том числе заслуженного деятеля искусств И. Грабаря, принадлежащих Облесполкому; в) лучшие экземпляры картинных фондов районных музеев — Златоустовского (художники Маковский, Левитан), Шадринского (художник Бронников), Миасского и Каменского (старинная прекрасная иконопись), г) работы художников области...» [11]. Приведенная докладная записка — первый проект собрания будущего музея.

Выставка «Урало-Кузбасс в живописи» и ее вариант «Южный Урал в живописи» способствовали концентрированию усилий по выявлению образа и типологии художественного музея и ускорили

В. Н. Костяницын. Три ударника. Синарстрой. 1932 год. Холст, масло. Собрание ЧГМИИ

определение конкретных путей и мероприятий для осуществления этой цели.

В первой половине 1930-х годов на Урале появляются пейзажи уральских окрестностей, панорамы и индустриальные пейзажи строек крупных промышленных предприятий, портреты людей, создающих их своим непомерно тяжелым и само-

отверженным трудом с верой в будущую лучшую жизнь. Репортажный документальный реализм 1930-х годов был заложен в основу социалистического реализма как один из его элементов и нашел продолжение в картинах на историко-революционную тему советского периода, усиленный большой идеологической направленностью. Интересен

глубинный смысл происходящего — документальный подход в искусстве, принцип репортажного реализма, правды факта положил начало концу утопии...

В собрании Челябинского музея изобразительных искусств (картинной галереи), Магнитогорской картинной галереи хранятся эти раритеты советского индустриального искусства, возникшие в огнедышащей лаве Урало-Кузбасса. Это полноценные с художественной точки зрения, качественные произведения Ф. Модорова, С. Рянгиной, Б. Яковлева, В. Корягина, В. Костяницына, В. Кучумова, П. Соколова-Скаля, Я. Чахрова. Много лет стоит на повестке дня вопрос о реконструкции выставки «Урало-Кузбасс в живописи» в составе сохранившихся в уральских музеях работ. Большая часть произведений нуждается в реставрации. К 80-летию экспонирования выставки «Урало-Кузбасс в живописи» в Челябинске с декабря 2016-го по май 2017 года в картинной галерее ЧГМИИ была открыта выставка из ее собрания «Ударным темпом, полным ходом! Художественная хроника эпохи индустриализации. 80-летие выставки «Урало-Кузбасс в живописи»». Тридцать пять произведений восемнадцати художников с «Урало-Кузбасса» впервые в таком объеме после 1936 года были представлены для обозрения восемьдесят лет спустя после их создания.

Нарастающий темп индустриализации и политизации внутренней жизни страны построеного в основном к концу 1930-х годов социализма, как это было провозглашено, вылился в искусстве в свой этапный финал. 18 марта 1939 года, в день открытия XVIII съезда ВКП(б), в Москве в помещении постоянной строительной выставки на Фрунзенской набережной состоялось открытие самой грандиозной художественной выставки советского времени, посвященной индустриализации, — «Индустрия социализма». В выставке приняли участие 479 художников, представивших 1015 произведений, причем не только традиционных для таких выставок станковых видов искусства (живопись, графика, скульптура), но и художественный лак, фарфор.

В. Н. Костяницын. Ударник кладки кирпича. 1932 год. Холст, масло. Собрание ЧГМИИ

Выставка имела государственное значение — она представила средствами искусства и опубликовала через созданные крупными мастерами произведения победные результаты советской государственной политики. Выставка была организована Народным комиссариатом тяжелой промышленности СССР по постановлению Совета народных комиссаров.

Во вступительной статье к каталогу говорилось, что в период подготовки выставки художников принял Серго Орджоникидзе, поставивший перед ними четкую задачу: «В своих произведениях они должны показать не только заводы и комбайны и не только их работу, не только, как машина поднимает пласты земли, но и то, как люди, работая на машинах, борясь со стихией, изменяя лик земли, изменяются сами, и как изменяется их психология» [4]. В статье заявлены сложившиеся в течение тридцатых годов и уже работавшие на практике программные принципы видения властью места и роли искусства: революция открыла музеи и сделала достоянием народа величайшие произведения искусства; она раскрепостила художника от кабалы и зависимости капиталиста и помещика. Советский художник творит для народа, и народ ценит и любит своих мастеров. Советское государство поддерживает художника и помогает ему. Партия и правительство внимательно и любовно выращи-

вают новое искусство — искусство социалистического реализма [Там же].

Выставка «Индустрия социализма» явилась визуальным подтверждением сложившейся государственной системы и структуры, в которую было вмонтировано в строго отведенных границах изобразительное искусство. Новую социальную реальность искусство в рамках допущенных средств его языка должно было делать зримой визуально и образно.

Экспозиция выставки строилась как анфилада из семнадцати залов с четырьмя перпендикулярно примыкающими к ней ритмично расположенными залами-выступами. Каждый зал имел заданную тему:

1. Избранники народа.
2. Карта СССР из самоцветов.
3. Страницы прошлого, Гражданская война.
- 4–5. Индустрия крепит оборону СССР.
6. Новое лицо страны.
- 7, 10. Новостройки двух пятилеток (два зала).
8. Социализм вошел в быт.
9. Большевики открыли богатства страны.
11. Ударники пятилеток.
12. СССР стал металлическим.
- 13–14. Новые города, новые люди.
15. Жить стало лучше, жить стало веселее.
16. Огонь по врагам! (сатира).
17. Советская Арктика и освоение Севера.

Закономерно, что после окончания Великой Отечественной войны, когда начали восстанавливать Челябинскую картинную галерею, директор Г. Н. Лапин и научный сотрудник Л. П. Клевенский обратились в Комитет по делам искусств СССР с просьбой передать в собрание уральского музея произведения выдающихся современных художников. В Челябинск был отправлен ряд картин с этой эпохальной выставки, в годы войны хранившейся в эвакуации в Новосибирске. Феноменальные большеформатные холсты К. Юона, А. Герасимова, М. Сарьяна, А. Дейнеки, Б. Иогансона, написанные во второй половине 1930-х годов, исполнены выдающимися художниками, работавшими еще до революции, а также представителями нового советского поколения живописцев. Эти произведения

Ф. А. Модоров.
Ударница
масленщица.
Челябтрак-
торострой.
1931 год.
Холст, масло.
Собрание
ЧГМИИ

были продолжением процесса тесного контакта искусства и динамической социальной реальности, который возник на Урало-Кузбассе в эпоху индустриализации; они составили уникальную коллекцию искусства соцреализма, одну из показательно репрезентативных для этого направления в музейных собраниях за пределами столичных музеев.

Так на Северном, Среднем и Южном Урале среди бурного строительства новой промышленности и нового человека в искусстве утвердились принципы документализма, претворения в произведениях непосредственного визуального впечатления от восприятия движущейся реальности, живописи и графики факта, ставшие основой искусства социалистического реализма. В Челябинске, исполнившем в годы войны патриотический подвиг огромного и тяжелейшего труда во имя победы и превратившемся в послевоенное время в центр Южного Урала, оказались собранными в коллекции советского искусства областного художественного музея не только картины, созданные здесь в период индустриализации, но и картины, написанные в 1930–50-е годы крупными советскими мастерами, подхватившими идеи строительства новой жизни и героизма народа. Эти картины стали символом

социализма и образовали своего рода заповедник искусства соцреализма в собрании Челябинской картинной галереи (ЧГМИИ).

Значение выставки «Урало-Кузбасс в живописи» в искусстве Урала XX и XXI веков и в истории советского искусства в целом огромно. Выставка как результат творческого освоения рождающейся и бурно развивающейся социальной реальности во всех сферах производственной и культурной жизни страны и региона, стала моделью, работающей безотказно во всех включенных в нее структурных элементах. Мы не склонны идеализировать эту модель, учитывая противоречивый характер самого общественного развития в советский период отечественной истории. Однако очевидно, что масштаб, логика, прочный сплав социальной реальности и творческой деятельности, столь убедительно соединивший общество, его культуру и искусство, художников и публику, задачи образования, просвещения, формирования мировоззрения и осмысленной гуманистической цели общества и отдельной личности, — во всем этом искусство тридцатых годов на Урало-Кузбассе стало «работником», создателем, было поднято на такую высоту и дало мощный толчок последующему периоду в искусстве страны и Южного Урала. Если оглянуться на то, что было создано талантливого и сильного позже, в искусстве 1960–90-х годов, становится ясно, что модель эта была выработана с большой долей точности на перспективу (с точки зрения своей структуры), и потеряв ее в постперестроечное время, мы являемся свидетелями серьезных сбоев в некоторых локальных точках и художественного развития в области изобразительного искусства, и в стране в целом [16].

Подытоживая изложенный в данной статье материал об искусстве Урала 1930-х годов, хочется обратить внимание на значение выставки «Урало-Кузбасс в живописи» для всего советского искусства и особенно для развития регионально-уральского варианта отечественного искусства последующих периодов его истории, прежде всего развития регулярных региональных выставок-форумов искусства всего уральского региона. И эта традиция жива — в 2018 году в Челябинске открывается XII региональная выставка «Урал». Создание творческих бригад художников для работы на предприятиях по подготовке к очередной зональной выставке в 1960–80-е годы, создание творческих объединений с 1990-х годов, подобно истории искусства 1920-х годов, обогащает искусство новыми достижениями. Организационные формы в своем развитии способствуют росту творческого качества — об этом свидетельствует стилевое многообразие направлений и течений в современном искусстве Южного Урала, невиданное и немислимое в первой половине XX столетия. Соприкосновение искусства с процессами подлинного роста человеческого духа и обращение к естественным его закономерностям дает великолепные результаты — расцвет искусства и художественной культуры. Поэтому опыт грандиозной выставки «Урало-Кузбасс» 1930-х годов и условия, в которых творили художники и происходили дальнейшие события художественной жизни, возникшие, как от первотолчка, от урало-кузбасской выставки, заслуживают глубокого изучения, анализа и возможного применения с учетом изменившихся условий.

Список литературы

1. Булавка Л. А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М. : Культур. революция, 2007. 272 с.
2. Гиганты Урала. Выставка Всероссийского кооперативного товарищества «Художник». IX-X 1931. Работы выездной бригады художников. Седьмая выставка : каталог. М. : Кузнецкий мост, 1931.
3. Зубрецкий П. Урало-Кузбасс в живописи // Челябин. рабочий. 1936. 27 марта.
4. Индустрия социализма. Всесоюзная художественная выставка : кат. выст. М. ; Л. : Искусство, 1939. 50 с.
5. Ирвина И. Зрители и культурники (Размышления на выставке «Урало-Кузбасс») // Челябин. рабочий. 1936. 21 апр.
6. Круглова Т. А. Искусство соцреализма как культурно-антропологическая и художественно-коммуникативная система: исторические основания, специфика дискурса и социокультурная роль : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2005. 420 с.
7. ОГАЧО. Ф. Р-802. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 21, 22, 110–114, 118–128, 137, 138, 140, 160, 182, 199–202, 226–239, 244, 273, 279, 287–295.
8. Там же. Ед. хр. 10. Л. 89, 113, 117, 118, 119, 120, 162, 165, 169.
9. Там же. Ед. хр. 21. Л. 32, 33, 114.
10. Там же. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 22–24.
11. Там же. Ф. Р-914. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 23.
12. Открылась выставка «Урало-Кузбасс в живописи» // Челябин. рабочий. 1936. 3 апр.
13. Сегодня открытие выставки (Урало-Кузбасс) // Челябин. рабочий. 1936. 30 марта.
14. Семенова С. К. Алексей Денисов-Уральский. Екатеринбург : Сократ, 2012. 392 с.
15. Трифонова Г. С. Выставки «Гиганты Урала» (1931), «Урало-Кузбасс в живописи» (1935) и «Южный Урал в живописи» (1936) как феномен художественной традиции уральской историко-культурной зоны // Традиции и новации в отечественной духовной культуре : сб. материалов 4-й Юж.-Урал. межвуз. науч.-практ. конф. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 99–110.
16. Трифонова Г. С. Современное искусство Урала и уральские творческие организации Союза художников России // Изобразительное искусство Российской Федерации. М. : Пранат, 2013. С. 10–29.
17. Трифонова Г. С. Утопический эксперимент ушедшего века. Урал — заповедник искусства соцреализма // Автограф. 2007. № 1–2. С. 24–33.
18. Трифонова Г. С. Художественная культура Южного Урала. 1900–1980-е гг. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2009. 271 с.
19. Урало-Кузбасс в живописи : каталог. Свердловск : Изд-во МОССХ, 1935.
20. Урало-Кузбасс в живописи. Открытие выставки // Урал. рабочий. 1935. 2 дек.
21. Уральская школа искусствоведения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 232 с.
22. Уральское искусствоведение на рубеже XX–XXI веков : кат. выст. искусствовед. публ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. 117 с.

Урал. Зима.
Челябинская область.
2019 год. Фото: В. Шарапов

История Южного Урала

8
3

80
лет

ЮЖНЫЙ
УРАЛ
В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕН-
НОЙ ВОЙНЫ

М. Н. Потемкина.
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ
В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ (1941–1945)**

**Этот страшный день раскол
жизнь на «до» и «после»**

« 22 июня ровно в 4 часа нам объявили: “Киев бомбили”. Так началась война. Мне пять с половиной лет. Сначала не понимала, что это такое. Было осознание какой-то игры. В разное время суток — тревожные заводские гудки. Отключение энергии во всем городе. Днем — опустевший город. В домах и детском садике — черные и другие глухие занавеси на окнах. И гудение самолета над головой. “Воздушная тревога” — так называлась эта игра. Не было веселья, суеты. Появились тревога, страх в животе и всегда взгляд в небо, потому что уже шло объяснение, что с самолетов “бомбят”. Что означало это слово, знали по фильмам о Гражданской войне. И далее война внедрилась в сознание через черное окошко радио. Сводки до моего понимания доходили не цифрами, а названиями населенных пунктов. Было страшно однажды узнать, что взята Москва. Казалось, что после этого фашисты придут в Ашу. Но самое впечатляющее — непрерывный поток составов с солдатами, бронетехникой на запад и с многочисленными пассажирскими на восток — с ранеными. Тяжелое осознание войны наступило в конце 1941 года, когда вся наша многочисленная родня из женщин и детей, встречая

с востока эшелоны с бойцами, так и не увидела даже на мгновение моего 19-летнего дядю — второкурсника УПИ, добровольца, а ныне пропавшего без вести. В памяти много эпизодов, связанных с войной: горьких, безрадостных, холодных и голодных» [1, с. 57–58].

Это строки из воспоминаний Маргариты Григорьевны Щекуриной, одной из многих южноуральцев, переживших Великую Отечественную войну.

Многочисленные воспоминания людей, опубликованные в книгах, озвученные в документальных фильмах и телепередачах, записанные и хранящиеся в личных архивах как исторический источник, конечно, страдают субъективностью. Но именно они доносят до потомков не только события военного лихолетья, но также человеческие чувства и эмоции, позволяют прочувствовать «вкус» и «запах» войны, сохранить память о том, какую страшную катастрофу пережил наш народ.

В чем же была особенность южноуральского региона и его вклада в Победу?

Южный Урал в условиях войны стал частью глубокого тыла, приняв на себя основную тяжесть производства вооружений для Красной армии.

Перед войной население Челябинской области насчитывало 1832 тысяч жителей (без учета спецконтингента) [19]. С первого дня войны началась мобилизация военнообязанных на фронт. Свыше 250 тысяч жителей Челябинской области стали участниками боевых сражений, более 158 тысяч из них погибли, умерли от ран, пропали без вести [10].

Поскольку Урал в силу своего географического расположения стал в годы войны регионом глубокого тыла, сюда уже с конца июня 1941 года стали прибывать эшелоны с эвакуированными. К апрелю 1942 года на территории Челябинской области нашли приют 427,7 тысячи человек, прибывших по эвакуации из западных районов страны [33, с. 257]. Прибытие эвакуированных меняло облик городов. Доля городского населения в Челябинской области за годы войны возросла с 63 до 73 % [19]. Появились новые города и поселки городского типа. С другой стороны, перенаселенность крупных городов имела своим следствием ухудшение санитарно-эпидемической обстановки, жилищный кризис и т. д.

«Выковыренные» эвакуированные

Поезд замедлил ход и остановился на станции Челябинск. Что ждало здесь беженцев из западных регионов нашей страны, спасавшихся от фашистской оккупации?

«Хороша на Урале осень <...> какой красивый, богатый и привольный край раскинулся перед нами». «Наконец мы прибыли на место. Здесь нашли приготовленные для нас отличные здания цехов — таких мы и дома не имели», — так представляла эвакуацию своим читателям газета «Комсомольская правда» [1, с. 233–235, 247].

А вот как было в реальности. Состав с 194 учащимися ремесленного училища из Ленинграда прибыл на станцию Челябинск 19 февраля 1942 года. Ребята ехали в товарных вагонах, без оконных рам, без нар, без топлива. По свидетельству директора училища Иовлева, в пути умерли 42 человека, госпитализировано 65 больных. Из числа прибывших 20 человек нуждались в госпитализации (дизентерия и обморожение), но медпункт принять их отказался и только 22 февраля 1942 года принял четырех человек. Состав стоял трое суток без топлива, санобработку не проводили. Учащихся два раза покормили горячим обедом, сухого пайка не дали. Все это время директор училища и заместитель начальника областного управления трудовых резервов «обивали пороги». Только вечером 22 февраля

1942 года вагоны снабдили углем и отремонтировали, а на следующий день состав с училищем отправился к месту назначения — в Каменск. За время нахождения вагонов на станции Челябинск умерли семь человек [22].

Захоронение людей, умерших по дороге в эвакуацию, не только было человеческим горем, но являлось также санитарной и нравственной проблемой. Обычно при обходе эшелонов на станциях трупы снимали с поездов, и железнодорожная прокуратура составляла об этом акты. Далее возникали споры между администрацией железной дороги и городскими организациями: кто и за чей счет будет хоронить умерших? 26 ноября 1941 г. Челябинский горисполком, рассмотрев этот вопрос на своем заседании, принял решение: «Разрешить отделу вокзалов ЮУЖД, в виде исключения, захоронение трупов, скопившихся на вокзале, в братские могилы по 10–15 трупов в одну могилу. Предложить заведующему городским коммунальным хозяйством т. Котину отвести на кладбище Кировского района места для братских могил» [28]. Сохранились ли сегодня эти безымянные могилы? Кто хранит память об этих людях?

Знакомство прибывших в эвакуацию с новым местом жительства начиналось с санобработки. «Измученные, голодные, они (то есть эвакуированные) пережили бомбежки, потеряли родных, применять к ним драконовские меры было нехорошо, но с точки зрения медицины, эпидемиологии — они месяц не мылись, среди них могли быть больные тем же сыпным тифом. Через вещи, при общении, они могли заразить местных жителей, и это могло быть началом эпидемии» [37, с. 171–172]. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. А уральские города были перегружены тысячами эвакуированных, и санитарная обстановка в них была очень сложной.

Учетом эвакуированных, контролем за их обустройством, распределением материальной помощи занимались специально созданные структуры в составе исполкомов Советов депутатов трудящихся всех уровней — отдел эвакуации населения, а с февраля 1942 года — отделы по хозяйству эвакуантов.

В тесноте, да не в обиде...

В годы войны обострилась жилищная проблема. Форсированное индустриальное строительство привело уже в 1930-е годы к тому, что возведение жилья в городах не успевало за ростом населения. Если к 1940 году на каждого городского жителя страны приходилось шесть квадратных метров полезной жилплощади, то обеспеченность жилой площадью в Челябинской области составляла 4,3 квадратного метра на человека, а, например, в Магнитогорске — 2,8 [3; 18].

Самым дешевым и распространенным способом решения жилищной проблемы было высвобождение жилой площади до санитарного минимума, который был определен тогда в 2,5 квадратного метра на человека. Расселение эвакуированных было осуществлено преимущественно за счет уплотнения местных жителей, что, в свою очередь, породило множество экономических и психологических трудностей. По оценкам специалистов, жилищный фонд Челябинска на 1 июля 1941 года составлял 1131,3 тысячи квадратных метров, и за счет уплотнения можно было высвободить 150–170 тысяч квадратных метров жилплощади [17]. Но решение исполкома горсовета от 25 июля 1941 года было еще более жестким: «Предложить председателям райисполкомов высвободить путем уплотнения и забронировать для размещения направленного в г. Челябинск эвакуированного населения не менее 30 % жилой площади» [40].

Комфортность жилищных условий была низкой. Большинство людей проживало в бараках, казармах, землянках. Они были перенаселены и зачастую неблагоустроены. Несколько лет назад ученый-историк из Южной Кореи Джунсо Сонг (он тогда писал диссертацию по истории Магнитогорска) в очередном письме спросил меня, что такое «двухъярусные» кровати? Он прочитал об их существовании в годы войны и не может перевести это слово с русского языка на английский.

Многие бытовые мелочи сегодня прочно вошли в наш быт, и мы не можем представить жизнь без них. В военное время их отсутствие часто усложняло жизнь людей. Приведу такой пример. Поскольку у живущих в общежитии рабочих Ословского

и Мушты не было часов, они, боясь проспать, за два-три часа до подъема начинали стучать в стену и спрашивать у соседей время, чем будили половину общежития. Этот эпизод не покажется смешным, если мы учтем, что люди работали без отпусков и выходных, смены продолжались по 12 часов, а за опоздание в 20 минут полагалось уголовное наказание.

Вот каковы были условия проживания эвакуированных рабочих-туляков в Златоусте: «В районе расположения завода рабочие живут вместе со строителями в бараках. Бараки строились зимой. Очень грязные, полные клопов, крыши протекают, стены сырые, к зиме совершенно не приспособлены. Часты перерывы в подаче воды на Дектярские бараки. Из-за отсутствия топлива кипятка не хватает. Площадка у бараков сильно замусорена, в дождь превращается в непроходимое болото. Уборные не очищаются месяцами» [41, с. 207].

Массовых эпидемий удалось избежать

В сложнейших социально-бытовых и морально-психологических условиях сохранить здоровье было крайне сложно. Люди работали по 12 часов в смену, а часто и более. Эти обстоятельства, а также нервное переутомление, некачественное и недостаточное питание способствовали распространению так называемых детских болезней среди взрослого населения. Лидировали среди инфекционных заболеваний корь, дифтерия, цинга. Теснота, грязь, отсутствие мыла, белья способствовали распространению вшей и болезней. Причем вошь попадалась не только «головная», но и «бельевая». Кусок хозяйственного мыла стоил на рынке 15–20 рублей, при твердой его цене 1 рубль 30 копеек.

Из информации и. о. председателя Челябинского горисполкома С. Нестеровой от 21 ноября 1941 г.: «Санитарное состояние города все время ухудшается. 19 ноября с. г. зарегистрировано в городе 9 случаев заболевания сыпным тифом. <...> Если не принять сейчас срочных и эффективных мер по ликвидации очагов заражения сыпняком, а также по устранению причин, вызывающих эти заболевания, то последние могут принять массовый

характер, что повлечет тяжелые последствия для города...» [40]. Кстати, в то время в городе малая доля жилых помещений была снабжена канализацией. Все это резко ухудшило санитарно-эпидемиологическую обстановку.

Физическое и нервное переутомление, недостаток питания способствовали росту заболеваний корью, дистрофией, цингой; возникновению вспышек сыпного тифа, массового педикулеза. Изнурительный труд и низкокалорийное питание привели к росту количества людей в дистрофическом и преддистрофическом состоянии. Так, в ходе медицинского обследования, проведенного весной 1944 года на ряде предприятий Челябинской области, было установлено значительное количество рабочих в дистрофическом и преддистрофическом состоянии. Челябинский обком ВКП(б) решением от 12 апреля 1944 года принял специальное постановление «О мерах борьбы с дистрофией на заводах области». В нем предусматривались обязательное предоставление рабочим и служащим оборонных предприятий не менее двух выходных дней в месяц, всем остальным — четырех дней, организация специальных столовых, открытие домов отдыха для рабочих со слабым здоровьем, усиление контроля над правильным расходованием дополнительных фондов, обеспечение производства хвойного напитка, витаминов, дрожжей и т. д. [41, с. 233–235]

Весной ослабевшие люди собирали на полях перезимовавшее зерно, употребление в пищу которого вызывало септическую ангину, сопровождавшуюся высокой смертностью.

В первые дни войны на фронт ушли многие врачи и средний медицинский персонал. За годы войны часть медучреждений была закрыта, но одновременно появились новые медицинские подразделения. В регионе была развернута сеть госпиталей. Уже вскоре после начала войны в город начали прибывать эшелоны с ранеными. Долгие дни и ночи врачи и медсестры боролись за спасение солдатских жизней, 70 % раненых возвращались в строй.

Ухудшившаяся медико-санитарная обстановка была в целом удержана под контролем благодаря бесплатности и доступности медицинской помощи,

наличию централизованной системы санитарной службы, четкой работе медиков. По крайней мере, удалось избежать широкого распространения эпидемических заболеваний.

Атмосфера военного труда

Накануне Великой Отечественной войны почти вся военная промышленность СССР была сосредоточена в европейской части страны, в полосе между 30 и 40 градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград — Киев на западе и Ярославль — Воронеж — Донбасс на востоке. На этой территории, которую можно назвать военно-промышленным поясом СССР того времени, производилось более 80 % всей военной продукции страны. В первые же недели войны под оккупацией оказалась огромная территория, где до войны производилось 68 % всего выплавлявшегося в СССР чугуна и 68 % всей выплавлявшейся стали.

Главной оборонной базой страны стал Урал и в частности Челябинская область.

В предвоенный период в СССР сложилась система «огосударствления» труда, главной задачей которой было «объединить людей для достижения великой цели, заставить их работать там, где это было нужно государству, и довольствоваться тем, как оценит работу государство» [6, с. 329]. Завершающими трудовыми законодательными актами предвоенного периода стали указы 1940 года. В соответствии с ними продолжительность рабочего дня была увеличена до восьми часов, запрещен самовольный уход с работы и самовольный переход с одного промышленного предприятия или учреждения на другое; органы власти получили право перевода рабочих и служащих по своему усмотрению, независимо от территориального расположения предприятия или учреждения [36, с. 757–760, 775–778]. Положение о паспортах от 10 сентября 1940 года предусматривало хранение паспортов рабочих и служащих у администрации предприятий.

Воспоминания людей доносят до нас атмосферу военного труда. Из воспоминаний А. Е. Жолобовой: «На производстве было очень строго. На проходной висели две доски: приходишь на рабо-

ту — вешаешь бирку на одну, уходишь — снимаешь бирку с другой. За малейшее опоздание судили и вырезали хлебные карточки, сколько судья присутит,— 200 граммов или больше. А за хорошую работу давали дополнительный талон, он назывался “овощным”. На него было положено ложечка “мятой” картошки или тушеной капусты и 100 г хлеба» [29, с. 27].

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, а также с предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность, рассматривался как преступление — дезертирство. Лица, виновные в самовольном уходе (дезертирстве), карались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет [39]. Если в результате допущенной халатности на производстве происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу.

В октябре 1942 года Генеральная прокуратура СССР произвела проверку в Узбекской ССР, Казахской ССР, Саратовской и Челябинской областях по вопросу борьбы с прогулами и самовольными уходами с предприятий и учреждений. В первом полугодии 1942 года в народные суды регионов, по неполным данным, поступило 766 059 дел, из них о самовольном уходе — 149 128, остальные — о прогулах. Эти дела составили 60 % всех поступивших в народные суды уголовных дел [35]. Чаще всего причинами прогулов были отсутствие теплой одежды и обуви, болезнь, чрезмерная усталость, истощение вследствие потери продуктовых карточек и т. п. В архиве областной прокуратуры хранится дело работницы Шалимовой. Она была отпущена начальником цеха в отпуск для ухода за раненым мужем в госпитале. Вовремя вернуться на рабочее место женщина не смогла из-за задержки поезда на железной дороге и получила за прогул четыре месяца тюрьмы. И только после вмешательства прокурора приговор был отменен. Еще одного паренька не пропустили на завод — у него отсутствовала обувь (в «горячий» цех, по технике безопасности, без обуви входить было не положено).

А обувь просто развалилась, новую было негде и не на что купить. От уголовного наказания за прогул мальчишку спас начальник цеха.

Руководством предприятий применялось материальное стимулирование «наоборот» — в виде лишения пищевого пайка или его части. Подобные меры применялись не только к заключенным в исправительно-трудовых колониях и лагерях, но и к рабочим на предприятиях, причем распространялись они самодеятельно задолго до выхода Постановления СНК СССР от 18 октября 1942 года о снижении хлебного пайка осужденным за нарушение трудовой дисциплины. После выхода соответствующей директивы лишение пищи использовалось как наказание за прогулы, опоздания и другие нарушения дисциплины, независимо от причин, их вызвавших, причем даже к хорошо работающим [32].

Ветеран ММК В. В. Артамонова, работавшая в военные годы токарем в новотокарном цехе, вспоминает, что трудящиеся, словно военные, давали подписку о неразглашении сведений о месте своей работы и производимой продукции. Даже за пятиминутное опоздание судили. Так, некоторые из ее знакомых девочек получили по пять лет заключения. В одном из приказов директора ММК предписывалось: «Рабочим, совершившим прогул, хлеб отпускается по сниженным нормам:

Члены комсомольско-молодежной бригады А. Бахарева. Вагоностроительный завод. Цех № 7. Усть-Катав. 1943 год

на 200 г — с нормы 800 г и на 100 г — с других». Сегодня трудно сказать, оправданы ли были столь жесткие меры. Люди и без того понимали всю серьезность положения, работали на пределе сил, их труд — само воплощение лозунга того времени: в тылу — как на фронте! «Наверное, это было нужно — чтобы победить» [29, с. 96].

Существовали и меры поощрения за ударный труд. «Однажды вызвали всю бригаду в заводоуправление,— вспоминает работник ММК Иван Васильевич Огийченко.— Все очень сильно волновались, неизвестно было, зачем всей бригаде было приходиться, да не куда-нибудь, а в кабинет к главному. Все постарались причесаться, приодеться и с волнением ожидали. Когда мы сели за стол, то увидели, что перед каждым из нас лежал конверт, как потом оказалось, по 25 рублей в каждом. Через несколько минут в кабинет зашел Носов, поздоровался со всеми за руку и поблагодарил нас за ударный труд и рационализаторские предложения. Кроме того, нам были выданы дополнительные талоны на паек»¹.

Вкус мерзлой картошки

Во время войны ухудшилось положение с продовольствием. Неудачи первых месяцев войны, потеря значительной части территории привели к тому, что страна лишилась 47 % посевных площадей и 57 % крупного рогатого скота и лошадей. При этом необходимо было снабжать армию. Челябинская область испытывала трудности с продовольствием еще в довоенный период, чему способствовали суровые климатические условия и форсированное промышленное строительство в годы первых пятилеток.

В первые месяцы войны страна перешла на нормированное снабжение. Переход к выдаче продуктов по карточкам во всех городах тыла был завершен в основном к октябрю 1941 года. Нормы снабжения подразделялись по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц,

для служащих, иждивенцев и детей. Суточные нормы хлеба были установлены для них соответственно в 800, 600 и по 400 г в последних двух группах. Нормы для рабочих, в свою очередь, делились на две категории. По первой обеспечивались работники оборонной, угольной, нефтяной, химической, резиновой, металлургической, машиностроительной, цементной промышленности, станкостроения, транспорта, оборонного строительства и ряда других предприятий, выполнявших военные заказы. По второй категории — все остальное городское население, нормы для которого были ниже. В месячный паек рабочих входили: мясо и рыба — 1,8 килограмма, жиры — 0,4 килограмма, крупа и макаронные изделия — 1,2 килограмма [9, с. 465]. В 1942 году были введены карточки для получения дополнительного питания рабочим горячих и вредных цехов и занятым на подземных работах, а также беременным женщинам, кормящим матерям, донорам и больным. Для поощрения передовиков производства руководителям промышленных предприятий предоставлялось право выдачи дополнительного горячего питания и сверхнормативного отпуска овощей из подсобных хозяйств.

В сельских местностях карточки, как правило, не вводились, хлеб и другие продукты питания отпускались по талонам и спискам. Наркомторг СССР и Центросоюз 24 декабря 1942 года издали приказ «О порядке снабжения хлебом в сельской местности». В соответствии с ним продукты через райпотребсоюзы и сельпо направлялись: по заборным книжкам — госбюджетным детским и лечебным учреждениям, эвакуированным интернатам и детдомам, кооперативным столовым закрытого типа; по талонам — учителям и медицинским работникам, штатным агрономам, ветврачам и зоотехникам, а также эвакуированному населению (цит. по: [31, с. 91]).

На практике эти нормы не всегда соблюдались. Неотъемлемой чертой военной повседневности были очереди. Ухудшение питания произошло в ряде областей Урала зимой 1943 — весной 1944 года и было связано с неурожайным 1943 годом. В результате этого огороды дали мало овощей, заработанные трудодни почти не были оплачены, норма хлеба была снижена. Все это привело к рас-

¹ Из фондов музея Магнитогорского металлургического комбината.

ширению локальных очагов голода и случаям людоедства, трупоедства, особенно в сельской местности.

Но не все население испытывало продовольственные трудности. Номенклатура о себе позаботилась, расширив сеть закрытых магазинов и буфетов. Привилегированное положение чиновников закреплялось законодательно. Например, решением от 5 июня 1942 года партийное руководство Челябинской области ввело абонентские книжки для снабжения себя сухими пайками через закрытые буфеты. Нормы пайка в месяц были установлены в зависимости от «ранга» работника: первый секретарь обкома имел право на паек на сумму 1200 рублей, второй и третий секретари обкома, председатель облисполкома, уполномоченный Комитета партийного контроля — на 1000 рублей, остальной руководящий состав — на 800–300 рублей. Оплачивались эти пайки из средств «соцбыта» облисполкома [24].

Основными источниками еды в военных условиях для большинства жителей кроме получения продуктов питания по талонам и карточкам (в первую очередь хлеба) стали урожай с личных огородов (главным образом картофель), обеды в обще-

ственных столовых. Люди вспоминали: «Тому, кто хорошо работал, давали раз в месяц талон УДП — усиленное дополнительное питание. В шутку его называли — умрешь днем позже». Рабочие придумывали также свои названия блюдам, даваемым в заводских столовых: «в столовых еще очень часто бывают “голубая ночь” (невероятное блюдо из ботвы), “осень” (баланда с горохом), “карие глазки” (суп с воблой). Так рабочие с горькой шуткой называли эти блюда» [12, с. 66]. Самым распространенным блюдом военной поры стала «затируха» — заваренная в кипятке мука.

Дети обычно помнили, что они ели, а не что было «вкусно» или «невкусно». Любопытно, что в воспоминаниях часто звучит «как ели». Смысл был в том, чтобы максимально продлить процесс еды, тем самым «обмануть» организм. Молоко не пили, а «лакали, как кошечки»; хлеб делили на много кусочков, съедая не сразу, а через определенные временные промежутки; каждую хлебную крошку «долго сосали во рту, прежде чем проглотить»².

² Документальный сериал «Эвакуация» (Россия, 2006. Режиссер С. Зеликин). Фильм 4.

Уборка капусты. Подсобное хозяйство завода имени Кирова. Юрюзань. 1943 год

В условиях войны цены на колхозных рынках тыловых регионов резко возросли, прибытие сюда тысяч эвакуированных усилило эту тенденцию. Статистикой зафиксировано, что цены на сельскохозяйственные продукты на рынках Свердловской, Челябинской, Молотовской областей были в два раза выше, чем в среднем по стране [38, с. 86]. Например, в ноябре 1942 года мясо стоило 250 рублей за килограмм (государственная цена 10–12 рублей), сливочное масло — 1000 рублей за килограмм (государственная цена 25 рублей), молоко — 77 рублей за литр (государственная цена 2 рубля), мука пшеничная — 160 рублей за килограмм (государственная цена 2,4 рубля).

Повсеместное распространение огородничества было активной стратегией выживания для большинства и позволяло частично разрешить продовольственную проблему за счет самого населения. Государство начало активно поддерживать и пропагандировать огородничество с весны 1942 года. В это время ситуация с продовольственным обеспечением жителей тыловых районов была близка к кризису. Максимальный размер участка в уральских областях утверждался в 0,15 гектара. На Магнитогорском металлургическом комбинате по инициативе завкома в цехах изготавливались лопаты, тяпки и другой мелкий инвентарь. Для обработки земли использовались трофейные танки, с которых снимались башня и верхняя часть броневой защиты. Горючим для них служил бензол, который вырабатывался в коксохимическом цехе [2, с. 75].

Ответной реакцией значительной части населения тыловых районов на введение нормированного снабжения, всеобщий дефицит и рост цен на колхозных рынках стала «спекуляция». Советское руководство называло «спекуляцией» любое приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене и рассматривало подобные действия как преступление. Но среди так называемых спекулянтов были как крупные воры и мошенники, так и старушки, спасающиеся от голода перепродажей с небольшой наценкой купленных в магазине продуктов, или эвакуированные, продававшие с себя последнюю одежду, чтобы прокормить детей.

Вообще картофель и хлеб были основой питания у большинства людей в тылу. Вкус мерзлой картош-

ки запомнился многим детям военной поры. Все говорят, что это было вкусно, но, пожалуй, только сестра Марии Ильиничны Луневой решилась через много лет совершить эксперимент. Найдя случайно забытую в гараже замерзшую картошку, начала печь лепешки. «Испекла одну. Получилась красивая, вся в разводах, как в те далекие годы. Нагляделась на нее, с нетерпением откусила и начала жевать. Неописуемо противный вкус, крахмал рассыпчатый и горький, не смогла проглотить» [16, с. 104].

Такие продукты, как сахар, яйца, конфеты, мороженое и т. п., считались деликатесами. Показательны такие эпизоды. Воспитатели одного из детских садов Магнитогорска решили придумать что-нибудь такое, чтобы детям запомнился день Победы. «Раздобыли яйца, сахар, молоко. В большую деревянную бочку поставили бидон с этой смесью, обложили льдом с солью. Потом крутили этот бидон, пока на стенах не появилось подобие мороженого. Всего по несколько ложечек досталось ребятишкам, но этот “пломбир сорок пятого” они помнят до сих пор» [13].

Мода военной поры

Люди испытывали нужду в промышленных изделиях (одежде, обуви, тканях и пр.). Даже когда с 1944 года была возобновлена коммерческая торговля, купить предметы повседневного спроса было практически невозможно.

В условиях страшного дефицита деформировались понятия «красиво — некрасиво», «по размеру — велико — мало» и даже понятие «мое». Если одни валенки на всех детей в семье и в них ходят все по очереди, то как определить их хозяина? У детей было свое представление о «моде». Бывший в то время подростком В. Шкварко вспоминает: «Ходили в залатанной или перешитой из отцовской одежде, самодельной обуви (клееные резиновые чуни со стегаными бурками, а то и лапти с портянками). Особенно модным считался лыжный костюм, сшитый из списанного госпитального одеяла» [43, с. 78]. Воспоминания подтверждаются архивными документами. Особенно наглядно это прослежива-

лось в детских домах: на 1 января 1942 года в эвакуированном в Уфалейский район Челябинской области детдоме на 205 детей было два пальто, четыре шапки, ни одной пары валенок [25].

Чтобы определить уровень жизни южноуральцев, попробуем соизмерить их доходы и расходы. Выборочная проверка ряда челябинских предприятий в начале 1945 года показала, что месячные расходы на питание в столовой, хлеб, оплату общежития, починку одежды и обуви, стирку, баню, парикмахерскую, возможное приобретение одежды и обуви, покупку табака, посещение кино, театра, членские взносы общественным организациям составляли в среднем у рабочего-одиночки 400 рублей в месяц. Выборочная проверка заработков показала, что такую сумму получают на руки от 22 до 62 % рабочих [15, с. 77, 85]. Большая часть населения области (особенно в сельской местности) имела гораздо более низкие доходы.

Государство гарантировало социальную защиту наиболее пострадавшим от войны категориям граждан: семьям участников войны, инвалидам, детям, эвакуированным. Семьям фронтовиков выплачивались пособия.

Положение работников промышленных предприятий во многом зависело от инициативности и человечности конкретных носителей власти, в данном случае — директорского корпуса. Работавший в 1939–1946 годах управляющим трестом «Магнитострой» В. Э. Дымшиц вспоминает: «Не могу не сказать, что к устройству эвакуанаселения я относился не только как к своему служебному и гуманному гражданскому долгу. Мне было понятно, что означает для семей, оставшихся без мужей, сыновей, братьев, попасть на новое место, где нет ни друзей, ни родных, ни поначалу крыши над головой» [7, с. 85]. Показателен также пример И. М. Зальцмана, бывшего в годы войны директором Кировского завода, эвакуированного из Ленинграда в Челябинск. Ветераны вспоминают, что Зальцман со своим помощником по быту стоял утром у заводской проходной и изучал, во что одеты и обуты рабочие. Он распорядился организовать мастерскую по производству валенок и обул в них треть работавших на заводе [8, с. 135].

Обстановка тотального дефицита и общего снижения уровня жизни населения, вызванная военными обстоятельствами, ставила человека, борющегося за выживание, в пограничную ситуацию между должным и приемлемым поведением. Девиантные (иногда переходящие в криминальные) поведенческие практики были связаны с уклонением от выполнения или прямым нарушением существовавших правовых норм. Сразу оговоримся, что провести четкую границу между законопослушным и противоправным поведением практически невозможно. Главным мотивом девиантного поведения было «выжить любой ценой», диапазон моделей такого выживания был достаточно широк и разнообразен. Часть населения превратила криминальные модели поведения в практики наживы и обогащения. Но в условиях войны границы девиантности расширили, и некоторые деяния граждан, наказуемые с точки зрения закона, не считались преступными в общественном мнении.

В воспоминаниях содержатся примеры таких поведенческих практик, как сбор колосков или картофеля на колхозных полях, воровство торфа или угля с добывающих предприятий для отопления своего жилища, приобретение товаров для перепродажи по более высокой цене и т. п. Видами хищения, характерными для военного времени, были кражи и подмены вещей, присланных из-за рубежа в качестве подарков или помощи, а также собранных населением в ходе субботников и воскресников в помощь семьям фронтовиков, и т. д. [5]. В годы войны появились новые виды взяточничества: укрывательство от мобилизации в армию (военкоматы давали незаконные отсрочки, врачи писали фиктивные диагнозы, директора заводов фиктивно зачисляли людей на должности, подлежащие бронированию) [34].

Уровень доходов абсолютного большинства населения был таков, что думать о том, куда потратить деньги, не приходилось. Вот стандартный перечень расходов в бюджете семьи в порядке значимости: «...выкупить карточки, затем оплата коммунальных платежей, подписка на займы и денежно-вещевые лотереи; хорошо бы купить что-то из обуви или одежды, если повезет». Вот и все. Другие категории товаров, даже если и появлялись на складах

и в магазинах в конце войны, не находили спроса. На складах Челябинского горпромкомбината, по данным на 12 июля 1945 года, скопилось неходовых некачественных товаров на 667,3 тысячи рублей (домино, пуговицы, одежные крючки, игрушки). Особенно много было на складе пудры — 1032 килограмма [4].

Военное детство

В условиях неблагоприятных демографических изменений в составе населения советского тыла и необходимости постоянной борьбы за выживание детям приходилось много трудиться. Так как в условиях всеобщей трудовой мобилизации взрослые работали без отпусков и выходных, заботы по дому ложились на плечи детей. Дети должны были нянчить младших сестер и братьев, готовить еду, заниматься уборкой в доме, стоять в многочасовых очередях, для того чтобы отоварить карточки, и т. д.

Значительная часть учащихся трудилась летом на полях колхозных хозяйств. Война коренным образом изменила условия обучения детей. Сократилось количество школьных и внешкольных учреждений, ухудшилась их материальная база. Вместе с тем наплыв эвакуированных детей привел к переполняемости классов. В обучении возникали дополнительные трудности: нехватка учебников, невозможность посещать школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви, уход подростков на производство. Были введены «Правила для учащихся», обязательные экзамены, учреждены золотые и серебряные медали, вручаемые по итогам окончания средней школы, организованы вечерние классы и школы для работающей молодежи. Хотя полностью всеобщее обучение обеспечить не удалось, школа продолжала функционировать и давать знания большинству детей. Что касается качества знаний, то абсолютная успеваемость в среднем была не ниже довоенной. В школе учеников у входа встречал такой лозунг:

Тетюева (взрывник) и Котельникова (подземный каталь).

Трест «Кочкаръзолото». Пласт. 1943 год

Учащиеся группы № 37 за формовкой изделий.

Ремесленное училище № 2. Челябинск. 1942 год

Готовя дома свой урок, подумайте о том,
Что в это время «ястребок» сражается с врагом.

Было пересмотрено содержание учебных планов и программ: временно прекращалось преподавание пения, рисования, черчения, основ дарвинизма, вводилась военная подготовка по 110-часовой программе всевобуча для юношей и санитарная подготовка для девочек. Широко практиковались военизированные игры, лыжные кроссы, изучение винтовки и стрелковые соревнования. В преподавании истории обращалось внимание на героическое прошлое народов нашей страны, их борьбу за независимость против иноземных захватчиков. На уроках русского языка и литературы широко использовались тексты о войне, о подвиге советского народа на фронте и в тылу. Основной формой организации детей во внеурочное время в годы войны продолжали оставаться пионерские и комсомольские организации. Характерной для периода войны воспитательной формой были организованные патриотические кампании, в которых активно участвовали дети. К таким мероприятиям относились:

сбор средств в Фонд обороны, тимуровское движение, организация воскресников для оказания помощи семьям военнослужащих, переписка с фронтовиками и др. Но самое большое воздействие на сознание детей оказывала сама военная действительность.

Практически все дети военной поры вспоминают проводы отцов на фронт. В силу малолетнего возраста они не понимали, что происходит, но чувствовали трагичную значимость этого события. «Прощаясь с нами, отец поднял меня высоко-высоко и сказал: “А ты, доченька, меня и знать совсем не будешь”» [16, с. 162]. «Воспоминания о войне у меня отрывочные. Хорошо помню последнюю встречу с отцом, когда он на открытой легковой машине заскочил домой, забрал меня и бабушку и — на вокзал <...> на ходу поцеловал меня, крикнул водителю: “Тони!” — и умчался от меня навсегда» [Там же, с. 8].

В трудных военных условиях увеличивалось количество сирот, беспризорных и безнадзорных детей. В условиях войны в тылу люди трудились без выходных и отпусков, вследствие чего

Учащиеся группы № 1 за расточкой «изделий». Ремесленное училище № 2. Челябинск. 1942 год

не оставалось ни сил, ни свободного времени для надлежащего присмотра за детьми. Не хватало средств для того, чтобы одеть и обуть их. Вовлечение женщин в производство поставило вопрос о нехватке детских учреждений. Подростки, трудившиеся на производстве, нередко сталкивались с трудностями быта, грубостью, а подчас с применением по отношению к ним физических наказаний. Кроме того, дети теряли родителей — из-за гибели на фронте, в зоне военных действий, под бомбежками, во время эвакуации.

Социальная политика поддержки сирот и безнадзорных детей определялась постановлениями СНК СССР от 23 января 1942 года «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и от 26 июня 1943 года «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью».

Для устройства детей-сирот при горисполкоме действовала специальная комиссия. Многие сироты нашли приемных родителей.

«От советского Информбюро...»

Главное, что интересовало каждого советского человека, — это положение на фронтах. Основным каналом информации были сводки Совинформбюро. Искажения и неполнота информации порождали слухи. С началом войны был ужесточен цензурный и идеологический контроль. Уже 6 июля 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым «за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные карались тюремным заключением на срок от трех до пяти лет». На улицах и в учреждениях появился знаменитый плакат «Не болтай!». О бдительности поэты стали слагать стихи:

И тот, кто не держит
Язык на запоре, —
Тот явный пособник врага.
В военное время
Наш лозунг таков:
На взводе вниманье,
Язык — на засов!

Изначально состав коренного населения Урала отличался этнической пестротой. Так, по данным переписи 1939 года, на Урале проживало: русских — 71,54 %, татар — 8,95 %, башкир — 5,96 %, удмуртов — 3,89 %, украинцев — 3,00 %, мордвы — 1,53 %, чувашей — 1,07 % и т. д. [11]. Такое национальное многообразие было обусловлено особенностями исторического и территориально-географического положения региона. В 1930-е годы произошли массовые перемещения людей, связанные со строительством уральских гигантов социндурии. Определенное влияние на пестроту национального состава оказали раскулачивание, репрессии и депортации 1920–1940-х годов. Эвакуация привела к еще большей многонациональности населения Урала. Здесь в 1941–1943 годах жили и работали представители 60 наций и народностей из 52 областей и республик страны [14, с. 39]. В целом межнациональные взаимоотношения характеризовались толерантностью. Хотя в военное время в Челябинской области, как, впрочем, и в других областях и республиках советского тыла, имели место конфликты между местным и эвакуированным населением на национальной почве.

Трудно пришлось эвакуированным жителям вновь присоединенных западных территорий СССР. В июле — августе 1941 года в Челябинскую область было эвакуировано более пяти тысяч человек из Эстонской ССР [20]. При размещении они были рассредоточены в шести районах области, а семьи членов правительства поселены в самом Челябинске. Зачастую они не знали не только законов, но даже русского языка, не успели получить советские паспорта.

Это было столкновение двух разных миров. В период между двумя мировыми войнами развитие Эстонии шло по западноевропейской модели. В 1940–1941 годах на ее территории осуществлялись преобразования социалистического характера, но, за исключением нескольких вновь образованных совхозов, аграрный сектор продолжал оставаться в частных руках. Традиции, нормы повседневной жизни, культурные ценности эстонцев и русских во многом различались между собой. Эстонцы, прибывшие на Урал в качестве административно высланных, изначально были отрица-

тельно настроены по отношению к местному населению. Эвакуированные из Эстонии коммунисты и члены семей партийного и советского актива также с трудом воспринимали действительность, поскольку были подвержены определенным коммунистическим иллюзиям. Взаимные обвинения нарастали как снежный ком: эстонцы сетовали, что их разместили «в районах с раскулаченным и репрессированным населением, как местным, так и пришлым»; в свою очередь местное руководство районов утверждало, что прибывшие эстонцы «не хотят работать и политически неблагонадежны» [21].

К этому добавлялись психологические факторы: стресс от начавшейся войны, потеря близких людей и имущества, растерянность, которая охватывает любого человека, попавшего в незнакомую обстановку. Ситуация осложнялась политической и юридической неграмотностью людей (незнание советских законов), а также языковым барьером (плохое знание русского языка).

В Верхнеуральском районе только 10 % размещенных на жительство эстонцев владело русским языком [27]. Сложности со знанием языка не только вызывали трудности коммуникационного ха-

рактера, но иногда приводили к опасным ситуациям. Любая чужая речь в районах советского тыла в годы войны вызывала подозрение и ассоциировалась в общественном сознании с врагом. Так, в августе 1942 года Т. Таймсоо, не имея на руках официального документа о назначении его уполномоченным СНК Эстонской ССР, прибыл в Челябинскую область и начал частную переписку с эвакуированными на эстонском языке. Его сочли шпионом, арестовали и долго разбирались в обстоятельствах дела [23].

Но часть эстонцев, прибывших в эвакуацию, смогла вывезти из опасных районов ценные вещи. Среди вещей были и такие, которые воспринимались сельским населением уральской «глубинки» как диковинные, даже «шпионские»: фотоаппараты, пишущие машинки, радиоприемники, аптечки с большим ассортиментом медикаментов. Вот что писал секретарь Верхнеуральского райкома партии В. Трофимов: «Прибывшие граждане из Эстонии имеют в личном пользовании: пишущие машинки, радиоприемники, наркотики, фотоаппаратуру и т. д. Мне кажется, все эти и им подобные предметы должны быть изъяты, однако, органы НКВД медлят. Есть лица неблагонадежные и с явно

Занятия в лагере Всевобуча завода «Магнезит» проводит товарищ Дементьев. Сатка. 1942 год

Первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев передает

Наказ командиру бригады полковнику В. И. Коновалову. Челябинск. 1943 год

антисоветскими настроениями». Любопытно, что подозрительными эти вещи казались не только простым людям и районному начальству — на документе размашистым почерком секретаря обкома партии Сапрыкина наложена резолюция: «...пишущие машинки, радиоприемники надо изъять» [26]. Может быть, такие вещи были ценностью, но не были такой уж редкостью в предвоенной Эстонии.

Наплыв эвакуированных в тыловые города имел следствием ухудшение санитарно-эпидемической обстановки, усиление жилищного кризиса, рост цен на колхозных рынках и т. д. Массовое сознание коренных жителей зачастую связывало все эти трудности с приездом «чужаков» («понаприехали тут...») и обрушивало на них волну негодования. Прибывавших по эвакуации евреев в основном встречали хорошо, но иногда, очевидно, под влиянием материально-бытовых трудностей, имели место антисемитские настроения. М. М. Литичевский вспоминает: «Отношения с местными были плохие. Ведь они не видели войны. У местных женщин забрали на фронт мужей, а тут приехали в эвакуацию здоровые мужики с бронью»³. Как правило, быто-

вой антисемитизм проявлялся на фоне неприязни к эвакуанселению в целом и был особенно заметен в сельской местности.

Жительница Шадринска (входил в состав Челябинской области) В. Н. Иовлева вспоминает, что среди эвакуированных «больше бросались в глаза евреи со своей грассирующей речью. Дети сразу стали их копировать, а маленьких дразнить». В школе учительница стала знакомиться с вновь прибывшими детьми, спрашивать национальность. Еврейка Нонна Мовсович «потупясь, сказала “украинка”, на что учительница заметила, что надо говорить правду, тем более, здесь некого и нечего бояться» [42, с. 38–39].

В условиях войны формировалась другая социальная реальность, в которой результат определялся не буквой закона, должностной инструкцией или предписанным поведенческим кодом, а правом сильного и наглого, с одной стороны, понятиями человечности, справедливости и коллективизма — с другой. В каждом конкретном случае исход происходившего зависел от субъективного фактора, от реального соотношения сил «между добром и злом», от готовности человека занять активную позицию и бороться за свою жизнь.

И вот пришла долгожданная победа!

Из воспоминаний Марии Семеновны Форыкиной: «Я отчетливо сейчас вспоминаю день, когда объявили по радио окончание войны. Был теплый майский день, который разорвал мрак войны прогремело многомиллионным “Ура” по всей стране — “Победа”. Этот день я никогда не забуду, я хлопала глазами и спрашивала у каждого: “Что это? Почему все плачут?” Не забуду, как причитала, упала на лавку, заплакала, и зарыдала моя мамочка, а рядом и я с ней, вспомнив о погибшем муже и нашем отце Семене Семеновиче. Конечно, много было в этот день радости, смешанной пополам с горем. И все же это была радость, огромная, долгожданная, выстраданная всеми и старыми и молодыми и малыми. И не верилось мне, маленькой девочке, что не будет больше похорон, не надо будет рано выставлять очереди, чтобы получить 200 гр. хлебушка» [30].

³

Интервью с М. М. Литичевским от 25 июня 2008 года (личный архив автора).

Список литературы

1. Война и Победа. «Комсомольская правда» в Великой Отечественной войне. М., 1976.
2. Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Флагман отечественной индустрии. История магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина. М., 1978.
3. ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 51. Л. 143
4. Там же. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 1966. Л. 2–6.
5. Там же. Ф. А-415. Оп. 2. Д. 22. Л. 1.
6. Гончаров Г. А. «Огосударственный труд» как элемент советской модели мобилизационной экономики: становление системы 1917–1940 гг. // Мобилизационная экономика: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009.
7. Дымшиц В. Э. Магнитка в солдатской шинели. М., 1995.
8. Ерусалимчик Г. И. Разные судьбы общая судьба (из истории евреев Челябинска). Челябинск, 1999.
9. История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. М., 1978.
10. Книга памяти участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chelarthiv.ru/htmlpages/Show/Informacionnopoiskovyeresredstv/Knigipamyati>
11. Комар И. В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959.
12. Магид А. Солдаты в рабочих ватниках. Страницы дневника. М., 1969.
13. Магнитог. рабочий. 1988. 14 сент.
14. Михайлов В. А. Дружба и сотрудничество народов СССР в годы Великой Отечественной войны // 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. Смоленск, 1995.
15. На защите экономической безопасности государства. 1937–2007 / авт.-сост.: Д. В. Смирнов, Л. Б. Коган. Челябинск : Книга, 2007.
16. Не гаснет памяти свеча : сб. писем-воспоминаний детей погибших защитников Отечества. Магнитогорск : Магнитог. Дом печати, 2005.
17. ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 15. Д. 519. Л. 22–23.
18. Там же. Л. 68–72.
19. Там же. Оп. 3. Д. 150. Л. 2–4.
20. Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 55–63.
21. Там же. Л. 58–63.
22. Там же. Оп. 6. Д. 117. Л. 8–10.
23. Там же. Л. 84–87.
24. Там же. Оп. 8. Д. 45. Л. 48–50.
25. Там же. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 110. Л. 64.
26. Там же. Д. 112. Л. 44 ; Д. 164. Л. 24–25, 59.
27. Там же. Д. 91. Л. 137.
28. Там же. Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 1. Л. 286.
29. Одна на всех победа : ист.-публицист. сб. Магнитогорск : ММК, 2005.
30. Память сердца. (Отчет детей перед погибшими и ушедшими родителями). Челябинск, 2013.
31. Пасс А. А. Война и кооперация. Челябинск, 2000.
32. Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О снижении хлебного пайка осужденным за нарушение трудовой дисциплины» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1353083>
33. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 157. Л. 29–32.
35. Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 891. Л. 76.
36. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. Т. 2. М., 1967.
37. Санитарно-эпидемиологическое обеспечение страны в годы Великой Отечественной войны. М., 1996.
38. Трифонов А. Н. Продовольственное снабжение городского населения Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995.
39. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawmix.ru/docs_ccsr/7065
40. Челяб. рабочий. 2001. 22 июня.
41. Челябинская область, 1917–1945 : сб. док. и материалов. Челябинск, 1999.
42. Шадринск военной поры : в 3 кн. Кн. 1. Шадринск, 1995.
43. Шкварко В. Дети Победы и дети беды // Диалог. 1995. № 4.
44. Щекурина М. Г. Митенька // Память сердца: отчет детей перед погибшими и ушедшими родителями : в 2 кн. Кн. 2. Челябинск : ИнвестПро, 2014.

И. В. Сибиряков,
**ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕХАНИКО-
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
В ГОДЫ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

В годы Великой Отечественной войны в Челябинск было эвакуировано несколько крупных промышленных предприятий, сыгравших важную роль в появлении качественно нового военно-промышленного комплекса страны. Ленинградский, Харьковский, Сталинградский заводы вместе с Челябинским заводом составили основу легендарного Танкограда.

Подготовку инженерных кадров для работы на производстве осуществлял Сталинградский механический институт, эвакуированный в Челябинск в 1942 году. Однако после успешного завершения великой Сталинградской битвы было принято решение о возвращении Сталинградского механического института в город на Волге. На Южном Урале возникла совершенно реальная угроза острого дефицита инженерных кадров на целом ряде ключевых производств [2, с. 6].

Чтобы предотвратить надвигавшийся «кадровый голод», Челябинский обком партии и Наркомат танковой промышленности обратились в СНК СССР с просьбой о создании в Челябинске собственного механико-машиностроительного института.

2 ноября 1943 года Совет народных комиссаров принял Постановление № 1201-361с «О мероприятиях по улучшению подготовки инженерно-

технических кадров для предприятий танковой промышленности», где четко было сказано: «... разрешить Наркомтанкопрому: а) организовать в 1943 г. Челябинский механико-машиностроительный институт с размещением его в г. Челябинске в помещениях, занимаемых в настоящее время Сталинградским механическим институтом» [3, с. 13].

15 ноября 1943 года первая группа сотрудников Сталинградского механического института во главе с директором А. В. Ловягиным выехала к себе на родину. Вторая группа сталинградцев во главе с заместителем директора института В. А. Добровольским осталась завершать первый семестр и проводить зимнюю экзаменационную сессию. Выезд второй группы состоялся в апреле 1944 года.

В этой непростой ситуации важную роль в становлении нового челябинского вуза сыграл знаменитый Челябинский тракторный завод. Именно он предоставил ЧММИ первые квалифицированные кадры инженеров-преподавателей, лаборатории, цеха и мастерские для проведения практических работ, общежития для студентов. Этот необычный научно-производственный союз самым существенным образом повлиял на историческую судьбу не только института, но и завода.

Первоначально в институте были открыты два факультета — механико-технологический и танковый, в составе которых созданы 24 кафедры. Правда, уже в 1944 году танковый факультет был переименован в факультет колесно-гусеничных машин (КГМ).

В рамках механико-технологического факультета была открыта подготовка специалистов по технологии машиностроения, кузнечно-прессовым машинам, обработке металлов давлением, сварочным машинам и сварочному производству. В марте 1944 года деканом факультета был назначен доктор технических наук, профессор И. И. Чернобыльский.

В рамках факультета колесно-гусеничных машин осуществлялась подготовка по специальностям «Танкостроение», «Автомобили и тракторы», «Двигатели внутреннего сгорания» [8, с. 18]. Первым деканом факультета был назначен профессор Г. М. Городецкий.

Такая структура вуза во многом была связана с теми задачами, которые институт должен был решать, и с теми ресурсами, которыми он реально располагал на момент своего создания.

Исполняющим обязанности директора ЧММИ в декабре 1943 года был назначен кандидат технических наук, доцент Петр Алексеевич Гришин.

С 1935 года П. А. Гришин работал в должности инженера-конструктора на Сталинградском машиностроительном заводе «Баррикады», а в 1937 году поступил в аспирантуру Сталинградского механического института, одновременно став заведующим кафедрой «Резание металлов и артиллерийское производство».

Приказ № 1
по Челябинскому
механико-машино-
строительному
институту,
подписанный
П. А. Гришиным

Приказ

по Челябинскому Механико-Машиностроительному институту
№ 1

15 декабря 1943г. г. Челябинск

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 1943г. об организации в г. Челябинске Механико-Машиностроительного института Нар. Комис. Тамновой Промышленности.

Поверенность Начальника ГУУЗ'а Наркомтаннопрома № 1/111 - 43г. за № 32/20-94.

Я Гришин Петр Алексеевич вступаю с 15 декабря 1943г. на все обязанности директора Челябинского Механико-Машиностроительного института (ЧММИ) Н.Н. Тамновой Промышленности.

Н.О. Директора ЧММИ (Гришин)

26 июня 1941 года П. А. Гришин успешно защитил диссертацию. Ему была присуждена степень кандидата технических наук. Вместе с коллективом института он был эвакуирован в Челябинск. Уже здесь избран секретарем парторганизации института. В характеристике, которую подготовил секретарь Советского райкома ВКП(б) Рудных, говорилось: «...тов. Гришин политически развит, идеологически выдержан, партвызысканий не имеет, во всей общественно-политической жизни института принимает активное участие».

После того как в 1943 году было принято решение о возвращении Сталинградского механического института из эвакуации назад в Сталинград, П. А. Гришину предложили остаться в Челябинске и стать директором создаваемого здесь Челябинского механико-машиностроительного института.

15 декабря 1943 года П. А. Гришин подписал приказ № 1, который гласил: «В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР... об организации в г. Челябинске Механико-Машиностроительного Института народного комиссариата танковой промышленности... Я, Гришин Петр Алексеевич, вступил с 15 декабря 1943 г. в исполнение обязанностей Директора Челябинского Механико-Машиностроительного Института (ЧММИ) Н. К. Танковой Промышленности» [1, л. 1].

Именно П. А. Гришину пришлось справляться с огромным количеством проблем, связанных с созданием нового вуза. Часть из них он решил успешно.

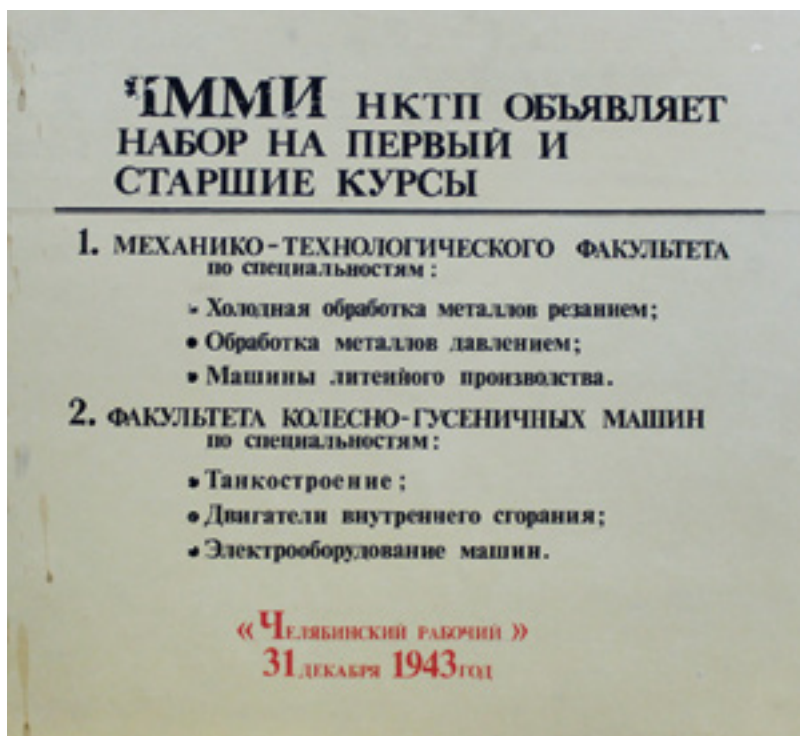
Уже в декабре 1943 года начались первый набор студентов и переоформление студентов-старшекурсников из Сталинградского механического института в ЧММИ. Набор осуществлялся по специальностям «Танкостроение», «Двигатели внутреннего сгорания», «Технология производства танков», проходил без вступительных экзаменов, под руководством профессора В. А. Добровольского.

Одной из самых первых в ЧММИ была создана кафедра «Металловедение и технология металлов». Первым заведующим ее стал доктор технических наук, профессор А. Н. Рабинович. Приказ о создании этой кафедры был подписан 18 декабря

Первый директор ЧММИ Петр Алексеевич Гришин

Объявление в газете «Челябинский рабочий» о наборе студентов

Судьба П. А. Гришина очень показательна. Он родился 26 ноября 1909 года в Саратове в семье рабочего. Его отец был кузнецом в мастерских Саратовских железных дорог. Свою трудовую биографию П. А. Гришин начал учеником слесаря в 1921 году.

В 1930 году П. А. Гришин поступил в Сталинградский механический институт на механико-технологический факультет, в 1932 году стал членом ВКП(б). В 1935 году П. А. Гришин закончил учебу и получил специальность инженера-механика-конструктора.

1943 года. К числу самых старых кафедр вуза относилась и кафедра «Танки». В момент ее создания в декабре 1943 года единственным штатным преподавателем кафедры был доктор технических наук, профессор Е. И. Милославский.

Среди других кафедр, приступивших к работе уже в первые месяцы существования нового вуза, можно назвать кафедры военной и физической подготовки (и. о. заведующего В. С. Дурашкин), гидравлики (и. о. заведующего — старший преподаватель, кандидат технических наук Е. И. Коган), графики (заведующий доцент Н. А. Усов), «Детали машин» (и. о. заведующего — старший преподаватель, кандидат технических наук Г. К. Роскошный), иностранных языков (и. о. заведующего Г. А. Эрив), литейного производства (заведующий доктор технических наук, профессор Г. В. Нессельштраус), математики (заведующий доцент Е. Е. Воскобойников), металлов (и. о. заведующего Н. С. Голубых), металлорежущего инструмента (заведующий кандидат технических наук, доцент Фрайдфельд), организации производства (заведующий кандидат технических наук, доцент С. Л. Якобсон), основ марксизма-ленинизма (и. о. заведующего доцент Рейтер), резания (заведующий кандидат технических наук, доцент Ф. Н. Королев), сопротивления материалов (и. о. заведующего старший научный сотрудник Г. Я. Флейшер), теоретической механики (заведующий кандидат технических наук, доцент А. А. Лесохин), теплотехники (заведующий доктор технических наук, профессор И. И. Чернобыльский), технологии машиностроения (заведующий доцент Б. И. Шифрин), физики (заведующий доктор технических наук, профессор Н. Ф. Кунин), химии (и. о. заведующего старший преподаватель В. В. Леонова), электрооборудования (заведующий профессор Г. М. Городецкий).

Учебные занятия у более чем 340 студентов 1–5 курсов ЧММИ начались в феврале 1944 года. Среди студентов первого набора были: будущий декан автотракторного факультета Л. Анискин, будущий кандидат технических наук, профессор кафедры «Автомобили и тракторы» Б. Пинигин, недавно вернувшиеся с фронта Л. Дегтярев, Е. Перепелицын, В. Хохлов и др.

Первые преподаватели
института

А. Т. Полецкий

А. А. Коколева

А. Н. Рабинович

В. М. Пискунов

Студенческий билет Яковлева Георгия Сергеевича, выпускника Сталинградского механического института, лауреата Ленинской премии, конструктора бронетанковой техники на ЧТЗ, руководителя научными работами студентов ЧММИ, ЧПИ

Первые преподаватели
института

А. Д. Кацман

А. Д. Шереметьев

А. И. Клочков

А. М. Ковачевич

И. И. Пейсахов

И. И. Чернобыльский

К. А. Еськов

М. Л. Цепушелова

М. Ф. Балжи

Н. П. Березкин

Н. П. Сенигов

Н. С. Двораковский

Первая факультетская лаборатория технических измерений размещалась в сарае с печным отоплением, а первая лаборатория сварки — в кладовой школьного здания [7, с. 8].

В течение первого учебного года на кафедрах института работали 58 преподавателей [6]. Многие из них были направлены на преподавательскую работу по решению обкома партии из ЧИМЭСХ и ЧГПИ, а также с Кировского завода. Так, в 1944 году в ЧММИ пришел А. И. Клочков, который в дальнейшем стал деканом автотракторного факультета и более 25 лет был заведующим кафедрой общей химии. В 1944–1947 годах в институте работал главный конструктор танков,

трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий Н. Л. Духов. Студентов-дипломников ЧММИ консультировал главный конструктор Кировского завода Ж. Я. Котин. В дальнейшем на работу в институте неоднократно направлялись выпускники лучших вузов Москвы и Ленинграда.

19 февраля 1944 года вопрос о Челябинском механико-машиностроительном институте слушался на заседании бюро Челябинского областного комитета ВКП(б). В целях развертывания работы создаваемого Челябинского механико-машиностроительного института бюро обкома ВКП(б) постановило:

В годы войны и первые послевоенные годы ЧММИ размещался на первом этаже здания магазина «Детский мир»

1. Обязать горисполком т. Павлова:

а) предоставить к 15 февраля 1944 г. ЧММИ 1-й этаж здания 52-й школы для организации учебных занятий института сроком по 1 июля 1944 г.;

б) закрепить за институтом здание бывшей железнодорожной школы № 4 в качестве учебного корпуса, по его освобождению Сталинградским механическим институтом;

в) закрепить за институтом квартиры, освобождаемые профессорско-преподавательским составом Сталинградского института в связи с эвакуацией в Сталинград;

г) выделить к 1 сентября т. г. 8 квартир из фонда городской жилплощади для размещения прибывающего профессорско-преподавательского состава организуемого института.

2. Облисполкому:

а) выделить до 15 апреля т. г. для нужд института 30 ящиков оконного стекла;

б) выделить институту для организации подсобного хозяйства 20 тонн картофеля, 700 кг гороха, 500 кг проса, 1800 кг овса и овощных семян различных культур на 8 га.

1. Просить Наркомтанкопром т. Малышева:

а) выделить в 1 квартале т. г. для организуемого института следующий транспорт:

1) грузовых автомашин ЗИС-5 — 1

2) легковых — " — 1

3) тракторов «Сталинец-60» (дизельмотор) — 1

4) тракторов НАТИ — 1.

б) обязать начальника Танкоснаба т. Магарилло принять на полное материально-техническое и бытовое снабжение ЧММИ и не позднее 1 марта 1944 г. выделить 200 комплектов постельных принадлежностей, считая

в комплекте наволочек — 2, простыней — 2, подушек — 2, матрацев — 1, одеял — 1.

в) обязать начальника Танкоснаба т. Магарилло выделить к 1 марта 1944 г. материалы, необходимые для ремонта учебного помещения, согласно приложению № 1.

4. Обязать облторгдетов. Горева выделить для создаваемого института необходимое учебное оборудование (согласно приложению № 2).

5. Обязать областного прокурора т. Шляева принять необходимые меры к освобождению к 1 мая т. г. учебного здания бывшей железнодорожной школы № 4 от жильцов, не имеющих отношения к институту.

6. Принять к сведению заявление директора Кировского завода т. Зальцмана о том, что:

а) инженерно-технические работники Кировского за-

вода, указанные в приложении № 3, будут переведены на научно-педагогическую работу в Челябинский механико-машиностроительный институт;

б) инженерно-техническим работникам, указанным в приложении № 4, предоставляется возможность в порядке совместительства вести педагогическую работу в институте;

в) рабочие и служащие в количестве 70 человек, зачисленные студентами Челябинского механико-машиностроительного института, освобождаются от работы на заводе с передачей их личных дел институту;

г) в целях обеспечения учебного процесса и укомплектования лабораторий Кировский завод выделяет станочное и лабораторное оборудование, согласно приложению № 5;

д) для обеспечения профессорско-преподавательского состава через УРС Кировского завода выделяется в 1 квартале т. г. промтоваров (одежда, обувь) на 20 человек;

е) один из объектов планового жилищного строительства Кировского завода на 7 участке, выполняемый Стройтрестом № 22, предназначается под студенческое общежитие на 250 мест и передается институту.

7. Обязать Стройтрест № 22 т. Шильдкрот производство работ по строительству дома Кировского завода, предназначенного согласно заявлению директора завода т. Зальцмана, под общежитие студентов на 250 мест, закончить до 15 июля 1944 г. [2, с. 32–33].

Студенты первого курса ЧММИ. 1944 год

Летом 1944 года в ЧММИ состоялся первый выпуск инженеров по специальности «Танки и танковые двигатели». Председателем государственной экзаменационной комиссии, заседавшей 27 июня 1944 года, согласно тексту протокола, был инженер Хайт», членами комиссии — профессор Рабинович, профессор Чернобыльский, доцент Шифрин, доцент Королев и директор ЧММИ Хмельницкий. Протокол гласил:

...Слушали: Защиту дипломного проекта студента Павлова на тему: «Проектирование промеханосборочного цеха для изготовления бортредукторов танков ИС». Отзыв консультанта (доцент Шифрин): т. Павлов владеет в должной мере знаниями и производственными навыками, чтобы получить звание инженера-механика. Проект выполнен на «отлично».

Заключение рецензента (профессор Рабинович): Проект носит вполне производственный характер, свидетельствует о зрелости и достаточном объеме инженерных знаний.

Дипломанту т. Павлову были заданы членами ГЭК и присутствующими следующие вопросы:

1. Какова трудоемкость узла...
2. Нормативные положения в расчете...
3. На каком станке производится сверление...
4. На чем производится обдирка...
5. Из какого материала изготовлен корпус расточного приспособления... <...>
18. Способы технического контроля <...> на которые тов. Павлов дал положительные ответы.

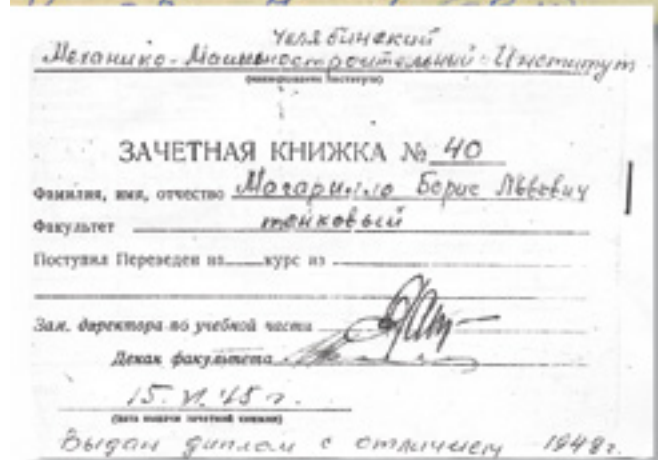
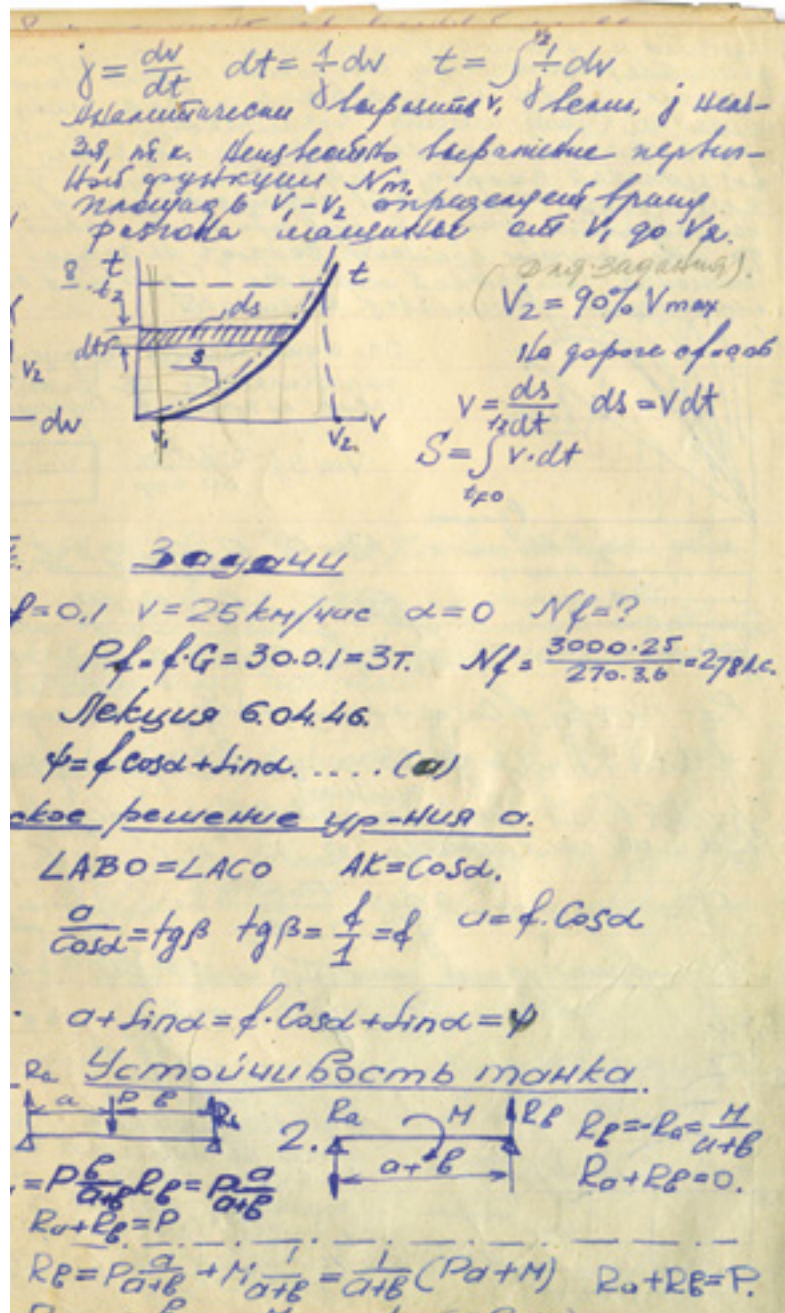
ПОСТАНОВИЛИ:

На основании защиты тов. Павлова дипломного проекта, отзывов консультанта доц. Шифрина и рецензента пр. Рабиновича, ответов дипломанта на заданные вопросы, признать защиту проведенной с оценкой «отлично». Тов. Павлову присвоить звание инженера-механика [5, л. 1].

Всего в 1944 году институт выпустил семь инженеров по трем специальностям: «Технология машиностроения», «Литейное производство», «Танки и танковые двигатели».

В мае 1944 года директором ЧММИ стал И. М. Хмельницкий.

Зачетная книжка выпускника танкового факультета ЧММИ 1948 года Б. Л. Магарилло

Иван Михайлович Хмельницкий родился 20 февраля 1899 года в станице Коробчино Новомиргородского района Кировоградской области в семье крестьянина-бедняка. Окончил земскую школу и до 1920 года работал в хозяйстве отца. В 1920-е годы Хмельницкий служил в органах ЧК, работал в комсомольских и партийных органах. В 1922-1923 годах служил в Красной армии. После демобилизации вернулся на партийно-советскую работу. В 1930 году был направлен в город Николаев на учебу в кораблестроительный институт. По его окончании, получив специальность инженера-кораблестроителя, был командирован на завод № 200 в Николаеве. До эвакуации И. М. Хмельницкий был начальником корпусного цеха. В эвакуации вначале работал в Сталинграде, затем был направлен в Нижний Тагил, где тоже трудился начальником цеха на заводе № 183. В мае 1944 года возглавил ЧММИ.

$$Pa + M(B-x) = \frac{PB - M}{a+b} (a+x)$$

$$Pa \cdot b + Mb - Pa \cdot x - Mx = PPa - Mo + PPa - Mx$$

$$x(Pb + Pa) = Mb + Mo \quad \alpha = \frac{M}{P}$$

$$M = G \cdot \text{find} \cdot hg \quad \alpha = \frac{G \cdot \text{find} \cdot hg}{G \cdot \cos \alpha}$$

$$\alpha < \beta - \text{танк устойчив}$$

$$\alpha = \beta - \text{танк в погранич. состоян. равнов.}$$

$$\alpha > \beta - \text{танк неустойчив}$$

$$\alpha = \frac{ZM}{X}$$

$$Z = \frac{G \cdot \text{find} \cdot x + G \cdot j \cdot hg + kv \cdot h}{G \cdot \cos \alpha}$$

$$\alpha < \beta - \text{условие устойчивости}$$

$$R_B = 0 - \text{условие опрокидывания}$$

$$R_B = \frac{G \cdot \cos \beta}{2} - \frac{G \cdot \text{find} \cdot \sin \beta \cdot hg}{B} = 0$$

$$\frac{G \cdot \cos \beta}{2} = \frac{G \cdot \text{find} \cdot \sin \beta \cdot hg}{B} \quad \boxed{\text{tg } \beta = \frac{B}{2 \cdot hg}}$$

$$\beta \leq \arctg \frac{B}{2 \cdot hg}$$

Масштаб 1:0.4.46.

Тяговый расчет танка

Задний ведущий ролик двигателя определяет диаметр парашара машины, следовательно диаметр танка в задний парашар в заднем ведущем ролике условия. Это условие задним ведущим парашаром парашарной машины. При заднем парашаре задний шаг. Величина:

В 1944/45 учебном году абитуриенты уже сдавали вступительные экзамены. «Второй набор составил 175 студентов. Зачисляли студентов и на старшие курсы. Всего — 426 человек. Этот учебный год проходил уже в здании универмага «Детский мир», где в войну находился Наркомат танкостроения» [3, с. 15].

С первых дней существования института его преподаватели, сотрудники, многие студенты принимали активное участие в научной работе. Уже

Страницы тетради с конспектами выпускника танкового факультета ЧММИ 1948 года Б. Л. Магарилло

Первый состав
комитета ком-
сомола ЧММИ:
Д. Израилит,
В. Антропов,
В. Новоселов,
В. Фишман,
А. Скрябин,
Н. Гриненко.
1949 год

в декабре 1944 года была завершена подготовка к печати первого сборника научно-исследовательских работ ЧММИ. Научные сотрудники института оказывали посильную помощь Кировскому заводу, Миасскому автомобильному, челябинским электродному, абразивному, металлургическому заводам. Важную роль в организации учебной и научной работы в институте в это время сыграл заместитель директора по научной и учебной работе (НУР) профессор А. Н. Рабинович.

Естественно, в первые годы своего существования вуз столкнулся с большим количеством организационных проблем. Главной из них на долгие годы стал дефицит учебных площадей. В 1943–1944 годах учебные занятия проходили в нескольких зданиях, расположенных в разных концах города. В 1945 году с помощью Кировского завода и Челябинского обкома ВКП(б) институт получил новое здание на улице Тимирязева. Однако радикально проблема учебных площадей в этот период так и не была решена. В 1945 году число преподавателей и студентов возросло до 1119 человек.

Первым секретарем партийной организации ЧММИ был заведующий кафедрой металлорежущих станков Н. С. Двораковский. Затем его сменила А. А. Коколева. Первым секретарем комитета комсомола стал А. Колубакин. Вскоре на эту

должность была избрана А. М. Коваль [7, с. 14–15]. О специфике работы комитета комсомола говорит отчет комитета ВЛКСМ института за декабрь 1944 — апрель 1945 года:

Настоящий состав комитета ВЛКСМ начал свою работу с декабря 1944 г. Состав комитета 7 человек. В декабре были избраны 2 факультетских бюро по 5 человек и группкомсорги во всех 28 академических комсомольских группах. К моменту отчетно-перевыборного комсомольского собрания комсомольская организация насчитывала 177 комсомольцев. Было приведено в порядок протокольное хозяйство, проведена перерегистрация комсомольцев, заведена книга учета. В настоящее время комсомольская организация насчитывает 300 человек. За текущий период было проведено 13 заседаний комитета, 4 закрытых комсомольских собрания

и 3 общеинститутских студенческих собрания...

1. Создан коллектив агитаторов, с которыми силами кафедры основ марксизма-ленинизма были проведены два семинара. Было проведено совещание агитаторов по обмену опытом работы лучших агитаторов.

2. Были проведены лекции о международном положении — 3 и 5 научно-популярных лекций («Происхождение солнечной системы», «Теория относительности»).

3. Созданы редколлегия общеинститутской и двух факультетских стенных газет. Выпущено 4 номера общеинститутских газет и по 3 номера факультетских газет. Выпущено 4 бюллетеня... [6, л. 60–61].

Лаборатория химии.
1945 год

Лаборатория физики.
1945 год

В 1945–1952 годах институт размещался в помещении школы по улице Тимирязева

А. М. Коваль вспоминала: «Студентов и преподавателей тех лет отличала удивительная активность. Собирали теплые вещи и отправляли их на фронт. Девчата ходили в госпитали и стирали перевязочный материал, а парни грузили вагоны, отправляющиеся в освобожденные районы. Создавали концертные бригады, выступали в госпиталях и на заводах. Дружный был коллектив!» [8, с. 15].

В первые послевоенные годы в жизни института, как и в жизни всей страны, произошли заметные перемены. Возросло число студентов, преподавателей, увеличилось количество кафедр. Проявились первые серьезные трудности в организации учебного процесса. Одна из них была связана с тем, что многие сотрудники института были вынуждены совмещать педагогическую деятельность с работой на производстве.

Для подготовки собственных педагогических кадров на кафедрах «Металлорежущие станки», «Двигатели внутреннего сгорания», «Резание металлов», «Технология металлов» открылись аспирантуры. Среди первых научных руководителей были: профессор А. Н. Рабинович, профессор М. П. Сергеев, кандидат технических наук Е. М. Харитончик, кандидат технических наук Ф. Н. Королев и др. Первыми аспирантами ЧММИ стали С. П. Павлов, П. П. Недовес, И. М. Рубанович и др.

В 1946 году был осуществлен первый набор на вечерний факультет ЧММИ. В том же году в институте была защищена первая кандидатская диссертация. Автором диссертации был В. К. Титов, научным руководителем — заместитель директора

института по научно-учебной работе доцент Н. К. Ипатов. Тема диссертационного исследования — «Влияние предварительной закалки на графитизацию ковкого чугуна» [4, с. 6].

В мае 1947 года в ЧММИ состоялась первая институтская научно-техническая конференция, а в декабре 1947 года прошла первая учебно-методическая конференция преподавателей и сотрудников ЧММИ. Традиция проведения таких конференций сохраняется в вузе и сегодня. В этом же году был создан механико-технологический вечерний факультет (МТВ).

В апреле 1948 года организована первая студенческая научно-техническая конференция. Активно заработали студенческое научное общество, студенческий лекторий, студенческие научные кружки. Математическим кружком в эти годы руководил заведующий кафедрой высшей математики доцент В. Е. Воскобойников, физическим — профессор Н. Ф. Кунин, химическим — и. о. доцента А. И. Клочков, металлургическим — кандидат технических наук Н. К. Ипатов, технологическим — доцент Ф. Н. Королев. В работе первых научно-технических конференций активное участие принимали специалисты Кировского и ряда других заводов Челябинской области.

С конца 1948 года обязанности директора ЧММИ исполнял кандидат технических наук, доцент М. М. Балык.

Митрофан Маркианович Балык родился 7 февраля 1905 года в селе Андреевка Полтавской губернии в семье крестьянина-батрака. В 1917 году окончил сельскую школу. Вместе с отцом занимался сельским хозяйством. В 1924 году вступил в комсомол. В 1928 году поступил в Киевский политехнический институт, в связи с реорганизацией которого был позднее переведен в Московский авиационный институт (МАИ) на самолетостроительный факультет. Закончил МАИ в 1932 году. В 1939 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1938–1941 годах начальник

лаборатории «Технологии самолетостроения», доцент кафедры «Производство самолетов» и заместитель заведующего этой же кафедрой. С началом Великой Отечественной войны был откомандирован на работу в авиапромышленность, где трудился до конца 1943 года. В 1944 году был переведен на преподавательскую работу в МАИ, доцент кафедры «Производство самолетов». Приказом министра высшего образования С. Кафтanova от 28 сентября 1948 года был утвержден директором Челябинского механико-машиностроительного института.

В 1949 году по инициативе комитета комсомола ЧММИ в институте был создан совет добровольного спортивного общества «Наука» под председательством А. К. Ташева. Спорт стал важным элементом повседневной жизни не только студентов, но и преподавателей ЧММИ.

Заметную роль в жизни института с первых лет его существования играла библиотека. Вопросы улучшения ее работы неоднократно рассматривались на заседаниях специального библиотечного совета ЧММИ, который был сформирован уже в первые послевоенные годы.

Незаменимым инструментом в решении проблемы комплектования профессорско-преподавательских кадров института в это время оставалась аспирантура. В 1949/50 учебном году в аспирантуре ЧММИ учились семь аспирантов. В институте работали 22 общеобразовательные и специальные кафедры [6]. К 1950 году общая площадь вуза составляла 1100 квадратных метров.

После окончания Великой Отечественной войны для развития народного хозяйства страны потре-

бовались специалисты нового профиля — тракторостроители, металлурги, энергетики. Подготовка таких специалистов должна была быть организована в кратчайшие исторические сроки.

Согласно приказу министра высшего образования СССР от 14 октября 1947 года факультет колесно-гусеничных машин ЧММИ был переименован в факультет автотракторостроения и сельскохозяйственного машиностроения (АТС). В 1948 году состоялся первый выпуск инженеров на этом факультете. Диплом инженера-механика по специальности «Автомобиле- и тракторостроение» получили 24 выпускника. А в 1949 году факультет получил новое название — «автотракторный». Но преобразования на этом не закончились. К концу 40-х годов стало очевидно, что в рамках прежней организационной структуры институт не сможет эффективно решать поставленные перед ним задачи.

Постановлением Совета Министров СССР от 26 апреля 1949 года № 1671 Министерству высшего образования СССР было разрешено организовать

Митрофан Маркианович Балык среди коллег. Директор ЧММИ с 28 сентября 1948 по апрель 1951 года

Приказ *N2*
по Министерству Высшего Образования СССР
№ 1068

гор. Москва

28 июня 1950 года

О реорганизации Челябинского
Механико-Машиностроительного
института в Челябинский
политехнический институт

Совет Министров СССР распоряжением от 10 июня 1950 года
№ 8830-р разрешил Министерству Высшего Образования СССР
реорганизовать в 1951 году Челябинский Механико-Машинострои-
тельный институт в Челябинский политехнический институт . . .

Во исполнение указанного распоряжения Совета Министров
СССР

ПРИКАЗЫВАЮ:

I. Главному управлению политехнических вузов
(тов. Прокошкину):

а) реорганизовать в 1951 году Челябинский Механико-Машино-
строительный институт в Челябинский политехнический ин-
ститут.

Заместитель Министра
высшего образования СССР

А.Самарин.

в 1951 году на базе ЧММИ Челябинский политехнический институт (ЧПИ). И хотя к этому моменту на девяти специальностях в институте обучалось уже более 900 студентов, предполагалось качественно изменить жизнь всего вуза. Для реализации масштабного и очень важного для страны проекта необходимы были новая материально-техническая база, новая организационная структура, новые кадры.

Список литературы

1. Архив ЮУрГУ. Ф. № 1392 (р). Оп. 1. Д. 1.
2. История ЮУрГУ в документах и материалах. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2010. 416 с.
3. «Мы — с Автотракторного факультета...». К 60-летию автотракторного факультета ЮУрГУ. Челябинск, 2003. 368 с.
4. Научные школы ЮУрГУ. История развития. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008. 600 с.
5. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 9. Д. 234.
6. Там же. Ф. Р-1392. Оп. 1. Д. 2.
7. Политехн. кадры. 1968. 18 дек.
8. Тулинский С. В. Южно-Уральский государственный университет. 1943–2003 : ист. очерк. Челябинск, 2003. 270 с.
9. Южно-Уральский государственный университет (Золотые страницы истории). Екатеринбург, 2008. 476 с.

А. Н. Федоров.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСААКА МОИСЕЕВИЧА ЗАЛЬЦМАНА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В годы Великой Отечественной войны Челябинская область благодаря своему промышленному потенциалу стала одним из регионов, снабжавших Красную армию боевой техникой, боеприпасами и продовольствием. В то время самой известной уральской продукцией были тяжелые танки КВ-1 и ИС-2, производившиеся в Челябинске на Кировском заводе. Успешная работа этого крупнейшего в СССР предприятия, образованного осенью 1941 года в результате слияния Челябинского тракторного завода, моторостроительного завода № 75 (Харьков) и Кировского завода (Ленинград), зависела от многих факторов, в том числе от усилий его руководителей. За время войны здесь сменилось четыре директора, но наиболее талантливым и известным из них, с чьим именем обычно связывают все достижения легендарного завода, оказался Исаак Моисеевич Зальцман.

По всем социально-профессиональным признакам Исаак Моисеевич был типичным управленцем сталинской эпохи. Он был молод (родился в 1905 году), происходил из рабочей семьи, рано начал трудиться и занимался общественной деятельностью, вступил в комсомол (1922), в партию (1928) и благодаря этому получил направление в Одесский политехнический институт (1929). В 1933 году Зальцман окончил институт, и его направили в Ленинград на завод «Красный путиловец», который

через полтора года переименовали в Кировский [73, с. 14–19]. В условиях дефицита кадров молодой инженер, обладавший высокой работоспособностью и навыками организатора, быстро прошел путь от помощника мастера до начальника цеха и главного инженера, а в сентябре 1938 года стал директором [45, л. 181]. И такой взлет произошел не только потому, что И. М. Зальцман был «хороший организатор хозяйственник» и «примерный агитатор», но и потому, что он «вместе с парторганизацией завода вел борьбу по выкорчевыванию вредителей, орудовавших в заводе» [71, л. 9]. Впрочем, еще важнее было то, что в условиях «Большого террора» в 1937–1938 годах на Кировском заводе сменились четыре директора и масса других руководителей, и эта «текучка» открыла просто невероятные возможности для карьерного роста [63, с. 146–148].

И. М. Зальцман быстро освоился в должности директора и показал себя с лучшей стороны. План 1938 года и двух последующих лет был перевыполнен, в 1939 году освоен выпуск пушек Л-17 и тяжелых танков КВ-1. За это Кировский завод наградили орденом Красного Знамени, а его, директора — орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Впрочем, у этих достижений была и обратная сторона. Стремясь добиться своего или избежать ответственности за ошибки, И. М. Зальцман часто прибегал к разным хитростям: например, обвинял во всех проблемах смежников или скрывал недостатки своего завода, благодаря чему

приобрел славу «ловкача» и «демагога» и нажил недоброжелателей [10, с. 182–187]. Порой он конфликтовал и с коммунистами завода. Например, в феврале 1940 года на 2-й общезаводской партконференции директор демонстративно не стал отвечать на вопросы делегатов, ссылаясь на занятость более важными делами, в результате чего его не избрали в новый состав парткома [72]. Впрочем, эти издержки были слишком незначительными, чтобы местное и тем более высшее руководство придавало им значение.

Как опытный организатор промышленности И. М. Зальцман проявил себя уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. В июле — августе 1941 года за счет полного свертывания гражданского производства и при помощи других предприятий Ленинграда он добился заметного увеличения выпуска танков КВ-1 (в августе при плане в 180 машин произвели 207), наладил массовый выпуск 76-миллиметровых полковых орудий и организовал оперативный ремонт боевой техники на заводе [66, с. 36–37]. Все это сыграло важную роль в обороне Ленинграда, поэтому 19 сентября 1941 года И. М. Зальцману и главному конструктору завода Ж. Я. Котину, возглавлявшему работы по созданию и улучшению танка КВ-1, присвоили звание «Герой Социалистического Труда». Это сразу выделило И. М. Зальцмана среди прочих танкостроителей, которые удостоились такой почести гораздо позже: Е. Ю. Максарев и Б. Г. Музруков — в январе 1943 года, В. А. Малышев — в августе 1944 года, А. А. Горегляд — в сентябре 1945 года. И неудивительно, что именно И. М. Зальцману высшее руководство в начале войны поручало самые сложные задания. А первым из них стала организация танкового производства в Челябинске.

До 1940-х годов в СССР было всего три центра танкостроения: в Ленинграде (Кировский завод и завод № 174), Харькове (завод им. Коминтерна № 183) и Москве (завод № 37). Но в преддверии войны руководство страны решило расширить производство танков за счет тракторных заводов в Челябинске и Сталинграде. Что касается Челябинска, то согласно решениям СНК СССР, принятым в июне 1940 года, Челябинский тракторный завод в 1940 году должен был изготовить опытную пар-

тию в пять машин, а в следующем году выпустить 300 танков КВ-1 и КВ-2. Но реализовать этот проект не удалось по целому ряду причин. Тракторный конвейер не годился для сборки танков, а для их выпуска требовались не только бронекорпуса, пушки, двигатели и прочие комплектующие, которые поступали с других заводов, но и рабочие высокой квалификации, которых на ЧТЗ тогда очень не хватало. К тому же КВ-1 был «сырой» машиной, и даже на Кировском заводе технологию его производства смогли отработать только к лету 1941 года. Одним словом, положение было тяжелое, исправить его не могли ни советы кировцев, ни замена директора ЧТЗ, поэтому до начала войны в Челябинске выпустили всего 25 танков [21, с. 143–146].

С началом войны внимание высшего руководства к Южному Уралу возросло. Уже 25 июня Политбюро предписало ЧТЗ быстро освоить массовое производство тяжелых танков. Для оценки возможностей завода в Челябинск срочно вылетела группа специалистов, соображения которой легли в основу еще одного важного решения — Постановления ГКО СССР от 1 июля 1941 года № 2-сс «О производстве танков КВ-1 на Челябинском тракторном заводе». Согласно этому решению завод должен был постоянно наращивать мощности (собрать в июле 25 танков, в сентябре — 65, в декабре — 175) и до конца года выпустить 555 танков КВ-1 [48, л. 7–11]. Но, несмотря на все усилия рабочих ЧТЗ и помощь инженерно-техническими кадрами, это задание тоже оказалось на грани срыва, поскольку в июле — сентябре ежемесячный выпуск танков составлял лишь 24–27 машин [2, с. 13]. И только эвакуация Кировского завода в Челябинск позволила выправить ситуацию.

В ряде публикаций говорится, что впервые вопрос о переброске завода на Южный Урал был поднят 24 июня на заседании Политбюро, но И. М. Зальцман якобы убедил И. В. Сталина не спешить с этим [66, с. 33–34]. Вряд ли данный эпизод имел место, поскольку в первую неделю войны ситуация не казалась катастрофичной и угрозы танковым предприятиям в западных районах страны еще не существовало. Однако стремительный бросок 4-й немецкой танковой группы к Пскову заставил задуматься об эвакуации этих предпри-

ятий, и 5 июля нарком среднего машиностроения В. А. Малышев, отвечавший за производство танков, предложил перевести Кировский завод в Свердловскую область. Госкомитет обороны одобрил идею, но распорядился эвакуировать только дизельный цех завода, впоследствии преобразованный в завод № 76. Вскоре последовало и указание о выводе остальных цехов, но через несколько дней ГКО отложил свое решение [11, с. 93–94].

Вновь об эвакуации ведущего танкового предприятия задумались, когда возникла угроза окружения Ленинграда. 26 августа ГКО постановил немедленно начать перевод Кировского завода в Нижний Тагил, на площадку Уральского вагоностроительного завода. Но 28 августа, еще до того как немцы захватили станцию Мга и перерезали железнодорожное сообщение Ленинграда с «большой землей», эвакуацию вновь отложили [11, с. 95–96]. Видимо, оценив все риски, в Москве посчитали, что Кировский завод принесет больше пользы в родном городе. Из-за этой отсрочки на Средний Урал отправили харьковский завод № 183, и у кировцев остался только один вариант — переезд на Южный Урал. Этот переезд начался 4 октября, когда ГКО распорядился образовать Уральский комбинат по производству танков КВ, включив в него Кировский, Ижорский и Уральский турбинный заводы. При этом ЧТЗ, где разместились ленинградцы, переименовали в Кировский завод, а И. М. Зальцмана, ставшего к тому времени заместителем наркома танковой промышленности, назначили директором предприятия [49, л. 73–77].

На новое место Исаак Моисеевич прибыл 11 октября. Перед ним стояла сложная задача — за 1–1,5 месяца наладить производство тяжелых танков. При ее решении он ожидаемо столкнулся с нехваткой производственных площадей, оборудования, рабочей силы, материалов, жилья и другими проблемами. Пришлось при скверной погоде и с нарушением технических норм возводить новые корпуса, спешно строить малопригодные для жизни землянки и бараки, расселять людей по подвалам и кухням. Необходимые для производства танков станки забрали у моторостроительного завода № 75, который вошел в состав Кировского завода, из-за чего выпуск дизелей сократился вдвое.

Дефицитные материалы и детали изымали у местных предприятий и заводов, эвакуируемых в Сибирь [13, с. 53, 60–61]. А когда положение становилось безвыходным, проявляли смекалку. Именно так сверхдефицитные шариковые подшипники заменили более доступными роликовыми, а необходимое для сборки дизелей касторовое масло догадались покупать в аптеках. Отличался смекалкой и директор. Ведь именно он в декабре 1941 года предложил отправить на фронт неуконплектованные танки, а стартеры на них установить во время следования эшелона к месту назначения [66, с. 50, 53–54, 56–57].

Довольно оригинально на Кировском заводе решались и кадровые вопросы. Зальцман справедливо полагал, что среди челябинцев преобладали «мирные тыловые настроения», поэтому жесткими мерами стал подтягивать их трудовую дисциплину [29, л. 128–131]. Причем на более напряженный труд он в первую очередь настроил начальников цехов и отделов, приказав, чтобы те «в любое время дня и ночи» сообщали о месте своего нахождения и под угрозой немедленного увольнения являлись по вызову «из любого места в течение 5–7 минут» [29, л. 127]. С той же целью в октябре — декабре 1941 года он еженедельно, а то и ежедневно подписывал приказы о снятии с должности и отдаче под суд руководителя, «сорвавшего обеспечение фронта боевыми машинами» или просто опоздавшего на работу. А чтобы эти приказы возымели еще больший эффект, их специально доводили до всех рабочих. Впрочем, мало кто из провинившихся начальников пострадал всерьез: директор давал им время «трудом искупить свою вину перед родиной и заводом», а затем возвращал на прежнюю должность и щедро премировал.

Налаживанию танкового производства в Челябинске способствовали и другие факторы. Прежде всего, на ЧТЗ к тому времени уже возвели несколько танковых цехов и под руководством прибывшего из Харькова С. Н. Махонина успели создать танковый конвейер. Правда, этот конвейер не был совершенен и нуждался в отладке, поэтому нацеленный на быстрый результат И. М. Зальцман приказал законсервировать его и собирать танки привычным для ленинградцев способом —

на стендах [29, л. 292]. Важным подспорьем было и то, что на Кировский завод по эвакуации прибыло 13 550 человек, в том числе много квалифицированных рабочих и инженеров. Благодаря этому к концу 1941 года количество работающих здесь увеличилось в 1,5 раза, а доля опытных в танковом деле кадров составила почти 40 % [36, л. 21]. К тому же из Ленинграда вывезли множество заделов (корпуса, башни, орудия), которые позволили выдавать большое количество танков уже в первые месяцы после эвакуации [73, с. 167, 178]. Но еще важнее было то, что руководство страны, которое часто давало нереальные задания, оказывало всю необходимую помощь. Например, 13 ноября 1941 года ГКО для обеспечения выпуска 20 танков КВ-1 в день разрешил Кировскому заводу остановить производство тракторов и запчастей и передать ему оборудование и кадры московского завода «Красный пролетарий». Заодно ГКО обязал ряд наркоматов выделить кировцам 110 дефицитных станков и 8000 рабочих и распорядился выселить из Челябинска 10 тысяч жителей, чтобы освободившуюся жилплощадь передать танкостроителям [50, л. 89–96].

В результате усилий руководителей всех уровней и помощи множества предприятий Кировскому заводу удалось очень быстро справиться с трудным заданием. Если в сентябре 1941 года в Челябинске изготовили 24 танка КВ-1, то в октябре — 88, в ноябре — 110, в декабре — 213 [2, с. 13–14]. Интересно, что даже при таких темпах завод не выполнял установленные ему планы, ведь в ноябре он должен был выпустить 220 танков, а в декабре — 280. Но и этот успех был столь впечатляющим, что руководство страны закрыло глаза на невыполнение плана и признало Зальцмана лучшим организатором танкового производства. И именно поэтому в феврале 1942 года он получил новое задание — быстро наладить выпуск танков Т-34 на заводе № 183 в Нижнем Тагиле.

Тяжелое положение на этом заводе сложилось неслучайно. Его эвакуация началась в середине сентября, но из-за внезапного захвата Харькова немцами успели вывезти лишь небольшую часть оборудования и людей. Восполнить же этот урон за счет Уральского вагоностроительного завода,

где разместились харьковцы, было невозможно, так как его станки не годились для производства танков. К тому же обустройство на новом месте затрудняла нехватка площадей, возникшая в связи с тем, что на территории Уралвагонзавода уже разместились артиллерийские заводы № 120, 380 и 381. Наконец, заводу № 183, в отличие от Кировского завода, который получал узлы и детали со стороны, пришлось налаживать полный цикл производства, на что ушло несколько драгоценных месяцев [20, с. 171–173]. Но главная проблема заключалась в том, что директор Ю. Е. Максарев сделал ставку на конвейер, позволявший выпускать гораздо больше танков, нежели стендовая сборка. Чтобы организовать его, требовалось добиться хорошей работы всех цехов и поставщиков, а для этого нужно было время. В январе 1942 года конвейер наконец-то заработал, но не оправдал надежд, так как из запланированных 430 танков Т-34 смогли собрать только 75 [68, с. 142–143]. Ситуация была критической, поэтому руководство страны назначило на завод № 183 нового, более успешного директора.

Некоторые авторы, слишком доверяя мемуарам, полагают, что в феврале 1942 года жизнь Е. Ю. Максарева висела на волоске — его сняли с поста директора и якобы собирались судить, — но И. М. Зальцман назначил его главным инженером и тем самым спас от тюрьмы и расстрела [64, с. 142–144; 66, с. 61]. Однако из архивных документов следует, что главным инженером Максарева еще 1 февраля 1942 года назначил ГКО [51, л. 140], а следственное дело на него, в отличие от других известных директоров того времени, так и не завели. Зато И. М. Зальцман, пользуясь статусом заместителя наркома, делал то, что не дозволялось многим другим директорам. Например, несмотря на возражения местных органов, он забирал целые эшелоны с пригодным для производства танков оборудованием [11, с. 116]. По его указанию Кировский завод передал тагильчанам обрезной пресс, штамповочный молот и прочие станки [30, л. 40]. Превышая свои полномочия, он ликвидировал эвакуированный из Москвы станкостроительный завод № 184 и передал его мощности «своему» заводу [68, с. 46–47]. А чтобы получить площади под производство танков, остановил производство

артиллерийских передков на заводе № 183, которое курировал Л. П. Берия [73, с. 76–77]. И благодаря этому, а также умению нового директора изыскивать рабочую силу и материалы удалось буквально за месяц наладить бесперебойную работу танкового конвейера.

Решение организационных и снабженческих вопросов Зальцман дополнял мобилизацией трудового коллектива завода № 183. Он действовал нарочито жестко: на первом же совещании снял одного из начальников цехов, не справлявшихся с работой. Спустя какое-то время «разжаловал» в рабочие еще одного начальника. Эти и другие акции производили сильное впечатление на тагильчан и мотивировали на ударный труд. Впрочем, как и в Челябинске, пострадавших обычно восстанавливали в прежних должностях [9, с. 172–174]. А вот нехватку рабочих Зальцман восполнял более традиционными методами: уменьшил количество подсобных рабочих, перебрасывал людей из цеха в цех, привлекал административный аппарат к авральным работам, обращался к военным. Но, несмотря

на эти ухищрения, решить кадровый вопрос ему удалось только с помощью наркомата и ГКО, которые присылали на завод тысячи рабочих и трудмобилизованных [13, с. 66].

Оперативная помощь центра, энергичность нового директора, упрощение конструкции Т-34, улучшение технологии и другие факторы позволили быстро вывести завод № 183 в число передовиков. В феврале 1942 года здесь собрали 140 танков, то есть вдвое больше, чем в январе, в марте — 225, в апреле — 380, а в мае и июне — по 500 [16, с. 484]. Иначе говоря, за четыре месяца выпуск боевых машин увеличился в 6,5 раза. Правда, имелся один существенный недостаток: почти все «тридцатьчетверки», выпущенные в Нижнем Тагиле, имели серьезные дефекты, в том числе трещины на броне. Количество бездефектных машин не превышало 5–7 % [12, с. 67]. Но поскольку тогда для руководства страны количество было важнее качества, за увеличение выпуска Т-34 И. М. Зальцман получил свой третий, а Ю. Е. Максарев — второй орден Ленина. И поскольку задание было выполнено, то 21 мая 1942 года ГКО распорядился вернуть первого

Сборка танков КВ-1 в цехе Кировского завода. 1942 год.

[Иллюстрированная история СССР. М., 1980]

на Кировский завод, а второго вновь назначить директором завода № 183 [52, л. 163–164]. На родной завод Исаак Моисеевич прибыл 13 июня и сразу же в свойственной ему манере принялся наводить здесь порядок: в частности, снял несколько начальников цехов и главного диспетчера [31, л. 8]. Однако развернуться он не успел: 1 июля 1942 года Политбюро ЦК ВКП(б) назначило его наркомом танковой промышленности.

В официальных документах причина, по которой И. М. Зальцман сменил на посту наркома В. А. Малышева, не указана. Лишь в дневнике Вячеслава Александровича в записи от 1 июля 1942 года говорится: «Позвонил по телефону т. Сталин и крепко ругался за то, что не выполняется план по танкам Т-34. Я ответил т. Сталину, что много трудностей у заводов с людьми и оборудованием и что, хотя план не выполняется, но выпуск танков Т-34 из месяца в месяц растет, но тов. Сталин опять крепко выругал меня и повесил трубку. Через полчаса позвонил Молотов и сказал: “Мы решили освободить Вас от работы Наркома танковой промышленности за невыполнение плана по танкам Т-34 и назначили наркомом И. М. Зальцмана”» [44, с. 119]. И действительно, еще в ноябре 1941 года руководство страны поставило наркомату задачу в начале 1942 года довести выпуск танков до 140 машин в сутки [50, л. 116–125]. Естественно, что выполнить столь фантастическое задание не удалось ни в январе, ни в июне. Но наверху отказываться от впечатляющего плана не захотели и решили добиться своего, назначив руководителем наркомата человека, который дважды доказал, что умеет «делать танки» в самых критических условиях.

Став наркомом, Исаак Моисеевич без промедления принялся наращивать выпуск танков. Возможностей для экстенсивного роста за счет изъятия кадров, оборудования и целых предприятий у других отраслей уже не было, поэтому выход был найден в перераспределении мощностей, имевшихся у наркомата. Зальцман решил увеличить выпуск наиболее удачного с точки зрения боевых качеств и наименее трудоемкого Т-34 и сделать это за счет сокращения выпуска легких и тяжелых танков. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще при Малышеве, когда ГКО в марте 1942 года

постановил организовать выпуск Т-34 на заводе № 174 в Омске, где до этого собирали танки Т-50. Но Зальцман пошел гораздо дальше и предложил начать производство Т-34 на Кировском и Уральском машиностроительном заводах [11, с. 158–159].

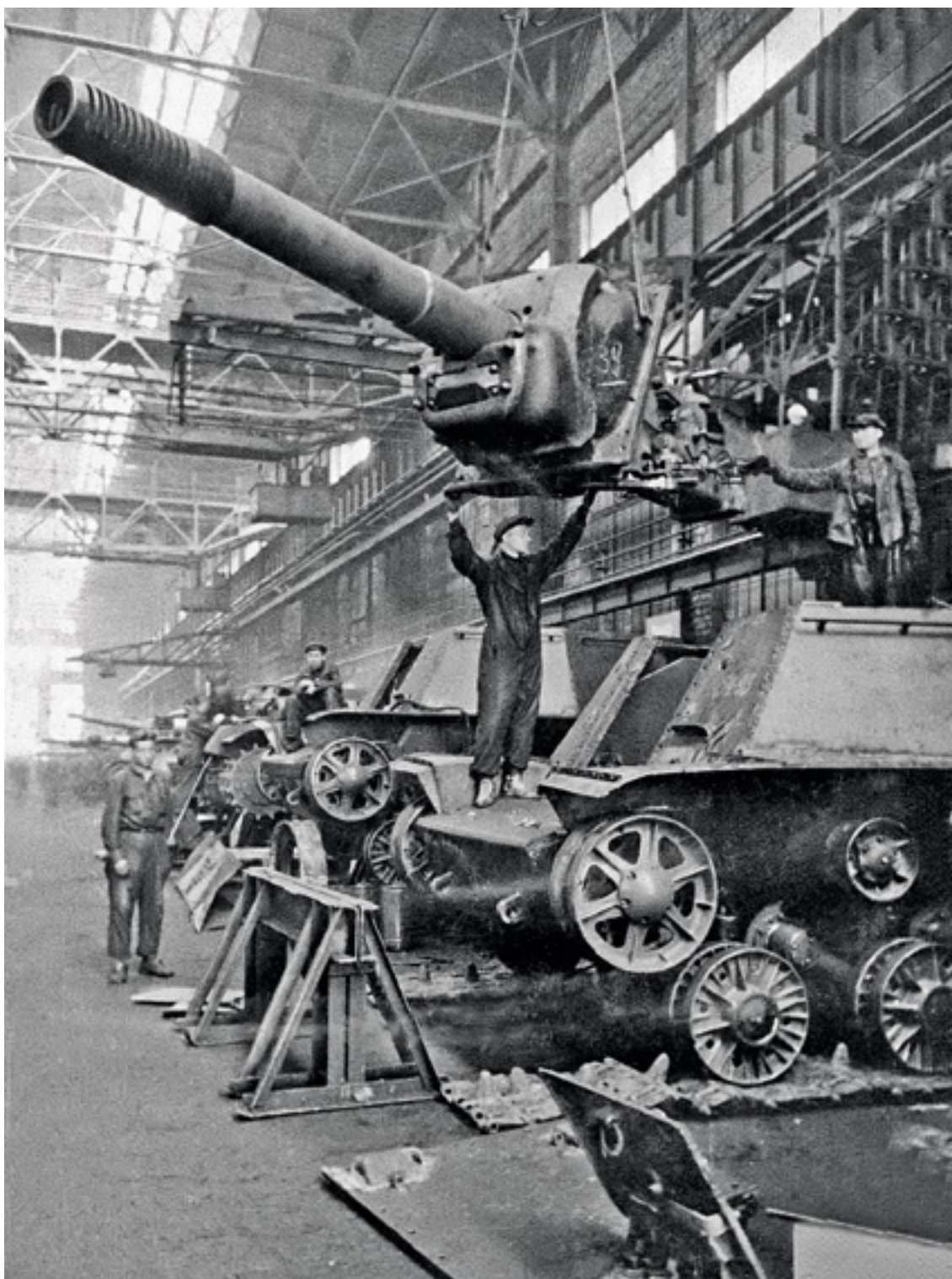
Выпуск танков Т-34 на Кировском заводе стали готовить уже в начале июля 1942 года, и новый нарком лично контролировал ход всех работ. Всего за полтора месяца были построены новые цеха, переставлено более 1500 станков, реконструировано холодно-штамповое производство и внедрены технологии, позволявшие снизить расход сырья и трудоемкость изготовления танка [25, л. 58–59]. Уже 22 августа с конвейера сошла первая «тридцатьчетверка», а начиная с сентября завод ежемесячно выпускал две-три сотни таких машин [2, с. 14]. И это было очень кстати, так как Сталинградский тракторный завод, тоже производивший Т-34, именно в это время прекратил работу. На Уралмаше дело тоже спорилось. За два месяца здесь провели все подготовительные работы и уже 20 сентября начали сборку первых Т-34. Правда, вскоре выяснилось, что Уралмаш не может изготавливать некоторые узлы обычным способом, а альтернативные методы требовали слишком больших затрат энергии и материалов. Одним словом, выпускать много Т-34 свердловчане не смогли, поэтому в начале 1943 года их переключили на выпуск более простых в изготовлении самоходок СУ-122 [11, с. 159–160].

Наряду с организацией новых центров по выпуску средних танков И. М. Зальцман занимался внедрением новых технологий. Прежде всего, он добился распространения автоматической сварки, которая позволяла производить эту операцию в несколько раз быстрее и качественнее, чем при ручном способе. Этот метод, предложенный академиком Е. О. Патеном, сначала применялся только на заводе № 183, но весной 1943 года по распоряжению И. М. Зальцмана аппараты скоростной сварки появились на всех заводах, изготавливавших бронекорпуса [22, с. 171–173]. Особое внимание нарком уделял и закалке стальных деталей с помощью токов высокой частоты. Технология, разработанная под руководством профессора В. П. Вологодина, позволяла сократить время закалки разных деталей с 30–70 часов до 30–37 секунд [26, л. 13–14]. Усилия-

ми наркома осенью 1942 года токи высокой частоты стали применять на Кировском заводе, а вот их внедрение на других предприятиях произошло только в последние годы войны. Зато при И. М. Зальцмане все ведущие танковые заводы перешли от стеновой сборки к конвейерно-поточному методу, по-

зволявшему выпускать больше боевых машин [11, с. 187–188].

Маневрирование ресурсами и новые технологии позволили увеличить выпуск Т-34. Если в июне 1942 года было выпущено 973 машин, то в октябре, несмотря на потерю Сталинградского

Сборка
самоходного
орудия
СУ-152.
Челябинский
Кировский за-
вод. 1943 год.
ОГАЧО

тракторного завода,— 1499, а в декабре — 1568 [16, с. 484]. Однако уже осенью 1942 года выяснилось, что поддерживать столь высокий уровень производства трудно из-за нехватки сырья, энергии и заделов. Первые проблемы появились в ноябре, когда из-за несвоевременного подвоза деталей заводы изготовили 1291 танк Т-34. Тогда удалось изыскать резервы. Но в начале 1943 года грянул кризис, перечеркнувший все предыдущие усилия. Из-за снижения поставок нефти, высококачественного угля и марганца произошел спад в танковой промышленности: в январе выпустили лишь 1030 Т-34, а в феврале — 1060 [11, с. 161–162]. После победы под Сталинградом и наступления на Северном Кавказе сырье вновь стало поступать на заводы, и это позволило ежемесячно отправлять на фронт в среднем по 1300 средних танков. Пока в июне не произошел еще один неожиданный кризис, когда заводы выпустили лишь 1085 средних танков [16, с. 484]. И это обстоятельство, по всей видимости, заставило руководство страны усомниться в способностях наркома.

Примерно так же обстояло дело и с качеством танков. И. М. Зальцман возглавил наркомат как раз в тот момент, когда полным ходом шли работы по усовершенствованию основных узлов и деталей танков — воздухоочистителя, коробки передач, бортовой передачи, главного фрикциона и т. д. Тогда же был найден способ минимизации брака броневых листов, позволивший устранить трещины в танковой броне [11, с. 170–174]. Благодаря всем этим разработкам к весне 1943 года качество танков, в том числе и Т-34, заметно улучшилось. Однако неустранимой проблемой оставалась низкая квалификация рабочих, которая приводила к массовым нарушениям технологии и огромному количеству брака. Например, в мае 1943 года выяснилось, что практически все танки имеют серьезные дефекты. Поэтому в июне ГКО, уже не надеясь на наркомат, командировал на танковые заводы своих представителей «для проверки технологии производства и принятия... всех необходимых мер по обеспечению строжайшего соблюдения требований к качеству выпускаемых танков» [54, л. 97–100, 104–106]. Эта чрезвычайная мера дала неплохой результат, и в июле военные отметили, что танки

стали гораздо лучше, чем раньше. Но сам факт, что проблему решили в обход Наркомата танковой промышленности, означает, что к июню 1943 года позиции И. М. Зальцмана заметно ослабли.

Некоторые исследователи считают, что одной из ошибок Зальцмана на посту наркома было то, что он не обеспечил разработку и выпуск более мощных машин, способных противостоять новым немецким танкам [11, с. 197–198]. В целом так оно и было. Ведь, несмотря на то что в 1942 году в серийное производство запустили модернизированный танк КВ-1с, он из-за слабого вооружения не мог эффективно бороться с немецкими новинками. А из трех самоходок — СУ-76, СУ-122 и СУ-152,— принятых на вооружение в конце 1942 года и в начале 1943 года, только последняя оказалась без существенных дефектов и имела хорошие шансы противостоять «Тиграм» [11, с. 202]. Однако не стоит винить в этом одного И. М. Зальцмана. Во-первых, до лета 1943 года сам И. В. Сталин настаивал на массовом выпуске проверенных моделей танков вместо внедрения новых [44, с. 118–119]. Во-вторых, для модернизации бронетехники до 1943 года не было объективных условий, поскольку основные силы ушли на выпуск и улучшение основного танка, которым тогда считался Т-34 [11, с. 204]. В-третьих, И. М. Зальцман все же предпринял несколько шагов: в частности, по его инициативе в феврале 1943 года началась разработка нового тяжелого танка «Иосиф Сталин». Другое дело, что для решения возникшей проблемы одной новой модели было мало. К тому же Исаак Моисеевич как раз весной — летом 1943 года оказался замешан в скандале, который подорвал быстрое доверие к нему.

В октябре 1942 года по заданию ГКО началась разработка легкой самоходки СУ-12, которая уже в декабре была принята на вооружение под названием СУ-76. Естественно, что при такой спешке машина получилась «сырой», и вскоре у нее выявили серьезный недостаток: ее двигатели работали не синхронно, и возникающий от этого резонанс разрушал главный вал и коробку передач [11, с. 178–179]. Вместо устранения дефекта ведомства начали обычную перепалку, которую удалось прекратить только высшему руководству. 14 апреля 1943 года

ГКО признал виновными и конструктора самоходки С. А. Гинзбурга, и наркома И. М. Зальцмана, и начальника Главного артиллерийского управления Красной армии Н. Д. Яковлева и распорядился до 10 мая доработать СУ-76 [53, л. 123–126]. Согласно распространенной версии, И. М. Зальцман ограничился тем, что всю вину переложил на С. А. Гинзбурга и в качестве наказания направил его на фронт, где тот вскоре и погиб. Когда же И. В. Сталин поинтересовался, что сделано для улучшения СУ-76 и узнал о гибели конструктора, то немедленно снял И. М. Зальцмана с должности наркома [11, с. 179; 65, с. 221–222]. Однако из документов видно, что история развивалась иначе. К установленному сроку самоходку не доработали, и 7 июня 1943 года ГКО прекратил ее выпуск, направил С. А. Гинзбурга в Наркомат обороны для использования в действующей армии, а И. М. Зальцману указал на безответственное отношение к делу [55, л. 33–35]. И только после этого, 26 июня, Зальцмана освободили от должности наркома, а 3 августа под Курском трагически погиб Гинзбург.

Из всего сказанного следует, что к июню 1943 года положение Зальцмана стало очень шатким. Он так и не добился существенного увеличения выпуска танков, их качество оставляло желать лучшего, а скандал вокруг СУ-76, как и сообщения о том, что «в Наркомтанкопроме не существует ответственности за порученные задания Государственного комитета обороны», привели к тому, что руководство страны стало критичнее относиться к нему. Показательно, что В. М. Молотов и Г. М. Маленков, составившие проект постановления ГКО, предложили освободить И. М. Зальцмана от должности «как не справившегося с руководством наркоматом». Однако И. В. Сталин своим красным карандашом заштриховал эту формулировку [56, л. 61–63]. Можно по-разному трактовать эту деталь, но 28 июня 1943 года Исаак Моисеевич вновь появился на Кировском заводе в качестве директора.

Пока И. М. Зальцман возглавлял Наркомат танковой промышленности, на Кировском заводе сменилось три директора. С июля по ноябрь 1942 года заводом руководил С. Н. Махонин, который до войны работал главным инженером на харьков-

ском заводе № 183, а с ноября 1941 года — в той же должности на Кировском заводе. В феврале — мае 1942 года он исполнял обязанности директора, пока И. М. Зальцман налаживал выпуск Т-34 в Нижнем Тагиле, а в июле 1942 года его наконец-то назначили директором. Но к ноябрю 1942 года выяснилось, что С. Н. Махонин, несмотря на весь опыт, «не тянет» завод, поэтому его сменил А. А. Горегляд, который был тогда заместителем наркома и уполномоченным ГКО на Сталинградском тракторном заводе. За несколько месяцев своего пребывания на Кировском заводе он расширил и модернизировал литейные и кузнечные цеха, увеличил производство деталей и полностью обеспечил ими танковый конвейер [17, с. 293–296]. Но в начале 1943 года завод испытывал нехватку электроэнергии и питания, из-за чего план по танкам был сорван, а смертность среди рабочих моментально увеличилась в несколько раз [37, л. 25]. Со слов очевидцев, прибывший в начале февраля нарком прилюдно и грубо отчитал директора, и тот, не стерпев унижений, уехал в Москву просить о переводе на другую работу [9, с. 179–180]. Так это было или нет, но 11 февраля А. А. Горегляда неожиданно назначили начальником Главного управления по ремонту танков, а новым руководителем завода стал М. А. Длугач. У него не было производственных достижений, но как работник Ленинградского горкома ВКП(б) и директор Кировского завода в блокадном Ленинграде он имел опыт работы в чрезвычайных условиях и знал, как сберечь кадры. Ведь именно он зимой 1941/42 годов организовал для истощенных рабочих-блокадников места отдыха, стационары и питание, что спасло их от смерти [1, с. 66, 69–70].

На новом месте М. А. Длугач быстро навел порядок в распределении продовольствия и с помощью ГКО сначала усилил питание ослабевших от голода рабочих, а затем перевел на двухразовое питание всех работников завода [32–34]. Он организовал ежедневное соревнование за звание лучшей бригады и еженедельное за звание лучшего цеха, победители которых получали продуктовые премии, трехразовое питание и 200 граммов хлеба [34, л. 133–134; 35, л. 233–236]. Он занимался обустройством глухонемых рабочих и трудомобилизованных узбеков, заметно улучшил медицинское

обеспечение на заводе, боролся за чистоту в цехах и ввел личные клейма мастеров и бригадиров, что позволило снизить брак. Одним словом, Длугач занимался «социалкой» и теми мелочами, от которых зависит повседневная работа завода. И благодаря этому ему удалось не только снизить смертность рабочих, но и увеличить производительность труда, а вместе с тем и выпуск танков. И если в феврале 1943 года собрали 320 танков и самоходок, то в марте и апреле — 419 и 420, что для завода было настоящим рекордом. Правда, затем показатели несколько ухудшились, и в июне изготовили всего 350 машин [2, с. 14]. Вряд ли этот спад был следствием бездарности Моисея Абрамовича, как полагали работники завода [9, с. 176–179; 73, с. 253]. Длугач вполне обеспечивал работу танкового гиганта. Но для выполнения новых сложных заданий нужен был выдающийся управленец.

Возвращение И. М. Зальцмана весьма положительно отразилось на работе Кировского завода. Благодаря его энергичным усилиям и помощи наркомата уже в июле выпуск бронетехники вырос на 100 единиц и до 1944 года составлял в среднем 465 машин в месяц [2, с. 14]. Ему удалось добиться стабильного выполнения плана и по другим видам продукции: моторам В-2, танковым запчастям и боеприпасам (корпуса 76-миллиметровых снарядов и 120-миллиметровых мин) [26, л. 3–6]. Причем на этот раз Исаак Моисеевич обошелся без показательных наказаний и вообще очень редко налагал строгие взыскания на руководящих работников. Зато щедро одаривал победителей соревнований и тех, кто выполнял план, и, продолжая почин предшественника, методично наводил порядок в столовых, общежитиях и медицинских учреждениях завода. И не в последнюю очередь это делалось для того, чтобы уменьшить дезертирство рабочих, которое в 1943–1944 годах приобрело угрожающие масштабы — 7415 и 7559 человек соответственно. В таких условиях завод вновь столкнулся с дефицитом рабочей силы, который И. М. Зальцман уже не мог покрыть старыми, исчерпавшими себя методами. Но тогда ему помог новый куратор танковой промышленности Л. П. Берия. По его указанию осенью 1943 года на Кировский завод перевели две тысяч заключенных [73, с. 101–103]. Весной

1944 года, когда наркомат «перехватил» половину рабочих, выделенных Кировскому заводу из резервов ГКО, он встал на сторону И. М. Зальцмана и заодно направил ему более тысячи бывших заключенных [3, л. 22–23]. А в ноябре 1944 года по его инициативе к заводу прикрепили 3000 военнопленных, которых использовали в «горячих» цехах на самых трудных работах [75, с. 284–285].

Однако И. М. Зальцман занимался не только выполнением планов. В это время он включился в процесс доработки и освоения тяжелого танка «Иосиф Сталин». При его активном содействии в июле были изготовлены прототипы этой машины, в августе проведены ее испытания, а уже 4 сентября ГКО принял новый танк на вооружение. Но работы продолжились, и через полтора месяца конструкторы Кировского завода под руководством Ж. Я. Котина представили улучшенный вариант танка ИС-2, который, как показала жизнь, оказался одним из сильнейших танков своего времени. 31 октября 1943 года ГКО одобрил его производство, и в декабре выпустили первую партию. Правда, чтобы запустить эту машину в серийное производство, потребовалось «свернуть горы»: осуществить свыше 7800 переделок в конструкции, перестроить почти все сборочные цеха, переставить более 1500 станков, причем из-за спешки многие из них, как и осенью 1941 года, установили на временные опоры [11, с. 206–210].

В 1944 году Кировский завод работал успешно и стабильно. Большой парк оборудования (10 168 станков) и солидное количество рабочей силы (в среднем 44 312 человек), существенное снижение трудоемкости (по танку ИС-2 — на 37,7 %, по мотору В-2 — на 13,8 %), рост производительности труда (выработка на одного человека возросла с 58 552 рублей в 1943 году до 77 493 рублей в 1944 году) и отработанная технология позволили достичь выдающихся показателей. Если в январе завод выпустил 312 машин, из которых более половины составили танки Т-34, то с июля ежемесячное производство составило 500 машин — 250 танков ИС-2 и 250 самоходок ИСУ-152 и ИСУ-122 [13, с. 62]. И эту планку завод уверенно держал до победного мая 1945 года [2, с. 14]. Конечно, слишком быстрый рост и большие объемы

С. Н. Махонин, Л. С. Баранов,
И. М. Зальцман, Ж. Я. Котин,
Н. С. Патоличев у танка Т-34.
1943–1944 годы. ОГАЧО

производства неизбежно сказывались на качестве. Например, в июле 1944 года в частях 1-го Прибалтийского фронта из-за неисправности катков и воздухоочистителей из строя вышли 46 тяжелых танков и самоходок. Тогда ГКО за «непринятие мер по наведению порядка в технологии производства и контроля за качеством танков» предупредил директора Зальцмана, объявил выговор главному инженеру Махонину и снял с должности начальника отдела технического контроля завода Козлова [57, л. 1–3]. И этот урок пошел впрок. Уже через несколько месяцев качество продукции улучшилось настолько, что почти все танки выдерживали гарантийные пробеги, а рекламаций из армии стало гораздо меньше. И 23 ноября 1944 года ГКО снял

недавние взыскания с руководителей завода [58, л. 10–11].

Согласно официальным данным, озвученным в центральной прессе уже в июне 1945 года, за время Великой Отечественной войны Кировский завод направил в армию 18 000 танков и самоходок [73, 108]. Однако современные историки установили, что за период с 1 июля 1941 года по 1 июня 1945 года завод выпустил 16 832 боевые машины [41, с. 14]. Несмотря на разброс в цифрах, достижения кировцев были настолько впечатляющими, что уже в августе 1944 года их наградили орденом Красной Звезды и орденом Ленина. А уже после завершения войны, в июле 1945 года, Кировский завод единственный из оборонных предприятий

СССР получил орден Кутузова I степени, который считался «полководческой» наградой и вручался командирам крупных воинских подразделений. Высокими наградами и званиями отметили и заслуги И. М. Зальцмана. В августе 1944 года ему вручили орден Трудового Красного Знамени, в январе 1945 года присвоили звание генерал-майора инженерно-танковой службы, в апреле того же года наградили орденом Кутузова II степени, в сентябре — орденом Суворова I степени. А в январе 1946 года И. М. Зальцману и другим работникам завода присудили Сталинскую премию I степени «за

коренное усовершенствование технологии и организацию высокопроизводительного поточного метода производства тяжелых танков». И благодаря всем этим наградам Исаак Моисеевич в первые послевоенные годы стал одним из самых именитых танкостроителей страны и, пожалуй, самым титулованным руководителем Южного Урала.

После окончания войны от завода и его знаменитого директора ожидали новых достижений. Но, вопреки ожиданиям, первые мирные годы оказались для промышленного гиганта, как и для многих других предприятий страны, трудными: завод

**Производство основных видов продукции
на Кировском заводе в Челябинске в 1946–1949 годах [59–61]**

Показатель	Год			
	1946	1947	1948	1949
Валовая продукция				
План, млн руб. (в ценах 1926–1927 гг.)	850,0	520,0	653,5	770,0
Отчет, млн руб. (в ценах 1926–1927 гг.)	551,7	423,2	660,7	766,4
В процентах от плана	64,9	81,1	101,1	99,6
Тракторы С-80				
План, шт.	3000	6500	16500	17620
Отчет, шт.	951	5758	13230	17649
В процентах от плана	31,7	88,5	80,2	100,1
Тракторные запчасти				
План, млн руб. (в ценах 1926–1927 гг.)	87,5	69,2	68,1	95,2
Отчет, млн руб. (в ценах 1926–1927 гг.)	55,6	59,9	70,7	94,8
В процентах от плана	63,4	86,6	103,7	99,6
Танки ИС-4				
План, шт.	155	200	200	–
Отчет, шт.	0	52	155	–
В процентах от плана	0,0	26,0	77,5	–

медленно перестраивался на новый лад и не справлялся с постоянно возрастающими планами.

Неудачи тех лет были связаны в основном с непродуманной конверсией. И. М. Зальцман надеялся, что после войны Кировский завод будет и дальше специализироваться на танках. Но уже в сентябре 1945 года ежемесячный выпуск бронетехники на заводе сократился с нескольких сотен до нескольких десятков машин, а главной его задачей стал выпуск гусеничных тракторов. Тракторы были менее трудоемкой продукцией, чем танки, но чтобы наладить их массовое производство пришлось приложить большие усилия, так как многие наработки во время войны были утрачены, а кадры тракторостроителей рассредоточены или утратили квалификацию. К тому же, в отличие от директора завода № 183 Е. Ю. Максарева и директора Уралмаша Б. Г. Музрукова, которые еще в 1944 году начали готовиться к выпуску гражданской продукции, И. М. Зальцман до лета 1945 года не придавал этому никакого значения. Интересно, что в августе 1943-го и феврале 1944 года главный конструктор завода по тракторам П. М. Данилюк предлагал директору приступить к разработке новых моделей тракторов, но оба раза получил отказ. Конструкторские работы развернулись только после того, как в конце мая 1945 года последовал приказ наркома В. А. Малышева [18, с. 10–14]. Но и после этого не обошлось без проволочек, так как директор настаивал на возобновлении выпуска довоенного, более простого в изготовлении трактора С-65 и до последнего выступал против нового трактора С-80. В результате всех задержек подготовительные работы были завершены только к весне 1946 года, а реконструкция завода — к осени того же года, что привело к провалу вполне реального плана по тракторам [74, с. 144–145]. К тому же, бросая все силы на тракторное производство, руководство завода не сумело наладить выпуск новых тяжелых танков ИС-4, призванных заменить ИС-2. И неудивительно, что такие результаты вызвали нарекания и со стороны Министерства транспортного машиностроения (МТрМ), и со стороны ЦК ВКП(б), по указанию которого в декабре 1946 года «Правда» напечатала заметку с говорящим названием «Пло-

ды зазнайства и самоуспокоенности» [27, л. 96–110; 43].

Помимо конверсии и ошибок руководства на работе Кировского завода отрицательно сказались и другие обстоятельства. Прежде всего, сократилось некогда щедрое, производимое за счет остальных предприятий и даже целых отраслей финансирование и снабжение. Когда в конце 1945 года решался вопрос о средствах на капитальное строительство в 4-й пятилетке, И. М. Зальцман запросил 716,3 миллиона рублей, которых вполне хватило бы, чтобы построить новый тракторный завод. Но «экономный» Госплан утвердил заводу лишь 520 миллионов, а В. А. Малышев половину этой суммы направил на восстановление предприятий в западных районах страны [38, л. 1–8]. Последовавшие за этим возражения директора о том, что «такое решение... технически не обосновано», в расчет не принимались, ведь в сравнении со многими другими предприятиями Кировский завод в плане материальных и людских резервов выглядел весьма неплохо. Конечно, при желании И. М. Зальцман мог добиться дополнительной помощи от министерства и правительства, но теперь для этого требовалось предъявить солидное обоснование и пройти все бюрократические процедуры.

Огромные трудности у Кировского завода возникали в связи с дефицитом кадров. Если в 1945 году здесь работало в среднем 42 824 человека, то в 1947 году — 32 431. В 1948 году для выполнения «повышенного» плана правительство выделило дополнительные кадры, и численность заводского коллектива выросла до 36 088 рабочих и инженерно-технических работников. Но и этих сил едва хватало для обеспечения нормальной работы. Ведь когда осенью 1949 года с завода вывели 1080 военнопленных, которых активно использовали в корпусных и сборочных цехах, это привело к срыву квартального плана [13, с. 169]. Впрочем, еще большей проблемой была «текучка». В первые послевоенные годы с завода ежегодно выбывало не менее четверти всех рабочих, причем до 1949 года более половины из них были дезертирами. Таковую «убыль» восполняли в основном за счет выпускников ремесленных училищ и людей, набранных по оргнабору в других областях РСФСР. Однако

многие из них через год-полтора уходили с завода в основном из-за неудовлетворительных жилищно-бытовых условий. Чтобы понять всю остроту жилищного вопроса, достаточно заметить, что в июне 1945 года в подвалах, на кухнях, в ваннных комнатах и землянках проживали 21 330 работников завода и членов их семей, то есть 29,9 % всех жильцов. К 1950 году заводская жилплощадь увеличилась на 13,7 %, что позволило переселить людей из землянок в дома. Но 15 600 человек (25,5 %) продолжали ютиться в конюшнях, подвалах, ваннных комнатах и на кухнях [13, с. 185; 23, л. 27].

В столь критических условиях И. М. Зальцман попытался действовать так же, как и в военные годы. Чтобы подтянуть трудовую дисциплину, он вновь принялся массово и показательно наказывать рабочих, начальников цехов и служб. Для восполнения дефицита рабочей силы часто перебрасывал людей из цеха в цех и регулярно устанавливал сверхурочные работы. Но если прежде эти меры воспринимались как должное и сопровождались поощрениями, то теперь они не давали ожидаемого эффекта и вызывали негативную реакцию. И здесь показательны два случая, относящиеся к 1947 году. В конце июня, когда проходила реконструкция корпусов, семь из двадцати начальников цехов не выполнили приказ директора о переброске рабочих на авральные работы [24, л. 39–42]. А осенью произошла еще более скандальная история, когда начальник цеха точной механики И. Г. Беляев отказался в очередной раз работать мастером в другом цехе. Возмущенный такой «наглостью» И. М. Зальцман тут же снял смельчака с должности и добился от парткома его исключения из партии. Тогда опальный начальник самовольно уехал в Москву и лично подал апелляцию в ЦК ВКП(б). Последовало долгое разбирательство с участием М. Ф. Шкирятова и самого А. А. Жданова, которое завершилось тем, что И. Г. Беляева вернули на завод, а директору указали на неправильное поведение [24, л. 149–156; 46, л. 117–121].

Критичное, негативное и даже враждебное отношение к И. М. Зальцману объясняется довольно просто. Знаменитому и всесильному директору рабочие приписывали не только достижения завода, но и свою неустроенность, низкий уровень жизни

и даже невозможность вернуться домой. Во время войны это недовольство было подспудным и его, как правило, высказывали в частных беседах. Но в мирное время оно многократно усилилось, стало прорываться наружу и приводило к серьезным инцидентам. Первый из них произошел летом 1945 года, когда рабочие потребовали вернуть их домой и улучшить условия жизни. Но тогда директору с помощью Челябинского обкома партии удалось на время разрядить обстановку [15, с. 42]. Отголоски этого «бунта» проявились в феврале 1946 года во время выборов депутатов Верховного Совета СССР. Еще в ходе предвыборной кампании рабочие часто заявляли, что не будут голосовать за Зальцмана. И результаты выборов доказали, что такие разговоры не были пустыми: директор Кировского завода получил больше голосов «против», нежели остальные депутаты Верховного Совета от Челябинской области вместе взятые (14 663 голоса, или 7,2 % поданных голосов). Следующая вспышка недовольства произошла в августе 1946 года, когда на пленуме райкома ВКП(б) рабочие и даже некоторые партработники резко критиковали администрацию завода и потребовали привлечь ее к ответственности. Однако И. М. Зальцман с помощью первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) А. А. Белобородова устранил самых активных противников и ликвидировал «бунт» [67, с. 89–90]. После этого желающих открыто критиковать директора не осталось, и свое мнение коммунисты осмеливались выражать только во время тайных выборов местных партийных органов. Впрочем, осенью 1948 года своей бесцеремонностью И. М. Зальцман настроил против себя второго секретаря обкома Ф. Н. Даданова и секретаря обкома по пропаганде А. Г. Лашина, и тогда же прокурор области Н. В. Шляев без санкции обкома взялся расследовать крупные злоупотребления на Кировском заводе. Конечно, А. А. Белобородов помог директору справиться с этой «фрондой», но сам факт ее появления свидетельствовал о кризисе внутри областного руководства [69, с. 67–68].

Помимо борьбы с критикой обком партии помогал директору Кировского завода по хозяйственной линии. Понимая, что работа тракторного гиганта была показателем успехов всей области,

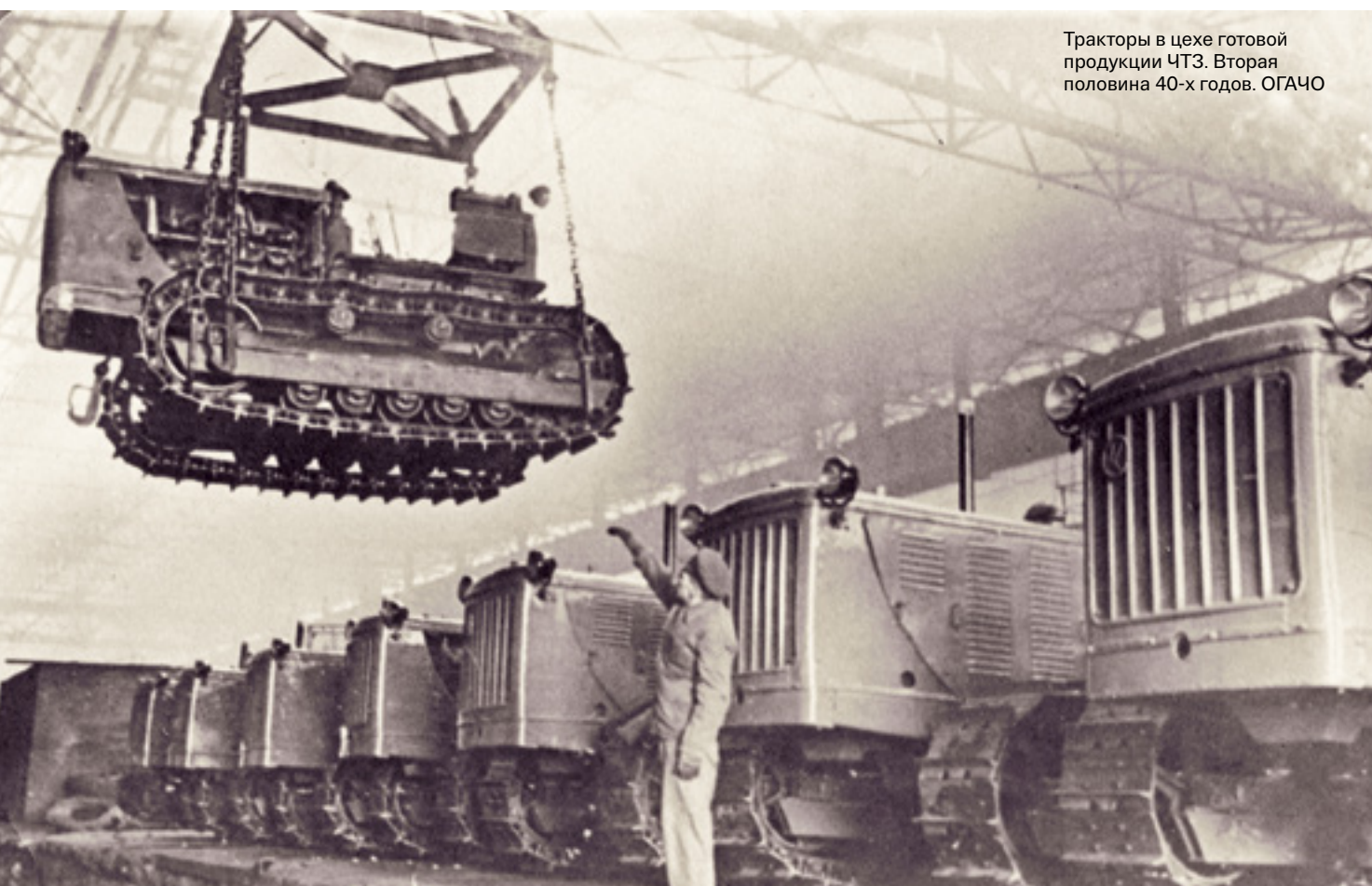
А. А. Белобородов выделял дополнительное сырье и кадры, разгружал завод от второстепенных заданий и подключал к выпуску тракторов другие предприятия области [69, с. 66–68]. Но эта помощь позволяла разрешать только текущие проблемы, а вот перспективные вопросы требовали гораздо большего. Поэтому Исаак Моисеевич часто обращался к тем, кого хорошо знал по Ленинграду, и кто после войны вошел в состав высшего руководства. В первую очередь таким «полезным человеком» был секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, в кремлевском кабинете которого И. М. Зальцман побывал 25 марта 1946 г. [14, с. 57]. Еще более тесный контакт у директора Кировского завода был налажен с А. А. Кузнецовым, у которого он побывал четыре раза [47, л. 30 об., 39, 59, 102 об.]. Можно только предполагать, о чем с глазу на глаз беседовали эти руководители, но 26 декабря 1946 года они, скорее всего, обсуждали статью о заводе, напечатанную в «Правде». 10 июня 1947 года разговор наверняка зашел о кадрах и оборудовании, 18 октября того же года — об инциденте с И. Г. Беляевым. А вот 20 декабря 1948 года И. М. Зальцман и А. А. Кузнецов, вероятнее всего, говорили о жилищном строительстве на заводе и попытках Ф. Н. Дадонова довести до ЦК ВКП(б) информацию о непартийном поведении директора.

И все же самым действенным средством в «арсенале» И. М. Зальцмана было обращение к «вождю». Впервые этой возможностью он воспользовался 14 января 1947 года, когда написал И. В. Сталину письмо, где попросил выделить новое оборудование, строительные материалы, одежду, обувь, продовольствие для двухразового питания и денежные средства на премирование рабочих [40, л. 1–4]. Все это завод получил в течение нескольких месяцев. Вторая записка была послана в Кремль 28 января 1948 года, когда там решался вопрос о плане по выпуску тракторов. Директор просил снизить его с 16 000 до 11 000 тракторов, ссылаясь на неготовность к трехкратному увеличению производства [4, л. 12–14]. Эту просьбу услышали и направили в Челябинск специальную комиссию, которая сочла «возможным установить план выпуска тракторов С-80... в количестве 12 500 штук». И все же предписали изготовить 16 500 машин, так как И. В. Сталин

надеялся на то, что 1948 год окажется переломным в столь непростой 4-й пятилетке. Впрочем, для выполнения такого плана заводу дополнительно выделили средства, оборудование и рабочую силу [5, л. 149–150; 6, л. 49–59]. Наконец, в своем третьем письме от 24 июля 1948 года И. М. Зальцман попросил ускорить выполнение предыдущих решений. И через три дня Совет Министров СССР принял соответствующее постановление [7, л. 16–17].

Запрашивая помощь у местных и центральных властей, И. М. Зальцман не сидел сложа руки. В 1947 и 1948 годах на Кировском заводе провели две масштабные модернизации производства, благодаря чему удалось воссоздать тракторный конвейер и наладить работу десятков поточных линий. За это время в конструкцию С-80 внесли сотни улучшений и отработали технологию его изготовления. В результате снизилась трудоемкость (с 1200 до 800 часов) и себестоимость (с 151 172 до 53 195 рублей) трактора, уменьшился брак (с 8,1 до 3,8 % валовой продукции), и в 1948 году удалось выпустить машин в 2,3 раза больше, чем в 1947-м [28, л. 14–16]. Тогда завод впервые за несколько лет получил солидные доходы и полностью отказался от государственных субсидий. И хотя формально он не выполнил план, никакого наказания не последовало. Ведь руководство страны хорошо понимало, что повышенный план был заведомо невыполним и, видимо, даже не надеялось на столь благополучный исход. Более того, к 1949 году производство тракторов на Кировском заводе достигло запланированного уровня, и больше срывов здесь не было. Тем не менее, именно тогда произошли события, которые и стали главной причиной неожиданной опалы И. М. Зальцмана.

Дело в том, что еще весной 1946 года на вооружение Советской армии были приняты средний танк Т-54 и тяжелый танк ИС-4. Эти машины оказались несовершенными, их доработка затянулась на полтора года, а серийное производство, в нарушение всех планов, началось только в конце 1947 года. В ходе эксплуатации у них выявились конструктивные и производственные дефекты, и в начале 1949 года об этом стало известно И. В. Сталину. Поскольку в тот момент международная обстановка накалялась, а у СССР еще не было атомной

Тракторы в цехе готовой продукции ЧТЗ. Вторая половина 40-х годов. ОГАЧО

бомбы и реактивных бомбардировщиков, танкам уделили особое внимание. 26 января 1949 года Совет Министров СССР приостановил выпуск Т-54, обязал МТрМ и завод № 183 изготовить несколько улучшенных образцов и до 1 мая испытать их. Были назначены и виновные — конструктор А. А. Морозов и директор С. А. Скачков, — которые получили по строгому выговору [42, с. 53]. А 18 февраля 1949 года правительство «разобралось» с дефектами тяжелых танков: производство ИС-4 прекратили, Кировский завод обязали 1 мая предъявить 12 модернизированных машин и до августа разработать новый танк. И главным виновником сделали И. М. Зальцмана, которому объявили выговор и заодно предупредили, что за невыполнение новых заданий его привлекут к более строгой ответственности [39, л. 4–11].

Решения, принятые на высшем уровне, резко активизировали работы по танкам. Конструкторские

бюро усилили кадрами из Ленинграда и Москвы, заводы освободили от второстепенных заданий и выделили им дополнительные ресурсы, а в министерстве регулярно проходили совещания, где заслушивались отчеты конструкторов и директоров. Несмотря на это, задания правительства выполнялись по-разному. На заводе № 183 модернизацию Т-54 провели очень быстро и к 15 марта подготовили восемь из тринадцати машин. В апреле прошли испытания, а уже в июле было решено возобновить выпуск Т-54. Одним словом, тагильчане добились полного успеха. А вот Кировский завод не справился. За 2,5 месяца челябинцы внесли более 80 улучшений в конструкцию ИС-4, однако отработать узлы танка не успели и даже не приступили к сборке опытных образцов. 30 апреля руководство завода попросило Сталина перенести сроки выполнения задания на 15 июля, но только 10 июня поступил положительный ответ [39, л. 15–17]. И эта

задержка означала, что к лету 1949 года знаменитый танкостроитель, умевший когда-то «делать танки», утратил «высокое доверие».

На фоне танкового скандала, который легко мог превратиться в «танковое дело», в начале марта 1949 года на имя И. В. Сталина поступила записка секретаря парторганизации заводоуправления Кировского завода А. М. Зверева, в которой говорилось «о крупных преступлениях и беспорядках на заводе, покрываемых директором завода т. Зальцманом» [67, с. 165–169]. В записке не было ничего особенного: описанные в ней злоупотребления, бесхозяйственность и грубость начальников встречались на всех предприятиях. К тому же И. М. Зальцмана и прежде пытались привлечь к ответственности за такие «недостатки»: например, в 1942 году, когда Прокуратура СССР выявила крупные хищения продовольствия на Кировском заводе, и в 1947 году, когда Госконтроль обнаружил солидные растраты заводских денег. Но в первом случае материал остался без движения, а во втором все обошлось простым выговором от Совмина СССР [12, с. 66; 8, л. 116–137]. По сравнению с этими случаями «сигнал» низового партийного работника выглядел пустяком. Но авторитет директора к тому времени оказался подорван, и «вождь» дал ход доносу, направив его на рассмотрение Г. М. Маленкову. В апреле межведомственная комиссия изучила поступивший материал и ожидаемо предложила направить на завод бригаду ЦК ВКП(б) для проведения более тщательной проверки. Однако соответствующее распоряжение поступило лишь спустя месяц — 21 мая. Некоторые историки объясняют эту задержку тем, что Г. М. Маленков был занят фабрикацией «ленинградского дела» и не сразу догадался использовать И. М. Зальцмана для получения компромата на «ленинградцев» [19, с. 463–464]. Но скорее всего, Георгий Максимилианович не торопился потому, что знал о задании, которое получил Кировский завод, и когда в мае стало ясно, что задание провалено, он немедленно взялся за дело.

14 июня бригада ЦК ВКП(б) отработала, что в работе И. М. Зальцмана имеются существенные «недостатки» (невыполнение планов, грубое отношение к рабочим, злоупотребления и неправиль-

ный подбор кадров) и предложила привлечь его к «строгой ответственности» [67, с. 180–182]. Тогда же в Совет Министров СССР поступили сведения о том, что завод во второй раз срывает задание по танкам [62, л. 37–39]. В такой ситуации, казалось, наказание было неминуемым. Но на стороне И. М. Зальцмана выступил Челябинский обком партии и, по всей видимости, МТрМ. Поэтому 27 июня, когда в Секретариате ЦК ВКП(б) стали разбирать его дело, он отверг ряд обвинений, и цеховским работникам пришлось срочно собирать дополнительный компромат. 1 июля после всех махинаций поведение директора признали антипартийным, сняли его с должности, а имевшиеся материалы направили на доследование в Комиссию партийного контроля. 11 июля Политбюро утвердило это решение [67, с. 150–156].

В научной и популярной литературе распространено мнение, что опала И. М. Зальцмана была связана с начавшимся в 1949 году «ленинградским делом» и антисемитской кампанией [19, с. 463–465; 64, с. 3–6; 66, с. 98–102; 73, с. 120–128]. Однако эта версия основана лишь на воспоминаниях Исаака Моисеевича, составленных в 1980-е годы, и на решении Комиссии партийного контроля от 6 сентября 1949 года, в котором значится, что он помогал Московскому еврейскому театру и преподносил дорогие подарки бывшим руководителям Ленинграда. В документах, датированных весной — летом 1949 года, об этом нет ни слова, зато в них говорится, что Кировский завод не выполнял планы по тракторам и танкам, а директор грубо обращался с подчиненными и неправильно подбирал кадры. И следует заметить, что уже в 1949 году были обнародованы все эти «причины» за исключением одной — срыва заданий по выпуску танков. Танковая тема всегда была секретной, а тогда, в разгар танкового скандала, затронувшего несколько министерств, она стала совершенно секретной и особенно острой. На этом фоне неудача знаменитого танкостроителя воспринималась высшим руководством очень серьезно, а его показательная отставка понадобилась для мобилизации остальных исполнителей на вывод важнейшей оборонной отрасли из кризиса. «Ленинградский» же след в деле Зальцмана появился только в августе —

сентябре 1949 года, когда его уже сняли с должности и решался вопрос о его пребывании в партии. И эта тема стала такой же маскировкой истинных причин опалы, как и разговоры о грубых выходках и злоупотреблениях.

В июле 1949 года И. М. Зальцман неприметно уехал из Челябинска. После исключения из рядов ВКП(б) в октябре 1949 года его направили инженером на небольшой завод в Муром. В январе 1952 года его перевели в Орел на завод «Трансмаш», и здесь через несколько лет он дослужился до начальника цеха. За это время И. М. Зальцман трижды обращался в Комитет партийного контроля с просьбой восстановить его в партии, но добился этого только весной 1955 года. В 1957 году с помощью бывших коллег он вернулся в Ленинград и стал директором механического завода, где проработал до 1986 года.

Несмотря на то что И. М. Зальцмана вновь приняли в партию и вернули на руководящую работу, его имя долго оставалось под негласным запретом. Лишь в 1970-е годы благодаря писателям и режиссерам вновь «вспомнили» о его былых заслугах, а в эпоху перестройки открыто заговорили о его непростой судьбе. В это время Исаак Моисеевич активно транслировал собственную, весьма субъективную версию событий сорокалетней давности, и поскольку иных источников информации не было, общественность безоговорочно приняла ее. В наше время история танкостроителя обросла новыми подробностями, ее стали подавать более ярко и драматично, она укоренилась в массовой культуре и, по сути, превратилась в биографический миф [70, с. 115–124]. Поэтому легенда о «взлете и падении» И. М. Зальцмана живет теперь своей жизнью и, несмотря на все усилия историков, слабо поддается корректурке.

Список литературы

1. Болдовский К. А. Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 61–73.
2. Валеев Р. Р. Рекорды Челябинского тракторного завода: О фактическом производстве танков и самоходно-артиллерийских установок в годы войны // Воен.-ист. журн. 2003. № 3. С. 13–15.
3. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 2107.
4. Там же. Оп. 50а. Д. 2106.
5. Там же. Д. 2107.
6. Там же. Д. 2108.
7. Там же. Оп. 52. Д. 2134.
8. Там же. Ф. Р-8300. Оп. 15. Д. 1048.
9. Гольдштейн Я. Е. Откровенно говоря...: Воспоминания. Размышления. Челябинск: Рифей, 1995. 413 с.
10. Емельянов В. С. На пороге войны. М.: Совет. Россия, 1971. 240 с.
11. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Литера-С, 2009. 310 с.
12. Жирнов Е. «В армию поступают танки Т-34 с трещинами бронекорпусов» // Коммерсантъ — Власть. 2011. № 37. С. 64–69.
13. Запарий В. В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы. Екатеринбург: Изд-во УМЦ — УПИ, 2015. 218 с.
14. Зеленов М. В., Ирошников М. П., Чернобаев А. А. Тетрадь регистрации приема посетителей А. А. Ждановым в г. Москве с 19.VII.44 г. по 29.XI.46 г. Записи за 1946 г. // Ист. архив. 2016. № 1. С. 52–77.
15. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
16. Коломиец М. В. Т-34. Первая полная энциклопедия. М.: Яуза: Стратегия-КМ: Эксмо, 2009. 496 с.
17. Комаров Л. С., Ховив Е. Г., Заржевский Н. И. Летопись Челябинского тракторного (1929–1945 гг.). М.: Профиздат, 1972. 375 с.
18. Комаров Л. С., Боярчиков В. Г. Летопись Челябинского тракторного. 1945–1980 гг. М.: Профиздат, 1982. 390 с.
19. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм: новая версия. Ч. 2: На фоне холодной войны. М.: Междунар. отношения, 2015. 670 с.
20. Мельников Н. Н. Организация производства в экстремальных условиях войны (на примере Уральского танкового завода) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. Т. 107, № 4. С. 170–178.
21. Мельников Н. Н. Проблемы создания танкового производства в Челябинске накануне Великой Отечественной войны // Ист.-пед. чтения. 2015. № 19, ч. 2. С. 139–151.
22. Мельников Н. Н. Танковые заводы Урала в 1942–1943 гг.: проблемы производства // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф., г. Екатеринбург, 27–28 апр. 2007 г.: в 2 т. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 171–173.

23. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 553.
24. Там же. Д. 728.
25. Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 292.
26. Там же. Оп. 7. Д. 311.
27. Там же. Оп. 10. Д. 131.
28. Там же. Оп. 13. Д. 164.
29. Там же. Ф. Р-792. Оп. 5. Д. 11.
30. Там же. Д. 23.
31. Там же. Д. 26.
32. Там же. Д. 46.
33. Там же. Д. 47.
34. Там же. Д. 48.
35. Там же. Д. 50.
36. Там же. Д. 642.
37. Там же. Д. 670.
38. Там же. Оп. 15. Д. 86.
39. Там же. Оп. 16. Д. 2.
40. Там же. Оп. 19. Д. 76.
41. Отечественные бронированные машины. XX век. Т. 2. 1941–1945. М. : Экспринт, 2005. 448 с.
42. Павлов И. В., Павлов М. В. Отечественные бронированные машины 1945–1965 гг. Средние танки. // Техника и вооружение: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 10. С. 43–56.
43. Правда. 1946. 18 дек.
44. «Пройдет десяток лет, и этих встреч не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 103–147.
45. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 877.
46. Там же. Оп. 118. Д. 5.
47. Там же. Оп. 121. Д. 738.
48. Там же. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1.
49. Там же. Д. 21.
50. Там же. Д. 25.
51. Там же. Д. 35.
52. Там же. Д. 63.
53. Там же. Д. 155.
54. Там же. Д. 175.
55. Там же. Д. 178.
56. Там же. Д. 183.
57. Там же. Д. 365.
58. Там же. Д. 416.
59. РГАЭ. Ф. 8734. Оп. 6. Д. 91.
60. Там же. Д. 233.
61. Там же. Д. 383.
62. Там же. Д. 721.
63. Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М. : РОССПЭН, 2010. 375 с.
64. Сергийчук В. Танковый король России. Киев : Ничлава, 2005. 236 с.
65. Свирин М. Н. Самоходки Сталина. История советской САУ 1919–1945. М. : Яуза : Эксмо, 2008. 384 с.
66. Слободин К. М. Сын века своего. Ниж. Тагил : ТРМ, 2006. 111 с.
67. Сушков А. В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург : ИИиА УРО РАН, 2016. 300 с.
68. Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века : в 2 ч. Ч. 2. Уральский танковый завод № 183. Ниж. Тагил : Репринт, 2010. 353 с.
69. Федоров А. Н. И. М. Зальцман и Челябинский обком ВКП(Б): взаимоотношения местных партийных и хозяйственных органов в первые послевоенные годы // Вестн. Томс. гос. ун-та. История. 2016. № 3. С. 65–73.
70. Федоров А. Н. «Танковый король» и «опальный генерал»: рождение легенды об Исааке Зальцмане // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 109–133.
71. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 420838.
72. Там же. Ф. Р-1012. Оп. 2. Д. 1954.
73. Шмыров Б. Д. Зальцман Исаак Моисеевич. Легендарный директор легендарного Танкограда. Челябинск : Абрис, 2017. 272 с.
74. Шубарина Л. В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: Региональный опыт развития, 1945–1965 гг. : монография. Челябинск : Урал. акад., 2011. 280 с.
75. Яловенко А. Ф. Архипелаг ГУПВИ в Челябинской области : в 2 ч. Ч. 2. Челябинск : Цицеро, 2014. 358 с.

Озера. Вечерет.
Челябинская область.
2016 год. Фото: В. Шарапов

История Южного Урала

8
ТОМ
глава
4

ЮЖНЫЙ
УРАЛ
ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XX века

А. В. Буданов. СОЗДАНИЕ АТОМНОГО ЩИТА

Вторая половина XX века стала временем, когда человечество совершило немислимый прогрессивный скачок в развитии науки и техники. Появилось множество новых отраслей промышленности: радиоэлектроника и первые компьютеры, ракетостроение и совершенно новая сфера человеческой деятельности — атомная энергетика.

Однако передовые технологии далеко не всегда зарождались как средство созидания и ускорения мирного развития цивилизаций. Например, атомная техника стала порождением Второй мировой войны и глобального соперничества мировых держав. Для нашей страны это соперничество имело далеко идущие и неоднозначные последствия. Серьезные разрушения и потери Великой Отечественной войны (1941–1945), а затем навязанная американцами гонка вооружений в ходе холодной войны изменили вектор исторического развития Советского Союза. Значительные производственные и хозяйственные ресурсы тяжелой промышленности, которые создавались в годы первых пятилеток как экономический базис социализма, пришлось использовать не только и не столько для производства гражданской продукции с целью повышения уровня жизни советских людей, а для защиты СССР и его союзников от возможного

атомного нападения со стороны стран Запада. Действительно, в те годы весь мир мог наблюдать «решительность» Соединенных Штатов, сбросивших атомные бомбы не на военные базы, а на японские города. 6 августа 1945 года в 8 часов 15 минут над городом Хиросима была взорвана урановая бомба, а 9 августа в 11 часов 2 минуты над городом Нагасаки американцы взорвали плутониевую бомбу. Стало ясным, что борьба западной и советской идеологий и экономических систем угрожала новой мировой войной, которая переросла бы в ядерный апокалипсис. Советскому Союзу необходимо было срочно мобилизовать значительные ресурсы на создание собственного атомного оружия и средств его доставки, чтобы достичь паритета как гарантии сдерживания агрессии вероятного противника.

Советская руководящая элита во главе с И. В. Сталиным вынуждена была срочно начать работы по созданию оборонной атомной промышленности. Прежде всего необходимо было сформировать специальные органы государственного управления в этой отрасли, а также подготовить необходимую нормативно-правовую базу. Важнейшим юридическим документом, положившим начало советскому атомному проекту, считается совершенно секретное Постановление Государственного комитета обороны СССР от 20 августа 1945 года № 9887 «О специальном комитете при ГКО». В наши дни любой интересующийся этой темой может ознакомиться с указанным

информативным историческим источником. Приведем выдержки из документа:

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Образовать при ГКО Специальный комитет в составе:
 1. Берия Л. П. (председатель)
 2. Маленков Г. М.
 3. Вознесенский Н. А.
 4. Ванников Б. Л.
 5. Завенягин А. П.
 6. Курчатов И. В.
 7. Капица П. Л.
 8. Махнев В. А.
 9. Первухин М. Г.
2. Возложить на Специальный комитет при ГКО руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана:
 - развитие научно-исследовательских работ в этой области;
 - широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. странах);
 - организация промышленности по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанным с использованием внутриатомной энергии, а также строительство атомно-энергетических установок, разработку и производство атомной бомбы.
3. Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Специального комитета при ГКО, рассмотрения планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной

энергии урана создать при комитете Технический совет в следующем составе:

1. Ванников Б. Л. (председатель)
 2. Алиханов А. И.— академик (ученый секретарь)
 3. Вознесенский И. Н.— член-корреспондент Академии наук СССР
 4. Завенягин А. П.
 5. Иоффе А. Ф.— академик
 6. Капица П. Л.— академик
 7. Кикоин И. К.— член-корреспондент Академии наук СССР
 8. Курчатов И. В.— академик
 9. Махнев В. А.
 10. Харитон Ю. Б.— профессор
 11. Хлопин В. Г.— академик
4. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб организовать при СНК СССР Главное управление — Первое главное управление при СНК СССР, подчинив его Специальному комитету при ГКО...
7. Специальный комитет при ГКО определяет и утверждает для Первого главного управления при СНК СССР размер потребных ему денежных ассигнований, рабочей силы и материально-технических ресурсов с тем, что Госпланом СССР эти ресурсы включаются в балансы распределения как «Специальные расходы ГКО».

8. Председателю Госплана СССР т. Вознесенскому Н. А. организовать в Госплане СССР управление по обеспечению заданий Специального комитета при ГКО. Назначить начальником указанного управления зам. председателя Госплана СССР т. Борисова Н. А., освободив его от другой работы по Госплану и ГКО...

10. Утвердить: начальником Первого главного управления при СНК СССР и заместителем председателя Специального комитета при ГКО т. Ванникова Б. Л. с освобождением его от обязанностей народного комиссара боеприпасов; Заместителями начальника Главка: Завенягина А. П.— первый заместитель Борисова Н. А.— заместитель Мешика П. Я.— заместитель Антропова П. Я.— заместитель Касаткина А. Г.— заместитель...

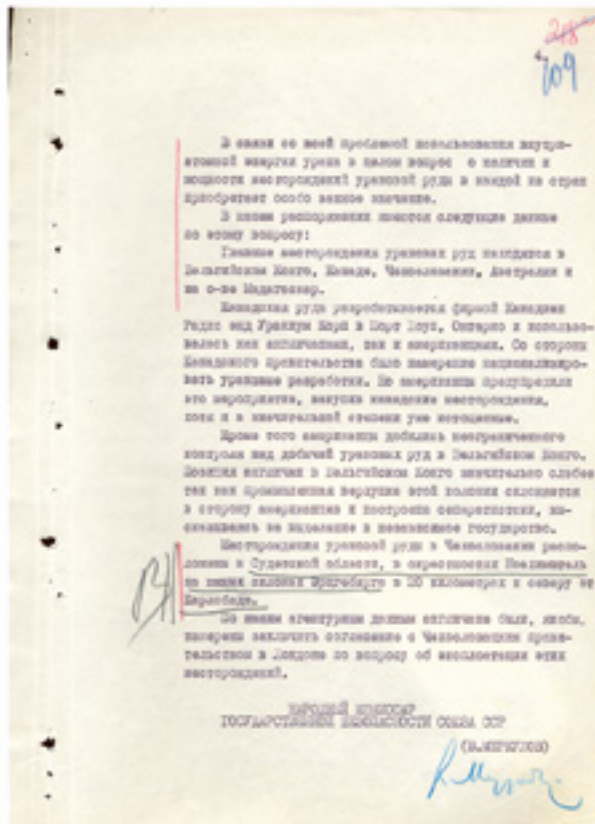
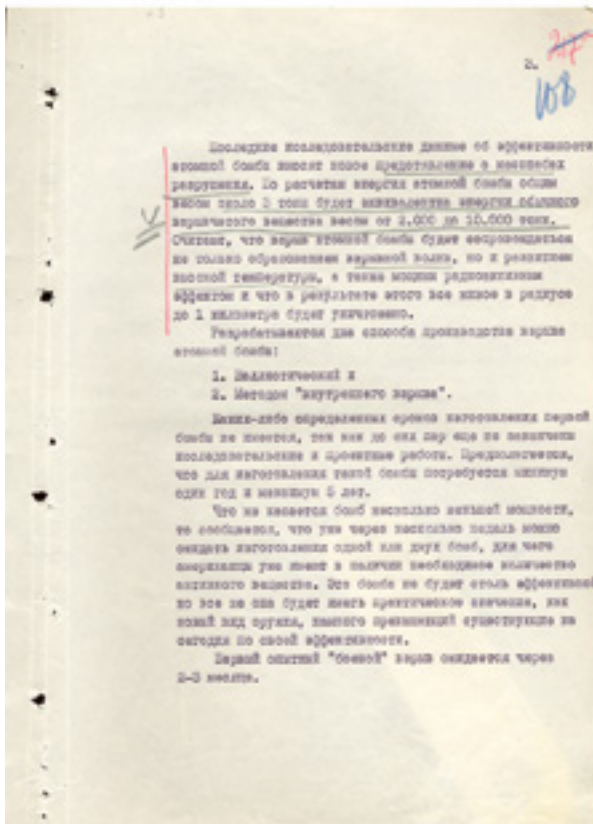
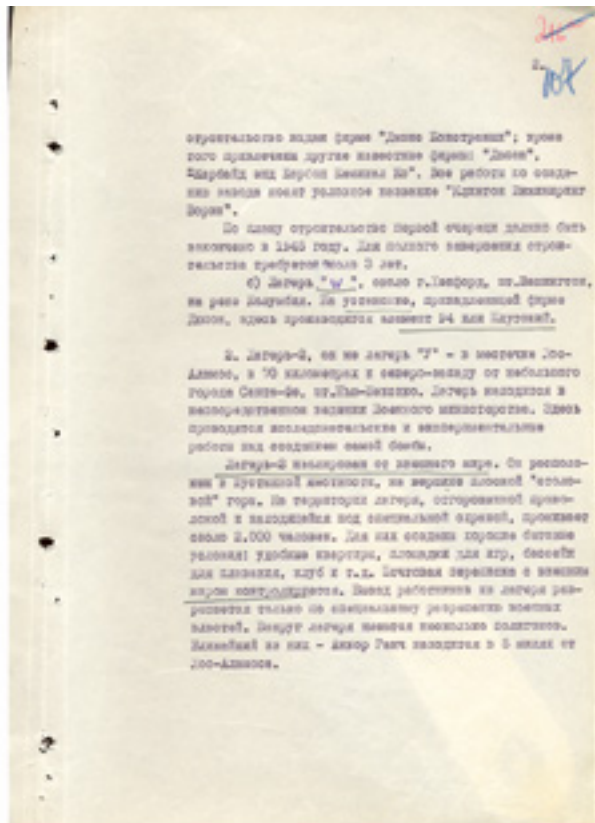
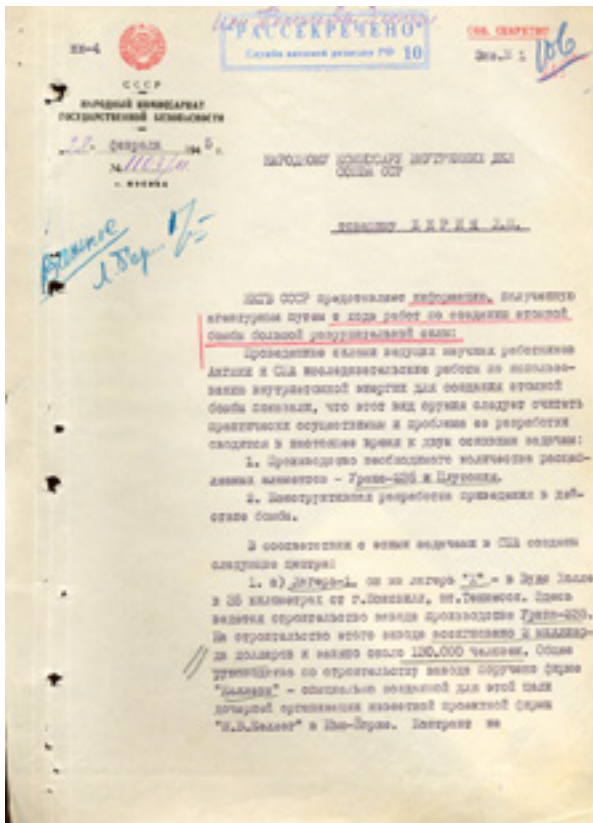
13. Поручить т. Берия принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУ КА и др.).

Председатель Государственного комитета обороны

И. Сталин [5, с. 11–14].

Докладная записка наркома государственной безопасности В. Н. Меркулова наркому внутренних дел Л. П. Берия

о ходе работ в США по созданию атомной бомбы. 28 февраля 1945 года. Архив СВР

После издания этого документа сразу же началась активная работа по созданию организационной и производственной базы новой для СССР отрасли промышленности. В подчинение Первого главного управления передали ряд действовавших предприятий и научно-исследовательских организаций смежных отраслей промышленности: лабораторию № 2 по изучению атомной энергии при Академии наук СССР (с 10 марта 1943 года ее возглавлял И. В. Курчатов); Государственный союзный проектный институт ГСПИ-11 в Ленинграде; Институт НИИ-9 в Москве (возглавлял это учреждение металловед академик А. А. Бочвар); из Народного комиссариата боеприпасов был передан завод № 12 в городе Электросталь (здесь отливались металлические блочки из урана для загрузки в реактор); из состава НКВД — комбинат № 6 по добыче урана в Таджикистане и т. д. Однако этих мощностей было недостаточно, требовалось создавать новые предприятия, конструкторские бюро и научно-исследовательские организации. 1 декабря 1945 г. была сформирована лаборатория № 3, занимавшаяся созданием тяжеловодных реакторов на природном уране; в 110 километрах от Москвы построен исследовательский комплекс — будущий Физико-энергетический институт [10, с. 37–38]. В 1946 году в городе Сарове началось создание всемирно известного ядерного центра по конструированию ядерных боеприпасов. Совет Министров СССР 9 апреля 1946 года принял секретное постановление о создании здесь филиала лаборатории № 2. Объект получил название «КБ-11», начальником был назначен П. М. Зернов, главным конструктором — Ю. Б. Харитон. Этот исторически знаменитый центр по разработке ядерных боеприпасов имел на протяжении своей истории разные, зачастую секретные названия: КБ-11, объект № 550, Кремлев, «Москва, Центр 300», Арзамас-75, Арзамас-16 и, наконец, Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ) [10, с. 13].

После создания специальных руководящих и ответственных органов государственного управления, а также научно-исследовательских организаций и конструкторских бюро необходимо было выбрать площадки для строительства новейших

крупных атомных предприятий с учетом геополитических и военно-тактических преимуществ и особенностей. Необходимо было учитывать такие факторы, как секретность, защищенность от военных атак, наличие большого количества воды для охлаждения реакторов и осуществления гидрометаллургических процессов, удаленность от границ. Опыт Великой Отечественной войны явно указывал на Урал как наиболее подходящий для оборонной промышленности район. Южный Урал по таким параметрам, как климат, горный рельеф, доступность путей сообщения, уровень развития промышленности, плотность населения, наличие свободных пространств, обеспеченность водными ресурсами, был наиболее подходящим регионом для строительства атомных заводов, чуть хуже были характеристики Среднего Урала.

Сопки и вершины Южного Урала перемежались с равнинами, озерами и небольшими реками, то есть имелись водные ресурсы, а это позволяло организовать плутониевое производство, необходимое для различных видов атомных зарядов. Долины, окруженные горами, не позволяли одним ядерным ударом нанести урон сразу всем предприятиям региона, являлись естественной преградой для ударной волны и радиоактивного излучения. Немаловажным был и такой фактор, как удаленность от столицы и центрального промышленного района, что должно было защитить эти регионы от последствий возможных радиационных аварий.

После ряда дискуссий и обсуждений в конце 1945 года была найдена площадка, отвечающая основным требованиям. Спецкомитет по урановой проблеме принял предложение А. П. Завенягина построить комбинат по производству плутония на севере Челябинской области, в районе города Кыштыма. 9 ноября 1945 года на выбранную площадку прибыли первые строители. Впоследствии именно эта дата была выбрана в качестве дня рождения города Озерска (соответствующее решение от 14 ноября 1955 года № 272 принял исполнительный комитет Озерского городского совета депутатов трудящихся) [8, с. 14]. Однако требовалось утвердить еще ряд важных документов, чтобы окончательно приступить к строительству нового предприятия. Совет Народных Комиссаров

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Бомба типа "На" (High explosive).

В июле месяце сего года ожидается производство первого взрыва атомной бомбы.

Конструкция бомбы. Активным веществом этой бомбы является элемент 94 без применения урана-235. В центре шара из плутония весом 5 килограмм помещается так наз. инициатор - бериллиево-полониевый источник альфа-частиц. Плутоний^{x)} окружается 50 фунтами тьюб-аллой^{x)}, который является "темпером". Все это помещается в оболочку из алюминия толщиной 11 см. Эта алюминиевая оболочка, в свою очередь, окружается слоем взрывчатого вещества "пенталит" или "composition C" (по другим данным "composition B") с толщиной стенки 46 см. Корпус бомбы, в который помещается это ВВ, имеет внутренний диаметр 140 см. Общий вес бомбы, включая пенталит, корпус и проч. - около 3 тонн.

Ожидается, что сила взрыва бомбы будет равна силе взрыва 5.000 тонн ТНТ. (Коэффициент полезного действия - 5-6%). Количество "fission" равно $75 \cdot 10^{24}$.

Запасы активного материала.

а) Уран-235. На апрель с/г было добыто 25 килограмм Уран-235. Его добыча в настоящее время составляет 7,5 кг. в месяц. Получение его
б) Плутоний (элемент 94). В лагере-2 имеется 6,5 кг. плутония. Получение его налажено, план добычи перевыполняется.

x) тьюб-аллой - условное название урана (commercial radium alloy)

↓
качество како-
-примеси, 235 или
обозначением на дуг. чеш.-к.

Ориентировочно взрыв ожидается 10 июля с/г.

Примечания: справка составлена
для устной ориентировки ак. Курчатова

(правительство) СССР 1 декабря 1945 года издал Постановление № 3007-697, согласно которому завод № 817 по производству плутония было решено разместить на берегу озера Кызыл-Таш. 24 апреля 1946 года был утвержден генеральный план строительства комбината № 817. Основной строительной организацией был выбран уже проверенный и положительно зарекомендовавший себя в регионе трест «Челябметаллургстрой» во главе с Я. Д. Рапортом и М. М. Царевским, главным инженером стройки стал В. А. Сапрыкин. Постановлением правительства от 21 декабря 1945 года было образовано управление строительства, которое получило секретный номер 859. Несмотря на тяжелое послевоенное положение начались активные строительные работы, сопровождавшиеся множеством трудностей, которые в итоге были преодолены.

В. А. Фишер
в Челябинске.
18 сентября
1968 года.
Из архива
УФСБ России
по Челябин-
ской области

Академик В. И. Вернадский
и профессор А. Е. Ферсман.
1940 год. Государственный
исторический музей
Южного Урала

Дом-музей
И. В. Курчатова
в Озерске

Академик
И. В. Курчатов
в своем
кабинете

Академик
Игорь Васильевич Курчатов

Акт приемки в эксплуатацию объекта «А» Базы № 10 (первого в СССР промышленного атомного реактора). 30 декабря 1949 года. Архив ПО «Маяк»

Справка 4123.
Служба контроля
в здании 2-го 9-го
этажа в здании
в здании
К Т 4293
Григорьев
11.12.49
- 41 - - 289.
~~Секретно~~
Зак. №....
Госсекрегену.
Заказ № 25-03/26
от 08.09.49 Луцкий

ПРИЕМКА В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ОБЪЕКТА "А"
БАЗЫ № 10

от "30" декабря 1949г.

На основании приказа Начальника Первого Главного Управления при Совете Министров СССР тов. ВАННИКОВА Б.Л. от 17 апреля 1948 года, комиссия в составе:

От Строительства № 859:

1. Начальника Строительства Генерал-майора инж. техн. службы - ЦАРЕВСКОГО М.М.	1. Директора Базы № 10 Генерал-майора инж. техн. службы - МУЗРУКОВА Б.Г.
2. Зам. Министра Интяжстроя тов. ОНУСРИЕВА И.А.	2. Академика тов. КУРЧАТОВА И.В.
3. Главного инженера стр-ва Инженер-полковник САПРЫКИНА В.А.	3. Главного инженера Базы № 10 СЛАВСКОГО Е.П.
4. Зам. Начальника Стр-ва Инженер-полковник ГЕОРГИЕВСКОГО П.К.	4. Зам. Директора Базы № 10 тов. СИДНИНОВА В.В.
5. Нач. конторы "Спецмонтаж" Менеджер прибора тов. НАЙДИЧ В.П.	5. Главного инженера объекта "А" тов. МЕРКУША В.И.

Произвела приемку в эксплуатацию оконченного строительством и монтажом объекта "А" /здание № 1/ Базы 10. Предъявленным к сдаче объект "А" прошел пуско-наладочные испытания и введен в нормальную эксплуатацию с июня месяца 1948 г. За период эксплуатации агрегат "А" работал нормально и не имел серьезных нарушений технологического режима.

отказавшую работу в эксплуатации агрегата проектных параметров, а также предельно-нестабильности нового и технически сложного проекта в целом, выполненного отечественными заводами, а также, монтажных работ - хорошее. Оконченных работ - считать УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫМИ К ЭКСПЛУАТАЦИИ.

.....1948 года "Объект "А" /здание № 1/ В ПОСТОЯННУЮ ЭКСПЛУАТАЦИЮ БАЗЫ № 10.

Техническая документация, передаваемая Базе - 10, согласно прилагаемой к акту ведомости приложений.

П Р И Н Я Л И:

/ЦАРЕВСКИЙ М.М./	<i>Музруков</i>	/МУЗРУКОВ Б.Г./
/ОНУСРИЕВ И.А./	<i>Курчатова</i>	/КУРЧАТОВ И.В./
/САПРЫКИН В.А./	<i>Славский</i>	/СЛАВСКИЙ Е.П./
/ГЕОРГИЕВСКИЙ П.К./	<i>Сиднинов</i>	/СИДНИНОВ В.В./
/НАЙДИЧ В.П./	<i>Меркуша</i>	/МЕРКУША В.И./

ГОДА № 1200 40-714
ПРИЕМКА № 100
30 ДЕК 1949
СЕКТОР

Для создания атомной промышленности пришлось пожертвовать важными социальными объектами на выбранной территории. В регионе с красивой природой и хорошей экологией было много оздоровительных учреждений, домов отдыха и других социально значимых объектов, мешавших секретной стройке. Однако создание атомного оружия требовало таких жертв. В качестве примера можно привести следующий документ:

Секретарю обкома
ВКП(б) товарищу
Белобородову А. А.,

начальнику управления
МГБ товарищу
Смородинскому В. Т.

гор. Челябинск

В целях предотвращения разглашения сведений о строительстве в Челябинской области специальных совершенно секретных объектов требуется прекратить доступ в 25-километровую режимную зону, а особенно в г.г. Кыштым и Касли, посторонних лиц.

Наличие в этих городах различных учебных заведений, санаториев и домов отдыха не дает возможности осуществлять режим, установленный постановлением Правительства от 21 августа 1947 г.

В связи с этим прошу
Вашего указания о переводе в ближайшее время в другие районы области:

1. Горного техникума
МПСМ в г. Кыштыме.

2. Педагогического
училища в г. Кыштыме.

3. Курсов медсестер
в г. Кыштыме.

4. Дома инвалидов
в г. Кыштыме.

5. Организаций
Челябхимлеса со всей
25-километровой зоны.

6. Управления
курорта Увильды и его
базы в г. Кыштыме.

7. Дома отдыха и пионерские лагеря со всей
25-километровой зоны.

8. Аналогичные
учреждения из г. Касли.
Прошу также отменить предполагаемое с 1 мая с. г. движение двух пассажирских поездов в сутки Челябинск — Кыштым для курортников и поставить вопрос о закрытии курорта Увильды и передаче его строящимся объектам.

Уполномоченный Совета
Министров Союза ССР
генерал-лейтенант
[подпись] (Ткаченко)

2 марта 1948 г.
№ 238 [15, л. 1–2].

Следующей важной проблемой стал подбор компетентных кадров для нового и сверхсекретного предприятия. По сложившейся в сталинский период практике, помимо вольнонаемных рабочих и специалистов для выполнения объемных подготовительных и черновых работ привлекались заключенные из системы ГУЛага и военнослужащие [16, л. 1]. Директором строящегося комбината по производству плутония Приказом Первого главного управления от 17 апреля 1946 года был назначен Петр Тимофеевич Быстров. Предприятие получило секретный номер 817 и название «База 10» — так в переписке именовалось ныне всемирно известное производственное объединение «Маяк» [10, с. 37].

В октябре 1946 г. на секретный объект стали массово прибывать специалисты и рабочие. Для работы на предприятиях «атомного проекта № 1» отбирали лучших. Однако из-за секретности даже родственники и друзья не всегда знали, куда неожиданно направлялся тот или иной специалист. В обществе возникали слухи о новой волне репрессий, что не соответствовало действительности. Чтобы упорядочить и централизовать процесс подбора кадров для строящегося плутониевого комбината, Совет Министров СССР 15 марта 1948 года принял совершенно секретное постановление № 792-257, в приложении к которому был приведен подробный список требуемых специалистов с указанием предприятий, которые обязывались предоставить соответствующих работников. В пункте 1 этого постановления указывалось: «Обязать первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) совместно с руководителями предприятий и ведомств отобрать инженеров, техников, квалифицированных рабочих и служащих в количествах согласно приложения и откомандировать их равномерно в течение II и III кварталов в распоряжение обкома ВКП(б)».

Среди предприятий Челябинской области, направлявших своих лучших сотрудников, были Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский тракторный завод, Челябинский трубопрокатный завод, Челябинский, Златоустовский, Уфалейский и Саткинский металлургические заводы, Чебаркульский завод № 701, завод № 200, Урал-ЗиС, Карабашский медеплавильный и Челябинский цинковые заводы, Челябинский электродный

23
ПРИКАЗ

СОВ. СЕКРЕТНО

82

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

10

за 1946 год

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 00899. - ОС организации исправительно-трудового лагеря Управления строительства № 859.

№ 00899. - 3 октября 1946 года.

В связи с выделением строительства № 859 из состава Челябинского металлургического завода МВЛ СССР в самостоятельную, производственно-хозяйственную единицу -

П Р И К А З Н В А Ю:

1. Организовать с 1 октября 1946 года для работы на объектах строительства № 859 исправительно-трудовой лагерь МВЛ.

Укомплектование ИТЛ строительства № 859 произвести за счет:

а) ранее направленных на строительство контингентов з/к з/к из ИТЛ Челябинского металлургического завода;

б) вновь поступающих и отфильтрованных по статейному и физическому признакам в ИТЛ Челябинского металлургического завода для ИТЛ № 859 пополнения.

2. Утвердить прилагаемый к настоящему приказу временный штат Управления исправительно-трудового лагеря МВЛ № 859.

3. Назначить:

По Управлению ИТЛ МВЛ № 859

Заместителем начальника ИТЛ Управления строительства по лагерю - старшего лейтенанта КАМАЕВА Константина Павловича.

16
1898с
ОКГ

Приказ министра внутренних дел СССР «Об организации исправительно-трудового лагеря Управления строительства № 859». 3 октября 1946 года. Объединенный государственный архив Челябинской области

Здание реактора «А».
ПО «Маяк»

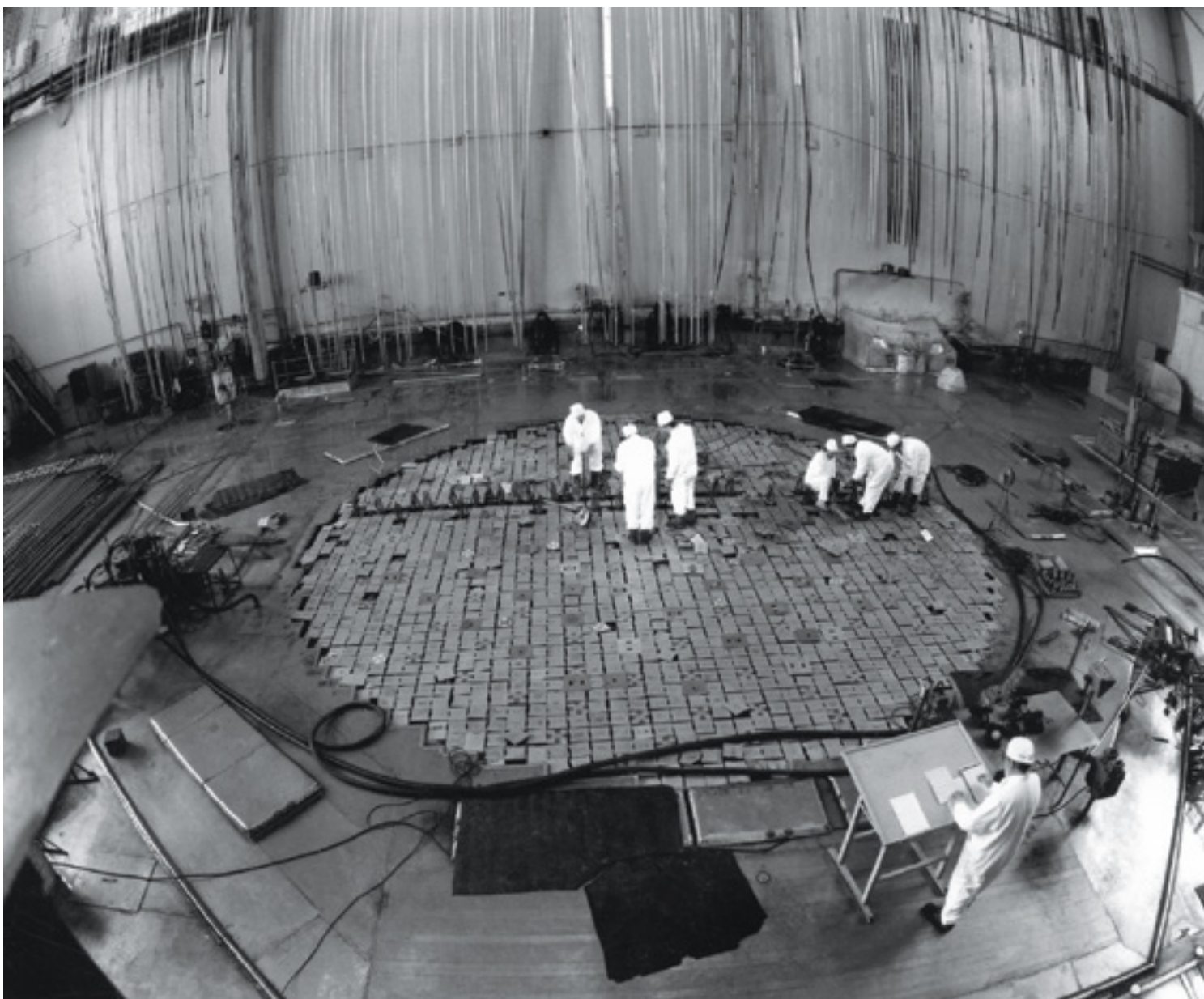
Строительство реактора «А».

На котловане заключенные
Челябметаллургстроя.
ПО «Маяк»

Пульт управления реактором «А»

В центральном зале уран-графитового реактора. Реакторный завод. ПО «Маяк»

Виктор
Петрович
Макеев

завод, завод имени Коллющенко и др. Всего список содержал наименования 72 промышленных предприятий и ряда организаций (например, Облторготдел, Челябингорлегкпром, управление водоканализации и т. д.) [14, л. 82–98].

Помимо обеспечения строящихся атомных заводов кадрами предприятия различных отраслей советской промышленности регулярно производили специальную продукцию для атомной отрасли. Например, трубные заводы поставляли высококачественные трубопроводы для реакторов и гидрометаллургических процессов; завод «Уралмаш» выпускал массивные металлические детали и оборудование для атомных объектов; заводы химического машиностроения (например «Уралхиммаш») поставляли специальное оборудование для гидрометаллургии и других производственных нужд.

В. П. Макеев.
Музей истории
ЮУрГУ

Не остались в стороне и предприятия Челябинской области. Например, Челябинский электродный завод выпускал высококачественный графит для реакторного производства, Юрюзанский завод № 38 — никелевые наконечники для специальных стержней и т. д. Особый вклад в развитие атомной промышленности на Урале внес Челябинский тракторный завод. Помимо поставок различных комплектующих и отправки кадров на атомные предприятия здесь было налажено производство корпусов и приборов для ядерных боеприпасов.

В 1945 году на Челябинском тракторном заводе была организована конструкторская группа по разработке и изготовлению прибора «Регулятор», которая с 10 марта 1951 г. постановлением Совета Министров СССР № 770-384сс/оп была реорганизована в особое конструкторское бюро (ОКБ-700) на территории опытно-производственной базы тракторного завода. В 1950-е годы начальником ОКБ-700 был Г. Я. Белых. Это структура активно работала по атомной проблематике до 1963 года и выпускала корпуса атомных авиабомб, приборы для подрыва ядерного заряда и другую важную продукцию. Впоследствии многие сотрудники ОКБ-700 продолжили работу в «атомных» НИИ и КБ. Показательно, что главный конструктор ЧТЗ Н. Л. Духов стал одним из активных участников атомного проекта. Он возглавил филиал № 1 КБ-11 и принимал участие в разработке автоматики для ядерных боеприпасов к ракете Р-7 (главный конструктор С. П. Королев) и многих других ракет. Его конструкторская организация участвовала в создании автоматики подрыва первой в мире 50-мегатонной «царь-бомбы», взорванной на полигоне на Новой Земле 30 октября 1961 года [9, с. 9–10].

В создании плутониевого комбината на Южном Урале активное участие приняли знаменитые физики и ученые смежных областей науки и техники. Атомное производство было новым и технически сложным, поэтому на строительной площадке будущего комбината постоянно находились известные ученые и инженерные специалисты самого высокого уровня. Работы по созданию технологии реакторного, радиохимического производства и гидрометаллургии плутония контролировались большой

Ефим Павлович Славский, министр среднего машиностроения СССР (1957–1963, 1965–1986)

группой маститых ученых во главе с И. В. Курчатовым. Здесь трудились академики А. П. Александров, А. А. Бочвар, И. А. Черняев, Ю. Б. Харитон, радиохимик В. Г. Хлопин и др. [16, л. 11]. Выезжал на предприятие и конструктор атомных реакторов академик Н. А. Доллежалъ.

В 1947 году начался новый этап в развитии плутониевого производства на Южном Урале. Стали проводиться непосредственно практические работы по созданию и освоению передовой технологии. Сменилось и руководство предприятием № 817 (ныне ПО «Маяк»). По приказу начальника ПГУ от 8 января 1947 года было создано заводоуправление. Новым директором в 1947 году стал Б. Г. Мизруков, занимавший должность в самый сложный период освоения и отработки производства — до 1953 года. Впоследствии Борис Глебович был переведен в Москву, где возглавил Четвертое главное управление сверхсекретного «атомного» Министерства среднего машиностроения. Он курировал производство плутония и урана-235 в СССР. В 1955 году Мизруков возглавил ВНИИ экспериментальной физики в городе Арзамас-16 (ныне Саров). Главным инженером в 1947–1949 годах работал будущий министр среднего машиностроения (1957–1986) Ефим Павлович Славский.

Постановление бюро Челябинского обкома КПСС «Об образовании г. Снежинска». 28 марта 1957 года. ОГАЧО

Постановление бюро Озерского горкома КПСС о создании городского совета депутатов трудящихся г. Снежинска. 27 декабря 1956 года. ОГАЧО

Лр. 484 13

Сособая пашке

2

Сов. секретно.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро Челябинского обкома
ластного Совета депута

Об образовании го

Учитывая большую террито
города Озерска и значительную по
предприятий почтовые ящики № 021
обкома КПСС ~~и членом~~ областног

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Просить ЦК КПСС и Презид

1. Образовать на базе по
ящики № 0215 и 4044 город Снеж

2. Создать в г. Снежински
подчинив его Челябинскому обкому

3. Установить штаты Снеж
сокращения аппарата Озерского г
по штатам прилагаются).

Секретарь Челябинского
обкома КПСС
(Н. Лаптев)

Н. Лаптев

27M

СЕКРЕТНО
В. в. 16 *24 7* 1957.
Подлинник возвращу в срок, ч. 4007
Организация: Челябинский обком КПСС

9
Пролетария всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
ОЗЕРСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ
г. Озерск

Секретно.
Акв. № 1

27 декабря 1956 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**БЮРО ОЗЕРСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.**

СЛУШАЛИ: О создании Городского Совета депутатов
трудящихся на территории предприятий
почт. ящики № 0215 и 4044.

Учитывая быстрый рост и территориальную отдален-
ность крупных предприятий почт. ящик № 0215 и 4044 от
города Озерска бюро Озерского Городского Комитета КПСС
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Просить бюро Челябинского Обкома КПСС и Исполком
Челябинского Областного Совета депутатов трудящихся
войти в Верховный Совет РСФСР со следующими предложе-
ниями:

- а) Создать на территории предприятий почт. ящик № 0215 и 4044 Городской Совет депутатов трудящихся;
 - б) Город именовать **Снежинск**.
 - в) Исполком Городского Совета подчинить Исполкому Челябинского Областного Совета депутатов трудящихся;
 - г) Разрешить провести 3 марта 1957 г. выборы Городского Совета депутатов трудящихся.
2. Пояснительную записку утвердить.) прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ОЗЕРСКОГО
ГОРКОМА КПСС:

Н. Мардасов (Н. МАРДАСОВ).

В конце 1940-х годов на Южном Урале ценой невероятных усилий ученых, рабочих, инженеров, техников было налажено производство оружейного плутония. Важнейшие вехи этого периода:

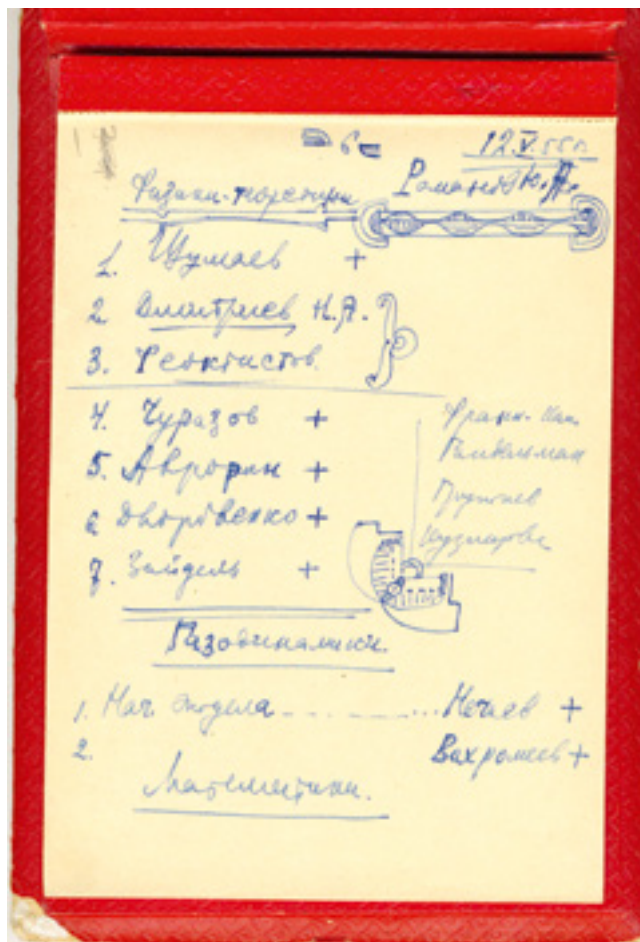
– 19 июня 1948 года в 14 часов 45 минут выведен на проектную мощность в 100 000 КВт первый в СССР и Евразии уран-графитовый промышленный реактор «А» («Аннушка») (работал до 16 июня 1987 года);

– 22 декабря 1948 года пущен радиохимический завод по выделению оружейного плутония;

– 26 февраля 1949 года введено в эксплуатацию химико-металлургическое предприятие [1].

Началось производство необходимых для атомного оружия делящихся материалов. В итоге в марте 1949 года на основе южноуральского плутония был произведен первый ядерный боеприпас. Атомная бомба была собрана специалистами КБ-11. Испытания на Семипалатинском полигоне завершились успешно: 29 августа 1949 года в 6 часов 30 минут казахская степь озарилась яркой вспышкой света, а на горизонте вырос гигантский «ядерный гриб». Эта дата считается днем рождения советской атомной бомбы, положившей конец ядерной монополии США и политике «атомного шантажа».

Однако атомных боеприпасов в СССР еще было недостаточно для обеспечения паритета с США и усиления обороноспособности страны. Первый промышленный реактор «Аннушка» в сутки вырабатывал всего сто граммов плутония, что было недостаточно для создания большого числа ядерных боеприпасов. К тому же периодически возникали небольшие сбои и аварии. Например, из-за проблем с охлаждением уран в реакторе мог расплавиться и создать прочное соединение карбида урана, который атомщики прозвали «козлом». Подобные аварии приводили к остановке реактора для высверливания этих «козлов». Необходимо было создавать дублирующие реакторные установки и дополнительные мощности по производству делящихся материалов. Еще 14 июня 1948 года руководители ПГУ написали Л. П. Берии письмо, в котором просили построить второй, дублирующий реактор. Вскоре началось проектирование реактора мощностью 300 граммов плутония в сутки. В итоге было решено построить несколько

Блокнот со списком фамилий
кадрового состава НИИ-1011
(впоследствии РФЯЦ —
ВНИИТФ, г. Снежинск),
принадлежавший начальнику
Главного управления опытных

конструкций Министерства
среднего машиностроения
Н. И. Павлову.
12 мая 1955 года.
Снежинский городской музей

реакторов. С 1948 по 1955 год на комбинате было пущено в эксплуатацию семь ядерных реакторов (в том числе два тяжеловодных), нарабатывавших оружейный плутоний для ядерных зарядов [16, л. 12]. 22 марта 1966 года запущен новый тяжеловодный реактор «ОК-190М», так как его предшественник «ОК-190» был остановлен 8 октября 1965 года. В 1980-е годы выведены на полную мощность промышленные реакторы «Руслан» и «Людмила».

На Среднем Урале также началось строительство предприятий атомной промышленности. В Свердловской области, в городе Новоуральске (Свердловск-44), был основан электрохимический комбинат по разделению изотопов урана газодиффузным методом. Это предприятие с секретным номером 813 вступило в строй в 1949 году.

Дмитрий Ефимович Васильев – в 1955–1961 годах директор института по разработке ядерных зарядов и боеприпасов НИИ–1011 (ныне РФЯЦ — ВНИИТФ, Снежинск). Снежинский городской музей

Георгий Павлович Ломинский – директор НИИ–1011 (Снежинск) в 1964–1988 годах. Снежинский городской музей

Евгений Иванович Заббахин – научный руководитель НИИ–1011 (Снежинск) в 1960–1984 годах. Снежинский городской музей

Первоначально объем производства составлял сто граммов урана-235 в сутки. В 1957 году здесь началось использование более перспективной промышленной центрифужной технологии, а в 1962 году введен в эксплуатацию завод по обогащению урана высокоэффективным центрифужным методом. Здесь же в 1954 году началось производство низкообогащенного урана для атомной энергетики страны. В 1961 году на комбинате вступил в строй завод по производству приборов для атомной отрасли. В наши дни это акционерное общество «Уральский электрохимический комбинат» [2].

В городе Лесном (Свердловск-45) 19 июня 1947 года было основано предприятие № 814 по производству урана-235 электромагнитным способом (ныне ФГУП «Комбинат “Электрохимприбор”»). Первая продукция была получена в 1950 году. Однако из-за высоких производственных затрат уже в 1951 году Постановлением Правительства СССР от 15 сентября № 3506-1628 завод был переориентирован на выпуск атомных бомб модели 501М (модернизированный вариант первого советского атомного боеприпаса РДС-1). Предприятие получило новый номер — 418. При этом сверхмощная се-

парационная установка СУ-20 для электромагнитного извлечения изотопов урана-235 продолжила работу. Теперь она производила дейтерид лития-6, использовавшийся для производства водородной бомбы. Это устройство потребляло такое большое количество энергии, что пришлось специально построить электростанцию — Нижне-Туринскую ГРЭС [11, с. 78–83]. Интересно, что в Челябинской области для нужд комбината № 817 также пришлось построить Аргаяшскую ТЭЦ и поселок Новогорный для ее работников на берегу озера Улагач, так как мощностей ТЭЦ-27, расположенной на территории предприятия, не хватало. Объект был введен в действие 7 июля 1954 года и обеспечивал плутониевый комбинат, а также город Озерск дополнительной тепловой и электрической энергией [13, с. 418]. На это предприятие были направлены лучшие специалисты энергетического хозяйства Челябинской области.

Следующей важнейшей задачей атомной промышленности на Урале стало участие в создании водородной бомбы. 31 января 1950 года президент США Г. Трумэн объявил о начале работ по созданию термоядерного оружия. Для развития этих работ

Снежинск

в США в июле 1952 года была создана Ливерморская национальная лаборатория имени Э. Лоуренса. О возможности создания водородной бомбы знали и в СССР. Еще 17 декабря 1945 года профессор Я. Б. Зельдович выступал с докладом по этой проблеме на заседании спецкомитета. «Взрывчаткой» для новой бомбы, которая получила название РДС-6, должны были стать изотопы водорода дейтерий и тритий. Для начала реакции термоядерного синтеза требовался также стандартный атомный заряд. В 1949 году по приказу начальника Первого главного управления Б. Л. Ванникова на территории комбината № 817 (ныне ПО «Маяк») началось строительство агрегата «АИ» по производству трития. Помощь в создании нового производства комбинату оказывали НИИ-9 и другие организации. В итоге 30 октября 1952 года химический цех комбината был сдан в эксплуатацию, а 14 декабря вышел на проектную мощность. К середине 1953 г. было выработано необходимое для водородной бомбы количество трития. А уже 12 августа 1957 года на Семипалатинском полигоне в 7 часов 30 минут был взорван первый советский водородный боеприпас мощностью 400 килотонн. При этом советский заряд, в отличие от американского, был сделан в виде бомбы и мог транспортироваться на бомбардировщике. За это и предшествующие достижения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1954 года комбинат № 817 был награжден орденом Ленина [13, с. 248]. В том же году 27 марта закрытым Указом Президиума Верховного Совета РСФСР поселку химического комбината № 817 имени Д. И. Менделеева был присвоен статус города и название Озерск.

Фактически к 1954 году в СССР была создана атомная промышленность, способная производить требуемые для обороны страны ядерные боеприпасы, что означало успешное завершение атомного проекта. Южный Урал стал важнейшей промышленной площадкой в этой сверхсекретной работе. Однако на этом работы не закончились, так как требовалось наверстать отставание и достичь паритета в производстве ядерного оружия.

В середине 1950-х годов наступил новый этап в развитии атомной промышленности СССР, который можно охарактеризовать как начало пери-

ода зрелости. Потенциал южноуральского региона позволял создать здесь полный цикл производства атомного оружия: от переработки руды до выпуска атомных боеголовок и бомб. В результате в регионе были построены два новых предприятия, замкнувших производственный цикл.

Прежде всего Постановлением Совета Министров СССР от 24 января 1952 года № 342-135 на реке Юрюзань рядом с одноименным городом и в 100 километрах от Златоуста было основано новое предприятие — завод № 933 для серийного производства ядерных боезарядов и боеприпасов (ныне ФГУП «Приборостроительный завод»). Оно создавалось на основе опыта и по образцу сборочного завода № 551 при КБ-11 в Арзамасе-16. Предприятие вступило в строй в 1955 году. Первым директором завода стал К. А. Володин, главным инженером — А. Г. Потапов. 1 августа 1955 года завод приступил к выпуску двух первых изделий — тактических авиационных бомб РДС «Татьяна». Изделия были собраны, а в сентябре 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР работники предприятия были представлены к наградам. Вскоре рабочий поселок при заводе было решено наделить статусом города. 26 декабря 1956 года в Челябинской области появился новый закрытый город — Златоуст-26 [17, с. 30–31] (с 1 января 1967 года — Златоуст-36, с 29 октября 1993 года — Трехгорный). Здесь помимо авиационных атомных бомб выпускались боеголовки для ракет и другое специальное оборудование.

Факт появления в регионе специализированного предприятия по сборке атомных боеприпасов поставил вопрос о создании и специализированного научно-исследовательского центра по разработке подобных изделий и зарядов к ним. На Южном Урале был создан научно-исследовательский центр — аналог КБ-11 в Арзамасе-16. В Каслинском районе Челябинской области было решено создать НИИ-1011 в качестве дублера упомянутого выше конструкторского бюро. 31 июля 1954 года Совет Министров СССР принял постановление № 1561-701сс «О строительстве НИИ-1011 Министерства среднего машиностроения». Этот центр должен был стать дублером на случай войны и стимулировать конкуренцию среди разработчиков атомных

боеприпасов. Институт должен был разрабатывать авиационные атомные и водородные бомбы, затем начались работы по созданию боеприпасов и для других носителей, например ракет. Работы по созданию нового «атомного» НИИ были ускорены после принятия Постановления Совета Министров СССР от 24 марта 1955 года № 386-362 о разработке новых типов атомного и водородного оружия. На основании этого постановления Министерством среднего машиностроения был издан приказ от 5 апреля 1955 года № 252. Приведем выдержку из этого важного документа:

1. Определить основными задачами научно-исследовательского института № 1011 Министерства среднего машиностроения разработку авиационных атомных и водородных бомб различных конструкций и специальных зарядов для различных видов атомного и водородного вооружения.

2. Утвердить на 1955 г. следующие основные задачи НИИ-1011:

а) разработать эскизный проект атомной бомбы в габаритах изделия РДС-6 (диаметром 1500 мм) с новым экономичным атомным зарядом (с исключением этой темы из плана КБ-11 на 1955 г.);

б) представить к 1 сентября 1955 г. соображения о возможной мощности бомбы типа РДС-6сд при увеличении ее диаметра до ... мм или о возможном сокращении атомной взрывчатки в бомбе диаметром ... мм типа РДС-6сд при сохранении ее мощности (с исключением этой темы из плана КБ-11 на 1955 г.);

в) участие (в составе лабораторий и отделов КБ-11) в выполнении расчетно-теоретических, экспериментальных и конструкторских работ, предусмотренных планом работ КБ-11 на 1955 г.;

г) подбор и подготовка научных и инженерно-технических кадров для НИИ-1011;

д) рассмотрение и утверждение проектно-технической документации на объекты, подлежащие строительству в НИИ-1011, а также проведение работ по оснащению лабораторий, научных отделов, экспериментальных площадок и опытного производства научно-исследовательского института № 1011 специальным оборудованием.

3. В частичное изменение Постановления Совета Министров СССР от 31 июля 1954 г. № 1561-701 сократить сроки ввода в эксплуатацию НИИ-1011 и обеспечить окончание 1-й очереди строительства Института в 1956 г. и 2-й очереди — в 1957 г. ... [4].

Б. Н. Леденев

Е. И. Забабахин

Работы велись быстро, и вскоре на месте поселков при новом секретном НИИ-1011 вырос целый город. К 1957 году в поселке проживали уже 22 тысячи человек, из них 14 тысяч — работники предприятия. Однако расположенные здесь объекты с секретными номерами — п/я № 0215 и 4044 — находились в административном подчинении города Озерска. По предложению Озерского горкома и Челябинского обкома КПСС руководство страны приняло решение создать новый город и назвать его Снежинском. 23 мая 1957 года Снежинск официально стал новым городом Челябинской области.

Первым директором НИИ-1011 стал Д. Е. Васильев, научным руководителем — К. И. Щелкин. В начале 1960-х годов руководство сменилось: в 1961 году директором был назначен Б. Н. Леденёв, а научным руководителем — Е. И. Забабахин. За первые три года работы молодой (как тогда говорили «комсомольский») коллектив НИИ-1011 разработал 14 зарядов, ставших начинкой боеголовок к ракете Р-13 и атомным авиабомбам 245Н и 246Н. Как и рассчитывало высшее руководство СССР, развернулась конкуренция с Арзамасом-16. «Старики» и «комсомольцы» стремились разработать все более совершенные боеприпасы, превзойти друг друга. Сложилась даже легенда, что когда часть зарядов, разработанных на Южном Урале, не выдала при взрыве необходимых параметров, конкуренты из КБ-11 ликовали и шутили: «Все заледенело и не забабахнуло», намекая на Забабахина и Леденёва [12, с. 169–171].

Однако отдельные неудачи периода становления организации вскоре сменились грандиозными

успехами и рекордами. Был удачно испытан ядерный заряд для боеголовки баллистической ракеты УР-200 В. Н. Челомея. Разрабатывались боезаряды для ракетных комплексов подводных лодок КБ академика В. П. Макеева в Миассе и многие другие секретные изделия. В наши дни ФГУП «Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский

научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е. И. Забабахина» может похвастаться следующими рекордами:

- самый маленький ядерный заряд для артиллерийского снаряда калибра 152 мм;
- самый легкий боевой блок для стратегических ядерных сил;

Указ о преобразовании некоторых населенных пунктов в городе областного подчинения и рабочие поселки. 17 марта 1954 года. Населенный пункт завода № 933 преобразован в рабочий поселок Трехгорный

ПРОТОКОЛ № 1
ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

17 марта 1954 года

Указ о преобразовании некоторых населенных пунктов в городе областного подчинения и рабочие поселки

1. Преобразовать:

- населенный пункт комбината № 813 в город областного подчинения Ново-Уральск;
- населенный пункт комбината № 815 в город областного подчинения Дзержинск;
- населенный пункт комбината № 816 в город областного подчинения Северск;
- населенный пункт комбината № 817 в город областного подчинения Озерск;
- населенный пункт завода № 418 в город областного подчинения Лесной;
- населенный пункт КБ-11 в город областного подчинения Кремлев;
- населенный пункт лаборатории "М" в рабочий поселок Дубна;
- населенный пункт завода № 933 в рабочий поселок Трехгорный;
- населенный пункт рудоуправления № 10 в рабочий поселок Лермонтов;

2. Возложить руководство деятельностью городских и поселковых Советов депутатов трудящихся в городах и рабочих поселках, указанных в пункте 1, непосредственно на председателей исполнительных комитетов соответствующих областных, краевых Советов депутатов трудящихся.

Председатель Президиума
Верховного Совета РСФСР *М. Тарасов* (М. Тарасов)

Секретарь Президиума
Верховного Совета РСФСР *И. Зимин* (И. Зимин)

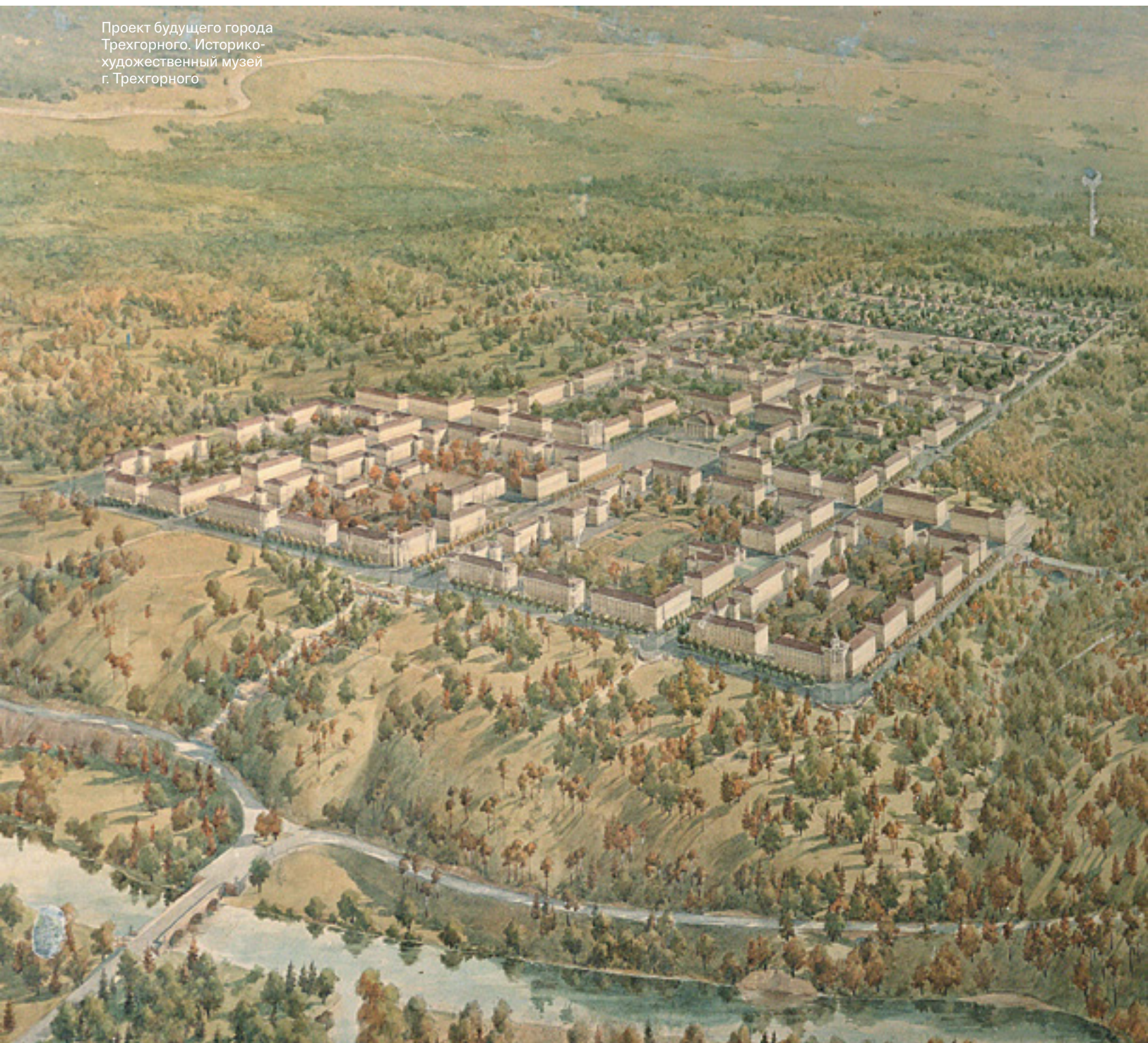
- самый прочный и термостойкий ядерный заряд для мирных целей (выдерживает давление до 750 атмосфер и нагрев до 120 °С);
- самый ударостойкий ядерный заряд, выдерживающий перегрузки более 12 000 g;
- самый экономичный по расходу делящихся материалов, а также самый чистый ядерный заряд,

предназначенный для мирных применений, в котором 99,85 % энергии получается за счет синтеза ядер легких элементов;

- самый маломощный заряд-облучатель [3].

В середине 1950-х — начале 1960-х годов новые атомные предприятия строились по всей стране. С 1954 года согласно Постановлению советского

Проект будущего города
Трехгорного. Историко-
художественный музей
г. Трехгорного

Александр Георгиевич
Потапов, директор Приборо-

строительного завода (Трех-
горный) в 1964–1987 годах

Константин Арсеньевич Воло-
дин – начальник строитель-
ства завода в Златоусте-36

(Трехгорный) и первый его
директор. Историко-художес-
твенный музей г. Трехгорного

правительства от 20 июля 1954 года № 1461-661 в районе г. Пенза велось строительство специального приборостроительного завода № 1134 (в наши дни — ФГУП ФНИЦ «ПО «Старт» им. М. В. Проценко»). Первым директором стал М. В. Проценко, главным инженером — Ю. П. Любавин. Возник и новый закрытый город Пенза-19 (ныне Заречный). Предприятие выпустило первую продукцию в 1958 году. В том же 1954 году 20 июня началось строительство приборного завода в Новосибирске. В 1955 г. первым директором предприятия (ныне ФГУП «ПО «Север»») стал Б. А. Панов. Также в 1955 году в соответствии с Постановлением Совмина СССР от 10 марта 1954 года № 409-179 началось строительство Ангарского электролизного химического комбината. Первая очередь газодиффузных машин была введена в эксплуатацию 21 октября 1957 года, тогда же на предприятии получен и первый обогащенный уран. В 1950 году в Красно-

ярском крае на правом берегу Енисея в скальных выработках под землей был основан горно-химический комбинат для выработки оружейного плутония. Рядом с предприятием был основан закрытый город Железногорск. 14 ноября 1955 года началось строительство нового предприятия по производству оружейного урана. 30 октября 1962 года введена в эксплуатацию первая очередь газодиффузионного оборудования по производству изотопов оружейного урана. Так возник электрохимический завод в Зеленогорске. К 1970 году предприятие вышло на проектную мощность. Строились новые производственные мощности и на первых атомных предприятиях. Создание новых атомных заводов и модернизация уже имевшихся объясняется просто: разрушив атомную монополию США, необходимо было уменьшить значительное отставание по количеству ядерных боеприпасов. Все же это отставание не удавалось преодолеть до 1978 года, что можно проиллюстрировать таблицей.

**Динамика ядерных арсеналов
стран мира [18]**

Год	США	СССР	Англия	Франция	Китай	Всего
1945	6					6
1946	11					11
1947	32					32
1948	110					110
1949	235	1				236
1950	369	5				374
1951	640	25				665
1952	1 005	50				1 055
1953	1 436	120	1			1 557
1954	2 063	150	5			2 218
1955	3 037	200	10			3 247
1956	4 618	426	15			5 059
1957	6 444	660	20			7 124
1958	9 822	869	22			10 713
1959	15 468	1 060	25			16 553
1960	20 434	1 605	30			22 069
1961	24 173	2 471	50			26 694
1962	27 609	3 322	205			31 136
1963	29 808	4 238	280			34 326
1964	31308	5 221	310	4	1	36 844
1965	32 135	6 129	310	32	5	38 611
1977	25 342	23 044	350	228	200	49 164
1978	24 424	25 393	350	235	220	50 625

После того как к середине 1980-х годов был создан подавляющий запас ядерных боеприпасов, предприятия атомной отрасли начали переходить к производству продукции для мирного атома, нефтяной промышленности, медицины, высокотехнологичных и многих других отраслей промышленности. Например, производство оружейного плутония на радиохимическом заводе ПО «Маяк» было остановлено в 1987 году, с 1977 года на его базе начались работы по регенерации отработанного ядерного топлива. Через несколько лет — 25 июня 1991 года — введен в эксплуатацию цех остекловывания жидких радиоактивных отходов.

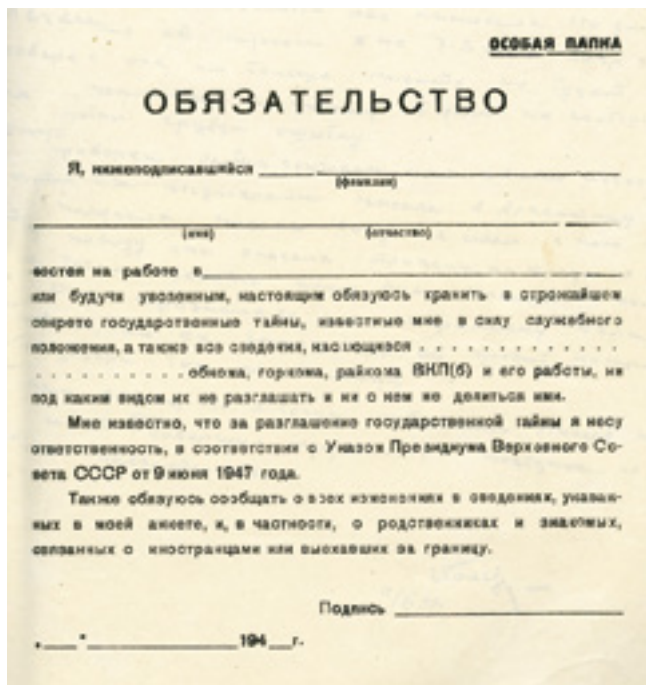
Успехи в создании ядерного щита России были достигнуты благодаря самоотверженным усилиям граждан страны, многие из которых отдали на этом поприще свое здоровье и даже жизнь. Отрасль была довольно опасной. Внедрение новых технологий на первых этапах освоения производства сопровождалось авариями, что было вполне ожидаемо с учетом сложности, срочности и новизны производства. Однако имели место и серьезные экологические последствия. Решению экологических проблем в наши дни госкорпорация «Росатом» уделяет серьезное внимание.

На Южном Урале наибольшую опасность для экологии представлял плутониевый комбинат № 817 (ПО «Маяк»). Гидрометаллургическое производство приводило к появлению большого количества жидких радиоактивных отходов, которые на первых этапах сливались в реку Течу и окрестные озера. Однако практически сразу же эта проблема стала очевидной, и руководство начало прилагать серьезные усилия к ее разрешению. Например, 5 июля 1949 года директор плутониевого комбината Б. Г. Мизруков писал начальнику Первого главного управления Б. Л. Ванникову: «...направляем результаты анализов воды в реке Тече за 22, 23 и 28 июня 1949 года. По результатам анализов следует считать воду в реке Тече весьма загрязненной (сбросными водами с объектов). Решение вопроса о водоснабжении в нижнем течении реки Теча должно быть поручено бригаде ВОДГЕО, производившей обследование основного водоема» [7, л. 38–40]. Традиционно считается, что с 1949 по 1956 год в Течу было сброшено около 76 миллионов кубометров сточных вод общей активностью 2750 тысяч Кюри. Впоследствии для предотвращения дальнейших сбросов в реку радиоактивных вод был создан Теченский каскад водоемов, а также использовалось закрытое озеро-болото Карачай (в настоящее время засыпано). Проводились мероприятия по медицинскому обследованию, а затем и отселению людей из опасных районов по берегам реки. Например, в отчете центральной заводской лаборатории комбината за 1955 год отмечалось: «Содержание в воде радиоактивного стронция с расстоянием убывает, а цезия, наоборот, более чем в 3 раза возрастает. В Исеть ежедневно выносятся цезия до одного Кюри... Суммарная доза радиоактивной загрязненности воды р. Течи обусловлена исключительно количеством содержащегося в ней стронция, т. к. все остальные радиоактивные изотопы составляют не более 0,1 предельно допустимой дозы. Население р. Течи продолжает пользоваться для хозяйственно-бытовых целей водой из Течи. Из населенных пунктов от ГХЗ до Муслюмово продолжается переселение жителей. Деревня Теча-Брод полностью переведена в новое место. Из остальных деревень осталось переселить

только 26 семей, из которых 18 по Аргаяшскому и 8 по Кунашакскому районам. Началось переселение с. Метлино» [6, л. 7].

Ситуация усугубилась после неожиданной катастрофы — 29 сентября 1957 года в 16 часов 22 минуты по местному времени на радиохимическом заводе по выделению плутония произошел химический взрыв емкости-хранилища (банки № 14) жидких радиоактивных отходов. В результате взрыва 160-тонная крышка была отброшена на 20–25 метров, образовалась воронка диаметром около 20 метров и глубиной до 10 метров. В соседних зданиях выбило стекла и повредило мебель. До 90 процентов выброшенных радиоактивных веществ осело на территории промышленной площадки комбината. Однако оставшиеся 10 процентов поднялись в атмосферу на высоту до километра и рассеялись по ветру в северо-восточном направлении, что привело к образованию Восточно-Уральского радиоактивного следа (ВУРСа) на части территорий Челябинской, Свердловской и Тюменской областей. Основная территория ВУРСа представляет относительно узкую полосу шириной до 20–40 километров и протяженностью до 300 километров. Сотрудникам комбината и властям необходимо было провести работы по переселению жителей зараженных территорий, ликвидации пораженного скота, выводу сельскохозяйственных земель из эксплуатации. При этом авария была засекречена, а население страны не было информировано о ней. Совет Министров СССР Постановлением от 27 февраля 1958 года № 227-110 обязал местные власти переселить жителей населенных пунктов Юго-Конево, Русская Караболка, Алабуга, а также утвердил перечень мероприятий по ликвидации последствий радиационной аварии. Таков был негативный итог развития атомной промышленности. Гонка ядерных вооружений не прошла бесследно для уральской природы и социума.

В целом во второй половине XX века Южный Урал стал одним из центров атомной промышленности страны. Здесь были построены три важнейших предприятия атомной промышленности, позволившие в короткие сроки ликвидировать атомную монополию США, а затем достичь пари-

Бланк обязательства о неразглашении государственной тайны. 1940-е годы. ОГАЧО

тета и даже превосходства над вероятным противником в количестве ядерных боеприпасов. Однако эти успехи были достигнуты невероятным напряжением сил советских граждан и государства. Имели место и значительные негативные экологические последствия. Как это ни странно, но наличие больших запасов ядерного оружия оказалось крепкой гарантией против начала третьей мировой войны. На современном этапе помимо того что предприятия атомной промышленности вносят вклад в развитие мирных отраслей экономики, еще и сохраняются и развиваются достижения оборонной технологии, так как Урал продолжает оставаться «опорным краем державы».

Список литературы

1. Сайт производственного объединения «Маяк». URL: <http://www.po-mayak.ru/wps/wcm/connect/mayak/site/About/dates1/> (дата обращения: 30.10.2017).
2. История УЭХК [Электронный ресурс] // Уральской электрохимический комбинат : сайт. URL: <http://www.ueip.ru/AboutCompany/Pages/history.aspx> (дата обращения: 30.10.2017).
3. Сделано в Снежинске [Электронный ресурс] // РФЯЦ — ВНИИТФ. Предприятие госкорпорации «Росатом» : сайт. URL: <http://www.vniitf.ru/ob-institute/istoriya-instituta/sdelano-v-snezhinske> (дата обращения: 30.10.2017).
4. Точка отсчета [Электронный ресурс] // РФЯЦ — ВНИИТФ. Предприятие госкорпорации «Росатом» : сайт. URL: <http://www.vniitf.ru/ob-institute/istoriya-instituta/tochka-otscheta> (дата обращения: 30.10.2017).
5. Атомный проект СССР : док. и материалы : в 3 т. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1 / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Саров : РФЯЦ — ВНИИЭФ ; М. : Физматлит, 1999. 432 с.
6. ГФ НТД ФГУП «ПО «Маяк»». Ф. 1. Оп. 8. Д. 857.
7. Там же. Оп.14. Д. 13.
8. Клепикова Ю. Б., Чернецкая Г. А. Наш Озерск от А до Я. Изд. 2-е, доп. и перераб. Челябинск : Абрис, 2015. 176 с.
9. Конструктор Н. Л. Духов и его школа. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2004. 448 с.
10. Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М. : ЦНИИАтомИнформ, 1995. 380 с.
11. Кузнецов В. Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность : в 2 ч. Ч. 1. Советский период. Екатеринбург : Банк культур. информ., 2015. 440 с.
12. Мясников В. Оружие Урала. Екатеринбург : ПакРус, 2000. 208 с.
13. Новоселов В. Н., Носач Ю. Ф., Ентяков Б. Н. Атомное сердце России. Челябинск : Автограф, 2014. 528 с.
14. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 29.
15. Там же. Д. 31.
16. Там же. Ф. Р-1212. Оп. 1. Д. 438.
17. Слово о приборостроителе: воспоминания : в 4 кн. Кн. 3. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2001. 256 с.
18. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива : сб. ст. М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 640 с.

Н. А. Антипин.

ОРДЕН ЛЕНИНА ЗА РЕКОРДНЫЙ УРОЖАЙ: ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В начале 1950-х годов в СССР обозначилось несоответствие между уровнем развития зернового хозяйства и потребностью страны в хлебе. Иначе говоря, назревал дефицит хлеба. В 1953 году было заготовлено 31,3 миллиона тонн зерна, а на снабжение населения и другие нужды требовалось 32 миллиона тонн [19]. Назревшая проблема обсуждалась на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года. Были проанализированы причины отставания сельского хозяйства страны и намечены пути повышения его производительности. В качестве практических мер предложено отказаться от политики неэквивалентного обмена промышленных и продовольственных товаров, осуществить переход к плановым закупкам сельскохозяйственной продукции, повысить закупочные цены, упорядочить заготовки, снизить сумму сельскохозяйственного налога на 43 %.

В конце января 1954 года Н. С. Хрущев направил в Президиум ЦК КПСС записку о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства. В ней он констатировал наличие глубокого кризиса деревни, сообщая, что в 1953 году в стране было собрано зерна меньше, чем в 1940 г. На февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 года освоение целины было признано основным направлением развития сельского хозяйства.

2 марта 1954 года Пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В качестве важнейшей задачи на 1954–1955 годы ставилось увеличение площади пашни на 13 миллионов гектаров в Казахстане, на Урале, в Поволжье, Сибири. По мысли руководства страны, этот экстенсивный путь должен был решить назревшую проблему.

Спустя двадцать лет после выхода постановления ЦК КПСС о целинных и залежных землях в поселке Бреды Челябинской области состоялось торжественное собрание, посвященное «круглой дате». 24 марта 1974 года перед собравшимися выступил председатель Челябинского облисполкома Е. Ф. Куракин [14, л. 1]. В 1954 году ему было 28 лет, он только что перешел с комсомольской работы на партийную — стал заведующим отделом Советского райкома КПСС города Челябинска. По призыву Е. Ф. Куракин уехал на целину, где работал главным инженером, затем возглавил совхоз «Новый Урал» в Варненском районе [1].

В своем докладе Е. Ф. Куракин дал достаточно полный обзор процессу освоения целинных и залежных земель в Челябинской области. Его речь носила восторженный и ностальгический характер: «Это была грандиозная по своим масштабам программа развития сельского хозяйства СССР. Она предусматривала за короткое время в буквальном смысле слова преобразить бескрайние степи Казахстана, Сибири, Урала и некоторых других районов

Куракин Евгений Федорович (1925–2017) — партийный, хозяйственный и советский руководитель, государственный и общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин Челябинска (1998) и Челябинской области (2004). С 1942 года фрезеровщик на Челябинском заводе № 541. В 1943 году ушел добровольцем на фронт. После демобилизации обучался в Челябинском механико-машиностроительном институте, затем в Челябинском институте механизации и электрификации сельского

хозяйства. С 1950 года первый секретарь Советского райкома ВЛКСМ города Челябинска, с 1954 года заведующий отделом Советского райкома КПСС. В том же году по призыву ЦК КПСС уехал на целину: главный инженер, директор совхоза «Новый Урал» (Варненский район). С 1961 года первый секретарь Варненского райкома партии, с 1963 года секретарь Челябинского сельского обкома КПСС. В 1964–1966 годах заведующий сельскохозяйственным отделом Челябинского обкома партии. С ноября 1966 года инструктор, в 1968–1973 годах заведующий сектором сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС. В 1973–1988 годах председатель исполкома Челябинского областного Совета. Делегат 25–27-го съездов КПСС, депутат Верховного Совета СССР (1974, 1979, 1984). Награжден орденами Октябрьской Революции (1985), Отечественной войны II степени (1985), Трудового Красного Знамени (1975), Красной Звезды (1965), «Знак Почета» (1966, 1971), Почета (1999).

страны. Советские люди с горячим одобрением встретили намеченную программу. Освоение целины стало поистине всенародным делом, патристическим долгом каждого советского человека. В короткий срок в хозяйственный оборот введено 41,8 миллиона гектаров плодородных земель. На ранее пустовавших землях выросли новые совхозы, построены современные промышленные предприятия, организованы научные центры. Все это позволило изменить экономику и культуру целинных районов, создать на востоке страны крупную зерновую базу, значительно расширить производство товарного зерна и продуктов животноводства» [14, л. 8].

Челябинская область стала одним из важных регионов — участников освоения целины. Еще до выхода постановления ЦК КПСС в области велась работа по увеличению площади пашни. Так, в 1953 г. посевные площади увеличились на 57 тысяч гектаров. Урожайность в этот год составила 80 пудов (13,1 центнера) с гектара. Таким образом, сельскохозяйственные предприятия региона, собрав 47 миллионов пудов хлеба (против 21 миллиона в 1952 году), выполнили план [3, л. 22, 23].

Ярким примером для всей страны стал южноуральский совхоз «Петропавловский». Вскоре после окончания Великой Отечественной войны он приступил к освоению целины. В 1952–1953 годах

Челябинские комсомолцы на вокзале перед отъездом на целину. 1954 год. Фотография Щучкина. Объединенный государственный архив Челябинской области

совхоз распахал около десяти тысяч гектаров целинных и залежных земель. И уже в первые годы предприятие получило урожай по 20–25 центнеров пшеницы с гектара. При этом на «старых» землях урожайность была ниже — 15 центнеров с гектара. Таким образом, совхоз существенно увеличил валовой сбор зерна. Примечательно, что в постановлении февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 года опыт «Петропавловского» приводился в качестве примера целесообразности освоения новых земель [14, л. 12].

Однако в сельском хозяйстве Челябинской области существовали и серьезные проблемы. Они были связаны с производством картофеля и овощей, а также животноводством. В 1953 году регион не выполнил план по сдаче картофеля, план по увеличению поголовья крупного рогатого скота был выполнен только на 90,2 %, овец — на 91,7 %, свиней — на 76,1 %, птицы — 60,3 %. Крайне низкой оставалась продуктивность скота. Удой молока на одну корову в 1953 году составил 1100 литров. Колхозы и совхозы области не поставили государству по плану 1953 года 18 390 тонн молока. Огромными оставались потери животноводства от падежа: из-за недостатка кормов, плохого ухода и содержания колхозы в 1952 году потеряли 192 тысяч голов всех видов скота, в 1953 году — 160 тысяч голов [3, л. 23].

Животноводство оставалось самой отсталой отраслью сельского хозяйства Челябинской области. Колхозы и совхозы ежегодно не выполняли государственного плана развития животноводства, имели низкую продуктивность скота. Причина этого виделась в том, что колхозы и совхозы области не имели прочной кормовой базы и достаточного количества животноводческих помещений [9, л. 3].

Однако и увеличение кормовой базы не означало решения проблемы. Первый секретарь обкома Н. В. Лаптев заметил на IX Челябинской областной партийной конференции (она проходила 10–12 февраля 1956 года): «Даже в этом году, когда колхозы Варненского района получили удовлетворительный урожай и имеют достаточное количество концентрированных кормов председатель райисполкома т. Коптелов ходатайствовал о сдаче свиней весом ниже 20 кг в мясopоставки. Этот факт свидетельствует о том, что райком партии и райисполком и после сентябрьского пленума по-прежнему остаются на старых позициях и не замечают глубокого отставания животноводства в районе. Не любят в Варненском районе заниматься свиноводством» [3, л. 24].

На той же конференции Н. В. Лаптев сформулировал задачи и определил сроки их выполнения: «Исходя из директив XIX съезда партии, сентябрьский пленум ЦК партии, основываясь

Сев зерновых культур. Челябинская область. 1950-е годы.

Из альбома «Челябинская область в фотографиях»

Лаптев Николай Васильевич (1909–1976) — партийный и государственный деятель. С начала 1930-х годов работал

сталеваром, мастером, начальником смены на Енакиевском металлургическом заводе. В 1938–1941 годах второй, затем первый секретарь Енакиевского горкома Коммунистической партии (большевиков) Украины. В 1941–1949 годах работал в аппарате ЦК ВКП(б) в Москве. В 1949 году окончил Высшую партийную школу. В 1950–1952 годах первый секретарь Челябинского горкома ВКП(б). В 1952–1961 годах первый секретарь Челябинского обкома КПСС. Награжден двумя орденами Ленина (1957, 1959), орденом Красной Звезды (1945), «Знак Почета» (1944), медалями.

на возросших возможностях нашей страны, поставил перед партией и советским народом задачу — в короткий срок — в 2–3 года — добиться крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства, чтобы в достатке удовлетворить растущие потребности страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность» [3, л. 22].

Перед Челябинской областью в 1954 году была поставлена серьезная задача: необходимо было распахать 440 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Предполагалось, что это позволит уже в первый год дополнительно собрать около семи миллионов пудов хлеба, а на второй год — 26 миллионов пудов [Там же, л. 33].

31 марта 1954 года на II пленуме Челябинского обкома КПСС обсуждалось содержание Поста-

Бригада первоцелинников. Брединский район Челябинской области. 1954 год. Из альбома «Челябинская область в фотографиях»

новления ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Пленум, конечно, одобрил этот документ. В качестве первых мер по решению поставленных задач было определено: широко разъяснить постановление, провести собрания и обсудить практические меры, обязать бюро обкома и райкомы КПСС усилить политическую работу среди рабочих МТС и колхозников, поставить на ответственные участки работы коммунистов и комсомольцев, усилить пропаганду. Среди практических решений принято дополнительно организовать в МТС 105 тракторных бригад и 34 тракторных отряда. Кроме того, одобрена инициатива комбината «Челябинскуголь», Южуралгрэстроя и Усть-Катавского завода имени С. М. Кирова о проведении весной 1954 года вспашки

своими тракторами трех тысяч гектаров залежных и целинных земель в подшефных колхозах Каракульского, Октябрьского, Увельского и Катав-Ивановского районов. Партийное руководство области попыталось распространить эту инициативу и на другие предприятия: было рекомендовано промышленным предприятиям области, имеющим гусеничные трактора, оказать помощь подшефным колхозам по вспашке 20 тысяч гектаров [4, л. 4–6]. За каждым колхозом, совхозом и МТС закрепили промышленные предприятия. Челябинск шефствовал над одиннадцатью районами, Магнитогорск — над четырьмя, ЮУЖД — над двумя [19].

На промышленных предприятиях области было запланировано размещение заказов на изготовление зерноочистительных машин, зернопогрузчиков, стогообразователей и т. д. [9, л. 2]. В 1954 году

Уборка зерновых. Сосновский район Челябинской области. 1950-е годы. Из альбома «Челябинская область в фотографиях»

ЧТЗ поставил в сельское хозяйство более 1,5 тысячи тракторов С-80 и запчасти, завод имени С. Орджоникидзе изготовил 25 тысяч плугов, завод имени Д. В. Колющенко в 2,5 раза увеличил выпуск скреперов, в три раза — запчастей [19]. Достижению поставленных ЦК КПСС задач должна была способствовать и электрификация колхозов. К 1954 году менее половины хозяйств имели электричество (из 484 колхозов — 217). В 1954–1955 годах планировалось электрифицировать 186 хозяйств [9, л. 4].

Освоение целинных и залежных земель требовало большой организационной работы и координации деятельности министерств сельского хозяйства и совхозов, партийных и советских органов власти, а также отдельных МТС, колхозов и совхозов. Кроме самой земли и техники для ее обработки требовались рабочие руки. За привлечение людей отвечал ВЛКСМ, для которого освоение целины стало главной задачей на ближайшие годы. Е. Ф. Куракин об этом сказал так: «Особая роль в освоении целины принадлежит ленинскому комсомолу, героическому отряду юношей и девушек, которые как бы подхватили эстафету свершений своих дедов, отцов и старших братьев» [14, л. 9]. Челябинский обком комсомола располагал информацией о потребности в рабочей силе и специальностях для

каждого колхоза, совхоза и МТС и занимался их распределением.

Во исполнение постановления сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» к началу 1954 года в колхозы и МТС Челябинской области было направлено на постоянную работу из аппарата областного и районных управлений сельского хозяйства, зооветеринарной и агрономической сети 584 агронома, 254 зоотехника, 57 ветврачей; с промышленных предприятий области отобраны и направлены 93 инженера и 1265 трактористов, комбайнеров и других механизаторов [9, л. 1]. Тем не менее, колхозам, совхозам и МТС области не хватало рабочих рук.

На февраль 1954 года требовалось 2 тысячи трактористов и 1,5 тысячи прицепщиков, а также около 200 инженерно-технических работников [6, л. 11–12]. Поначалу деятельность комсомола по привлечению рабочих на освоение целины вызвала критику бюро обкома КПСС. На заседании 22 февраля 1954 года констатировалось: «Патриотическое движение трудящихся, особенно молодежи, изъявивших желание работать в МТС и совхозах, осваивающих целинные и залежные земли, в нашей области разворачивается медленно. Мно-

Челябинские комсомольцы, получившие путевки на освоение целины. 1953 год. Фотография Коноплева. Государственный исторический музей Южного Урала

М. И. Ткачев. Степные корабли. Днем и ночью. 1962 год. Из серии «Будни целинного

совхоза имени А. М. Горького». Шадринский краеведческий музей имени В. П. Бирюкова

гие горкомы и райкомы партии и особенно обком комсомола и облпрофсовет пустили это дело на самотек, не возглавили отбор и направление из промышленности, строительства, организаций и учреждений инженерно-технических работников, механизаторских кадров в совхозы, МТС и колхозы, осваивающие целинные и залежные земли» [6, л. 12]. Причина медленного развертывания агитационной кампании виделась партийному руководству области в слабом информировании населения. Поэтому ведущим региональным газетам «Челябинский рабочий» и «Сталинская смена», а также всем городским и районным газетам предписывалось «широко освещать работу по отбору и направлению механизаторских кадров, инженеров и техников в МТС и совхозы, осваивающие новые земли» [6, л. 13].

26 февраля 1954 года в Челябинске состоялось собрание комсомольцев и молодежи, изъявивших желание поехать на освоение целинных и залежных земель. На нем звучало много эмоциональных и восторженных речей. Один из выступающих, инженер ЧТЗ, сказал: «В ответ на призыв Коммунистической партии Советского правительства всколыхнулась молодежь всей нашей страны, тысячи юношей и девушек нашей страны, чтобы заявить о своем желании работать на селе по освоению целинных и залежных земель. Это, надо сказать, трудная, но благородная задача. Благородная потому, что через один год благодаря тому, что будут освоены целинные и залежные земли, наша страна получит свыше миллиарда пудов зерна. Но это и трудная работа. Но комсомольцы никогда не боялись трудностей, смело преодолевали трудности в годы Гражданской войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Во время строительства

М. И. Ткачев. Приехали. Эскиз. 1954 год. Из серии «На целинных землях».

Челябинский государственный музей изобразительных искусств

Магнитогорска, Челябинского тракторного завода комсомольцы всегда и везде были победителями. Как и вся передовая молодежь, молодые тракторостроители города Челябинска горячо откликнулись на призыв партии и правительства, свыше 400 юношей и девушек пришли с заявлениями в заводской комитет ЧТЗ» [15, л. 1–2]. Таким образом, целина должна была встать в один ряд с масштабными стройками индустриализации.

К 28 февраля 1954 года в ЦК КПСС со всей страны поступило 523 150 заявлений и просьб направить их на освоение целинных и залежных земель. Таким образом, более 500 тысяч человек были направлены на новые земли. Из них 350 тысяч — молодежь [14, л. 9, 10]. Привлечение молодежи в новые совхозы и колхозы было вполне оправдано. Ведь распахивать приходилось неосвоенные земли, где отсутствовали нормальные бытовые условия, жилье, социальная инфраструктура и т. п. Молодые люди, естественно, гораздо легче могли пережить эти временные трудности, кроме того, они еще не имели собственных семей и обладали высокой мобильностью. «Сегодня хочется сказать самые теплые слова благодарности тем,— отметил

в своей речи Е. Ф. Куракин,— кто двадцать лет назад, не боясь трудностей, прибыл на новые земли, чтобы превратить их в богатую житницу, кто совершил настоящий подвиг в степи».

Однако только за счет молодежи этот проект реализовать было невозможно. Нужны были и квалифицированные кадры. Решать эту проблему пришлось за счет сотрудников предприятий, колхозов, совхозов и МТС, а также демобилизованных из Советской армии и выпускников высших учебных заведений, техникумов и профтехучилищ. Н. В. Лаптев в своей докладной записке секретарю ЦК КПСС Н. с. Хрущёву отмечал, что из 484 колхозов, имеющих в области, в 223 наиболее крупных из них было по два и более специалиста сельского хозяйства, в 206 — по одному специалисту, а в остальные 55 колхозов агрономы и зоотехники будут посланы в ближайшее время. Обком подобрал коммунистов, знающих сельское хозяйство и обладающих организационными навыками, которых после прохождения специальных курсов направляли на работу в колхозы [9, л. 1].

В Челябинской области в феврале 1954 года было подано более десяти тысяч заявлений от комсомольцев с просьбой направить их на освоение целины. Добровольцы Магнитогорского металлур-

гического комбината писали: «Трудно расставаться с любимым городом, с родными и близкими, но никто из нас не унывает. С комсомольской путевкой мы едем на целинные земли Южного Урала. Это не простая путевка. Это путевка в трудную, большую жизнь. Она лежит с комсомольским билетом и так же, как комсомольский билет, зовет нас туда, где труднее, где мы больше всего нужны партии, народу» [14, л. 13].

Вот еще одно заявление комсомольца с Челябинского электролитного цинкового завода В. Г. Чалика: «Прошу Вас направить меня на освоение целинных и залежных земель нашей Родины, так как я прочитал выступление тов. Хрущева, а также призыв коммунистической партии, хочу тоже участвовать в разработке целинных и залежных земель, потому что к этому зовет нас наша партия.

Я знаю, что первоначально там будет тяжело, но думаю, что преодолею все, что будет находиться на моем пути, и помогу своей Родине в претворении в жизнь решения партии по освоению целинных и залежных земель. Я надеюсь, что оправдаю доверие партии» [16, л. 3]. Это заявление было написано в январе 1955 года. В. Г. Чалику отказали.

Уже к началу весенних полевых работ 1954 г. в совхозы и колхозы выехали 7142 добровольца из городов и районов Челябинской области, было подготовлено более 300 комсомольско-молодежных тракторных бригад [14, л. 13, 14]. К концу полевого сезона подвели первые итоги «обратного потока» рабочих — тех, кто не смог устроиться на новом месте и вернулся в город: МТС и совхозы покинули 412 человек, в том числе самовольно бросили работу 129 человек, осуждены за различные поступки 40 человек; по болезни, семейным обстоятельствам и другим причинам уехали 243 человека [9, л. 114].

М. И. Ткачев. Мастерская на целине. 1958 год. Из серии «На целинных землях

Южного Урала». Челябинский государственный музей изобразительных искусств

М. И. Ткачев. Весенняя дорога. 1959 год. Из серии «На целинных землях

Южного Урала». Челябинский государственный музей изобразительных искусств

Южные районы Челябинской области были определены основными районами освоения целинных и залежных земель. На этих землях создавались новые совхозы. В бывшем Брединском конезаводе возникло четыре совхоза с общей площадью посева зерновых 80 тысяч гектаров, что почти в два раза превысило посевные площади всего Брединского района в 1953 году. В 1954 году в регионе было образовано девять новых совхозов: «Комсомольский», «Боровой», «Южный» — в Брединском районе, имени Горького — в Чесменском, «Богдановский» и «Победа» — в Кизильском, «Северный» — в Нагайбакском, «Заозерный» — в Варненском, «Кособродский» — в Троицком. В них распахали 188 тысяч гектаров целины [14, л. 14–15].

Таким образом, на незаселенных и неосвоенных землях должны были появиться новые колхозы и совхозы вместе с новыми селами. Покорители целины ехали «в чистое поле», где отсутствовали нормальные бытовые условия. 30 июня 1954 года вышло Постановление ЦК КПСС «О неправильной

расстановке и плохом бытовом устройстве кадров, прибывших на освоение целинных и залежных земель», которое констатировало существование проблемы в сфере устройства рабочих.

За короткий период необходимо было решить вопросы с жильем, питанием, медицинским обслуживанием и снабжением вновь прибывшего населения. Конечно, энтузиазм, походная романтика и молодой возраст «целинников» несколько нивелировал бытовые проблемы, но для того чтобы задержать рабочие руки на селе, требовалось так или иначе решать вопросы обустройства повседневной жизни.

В большинстве МТС и совхозов прибывшие рабочие временно находились на полевых станах и постоянными жилыми помещениями обеспечены не были. На бюро обкома КПСС отмечалось: «Областное управление сельского хозяйства, трест зерновых совхозов, директора МТС и совхозов плохо ведут строительство жилищ для рабочих, не используют всех имеющихся возможностей для строительства жилья из местных строительных

материалов, а в ряде случаев даже не используют материалы, выделенные для этих целей по фондам. Районные комитеты партии и райисполкомы слабо контролируют ход жилищного строительства и не оказывают необходимой помощи совхозам и МТС в организации строительства». В результате возведение нового жилья тормозилось. К примеру, на Брединском конезаводе из 60 домов к середине августа 1954 года не был сдан в эксплуатацию ни один дом [8, л. 8].

«Облторготдел (Устинов) и облпотребсоюз (Гоголев), — констатировало руководство области, — проявили беззаботное отношение и не приняли необходимых мер к организации торговли предметами первой необходимости в МТС и совхозах, осваивающих целинные и залежные земли. В сельских и совхозных лавках бывают перебои в торговле хлебом, сахаром, крупами, жирами и другими продуктами питания. Мало завозится мыла, махорки, папирос, белья, обуви и теплой рабочей одежды». Наблюдались перебои с питанием рабочих: чаще всего оно было одноразовым, при этом горячая пища поступала нерегулярно. Неудовлетворительно было организовано санитарное и медицинское обслуживание [8, л. 8–9].

Первые итоги реализации постановления ЦК КПСС были подведены на III пленуме Челябинского обкома 12 июля 1954 года. Первый секретарь Н. В. Лаптев тогда заявил: «...благодаря огромной помощи, оказанной ЦК партии и Правительством, колхозы, МТС и совхозы области в 1954 году более организованно провели весенний сев, перевыполнили государственный план сева яровых культур и посеяли на 232,7 тыс. гектаров больше, чем в 1953 году...» [5, л. 2].

В 1954 году предстояло собрать первый урожай с бывших целинных земель. Для этой цели 26 июля 1954 года бюро обкома КПСС постановило привлечь с 1 августа того же года городское и сельское население на уборку урожая сроком на два месяца. Интересна система оплаты труда, которая предполагала и мотивационные «выплаты» в натуральном виде:

В колхозах впредь до окончательного расчета с привлеченными на сельскохозяйственные работы населением правление колхоза выдает аванс на каждый выработанный трудодень в размере 1 килограмма зерна с заменой по договоренности 5 килограммов картофеля или другими сельскохозяйственными продуктами по соответствующему эквиваленту.

В совхозах, конных заводах, опытных и селекционных станциях, помимо денежной оплаты, производится натуральная оплата в размере 1,5 килограмма зерна за выполнение установленной дневной нормы выработки.

За перевыполнение дневной нормы выработки размер натуральной оплаты соответственно увеличивается, но общий размер выдачи натуральной оплаты не должен превышать 5–6 пудов зерна на одного работающего за весь период уборки. При невыполнении дневной нормы выработки натуральная оплата не выдается.

За привлеченными на сельскохозяйственные работы сохраняется заработная плата по месту их работы в размере 50 % среднего месячного заработка за последние три месяца [7, л. 25–26].

Следующий 1955 год из-за засухи не дал ожидаемого урожая. Но 1956 год превзошел все возможные прогнозы. «Битва за хлеб» увенчалась победой. Е. Ф. Куракин вспоминал спустя двадцать лет: «На полях совхозов и колхозов вырос в тот год хороший урожай. Уборка урожая была исключительно сложной. Ведь такого хлеба еще не было в области. Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и сельскохозяйственные организации провели огромную организаторскую и массово-политическую работу. На решающие участки борьбы за хлеб были посланы коммунисты и комсомольцы. Из городов на помощь сельским труженикам прибыло около трех тысяч коммунистов и почти 25 тысяч комсомольцев. Трудовой героизм на жатве носил массовый характер. Многие комбайновые агрегаты выполняли по 2–3 нормы» [14, л. 16].

Летом 1956 года для правительства страны стало очевидно, что грядет небывалый урожай. Необходимо было подготовиться к его уборке. Для этого ЦК КПСС и Совет министров СССР своим Постановлением от 19 июня 1956 года «Об участии комсомольцев и молодежи в уборке урожая в районах

освоения целинных и залежных земель» одобрили предложение ЦК ВЛКСМ о направлении на два месяца в районы освоения целинных и залежных земель 200 тысяч комсомольцев и молодежи, добровольно изъявивших желание участвовать в уборке урожая [10, л. 13].

Вслед за этим постановлением 28 июня 1956 года на бюро Челябинского горкома обсуждался вопрос об участии комсомольцев и молодежи в уборке урожая в районах освоения целинных и залежных земель. Планировалось привлечь 1495 челябинцев. В постановлении бюро горкома говорилось:

1. Обязать горком, райкомы ВЛКСМ на основе широкой разъяснительной работы отобрать комсомольцев и молодежь, желающих принять участие в уборке урожая в районах освоения целинных и залежных земель области.

Отбор производить главным образом из молодежи, работающей на промышленных предприятиях, в учреждениях, а также из числа студентов высших учебных заведений.

До 4 июля с. г. при райкомах ВЛКСМ создать отборочные комиссии из представителей партийных, комсомольских и советских работников. Добровольцам, отъезжающим на уборку урожая, вручить комсомольские путевки не позднее 14 июля 1956 года.

2. Предложить райкомам КПСС и горисполкому оказать необходимую помощь комитетам комсомола в отборе и отправке молодежи. Подобрать ответственных за группы молодежи, отъезжающей в колхозы и совхозы, из числа руководящих комсомольских работников и коммунистов.

3. Предложить руководителям предприятий и учреждений беспрепятственно отпускать молодежь, изъявившую желание выехать на уборку урожая в районы целинных и залежных земель.

<...>

5. Предложить начальнику ЮУЖД Калабухову по заявкам горкома ВЛКСМ обеспечить организованную перевозку молодежи в места уборки урожая [2, л. 50–51].

В начале октября 1956 года секретарь Челябинского обкома КПСС М. С. Соломенцев рапортовал в ЦК КПСС об организации уборки урожая: «В этой борьбе тысячи людей показывают образцы подлинного героизма труда». В помощь колхозам и совхозам было отправлено 58 тысяч человек — рабочих промышленных предприятий, в том числе 3,5 тысячи направлено по комсомольским путевкам областной комсомольской организацией. Промышленные предприятия области на уборочную кампанию выделили 2700 автомашин. Дополнительно изготовили и направили на село 800 зернопультов, 400 автомобильных весов, 250 зерноочистительных машин, 300 транспортеров, 700 подборщиков, 250 бензиновых моторов и много другой техники [12, л. 85–86].

Валовой сбор зерна в 1956 году составил 150 миллионов пудов, государству было продано 90 миллионов пудов (это чуть меньше 1,5 миллиона тонн), что на 43 миллиона больше, чем в 1954 году. Средняя урожайность составила 13,8 центнера с гектара [14, л. 17]. За достигнутые показатели в сельском хозяйстве 23 октября 1956 года. Челябинская область была награждена орденом Ленина. В Указе Президиума Верховного Совета СССР говорилось: «За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися Челябинской области в деле освоения целинных и залежных земель, повышения урожайности, увеличения производства зерна, и успешное выполнение обязательств по сдаче государству 90 миллионов пудов хлеба наградить Челябинскую область орденом Ленина» [13, л. 53]. Примечательно, что свой первый орден промышленный регион с развитым машиностроением и металлургией получил за успехи в сельском хозяйстве.

Вслед за областью высокими наградами отметили и тружеников села. В ноябре 1956 года к награждению орденами и медалями представили передовиков сельского хозяйства, работников промышленных предприятий, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций Челябинской области. Всего планировалось отметить 4157 человек: орденом Ленина — 219, орденом Трудового Красного Знамени — 721, орденом «Знак Почета» — 1043, медалью «За трудовую доблесть» — 1037, медалью «За трудовое отличие» — 1135 человек [11, л. 7].

дателя Челябинского облисполкома
тов.Даштеву Н.В.

№ 245/31.

УКАЗ ПРЕЗИДИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СССР ОДНИ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМАМИ ФАРМИИ
СССР ЖОГАРРЫ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМНЫМ УКАЗЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ

PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
СССР ЖОГАРРЫ СОВЕТНИИ ПРЕЗИДИУМНИИ УКАЗЫ
УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА СОВЕТИ ОДИИ СССР
УДИИ ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ
ТАКТИКАСЫ ИА ДАСТАПЫ ТАКТИКАСЫ ТАКТИКАСЫ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Челябинской области
орденом Ленина

За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися Челябинской области в деле освоения целинных и залежных земель, повышения урожайности, увеличения производства зерна, и успешное выполнение обязательств по сдаче государству 90 миллионов пудов хлеба наградить Челябинскую область орденом **ЛЕНИНА**.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - **К. ВОРОШИЛОВ.**

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А. Горкин*
(А. Горкин)

Москва, Кремль
23 октября 1956 г.

Медаль «За освоение целинных земель»

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Челябинской области орденом Ленина»

За выдающиеся успехи, достигнутые трудящимися Челябинской области в деле освоения целинных и залежных земель, повышения урожайности, увеличения производства зерна, и успешное выполнение обязательств по сдаче государству 90 миллионов пудов хлеба наградить Челябинскую область орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва, Кремль
23 октября 1956 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Челябинской области орденом Ленина». 1956 год. Объединенный государственный архив Челябинской области

Члены челябинской делегации на слете первоцелинников в Георгиевском зале

Кремль. 1956 год. Объединенный государственный архив Челябинской области

Кроме того, к присвоению почетного звания «Герой Социалистического Труда» Челябинский обком представил тринадцать человек: комбайнера Тарутинской МТС Чесменского района Н. Л. Алексева, тракториста-комбайнера совхоза «Победа» Кизильского района А. И. Бердникова, комбайнера Кизильской МТС Кизильского района А. А. Васильева, комбайнера Чебаркульской МТС Каракульского района Л. П. Горковлюка, председателя колхоза «Заветы Ленина» Брединского района Н. Я. Жаркова, председателя колхоза «Красный боец» Чесменского района Я. В. Жерёбкина, председателя колхоза «Но-

вый труд» Варненского района И. Н. Зуева, комбайнера Измайловской МТС Кизильского района В. И. Кашникова, тракториста совхоза «Брединский» Брединского района И. И. Ковалёва, первого секретаря Брединского райкома КПСС А. Ф. Лубнина, комбайнера совхоза «Брединский» А. П. Маслихова, первого секретаря Кизильского райкома КПСС В. Ф. Петухова, тракториста-комбайнера Кулевчинской МТС Варненского района В. П. Харина [11, л. 7–8]. Одиннадцать целинных совхозов стали участниками ВДНХ СССР в 1957 году и получили Большие золотые медали выставки.

Алексеев Николай Леонтьевич (1927–1987) — комбайнер, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Чесменского района (1976). На Южный Урал приехал с Украины в начале 1930-х годов вместе с семьей. Окончил курсы механизаторов при Тарутинской МТС и с 1940 по 1970 год работал комбайнером. В 1956 году на прицепном комбайне «Коммунар» намолотил более 17 000 центнеров зерна, за что в январе 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали. Награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР (1974), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «За освоение целинных земель» (1956), знаком «Победитель социалистического соревнования» (1977). Избирался депутатом Чесменского районного Совета депутатов трудящихся (1957).

Горковлюк Лука Петрович (1907–1968) — механизатор, Герой Социалистического Труда (1957), участник Великой Отечественной войны. Работал в совхозе имени Ленина Октябрьского района кузнецом, после окончания курсов водителей — шофером; с 1951 года — комбайнером. Одним из первых механизаторов применил раздельный способ уборки зерновых культур, благодаря чему значительно сократились сроки жатвы, повысилась качество обмолота, увеличился валовой сбор зерна. В 1953–1955 годах намолачивал более десяти тысяч центнеров зерна, в 1956 году убрал зерновых с 686 гектаров (намолот составил 11 525 центнеров), силосных культур — с 129 гектаров. Избирался членом бюро Октябрьского райкома КПСС, депутатом областного Совета депутатов трудящихся. Награжден орденом Ленина (1957).

Бердников Андрей Иосифович (1911–1984) — механизатор, Герой Социалистического Труда (1957). В 1955–1971 годах механизатор совхоза «Победа». Первым в хозяйстве испытывал прицепной комбайн С-6. В 1956 г. убрал хлеб с 1200 гектаров, за что был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Участвовал в освоении целинных и залежных земель. Избирался членом Кизильского районного Совета депутатов трудящихся (1957). Награжден орденом Ленина (1957), несколькими медалями, в том числе ВДНХ СССР.

Васильев Александр Александрович (1919–1993) — тракторист-комбайнер, Герой Социалистического Труда (1957), участник Великой Отечественной войны. В 1937 году окончил курсы комбайнеров в Верхнеуральске. В 1939 г. призван в армию; служил в артиллерийском полку. После демобилизации работал трактористом-комбайнером на Кизильской МТС. Добился высоких показателей на уборке урожая 1956 года. Намолотил за уборочную кампанию 16 тысяч центнеров зерна. Участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1955). Награжден орденами Ленина (1957), Отечественной войны II степени (1944), двумя орденами Красной Звезды, медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены» и др.

Жарков Никита Яковлевич (1906–1966) — хозяйственный руководитель, Герой Социалистического Труда (1957). В 1948 году избран председателем колхоза «Заветы Ленина» Брединского района. В 1961 году в результате реорганизации колхоза назначен первым директором совхоза «Рымникский». В 1964 году избран председателем Рымникского сельсовета. Внес значительный вклад в развитие сельского хозяйства Брединского района, в том числе в освоение целинных земель. Награжден орденом Ленина (1957), медалями «За трудовую доблесть», «За освоение целинных земель».

Кашников Василий Ильич (р. 1920) — комбайнер, участник Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда (1957). Трудовую деятельность начал в 1930 году в колхозе имени Кирова (Кизильский район). В 1936 году окончил курсы трактористов при Измайловской МТС, был зачислен в штат станции. В 1940 году призван в Красную армию, участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны. После увольнения в запас вернулся в хозяйство. В 1954 году на комбайне «Сталинец» с 882 гектара намолотил 24 787 центнеров зерна, в 1956 году на комбайне С-6 с 612 гектаров — 13 178 центнеров. С 1960-х годов жил на Украине. Награжден орденами Ленина (1957), Трудового Красного Знамени (1954).

Зуев Иван Никитович (1918–1990) — агроном, хозяйственный деятель, Герой Социалистического Труда (1956), участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города Карталы и Карталинского района (1971). Окончил агрономическое отделение Красноуфимского сельскохозяйственного техникума (1938). С 1938 года агроном Варненского районного земельного отдела. В ноябре 1941 года призван в армию.

По окончании Смоленского пехотного училища с мая 1942 года в составе 201-го минометного полка участвовал в боях на Юго-Западном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. В апреле 1945 года демобилизован по ранению в звании старшего лейтенанта. С августа 1945 года агроном Лейпцигской МТС. С 1952 года председатель колхоза «Новый труд». Под его руководством колхоз добивался рекордных урожаев (23 центнера с гектара в 1956 г.), высокой продуктивности животноводства; было поднято пять тысяч гектаров целинных и залежных земель. С 1961 г. главный агроном совхоза «Заозерный». С 1963 года заместитель директора, с 1965 года главный агроном совхоза «Карталинский». Персональный пенсионер союзного значения (1973). Награжден орденами Ленина (1956), Отечественной войны II степени (1942), Красной Звезды (1946), медалями.

Лубнин Алексей Федорович (1905–1986) — государственный, партийный, общественный деятель, Герой Социалистического Труда (1957). С 1916 года работал на мельницах. В 1928 году поступил на Кушвинский завод. Учился в школе профсоюзного движения в Златоусте. В 1933 году был направлен на Челябинский завод ферросплавов: заместитель председателя завкома, заместитель начальника отдела организации труда и заработной платы,

начальник отдела техники безопасности. В 1939–1963 годах на партийной работе в сельских районах: заведующий отделом пропаганды и агитации, второй секретарь Мокроусовского райкома КПСС (Курганская область), первый секретарь Кулевского (1944–1951), Брединского (1951–1959), Красноармейского (1959–1967) райкомов КПСС, парторг Челябинского обкома КПСС по Карталинскому производственному управлению сельского хозяйства. В 1963–1965 годах заместитель председателя Челябинского сельского областного комитета партийно-государственного контроля. В 1968–1975 годах председатель совета ветеранов треста «Уралсельхозстрой». Избирался депутатом районных Советов депутатов, членом Челябинского обкома КПСС. Награжден орденом Ленина (1957), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За освоение целинных земель» (1956), Большой (1957) и Малой (1958) золотыми, серебряной (1955) медалями ВДНХ.

Ковалёв Иосиф Иванович (1912–1996) — механизатор, Герой Социалистического Труда (1957), участник Великой Отечественной войны. Окончил курсы трактористов при Варненской МТС. Работал конюхом, прицепщиком, плотником, гуртоправом, механизатором. В первые дни Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, воевал на территории Карело-Финской ССР, в 1941 году был тяжело ранен. В 1942 году вернулся к профессии тракториста. Работал в поселке Новом на конезаводе № 146. Победитель социалистического соревнования по результатам ряда лет, участник освоения целины. Депутат Верховного Совета РСФСР 5-го созыва. Награжден орденом Ленина (1957), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освоение целинных земель», золотой медалью ВДНХ СССР.

Харин Василий Петрович (1914–1992) — комбайнер, Герой Социалистического Труда (1957). По окончании курсов механизаторов при Кулевчинской МТС (1934) в 1936–1965 годах работал здесь комбайнером; систематически перевыполнял производственные задания. В 1956 году на комбайне «Сталинец-6» убрал зерновые с площади 1136 гектаров, намолотил 14 600 центнеров зерна. Участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1957). Избирался членом парткома совхоза «Кулевчинский», членом Варненского райкома КПСС. Награжден орденом Ленина (1957), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освоение целинных земель».

Маслихов Александр Петрович (1930–1989) — механизатор, хозяйственный руководитель, Герой Социалистического Труда (1957). Окончил Троицкий техникум механизации и электрификации сельского хозяйства (1959), ЧИМЭСХ (1970). Трудовую деятельность начал в 1943 году в совхозе «Брединский»: рабочий, бригадир отделения (1945), учетчик отделения (1946). С 1949 года тракторист в совхозе «Чебаркульский», с 1953 года

комбайнер в совхозе «Томинский». В 1955 году вернулся в совхоз «Брединский». С 1959 года главный инженер совхоза «Наследницкий». В 1961–1970 годах возглавлял совхоз «Восточный» (Брединский район). С 1970 года в Еткульском районе: директор совхоза «Каратабанский», директор производственного объединения «Фирма «Еткуль»» (с 1974). С 1979 года в Чебаркульском районе: начальник районного управления сельского хозяйства, с 1980 года директор совхоза «Сарафановский». В период его работы были увеличены продуктивность дойного стада и урожайность, велось строительство производственной базы и жилищных объектов. Избирался делегатом съезда ВЛКСМ (1957). Награжден орденом Ленина (1957), медалями «За трудовое отличие» (1952), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «За освоение целинных земель» (1957), Малой золотой (1958) и серебряной (1978) медалями ВДНХ СССР.

Жерёбкин Яков Васильевич (1912–2001) — хозяйственный руководитель, организатор сельскохозяйственного производства, Герой Социалистического Труда (1956), участник советско-финляндской войны (1940), почетный гражданин Чесменского района (1967). Окончил церковно-приходскую школу. С 17 лет был коногоном на шахте в Донбассе. Через два года вернулся домой, работал по найму, руководил бригадой из 70 человек. С 1938 года

учетчик в колхозе имени Цвиллинга Чесменского района. В 1939 году призван в Красную армию. В советско-финляндскую войну был в составе спецбатальона лыжников и снайперов. В 1941 году после ранения вернулся на Южный Урал: председатель колхоза имени Цвиллинга, председатель Тарутинского сельсовета (Чесменский район), начальник части Чесменского райвоенкомата, председатель колхоза «Новый путь». По окончании Троицкой областной агрономической школы председатель колхоза «Красный боец» в поселке Углицком (Чесменский район). За 13 лет руководства хозяйством вывел его в передовые. В 1952 году по его инициативе колхозниками было распахано 1700 гектаров близлежащих целинных земель, хозяйство получило самый большой в районе урожай зерновых (21 центнер с гектара); за это Я. В. Жерёбкин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

М. И. Ткачев. Хлеб идет. 1963 год. Из серии «Будни целинного совхоза имени А. М. Горького».

Челябинский государственный музей изобразительных искусств

Петухов Василий Федорович (1911–1971) — партийный работник, Герой Социалистического Труда (1957). В 1929 году избран председателем сельсовета,

секретарем комсомольской ячейки. В 1932 году вступил в ВКП(б). По окончании комвуза находился на партийной и советской работе. В 1952–1961 годах первый секретарь Кизильского райкома КПСС. В период его деятельности в Кизильском районе была проведена большая работа по освоению целинных и залежных земель: вспахано 120 тысяч гектаров пустошей, в 1956 году государству сдано 11 миллионов пудов зерна. Велось строительство и благоустройство поселков, животноводческих помещений, проведена полная электрификация района. Делегат XXI съезда КПСС (1962). Награжден орденом Ленина (1957).

20 октября 1956 года Президиум Верховного Совета СССР учредил новую награду — медаль «За освоение целинных земель». Челябинской области было выделено 25 тысяч медалей [17, л. 2]. Их вручение пришлось на лето 1957 года [18].

За первые два года (1954 и 1955) в Челябинской области было поднято 724 тысячи гектаров новых земель — вместо 440 тысяч по первоначальному плану (в целом по СССР было распаханно 36 миллионов гектаров новых земель). А всего в регионе освоили около миллиона гектаров целинных и залеж-

ных земель. Естественным следствием увеличения посевных площадей стал валовой рост сбора зерна. В послевоенные годы и до 1953 года на Южном Урале собиралось около миллиона тонн зерна, в период активного освоения целины (1954–1959) этот показатель вырос до 1,6 миллиона тонн. Е. Ф. Куракин не без гордости сообщал на юбилейном собрании, что в 1973 году в Челябинской области получили 3 137 000 тонн хлеба. Эти цифры должны были подтверждать не только эффективность современного сельского хозяйства, но и целесообразность освоения целины. Необходимо отметить, что рост урожая был связан не только с экстенсивными мероприятиями, но и с усовершенствованием агротехники, что видно на росте урожая: если в 1956 году было собрано 10,8 центнера зерна с гектара, то в 1973 году — 16,5 [14, л. 14, 15]. Повышение производства зерна благоприятно сказалось на развитии животноводства. Увеличилось производство молока, мяса и других продуктов. Поголовье крупного рогатого скота выросло в два раза (с 580 тысяч голов в 1954 году до 1206 тысяч голов в 1973-м), удой молока с одной коровы — с 1380 кг в 1953 году до 2210 кг в 1973-м [14, л. 37, 38].

Существенно изменилась ситуация и с механизацией сельского труда. Из справки начальника Челябинского областного управления сельского хозяйства В. Зайцева (см. таблицу) видно, что количество тракторов и зерноуборочных комбайнов увеличилось в два раза, а автомобилей — в семь.

Сельскохозяйственная техника в хозяйствах Челябинской области на 1 января 1974 г. в сравнении с 1954 г. [14, л. 40]			
Показатели	На 01.01.1954 г.	На 01.01.1974 г.	% 1974 г. к 1954 г.
Тракторы	8648	20001	232
Комбайны зерноуборочные	4434	9066	203
Комбайны силосоуборочные	0	2873	
Автомобили	1028	7523	704
Энерговооруженность	12,5	19,5	156

Участники областного совещания, посвященного 20-летию освоения целины. Пос. Бреды, 24 марта 1974 года. Объединенный государственный архив Челябинской области

За годы освоения целины МТС и совхозы получили 6227 тракторов, 841 комбайн, 5,5 тысячи единиц другой сельскохозяйственной техники. Колхозам до конца 1956 года было выделено более 1240 автомашин. К началу 1957 года Челябинская область располагала 19 232 тракторами для сельских районов, 6040 комбайнами, 3793 грузовыми машинами. Были электрифицированы 384 колхоза и все МТС, обеспечена механизация трудоемких работ. Капитальные вложения в энергообеспечение МТС и совхозов в 1955 году составили 238,7 миллиона рублей, к июню 1956 года — 140 миллионов. Основные фонды колхозов, совхозов выросли по сравнению с 1955 годом в три раза. В развитие сельского хозяйства области дополнительно вложено два миллиарда рублей [19].

Однако освоение целинных и залежных земель не помогло преодолеть кризис в сельском хозяйстве — требовалась разработка долгосрочной про-

граммы развития. Целинные земли находились в засушливых районах Челябинской области, что требовало особой системы земледелия. До минимума сокращались чистые пары, недостаточно вносились удобрения, плодородные поля истощались, засорялись, подвергались ветровой и водной эрозии. В целинных районах преобладала монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы. Серьезные ошибки были допущены в применении агротехники. Снижалась урожайность зерновых культур: в 1958 году в Челябинской области она составила семь центнеров с гектара (в 1950 году было 12 центнеров с гектара). Большие материальные и трудовые затраты на целине определили в основном экстенсивный путь развития сельскохозяйственного производства. В начале 1960-х годов страна вновь испытывала перебои в обеспечении продовольствием.

Список литературы

1. Дружинина Э. Б. Куракин Евгений Федорович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 596.
2. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 15. Д. 31.
3. Там же. Ф. П-288. Оп. 18. Д. 2.
4. Там же. Д. 11.
5. Там же. Д. 14.
6. Там же. Д. 33.
7. Там же. Д. 69.
8. Там же. Д. 72.
9. Там же. Д. 134.
10. Там же. Оп. 20. Д. 38.
11. Там же. Д. 53.
12. Там же. Д. 80.
13. Там же. Д. 96.
14. Там же. Оп. 179. Д. 246.
15. Там же. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 2716.
16. Там же. Ф. П-1130. Оп. 2. Д. 13.
17. Там же. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 253.
18. Там же. Д. 253–260, 266а.
19. Потерпеева А. И. Освоение целины // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 4. С. 813–814.

Т. В. Вольфович.
**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ХОРЕОГРАФИИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ**

**Начальный этап создания
балетной труппы**

В отличие от своих северных соседей, Екатеринбург и Перми, Челябинск в первой половине XX века не имел собственных богатых оперных и балетных традиций. Правда, еще в самом начале века в городе было создано музыкально-драматическое общество, занимавшееся организацией концертов, спектаклей, вечеров. Оно объединило в своих рядах немногочисленных представителей творческих профессий — актеров, музыкантов, живописцев, живших в городе, но развернуть активную деятельность так и не смогло. В Челябинск приезжали лишь небольшие оперные, опереточные, музыкально-драматические труппы. С классическим балетом челябинцы впервые познакомились только в 1916 году во время гастролей балерин императорских театров.

Решение о строительстве театра оперы в Челябинске было принято СНК СССР 25 мая 1934 года. К строительству здания театра приступили в 1937 году. Оно было почти готово, когда началась война, и уральцы разместили здесь завод, эвакуированный из Москвы. Позже челябинцы построили для предприятия специальные корпуса, а театральное здание было освобождено. Но это было

уже после войны. Тогда же и началось создание театральных трупп.

Балетная труппа формировалась особым образом. Накануне окончания обучения 217-го выпуска Ленинградского хореографического училища в 1955 году туда приехал директор только что открывшегося челябинского театра Всеволод Петрович Артемьев, по всей вероятности, с решением Министерства культуры РСФСР направить весь выпуск на работу в Челябинск. Следует, однако, заметить, что этот выпуск был специализированным. Он изначально был сформирован большей частью из осетинских детей и предполагался для осетинского театра. Очевидно, за время обучения детей планы руководства поменялись. Такое распределение радости не вызвало ни у кого, ведь выпускники даже не знали, где находится Челябинск. Но «подключили», как это было принято тогда, комсомольскую организацию, и большая часть выпускников была вынуждена согласиться. В общем труппа формировалась по-советски просто — волевым решением сверху. Преподаватели успокаивали своих любимцев: «Отработаете там два-три года и вернетесь». Но реальность подчас сильно отличается от замыслов — некоторые остались здесь навсегда. Газета «Челябинский рабочий» за 25 сентября 1955 года сообщала, что в город приехал балетный коллектив в составе тридцати человек — молодые выпускники хореографических училищ Ленинграда и Москвы под руководством главного балетмейстера Я. Романовского. Коллектив начал

занятия. Ведется подготовка к репетициям первого спектакля — балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро»».

По сути дела, весь свой первый сезон 1955/56 годов Челябинский театр оперы и балета еще не работал, решались бесконечные организационные вопросы. И молодая труппа со всем своим творческим порывом должна была довольствоваться лишь репетиционным периодом. Челябинский театр не формировал свою труппу в течение нескольких лет, как это обычно бывает при создании коллектива, когда исполнителей собирают отовсюду. Челябинск получил уже готовую труппу, ведь приехавшие ребята уже в течение восьми лет в рамках училища простояли у станка в одном классе, учились у одного педагога. Им не нужна была притирка друг к другу, этот этап они уже прошли. В Челябинск приехал сложившийся коллектив, причем обладающий единством танцевального стиля, исполнитель-

Афиша балета «12 стульев».
Художник Я. Корсунский

ской манеры, которая к тому же была одной из лучших в мире. Исполнительский уровень труппы был высоким. Однако был один весьма существенный изъян — отсутствие сценического опыта. Станцевать па-де-де, что некоторые из выпускников уже делали, — это еще не весь спектакль. Здесь требуются определенная выносливость, умение распределять силы, чтобы хватило до конца спектакля, и определенное мастерство выразительности.

Открытие театра, а вместе с ним и постоянная сценическая деятельность, были назначены на следующий год, а сезон 1955/56 годов проходил в нерегулярной концертной жизни, а значит, и в нерегулярной репетиционной работе. Художественное руководство театром тогда осуществляли режиссер Дмитрий Николаевич Смолич¹ и дирижер Исидор Аркадьевич Зак².

К открытию театра было решено подготовить «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и «Половецкие пляски» для премьерного оперного спектакля «Князь Игорь» А. П. Бородина. Газеты откликнулись на это событие целой серией статей. Еще

1
Дмитрий Николаевич Смолич (11.04.1919, Ленинград — 1987, Киев), оперный режиссер, народный артист СССР (1979), лауреат Государственной премии Грузинской ССР имени З. Палиашвили (1973) и Государственной премии Украинской ССР имени Т. Шевченко (1971). В 1941 году окончил оперно-драматическую студию имени К. С. Станиславского в Москве и до 1955 года работал режиссером Киевского театра оперы и балета. В 1955 году приехал в Челябинск и стал первым режиссером Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки.

2
Исидор Аркадьевич Зак [14(27).02.1909, Одесса — 17.08.1998, Новосибирск], дирижер, народный артист СССР (1976). Лауреат Государственной премии СССР (1948), кавалер ордена Ленина, почетный член-корреспондент Академии изящных искусств Франции (1981). Профессор Новосибирской консерватории (1968–1998). Обучался игре на фортепиано с пяти лет у Б. М. Рейнгольда. В 1925 году окончил Одесскую консерваторию (теоретический курс), в 1928 году — Ленинградскую имени Н. А. Римского-Корсакова (дирижерское отделение). Ученик Н. А. Малько. В 1928 году дирижер Ленинградского театра музыкальной комедии, в 1929–1944 годах — различных музыкальных коллективов во Владивостоке, Хабаровске, Куйбышеве, Днепропетровске, Горьком, Алма-Ате. Главный дирижер в театрах оперы и балета Новосибирска (1944–1949, 1968–1998), Львовском имени Франко (1949–1951), Харьковском академическом имени Н. В. Лысенко (1951–1952), Алма-Атинском (1952–1955). Один из основателей и первый главный дирижер (1955–1968) Челябинского театра оперы и балета.

в сентябре «Челябинский рабочий» знакомил зрителей с предстоящей премьерой. Газета сообщила, что постановка «Лебединого озера» осуществлена Н. Трегубовым и заслуженным артистом Украинской ССР А. Бердовским. Дирижер Бехтерев, художник — заслуженный деятель искусств Таджикской и Литовской ССР Е. Чемодуров. Основные партии исполняли С. Адырхаева, С. Тулубьева и Л. Ратенко (Одетта-Одиллия); А. Федоров и С. Токарев (Принц); В. Криворучский (Ротбарт). Премьера состоялась 2 октября 1956 года. Эту дату можно считать днем рождения челябинской балетной труппы.

Начало жизни труппы связано с одним из наиболее или даже самым выдающимся произведением русского балета. Этот спектакль является нашей гордостью. Он — визитная карточка каждого российского балетного коллектива. По каким бы причинам ни был избран для официального открытия этот спектакль, он во многом был символическим и вместе с тем обозначил высокие притязания вновь родившейся труппы. Классический спектакль, к которому труппа только что окончивших училище артистов балета была готова как нельзя лучше, мог представить новый коллектив. Челябинский спектакль ставился по версии В. Бурмейстера, которая не так часто использовалась в практике как российских, так и зарубежных театров. Но она оказалась достаточно жизнеспособной и существовала в театре более десяти лет, вплоть до 1968 года, выдержав 341 исполнение.

Труднее было со следующей постановкой «Бахчисарайский фонтан», выпущенный в свет 15 ноября того же 1956 года. Этот спектакль на музыку композитора Б. Асафьева принадлежал к так называемой эпохе драматического балета — эпохе, когда в спектаклях ценилось в первую очередь содержание, а потом уже хореография. Естественно, он требовал от исполнителей прежде всего выразительности, что молодым начинающим артистам дается труднее всего. Это набирается с возрастом, опытом, сценической практикой. Постановщик спектакля А. Я. Бердовский не раз восклицал: «Связался я с этим детским садом!»

Сезон закончился постановкой спектакля «Дон Кихот», для которого был приглашен мэтр совет-

ской хореографии Ф. В. Лопухов. Премьера состоялась 25 апреля 1957 года. В спектакле в партии Китри дебютировала молодая балерина, приехавшая вместе со всеми из Ленинграда, — Галина Борейко. Партию Базиля танцевал Н. Красовский. После премьеры мэтр советской хореографии, отмечая успешное выступление юной балерины в этой партии, заметил, однако, что она никогда не будет танцевать Жизель. Этим он определил амплу Борейко. Однако он ошибся. Г. М. Борейко, единственная из всех приехавших, осталась в этом театре до сегодняшнего дня и создала в нем не один десяток ведущих партий в балетах самого разного содержания, став балериной широкого диапазона.

Все перечисленные выше постановки не были авторскими, они были переносом или, в лучшем случае, редакцией уже поставленных и существовавших продолжительное время спектаклей.

Под руководством Отара Дадишкилиани

Всякий театр можно назвать состоявшимся, когда он приобретает свое собственное творческое лицо, которое обычно связано с именем балетмейстера и его художественным почерком. Первый серьезный период челябинской труппы можно связать с именем балетмейстера Отара Михайловича Дадишкилиани³, который руководил челябинским балетом с 1957 по 1964 год. Именно с его творчеством связано создание индивидуальности челябинской труппы, собственного стиля, которое в большей степени обусловлено расширением творческого диапазона репертуарной политики. За период работы в Челябинске Отар Михайлович поставил 15 балетов и танцы в семи операх. Его спектакли «Эсмеральда», «Шурале», «Каменный цветок», «Лауренсия», «Ромео и Джульетта», «Шакунтала», «Цветок счастья», «Последний бал», «Маскарад», «Альпийская баллада» и другие просто невозможно классифицировать или встроить в какую-либо схему для

3

Отар Михайлович Дадишкилиани (р. 21.08.1923, Ново-черкасск), балетмейстер, режиссер, заслуженный артист РСФСР (1961), заслуженный деятель искусств Белоруссии. Окончил балетмейстерское отделение ГИТИСа (1956).

удобного анализа, так как каждый из этих спектаклей неповторим и особо индивидуален, каждый отмечен только ему одному присущей особенностью. Именно таким предстает творчество этого автора в воспоминаниях современников.

Первый спектакль, который Отар Михайлович начал ставить в Челябинске, был балет «Эсмеральда» на музыку Ц. Пуни по литературному произведению В. Гюго. Этот сюжет и музыка известного композитора не раз привлекали внимание балетмейстеров как в нашей стране, так и за рубежом. Вариантов известного всем сюжета В. Гюго существует бесчисленное множество. Во многих случаях спектакли назывались так же, как и нетленное произведение Гюго «Собор парижской богородицы», но Дадишкилиани назвал его «Эсмеральда», сделав тем самым основной упор на образе главной героини. Именно трагическая судьба незащищенной, трепетной, живой души становится центром хореографических исканий мастера.

Дадишкилиани не был особенно изобретательным хореографом, но был хорошим режиссером, поэтому его спектакли всегда отличались драматургической выстроенностью, четкой разработанностью образов. «Эсмеральда», с остротой своего сюжета, глубиной переживаний, пограничностью человеческих состояний, давала большой простор для режиссерского воплощения. Он умел выстраивать сюжетную линию с такой глубиной и точностью, что зритель в зале иногда просто рыдал. Во всяком случае, на «Эсмеральде» это случалось.

Следующий спектакль Дадишкилиани — «Шурале» на музыку Ф. З. Яруллина — был создан по мотивам татарских народных сказок и поэм Г. Тукая. Несмотря на национальный колорит, сюжет спектакля сродни балетам романтического периода. Охотник Али-Батыр, заблудившись в лесу, набрел на логово лешего Шурале. Он видит, как на поляну опускается стая птиц, сбрасывает с себя крылья и превращается в девушек. Во время их игр коварный Шурале крадет крылья самой красивой из них — Сюимбике. Порезвившись, птицы улетают.

Сцена из балета «Последний бал» на музыку Ю. Бирюкова

ют, в лесу остается одна Сюимбике. Тщетно мечется она в поисках своих крыльев. Их нет. После долгих перипетий, борьбы богатыря Батыра и Шурале за любовь Сюимбике все кончается победой добра над злом и праздником в честь Батыра и спасенной им Сюимбике.

Музыка балета органически связана с национальными истоками татарского фольклора. Естественно, этот колорит требовался и для хореографического воплощения, и он там действительно был. Возможности классического танца расширялись за счет национальной пластики. Это проявлялось в движениях рук, позах, поворотах головы, изгибах корпуса. Сами же образы разрабатывались за счет классического танца, который в этом спектакле приобретал несколько иное звучание. Поразительной красотой отличались танцы птиц. Спектакль получился лирическим и очень светлым, это серьезнейшим образом отличало его от предыдущего спектакля. И опять же основным достоинством и этого произведения была четко выстроенная драматургия, исходящая из яркой типажности образов. Надо сказать, что одной из особенностей этого периода было то, что как сам постановщик, так и актеры уделяли большое внимание работе над образом. Они получались яркими, неповторимыми, и их сопоставление и столкновение уже рождало определенную драматургическую напряженность. К тому же О. Дадишкилиани давал возможность проявиться многим исполнителям. В описываемом спектакле, как, впрочем, и во многих других, было обилие героев: Шурале, Батыр, Сюимбике, Шайтан, Огненная ведьма, и каждый имел свою хореографическую пластику. Дадишкилиани очень внимательно относился к подбору исполнителей, он видел индивидуальность каждого и под него подбирал образ и, как правило, не ошибался. При нем труппа буквально расцветала талантами. Актерам было что танцевать, было над чем работать и где себя проявить. Премьера спектакля состоялась 26 марта 1959 года. Он просуществовал в репертуаре театра до января 1968 года и выдержал 99 представлений.

Весьма значительной постановкой был балет «Каменный цветок». В этом произведении труппа впервые познакомилась с музыкой С. Прокофьева. Ее ритмика, музыкальный рисунок настолько

не соответствовали привычному балетному квадрату, что первое время буквально шокировали исполнителей. Здесь была другая фразировка, другое интонационное звучание, к которому надо было привыкнуть. Сама музыкальная драматургия позволяла добиться особой глубины основного конфликта и большей степени драматургической напряженности. К тому же она представляла большое разнообразие музыкальных характеристик персонажей.

Здесь опять присутствовало национальное звучание, но основанное уже на русском и притом уральском фольклоре. Как и в предыдущем произведении, здесь было волшебство, которое представляла Хозяйка Медной горы, именно над этим образом хореограф работал больше всего, и именно он демонстрирует большую новизну хореографического изложения. В этом персонаже заметны уже серьезные отступления от чистой классической хореографии, что выражалось и в необычных позах, и необычных поддержках. Образ женщины-ящерицы требовал особой извивающейся пластики, которую Дадишкилиани вместе с артистами удачно нашел. Спектакль отличается широким использованием массовых сцен: это и народное гуляние в первом акте, и сцены в покоях Хозяйки Медной горы. Причем особенность постановки заключалась в том, что массовые танцы первого акта были подвижными, экспрессивными, построенными на «уральском» беге, с большими перестроениями. Сцены в покоях Хозяйки основывались на смене позировок, статичном композиционном построении. Такое противопоставление создавало своеобразный драматургический контрапункт, движущий основное действие спектакля. «Каменный цветок» продержался в репертуаре театра более 10 лет и выдержал 129 представлений.

Надо сказать, что национальная тематика превалирует в творческом арсенале Дадишкилиани. Помимо уже перечисленных к таковым спектаклям можно отнести «Шакунталу», поставленную на индийском материале, «Лауренсию» — на испанском, «Цветок счастья» — на китайском.

Одним из лучших творений этого балетмейстера, пожалуй, стоит признать балет «Ромео и Джульетта» на музыку С. Прокофьева, премьеры

Балет «Шурале», композитор Ф. З. Яруллин. Сцена «Свадьба». Г. Борейко – в центре

которого состоялась 24 мая 1963 года. Этот балет также имеет бесчисленное множество вариантов, среди которых выделиться достаточно трудно. Однако версия Дадишкилиани не затерялась среди остальных и выдержала в Челябинске 70 представлений и была показана на гастролях в Москве.

Гораздо больше можно сказать о спектакле следующего года — «Шакунтала» на музыку С. А. Баласаняна. Балет создан на сюжет классика индийской литературы Калидасы. Сюжет весьма типичен для балетного искусства. Естественно, в балете не было индийского танца, а была лишь его стилизация, удачно наложенная на классическую хореографию, однако пластичность рисунка индийского

танца была сохранена. Особенно выразительны были дуэты, рассчитанные на гибкое тело. Хореография включала много нововведений, отчето выглядела весьма своеобразно. Здесь встречались и «завернутые коленочки», и непривычно изогнутые руки, непривычные повороты и изгибы корпуса. Отар Михайлович находился тогда на гребне своего творчества.

Были у него и менее значительные произведения, не оставившие особого впечатления в истории театра. К примеру, «Цветок счастья», который тем не менее просуществовал в репертуаре с 1959 по 1961 год и выдержал 32 представления. Этот спектакль был больше данью эпохе, чем художественным достижением. Также как характеристику того периода и эпохи следует выделить балет «Послед-

ний бал» на музыку Ю. Бирюкова (просуществовал с 1961 по 1963 год, выдержав 27 представлений). Он ставился в преддверии XXII съезда КПСС и был посвящен ему, поэтому и тематика демонстрировала одну из историй революционного прошлого нашей страны. Основным конфликт строился, как сказано в газетной статье В. Вохминцева «между человеконенавистническим делом реакционного офицерства и героическим подвигом революционных моряков, совершаемым во имя человеческого счастья» [3].

По свидетельству очевидцев, спектакль, если не считать подготовительной работы, был поставлен всего за 19 дней. По многим характеристикам это было произведение, которое лучше отнести к драматическому балету, то есть спектакль больше напоминал оттанцованную пантомиму, чем хореографическое произведение. Главное здесь — выразительность актеров, а не их хореографическая подготовка. Но зато, как сообщает газетная статья, балет хорош тем, что он, «сохраняя специфическую условность языка хореографии, говорит о совершенно реальных, правдивых явлениях современной действительности» [Там же].

Также неоднозначно можно расценивать спектакль «Маскарад» на музыку Л. А. Лапутина. Это раннее творение Дадишкилиани, точнее его дипломная работа, которую он осуществил еще в 1956 году в Новосибирском театре. В Челябинске была вторая постановка. Балет не вызвал особого одобрения ни у публики, ни у самих актеров. Однако он не затерялся в потоке других произведений и остался в памяти, хотя и с неоднозначными оценками.

О. М. Дадишкилиани ставил и произведения балетной классики, вернее, переносил их из других театров, лишь несколько редактируя. Это «Жизель», «Баядерка», которые он восстанавливал совместно с С. М. Тулубьевой, и «Спящая красавица», которую он восстановил самостоятельно. В работе с классикой Отар Михайлович осуществлял режиссуру и общее руководство постановкой. Лексический материал в основном давала С. Тулубьева.

Кроме постановок самого О. М. Дадишкилиани в период его руководства труппой выходили и работы других авторов. К примеру, балет «Большой

вальс» на музыку И. Штрауса, который воплотила на челябинской сцене А. Шульгина в 1958 году. Он просуществовал до 1964 года, поставлен вслед за «Эсмеральдой», но был совершенно иным как по сюжету, характеру и социальному положению главной героини, так и по многим художественным характеристикам — хореографии, музыкальному содержанию, своей стилистике. В 1964 году Отар Михайлович покинул Челябинск, став балетмейстером Минского театра. На смену ему прибыла Людмила Владимировна Воскресенская⁴.

В 1972 году О. М. Дадишкилиани приезжал в Челябинск на разовую постановку спектакля «Альпийская баллада» на музыку Глебова. Это был интересный, необычный спектакль и по тем временам остро современный как по решению постановки, так и по хореографии. В основу сюжета положена повесть В. Быкова с одноименным названием. Она повествует о побеге двух военнопленных из немецкого лагеря — русского солдата Ивана и итальянской партизанки Джулии. Спектакль изображает погоню немецких солдат за этими двумя беглецами, но как таковой погони на сцене нет. В спектакле только два героя, которые в течение сорока минут не покидают сцену. Эффект преследования достигается движением световых лучей, которые то настигают героев, и тогда на сцене все приходило в движение, то отстают, и на сцене разворачиваются эпизоды личных отношений героев, которые не были простыми и однозначными.

Таким образом, первое десятилетие челябинского балета прошло под знаменем ударного труда и завершилось серьезными достижениями. Своеобразие труппы заключалось в академизме исполнения и воспитании на классическом репертуаре. Однако репертуар театра к тому времени уже был далеко не академическим, он был достаточно широким и разнообразным, с наличием большого числа авторских произведений. Любой искусствовед это сразу же отметит как достижение. В хореографическом отношении он расширил арсенал

4

Людмила Владимировна Воскресенская (р. 13.09.1930, Алма-Ата), заслуженная артистка РСФСР (1969). Окончила балетмейстерское отделение ГИТИСа (1958). До приезда в Челябинск работала в театрах Кишинева и Ашхабада.

классического танца, придав большую выразительность пластической основе спектаклей. Был создан авторский балетный театр с разнообразным и ярким репертуаром.

Вместе с тем под руководством Дадишкилиани сформировался и коллектив единомышленников, обладающий большой амплитудой исполнительских индивидуальностей. Режиссер доверял актерам, и они отвечали ему взаимностью, хотя многие отмечали его требовательность, принципиальность и строгость. В тот момент труппа изобиловала та-

лантами, так как Дадишкилиани давал множеству актеров себя проявить.

Этот яркий период в истории театра, полный поисков и экспериментов, во многом исходил, как отмечают многие участники этого процесса, от художественного руководителя театра И. А. Зака. Официально он был главным дирижером, но даже бывшие балетные артисты говорят о его влиянии на них, его непрерываемом художественном авторитете, провоцирующем атмосферу творчества. В рабочие дни свободного места в репетиционном

Балет «Бахчисарайский фонтан».
Г. Борейко – Мария,
В. Постников – Вацлав.
Композитор
В. Б. Астафьев

классе не было. Во всех углах, и не только репетиционного класса, но и в других помещениях театра постоянно кто-то что-то репетировал.

Вместе с Л. В. Воскресенской

Людмила Владимировна Воскресенская во многом отличалась от своего предшественника как художественными, так и человеческими качествами. Ее спектакли не отличались остротой драматургического напряжения, как это было у Дадишкилиани, но они были танцевальными, музыкальными и легко смотрелись. В пластике она была более академичным хореографом и, возможно, более традиционным, но очень грамотным. Ее хореография всегда была логична и удобна для исполнения.

Если Отар Михайлович был достаточно жестким руководителем, то Людмила Владимировна была доброжелательна, что часто шло в ущерб ее творчеству. Вместе с тем их объединяют два качества — широта творческих интересов и доверие к артисту. И в период деятельности Л. Воскресенской в театре не было одинаковых Жизелей, Золушек, Эсмеральд, так как методика работы с артистами у Людмилы Владимировны была близка ее предшественнику.

Начав свою деятельность в качестве руководителя труппы, как свидетельствуют современники, она не стала проводить кардинальных реформ и постаралась сохранить все сделанное предыдущим руководителем. Еще долго репертуар, наработанный О. Дадишкилиани, оставался действующим. При этом он активно расширялся собственными постановками Воскресенской, которые она не уставала создавать. Практически каждый год Людмила Владимировна выпускала по два новых спектакля, и еще один восстанавливался. Поэтому в период ее руководства был накоплен богатый репертуар. Одновременно в театре были рабочими 19 балетов. В неделю проходило по три-четыре балетных спектакля.

И все же период руководства Воскресенской внес свои изменения как в художественном, так и в организационном плане. Период с 1964 по 1973 год — это, бесспорно, эпоха Л. Воскресенской, длившаяся

почти десять лет и ознаменовавшаяся постановкой 11 балетов. Не все их можно оценить равнозначно, но это было время достаточно интенсивной работы, разнообразной художественной деятельности. Одно только перечисление постановок говорит о широте художественных взглядов этого художника: «Пер Гюнт» (1964), «Тринадцать роз» (1966), «Щелкунчик» (1967), «Легенда о любви» (1968), «Корсар» (1968), «Асель» (1969), «Большой вальс» (1970), «Доктор Айболит» (1971), «Собор Парижской Богоматери» (1972), «Баядерка» (1973), «Я помню чудное мгновение» (1973).

Немало внимания Людмила Владимировна уделяла национальной проблематике в балетном искусстве. Это проявилось в таких ее постановках, как «Асель» на музыку В. А. Власова, «Материнское поле» на музыку К. Молдобасанова, поставленные на киргизском материале, «Тринадцать роз» — на испанском материале, «Легенда о любви» — на восточном арабском и т. д. Однако все эти спектакли знаменательны не столько преломлением национальной хореографии, сколько своим содержанием и галереей разнообразных образов.

Примечательным в этой череде можно назвать спектакль «Асель». Он был поставлен по повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке» на музыку В. А. Власова. Впервые балет был создан О. Виноградовым в Большом театре в 1967 году.

В том же году был воплощен в театре города Фрунзе и уже в 1969 — в Челябинске. Это была третья постановка в стране.

Драматургия спектакля не предполагает хронологической событийности действия. Зритель знакомится с основными героями, когда главные события их жизни уже прошли. Спектакль начинается со встречи главных героев Асель и Ильяса через много лет разлуки, и прошедшие события с их драматизмом выстраиваются через воспоминания героев. Такое композиционное построение переносит основной конфликт спектакля в мир человеческих переживаний, что в значительной мере усложняет постановочный процесс, так как требует психологизации образов. Сложность заключалась еще и в том, что конфликт происходит в бытовой ситуации, что для возвышенного искусства балета отнюдь не типично. Герои балета были

современниками исполнителей и обычными земными людьми, очень далекими от балетных фей, принцесс и принцев. Вместе с тем спектакль предполагал постепенное изменение характера главной героини Асель.

Бытовой сюжет не очень вязался с классическим танцем, но там были хорошо выстроенные и глубоко лиричные дуэты. Национальный киргизский мотив просматривался в основном через движение рук, а в целом танец строился на классической основе.

«Материнское поле» также поставлен по повести Ч. Айтматова, с тем же названием (композитор К. Молдобасанов). И здесь в основе содержания лежит непростая женская судьба, судьба матери, потерявшей на войне всех своих сыновей. Особое место в творчестве как Людмилы Владимировны, так и Челябинского театра, занимает балет «Тринадцать роз» на музыку А. Бертрама. Если все предыдущие спектакли имели воплощение на других сценах страны, то этот существовал только на челябинской сцене. И если другие постановки могли быть навеяны уже сделанными, то об этой так сказать нельзя, поскольку она имеет лишь одно воплощение, и посвящена борьбе антифашистов в Испании в 1937 году. Тринадцать роз — это тринадцать девушек, погибших в фашистских застенках.

Вместе с тем в арсенале творчества Л. Воскресенской имеется спектакль, где главным героем является мужской персонаж — «Барышня и хулиган», поставленный по киносценарию В. Маяковского на музыку Д. Шостаковича. В основе содержания история нравственного преобразования юноши — хозяина улицы заводской окраины в результате любви к молодой учительнице. Во имя этой любви он гибнет. Роль хулигана открыла новые грани в актерском даровании артиста В. Постникова.

Одним из последних созданных Л. Воскресенской спектаклей был «Я помню чудное мгновение» на музыку Г. Синисало с использованием музыки М. И. Глинки. Надо сказать, что Людмила Владимировна предпочитала выбирать произведения не растражированные, не идущие повсеместно. В своем интервью она знакомит читателей с предстоящими актерскими работами [2]. Главную партию героини Натальи готовили Г. Борейко,

Заслуженная артистка РСФСР Л. Ратенко в спектакле «Лакме». Композитор Л. Делиб

Г. Массини. Партию Алексея исполняли Е. Попов, В. Дмитриев и Ю. Маценко. Они и были исполнительскими лидерами той эпохи. Спектакли классического наследия в период Л. Воскресенской составляли по-прежнему своеобразный стержень театральной жизни.

Это был тоже весьма успешный период, правда, к его концу понемногу стала ослабевать дисциплина, что временами негативно сказывалось на исполнительском уровне кордебалета.

Период разных балетмейстеров

В последующий театральной истории трудно выделить сколько-нибудь значительный, а самое главное продолжительный период, связанный с деятельностью того или иного хореографа. После отъезда Людмилы Владимировны из Челябинска здесь больше не было балетмейстеров, проработавших столько же времени, как и первые два мастера, так что дальше вести разговор о периоде какого-либо балетмейстера уже не представляется возможным. Вновь приезжающие руководители ставили иногда по одному, иногда по несколько спектаклей и уезжали, не оказав особого влияния на художественную жизнь театра. Некоторые спектакли отличались добротностью постановки или даже оригинальностью художественного решения, но это были разовые постановки, не утвердившие собой определенного периода.

Вслед за Л. Воскресенской в театре поочередно осуществили свои спектакли несколько хореографов. У. О. Сарбагишев создал свою версию «Спартака» на музыку А. Хачатуряна в 1974 году. В 1975 году в театре прошли две премьерные постановки — «Испанские миниатюры» В. Херардо, взбудоражившие весь театр и изменившие отношение к испанскому танцу, и «Франческа да Римини» в постановке Л. Н. Флегматова. Затем было обновление в 1976 году «Жизели» (осуществлено О. Г. Тарасовой) и «Лебединого озера» (Е. В. Анисимова и Б. Н. Никифоров).

В этом же году в театре появился новый главный балетмейстер В. Н. Бутримович. И период, связанный с ним, хоть и был небольшим и, возможно, не совсем удачным, но, бесспорно, выделяется из череды театральных будней. Бутримович приехал в Челябинск из Минска, где успел поработать в труппе с хорошим исполнительским уровнем. По всей вероятности, челябинская труппа до минской не дотягивала, и он начал свою работу с организационных мероприятий, которые мобилизовали артистов. Виталий Николаевич был достаточно жестким руководителем, что помогло поднять планку исполнительского уровня. Ко всему прочему он был таким же и в постановочной работе, требовал точного исполнения созданных им движений. Для

него было очень важно видеть точно то, что он задумал. Если он зафиксировал руку в определенном положении, то и хотел видеть ее именно в этом положении, а ни в каком другом. Бутримович был творческим волюнтаристом и рациональным, рассудочным балетмейстером, который творит не по чутью, а разумом. В этом случае постановочный процесс становится достаточно сложным, особенно для исполнителей. Виталий Николаевич мог часами искать нужный поворот головы или движение руки, доводя исполнителей до полного физического изнеможения.

В Челябинске он поставил «Тилиа Уленшпигеля» на музыку Е. А. Глебова, «Кармен-сюиту» на музыку Бизе — Щедрина, «Сотворение мира» на музыку А. Петрова, которые отличались своеобразием и нестандартностью воплощения. Два последующих спектакля — «Тщетная предосторожность» в постановке В. Могильды и «Гусарская баллада» в постановке И. Чернышева — возвратили творчество труппы на путь традиции. Вместе с тем в этих произведениях уже в полный голос заявило о себе новое поколение артистов, однако в целом об этом периоде можно говорить как о возможно стабильном, но не ярком. Ни один из этих спектаклей особенно долго в репертуаре не продержался.

Новый взлет

Выходящей за среднестатистические рамки стоит считать постановку балета «Двенадцать стульев», премьера которого состоялась 26 декабря 1986 года. Инициатива постановки принадлежит народной артистке РСФСР Галине Борейко, которая в то время являлась художественным руководителем балетной труппы. Как рассказывает сама артистка, все началось с подготовки к тридцатилетию театра. Администрация хотела чего-нибудь нетрадиционного, чтобы отметить круглую дату. «И вдруг однажды в газете “Советская культура” я встречаю большую статью о танцовщике и балетмейстере Большого театра Андрее Петрове. Я о нем никогда не слышала, но меня привлекло то, что он уже в течение многих лет работает с композитором Г. Гладковым над партитурой балета “12 стульев”

Заслуженная артистка
РСФСР Л. Максимова

и является его сценаристом... Все это меня очень заинтересовало, потому что роман Ильфа и Петрова в нашем доме был просто настольной книгой» [1]. Приложив немало усилий, она смогла договориться с А. Петровым.

Работа над спектаклем проходила с большим энтузиазмом. Одной из причин явилось то, что Андрею Борисовичу удалось найти хороший контакт с труппой, которая его поняла и ответила взаимностью.

Это был первый в стране балет по роману И. Ильфа и Е. Петрова, и с первого просмотра было ясно, что спектакль получился незаурядным, так как отличался особым «духом современности». Авторы не стремились сохранить многие подробности сюжета. Некоторых персонажей И. Ильфа и Е. Петрова в балете просто нет, зато появился и стал одним из главных такой «персонаж», как стулья. Сделав образ сокровищ мадам Петуховой зримым, авторы балета восполнили утрату остроты конфликта в результате потери некоторых героев. Постановочный процесс показал плодотворность сотрудничества театра с этим хореографом, и инициатор этой постановки, да и все остальные, надеялись на продолжение совместной работы с А. Петровым. Но балетмейстер получил интересное предложение из Москвы и покинул Челябинск. У многих его отъезд вызывал тогда сожаление, ведь прошедшая работа изменила балетную труппу. Спектакль продержался в репертуаре театра примерно семь лет, выдержав 72 представления.

Все последующие постановки хотя и отличались разнообразием, особой роли в художественном процессе театра не сыграли.

Мастерство вместо творчества

Примерно с 1995 года начинается, пожалуй, один из самых сложных периодов театра, связанный и с охлаждением публики, и со снижением творческого потенциала в художественной жизни. Авторских произведений в репертуаре не появится теперь достаточно долго. После описанных выше постановок в театре пройдет серия работ, созданных Г. Прибыловым. Это «Шедевры мировой хореографии» (совместно с М. Лавровским, 1995), затем «Спящая красавица» (совместно с Н. Воскресенской, 1999), «Привал кавалерии» (2003). Все эти постановки — достижения прошлого и позапрошлого веков. И если «Спящая красавица» — действительно шедевр, который непременно должен быть в репертуаре каждого театра, то две другие постановки, особенно «Привал кавалерии», серьезными художественными достижениями не отличались никогда.

Этот период совпал со временем руководства труппой бывшим солистом балета А. Мунтагировым. Он принял труппу в сильно уменьшенном составе, так как она в период с 1991 по 1994 год значительно поредела в связи с трудностями театральной жизни, общими трудностями переходного периода в стране. А. Мунтагиров эту ситуацию изменил. Он серьезно омолодил труппу за счет выпускников Пермского хореографического училища. Повышение уровня мастерства в данный период достаточно заметно. Однако в это же время становится очевидным снижение творческого начала.

Новый век не приносит серьезных изменений в художественной жизни челябинского балета. Первые годы отмечены постановками, весьма разноплановыми, но ни одна из них не привела к новому взлету.

Народная артистка России
Т. Предеина

Способен ли балетный театр к переменам?

Иной период начинается с приходом в театр балетмейстера Константина Уральского. После многолетнего перерыва снова появился творческий руководитель, который занимается постановочной работой. Свою деятельность К. Уральский начинает в непростой период. Кризисность балетного искусства ощущается уже достаточно явно, а вот желание труппы к переменам, по многим параметрам, еще не созрело.

Постановочную деятельность в Челябинске хореограф начал со спектакля «Ромео и Джульетта», премьера которой состоялась 24 сентября 2006 года и не стала резонансной. Интересней и ярче получился «Эль мундо де Гойя» на музыку В. Бесединой.

Самой яркой работой К. Уральского стал спектакль «Чехов. Отражение». Музыкальной основой

Г. Борейко (справа),
Г. Клековкина и Е. Попов.
Балет «Шопениана»

для него послужили достаточно сложные для хореографического воплощения произведения П. И. Чайковского — «Воспоминание о Флоренции» и серенада для струнного оркестра. Непосредственно к произведениям А. П. Чехова этот спектакль отношения не имеет, здесь нет пересказа их содержания, это впечатления автора от произведений А. Чехова. Уральский акцентирует внимание на героинях трех произведений русского классика: «Дама с собачкой», «Три сестры», «Чайка». В балете узнаются эпизоды из этих произведений, но они лишь намечены и никак не иллюстрируются хореографом. Принцип недосказанности придает спек-

таклю особый стиль, перекликающийся с миром Чехова. Фабулы как таковой нет, сюжет складывается из мозаичного переплетения темы и ее отражений: мира чеховской женщины и ее несостоявшегося счастья. Однако театр решил расстаться с этим хореографом.

Все последующие спектакли возвращают театр в традиционное русло. Тем не менее именно деятельность балетной труппы подготовила челябинскую публику и изменила художественный процесс города, создав условия для формирования и развития многих других хореографических направлений.

Список литературы

1. Вольфович Т. В., Сибиряков И. В. Моя судьба меня хранила. Челябинск : Изд-во ЮУрУ, 2008.
2. Воскресенская Л. В. Я помню чудное мгновение // Вечер. Челябинск. 1973. 2 нояб.
3. Вохминцев В. Заря счастья // Челяб. рабочий. 1961. 22 окт.

И. В. Нарский.

«МАСТЕРИЦА НА ВСЕ РУКИ»: ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ 1960-х годов

28 мая 1964 года в газете «Челябинский рабочий» появилась положительная рецензия на самодеятельный танцевальный спектакль под названием «Мастерица на все руки», исполненный ансамблем народного танца Челябинского тракторного завода. Автор заметки, челябинский корреспондент В. Вохминцев, подробно описывает содержание постановки и реакцию зрителей на нее: «Трудно пересказать словами произведение хореографического искусства, не впадая в схематизм и упрощенчество. Но нельзя не упомянуть о том, что сюита идет на сплошных аплодисментах. Они начинаются сразу, как только открывается специальный занавес, символизирующий химию. Занавес поднимается. На заднике — уходящее до самого горизонта пшеничное поле. Девушки в костюмах пшеничного цвета передают впечатление волнующейся под легким ветерком нивы. В стремительном танце влетает Суховей. А вот и сама Химия. В белом крылатом платье, с блистающим кокошником из атомных ядер. По ее зову выходят на поле Удобрения. Затем Ядохимикаты. Это русские богатыри в шлемах и латах, с мечами и щитами. Разыгрываются бурные танцы борьбы Удобрений с Суховеем, Ядохимикатов с Сорняками. Мы видим веселую сцену Пекарей, выпекающих ароматные булочки... В танце проходят по сцене Пальто из синтетики, Ботинки, поролоновая Игрушка.

Затем идет красочный, лиричный, остроумно поставленный вальс химических тканей. А в качестве апофеоза исполняется стремительный, искрящийся жизнью молодежный танец. В зале гремят долгие, дружные аплодисменты...

В пересказе все это неизбежно тусклее, но на сцене выглядит очень ярко, впечатляюще» [5, с. 3; 10, с. 48, 50].

Сценическая жизнь хореографической сюиты с полным названием «Мастерица на все руки. Хореографические картины, рассказывающие о волшебнице химии и ее всемогущей силе» оказалась очень короткой. Она была показана челябинцам всего один-два раза в мае 1964 года в рамках традиционного ежегодного смотра художественной самодеятельности.

На первый взгляд может показаться, что этот балетный спектакль — забавный курьез, по поводу которого можно ухмыльнуться или пожать плечами, но который вовсе не заслуживает внимания профессионального историка или человека, интересующегося прошлым своего края и своей страны. Между тем, история этой постановки содержит несколько загадок, провоцирующих следующие вопросы. Почему хореографы выбрали тему химического прогресса в СССР в качестве сюжета балетного спектакля? Почему эта постановка была осуществлена именно в Челябинске и, насколько

известно, только в нем? Наконец, почему эту, судя по реакции зрителей, успешную постановку поспешивилось увидеть совсем немногим, и почему она была изъята из репертуара?

Как увидит читатель, ответы на эти вопросы связаны с проблемами «большой», государственной, и «малой», местной, истории. Потому что эта беспримерная хореографическая инсценировка химического прогресса была плодом политики — большой политики, связанной с именем Н. С. Хрущева, и политики малой, основанной на сложных отношениях двух челябинских хореографов — бывшей руководительницы танцевального ансамбля Н. Н. Карташовой и ее преемницы В. И. Бондаревой. И короткая жизнь этой сюиты в репертуаре тракторозаводских танцоров, и ее изъятие из репертуара были продиктованы политическими решениями.

Политика «химизации всей страны» и задачи клубной самодеятельности

Эта история началась с решения майского (1958) Пленума ЦК КПСС в сжатые сроки развить химическую промышленность и создать базу для широкого производства полимеров. Пропаганда этого решения лежала, помимо других органов, на заводских клубах, а именно на клубных библиотеках, которые призывались к организации книжных выставок на темы «Незаменимые заменители» и «Химию — на службу человеку». Выставки должны были сопровождаться библиографическими обзорами и вечерами вопросов и ответов [1; 15]. В декабре 1963 года очередной Пленум ЦК КПСС объявил создание «большой химии» «ударным фронтом страны». На пленуме Н. С. Хрущев заявил, что все «партийные, советские, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные организации должны сосредоточить свои усилия на выполнении планов народного хозяйства, планов развития химической индустрии». Центральный журнал, посвященный клубному делу и самодеятельному творчеству, пропагандировал «ускоренное развитие химической промышленности» как «путь к успешному решению важнейших задач коммунистического

строительства», ответственность за успех которого должны были разделить клубные работники и активисты: «Создав Большую химию, наша страна сможет ускоренными темпами двинуть вперед все отрасли производства, дать трудящимся в достатке продукты питания, одежду, обувь, предметы, украшающие быт. Химия в полную мощь будет служить осуществлению великого принципа партии: “Все во имя человека, для блага человека”» [4, с. 1; 25].

Состоявшийся в том же году II Пленум ВЦСПС призвал профсоюзы активно включиться в реализацию плана развития химической отрасли. Транслируя его решения, центральный журнал клубной самодеятельности подчеркивал: «Свой вклад в это всенародное дело внесут и культурные учреждения профсоюзов, чья наипервейшая обязанность — донести грандиозные планы партии до ума и сердца каждого рабочего, инженера, техника, служащего, разъяснить им основные задачи развития советской химической промышленности, наглядно показать, что вскоре ее дарами смогут в полной мере пользоваться все советские люди» [4, с. 1].

Клубы призывались к использованию разнообразного репертуара пропаганды «большой химии» как одной из опорных конструкций коммунистического будущего: «Лекции, беседы, встречи с учеными, тематические вечера, книжные выставки, читательские конференции, выпуск устных журналов, кинолектории — все формы клубной работы облегчат людям усвоение химических знаний, помогут им в походе за создание материально-технической базы коммунизма» [Там же].

Многочисленные публикации предлагали методический материал или освещали положительный опыт пропаганды химического прогресса [2; 6; 9; 14; 25]. Сценарий тематического вечера о химии, например, предусматривал в качестве главных персонажей заглавного героя любимой детской книги Л. Лагина «Старик Хоттабыч» (1938) и одноименной ее экранизации (1956), а также Химии в образе девушки в модном платье, вероятно, из искусственной ткани. Ее чудеса должны были заставить джинна Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба в конце концов склониться в почтении перед «великой волшебницей» [6].

О «Большой химии» слагались песни:

Не нам ли стремиться к жизни!
 Ликует земля и поет.
 Встречай, дорогая Отчизна:
 Большая химия,
 Большая химия идет.
 Шумит на полях кукуруза,
 И спутники рвутся в полет.
 Потоком бесценного груза
 Большая химия,
 Большая химия идет.
 А химики словом и делом
 За партией нашей — вперед.
 Порывом уверенным, смелым
 Большая химия,
 Большая химия идет [3, с. 37].

В связи с грандиозными планами химического прогресса Н. С. Хрущев, вполне в духе сталинского культа вождя, стилизовался во второго Ленина, «творчески развившего» знаменитую формулу о «советской власти плюс электрификация всей страны» призывом к химизации экономики:

Тысяча девятьсот двадцатый год.
 Большой театр.
 На огромной сцене,
 Руку призывно бросив вперед,
 Стоит Владимир Ильич Ленин.
 В голосе воля, настойчивость, страсть.
 Слова убеждающей силы полны:
 – Коммунизм — это есть Советская власть
 Плюс электрификация всей страны!
 Тысяча девятьсот шестьдесят третий...
 Гремят овации еще и еще.
 В Кремлевском Дворце на партийном совете
 Стоит Никита Сергеевич Хрущев:
 – Ильич никогда не простил бы лени нам.
 Трудиться творчески, без зазнайства!
 Коммунизм — это то, что завещано Лениным
 Плюс химизация народного хозяйства! [2, с. 36]

Наконец, в феврале 1964 года на Пленуме ЦК КПСС Хрущев потребовал «перейти к более активной, более действенной форме пропаганды

и внедрения нового, передового» [9; 18]. Это выступление касалось также и клубной работы по популяризации проекта «Большая химия».

Итак, 1964 год прошел под знаком большой пропагандистской кампании по поводу ускоренной химизации СССР. Именно в контексте пропаганды приоритетного развития химической промышленности и следует рассматривать челябинскую хореографическую сюиту «Мастерица на все руки».

Советская самодеятельность, народный ансамбль танца ЧТЗ и его руководители

Ансамбль танца ЧТЗ принадлежит к старейшим и наиболее успешным самодеятельным танцевальным коллективам СССР. Он возник в 1938 году — сразу вслед за основанием И. А. Моисеевым знаменитого Государственного ансамбля народного танца СССР и одновременно с многочисленными республиканскими и областными национальными профессиональными и любительскими ансамблями народной песни и пляски. В 1960 году ансамбль за выдающиеся достижения приобрел статус «народного», в 1971 году получил название «Самодцветы». В рассматриваемый период ансамбль имел всеююзную славу, вел активную гастрольную деятельность внутри страны и начал выезжать на гастроли за рубеж, с неизменным успехом участвовал во всеююзных смотрах художественной самодеятельности, регулярно привлекался государственными, партийными, комсомольскими и профсоюзными органами к участию в праздничных концертах, в том числе на лучших столичных театральных площадках и в Кремле [18].

В истории тракторозаводского ансамбля на микроуровне отражена история советской самодеятельности, в том числе хореографической [19–21]. Государство со второй половины 1930-х годов начало последовательно пестовать самодеятельное творчество как инструмент пропаганды в стране и за рубежом успехов СССР в деле строительства социализма в одиночку, как средство организации досуга населения и контроля за ним, воспитания нового, культурного и сознательного гражданина.

Участники самодеятельности, в свою очередь, охотно реализовывали возможности, которые предоставляла им танцевальная самодеятельность: выступать на сцене, ездить по стране и за рубеж, чувствовать свою значимость и востребованность, пользоваться всеобщим уважением, бесплатно отдыхать всем коллективом во время отпуска или каникул, а также испытать настоящую дружбу и любовь, обрести верных товарищей и создать семью — в общем, расцветить жизнь праздничными красками, сделать ее счастливой, почувствовать себя незаменимой частью целого. В этом смысле проект огосударственного самодеятельного творчества в СССР был удачным и для организаторов, и для «потребителей».

Тридцатые годы, по общему мнению исследователей [19], стали формативным периодом в истории советской художественной самодеятельности. Именно тогда она приобрела облик, стилистику и структуру, которые отличали советскую самодеятельность до распада СССР, а отчасти и после него. В это время сложилась новая концепция социалистической культуры, в монолитном образе которой были слиты профессиональное искусство, фольклор и художественная самодеятельность. Хореографы, как и прочие деятели культуры, отныне должны были «учиться у народа», что на практике означало использование фольклора в качестве сырья для создания новых «народных» танцев и неизбежно вело к понижению всех слагаемых «триединства» советской культуры.

Тогда же начала складываться устойчивая институциональная сеть самодеятельного танцевального искусства. Его официальными патронами, помимо государственных органов управления культурой, стали специализированные органы в партии, советах, профсоюзах, комсомоле и на промышленных предприятиях. С основанием домов народного творчества и домов художественной самодеятельности сформировалась система методического обеспечения любительства кадрами и репертуаром. С середины 1930-х годов складывалась система смотров хореографической самодеятельности. В конце 1930-х годов началось создание образцов для массового тиражирования и подра-

жания в лице эталонных государственных ансамблей песни и пляски.

В репертуарах самодеятельных танцевальных групп классика и ритмопластика¹ 1920-х годов были потеснены в 1930-е годы танцами народов СССР. Темы дружбы народов и счастливого советского села, а также производственная проблематика стали ведущими в сюжетных танцах². Репертуар и хореографический стандарт отныне строились на (упрощенных) основах классического, историко-бытового и характерного танца³. Формирование репертуарного канона сопровождалось ростом его однообразия.

Хрущевский период открыл перед самодеятельностью головокругительные перспективы, поскольку на нее была сделана ставка как на один из образцов народной инициативы, активности и творчества, необходимых в будущем коммунистическом обществе. Радикальные мнения доходили до утопии о возможном в будущем вытеснении профессионального искусства любительским, но были еще в 1960-е годы высмеяны современниками, в том числе в культовом художественном фильме «Берегись автомобиля!» (1966) [21, с. 143–144].

Все эти особенности советской самодеятельной хореографии ко времени постановки «Мастерицы на все руки» достигли канонической зрелости. В известной степени народный ансамбль танца ЧТЗ в 1950–60-е годы можно воспринимать как показательный. Он был типичен и одновременно уникален. Для этого утверждения есть следующие основания.

1 Имеются в виду экспериментальные поиски советскими хореографами нового пластического языка в области физической культуры, оздоровительной телесной активности и спорта.

2 Под сюжетными танцами подразумеваются хореографические сюиты, повествующие о каких-то событиях.

3 Классическим танцем называется балетное искусство в формах, в основном сложившихся в XIX веке. Под историко-бытовыми танцами подразумеваются придворные и балетные танцы XVI–XIX веков. Характерные танцы — танцы, поставленные на театральной и эстрадной сцене на основе фольклорного материала, они соединяли «народную» основу с классической балетной пластикой, но публикой зачастую неоправданно воспринимались как «подлинно народные».

Во-первых, ансамбль был создан в период рождения советской самодеятельной хореографии и успешно просуществовал весь советский период, принадлежа к числу наиболее известных. Он был на виду во всесоюзном масштабе, особенно в хрущевский и брежневский периоды. Его знали в столице, ему благоволили высокие чиновники и ведущие хореографы. Его руководители удостаивались высоких государственных наград и почетных званий. Авторитетные деятели советской хореографии, на которых равнялись профессиональные балетные труппы и самодеятельные танцевальные коллективы, упоминали ансамбль народного танца ЧТЗ в числе образцовых [8, с. 36; 23, с. 30].

Во-вторых, ансамбль считался одной из визитных карточек процветавшего в советское время Челябинского тракторного завода, который не скупился на его содержание и гастрольную деятельность. У танцоров с ЧТЗ были лучшие в городе балетмейстеры и сценические костюмы. Ни один из челябинских самодеятельных танцевальных коллективов не мог позволить себе такого количества постановок и программ. Никто из челябинских танцоров не ездил так часто на гастроли в столицу, по стране и за рубеж, расходы на организацию которых, как минимум отчасти, брал на себя ЧТЗ. На последнее обстоятельство стоит обратить особое внимание: Челябинск с его обилием режимных предприятий в течение десятилетий был «закрытым» городом. Он был недоступен для зарубежного туризма, и его жители редко выезжали за границу. Возможность путешествовать, в том числе в зарубежные страны, очень стимулировала желание попасть в столь успешный самодеятельный коллектив.

В-третьих, Челябинск был городом с разветвленной инфраструктурой управления и поддержания танцевальной самодеятельности, обеспечивавшей ей наиболее благоприятную конъюнктуру. Между 1936 и 1968 годами здесь сложилась каноническая сеть по обеспечению хореографического любительства методической и кадровой поддержкой, которую осуществляли, прежде всего, областной Дом народного творчества (1936), областное культурно-просветительское училище (1949; с 1962 года —

хореографическое отделение), театр оперы и балета (1956), государственный институт культуры (1968).

Все это позволяет рассматривать ансамбль танца Дворца культуры ЧТЗ как образцовый для советской самодеятельной хореографии. Его особенность заключалась в незаурядной успешности. А слава ансамбля в значительной степени была делом рук его руководителей — Н. Н. Карташовой и В. И. Бондаревой.

Наталья Николаевна Карташова (1912–1994) училась у бывшей артистки балета Мариинского театра Е. А. Георгиевской-Языковой на хореографическом отделении Орловского музыкального училища. Окончив его в 1929 году, она работала опереточной танцовщицей в Ирбите. В 1941–1947 годах Карташова успешно руководила коллективами танцевальной художественной самодеятельности в Магнитогорске. После успеха, связанного с участием созданного ею в ремесленном училище танцевального ансамбля в съемке художественного фильма «Здравствуй, Москва!» (1944, режиссер С. И. Юткевич), Карташову пригласили балетмейстером во Дворец культуры ММК (1946). В 1947 году Карташова последовала в Челябинск за мужем — успешным журналистом Р. Ф. Шнейвайсом, писавшим под литературным псевдонимом Николай Карташов (1910–2002). В следующем году ее пригласили возглавить танцевальный ансамбль Дворца культуры ЧТЗ, где она успешно работала руководителем до 1963 года, когда ее сменила В. И. Бондарева. При Карташовой ансамбль танца ЧТЗ стал лучшим в Челябинске и одним из первых в стране получил статус народного коллектива, а сама она была награждена орденом Трудового Красного Знамени (1958) и получила звание заслуженного деятеля искусств РСФСР (1959) [7].

Вера Ивановна Бондарева (1926–2013) начала путь самодеятельной танцовщицы в 1940-е годы в Магнитогорске с благословения Н. Н. Карташовой⁴ и училась у бывшей балетной солистки Большого театра Р. А. Штейн. Во второй половине

⁴ Карташова незадолго до отъезда в Челябинск заметила талантливую девушку и рекомендовала ей серьезно заняться хореографическим образованием. Бондарева участвовала в одной из магнитогорских постановок Карташовой с номером, который поставила себе сама.

Н. Н. Карташова.
10 марта 1959 года

1940-х — первой половине 1950-х годов она была признанной солисткой танцевального коллектива при магнитогорском Клубе строителей. С 1955 года руководила хореографическим ансамблем при Дворце культуры ММК. В 1963 году ее пригласили возглавить ансамбль танца при Дворце культуры ЧТЗ, которым она руководила более четверти века. Бондарева была одной из самых талантливых и успешных самодеятельных хореографов Челябинска, ее ансамбль неизменно получал первые места на областных смотрах и входил в состав лучших на всесоюзных фестивалях самодеятельности. За заслуги в области развития самодеятельного танцевального искусства она была удостоена звания заслуженного работника культуры РСФСР (1969), награждена орденом «Знак Почета» (1986), медалью «За трудовую доблесть» (1971), знаками «За отличную работу в культпросветучреждениях профсоюзов» (1974), «Ударник 6-й пятилетки» [13].

В жизни Н. Н. Карташовой и В. И. Бондаревой были удивительные, почти мистические совпаде-

В. И. Бондарева

ния. Обе не прошли через классическое обучение в специальных хореографических учебных заведениях, но обе были талантливыми ученицами профессиональных танцовщиц Мариинского и Большого театров с дореволюционной социализацией. Обе сделали блестящую карьеру в самодеятельной хореографии, создали или развили успешные, именитые танцевальные коллективы, выступавшие на лучших сценах страны, много гастролировавшие по СССР и за рубежом. Успехи обеих были отмечены высокими званиями и наградами. Наконец, обе были замужем за журналистами⁵.

В. И. Бондарева странным образом, словно тень, следовала за Н. Н. Карташовой, став ее преемницей сначала в Магнитогорске, затем в Челябинске. Однако жизнь двух видных магнитогорских и челябинских самодеятельных хореографов, в значительной степени определивших пути хо-

5

Муж В. И. Бондаревой — А. П. Кожевников — был вторым редактором «Магнитогорского рабочего».

реографического любительства в Магнитогорске и Челябинске с 1940-х годов по наши дни, несмотря на поразительные совпадения, кардинально отличалась. Об этом свидетельствуют обстоятельства смены Н. Н. Карташовой В. И. Бондаревой на должности руководителя ансамбля Дворца культуры ЧТЗ и история постановки хореографической сюиты о химическом прогрессе.

Смена руководителя ансамбля и постановка «химического балета»

Приход В. И. Бондаревой во Дворец культуры ЧТЗ сопровождался драматичными обстоятельствами. Ее семейная жизнь в Магнитогорске не сложилась, и она собиралась уехать в Рязань или Кемерово на работу в профессиональном танцевальном ансамбле. В Челябинском областном Совете профсоюзов, узнав об этом, решили во что бы то ни стало удерживать ее в самодеятельности Челябинской области.

В это же время положение Н. Н. Карташовой на ЧТЗ, по свидетельству В. И. Бондаревой, стало неустойчивым. Директор Дворца культуры считал ее хореографию устаревшей и в 1962 году, после

Н. Н. Карташова
и В. И. Бондарева на вокзале

поездки танцевального коллектива в Москву на празднование 45-летия Октябрьской революции, высказал ей свое мнение, предупредив, что впредь на престижные гастроли будут ездить другие самодеятельные коллективы ЧТЗ⁶.

С В. И. Бондаревой начались переговоры, которые не афишировались и отчасти проходили в ее магнитогорском жилье под покровом тайны. Об их серьезности говорит состав участников, среди которых были председатель завкома и секретарь парткома ЧТЗ, директор и художественный руководитель Дворца культуры ЧТЗ. Переговоры длились в течение года. В. И. Бондарева ни в коем случае не желала уезжать из Магнитогорска, где профессионально ее жизнь складывалась очень успешно. Н. Н. Карташова подключилась к приглашению В. И. Бондаревой в челябинский ансамбль на последнем этапе, мотивируя свой уход состоянием здоровья⁷.

«Бегство» Бондаревой из Магнитогорска сопровождалось разрывом налаженных связей и добрых

⁶ Интервью с В. И. Бондаревой от 4 января 2010 года. (из архива автора).

⁷ Там же.

отношений в родном городе. И не удивительно: ее жизнь в Магнитогорске сулила столь стабильные перспективы, что если бы не семейные обстоятельства, покидать родной город не было бы нужды. Ее танцевальный ансамбль Дворца культуры ММК был лучшим в городе и успешно выходил на всесоюзную орбиту, получив ее стараниями звание народного коллектива. Ее уважало и ценило руководство Дворца культуры. В Магнитогорске готовились документы на присвоение ей звания заслуженного деятеля искусств РСФСР. Ей подыскивалась новая квартира. Поэтому ее переговоры с ЧТЗ были восприняты и в руководстве Дворца культуры ММК, и ею самой как предательство в отношении города, комбината, Дворца культуры и собственного коллектива.

Неизбежное в связи с переездом в чужой город ощущение одиночества у В. И. Бондаревой усиливалось неблагоприятным, по ее мнению, приемом в танцевальном коллективе. Солисты ансамбля Н. Н. Карташовой — так называемые «старики» — демонстративно отказались работать с В. И. Бондаревой, а ее предшественница повела себя в отношении нее недоброжелательно, не афишируя неприязни к преемнице перед начальством и посторонними, но демонстрируя ее своему бывшему коллективу. Именно в контексте новой расстановки сил в тракторозаводском танцевальном ансамбле следует воспринимать постановку «Мастерицы на все руки».

Начать изложение истории постановки логично с либретто спектакля, которое ниже приведено полностью:

Картина первая.
Пшеничное поле, легкий ветерок колышет его.
Садится солнце, ветер крепчает, все больше волнуются хлеба.
Врывается Суховой.
Он яростно набрасывается на созревающие хлеба, в неистовстве пляшет среди пшеничных колосьев. Хлеба постепенно никнут.
Картина вторая.
Появляется Волшебница Химия. Она чем-то напоминает врубелевскую Царевну-Лебедь, плавен, величествен ее танец.
Мановением руки она останавливает дикую пляску Суховея. Еще один плавный, гордый жест — и появляются Богатыри в доспехах. Это Минеральные удобрения. Волшебница Химия приказывает им:
– Вперед!
Богатыри наступают на Суховея и изгоняют его с поля.

Колосья поднимаются, снова колышутся плавно. Волшебница Химия и Богатыри танцуют — это танец радости, победы, торжества.
Картина третья.
Крадучись среди пшеничных колосьев появляются Сорняки — один, второй, третий...
Пляска Сорняков. Движения резкие, острые — так и норовят потеснить, уничтожить пшеничный колос.
И вновь никнут хлеба.
Появляется Волшебница Химия. Она зовет второй отряд своих верных Богатырей — Химикаты. Они быстро и решительно расчищают поля от сорняков.
Картина четвертая.
Волшебница Химия демонстрирует свое могущество.
Она останавливается и поднимает вверх руки: “Смотрите, все смотрите!”
Взмах рук — и появляется Игрушка.
Это не простая Игрушка, а химическая. Забавен танец

Игрушки. Еще взмах — и в игривом, шуточном танце выступают Пальто, Ботинки — и это тоже дело рук Волшебницы Химии. Она все может, ей все доступно!
Появляются грациозные девушки — Синтетические волокна. Они танцуют хороводный танец. Всеми цветами радуги переливаются полотнища, они причудливо переплетаются. Движения танцовщиц мягкие, певучие.
Смотрите, люди: вот они, Лавсан, Перлон, Нитрон!
Радуйтесь, девушки, эти химические ткани сделают вас еще красивее, украсят вашу жизнь.
Картина пятая.
Снова пшеничное поле. Хлеба созрели богатые. Колосья волнуются, перешептываются, низко кланяются Волшебнице Химии — ведь это она помогла им выстоять, подняться.
Комбайн скашивает спелые хлеба.

И вот уже веселые Пекари пекут румяные белоснежные булочки. О, как вкусно они пахнут!
Задорные девчата и парни поют частушки о мастерице на все руки.
Народ благодарит Волшебницу Химию, славит ее искусство, всемогущую силу. Радуются люди, танцуют, пляшут, веселятся [12, с. 79–82].

Многочисленные публикации о химизации в СССР и призывы к работникам художественной самодеятельности поддержать ее не могли пройти мимо Н. Н. Карташовой и, тем более, ее мужа, который был секретарем печатного органа Челябинского обкома КПСС и, что называется, держал руку на пульсе событий. Скорее всего, именно Р. Ф. Шнейвайс подсказал Н. Н. Карташовой идею хореографического спектакля на химическую тему и был автором или соавтором либретто к нему. Известно, что мнение мужа для Карташовой было очень весомо. Кроме того, он писал либретто для ее сюжетных постановок и влиял на постановочный процесс. Очевидцы вспоминают, что, поставив вчерне какую-либо большую сюиту, Н. Н. Карташова приглашала супруга на просмотр, и на следующей репетиции многое меняла — видимо, по его совету⁸.

В одном из многочисленных интервью Н. Н. Карташова открыто указала на политический характер импульса к постановке: «Когда ЦК КПСС выдвинул программу развития в стране химической промышленности, мы решили включиться в пропаганду химии и подготовили сюиту “Мастерица на все руки”» [10, с. 48]. Задним числом Н. Н. Карташова описывала хореографическую сюиту на химическую тему как безусловную удачу и плод дружного сотрудничества с В. И. Бондаревой: «“Мастерица” была поставлена мной и Верой Ивановной Бондаревой, моей бывшей ученицей, заменившей сейчас меня на посту руководителя ансамбля. Сначала Вера заменила меня в Магнитогорске, а теперь здесь. И я искренне радуюсь зрелому мастерству Бондаревой, ее таланту и энергии.

Химия и танцы?

На заседании жюри главный балетмейстер Ашхабадской оперы Л. Воскресенская, впервые смотревшая тракторозаводскую самодеятельность, говорила:

– В моей голове просто не укладывалось, как это можно поставить танцы о химии?! Но когда я увидела сюиту тракторозаводцев, мои сомнения рассеялись. Я была глубоко взволнована, увлечена, обрадована» [12, с. 79].

Приведенная цитата не позволяет, однако, читателю разобраться в том, как осуществлялось разделение труда в тандеме Карташова — Бондарева. Устный рассказ В. И. Бондаревой за три года до смерти разрушает парадно-гармоничную картину безоблачного взаимопонимания двух балетмейстеров и шумного успеха их детища. Он помогает заглянуть за кулисы постановочной работы и приблизиться к ответам на вопросы о местных, микрополитических импульсах к созданию «химической сюиты» и причинам ее недолговечности.

С постановки «Мастерицы на все руки» начался шестилетний период работы В. И. Бондаревой под фактическим руководством Н. Н. Карташовой, которым новая официальная руководительница ансамбля тяготилась. Инициатива такого сотрудничества исходила от Карташовой. Не исключено, что идея прославления химического прогресса отчасти была близка ей благодаря личным впечатлениям от гастрольного посещения Японии четырьмя годами ранее, о быте населения которой она, помимо прочего, писала в июне 1960 года следующее: «В магазинах много товаров. Здесь властвует химия — нейлон, капрон и другие синтетические материалы. Надо отдать справедливость японцам: они широко и умело используют синтетические волокна для изготовления красивых, удобных вещей. Но все это дорого» [11].

По словам В. И. Бондаревой, ставить во Дворце культуры ЧТЗ сюиту о «большой химии» решила Н. Н. Карташова: «И пришла Карташова. И предложила тему она такую: “Мастерица на все руки”. “...Верочка, ты будешь ставить танцы. Я написала сценарий, я буду режиссером”»⁹.

«Верочка» такого сотрудничества не желала — их танцевальная стилистика не совпадала. Но и отказать маститому и уважаемому хореографу она не могла. В. И. Бондаревой приходилось уступать: «Она мне дает задание: “Вера, поставь Ботинки и Пальто”. Ну вот... ну вот ни в какой клеточке мне головного мозга не откладывается, как я поставлю Пальто, как я поставлю Ботинки. Костюмы, что ли, такие делать? Ну, синтетическая обувь, чтобы она танцевала, чтоб танцевали, значит, пальто

8

Интервью с В. П. Карачинцевым от 24 декабря 2014 года (из архива автора).

9

Интервью с В. И. Бондаревой...

кожаные... Людей невидимками делать... чтобы они отплясывали? У меня ум за разум заходил, ум за разум заходил вот от ее этих предложений. Как же? Я не могу... И вдруг она: “Ну хорошо, у тебя не получается — я поставлю!” И она берет “стариков”... и начинает с ними делать... и ставит: они в кожаных пальто, они — в ботинках. Она просто делает ритмы, они там парой там как бы красуются друг перед другом. Просто надень любой костюм — и будет любой перепляс. Понимаете? Для меня такое искусство было дикое. Я не понимала. Я и до сих пор его не понимаю. Для меня это дико. <...> Так я до этого и не доросла... Остальное я все ставила»¹⁰.

Однако талантливый человек может раздвинуть тесное пространство несвободы и найти нишу для творческой работы, рождающей интерес и радость: «Я ставила, ставила, мне это не нравилось. Я видела, что это несовместимо. <...> И вот, например, она мне: “Вера, мне надо синтетический вальс”, — в эту “Мастерицу на все руки”. Химия, то есть капрон. <...> У меня вдруг мелькнула такая мысль: подвесить круг — ну, я ведь еще и фантазерка была — повесить круг железный на колосниках, привязать по шесть метров материала, по ним спускалась колонна из двенадцати цветов спектра. В центре стояла Мастерица-Химия... а этот материал ее прикрывал. Он был матовый... Выбегали девушки в бальных платьицах, легко одетые, по-современному, девочки. <...> Выбегали они, брали эти материалы. Стояла там Химия с палочкой, как волшебница-хозяйка, проводила по ним, и они начинали танцевать. <...> Не отрываясь, они бегали по кругу, не отрываясь, они переплетения разные делали. Что там только не было по рисунку! Это такой изумительный был вальс! Изумительный получился вальс! Конечно, зритель просто захлебывался»¹¹.

Одно из немногих прямых столкновений В. И. Бондаревой с Н. Н. Карташовой, в котором новый руководитель в очередной раз уступила прежнему, состоялось по поводу музыки к «вальсу искусственных тканей»: «У меня, может, другая

была бы музыка. Она мне говорит: “Будешь делать под «Маскарад»”¹². Я ей говорю: “Наталья Николаевна!.. Это трагический... вальс!” “Нет, он мне нравится. Кто там знает?..” И, в общем, мне пришлось делать под этот вальс. Меня коробило. Но — я исполнитель. Я делала под этот вальс»¹³.

Из рассказа В. И. Бондаревой следует, что успех нового хореографического произведения в профессиональной среде был отнюдь не бесспорным: «И когда мы поставили “Мастерицу на все руки”, она (Н. Н. Карташова.— И. Н.) позвала комиссию. Приехала комиссия из Москвы. Режиссер какой-то, балетмейстер, просидел в ложе, просмотрел эту “Мастерицу на все руки”. <...> Он раздраконил... в пух и прах. Он сказал...: “Наталья Николаевна, это эклектика, Вы смешали одно с другим”. Особенно за вальс он ругался. “Это трагедийный... вальс. Понимаете? ...Если бы услышал композитор... он бы был в шоке. Вы что сделали? Нельзя таких вещей делать! Нужно вальс? Вальс изумительный! Но нельзя под этот вальс”. Вальс — он понравился по постановке. Говорит: “Талантливо поставлен!”»¹⁴.

Изумление Л. В. Воскресенской по поводу возможности хореографической композиции на химическую тематику В. И. Бондарева подтвердила, однако оговорилась, что приехавшая из Ашхабада балетмейстер «видела только Карташову»¹⁵. Бондарева имела в виду тот факт, что первоначально на афише и режиссером, и постановщиком значилась заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Н. Карташова, а самой Бондаревой был отведен статус руководителя коллектива, без указаний на ее вклад в постановку «Мастерицы на все руки»: «Я оскорбилась. Мне же обидно: я же работала на износ, я же прихожу без рук, без ног, без головы. А я никто!.. Об меня просто можно вытереть ноги»¹⁶.

12

Имеется в виду вальс В. В. Пушкина к фильму С. А. Герасимова «Маскарад» (1941), снятый по одноименной драме М. Ю. Лермонтова к столетию со дня смерти поэта.

13

Интервью с В. И. Бондаревой...

14

Там же.

15

Там же.

16

Там же.

10

Интервью с В. И. Бондаревой...

11

Там же.

«Мастерица на все руки».
Картины 2 (вверху) и 3

Возмущенная несправедливостью, В. И. Бондарева решила уволиться и вернуться в Магнитогорск. Придя на прием к директору дворца, она попросила после успешного завершения постановки и ее показа подписать ей заявление на увольнение и отпустить из Челябинска в Магнитогорск, где ее, как она надеялась, пока еще ждали.

Однако и в дирекции Дворца культуры, и в завкоме ЧТЗ ее просили потерпеть. Не укрылось настроение В. И. Бондаревой и от Н. Н. Карташовой. Была выпущена вторая афиша, на которой Бондарева значилась балетмейстером сюиты.

Несправедливость, якобы устраненная исправлением афиши, по мнению В. И. Бондаревой, сохранялась, нанося ей все новые моральные травмы. Так, бухгалтер Дворца культуры по секрету показала Бондаревой зарплатную ведомость, согласно которой Карташова получала за постановку внушительный гонорар, в то время как Бондаревой полагалась только скромная зарплата в 100 рублей в месяц — оплата труда в клубной сфере была весьма аскетичной. «Я, конечно, дома реву. Я не могу никому ничего сказать. Потому что скажут: “Ты завидуешь... ты не доросла до этого, она — величина, ты — ничто! Вот живи и учись!” Ну и вот так вот жила и училась»¹⁷.

История смены руководства танцевального ансамбля и постановки «Мастерицы на все руки» обнажает принципиальные различия в мироощущении и поведении двух постановщиц хореографической сюиты. Н. Н. Карташова не сомневалась в своих силах, уверенно опиралась на старомодный хореографический канон 1930-х годов, пользовалась знаниями, опытом и возможностями супруга, была окружена дружной семьей и всеобщим вниманием. В. И. Бондарева страдала от саморефлексии и одиночества. В период вынужденной работы над сюитой о химическом прогрессе хореограф чувствовала себя во Дворце культуры ЧТЗ неуютно. Причиной тому было несчастное стечение обстоятельств: не сложившаяся личная жизнь и вынужденное бегство из Магнитогорска, настороженно-враждебный прием, оказанный ей коллективом, сложные отношения с всеильной предшественни-

цей, собственные высокие профессиональные амбиции при формальном отсутствии классического хореографического образования, дефицит которого при желании всегда можно было ей предъявить. При этом ее отличали развитая хореографическая фантазия и дух творческого эксперимента.

Драматичное развитие постановочного процесса еще не дает, однако, ответа на вопрос о том, почему сценическая жизнь «Мастерицы на все руки» оказалась скоротечной. Почему же после, казалось бы, успешной премьеры спектакль был исключен из программы?

Причины изъятия «химической сюиты» из программы

История танцевальной сюиты «Мастерица на все руки» обнажает страсти, кипевшие под празднично-парадной поверхностью государственного проекта художественной самодеятельности. Сюиту вызвало к жизни, скорее всего, желание прежнего руководителя ансамбля народного танца восстановить пошатнувшийся авторитет, «приручить» нового и перспективного руководителя и балетмейстера. В. И. Бондарева была вынуждена идти на компромисс с потенциальным соперником гораздо большей весовой категории. Редкое стечение благоприятных обстоятельств — начало новой пропагандистской кампании, опыт пропагандистских постановок у Н. Н. Карташовой, поддержка супруга — маститого журналиста Р. Ф. Шнейвайса, готового словом и делом поддержать любимую жену и практиковавшего и ранее создание для нее сценариев для постановок танцевальных сюит на актуальные темы, будь то кукуруза или космос, наконец, возможность интенсивно использовать опыт и талант молодого, изобретательного и невероятно работоспособного балетмейстера — все это позволило необычайно быстро, за считанные месяцы, в разгар кампании, создать новую сюиту. Вероятно, Н. Н. Карташова делала на нее серьезную ставку, раз пригласила для ее оценки высокую столичную комиссию. Однако отрицательная оценка сюиты смешала карты режиссера и постановщика.

17

Интервью с В. И. Бондаревой...

Критика московского балетмейстера была, однако, лишь одной из многих причин непродолжительной сценической жизни «Мастерицы на все руки». В. И. Бондарева параллельно с постановкой «химической сюиты» стремительно и успешно готовила собственную программу. Это позволило без образования репертуарных пустот отказаться от неудачной постановки.

Важную роль, видимо, сыграло и отрицательное отношение В. И. Бондаревой к эстетическому хореографическому символу веры Н. Н. Карташовой, воспроизводившему морально стремительно устаревший сталинский канон социалистического реализма в хореографии, воплотившийся в так называемых драматических балетах («драмбалетах» — на советском хореографическом жаргоне).

Суть драмбалетной пластики состояла в подмене собственно хореографического языка пантомимой, которая должна была быть понятной малоискушенному советскому зрителю. Первые плоды драмбалетных поисков оказались впечатляющими. Достаточно вспомнить балеты «Бахчисарайский

фонтан» на музыку Б. В. Асафьева (Большой театр, 1934) и «Ромео и Джульетта» на музыку С. С. Прокофьева (Ленинградский академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова, 1940; Большой театр, 1946), поставленные соответственно Р. В. Захаровым и Л. М. Лавровским, отмеченные высокими правительственными наградами и зрительской любовью. Однако в целом советские хореографы в поиске нового языка советской хореографии пошли по пути наименьшего, в политическом и эстетическом отношении, сопротивления. Они воспользовались концепцией социалистического реализма, которая в начале 1930-х годов была объявлена официальным и единственно верным ориентиром советских деятелей литературы и искусства. Во всех видах искусства, от музыки до архитектуры, социалистический реализм породил, помимо прочего, эстетику литературоцентризма — создание произведений искусства, без труда «читаемых» (то есть переводимых в слово) советскими гражданами, которых предстояло окультуривать и воспитывать в социалистическом духе.

Однако долгосрочный эффект драмбалетной пластики не соответствовал замыслам ее создателей. «Безъязыкость и, как следствие, безличность (в итоге — рост ремесленничества) — таковы последствия господства “драмбалета”», — писал знаменитый советский балетовед Ю. И. Слонимский в 1960-е годы [22, с. 303]. У театральной публики, ядро которой в послевоенном СССР уже невозможно было квалифицировать как «темное» и «некультурное», устаревшая соцреалистическая хореографическая продукция способна была вызвать нежелательный эффект. «То, что оправдывалось когда-то незрелостью искусства, — писал Слонимский, — становится по мере его зрелости все более уродливым, смехотворным» [Там же, с. 61].

Вероятно, к середине 1960-х годов ремесленную эстетику драмбалета переросли и челябинцы. Если экологическое сознание советского человека еще могло мириться с представлением об исключительной пользе химических удобрений и ядохимикатов, то наивный пропагандистский пафос сюиты, перенасыщенный пантомимой, партийными лозунгами и плакатами, рассчитанный на малограмотного зрителя (даже не знакомого с музыкой к кинофильму «Маскарад!»), должен был вызывать в середине 1960-х годов смеховой эффект.

Но не противоречит ли это утверждение теплому приему зрительным залом сюиты о прогрессе химической промышленности? В случае премьеры «Мастерицы на все руки» смеховая реакция зрителей тормозилась, скорее всего, обстоятельством, типичным для самодеятельного искусства. У советской самодеятельности была своя благодарная аудитория. Она состояла из искренне сопереживающих родственников, близких, коллег и друзей артистов, выступавших на сцене. Поэтому доброджелательный прием на премьерном просмотре, который отметил и журналистский репортаж о пре-

мьере «Мастерицы на все руки», спектаклю был обеспечен. Тем более что некоторые танцевальные номера — прежде всего вальс химических тканей, — видимо, действительно были творческой удачей. Но перспектива на большой успех спектакля в «чужой» аудитории была невелика. Да и гастролировать со спектаклем, перенасыщенным костюмами, декорациями и реквизитом, было затруднительно.

Хотя значительная часть зрителей к 1960-м годам переросла драмбалетные спектакли, профессиональные и самодеятельные хореографы по инерции продолжали осуществлять постановки с морально устаревшей эстетикой. Природа этой инерции также имела политический характер: сторонники драмбалета располагали в советском хореографическом мире не только при И. В. Сталине, но и при Н. С. Хрущеве значительным перевесом сил, поскольку в их арсенале было сокрушительное оружие — возможность обвинить своих противников в увлечении формой, а значит, в безыдейности и, в конечном счете, в антисоветских настроениях, на языке советской культурной бюрократии коротко именовавшихся страшным словом — «формализм».

Однако решающую роль в исчезновении «Мастерицы на все руки» из репертуара тракторозаводских танцоров сыграла, скорее всего, отставка Н. С. Хрущева в октябре 1964 года. Из клубного репертуара, дабы избежать подозрений в нелояльности администрации дворцов культуры и хореографов к новому партийному руководству и его курсу, спешно и бесшумно изымалось все, что ассоциировалось с именем свергнутого партийного лидера. Вместе с хореографическими постановками о кукурузе — «царице полей» со сцены исчезла и «большая химия». Один политический резон породил сомнительное произведение искусства. Другой его уничтожил.

Список литературы

1. Алексеев К., Стахурский А. Малыши шагают в большую химию // Клуб и художеств. самодеятельность. 1959. № 11. С. 12–14.
2. Белоусов В. «Что волшебнику не под силу» // Там же. 1964. № 16. С. 33–36.
3. Большая химия идет // Там же. С. 37.
4. Большой химии — широкую пропаганду // Там же. № 3. С. 1.
5. Вохминцев В. Одухотворение жизнью // Челяб. рабочий. 1964. 28 мая.
6. Глязер С. Вечер занимательной химии // Клуб и художеств. самодеятельность. 1964. № 17. С. 29–30.
7. Дружинина Э. Б. Карташова Наталья Николаевна // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / под ред. К. Н. Бочкарева. Челябинск : Камен. пояс, 2006. Т. 3. С. 122.
8. Захаров Р. В. Опыт профессионалов — танцевальным кружкам // Клуб и художеств. самодеятельность. 1959. № 5. С. 33–36.
9. Калганова К. Химия — народу // Там же. 1964. № 13. С. 5–6.
10. Карташова Н. Н. Заметки о работе с самодеятельным хореографическим коллективом // Танцуют уральцы : сб. ст. / под ред. А. И. Лазарева. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975.
11. Карташова Н. Н. Месяц в Японии: путевые заметки // Челяб. рабочий. 1960. 8 июня, 9 июня, 10 июня.
12. Карташова Н. Приглашение к танцу: записки балетмейстера. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965. 84 с.
13. Кузярова Т. Е. Бондарева Вера Ивановна // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / под ред. К. Н. Бочкарева. Челябинск : Камен. пояс, 2003. Т. 1. С. 465–466.
14. Маковский А. Шире шаг, большая химия // Клуб и художеств. самодеятельность. 1964. № 8. С. 2–3.
15. Молчанова Н. Химия — народному хозяйству // Клуб. 1958. № 7. С. 22–23.
16. Нарский И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогли и что из этого вышло? Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 752 с.
17. Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. Изд. 9-е. М., 1986. Т. 10. С. 398–415.
18. Полетаева Н. В. «Самоцветы» // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / под ред. К. Н. Бочкарева. Челябинск : Камен. пояс, 2006. Т. 5. С. 739.
19. Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории. 1917–1932 гг. / под ред. Л. П. Солнцевой и др. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 534 с.
20. Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории. 1930–1950 гг. / под ред. Л. П. Солнцевой и др. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 552 с.
21. Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории. Конец 1950-х — начало 1990-х годов. / под ред. Л. П. Солнцевой и др. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 472 с.
22. Слонимский Ю. В честь танца. М. : Искусство, 1968. 368 с.
23. Уральская В. И. Нужна ли нам классика? // Клуб и художеств. самодеятельность. 1966. № 10. С. 30–31.
24. Ускорение химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 10. М., 1986. С. 378–303.
25. Эйдельман А. Химия шагает в коммунизм // Клуб и художеств. самодеятельность. 1964. № 10. С. 7.

М. Н. Потемкина. ШЕЛ ПО ГОРОДУ ТРАМВАЙ...

«« Наблюдаю такую картину. Поезду пора бы трогаться, а он задерживается. Оказывается, водитель увидела бегущую женщину и решила подождать ее. Эти несколько секунд она сможет наверстать в пути, а человека выручит. Обратила я внимание, что ни разу вожатая не закрыла дверь перед человеком, как нередко еще бывает в других поездах.

Нина Александровна четко, громко объявляет название остановок: тут и рассеянный человек не проедет мимо. Водитель не навязчиво, но очень кстати, напоминает пассажирам, что надо быть осторожным при выходе из вагона, соблюдать правила уличного движения.

Вот трамвай остановился на Комсомольской площади. Десятки рабочих плотной толпой выйдут из вагона. А вслед им слышится добрый голос вожатого с пожеланиями трудовых успехов, счастливой вахты...» [13].

Эта идиллическая картина описана в газете «Магнитогорский рабочий» за 1964 год. Так ли было на самом деле? Какую роль играет трамвай в жизни современного города, и есть ли будущее у этого вида транспорта? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в прошлое...

Трамвай — это вид уличного рельсового общественного транспорта (обычно на электротяге) для перевозки пассажиров по заранее заданным маршрутам, используемый в городах. Трамвай является одним из старейших видов городского пассажирского общественного транспорта. На сегодняшний день трамваи функционируют в 63 городах России с населением от 8 тысяч до более 12 миллионов человек.

Один из таких городов — Магнитогорск. В чем-то типичный, в чем-то уникальный...

Начало исследовательского интереса к истории трамвая положили документы муниципального предприятия «Маггортранс», у которых давно вышел положенный срок хранения и которые у руководства предприятия «рука не поднялась выбросить». А потом оказалось, что «страсти вокруг трамвая» всегда находились под пристальным вниманием местной прессы. Все эти источники были дополнены увлекательными рассказами ветеранов трамвайного движения. Так появилась эта история...

Пуск первого трамвая в Магнитогорске состоялся в 1935 году (напомним, что сам город был основан в 1929 году). В 1939 году началось регулярное движение трамваев до железнодорожного вокзала (ныне станция Товарная). Однако этот маршрут оставался единственным до 1947 года.

Трамвай прорубил окно в Европу! Строительство новых трамвай- ных линий

Своеобразное расположение города диктовало траекторию строящихся трамвайных линий. До 1939 года и завод, и жилая зона располагались исключительно на левом берегу реки Урал. Река делит на две части не только город, по ней официально проходит граница Европы и Азии. В 1939 году на правом берегу реки был заложен первый капитальный дом на первой улице, позднее названной Уральской. К 1945 году население правобережной части города уже составляло 25 тысяч человек. Но по состоянию на середину 1945 года никакой транспортной инфраструктуры в правобережной части не существовало, добираться до комбината ежедневно приходилось пешком.

Сегодня, по сути, весь город располагается на правом берегу Урала, на левом остались промышленная зона да частично старые жилые постройки. Такая структура расселения горожан продиктована также экологической ситуацией. Проложить трамвайный путь с левого берега на правый предполагалось еще с 1940-е годы, но помешала война. Строительство началось с ее окончанием.

Первым этапом стала новая трамвайная линия, соединившая 13-й участок с дамбой на правом берегу (без переезда через дамбу). Общая протяженность пути составила 4,25 километра.

Вторым этапом стало строительство новой трамвайной линии протяженностью 2,7 километра, соединившей левый и правый берега. Ее пуск состоялся в 1948 году, на маршруте курсировали три трамвая.

Прокладка трамвайной линии с левого берега на правый стало поистине всенародной стройкой. Достаточно сказать, что на первом этапе только земляных работ выполнено в объеме 400 тысяч кубометров, уложено путей нормальной колеи 9250 погонных метров, залито бетона и железобетона — свыше 7000 кубометров, уложено дорожных и тротуарных покрытий 48 тысяч квадратных метров. Стоимость выполненных работ превысила 6,5 миллиона рублей. Много трудностей пришлось преодолеть строителям при постройке нового

участка трамвайного пути. На значительном протяжении трассы надо было укладывать большие земляные насыпи по сильно заболоченной территории, пробивать громадную свалку зеленых шлаков. Осложнялись работы тем, что путь проходил по топкой болотистой местности, всю весну и лето 1945 года, для того чтобы забутить болото на расстоянии 800 метров, завозился заводской мусор — 150–160 кубометров ежедневно.

Чтобы осуществить переход трамвайных путей через проходящие в этом районе железнодорожные пути комбината, понадобилось построить специальный железобетонный мост и большую насыпь.

Целью третьего этапа строительства было соединить трамвайной линией дамбу заводского пруда с поселком Крылова на правом берегу Урала. Эта линия протяженностью 4,5 километра была пущена 12 марта 1950 года. Вот как описывали это событие в городской газете: «Радостное возбуждение царило вчера на улицах правобережного города. Жители новых кварталов, индивидуальных домов спешили на центральную магистраль города, где, поблескивая на солнце зеркальными окнами, проходил первый трамвай по новой трассе. ...Первый вагон трогается по новой трассе. Его ведет стажировка трамвайного парка Мария Попкова. — Комсомольская! — называет остановку кондуктор. В вагон входят пассажиры. ...Кондуктор объявляет новые остановки: Кинотеатр. Суворовская. Средне-Уральская. Поселок им. Крылова». Конечно, описание пуска новой линии носит несколько пафосный оттенок, но это печать времени. Радость жителей правобережья была неподдельной.

В дальнейшем протяженность трамвайных линий увеличивалась, открывались новые маршруты. В 1955 году был открыт новый прямой маршрут — «Правый берег — Вокзал». По генеральному плану строительства Магнитогорска река Урал должна пересекаться несколькими мостовыми переходами: Северным, Центральным, Южным. Строительство Южного перехода — громадного плотинно-мостового сооружения длиной более двух километров и шириной 30 метров — было начато в 1951 году. Кроме трамвайной линии по переходу были проложены автогужевая дорога и асфальтированные

тротуары. Пассажирские рейсы трамваев по Южному переходу начались 9 марта 1960 года.

Минимум полтора часа требовалось, живущим на правом берегу, работникам калибровочного завода, чтобы добраться от дома до места работы. Долгожданная трамвайная линия, связавшая Правобережье с районом калибровочного завода, вступила в строй в декабре 1967 года. Когда установился нормальный ритм движения, путь на трамвае от площади Свердлова до калибровочного завода стал занимать не больше 20 минут.

В 1975 году был открыт самый протяженный в городе маршрут — № 1. Трамвай под этим номером шел от конечной остановки на улице Труда через Южный переход до РИСа. Строительство новых трамвайных путей продолжалось и в 1970–80-е годы, в основном в южной части города — районе новостроек. Там проживало и проживает большая часть населения Магнитогорска (на 1988 год было более 250 тысяч человек).

Обслуживание и ремонтная база. Там, где лечат трамваи

По регламенту, профилактику трамвайные поезда должны проходить через сутки. В Магнитогорске профиль трамвайного пути относится к категории трудных. По общепринятым техническим нормам, поезда в этом случае должны проходить осмотр ежедневно. А вот после того как вагон проходит 5000 километров, ему полагается ремонт № 1, который представляет собой более тщательную профилактику без подъёмки. Затем по мере увеличения пробега требуется ремонт с подъёмкой, средний ремонт, большой и, наконец, капитальный ремонт. Эти правила не всегда соблюдались. Причин было несколько: отдаленное расположение трамвайных депо, недостаточная их оснащённость, перебои со снабжением запчастями и т. д.

Вот типичные примеры: «Чтобы осмотреть вагон, его необходимо направить на левый берег в депо. Там он будет часа два ожидать очереди пока освободится канава, а когда попадет, наконец, на канаву, вагоновожатой заявят: “Ваше время кончается, выезжайте на линию”. Из-за такой спешки

при осмотрах вагоны очень часто выходят из строя и возвращаются опять на канаву для длительного ремонта»; «Поезд № 16, например, стоит на капитальном ремонте... три года из-за отсутствия провода».

Все это приводило к снижению коэффициента использования подвижного состава. В середине 1960-х годов он равнялся 78 процентам. Часть подвижного состава не использовалась из-за отсутствия обслуживающего персонала. В соответствии с общепринятыми нормами на каждый трамвайный поезд должно было приходиться десять человек обслуживающего персонала. В трамвайном цехе комбината эта цифра составляла лишь 4,5 (данные на 1958 год). Однако вагоноремонтные мастерские и депо не справлялись с планом ремонта не только из-за недостатка людей, плохого снабжения запасными частями и материалами, но и из-за тесноты, малой пропускной способности. На капитальный ремонт поезда приходилось отправлять в Ленинград и Москву, что приводило к значительным временным и финансовым затратам.

Простои поездов в депо и сход их с маршрутов влекли за собой срыв графика движения и увеличение интервалов между поездами в два-три раза.

Комфорт и безопасность трамвайного движения во многом зависят от качества трамвайной инфраструктуры. Постоянной заботой трамвайщиков были такие вопросы, как освещение путей и остановок, оснащение остановок скамейками и урнами, озеленение обочин вдоль трамвайной линии, защита от снежных заносов. В условиях суровой уральской зимы необходимо было оборудовать буфеты, комнаты отдыха для водителей, чтобы им было где обогреться и подкрепиться во время трудной зимней смены.

Менялся и обустроивался город, менялись названия трамвайных остановок. В 1951 году исполком городского Совета депутатов трудящихся своим решением от 28 марта переименовал некоторые трамвайные остановки. Действительно, в наследие от времен большой промышленной стройки остались и названия трамвайных остановок: «Щитовые», «11-й участок», «13-й участок», «5-й участок», «Малый тринадцатый», «ЖДТ», «Прокат», «5-я проходная», «Правый берег».

Теперь же они стали пусть не совсем лирическими, но все же более благозвучными: «Луговая», «Сосновая», «Береговая», «Уральская». Не обошлось и без идеологического влияния: например, появились остановки «Фрунзе», «Орджоникидзе», «Площадь имени Свердлова», «Кинотеатр имени Горького».

Трамвайные вагоны

Трамвайные вагоны, курсировавшие по городу в прошлом веке, покажутся нынешним горожанам некомфортными. По состоянию на конец 1940-х годов трамвайное управление эксплуатировало вагоны моделей Х, М, КТМ-1, КТП-1, МТВ-82, ЛМ-49, ЛП-49. Что же кроется за этими шифрами?

В 1948 году впервые с начала работы магнитогорского электротранспортного хозяйства в него поступили новые вагоны КТМ/КТП-1. Аббревиатуры КТП и КТМ расшифровывались соответственно как «Кировский трамвай моторный» и «Кировский трамвай прицепной». Вагоны производились на Усть-Катавском заводе имени С. М. Кирова с 1947 по 1961 год. Основным отличием от выпускавшихся в довоенный период моделей Х и М был цельнометаллический несущий кузов. Но большая часть деталей вагона продолжала оставаться деревянными: внутренняя обшивка и потолок зашивались березовой фанерой, пол покрывался сосновыми досками, восемь диванов внутри салона тоже были деревянными. Каково же было находиться зимой в этом фанерном «доме»?

Максимальная скорость движения составляла 40 километров в час, масса КТМ — 12,5 тонны, КТП — 8 тонн. Салон освещался восемью 120-вольтными лампами «Сван» мощностью 60 Ватт, кабина обогревалась двумя электротенами. Отопление предусматривалось с помощью двух печей только в кабине водителя, соответственно обогрев салона отсутствовал.

К достоинствам вагонов относились: простота обслуживания и ремонта, высокие динамические свойства, современный для того времени дизайн; к недостаткам — малая вместимость вагонов, плохая звукоизоляция с шумовым воздействием ком-

прессора, дискомфорт для пассажиров (деревянные сиденья, слабое освещение, отсутствие отопления).

В 1949 года трамвайный парк Магнитогорска пополнился новыми поездами МТВ-82 (МТВ — «московский трамвайный вагон», 82 — номер завода, на котором был изготовлен прототип), прибывшими с Рижского вагоностроительного завода. Интересна история создания вагона. Изначально в 1946 году был разработан автобус МТВ-82, после выполнения заказов на заводе осталось много кузовных деталей, и из них предложено было собрать максимально унифицированный трамвай. Первые такие вагоны в связи с тем, что кузов не имел характерных для трамваев скосов, получили прозвище «широколобые». «Широколобий» мог разогнаться до 55 километров в час и вместить 140 пассажиров. Вообще МТВ-82 славился среди вагонов того времени одной из самых мощных тормозных систем. Система расходовала много электроэнергии, однако из-за довольно комфортного салона вагон вызывал любовь у пассажиров, а из-за феноменальной надежности — у трамвайщиков. В салоне устанавливались мягкие сиденья диванного типа. Более того, вагон отапливался двенадцатью электропечами, еще одна электропечь находилась в кабине водителя. Были и неудобства: водительская кабина имела очень маленькие размеры, переборки в дверных проемах не позволяли вносить большой багаж. Пассажир должен был соблюдать осторожность при посадке и высадке, поскольку двери были сконструированы таким образом, что могли вытолкнуть наружу человека, находящегося на подножке в момент их закрывания.

Всего завод № 82 произвел несколько сотен вагонов, затем производство было переведено на Рижский вагоностроительный завод, где вагоны этой модели собирались с 1949 до 1961 год. Надежные и долговечные трамваи модели МТВ82 и сейчас можно увидеть на улицах города. Но служат они не для перевозки пассажиров, а в качестве снегоочистителей.

Вторая поступившая в 1949 году новая модель — трамвай ЛМ-49 с прицепным вагоном ЛП-49 (ЛМ — «Ленинградский моторный», «ЛП» — «Ленинградский прицепной», 49 — год начала серийного выпуска модели). Необычна история их

производства. После Великой Отечественной войны в Ленинграде осталось множество сгоревших или поврежденных вагонов ЛМ/ЛП-33 с уцелевшими рамами. В результате их реставрации появилась модель ЛМ-47, но ввиду большой массы вагон имел плохие динамические характеристики. Тогда в 1948 году группа инженеров-конструкторов приступила к разработке модели, впоследствии названной ЛМ-49.

Трудились эти поезда как одиночными вагонами, так и по системе многих единиц в Ленинграде, Магнитогорске, Новокузнецке, Горьком и Минске. Вагоны отличались надежностью и еще большей вместимостью, чем предыдущие модели — 199 человек. Недостатками были сложное управление и большой расход электроэнергии.

На вагонах ЛМ-49 впервые в истории строительства трамваев применена была схема раздвижных дверей, гораздо более безопасная. К радости водителя и пассажиров, и салон, и кабина оборудовались электротеновыми обогревателями. Но на

практике электропечи часто не работали вследствие экономии расхода электроэнергии. Для молодых читателей следует отметить, что вагоны тех времен не были оборудованы многими привычными нам сегодня приспособлениями, такими как указатели поворота, тормозные огни и громкоговорящие устройства с микрофонами.

В конце 1970-х годов в городах РСФСР под предлогом обновления трамвайного парка эти вагоны были порезаны на металлолом. В Магнитогорске вагоны этой модели работали дольше всех, последний ЛМ-49 был списан в 1987 году.

В начале 1970-х годов в город поступили трамвайные вагоны ЛМ-68. У этой марки был более совершенный запуск двигателей. Новую конструкцию отличало очень мягкое торможение. Удобный салон для пассажиров: просторный, светлый, с большими окнами, хорошим обогревом [15]. Вот как отзывались о них вагоновожатые: «Потом стали приходить ЛМ-68, конечно они стали уже комфортабельные, для водителя вообще хорошо,

потому что стало отопление в кабине. А раньше знаете, в валенках, выдавали спецовку брюки ватные, фуфайку выдавали, вот так вот ходили. Представляете, 8 часов работали без отопления. ...Сиденья мягкие такие были»¹.

«Трамвай должен работать, как хороший часовой механизм»

Всем, кто пользуется общественным транспортом, хочется как можно меньше стоять на остановке в ожидании трамвая. Средний интервал движения поездов в начале 1950-х годов составлял 4–5 минут. График движения рассчитывался в зависимости от количества эксплуатируемых поездов на каждый километр пути и средней скорости движения вагонов. Но на практике существовало множество как объективных, так и субъективных причин, приводящих к нарушению графика движения: неблагоприятные погодные условия, технические неисправности, аварии. Иногда вагонновожатые, следя за соблюдением графика, забывали о пассажирах. Поезда отправлялись, не дожидаясь сигнала кондуктора о завершении посадки, или вообще не останавливались на посадочных площадках. Рабочие корреспонденты активно откликались на единичные случаи нарушений: «На днях я столкнулся с таким фактом: к остановке “Маяковская” подошел трамвай за номером “13”. Не постояв и трех секунд, трамвайный поезд стремительно отправился дальше. В вагонах ехало в это время много рабочих, возвращавшихся с трудовой вахты. И те, кому нужно было сходить на остановке “Маяковская”, стали прыгать на ходу трамвая. Никто из ожидавших на остановке войти в трамвай, конечно не успел. Такая же картина повторилась и на остановке “Гортеатр” и “Проспект им. Чайковского”. Пассажиры, в том числе и я, выразили вагонновожатой свое возмущение по поводу нарушения движения трамвая.— У меня времени не хватает,— ответила вагонновожатая,— я опаздываю к трамвайному кольцу. И вообще не вмешивайтесь не в свое дело». Другим

недостатком являлись нарушения в чередовании маршрутов. Трамвайные поезда то курсировали «пачкообразно», «наступали» друг другу на «пятки», то ждать нужного номера маршрута приходилось в течение продолжительного времени.

В большом городе люди всегда куда-то спешат, потребность в общественном транспорте ощущается круглосуточно, тем более в городе, где значительная часть населения трудится на металлургическом комбинате с непрерывным циклом производства. Интенсивность пассажиропотока в течение суток то росла, то уменьшалась. Динамика пассажиропотока в 1965 году была такова: с 5 до 6 часов утра — 500, с 6 до 7 часов — 6 тысяч, с 7 до 8 часов — 20 тысяч, с 8 до 9 часов — 5 тысяч человек². Уже к пяти часам утра у трамвайных остановок собирались рабочие, которым нужно было попасть в первую смену. Но первый трамвай подходил только в 5 часов 45 минут, а то и в 6 часов. Самый интенсивный пассажиропоток отмечался на Южном переходе: здесь трамваи в утренние часы курсировали с интервалом в одну-две минуты, и еще увеличить количество поездов было попросту невозможно ввиду недостатка электроэнергии. У рабочих вечерней смены — своя беда: как бы не опоздать к трамваю и не возвращаться ночью домой пешком. В 1 час 30 минут ночи весь городской транспорт прекращал работу. Естественно, в самые напряженные часы больше всего и возникало трудностей, беспорядков и недовольств. Где был выход из этого положения?

Некоторые цеха организовали перевозку рабочих с работы и на работу, используя для этой цели внутрицеховой автотранспорт. Но масштабы таких перевозок были крайне малы и невыгодны экономически. Рассредоточить поток пассажиров могло изменение часов работы некоторых промышленных предприятий, на что их руководство идти не хотело. Решению проблемы способствовало строительство новых трамвайных линий, поскольку это улучшало логистику и сэкономило время пассажиров. Так, строительство линии через Северный переход привело к тому, что рабочие калибровочного завода и других предприятий, расположенных

¹ Интервью с Л. Ф. Шкарупа от 15 января 2017 года (архив автора).

² Интервью с Л. Ф. Шкарупа.

в этом районе, до работы преодолевали расстояние в 6 километров вместо 25.

Поскольку трамвай — это сложный технический механизм и транспортное средство повышенной опасности, иногда случались технические неполадки и дорожно-транспортные происшествия. Вот несколько примеров из статистики 1955 года: «24 октября вагон № 45 вынужден был вне плана заходить в депо — сорвало правый карданный вал. 28 октября в вагоне № 9 заклинило полускат — поезд пришлось снять с линии и направить в депо. На следующий день техническая неисправность привела в депо вагон № 30. 8 ноября вагон № 55 был снят с линии из-за неисправности мотора. В тот же день довелось направить в депо и вагон № 40, так как был сорван карданный вал». Во второй половине октября на 13-м участке произошло столкновение автокрана «Январец», принадлежащего тресту «Магнитострой», с вагоном № 42. В результате расхлябанности, проявленной шофером Ганусенко, трамвайное движение было приостановлено на 30 минут. 5 ноября шофер автотранспортного управления треста «Магнитострой» Любарский самосвалом оборвал контактный провод на трамвайном кольце у вокзала. Трамвайное движение пришлось прервать почти на 3 часа. Первого февраля 1970 года у вагона маршрута № 11, только что вышедшего на линию, отвалился электродвигатель [10].

За 1981 год трамвайное управление потеряло 3,5 тысячи вагоно-часов из-за производственных неполадок. Вагоны возвращались в депо по техническим причинам в 906 случаях [5].

Среди множества объективных и субъективных причин аварийности следует отметить некачественные техобслуживание и проверку трамваев перед выходом в рейс, недостаток квалифицированных кадров в вагоноремонтном депо, нехватку и несвоевременное поступление запчастей.

Значительную «лепту» в статистику дорожных происшествий вносили водители трамваев. Только за десять месяцев 1972 года по их вине было совершено 35 происшествий, при этом пострадали 39 человек, шестеро поплатились жизнью. Среди нарушений правил отмечались движение вагона с открытыми дверями, что становилось причиной

выпадения пассажиров из вагона; остановка поезда без включения тормоза, приводящая к наезду на людей, и т. д. Водители, допуская грубые нарушения правил уличного движения и правил технической эксплуатации, отстранялись от вождения поездов и переводились на нижеоплачиваемую работу. В случае совершения преступных деяний виновные привлекались к уголовной ответственности.

Виновниками дорожно-транспортных происшествий становились и пешеходы: они переходили проезжую часть в неустановленных местах, выбегали на дорогу перед близко идущим транспортом, неожиданно появлялись из-за стоящего автобуса или трамвая. Печальных примеров, к сожалению, предостаточно.

«Я б в водители пошел, пусть меня научат!»

С регулярным постоянством в газетах публиковались приглашения на работу водителем и кондуктором трамвая. Вот как описывает в воспоминаниях свое решение стать водителем трамвая Л. Ф. Шкарупа: «Как-то мы сидим с мужем и читаем объявление в газете. Он говорит: “Лид, принимают на водителя трамвая. Иди, поучись на водителя трамвая”. Я говорю: “Я же хотела в Челябинский медицинский поступать”. Он: “Что тебе эта медицина? Вон, у тебя медицина на кровати лежит” (это он про сына, ему тогда семь месяцев было). И в марте 1962 года я пошла учиться на водителя трамвая. Нас тогда “сороковушками” называли, потому что нам стипендию по сорок рублей платили. Это наш второй выпуск был»³.

Чтобы стать вагоновожатым, необходимо было пройти шестимесячные курсы. На курсы принимались лица обоего пола в возрасте от 18 лет с образованием в семь классов. В кондукторы принимали женщин и мужчин не моложе 16 лет. Кондукторы обеспечивались зимней спецодеждой; одиночкам, не имеющим жилья, предоставлялось жилье.

³ Интервью с Л. Ф. Шкарупа.

Условия труда водителя трамвая, хотя со временем менялись в лучшую сторону, в целом оставались очень тяжелыми. Заметим, что абсолютное большинство водителей и кондукторов были женщинами. Вот что вспоминают работники трамвайной службы Магнитогорска: «В КТМ-1 кабина большая, просторная, но холодная была. Ничем не обогревалась. Делали “мерлушки” из шерсти жесткой, для того чтобы протирать “глаз” в замерзшем стекле, при помощи которого можно было смотреть на дорогу. Ездили, протирали ими. Затем поставили стеклообогревы. Печки были сзади, обогревали плохо. В ЛМ-68 кабины обогревались лучше, но под ногами печек тоже не было. Печка сбоку стояла, но кабину очень сильно продувало, так как в полу было много отверстий с проводами, уходящими под вагон. Они были не заделаны, поэтому кабины утепляли сами как могли»⁴.

Помимо низкой комфортности рабочего места у водителей и кондукторов трамвайных поездов был неудобный график работы. Город еще спит, а по пустынным улицам к месту посадки на дежурный трамвай спешат водители, чтобы своевременно прибыть в депо — подготовить вагоны для выхода на линию. «На работу я рано вставала, приемка вагона у нас была без пяти пять. Через тридцать минут выезд. Вставала раньше, чем в четыре

часа, потому что еще вагон убрать нужно было. Водители вагон убирали, подметали, окна мыли. Как в грязном вагоне поедешь?.. Кабина у нас блестящая»⁵ — рассказывала В. Н. Кадырова.

В повседневной работе водитель должен был обладать техническими знаниями и множеством умений и навыков по обслуживанию и ремонту трамвайных вагонов. Специфика профессии формировала особую ментальность, основанную на ответственности и взаимопомощи. В многочисленных интервью водители трамваев отмечали: «Нас все учили делать, начиная с ремонта. Сами ремонтировали вагон, сами болты подтягивали. В профремонтре участвовали, сначала мастер вагон осматривает, мы следом. И под вагон лазили»⁶. В случае возникновения каких-либо неполадок или аварий, водители других трамваев всегда останавливались и оказывали помощь или вызывали ревизоров.

Зарплата водителей была невысокой. Заработок в 1950-е годы составлял до 650–750 рублей в месяц при условии выполнения плана перевозки пассажиров. После денежной реформы 1961 года получать стали 65–75 рублей в месяц. Начинающим водителям платили намного меньше. Лидия Шкарупа вспоминает: «Как-то недавно нашла за 1962 год

4
Интервью с Л. Ф. Шкарупа.

5
Интервью с В. Н. Кадыровой от 13 февраля 2017 года (архив автора).

6
Там же.

Площадь Победы.
Магнитогорск

книжку. Смешно сказать, заработок был 24 рубля, 18 рублей, потом 40 рублей. Удивляюсь, как же мы жили на эти деньги. И одевались, и в кино ходили, и вечеринки делали, и за город ездили»⁷.

Постоянной кадровой проблемой была нехватка кондукторов. Например, в 1961 году в трамвайном цехе Магнитогорска не хватало 70 кондукторов. Условия труда были тяжелыми, заработная плата — низкой, работа — нервной и даже опасной. Чтобы закрыть свободные вакансии, руководство трамвайной службы переводило в кондукторы работников других профессий, совершивших дисциплинарные проступки. Это была своего рода форма наказания.

Система оплаты труда была реформирована в январе 1962 года. По новой системе вагоновожатым вместо разрядов присваивалась классность: первый, второй и третий классы. Тарифная ставка для всех трех классов — 65 рублей в месяц, а работающим на двухвагонных четырехосных и новых бесшумных поездах — 70 рублей. Устанавливались доплаты за соблюдение расписания движения поездов, а также за каждый процент перевыполнения месячного финансового плана. Таким образом, при соблюдении этих условий вожатые первого класса могли заработать от 97 до 118 рублей в месяц. Кондукторам присваивались первый и второй классы. Месячный оклад кондуктора составлял всего 50–55 рублей. За выполнение финансового плана им выплачивались два процента от плановой выручки, а при перевыполнении плана — четыре процента за сверхплановую выручку.

Поскольку заработок связан с выручкой, водители, работавшие на маршрутах без кондуктора, получали меньше независимо от качества работы.

В начале 1970-х годов кадровой проблеме стали уделять больше внимания не только в трамвайном управлении, но и на общегородском уровне. Подготовка водителей, слесарей-ремонтников стала осуществляться в системе профтехобразования, создавались комсомольско-молодежные поезда, организовывались конкурсы профессионального мастерства. Победителем такого конкурса в 1972 году стала Валентина Столповская (ей досрочно повы-

сили классную квалификацию), второе место занял Владимир Федоров, третье — Людмила Крысина. В программе конкурса были теоретические вопросы, практическое вождение и... двухминутная информация о городе для пассажиров. Такие конкурсы стали традиционными. Водителей трамваев готовили в училище № 97, принимались туда выпускники 10-х классов, обучение длилось шесть месяцев, стипендия в 1980-е годы составляла 115 рублей.

Существовала система поощрений и наказаний. Невыходы на работу часто не оформлялись как прогулы. Особенно это касалось молодых работников, преимущественно девушек. Существовала негласная система круговой поруки, работники прикрывали друг друга. «Сколько я спасла от прогулов. Девчонки молодые, просят, жалко их, ведь уволят. Говорю, пиши быстро заявление задним числом. Иду к начальнику — вот говорю, заявление лежало, а я забыла. Но и начальство у нас было понимающее». За серьезные проступки выносили выговоры, лишали премий, переводили временно на низкооплачиваемую работу (например, кондуктором). Система поощрений носила преимущественно моральный характер: вручались благодарности, грамоты, присваивались почетные звания («Ветеран труда», «Почетный работник транспорта»). Использовались также и материальные стимулы (премии, ценные подарки).

Многие ветераны говорят, что любили свою работу. Профессия водителя трамвая казалась им романтической, разнообразной, интересной. «Я работала и наставником, и начальником маршрута, поэтому вся моя работа была связана с трамваем. А я его до безумия люблю. Мне нравилась сама работа, сама поездка, маршруты, смотреть, как меняется город»⁸.

Определенные требования предъявлялись к внешнему виду и поведению водителя с целью соблюдения правил безопасности. Нельзя было работать без головного убора, обувь должна была быть устойчивой, без каблучков. В. А. Ладова вспоминает: «Как водитель трамвая ты должен быть чистым, опрятным, потому что ты лицо своего

7
Интервью с Л. Ф. Шкарупа.

8
Интервью с Л. Ф. Шкарупа.

Площадь Мира. Магнитогорск

трамвая, а трамвай — это лицо города, поэтому мы должны выглядеть соответственно»⁹.

Профессия водителя была не только трудной, но и опасной. Вот какие истории из своей профессиональной деятельности вспоминают бывшие водители трамвая: «Однажды, когда я работала водителем, ехала я на работу, и мальчишки взяли и бросили камень. Разбили именно то стекло, около которого сидела я. Вот сейчас такие стекла, что они не разбиваются, не разлетаются, они просто трескаются. А тогда, раньше, были простые стекла у нас, конечно. И эти стекла всю меня... я вся в стекле сидела. Я чувствовала, что у меня есть что-то в глазах. Меня на скорую — и увезли. Мне промыли, были порезы маленькие там. Были, конечно, случаи, когда ноги ломали, руки ломали... ...Для нас самая главная болезнь была — сон за управлением, особенно в ночное время, когда утром едешь. Бывали такие случаи, когда водители засыпали, догоняли трамваи и стучались».

⁹ Интервью с В. А. Ладовой от 1 февраля 2017 года (архив автора).

Билеты за проезд

Все, кто помнит поездки на трамвае в 1950–80-е годы, не задумываясь, назовут стоимость проезда — 3 копейки.

Существовали категории населения, обладавшие правом бесплатного проезда: депутаты Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик; Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда; лица, награжденные орденом Славы, при наличии ордена и орденой книжки; персональные пенсионеры; работники милиции в форме; дети дошкольного возраста (по одному на каждого взрослого)¹⁰. По служебным удостоверениям бесплатно ездили работники трамвайного цеха.

Безбилетных пассажиров издревле называли «зайцами». За нарушение правил проезда накладывался штраф, размер которого периодически менялся. В дополнение к правилам пользования трамваем, утвержденным Решением горисполкома от 10 января 1945 года № 15, было установлено 8 декабря 1945 года, что нарушители правил трамвайного движения, отказавшиеся оплатить штраф (10 рублей) на месте, должны были подвергаться задержанию органами милиции и штрафоваться

¹⁰ Решение исполнительного комитета Магнитогорского городского Совета депутатов трудящихся от 10 мая 1949 года № 180.

в трехкратном размере (30 рублей) или отправляться на принудительные работы на срок до 30 суток. Контроль над исполнением решения был возложен на органы милиции¹¹.

Пассажиры проявляли порой чудеса изобретательности, чтобы не платить за проезд. Например, подавали крупную денежную купюру, предполагая, что у кондуктора не будет сдачи. Действительно, кондукторов никто при выезде из трамвайного парка на рейс не обеспечивал разменной монетой. Они «добывали» ее сами.

Проблема безбилетников остро стояла всегда, особенно много о ней писали и говорили в 1960–80-е годы. Какие способы воздействия применялись? Прежде всего контроль. Трамвайные контролеры регулярно проверяли наличие билетов у пассажиров в трамвайных вагонах. За безбилетный проезд налагался штраф, о безбилетниках сообщалось на их работу, их фамилии регулярно звучали в публикациях на страницах местной прессы, фотографии безбилетников вывешивали в трамваях. Но не всегда администрации предприятий или учреждений наказывали своих нерадивых сотрудников.

В 1955 году вслед за крупными городами в Магнитогорске начали внедрять проездные билеты: личные и безличные, месячные и квартальные. Широкая продажа трамвайных билетов в Магнитогорске ослабила неравномерность загрузки вагонов, так как многие, имея проездной билет, получили возможность выбора менее загруженного маршрута, используя пересадки, чтобы не толпиться в переполненном вагоне.

В августе 1957 года управление коммунального хозяйства ММК повысило стоимость месячных проездных билетов (вместо 18 они продавались за 36 рублей). И тут же на правах хозяина подготовило список из 75 своих сотрудников, которые могли пользоваться безбилетным проездом [11].

В 1962 году трамвайное управление металлургического комбината начало продажу месячных трамвайных билетов на предъявителя. По такому

билету любой пассажир мог совершить любое количество поездок. Цена билета составляла 2 рубля 50 копеек [2] (вспомним, что в 1961 году была проведена денежная реформа и номинал денежных купюр уменьшился в десять раз).

Новшеством в 1961 году стали поезда без кондукторов. Но по мере внедрения бескондукторного обслуживания восторги пошли на убыль. Например, в 1962 году ежемесячный план выручки в вагонах без кондуктора был выполнен в среднем на 86 %, в 1969 году этот показатель снизился до 77 %. Между тем в вагонах с кондуктором план выполнялся соответственно на 101 и 122 % [3]. То есть выручка в бескондукторных вагонах была наполовину меньше, чем в вагонах с кондуктором. Ежедневно в конце смены из касс наряду с монетами извлекались различные железки, пуговицы и тому подобный хлам. 29 декабря 1967 года контролеры и работники милиции только за один рейд задержали 72 безбилетников. Так и набегали у трамвайного цеха солидные суммы убытков. Например, за одиннадцать месяцев 1966 года они составили свыше 160 тысяч рублей [9]. Получался замкнутый круг, поскольку трамвайный цех, не имея накоплений, не мог купить необходимые механизмы и материалы для улучшения обслуживания пассажиров.

Но не всегда в безбилетном проезде были виноваты пассажиры. Моторные вагоны, как правило, курсировали без кондуктора. Если у кого-то из пассажиров не было нужной монеты, у кассы начинался диалог: «Гражданин, не бросайте копейку!», «Товарищи, разменяйте пятак!»... Тем, у кого не было разменной монеты, водитель предлагал перейти в прицепной вагон и обратиться к кондуктору. Но не всегда это было возможно сделать в переполненном салоне — дай бог пробраться вовремя к двери и суметь выйти на нужной остановке!

К началу 1970-х годов выход из подобных ситуаций был найден. Вслед за другими городами страны в Магнитогорске начали продавать разовые абонементы. На кассах-автоматах установили компостеры. Кстати, новые вагоны приходили с заводов-изготовителей уже с смонтированными компостерами. Абонементы и проездные билеты можно было приобрести практически в любой торговой точке города, в отделениях связи, сберкассах

11

Решение исполнительного комитета Магнитогорского городского Совета депутатов трудящихся от 8 декабря 1945 года № 483.

и т. д. Киоски «Союзпечати» также снабжались достаточным количеством абонементов и месячных проездных билетов.

Трамвай как коммуникативное пространство

Трамвай — это не только средство передвижения, но и коммуникативное пространство, которое отражает быт и культуру целого города. В 1950–80-е гг. обеспеченность горожан личным автомобильным транспортом была невысока, вследствие чего среднестатистический магнитогорец проводил в общественном транспорте до двух часов в день.

«Мирный быт» царил в трамваях большую часть времени. Но вот наступали часы пик — и началась давка: кто-то не мог войти в трамвай, а кто-то — выйти. Вот типичная байка, ходившая среди жителей Магнитогорска в начале 1950-х годов: «— Почему у тебя на пальто все пуговицы оборваны? — С правого берега на трамвае ехал».

А уж если вагоновожатый, объявляя текущую остановку, не называл заблаговременно следующую, существовал риск не успеть пробраться к выходу вовремя. Люди висели на подножках, спрыгивали во время движения поезда. Городские власти неоднократно принимали решения, обязывавшие горотдел милиции поддерживать порядок при посадке в трамвай в часы наибольшего скопления публики¹².

Культура обслуживания пассажиров является важной составляющей в работе вагоновожатого и кондуктора, Л. Ф. Шкарупа вспоминает: «Во время движения это, прежде всего, внимание: на трассу, на оборудование, двери чтобы закрыты были, чтобы на ходу не открывались, не делать резких торможений, включать поплавец вагон, чтобы пассажиры “не летали” по вагону»¹³. Некоторое облегчение пассажирам принесла радиофикация

поездов, начавшаяся в 1961 году. Теперь при условии добросовестного отношения водителя трамвая к своей работе пассажиры своевременно и четко информировались о ближайшей остановке, маршруте, которым следует поезд.

Случаи грубости и некультурного поведения встречались как со стороны водителей и кондукторов, так и со стороны пассажиров. Наиболее равнодушные магнитогорцы писали жалобы, которые часто публиковались на страницах городской газеты: «Как-то я сделал замечание вагоновожатой поезда № 2 (фамилию установить не удалось). Вожатая угрожающе ответила мне: “Не твоё дело. Если захочу — пойдешь пешком”. Почему, на каком основании работники трамвая позволяют себе так неуважительно обращаться с пассажирами?»

Уровень культуры пассажиров проявлялся и в их отношении к трамвайным вагонам, остановкам: «А что получается? Рано утром уборщики приведут в порядок все трамвайные остановки. А через час на них уже бело от окурков и билетов, хотя в нескольких шагах стоит пустая урна. Некоторые мужчины позволяют себе даже заходить с горячей папиросой в вагон и отвечать грубостью на замечание кондуктора. Проблемой был и вандализм отдельных граждан. Некоторые пассажиры резали и ломали сиденья в вагонах, били стекла».

Способы хулиганства отличались разнообразием: «...мастер электродного цеха метизно-металлургического завода Леонид Егоренков. 30 июня в 11 часов вечера... зашел в вагон № 142. Посмеявшись над теми, кто приобретал билеты, он, не опуская денег в кассу, вырвал из нее большую ленту билетов, стал наматывать их на руку» [8]. В данном конкретном случае пассажиры задержали хулигана. Еще один способ демонстрации своей «силы и смелости» со стороны пассажиров — разжим дверей и выпрыгивание из вагона на ходу. По вине таких хулиганов то и дело ломались дверные тяги, вагоны преждевременно выходили из строя [12].

Не всегда пассажиры уступали место старым или больным людям. Культуру поведения в общественном транспорте приходилось воспитывать годами, используя методы не только убеждения, но и принуждения. Решением исполнительного комитета

12

Решение исполнительного комитета Магнитогорского городского Совета депутатов трудящихся от 8 декабря 1945 года № 483.

13

Интервью с Л. Ф. Шкарупа.

Юбилейный выпуск газеты «Магнитогорский металл»

Магнитогорскому трамваю—25 лет

Ими мы гордимся

Ему скоро два года, разве можно уже считать на дду, шестилетку, а для его работников — это уже не просто работа, а труд.

— Нам пока трудно, скоро мы будем заходить дальше в район, — говорит один из водителей трамвая, — трудней всего нам в день Нового года, когда мы работаем в три смены. Сейчас у нас уже есть водители, а в начале года мы работали в одну смену.

Свой трудной путь он начал с первого дня работы на трамвайной линии. Через несколько дней после того, как трамвайная линия была открыта, он начал работать в качестве кондуктора. Работал он и инспектором, и сейчас работает водителем трамвая. Он знает все о трамвае, о его работе, о его водителях, кондукторах, контролерах. Через несколько месяцев после того, как трамвайная линия была открыта, он начал работать в качестве кондуктора.

Здесь она по курсу должна была учиться, чтобы получить специальность инженера, но она решила поступить в институт. Она поступила в институт и сейчас работает в нем. Она знает все о трамвае, о его работе, о его водителях, кондукторах, контролерах. Через несколько месяцев после того, как трамвайная линия была открыта, она начала работать в качестве кондуктора.

Боле миллиарда пассажиров

Каждый день в Магнитогорске 18 января 1923 года, когда была открыта первая линия трамвая, было много людей, которые пришли посмотреть на новое дело. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Сейчас в городе работает много трамваев, которые перевозят людей по городу. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

На снимке: работники трамвайного парка. В центре — главный инженер трамвайного парка И. Фальковский. Справа — кондуктор трамвая А. Степанов. Слева — кондуктор трамвая В. Степанов. В центре — кондуктор трамвая В. Степанов. Слева — кондуктор трамвая В. Степанов.

Тага и знамням

Трудно представить себе жизнь водителя трамвая без знамен, флагов, которые являются для нас символом чести и достоинства. Каждый водитель трамвая должен знать, как правильно держать знамя, как правильно выносить его.

Вот как это делается. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении.

Восстановить эту трамвайную линию удалось только благодаря тому, что в Магнитогорске работали люди, которые были готовы к этому делу. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

В 1923 году в Магнитогорске была открыта первая линия трамвая. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Теперь, когда в Магнитогорске работает много трамваев, мы можем гордиться тем, что в Магнитогорске работает много трамваев. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Вот как это делается. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении.

ВЫ ЕГО ЗНАЕТЕ

Теперь, когда в Магнитогорске работает много трамваев, мы можем гордиться тем, что в Магнитогорске работает много трамваев. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Вот как это делается. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении.

Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Вот как это делается. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении.

Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Вот как это делается. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении. Когда выносите знамя, вы должны держать его так, чтобы оно было всегда в горизонтальном положении.

Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров. Сейчас же трамвайная линия стала для нас привычным делом. Каждый день в Магнитогорске проезжает более миллиарда пассажиров.

Берите БИЛЕТЫ!

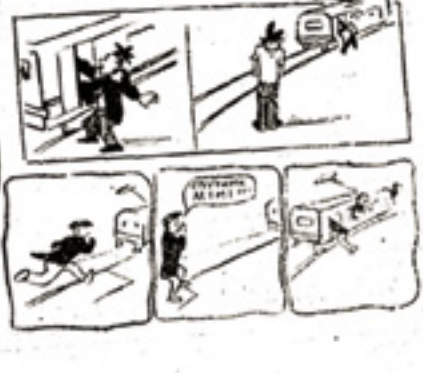
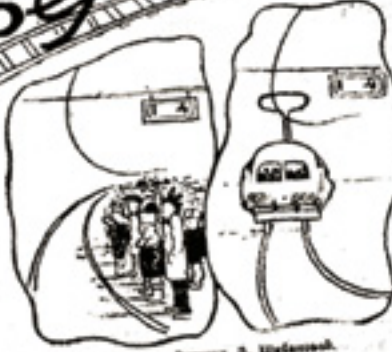

Рисунок А. Степанов

Челябинского областного Совета депутатов трудящихся от 3 апреля 1956 года № 132 запрещались допуск лиц, находящихся в состоянии опьянения, в общественные места (в том числе в трамваи) и продажа таким лицам спиртных напитков. Сотрудники милиции были обязаны привлекать к ответственности не только тех, кто пытался в нетрезвом виде ехать в трамвае, но и работников трамвая, не принимавших мер к немедленному удалению таких людей из поездов.

Бывшая вагоновожатая Бабинцева вспоминает, что были даже случаи угона вагонов пассажирами в состоянии алкогольного опьянения: «На остановке на вокзале водитель пошла отмечаться в ночное время, мужчина, наверное, технику знал, открыл отверткой кабину, включил контроллер тоже отверткой и угнал вагон. Догоняли. Это раза три было»¹⁴.

Всегда есть рассеянные и забывчивые люди. Судьба вещей, забытых пассажирами в трамвайных вагонах, была различной. Иногда они благополучно возвращались к владельцу. «С. Скоробогатых просит разыскать кондуктора трамвая № 9 и поблагодарить от его имени за честность: “По рассеянности я забыл чемодан в трамвае. Она сохранила его. Чемодан мне вручен на станции «Карталы...”» [7]. Этим кондуктором оказалась Нина Дмитриевна Овчаренко.

Таким образом, можно сказать, что история магнитогорского трамвая неразрывно связана с историей города и его жителей. На Южном Урале трамвайные системы сегодня функционируют в Челябинске, Магнитогорске, Златоусте, Усть-Катаве.

Трамваи были основным и важнейшим видом пассажирского транспорта в Магнитогорске. Монопромышленный город, разделенный на промышленную и жилую зоны широкой рекой, с расстояниями в несколько километров делал артерии трамвайных линий жизненно необходимыми для своего функционирования. Новая жилая застройка осуществлялась преимущественно узкой полосой вдоль правого берега реки в южном направлении. Это еще больше повышало значимость общественного транспорта. О масштабе перевозок говорят данные 1981 года. За год трамваем было перевезено 154,5 миллиона человек. Выполнение графика движения составило 96,6 %. Трамвайное управление получило 51 новый вагон, общее их количество составило 342 штуки [6].

В современной России трамвай зачастую рассматривается как устаревший вид транспорта, и значительная часть систем разрушается или стагнирует. Некоторые трамвайные хозяйства прекратили свое существование. Но в Европе и Северной Америке наблюдается настоящий ренессанс этого вида транспорта.

Список литературы

1. Андреев П. А. Из истории электротранспорта в России // Энергетика и промышленность России. 2008. № 23–24.
2. Билет на предъявителя // Магнитогор. рабочий. 1957.
3. Вагоны без кондуктора // Там же. 1969. 21 мая.
4. Вучик В., Калинин А. Транспорт в городах, удобных для жизни. М. : Территория будущего, 2011. 576 с.
5. Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1261–1271. Л. 235.
6. Там же. Л. 234.
7. Добрые дела Нины Овчаренко // Магнитогор. рабочий. 1962.
8. Есть еще и такие... // Там же. 1961.
9. Еще раз о трамвайных «зайцах» // Там же. 1957.
10. На линии — неисправный трамвай // Там же. 1970. 26 февр.
11. Огнев в трамвайном управлении // Там же. 1957.
12. Пассажир в трамвае // Там же. 1964.
13. Скобельцина А. Трамвай ведет Нина Александровна... // Там же.
14. Тархов С. А. и др. Городской электрический транспорт в России, СССР и Российской Федерации: география, история, статистика : энцикл. справ. Н. Новгород, 2007. 368 с.
15. Трамвай «ЛМ-68» // Магнитогор. рабочий. 1970. 8 янв.
16. Фальковская И. Л., Еленская Е. А., Эпштейн Е. Я. История развития Магнитогорского трамвая. 70 лет. Магнитогорск : Магнитогор. ин-т бизнеса, 2005. 37 с.

ПРИБЫЛЬ
ПРЕВЫШЕ
ВСЕГО.
ЧЕСТЬ ВЫШЕ ПРИБЫЛИ

А. С. Дюрягин. **ПЕРВЫЕ ЧЕЛЯБИНСКИЕ БИРЖИ: КАК ЭТО БЫЛО**

В конце 1980-х годов Южный Урал, как и весь Советский Союз, стал «интегрироваться» в новую экономическую реальность. Прежние централизованные структуры, возникшие при старой советской модели экономики, начали уступать место новым, рыночным. Появились средства производства, земля, финансовые ресурсы в валюте и рублях, не характерные для командно-административной экономической системы. Распределение товаров через Госснаб и оптовую сеть Министерства торговли стало ненужным и невозможным.

Появление первой челябинской биржи

В челябинском горисполкоме 20 февраля 1991 года, согласно Закону РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» была зарегистрирована Челябинская инвестиционно-товарная биржа (ЧИТБИ) [45]. По своей организационной форме первая челябинская биржа являлась акционерным обществом закрытого типа [6]. В число учредителей вошли органы советской власти города (Челябинский исполком Совета народных депутатов, Челябинский обком профсоюзов кооперативных предприятий, Управление торговли Челябинской области), некоторые госпредприятия,

такие как завод ЖБИ-1 и кирпичный завод № 2, Челябинский инвестиционный банк и еще целый ряд государственных и общественных предприятий [44]. Всего первоначально было 18 учредителей. Уставный капитал биржи составлял 1,5 миллиона рублей. На эту сумму были выпущены акции, номинал каждой составил 100 тысяч рублей. К маю 1991 года количество членов (учредителей) биржи увеличилось в несколько раз (их насчитывалось свыше 90), а уставный капитал возрос до 10 миллионов рублей. Права всех учредителей биржи были равны: одна акция — один голос. Целью биржи было заявлено создание рынка инвестиций, товаров и ценных бумаг. Основными задачами являлись установление реального соотношения спроса и предложения, вовлечение в рыночный товарооборот излишних запасов товаров, установление между членами ЧИТБИ хозяйственных связей [44]. Биржа могла оказать помощь в организации приватизации предприятий и переходе к акционерной форме собственности, а также в распространении акций этих предприятий.

Для активизации биржевой деятельности ЧИТБИ с первых месяцев работы начала принимать заявки с предложениями о реализации или приобретении биржевого товара. ЧИТБИ являлась биржей закрытого типа: чтобы стать участником биржевых торгов, нужно было являться членом биржи, прибегнуть к услугам брокера из брокерской компании членов биржи либо за отдельную

плату или самостоятельно купить брокерское место на бирже.

Первые торги на ЧИТБИ прошли 14 мая 1991 года в фойе Дворца культуры железнодорожников. В операционный зал для работы на торгах были допущены только члены биржи и представители предприятий, которые приобрели право на брокерское место. Торги регламентировались «Временными правилами биржевой торговли», которые были утверждены биржевым советом ЧИТБИ.

Первые торги вызвали большой интерес у участников. На торгах присутствовали 82 брокерские конторы от 117 членов биржи. Ведущий маклер ознакомил брокеров с порядком проведения торгов, представил членов арбитражной комиссии. Также к услугам брокеров в зале находились представители страховой компании «АСКО», готовые дать гарантию на сохранность приобретенного товара после заключения сделки.

Хотя к торгам готовились почти три месяца, не обошлось без накладок. Маклер по ошибке начал чтение позиций с графы «Спрос». Брокеры путали обязательные жесты, были невнимательны к объявлению товаров. В зале не оказалось брокеров, подавших заявку в графу «Спрос» биржевого бюллетеня, хотя продавцы, готовые удовлетворить спрос, присутствовали [43].

Первой сделкой на ЧИТБИ стала покупка брокером № 40 у брокера № 53 хвойных пиломатериалов на сумму 24 тысячи рублей. Администрация ЧИТБИ подарила участникам первой сделки стиральные машины «Чайка». На первых торгах продавалось практически все: монтажные каски и прогулочная яхта «Ассоль», картины для украшения офисов, шпротный паштет, путевки в пионерский лагерь в Анапу по 1200 рублей каждая и многое другое. Сервис торгов заслужил самую высокую похвалу от участников. На заключение брокерами той или иной сделки уходило всего несколько секунд. Остальное полностью взяла на себя служба регистрации сделок. Продумано было практически все, вплоть до импровизированного кафе, где брокер-покупатель и брокер-продавец могли в спокойной обстановке «отметить» заключение сделки.

Несмотря на двенадцать сделок на общую сумму более миллиона рублей (на других биржах заклю-

чалось по три-четыре сделки в день), предложения принимались с осторожностью. Это можно объяснить новизной биржевого дела. Брокерам необходимо было сориентироваться в ценовом диапазоне, поставить в известность своих клиентов, для чего нужно было время. Связаться прямо из операционного зала со своими фирмами у брокеров не было возможности, так как не у всех имелись телефаксы и компьютеры, как на западных биржах. Несмотря на положительные результаты первых торгов, многие приглашенные наблюдатели за торгами отметили пассивность брокеров.

В августе ЧИТБИ стала устраивать торги по секциям два раза в неделю — по средам и четвергам. Также на торгах начали проводить аукцион по продаже брокерских мест и акций биржи. Котировка акций ЧИТБИ на биржах страны была высока, стартовая цена брокерского места составляла 200 тысяч рублей, а стартовая цена одной акции ЧИТБИ — 500 тысяч рублей [8]. К осени 1991 г. от Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур ЧИТБИ получила лицензию № 6 на право биржевой деятельности на территории РСФСР по товарным секциям: строительные материалы, металлы, оборудование, транспорт, оргтехника, сельхозпродукция и бытовые товары [28]. На основании данной лицензии на бирже были открыты секции стройматериалов, металла, материалов, леса, инвестиций.

На основании лицензии № 5 от 5 сентября 1991 года, выданной Министерством финансов РСФСР и дающей право на осуществление биржевой деятельности на рынке ценных бумаг, при ЧИТБИ был открыт фондовый отдел [42]. Появилась возможность совершать сделки по купле-продаже ценных бумаг: акций предприятий, бирж, банков, брокерских мест на биржах страны, облигаций, депозитных сертификатов, векселей, кредитов и др. Сразу же в Челябинске прошли семинары по вопросам сделок с ценными бумагами и работе фондовой биржи, которые организовали сотрудники ЧИТБИ [7].

Вскоре (31 октября 1991 года) на ЧИТБИ прошел открытый аукцион по продаже ценных бумаг и брокерских мест. На аукционе были представ-

лены акции бирж, банков, акционерных обществ, облигации, депозитные сертификаты, брокерские места и права аренды брокерских мест на биржах страны. Участником аукциона можно было стать, заплатив 500 рублей.

За 1991 г. ЧИТБИ увеличила свой уставный капитал с 1 миллиона 600 тысяч рублей с 16 акционерами до 20 миллионов с 182 акционерами. В этот период прошло более 30 биржевых собраний, заключено 2000 сделок на сумму 500 миллионов рублей. При этом рос и спрос на акции биржи, стоимость которых выросла со 100 тысяч до 500 тысяч рублей. Эти факты являются подтверждением высокого доверия бирже со стороны ее клиентов. При этом биржа делала все, чтобы ее услуги стали доступны как можно большему числу человек. Для этого решено было продавать брокерские места в кредит, с рассрочкой платежа (500 тысяч) на пять лет. Часто проводились открытые торги, в которых мог принять участие любой желающий, заплатив только 500 рублей. Для популяризации биржевых торгов ЧИТБИ даже устроила телевизионные торги. Самый молодой из отделов биржи, фондовый, перешел на еженедельные торги, приучая брокеров к новому пока для них биржевому товару — ценным бумагам [46]. Оборот от сделок с ценными бумагами был незначителен, если сравнивать его с оборотом всей биржи, но он также неуклонно рос. Основным товаром на торгах фондового отдела были акции самой биржи.

Начало деятельности второй челябинской биржи

В период подготовки ЧИТБИ первых торгов в апреле 1991 года в Челябинске проходила VI сессия областного Совета народных депутатов 21-го созыва (23–25 апреля 1991 года), на которой было принято решение об учреждении Челябинской универсальной биржи (ЧУБ) [27]. Уставный капитал новой биржи составил 20 миллионов рублей, он был разделен на 200 именных акций номинальной стоимостью 10 тысяч рублей каждая. Учредителями биржи стали Челябинский облизполком, Челябинская государственная посредническая компания госком-

обеспечения РСФСР, концерн «Южуралстрой», территориально-производственное объединение «Челябинскавтотранс», Агропромсоюз, объединения «Уралавтозавод» и «ЧТЗ имени В. И. Ленина», Управление торговли облизполкома, ЮУЖД, Челябинское предприятие связи и информатики [40].

Закрытое акционерное общество «Челябинская универсальная биржа» была создана с целью организации оптовой торговли, обмена материалами, сырьем, продукцией производственно-технического назначения, товарами народного потребления, для оказания посреднических услуг, обеспечения успешной коммерческой деятельности предприятий и организаций области. Планировалось и проведение операций с ценными бумагами и недвижимостью [9].

4–6 июля 1991 года состоялась учредительная конференция ЧУБ. Новая биржа стала позиционировать себя как универсальная. Кроме товарно-сырьевого, как у ЧИТБИ, на ЧУБ планировалось представить еще 14 направлений: компенсационное (или товарообменное), инновационное фондовое, валютное, лизинговое, недвижимости, муниципальное и др. Организаторы гордились этим, так как ничего подобного у нас в стране пока не было [38]. Первые торги на ЧУБ должны были состояться ориентировочно после 20 сентября. До этого момента предстояло подобрать и обучить минимум 150 брокеров, отладить обслуживающие и исполнительные структуры биржи. На должность президента ЧУБ претендовали два кандидата — президент Московской центральной фондовой биржи Э. В. Теняков и заместитель генерального директора посреднической компании И. М. Ковганько. По результатам тайного голосования президентом Челябинской универсальной биржи был избран Э. В. Теняков. Однако вскоре он был арестован по подозрению в даче взятки должностному лицу, деятельность ЧУБ затормозилась. Первые торги пришлось перенести на более поздний срок.

Несмотря на проблемы ЧУБ первой из челябинских бирж открыла 5 августа 1991 года свой филиал в Магнитогорске, 5 ноября там были проведены первые пробные открытые торги [21]. Подходящего помещения в Магнитогорске не нашлось, поэтому торги состоялись в малом зале Дома Советов, где

раньше проходили пленумы горкома КПСС. Учредители новой биржи планировали сделать магнитогорскую биржу (МАГБИ) крупнейшей в стране по сделкам с металлом [29]. Первые торги на МАГБИ прошли более чем удачно, общая сумма продаж составила 522 миллиона 188 тысяч 615 рублей [39]. Удельный вес заключенных сделок — 92,3 процента. Это был рекорд Союза по объему сделок, заключенных в один день [47]. Такой результат был достигнут благодаря закупке зерна для области. Было куплено 205 тысяч тонн зерна, что составило десятую часть потребности всей области в зерне. Официальное же открытие МАГБИ состоялось 12 декабря 1991 года. К этой дате были приурочены открытые торги, которые прошли — 12 и 13 декабря. Последующие торги стали проводиться еженедельно по четвергам [17].

Первые торги на ЧУБ откладывались из-за отсутствия необходимых лицензий, так как руководство биржи планировало запустить все 14 направлений работы одновременно. Состоялись первые торги только 26 ноября 1991 года.

Вход на торги был платным: 50 рублей — для посетителей; 100 рублей — для участников торгов; 500 рублей — для представителей предприятий и организаций. Несмотря на это зал был полный. Приехали представители 70 регионов страны, выставившие на торги 1137 лотов. Сумма предложений составила 1 миллиард 112 миллионов 506 тысяч 724 рубля 59 копеек. Поэтому организаторы предупредили, что биржевое время ограничено и зачитать все лоты в один день не получится [19]. Несмотря на это общая сумма продаж составила 595 миллионов 425 тысяч 29 рублей 40 копеек. Таким образом, итоги торгов на ЧУБ перекрыли рекорд МАГБИ. Предпочтения при отборе заявок на первые торги отдавалось продовольствию, товарам народного потребления, промышленному оборудованию и технике. Основной объем торгов пришелся на сделку с пшеницей твердых сортов (300 миллионов рублей). Обуви было куплено на 5 миллионов рублей, станков — на такую же сумму, арматуры — на 252 миллиона рублей, два коттеджа ушли за 1 миллион 300 тысяч рублей. В рамках фондового управления были проданы три акции ЧУБ — две за 1 миллион 400 тысяч рублей каждая

и одна за 1 миллион 350 тысяч рублей. Участники торгов при этом отметили жесткий темп работы и суровую дисциплину [26]. В такой обстановке не все успевали реагировать. Именно эти торги напомнили современникам биржевые будни, какими их показывали в западных фильмах [30].

В декабре 1991 года в Челябинской области при поддержке ЧУБ была сформирована еще одна площадка — Троицкая товарно-фондовая агробиржа (ТТФАБ). Она специализировалась на продаже племенного скота, сельскохозяйственной продукции и техники, а также товаров народного потребления. Ценными бумагами ТТФАБ не занималась. Первые торги прошли в здании Троицкого горисполкома 23 января 1992 года. И начала свою деятельность биржа достаточно успешно, реализовав различных товаров на сумму в 6,7 миллиона рублей [37].

В начале 1992 года в Челябинской области сложилась уникальная для Уральского региона ситуация. Наша область вошла в число наиболее развитых инфраструктур финансового и фондового рынка. В Челябинске действовали две независимые биржи, а в области — еще две (в Магнитогорске и Троицке). К этим биржам в начале года присоединилась новая биржевая структура, на которой должны были торговать ценными бумагами.

Возникновение в Челябинске фондовой биржи

Во Дворце культуры железнодорожников 18 марта 1992 года состоялось собрание учредителей ЗАО «Южно-Уральская фондовая биржа» (ЮУФБ), а через два дня она была зарегистрирована [18]. Новая биржа была организована на базе фондового отдела ЧИТБИ. Уставный фонд ЮУФБ составил 5,5 миллиона рублей, он был разделен на 55 простых именных акций номинальной стоимостью 100 тысяч рублей. Обладателями этих акций стали 45 акционеров, в том числе ЧИТБИ, ТТФАБ, Зауральская товарная биржа (Курган), ряд коммерческих структур, банки и другие организации и предприятия. ЮУФБ, согласно уставу, являлась некоммерческой организацией, не преследовала цель получения

Одна из самых ликвидных акций на Южно-Уральской фондовой бирже. 1993 год

собственной прибыли, была основана на самоокупаемости и не выплачивала доходов от деятельности своим акционерам [11].

Биржа управлялась советом директоров. Главой ее был избираемый президент. Первым президентом ЮУФБ стал доцент кафедры экономики промышленности Челябинского государственного технического университета кандидат экономических наук Е. И. Медников. Целями биржи являлись организация необходимых условий для нормального обращения ценных бумаг, определение их рыночной стоимости и надлежащее распространение

информации о них, поддержание высокого уровня профессионализма участников рынка ценных бумаг, организация и внедрение торговыми кредитными ресурсами, валютными ресурсами, фьючерсными контрактами и опционами на рынке ценных бумаг, продажа прав на все виды собственности, трастово-консалтинговая деятельность [1]. Лицензия № 71 от 6 мая 1992 года предоставляла право ЮУФБ осуществлять биржевую деятельность на рынке ценных бумаг. Началась подготовка к первым торгам [50].

Вначале штат сотрудников биржи был небольшим (14 человек). Кадры перешли из инвестиционно-товарной биржи, ее фондового отдела. В кратчайшие сроки (за месяц) ЮУФБ стала самой квалифицированной биржей страны; из ста аттестованных специалистов, действовавших в биржевых структурах страны, на Челябинск приходилось двадцать. Все они, в том числе и руководители биржи, прошли аттестацию в Минфине России [4].

В этот период рынок ценных бумаг еще только разворачивался. Пока не началась полномасштаб-

ная приватизация, биржа была вынуждена делать ставку на кредитные и депозитные ресурсы. Первые торги (аукцион) на ЮУФБ прошли 7 июля 1992 года. Заявки на участие подавались физическими и юридическими лицами в письменном виде. Аукционы стали проводиться каждый четверг.

Вначале работа ЮУФБ финансировалась ее акционерами, но интерес к новой бирже постоянно возрастал. За первые четыре месяца количество акционеров выросло с 45 до 56. По решению совета директоров стоимость акций ЮУФБ регулярно повышалась [34].

Ваучер.
1992 год

В виду малого количества ценных бумаг биржа работала и с другими видами инвестиционного товара. Депозиты и кредиты занимали основную часть оборота. Впервые на Урале (а по сути, и в целом по России) на ЮУФБ состоялся аукцион опционов и фьючерсов — производных ценных бумаг [15]. С начала это были опционы и фьючерсы на денежные ресурсы, и только в конце сентября начали торговать опционами на акции. К продаже были предложены опционы на акции ЧТЗ (АО «Уралтрак»). Хотя на тот момент ЧТЗ еще не акционировался, инвесторы проявили большой интерес к покупке права приобрести в будущем акции АО «Уралтрак» по номинальной стоимости [35]. В середине октября впервые был выставлен опцион на покупку акций АО «Торговый центр» по номинальной стоимости 1000 рублей с расчетом за них приватизационными чеками.

Акции приватизируемых предприятий появились в продаже в конце сентября 1992 года. На аукционе ЮУФБ, проходившем 24 сентября, были предложены к продаже акции АО «Торговый центр» и АО «Завод «Дормаш»» [3].

В период массовой приватизации предприятий ЮУФБ вошла плавно и уверенно. Начало приватизации ознаменовало появление новых акций на биржевых торгах. В октябре 1992 года впервые были выставлены на продажу акции вторичной эмиссии, имеющие хождение на рынке, — сто акций НИПЕК по цене, в два раза превышающей номинал. Также при номинале в 250 рублей акции АО «Пермавиа» были проданы по тысяче рублей каждая [10]. В это время на торгах появился новый тип ценных бумаг — приватизационный чек (ваучер). Первые сделки с этими ценными бумагами на ЮУФБ прошли в конце октября — начале ноября. В первой сделке были реализованы только два ваучера — за 10 и 11 тысяч рублей, хотя цена их колебалась в пределах от 10 до 51 тысяч, но уже на следующих торгах подана заявка на продажу 45 ваучеров [20].

Рынок приватизационных чеков был весьма динамичен. Ваучеры можно было купить или продать за наличный и безналичный расчет. Цена при этом отличалась на 3000–4000 рублей в пользу безналичного расчета. А реализуемые объемы составляли

сотни и тысячи чеков в одном лоте. При этом ЮУФБ по объему реализуемых чеков была лидером на Урале среди фондовых бирж [5]. Эксперты-аналитики ЮУФБ единодушно сходились на том, что приватизационные чеки динамично превращались в наиболее ликвидную ценную бумагу на биржевом рынке ценных бумаг [32].

По итогам 1992 года ЮУФБ продала 80,1 % ценных бумаг всей России и была признана Международным институтом фондового рынка лидером среди бирж. При этом общий оборот бирж Челябинской области составил 14 074 миллиона рублей, из которых только 0,2 % составлял оборот по ценным бумагам [49]. За 1992 год ЮУФБ успела продать акций приватизированных предприятий на 150 миллионов рублей, или примерно 10 % от всех акций предприятий, которые были приватизированы к тому моменту в Челябинской области.

С нового года количество торгов на ЮУФБ увеличилось, они проходили два дня в неделю — во вторник и четверг. Рос оборот. Так, только за один торговый день 11 февраля 1993 года было реализовано акций на 35 миллионов 257 тысяч рублей (25 % от общего показателя 1992 года) [36]. В годовщину образования биржи было продано акций на сумму 600 миллионов рублей [48]. Одними из самых ликвидных бумаг на торгах ЮУФБ были акции Российской продовольственной биржи, НИПЕК и «Пермавиа». Акции «Пермавиа» пользовались особой популярностью среди физических лиц, в первую очередь из-за низкой номинальной стоимости — 250 рублей. Также людей в акциях «Пермавиа» привлекала высокая дивидендная доходность (200 % годовых) и высокая динамика роста курсовой цены (с 250 до 950 рублей менее чем за год) [31]. Коммерческие структуры покупали акции «Пермавиа», чтобы премировать своих работников [13]. Несмотря на положительную динамику увеличения количества сделок с акциями предприятий, их объем был по-прежнему недостаточно большим и уступал по объему биржевого оборота ваучерному рынку, который оставался вне конкуренции.

ЮУФБ — одна из немногих российских бирж, включившихся в процесс приватизации [2]. Успех биржевых сессий с ценными бумагами определялся тесным взаимодействием с фондами имущества

Челябинской области и города Челябинска [41]. Фондовая биржа стала основной площадкой по реализации акций приватизируемых предприятий. Только за 1993 год ЮУФБ совместно с областным фондом имущества провела тридцать аукционов, на которых было реализовано более 863 тысяч простых именных акций 97 акционерных обществ на сумму 3,6 миллиарда рублей. Были организованы и десять специализированных чековых аукционов, через которые 114 предприятий продали свои акции на сумму более 1,17 миллиарда рублей.

Одной из главных задач, которую должна была решить фондовая биржа для своего нормального развития и развития рынка ценных бумаг в целом, было формирование вторичного рынка ценных бумаг. Степень развития первичного рынка через продажи акций приватизируемых предприятий достигла огромных масштабов, вторичного рынка практически не было. Формирование вторичного рынка ценных бумаг было жизненно необходимо, так как любая биржа живет и работает в основном за счет этого. Для осуществления этого плана нужно было решить множество организационных вопросов, связанных со структурой рынка, качественным обслуживанием его участников. А главное, на вторичном рынке должны были присутствовать ликвидные ценные бумаги, которыми можно спекулировать.

Первые вторичные торги акциями прошли на аукционе, посвященном годовому юбилею ЮУФБ. На продажу были выставлены акции Миньярского метизно-металлургического и Юрюзанского механического заводов [22]. С этого момента акции стали вторично продаваться и покупаться регулярно, но это были мизерные сделки, особо не влиявшие на оборот биржи [16]. В этом отношении большие надежды возлагались на «народные аукционы», которые ЮУФБ стала проводить с середины 1993 года. Продажа акций мелкими лотами, которые могло приобрести любое физическое лицо, непосредственное участие в торгах покупателей и символические комиссии для брокеров должны были обеспечить аукциону успех и «раскачать» вторичный рынок акций в городе [23]. Но ожидания не оправдались. На первом аукционе из 170 лотов было продано только 30, среди эми-

тентов были представители из Москвы («Красный Октябрь») и Санкт-Петербурга («Петербургеры на Неве»), а также из других регионов России. На результате сказалась и низкая активность участников: например, из 150 человек реально в аукционе участвовали только 10. Организаторы сетовали на плохую рекламу, однако причина заключалась еще и в том, что вторичный рынок был узок, слишком мало было его участников, то есть лиц, готовых осознанно приобретать ценные бумаги. Если цены на акции были ниже, чем на основных биржевых торгах, то лоты, в которые входило по несколько десятков акций, становились уже не по карману большинству участников аукциона. Цены доходили, как правило, до сотен тысяч рублей за лот. Не помогло и то обстоятельство, что 50 % купленных акций можно было оплачивать ваучерами.

Затраты на проведение подобных аукционов были несоизмеримо больше, чем доходы от них: на проведение одного аукциона биржа тратила около 500 тысяч рублей, а доход составлял, как правило, всего несколько десятков тысяч. Всеобщей поддержки «народные аукционы» не получили: например, на второй подобный аукцион собралось не более 15 инвесторов из числа физических лиц [24]. Для большинства населения «народные аукционы» так и остались недоступными, и в конечном итоге от них отказались [25].

Медленно развивался вторичный рынок и по причине низкой оперативности в работе с акциями. Например, процедура продажи акций АО «ЧПАТО-2» заняла месяц. Не было четкого механизма контроля над обращением акций. Трудно было проверить, не продаются ли акции, уже проданные ранее или заложенные. Для проведения быстрых и эффективных операций с безналичными ценными бумагами необходим был механизм взаимосвязанных депозитариев. Такой сети в России не было [33].

С целью стимулирования спроса на акции 28 сентября 1993 года на ЮУФБ был введен листинг. Он включал в себя три списка — «А», «В», «С», в зависимости от степени надежности акций. Первыми в список попали акции Челябинвестбанка. На Урале это был первый банк в листинге, всего же по России их насчитывалось не более двадцати.

Внесение акций в листинг накладывало на биржу и эмитента определенную ответственность. Эмитент обязан был не реже раза в квартал выставлять свои акции на торги. Биржа, в свою очередь, несла ответственность (пока только моральную) за их надежность и ликвидность. После включения Челябинвестбанка в листинг биржи его акции стали быстро раскупаться, но это не вызвало широкомасштабной спекуляции ими на вторичном рынке.

ЮУФБ, организовав 43 пункта приема ваучеров практически во всех районах области, стала центром проведения в области чековых аукционов. На площадке биржи было проведено 107 аукционов по продаже акций приватизируемых предприятий и 10 областных чековых аукционов. В итоге было реализовано 750 тысяч ваучеров. Акции приватизированных предприятий продано на 3,5 миллиарда рублей.

Последний год чековой приватизации (1994) ознаменовался ростом спроса на акции на вторичном рынке ценных бумаг и снижением спроса на ваучеры. С начала года (за три квартала) через биржевую сеть были реализованы 8294 акции на сумму более 343 миллиона рублей, что десятикратно увеличило оборот на вторичном рынке по сравнению с 1993 года.

На вторичном рынке активно заключались сделки с ценными бумагами предприятий Челябинска и области, такими как завод «Челябстальконструкция», Челябэнерго, АО «Торговый центр» и др. При этом продолжались аукционы по продаже акций приватизируемых предприятий в счет погашения затрат специализированных чековых аукционов, которые неизменно собирали большое количество участников. Всего с начала года совместно с областным и городским фондами имущества было проведено 17 таких аукционов, на которых было реализовано акций на сумму более 1 триллиона 712 миллиардов рублей.

Судя по цифрам и рейтингу, среди аналогичных структур России челябинская биржа за два года набрала хороший темп и занимала третью позицию после Московской и Екатеринбургской фондовых бирж. Уже 133 акционера входили в состав биржи. Несмотря на сложную экономическую ситуацию, биржа не воспользовалась бюджетным рублем, не повысила членские взносы акционеров, хотя некоторые российские биржи выживали именно за счет членских взносов и бюджетных вливаний. Увеличение объемов сделок было единственным условием существования биржи, а поэтому специалисты ЮУФБ постоянно работали над расширением спектра услуг для своих клиентов [14].

Торговля ваучерами на улицах города. Златоуст. 1992 год

С августа 1994 года, после окончания ваучерной приватизации, акценты в деятельности ЮУФБ сместились в сторону торговли акциями. В это время рынок ценных бумаг Челябинской области перешел в фазу ожидания, разрабатывались варианты дальнейшего его существования и развития. Данное явление казалось временным, поскольку к концу года должны были быть запущены механизмы фьючерсных торгов на индекс доллара на бирже; существовали определенные перспективы развития рынка государственных краткосрочных бескупонных облигаций в регионе; ожидалось обязательное расширение рынка ценных бумаг приватизируемых предприятий; наконец, готовился выпуск в обращение областных долговых обязательств (ОДО) местной администрации [12]. Эти факторы и позволяли с большой долей определенности рассчитывать на дальнейшее развитие рынка ценных бумаг Южного Урала.

Таким образом, к моменту окончания ваучерной приватизации в Челябинской области был сформирован первичный рынок акций, основы которого были заложены деятельностью товарных бирж по продаже собственных акций и организацией фондовых отделов при биржах. Фондовая биржа переняла уже имеющийся опыт работы с ценными бумагами у товарных бирж и в результате массовой приватизации смогла заложить основы для формирования в регионе вторичного рынка ценных бумаг.

Список литературы

1. АоАЧ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 43. Л. 40.
2. Ассамблея Федерации фондовых бирж России // Деловой Урал. 1993. № 12. С. 5.
3. Аукцион ценных бумаг // Челяб. рабочий. 1992. 16 сент.
4. Биржевой канал. ЮУФБ // Челяб. рабочий. 1992. 8 апр.
5. Биржевой рынок // Деловой Урал. 1992. № 44.
6. Борисов М. ЧИТБИ: 14 мая первые торги // Челяб. рабочий. 1991. 8 мая.
7. Вниманию деловых людей // Челяб. рабочий. 1991. 26 сент.
8. Вниманию руководителей предприятий и предпринимателей! // Вечер. Челябинск. 1991. 19 авг.
9. Вторая биржа // Вечер. Челябинск. 1991. 24 мая.
10. В Челябинске заработал рынок ценных бумаг // Челяб. рабочий. 1992. 21 окт.
11. В Челябинске появилась еще одна биржа. Фондовая // Челяб. рабочий. 1992. 20 марта.
12. Деятельность ЮУФБ за январь — сентябрь 1994 года // Контакт. 1994. 7–13 нояб. С. 10.
13. Динамика курсов акций // Деловой Урал. 1993. № 18. С. 9.
14. Ефим Медников вновь избран президентом ЮУФБ // Вечер. Челябинск. 1994. 22 февр.
15. Зайду на биржу, прикуплю денег! // Урал. коммерч. вед. 1992. № 24. С. 4.
16. Курс акций пока складывается стихийно // Деловой Урал. 1993. № 32. С. 7.
17. К успеху! К финансовому благополучию! // Челяб. рабочий. 1991. 6 дек.
18. Малева Н. Биржевой канал. ЮУФБ // Челяб. рабочий. 1992. 1 апр.
19. Малева Н. Дебют обещает удачу // Челяб. рабочий. 1991. 27 нояб.
20. Малева Н. На торгах все больше ваучеров // Челяб. рабочий. 1992. 4 нояб.
21. МГА. Ф. 507. Оп. 579. Д. 1. Л. 2.
22. На Урале тоже появился вторичный рынок // Деловой Урал. 1993. № 28. С. 5.
23. Народу — народные аукционы // Деловой Урал. 1993. № 43. С. 1.
24. «Народным» аукционам еще бы и народную поддержку // Деловой Урал. 1993. № 48. С. 6.
25. Народные аукционы приказали долго жить? // Хроника. 1993. 24 дек. С. 4.
26. На ЧУБе первые торги // Вечер. Челябинск. 1991. 27 нояб.
27. ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 10. Д. 3617. Л. 36.
28. По средам и четвергам мы встретимся с вами на торгах, а в любой другой день недели — по адресу: улица Елькина, дом 5 // Вечер. Челябинск. 1991. 2 сент.
29. Пробные торги в Магнитогорске // Вечер. Челябинск. 1991. 5 нояб.
30. «Продано! Сделка состоялась...» // Вечер. Челябинск. 1991. 28 нояб.
31. Рынок акций // Деловой Урал. 1993. № 6. С. 5.
32. Степанов И. Ваучер охотно покупают и продают, но никто не знает, сколько он стоит // Деловой Урал. 1992. № 40. С. 1.
33. Степанов И. Вторичный рынок акций в России будет формироваться с помощью систем типа «Nasdaq» // Деловой Урал. 1993. № 25. С. 5.
34. Степанов И. Фондовый рынок — это перспективно // Урал. коммер. вед. 1992. № 21. С. 5.
35. Степанов И. Число акционеров ЮУФБ растет // Деловой Урал. 1992. № 32. С. 2.
36. Степанов И. Чтобы нормально функционировать, ЮУФБ в 1993 г. должна обеспечить оборот не менее 20 млрд рублей // Деловой Урал. 1993. № 7. С. 2.
37. Столяров А. Вовлекая деревню в рынок // Челяб. рабочий. 1992. 28 янв.
38. Теняков Э. В. Спасательный круг для экономики // Челяб. рабочий. 1991. 4 июля.
39. Торгует биржа «МАГБИ» // Челяб. рабочий. 1991. 7 нояб.
40. Торопов А. ЧУБ: накануне рождения // Челяб. рабочий. 1991. 3 июля.
41. Фондовые биржи работали в напряженном режиме // Деловой Урал. 1993. № 34. С. 4.
42. Фондовый отдел ЧИТБИ // Челяб. рабочий. 1991. 13 сент.
43. Хропанова Т. Все было очень по-русски // Вечер. Челябинск. 1991. 15 мая.
44. Челябинская инвестиционно-товарная биржа // Вечер. Челябинск. 1991. 1 апр.
45. ЧИТБИ — имя биржи // Вечер. Челябинск. 1991. 21 февр.
46. ЧИТБИ. Фондовый отдел // Вечер. Челябинск. 1991. 4 окт.
47. ЧУБ бьет рекорды // Вечер. Челябинск. 1991. 11 нояб.
48. Юбилей на 600 млн рублей // Деловой Урал. 1993. № 12. С. 1.
49. Южноуральские биржи намерены выстоять // Деловой Урал. 1993. № 9. С. 4.
50. ЮУФБ // Деловой Урал. 1992. № 33. С. 3.

Н. А. Антипин. ЧЕЛЯБИНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ (1991–1996)

Конец 1980-х — первая половина 1990-х годов в Челябинской области характеризуется активным политическим процессом, который стал проекцией событий, происходивших на федеральном уровне: упразднение СССР, противоречия законодательной и исполнительной ветвей власти, назревание конституционной реформы, социально-экономические трансформации, приватизация государственного сектора экономики. На региональном уровне в Челябинской области эти и другие проблемы, назревшие в период перестройки, а затем и образования суверенного Российского государства, проявились в конкурентной борьбе за власть двух политических лидеров — П. И. Сумина и В. П. Соловьева, предлагавших различные программы выхода из политического и социально-экономического кризиса [21; 22; 27; 31, с. 281–318; 60; 62; 63; 68, с. 200–201].

Летом 1989 года первый секретарь Челябинского обкома КПСС Н. Д. Швырев обратился к генеральному секретарю М. С. Горбачеву с просьбой освободить его от занимаемой должности и перевести на хозяйственную работу. Заявление было удовлетворено: он стал заместителем министра строительства в районах Урала и Западной Сибири. Выборы нового первого секретаря обкома прошли на альтернативной основе.

Митинг на Алом поле
в Челябинске. 1990-е годы.
Из альбома «Челябинская
область в фотографиях»

Пленуму обкома предшествовали встречи в городах и районах области с членами и кандидатами в члены обкома, членами ревизионной комиссии, партийным активом, руководителями областных органов, ряда предприятий, с представителями науки, творческой интеллигенции, средств массовой информации. На встречах обсуждался вопрос кандидатур на пост первого секретаря. Всего было названо 13 кандидатов, из них трое представлены на пленум обкома, состоявшийся 12 августа 1989 года.

За пост боролись: секретарь обкома Ю. М. Александрович, второй секретарь обкома А. П. Литовченко, первый секретарь Челябинского горкома В. П. Соловьев, первый заместитель председателя Челябинского облисполкома П. И. Сумин [41, л. 1].

Появление В. П. Соловьева и П. И. Сумина среди кандидатов было неслучайно, отчасти запланировано. Л. М. Рабченков [28] вспоминал, что в 1984 году, когда он занимал должность заведующего отделом организационно-партийной и кадровой работы Челябинского обкома КПСС, он обсуждал с первым секретарем обкома Г. Г. Ведерниковым кадровые вопросы, и тогда в беседах они пришли к выводу, что необходимо готовить смену, следующее поколение руководителей. В качестве лидеров тогда выделили две кандидатуры: В. П. Соловьева (в то время он работал в аппарате ЦК ВЛКСМ) — в перспективе он должен был стать первым секретарем обкома, и П. И. Сумина (в 1984 году он стал

Глава администрации Челябинской области П. И. Сумин. 1996 год. Из альбома «Челябинская область в фотографиях»

Петр Иванович Сумин (21.06.1946, с. Верхняя Санарка Троицкого района — 06.01.2011, Челябинск), инженер-металлург, комсомольский, партийный и государственный деятель, лауреат (в составе группы специалистов ММК) премии Правительства РФ в области науки и техники (2004), почетный гражданин Пластовского муниципального района (2006). Окончил Челябинский политехнический институт (1969), после работал подручным сталевара, мастером электросталеплавильного цеха (ЭСПЦ) № 2 ЧМЗ. С 1971 года на комсомольской работе: заместитель секретаря, секретарь комитета ВЛКСМ завода, первый секретарь Metallургического (Челябинск) райкома ВЛКСМ, с 1974 года второй, затем первый секретарь Челябинского горкома комсомола. В 1978–1980 годах заместитель начальника ЭСПЦ № 5 ЧМЗ. С 1980 года второй секретарь Metallургического райкома КПСС, с 1982 года заведующий промышленно-транспортным отделом Челябинского

горкома партии, с 1983 года первый секретарь Metallургического райкома КПСС. В 1984 году окончил Свердловскую партийную школу. В 1984–1987 годах председатель Челябинского горисполкома, в 1987–1989 годах первый заместитель председателя Челябинского облисполкома. В 1989 году избран на альтернативной основе вторым секретарем Челябинского обкома КПСС (отвечал за развитие экономики и промышленности области). В 1990 году избран председателем Челябинского облисполкома, в 1991 году председатель Челябинского областного Совета народных депутатов. В апреле 1993 года одержал победу на первых выборах главы администрации Челябинской области, но результаты выборов были отменены президентом РФ. С ноября 1993 года вице-президент инвестиционно-холдинговой компании «Выбор», председатель экспертного совета Челябинского филиала Центра по исследованию межрегиональных и межрегиональных экономических проблем.

В 1994 году по инициативе и при активном участии П. И. Сумина в Челябинской области было создано массовое патриотическое общественно-политическое движение «За возрождение Урала», которое он возглавил. В 1995 году избран депутатом Государственной Думы РФ по Кыштымскому округу, в декабре 1996 года — главой администрации Челябинской области. В 2000 году вновь одержал победу на выборах губернатора Челябинской области. В 2005 году по представлению Президента РФ переизбран на эту должность депутатами Законодательного Собрания Челябинской области. С 1997 года член Совета Федерации Федерального Собрания РФ второго созыва. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР (1985), народным депутатом РСФСР (1990), делегат 17-го и 18-го съездов ВЛКСМ, 27-го и 28-го съездов КПСС. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» 4-й (2006) и 3-й (2010) степеней, Почета (2001) [4].

председателем Челябинского горисполкома) — его прочили на место председателя облисполкома [57].

12 августа 1989 года на пленуме обкома Ю. М. Александрович снял свою кандидатуру, мотивируя это решение стремлением быть полезным на своем прежнем месте работы. Затем состоялось представление программ кандидатов. Секретарь ЦК КПСС, член политбюро В. П. Никонов, присутствовавший на пленуме, затем в своей записке отметил: «Конструктивные, продуманные действия были обозначены в программах тт. Литовченко, Сумина, несколько оторванные от реальной действительности — т. Соловьева» [41, л. 2].

В результате голосования из 127 членов обкома партии 86 поддержали А. П. Литовченко, 25 — П. И. Сумина, 13 — В. П. Соловьева. Результаты выборов были предсказуемы.

Предвыборная кампания стала площадкой, на которой были озвучены проблемы в различных сферах жизни региона. В. П. Никонов отметил: «Вместе с тем считаем необходимым проинформировать ЦК КПСС о сложившейся ситуации в Челябинской области. Во время встреч с трудящимися, партийным, советским, хозяйственным активом и на пленуме обкома КПСС с тревогой говорилось об обострившихся проблемах в промышленности и аграрном секторе, экологии, о нарастающей напряженности в трудовых коллективах, связанной с недостатками в социальной сфере, нехваткой продуктов питания, товаров народного потребления» [41, л. 2–3].

Жители Южного Урала высказывали упреки в адрес местных органов власти, союзных и республиканских ведомств, в том числе и ЦК КПСС.

Замечания обосновывались тем, что регион занимает первое место в РСФСР по выпуску черных металлов. Более 49 % прибыли предприятий изымалось в бюджет, при этом государственный заказ охватывал 100 % производственных мощностей. По уровню жизни регион находился на 30–70-м местах в республике. Например, в расчете на одного жителя выделялось капитальных вложений во внепроизводственную сферу на 33 % меньше, чем в среднем по РСФСР. Регион занимал по обеспеченности жильем 51-е, школами — 56-е, больницами — 32-е места. Остро стояла проблема с продовольственным обеспечением населения. По реализации продовольственных товаров в расчете на одного жителя область находилась на 28-м месте. В регионе действовала талонная система распределения мясных продуктов, масла, сахара, имелись большие трудности в обеспечении чаем, рыбной продукцией, минеральной водой, плодоовощными консервами, дрожжами и другими товарами [41, л. 3].

Секретарь ЦК КПСС, член политбюро В. П. Никонов заметил: «Гипертрофированное развитие промышленности превратило область в зону экологического бедствия. В воздушный бассейн выбрасывается ежегодно до 2,8 миллиона тонн неуправляемых вредных веществ от стационарных источников загрязнения. В результате значительная часть сельскохозяйственной продукции имеет концентрацию вредных веществ выше допустимых норм. Возросла заболеваемость населения» [41, л. 4].

На протяжении десятилетий центральные и региональные власти не занимались планированием размещения промышленных предприятий, их комплексного развития. Основное внимание уделялось наращиванию производственных мощностей, в связи с чем постоянно увеличивался отток дееспособного населения в города. К концу 1980-х годов в Челябинской области в сельской местности проживало менее 5 % населения, к тому же в основном пенсионного возраста [Там же].

Таким образом, был обозначен комплекс проблем, стоявших перед Южным Уралом. Однако и до выборов первого секретаря обкома в регионе это понимали. Один из кандидатов, П. И. Сумин, обращаясь к В. П. Никонову, отметил: «Я просил бы

Глава администрации Челябинской области В. П. Соловьев. 1995 год. Объединенный государственный архив Челябинской области

Вадим Павлович Соловьев (р. 3.03.1947, дер. Дианово Курганской области — 11.02.2019, Челябинск), комсомольский, партийный и государственный деятель. Окончил Челябинский политехнический институт (1972), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1987). С 1964 года работал на ЧТЗ: токарь, наладчик, мастер, старший мастер, начальник технологического бюро. С 1970 года заместитель секретаря, с 1971 года секретарь комитета ВЛКСМ предприятия. В 1973 году второй, в 1974 году первый секретарь Челябинского горкома ВЛКСМ. С 1974 года второй, в 1977–1980 годах первый секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ. В 1980–1984 годах в аппарате ЦК ВЛКСМ: заместитель заведующего, затем заведующий отделом комсомольских органов. С 1984 года второй, с 1986 года первый секретарь Челябинского горкома КПСС. В 1990 году председатель Челябинского городского Совета народных депутатов. В 1991–1996 годах глава администрации Челябинской

области. С конца 1990-х годов заместитель председателя правления коммерческого банка «Инкорбанк» в Екатеринбурге, президент Челябинского областного центра поддержки предпринимателей, 1998–2001 годах советник губернатора Свердловской области, с 1999 года арбитражный управляющий Челябинского завода дорожно-строительных машин имени Д. В. Коллющенко, с 2002 года руководитель Южно-Уральского филиала Уральской организации арбитражных управляющих. Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ (1996). Избирался членом ЦК и бюро ЦК ВЛКСМ, депутатом Челябинского городского (1975) и областного (1977, 1980, 1985) Советов депутатов. Награжден орденами «Знак Почета» (1984), Дружбы (1996) [20].

вас донести до политбюро ЦК то, что это не вина южноуральцев, а наша общая беда. Партия и Родина поручали в свое время южноуральцам наращивать и наращивать объемы производства, металла больше производить, тракторов, другой продукции и они добросовестнейшим образом, честно

обеспечивали выполнение этих поручений» [Там же, л. 32].

И вскоре, год спустя — в августе 1990 года — проблемы в экономике, социальной сфере спровоцировали события в Челябинске, получившие название «Винный бунт».

Винный бунт

22 августа 1990 года у универсама «Северо-западный» днем, как обычно, выстроилась очередь за спиртными напитками. Но вопреки обыкновению ни в 14 часов (обычное время начала торговли алкоголем), ни позже торговля почему-то не началась. Хотя спиртное магазин получил около часа дня.

Ко времени закрытия винного отдела (19 часов) в толпе стали накаляться страсти. Наконец, поняв тщетность попыток отоварить талоны и заполучить в этот вечер желанные горячительные напитки, несколько сотен собравшихся после короткого импровизированного митинга решили двинуться к зданию Курчатовских райисполкома и райкома КПСС. По дороге к ним присоединились любопытствующие и сочувствующие. Дабы добиться справедливости, стали ломиться в двери райкома. Но ответной реакции активисты стихийной акции протеста так и не дождались. Представители власти то ли уже ушли домой, то ли просто побоялись выйти к возмущенной толпе. Тогда кто-то бросил в окно камень. За ним полетел второй, третий...

Вскоре перед входом в райком образовалась груда битого стекла, а внутри остались булыжники и куски гранитных плит. Разгоряченная толпа, в которую влилась местная шпана, перегородила движение троллейбусов и автобусов на Комсомольском проспекте.

Откуда-то взялось долгожданное спиртное.

В одиннадцатом часу посреди проспекта вспыхнул большой костер. «Митингующие» бьют стекла проезжающих машин, пытаются перевернуть автобус...

— Когда начался так называемый винный бунт, я был в отпуске, — вспоминает Валерий Пустовой, бывший тогда начальником городского УВД. — Но уже к вечеру 26 августа был на Комсомольском проспекте. Увиденная картина оптимизма не внушала: костры, массовое недовольство, нетрезвые люди...

Но всей опасности происходящего, похоже, я тогда еще не представлял. Потому что вышел из машины прямо к толпе и громко сказал:

— Мужики, расходитесь по домам!

— А ты кто такой? — спрашивает меня некая бандитского вида личность и дышит в лицо перегаром.

— Я начальник городского УВД, народный депутат СССР.

В этот момент мне сзади кто-то заламывает руку. Из-за спины я слышу голос напарника бандита:

— Ты хотел мента замочить? А тут еще и депутат...

В конце концов эта встреча завершилась лично для Валерия Пустового удачно. Но страсти на Комсомольском проспекте бушевали до ночи. Три милиционера получили повреждения, в семи машинах ГОВД оказались

разбитыми стекла. Около двух часов ночи милиции совместно с ОМОНОм пришлось разогнать «митингующих». Из нескольких сотен человек, участвовавших в винном бунте, 58 были задержаны.

Впрочем, на этом массовые хулиганские действия не закончились. Криминальные элементы, почувствовав слабость властей, похоже, решили воспользоваться ситуацией. Вечером следующего дня по дворам района стали ездить машины без номерных знаков и раздавать молодежи выпивку бесплатно. С наступлением темноты накопившееся недовольство дефицитом товаров, низким уровнем жизни выплеснулось на улицу. Шпана стала позволять себе демонстративные хулиганские выходы, приставать к женщинам... Акт неповиновения, возникший на алкогольной почве, грозил перерасти в массовые беспорядки. Молодые парни, вооруженные железными прутьями, цепями, ножами, камнями, вели себя бесцеремонно и агрессивно.

Помимо начальника городской милиции толпу пытались урезонить председатель облисполкома Петр Сумин, другие руководители и народные депутаты. В ответ летел всякий мусор, раздавался свист, крики «даешь колбасу, сахар, табак!».

— Здесь мне повезло второй раз, — вспоминает Пустовой, — большой кусок битума, с килограмм,

летел прямо мне в голову. И неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы мгновенно раньше я случайно не повернул голову. Битумный «снаряд» по касательной задел лицо и «всего лишь» исцарапал его в кровь...

Омоновцы поначалу на провокации никак не реагировали. Но среди милиционеров становилось все больше раненых. Агрессивность толпы принимала угрожающие размеры. Стражи порядка получили команду разогнать несанкционированное собрание. На спины бунтовщиков обрушились дубинки...

Но и на этом винный бунт не закончился. Многие челябинцы не смогли спокойно спать и в ночь с 24 на 25 августа. На третий день вечером в Курчатовском районе собралась полуторатысячная толпа и с криками «к обкому!» потянулась в центр Челябинска.

— Встал вопрос, надо ли пропускать этих людей в центр города, — рассказывает Валерий Пустовой. — С технической точки зрения, проще было применить силу еще на подходе к главным улицам Челябинска. Но беда в том, что в рядах участников винного бунта были не только хулиганы и бандиты, но и женщины, другие вполне законопослушные граждане, решившие участвовать в этой акции высказать властям свое недовольство существующим положением.

Оценка событий была дана 24 августа 1990 года на заседании бюро Челябинского обкома. Причины массового выступления горожан виделись в социально-экономических проблемах, дефиците, коррупции, спекуляции. Председатель облисполкома П. И. Сумин выступил с эмоциональной речью,

Решено было пропустить колонну на площадь Кирова.

Ближе к полуночи на площади Революции состоялся стихийный митинг. Звучали требования освободить задержанных и немедленно улучшить торговлю продовольственными товарами.

Впрочем, как свидетельствуют очевидцы, нормального диалога между властями и участниками винного бунта на митинге не получилось. Часть митингующих была явно не настроена вести переговоры с властями, призывая громить до победного конца. Той же ночью были разбиты витрины «Молодежной моды»...

Несколько десятков зачинщиков винного бунта были задержаны. Прокуратура возбудила уголовное дело, но никто не понес серьезного наказания. Может, потому, что и городские власти, и милиция столкнулись с подобными событиями впервые. Этим же и объяснялась некая нерешительность в их действиях в начале бунта. Хотя позже министерская комиссия, приехавшая с проверкой, высоко оценила действия челябинской милиции в чрезвычайной ситуации и добавит, что начальнику челябинской городской милиции, находив-

шемуся в гуще событий все трое суток, повезло, родился в рубашке.

– А можно ли было предотвратить эти события? — спросил я у Валерия Пустового почти через десять лет после винного бунта.

– На начальной стадии — да. Надо было все-таки выдать водку всем желающим там, у универсама. И тогда бунт, скорее всего, просто бы не состоялся. Но ни работники магазина, ни власти, видимо, не предполагали, чем может обернуться водочный скандал. Не было тогда у нас такого опыта [61, с. 294–297].

заявив: «Надо работать с людьми днем в партийных организациях, в трудовых коллективах нам и народным депутатам <...> Главная причина, что мы не сделали упреждающий удар идеологический <...> Все, что можно сделать по улучшению торговли, примем. Где воды нет, где газа, а люди уже говорят, что мы сделаем так же, как в Курчатовском районе. Надо ускоренно заниматься тем, как добыть мясо, сахар, табак» [42, л. 22]. В принятом на том же заседании постановлении бюро обкома «О социально-политической обстановке в г. Челябинске» не было озвучено кардинальных мер. Партийное руководство действовало в традиционной логике: разъяснение сложившейся ситуации, решение проблем торгового, бытового и коммунального обслуживания населения, усиление пропаганды [42, л. 28].

Первый акт

Августовский путч [5] и деятельность Государственного комитета по чрезвычайному положению 18–21 августа 1991 года еще более спровоцировали центробежные силы в СССР. Постановлением Верховного Совета РСФСР 21 августа 1991 года президенту были предоставлены дополнительные полномочия «по обеспечению законности деятельности советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР». Глава государства получил право отстранять от должности председателей региональных советов народных депутатов, вводилась должность главы администрации региона как руководителя исполнительного органа власти, а президент получил право их назначения впредь до принятия закона об управлении в регионах РСФСР [44, л. 22]. 22 августа 1991 года президент РСФСР Б. Н. Ельцин, руководствуясь постановлением Верховного Совета, подписал указ «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», который был призван укрепить власть президента. В указе подтверждалось учреждение в регионах РСФСР (краях, областях, автономной области и автономных округах) новых должностей — глав администраций. Подчеркивалось, что

они назначались президентом по согласованию с региональным советом народных депутатов. Глава являлся правопреемником соответствующего исполнительного комитета Совета народных депутатов и был подотчетен президенту, являясь высшим должностным лицом исполнительной власти субъекта федерации. Тем же указом в регионах РСФСР были учреждены должности представителей президента на местах. Затем 1 ноября 1991 года постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» введен запрет на проведение выборов представительных и исполнительных государственных органов всех уровней до 1 декабря 1992 года [44, л. 23].

К августу 1991 года будущие лидеры челябинского противостояния возглавили органы советской власти: в апреле 1990 года — В. П. Соловьев избран председателем Челябинского городского Совета народных депутатов, а в ноябре того же года П. И. Сумин стал главой областного Совета народных депутатов [43, л. 4].

28 августа 1991 года Челябинский областной Совет народных депутатов в соответствии с указом президента предложил Б. Н. Ельцину кандидатуру П. И. Сумина для назначения на пост главы администрации области [36, л. 8]. Выборы в областном совете проходили на альтернативной основе: было шесть кандидатов. В итоге за П. И. Сумина высказалось 153 депутата из 184 [25].

Против него выступили представители движения «Демократическая Россия». В записке, подготовленной депутатами Челябинского горсовета А. И. Грищенковым и В. А. Белоусовым, депутатом областного совета А. В. Алексеевым 3 сентября 1991 года отмечалось: «Руководство области и города в своих взглядах, действиях и оценках уже давно стоят на разных позициях. Набирает силу демократическое движение, но стеной восстает партократия, заправила агропрома и военно-промышленного комплекса. Весь демократически настроенный городской совет и стоящий на страже партократии областной совет. Последний хочет навязать свое мнение президенту России, оставить все так, как было. Поставить своего лидера в лице П. И. Сумина» [44, л. 6–7]. В качестве примера авто-

Новый флаг на здании Челябинского обкома. 1991 год.

Из альбома «Челябинская область в фотографиях»

ры обращения отметили, что председатель областного совета П. И. Сумин фактически поддержал действия ГКЧП, установил цензуру в средствах массовой информации, а осудил «хунту» лишь 22 августа, когда члены ГКЧП были уже арестованы [44, л. 9]. Это должно было свидетельствовать о неблагонадежности и нелояльности по отношению к действующему президенту РСФСР.

Далее авторы текста, стремясь убедить Б. Н. Ельцина и его администрацию в том, что П. И. Сумин не станет опорой президента в Челябинской области, дали краткую характеристику ситуации в регионе: «Челябинский областной совет еще более консервативен, чем Верховный Совет СССР. Его

большинство представляют собой союз остатков партийной номенклатуры, руководства агропромышленного комитета и ВПК. В числе 247 депутатов 182 руководителя, в том числе 122 первых руководителя или их заместители. Группа демократов составляет около 30 человек, в том числе Демроссия — 5 человек. Кадровая политика П. И. Сумина заключается в том, чтобы перекачать кадры партийной бюрократии в структуру облсовета и исполкома. <...> Приватизация экономики практически не идет и возглавляется ортодоксальными сторонниками номенклатуры. Экономическая реформа тормозится. <...> Из строго госаппарата должны быть удалены те представители номенклатуры, которые не хотят служить народу. Назначение на пост руководителя областной администрации П. И. Сумина чрезвычайно затруднит и блокирует этот процесс» [44, л. 11].

И в этот момент завязывается узел челябинского противостояния: в противовес инициативе областного совета Челябинский городской совет 17 сентября 1991 года представил на должность главы администрации региона своего председателя — В. П. Соловьева: «[Он] зарекомендовал себя как надежный сторонник демократических преобразований в республике и на местах. Последовательный исполнитель дел, начатых президентом РСФСР и российским правительством. Начиная с 1988 года, с появлением демократического дви-

жения в городе Челябинске, будучи первым секретарем Челябинского горкома КПСС, активно сотрудничал с ним и оказывал реальную помощь. Во время события 19–21 августа 1991 года сразу же и однозначно заявил о поддержке действий российского руководства, единственный из руководителей властных структур, публично осудил ГКЧП на митинге 19 августа. <...> Своими действиями оказал решающее влияние на поведение президиума областного Совета народных депутатов, что позволило сохранить устойчивое спокойное состояние дел в городе и области. В. П. Соловьев сумел сформировать и сплотить вокруг себя демократически настроенный городской Совет народных депутатов, являющийся противовесом остаткам промышленно-партийной бюрократии областного Совета. В отличие от областных структур, которые на деле препятствуют радикальным экономическим реформам, В. П. Соловьев обеспечивает образование и работу новых рыночных структур», — говорилось в представлении Челябинского городского совета [44, л. 1–2]. Выдвижение В. П. Соловьева поддержал и главный государственный инспектор РСФСР В. А. Махарадзе.

24 октября 1991 года президент Б. Н. Ельцин своим указом назначил главой администрации Челябинской области В. П. Соловьева, что вызвало протест у областного совета и П. И. Сумина. В регионе назревал кризис власти. На страницах местной

Глава администрации Челябинской области В. П. Соловьев во время выступления перед участниками забастовки медицинских работников. Челябинск. Октябрь 1990 года. Объединенный государственный архив Челябинской области

и федеральной печати появились публикации, подерживающие П. И. Сумина, В. П. Соловьева или призывающие стороны найти компромисс, согласиться с указом президента и совместно работать, решать насущные социально-экономические проблемы [16; 17; 39, л. 8].

Челябинская область стала не единственным регионом, где наметился конфликт законодательной и исполнительной ветвей власти. К концу ноября 1991 года главы администраций были назначены в 42 регионах страны: в 14 из них были предпосылки к противостоянию [8, с. 13].

В ноябре того же года в Челябинск прилетели представители администрации президента — заместитель начальника контрольного управления Н. В. Постовой и начальник отдела А. В. Иванченко, в задачи которых входило оценить ситуацию на месте. Они приняли участие в заседании президиума Челябинского областного Совета народных депутатов, состоявшемся 7 ноября 1991 года. На заседании выступали депутаты, П. И. Сумин

Е. Т. Гайдар и В. П. Соловьев.
Челябинск, 1992 год.
Из альбома «Челябинская
область в фотографиях»

и В. П. Соловьев. Последний в своей речи сказал: «Столько лет и всегда в этом зале в большинстве случаев я подвергался мощнейшей критике, на протяжении последних пяти лет меня воспитывали здесь по 12 часов за мои политические взгляды и убеждения потому, что мое мнение расходилось с мнением руководства областного комитета партии и многих первых секретарей. Мы с Петром Ивановичем [Суминым] встречались в его кабинете. В принципе по крупным вопросам мы всегда были с ним соратниками. Он предложил мне в случае его избрания пост вице-губернатора. Я серьезно обдумал это предложение, никакого согласия с ходу я не дал. Меня привлекала работа с Петром Ивановичем. <...> Я поставил Петру Ивановичу условие, что команда должна быть поменяна на 100 процентов, с чем Петр Иванович практически согласился. Я начал разрабатывать структуру власти, думал о новом составе кадров. Сессия, которая пыталась столкнуть нас лбами... В это время я встал и заявил, что не буду выставлять свою кандидатуру...» [45, л. 50–51].

На основе собранной информации В. А. Махарадзе подготовил записку, адресованную Б. Н. Ельцину и Г. Э. Бурбулису. В целом он позитивно оценил положение в области и не увидел оснований для политического кризиса: «Ознакомление с ситуацией показало, что глава администрации Челябинской области В. П. Соловьев и сформированная им команда решительно приступили к исполнению своих обязанностей и в целом владеют ситуацией в области. Население, демократические движения поддерживают назначение главы администрации» [44, л. 15]. Он обвинил областной совет и П. И. Сумина в создании условий для дестабилизации обстановки в регионе (организация перебоев с хлебом, провокация забастовок). Из этого был сделан вывод: «Челябинская область является тихим центром противостояния политике Российского государства в Уральском регионе. Однако лидеры этого противостояния не пользуются поддержкой большинства населения. Действия П. И. Сумина и его ближайшего окружения представляют собой аппаратные игры, преследующие цели сохранения у власти бывших соратников по партийной работе» [25; 44, л. 16].

Кандидат в президенты РСФСР Б. Н. Ельцин на митинге в Челябинске на площади Ярославского. 4 июня 1991 года. Фотография А. В. Фирсова. Объединенный государственный архив Челябинской области

Интересны рекомендации В. А. Махарадзе: он советовал президенту не принимать делегацию Челябинского областного совета, которая пыталась донести до Б. Н. Ельцина другую точку зрения, не отменять своего указа о назначении В. П. Соловьева главой администрации региона, сменить руководство областных управлений КГБ и УВД (за то, что «содействуют прежним структурам и не оказывают поддержки главе администрации и представителю президента РСФСР») [44, л. 16].

В декабре того же года для изучения ситуации в Челябинской области регион посетила делегация Верховного Совета РСФСР: народный депутат, секретарь Комитета по вопросам работы Советов народных депутатов и развитию самоуправления А. В. Блохин; ведущий специалист организационного отдела президиума А. Г. Казанцев; специалист-эксперт отдела Федерации и национальных отношений Администрации президента В. И. Тихонов. Члены комиссии констатировали, что выводы Н. В. Пустового и А. В. Иванченко «являются недостоверными, искажают позицию президиума и председателя совета», записка В. А. Махарадзе способствовала росту напряженности, в то время как Челябинский областной совет не подвергал

сомнению решение президента, но выступал против «механизма подбора кандидатуры» [44, л. 18, 20]. Члены комиссии Верховного Совета РСФСР рекомендовали: «1. Ускорить принятие закона об управлении краем и областью. 2. Обратить внимание президента на организацию сбора, анализа и достоверность представленной ему информации главным контрольным управлением. 3. По данному конкретному случаю... привлечь к ответственности работников главного контрольного управления президента РСФСР, предоставивших недостоверную информацию» [44, л. 22].

На этом конфликт был исчерпан: все согласилось с указом президента. 1992 год прошел в совместной работе исполнительной и законодательной ветвей власти. В это время регион, как и вся страна, переживал тяжелый социально-экономический кризис. Чтобы понять сложность ситуации, достаточно привести пример.

К концу апреля 1992 года долги по заработным платам, пенсиям, социальным выплатам, стипендиям составляли 3,5 миллиарда рублей. Областной совет видел основные причины этого в недостаточном поступлении наличности из Центрального банка России, снятии ограничений на выплату

заработной платы и снижении объемов реализации продукции, грубейших нарушениях, связанных с инкассацией и правилами обращения наличных денег. В связи с этим региональный парламент принял решение: «Признать отсутствие четкой сбалансированной государственной политики в области денежного обращения, перенесшего на регион всю тяжесть решения проблем». И выдвинул ультиматум: если до 10 мая 1992 года федеральный бюджет не перечислит в регион 5 миллиардов рублей, то областной совет оставляет за собой право с 15 мая приостановить все виды отчислений в центр [33]. Однако таким образом невозможно было решить проблему. В июне того же года Челябинская область получила 6,6 миллиарда рублей, но уже к концу лета требовалось дополнительно 20 миллиардов [66].

Второй акт

Вторая волна политического противостояния захлестнула Челябинскую область в 1993 году. Это было связано с выборами главы администрации региона, инициированными Челябинским областным Советом народных депутатов.

1 декабря 1992 года истек срок моратория на проведение выборов представительных и исполнительных государственных органов всех уровней. Согласно социологическому опросу, проведенному в Челябинской области 9–11 января 1993 года, большинство населения региона поддерживало проведение выборов. 76 % респондентов высказались за то, чтобы глава администрации области избирался населением, 80 % изъявили желание принять в них участие, если они состоятся. В рамках этого же опроса респондентам задавался вопрос, кого бы они хотели видеть на должности главы администрации; 9 % высказались за П. И. Сумина, 3 % — за В. П. Соловьева, назывались и другие фамилии — Кочнев, Горожанинов, Лозовский, Мазуль, Починок, Соломин, Лазаренко (за них высказалось всего 4 % опрошенных). При этом 79 % респондентов не смогли назвать фамилию желаемого кандидата [46, л. 6].

В декабре 1992-го — январе 1993 года в областном совете и администрации главы региона обсуждался вопрос о выборах. Действующая администрация высказалась против проведения выборов в ближайшее время [69].

21 января 1993 года Челябинский областной Совет народных депутатов принял постановление о проведении 11 апреля того же года выборов главы администрации региона; 166 депутатов высказались «за», 31 — «против» [14; 15; 26]. На следующий день В. П. Соловьев выступил с официальным обращением к населению области, в котором заявил: «Челябинский облсовет сделал очередную попытку дестабилизировать ситуацию в области. С нарушением действующего законодательства 21 января 1993 года на сессии принято решение о дне проведения выборов главы областной администрации. Администрация области дважды обращалась к депутатам с предложениями создать согласительную комиссию для разрешения конфликтной ситуации, связанной с этим решением. Однако эти предложения были проигнорированы. В этих условиях администрация предпримет определенные меры, вплоть до обсуждения этого вопроса у президента, в парламенте и Конституционном суде РФ» [64]. Вслед за этим глава администрации подписал постановления, запрещающие главам городов и районов, должностным лицам областной администрации исполнять решения областного Совета народных депутатов о выборах главы администрации области [6].

Позиция В. П. Соловьева в этой ситуации понятна: в случае его участия в выборах он вряд ли мог рассчитывать на победу, однако он имел поддержку в лице президента. Весной 1993 года звучали и другие доводы против выборов. Избранный глава администрации становился неподконтрольным президенту, то есть выборы ослабляли влияние президента на регион. Противники П. И. Сумина использовали эту логику для обвинения его в сепаратизме и попытках развала единой государственности, в связях с «фашистскими и прокоммунистическими организациями», призывали бойкотировать выборы [24; 34].

На самом деле П. И. Сумин никогда не высказывал сепаратистских идей. Он предлагал дать рав-

Лидер областного движения «За возрождение Урала» П. И. Сумин и руководитель Российского общественно-политического движения «Конгресс русских общин» А. И. Лебедь в президиуме

на предвыборной встрече кандидатов в депутаты Государственной Думы. Объединенный государственный архив Челябинской области

ные права и обязанности субъектам Российской Федерации. Прежде всего это касалось налоговой и бюджетной политики. У населения региона идея суверенитета также не находила поддержки, о чем свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного 3–10 сентября 1993 года по заказу Челябинского областного совета Академэкоцентром Уральского отделения РАН (директор — доктор экономических наук, профессор В. Н. Белкин). Около 90 % респондентов выступили за равноправие республик, краев и областей в составе России, 85 % поддержали «работу по повышению статуса Челябинской области в составе России», 59 % высказались за то, чтобы Челябинская область осталась в составе России с экономическими правами республики, и лишь 16 % одобрили создание «Южно-Уральской республики как суверенного государства в составе России» [46, л. 2–5].

Были и другие мнения по поводу выборов. Журналистка И. И. Моргулес заметила, что противостояние В. П. Соловьева и П. И. Сумина — это проявление их амбиций, население же занято проблемами выживания и мало кого интересует, кто будет сидеть в кресле главы региона [30].

Костры амбиций

Когда спрашивают: «Ты за Сумина или за Соловьева?» — для меня это звучит точно так же, как тот знаменитый вопрос: «Ты за коммунистов или за большевиков?»

Нет, я совсем не утверждаю этим, что уважаемые Петр Иванович и Вадим Павлович придерживаются прокоммунистической ориентации. Понятия не имею, какие у них сейчас убеждения.

Какие были, помню. Поскольку работала в газете «Комсомолец» как раз в те годы, когда они оба друженько рядышком заседали в бюро разных уровней. Неплохие, кстати, ребята были. По крайней мере, личности в каждом из них проглядывались неординарные.

А сейчас, когда они выросли в государственных мужей, личностные качества каждого не проявились ярче, как следовало бы ожидать, а, наоборот, снивелировались. И стали они, на мой взгляд, ну просто близнецы-братья, как партия и Ленин у Маяковского. Судьбы их в постперестроечной суматохе сложились так, что один оказался в кильватере у Руслана Имрановича, а второй — у Бориса Николаевича. А тех, родимых, сначала было не разлить водой, теперь же они разошлись

по разные стороны барьера, и эхо выстрелов этой непрекращающейся дуэли то и дело потрясает страну.

По разные стороны барьера в результате оказались и наши близнецы-братья. И стали функциями.

Петр Иванович, как ему и положено по статусу, неуклонно ведет наступление на президентские права на подведомственной ему территории, Вадим Павлович не остается в долгу, отстаивая позиции президентской власти и наступая на права Советов. <...>

Я, человек, стоящий в очередях, слушающий в них все, чем делятся друг с другом усталые люди, я, журналист, по долгу службы знакомящийся с редакционной почтой, выслушивающий людей, обращающихся в газету лично и по телефону, уверяю вас, Петр Иванович и Вадим Павлович, что большинству жителей Челябинска абсолютно все равно, кто из вас возьмет верх. Пусть вас не вводит в заблуждение лихорадочная горячность сторонников, пусть не греют душу лозунги на гранитных цоколях. «Узок круг этих революционеров...» — дальше вы цитату продолжите сами... [30]

В сложной ситуации оказались главы городов и районов области: они должны были либо поддержать выборы, либо проявить лояльность действующему главе областной администрации. В Магнитогорске председатель городского совета В. В. Мазуль призвал горожан участвовать в выборах, а глава городской администрации В. В. Ключвант —

«не участвовать в развернутой советом незаконной акции» [7; 11; 18].

9 апреля 1993 года президент Б. Н. Ельцин подписал указ «Об обеспечении деятельности Челябинской областной администрации», которым были отменены выборы главы администрации региона. Правительству России, министерствам, государственным комитетам, органам исполнительной власти предписывалось оказывать необходимое содействие главе администрации Челябинской области и областной администрации в осуществлении ими своих полномочий [67]. Челябинский областной суд также признал выборы незаконными. При этом Верховный Совет своим постановлением «О дне выборов главы администрации Челябинской области» признал выборы законными и соответствующими законодательству России [55].

На выборах было зарегистрировано девять кандидатов. Они прошли в два тура. Первый тур был совмещен с выборами народных депутатов России 11 апреля 1993 года, а второй — со Всероссийским референдумом 25 апреля.

Корреспондент «Челябинского рабочего» записал отзывы избирателей на участках: «Решили проголосовать в знак протеста против всей этой возни вокруг выборов»; «Надеюсь, что если администрацию возглавит Сумин, наш галоп к рынку умерится»; «По радио и телевидению говорят, что выборы незаконные. Но какой закон запрещает высказывать свое мнение? А оно таково: нынешняя администрация области проводит политику, ведущую к обнищанию большей части населения» [19].

По данным окружной избирательной комиссии, в выборах приняли участие 825 775 человек (31,5 % избирателей региона). Итоги выглядели следующим образом: В. И. Буравлев набрал 1,05 % голосов, В. И. Головлев — 1,5 %, В. С. Григориади — 6,37 %, В. В. Княгиничев — 0,48 %, О. В. Князев — 0,9 %, С. В. Костромин — 0,81 %, П. В. Модерау — 0,68 %, В. Г. Радионов — 1,51 %, П. И. Сумин — 58,38 %. Однако никто из кандидатов не набрал 25 % от общего числа голосов (у П. И. Сумина — 18,37 %), а потому потребовалось провести второй тур, в котором участвовали глава администрации Миасса В. С. Григориади и председатель Челябинского областного

Совета народных депутатов П. И. Сумин [13; 35; 37, л. 53; 59; 65].

25 апреля 1993 года состоялся референдум о доверии президенту Б. Н. Ельцину. В Челябинской области явка составила 60,5 %, из всего числа голосовавших 71,5 % избирателей поддержали главу государства. Почти все, кто пришел на референдум, приняли участие в выборах главы региона — 58,35 % избирателей (2,15 %, по-видимому, признали выборы незаконными). В результате В. С. Григориади получил 35,4 %, П. И. Сумин — 48,2 % [70].

Таким образом, П. И. Сумин был избран главой Администрации Челябинской области. Однако действующий глава В. П. Соловьев результаты выборов не признал, и его администрация продолжила работу. Регион оказался в ситуации двоевластия.

Для подтверждения своей легитимности как главы области П. И. Сумин обратился в Конституционный Суд с просьбой разъяснить ситуацию. 7 июня 1993 года Конституционный Суд признал решение Челябинского областного Совета народных депутатов о выборах главы администрации законным, соответствующим Конституции РФ [23; 50, л. 1–12]. Это означало, что и результаты выборов — законны. 10 июня того же года П. И. Сумин заявил о сложении полномочий депутата и председателя областного совета, после чего вступил в должность главы администрации региона [2; 29; 51, л. 1; 52]. Учитывая, что прежняя администрация не прекратила свою работу (и продолжала занимать здание на ул. Цвиллинга, 27), избранный глава П. И. Сумин своим распоряжением определил временным местом пребывания своей администрации здание Дома Советов (Челябинск, ул. Кирова, 114) [47, л. 2].

В конце августа 1993 года Верховный Совет также подтвердил полномочия П. И. Сумина, а затем и президиум Верховного Суда отменил решения областного суда и судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда о незаконности выборов главы администрации Челябинской области [12; 32; 56]. Несмотря на это, президент Б. Н. Ельцин так и не признал легитимность П. И. Сумина, что не помешало последнему приступить к испол-

нению своих полномочий, и сформировать новую администрацию.

В скором времени двоевластие стало реальностью [58]. Пять глав городов и один глава района отказались подчиняться В. П. Соловьеву. Это были глава Копейска В. П. Уткин, Миасса — В. С. Григориади, Ленинского района Челябинска — В. И. Буравлев, Снежинска — В. А. Бехтерев, Брединского района — Д. Д. Петерс, и. о. главы администрации Троицка Н. М. Афанасьев. В. С. Григориади заявил в интервью «Вечернему Челябинску»: «Мы уже отчаялись ждать. Мы ждали, когда президент России обратит внимание на область. Наверное, он должен был вынести благоразумное решение, учитывая голоса полутора миллионов избирателей...» [10]. В. П. Соловьев освободил от занимаемых должностей В. С. Григориади, В. П. Уткина и В. И. Буравлева, «присягнувших» П. И. Сумину. Избранный глава региона, в свою очередь, подтвердил их полномочия и поручил своему заместителю Л. М. Рабченку собрать письменные заявления глав городов и районов области с ответом на один вопрос: на чьей они стороне? [1; 9; 54; 57]

Развязка этого противостояния наступила в конце сентября — начале октября 1993 года. 21 сентября 1993 года президент России Б. Н. Ельцин подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Его последствиями стали расстрел Белого дома в Москве, упразднение Верховного Совета, образование двухпалатного парламента — Федерального Собрания и принятие новой Конституции. Таким образом, была ликвидирована система советов, а вместе с этим на региональном уровне — в Челябинской области — П. И. Сумин потерял опору для осуществления своих полномочий как главы администрации области. Указом президента 22 октября 1993 года были подтверждены полномочия В. П. Соловьева: «в связи с имеющимися попытками отстранения» его «от осуществления его полномочий и попытками отдельных лиц создать параллельные структуры исполнительной власти» [8, с. 27].

Президент России В. В. Путин во время посещения историко-культурного заповедника «Аркаим». Слева — губернатор Челябинской области П. И. Сумин, справа —

доктор исторических наук, заместитель директора заповедника по науке Г. Б. Зданович. 2005 год. Обьединенный государственный архив Челябинской области

На смену областному совету в 1994 году был сформирован новый постоянно действующий высший орган законодательной (представительной) власти в регионе — Челябинская областная дума из 15 депутатов (с 1995 года — Законодательное Собрание Челябинской области) [38, л. 60; 53].

Третий акт

П. И. Сумин перешел на работу в Челябинскую инвестиционно-холдинговую компанию «Выбор», где стал вице-президентом. Но он не ушел из политики. 14 марта 1994 года в Челябинске состоялась учредительная конференция регионального общественного движения «За возрождение Урала». Его председателем избрали П. И. Сумина. В своем первом программном документе движение заявило о себе как об оппозиционной силе по отношению к областной администрации, правительству и президенту, политика которых, по мнению членов движения, привела страну и Челябинскую

область к социально-экономическому кризису, снижению уровня жизни населения. В состав областного совета вошли свыше тридцати общественно-политических деятелей регионального уровня, хозяйственные руководители, ученые, депутаты: В. И. Буравлев, Ю. П. Новиков, Л. А. Попова, А. С. Саломаткин, П. Г. Свечников, В. П. Уткин, Ю. И. Холщигин и другие [3].

В 1995 году П. И. Сумин был избран депутатом Государственной Думы по Кыштымскому округу, а затем выдвинул свою кандидатуру на пост главы Администрации Челябинской области. В своей предвыборной программе он охарактеризовал положение региона следующим образом: «Для большинства южноуральцев сегодня очевидно — Челябинская область, обладая разнообразными природными ресурсами, мощным производственным и научным потенциалом, квалифицированными кадрами, оказалась в глубоком социальном, экономическом, политическом и духовном кризисе, переживает кризис управления и бюджета. Дорогую цену платит население нашей области за слепое и послушное исполнение администрацией В. П. Соловьева, избранной правительством страны стратегии и тактики реформ» [49, л. 2]. 22 декабря 1996 года состоялись выборы главы региона, победу на которых одержал П. И. Сумин (50,79 % голосов), действующий губернатор В. П. Соловьев набрал 15,99 % [40, л. 371; 48, л. 5].

Список литературы

1. Алябьев Е. Главы администраций делают выбор // Челябин. рабочий. 1993. 7 сент.
2. Алябьева Е. А. А. Начаров: «В ближайшее время избранный народом глава администрации вступит в должность» // Челябин. рабочий. 1993. 22 мая.
3. Богуж Е. Л. «За возрождение Урала» // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 346.
4. Богуж Е. Л., Кибиткина Г. Н., Мазур Г. М. Сумин Петр Иванович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 6. С. 340–341.
5. Боже В. С. Августовский путч // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 24–25.
6. Выборам главы — быть! // Народ. дума. 1993. 26 февр.
7. Выход из кризиса: Обращение председателя городского Совета Владимира Мазуля к гражданам Магнитогорска // Магнитог. рабочий. 1993. 10 апр.
8. Грачев О. Долгая дорога к выборам. Челябинск, 1996.
9. Грачев О. Петр Сумин переходит к решительным действиям: «Я не думал, что демократию придется защищать от демократов» // Вечер. Челябинск. 1993. 6 сент.
10. Грачев О. Шесть глав администраций отказались подчиняться В. Соловьеву. Началось реальное двоевластие // Вечер. Челябинск. 1993. 19 авг.
11. Дело за вами: Обращение главы местной администрации, народного депутата России Вадима Клювганта к гражданам Магнитогорска // Магнитог. рабочий. 1993. 10 апр.
12. Документы // Народ. дума. 1993. 31 авг.
13. Ерошкин А. Бои за губернаторское кресло — диверсия в тылу? // Вечер. Челябинск. 1993. 14 апр.
14. Ерошкин А. Борьба за власть продолжается // Вечер. Челябинск. 1993. 22 янв.
15. Ерошкин А. Есть от чего в отчаянье прийти // Деловой Урал. 1993. 25 янв.
16. Ерошкин А. Зачем накалять страсти? // Вечер. Челябинск. 1991. 14 нояб.
17. Зернов К. Петр Сумин: «Какая оппозиция? Работать надо!» // Команда. 1991. 3 нояб.
18. Ишимов А. Вам сделать выбор // Магнитог. рабочий. 1993. 10 апр.
19. Как выбирали главу администрации... // Челябин. рабочий. 1993. 13 апр.
20. Кибиткина Г. Н., Широков В. А. Соловьев Вадим Павлович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 6. С. 171.
21. Кириллов А. Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990–1997 гг.). Екатеринбург, 1997.
22. Кириллов А. Д. Челябинское противостояние // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 7. С. 274–275.
23. Конституционный суд принял решение: П. И. Сумин — законно избранный глава администрации области // Народ. дума. 1993. 11 июня.
24. Косых Г. О чем мечтают П. Сумин и его окружение // Свобод. Урал. 1993. № 5.
25. Леонов Л. Выбор без выбора? // Совет. Россия. 1991. 14 нояб.

26. Леонов Л. Теперь — путч губернатора // Совет. Россия. 1993. 23 янв.
27. Лютов В., Вепрев О. Петр Сумин: Штрихи к политическому портрету. Челябинск, 2005.
28. Мазур Г. М. Рабченко Леонтий Михайлович // Челябинская область : энциклопедия : в 67 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 492.
29. Миронова С. П. Сумин дал губернаторскую присягу и распрощался с Советом // Челяб. рабочий. 1993. 11 июня.
30. Моргулес И. Костры амбиций // Челяб. рабочий. 1993. 29 янв.
31. Нечаева С. В. Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934–2006 гг. Челябинск, 2007.
32. Николаева Л. Неправовые завалы расчищены // Народ. дума. 1993. 7 сент.
33. О чрезвычайных мерах по регулированию обращения денежной наличности в Челябинской области // Народ. дума. 1992. 8 мая.
34. Обращение к жителям Челябинской области // Свобод. Урал. 1993. № 5.
35. Обращение Челябинской окружной комиссии всероссийского референдума и окружных избирательных комиссий по выборам народного депутата Российской Федерации и главы областной администрации // Народ. дума. 1993. 23 апр.
36. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3620.
37. Там же. Д. 3842.
38. Там же. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1.
39. Там же. Д. 3.
40. Там же. Д. 257.
41. Там же. Ф. Р-1814. Оп. 1. Д. 100.
42. Там же. Д. 104.
43. Там же. Д. 105.
44. Там же. Д. 108.
45. Там же. Д. 109.
46. Там же. Д. 112.
47. Там же. Д. 114.
48. Там же. Д. 139.
49. Там же. Д. 141.
50. Там же. Д. 195.
51. Там же. Д. 199.
52. Опалев Л. Сессия завершилась. События продолжают-ся // Народ. дума. 1993. 16 июня.
53. Понурова А. В., Четвертакова Е. С. Законодательное собрание // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 372–373.
54. Постановление // Народ. дума. 1993. 27 авг.
55. Постановление Верховного Совета Российской Федерации // Народ. дума. 1993. 21 апр.
56. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации 1 сентября 1993 г. // Нар. дума. 1993. 14 сент.
57. Рабченко Л. М., интервью 12 декабря 2008 г. // ОГАЧО. Коллекция видеодокументов. Оп. 4. Ед. хр. № 65. Ед. учета № 180.
58. Решение областного Совета народных депутатов «О мерах по выполнению решений XVII сессии областного Совета народных депутатов, связанных со вступлением в должность главы областной администрации П. И. Сумина» // Вечер. Челябинск. 1993. 12 авг.
59. Рязанов Н. Без административного восторга // Нар. дума. 1993. 16 апр.
60. Саломаткин А. С. Противостояние: испытание на прочность. Челябинск, 2000.
61. Скрипов А. С. Челябинск. XX век. Челябинск, 2000.
62. Слободенюк И. Первый губернатор региона Вадим Соловьев: «Мы уже забыли, как избежали голода в начале 90-х» [Электронный ресурс]. URL: <http://chelyabinsk.74.ru/text/gorod/233755344351232.html>
63. Соловьев В. Время Вадима Соловьева // Бизнес и культура. 2015. № 2. С. 48–55.
64. Соловьев В. Обращение к населению области // Вечер. Челябинск. 1993. 22 янв.
65. Сообщение окружной избирательной комиссии по выборам главы Челябинской областной администрации // Челяб. рабочий. 1993. 14 апр.
66. Сумин П. И. О налично-денежном обращении в Челябинской области // Народ. дума. 1992. 3 июля.
67. Указ президента Российской Федерации «Об обеспечении деятельности Челябинской областной администрации» // Челяб. рабочий. 1993. 13 апр.
68. Фонотов М. С. Парень из Верхней Санарки. П. И. Сумин — народный губернатор. Челябинск, 2016.
69. Францева Е. Сейчас надо работать, а не голосовать: [интервью с главой администрации Челябинской области В. П. Соловьевым] // Челяб. рабочий. 1992. 26 дек.
70. Хропанова Т. 25 апреля президент получил большинство, а наша область — второго губернатора // Вечер. Челябинск. 1993. 27 апр.

Река Ай. Пограничье
Челябинской области
и Республика Башкортостан.
Май 2015 года.
Фото: В. Шаратов

История Южного Урала

8

ТОМ
Заключение

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век существенно изменил жизнь Южного Урала. В начале века многие экономические, социальные и политические процессы в регионе были связаны с приходом сюда Транссибирской железной дороги, столыпинскими реформами, подготовкой России к Первой мировой войне. Политика государства всегда была одним из главных факторов развития Южного Урала. В начале XX века ситуация в этом плане принципиально не изменилась.

Интересы государства, как и прежде, определяли основные направления промышленного строительства, развития сельского хозяйства, финансовых инвестиций. Но ни поддержка со стороны государства, ни предпринимательская инициатива и активность местного населения не позволили региону выйти в лидеры экономического роста. А Первая мировая война не только резко обострила проблемы, накопившиеся в крае к началу века, но и породила новые. Мощные миграционные потоки, замедленное развитие социальной инфраструктуры, нарастание социально-этнических противоречий и конфликтов, серьезные изменения в составе политической элиты региона привели к заметному снижению эффективности работы государственных органов.

Соединив европейское и азиатское экономическое и социальное пространство в общую конструкцию, Южный Урал испытал мощное воздействие очень разных традиций и культур, став одним из самых важных и сложных регионов в развивающейся стране. Закономерно, что революционные потрясения 1917 года оказались для региона очень тяжелым испытанием. Неслучайно именно на Южном Урале произошли многие важные события, запустившие механизмы Гражданской войны. Сотни тысяч погибших жителей края, огромные материальные потери, разрушение традиционных транспортных коммуникаций, систем управления, финансовых институтов привели регион в состояние глубокого системного кризиса, одним из самых страшных проявлений которого стал голод 1921–1922 годов. Для преодоления этого кризиса потребовались огромные материальные и людские ресурсы.

Пройдя тяжелейший этап Гражданской войны, Южный Урал постепенно превратился в один из главных очагов советской модернизации, в ходе которой масштабной перестройке подверглись практически все стороны жизни региона. И вновь сюда направились миграционные потоки, началось строительство индустриальных гигантов, коллективизация сельского хозяйства и так называемая культурная революция. Однако первые успехи

индустриализации, ставшие предметом гордости нескольких поколений советских людей, были неразрывно связаны с серьезными проблемами в социальном развитии края, многие из них не разрешены до сих пор.

Переломным рубежом в истории Южного Урала, как и страны в целом, стала Великая Отечественная война. В четвертый раз в течение XX века на Южный Урал прибыли сотни тысяч людей из самых разных уголков страны. Многие через несколько месяцев вернулись домой, другие остались здесь навсегда. Большая часть мужского населения Южного Урала была мобилизована для службы в Красной армии и на Военно-морском флоте, и не всем довелось вернуться к себе на родину. В регионе были построены новые промышленные предприятия, транспортные коммуникации, научные и культурные учреждения, серьезно обострились проблемы, связанные с развитием сельского хозяйства, образования, социальной сферы.

В середине XX столетия южноуральский регион превратился в важнейший элемент военно-промышленного комплекса страны, сыграл заметную роль в создании ядерного щита Советского Союза, развитии отечественного сельского хозяйства и машиностроения. Начавшееся освоение целинных и залежных земель стало последней в XX веке кампанией, приведшей к новым миграционным движениям в регионе. При всех ее просчетах и издержках она позволила существенно улучшить уровень жизни многих жителей Южного Урала, диверсифицировать развитие его экономических институтов, прочнее интегрировать край в единое экономическое, социальное, культурное пространство страны.

Вторая половина XX века стала для Южного Урала временем модернизации крупных промышленных комплексов, разработки новых технологий, временем резкого обострения экологических проблем.

Конечно, XX век для Южного Урала — это не только масштабные индустриальные и транспортные проекты. Многие жители Южного Урала в это время своим творчеством способствовали развитию новых научных, художественных, спортивных школ и направлений. Достижения южноуральских ученых, артистов, спортсменов получили широкую известность не только по всей стране, но и далеко за ее пределами.

Оглядываясь назад, следует признать, что в этом веке Южный Урал пережил несколько глубоких социально-экономических кризисов, острых политических конфликтов, несколько мощных волн миграций. Большой трагедией для южноуральцев стал распад Советского Союза. Все это привело к существенному изменению состава населения Южного Урала, традиций культурной жизни, роли региона в развитии страны в целом. Но на протяжении всего века Южный Урал был важнейшим, с точки зрения интересов государства, регионом, где развивались так необходимые стране промышленные производства, транспортные коммуникации, научные центры.

В конце XX века неожиданно для многих Южный Урал вновь оказался пограничным регионом, приняв на себя важную и тяжелую миссию защиты государственной границы.

На рубеже XX–XXI веков Южный Урал, как много раз в своей истории, являлся (и является поныне) для российского государства совершенно особым регионом. Оставаясь важным промышленным, транспортным, научным центром, он призван обеспечивать военную, социальную, духовную безопасность страны, сохраняя свой особый статус «опорного края державы».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

ААКИМР — Архив администрации Катав-Ивановского муниципального района
АХР — Ассоциация художников Революции
БСНХ — Башкирский Совет народного хозяйства
ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевики)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический Союз молодежи
ВНИИЭФ — Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики
ВРК — военно-революционный комитет
ВСНХ — Высший Совет народного хозяйства
ВУРС — Восточно-Уральский радиоактивный след
ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный Совет профессиональных союзов
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства
ГКО — Государственный комитет обороны СССР
Главлит — Главное управление по делам литературы и издательства
ГОВД — городской отдел внутренних дел
ГПУ — Главное политическое управление
ГРЭС — Государственная районная электростанция
ГСПИ — Государственный союзный проектный институт
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГФ НТД — группа фондов научно-технической документации
ГХЗ — Государственный химический завод (одно из названий комбината № 817 — ПО «Маяк»)
до н. э. — до нашей эры
ЖБС — Железобетонстрой
завком — заводской комитет (профсоюзов)
ЗАО — закрытое акционерное общество
и. о. — исполняющий обязанности
исполком — исполнительный комитет
КБ — конструкторское бюро
комсомол — Коммунистический Союз молодежи
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МГА — Магнитогорский городской архив
МГБ — Министерство государственной безопасности
ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
МПКСМ — Министерство промышленности строительных материалов
МТС — машинно-тракторная станция
НИИ — научно-исследовательский институт
НИПЕК — Народная инвестиционно-промышленная евроазиатская корпорация
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКТП — Народный комиссариат танковой промышленности
обком — областной комитет

ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГИЗ — Объединение государственных издательств
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОКБ — Особое конструкторское бюро
ОКВ — Оренбургское казачье войско
ОМОН — отряд милиции особого назначения
п/я — почтовый ящик
партком — партийный комитет
ПГУ — Первое главное управление
ПО — производственное объединение
профсоюз — профессиональный союз
райисполком — районный исполнительный комитет
РАН — Российская академия наук
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГВА — Российский государственный военный архив
РКРП — Российская коммунистическая рабочая партия
РКСМ — Российский коммунистический Союз молодежи
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУ КА — Разведывательное управление Красной армии
СНК — Совет народных комиссаров
СНХ — Совет народного хозяйства
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
УРС — управление рабочего снабжения
фабзауч — фабрично-заводское ученичество
ФГУП — федеральное государственное унитарное предприятие
ФНПЦ — федеральный научно-производственный центр
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАОО РБ — Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЦДННОО — Центр документации новейшей истории Оренбургской области
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦИК БаССР — Центральный исполнительный комитет Башкирской ССР
ЦК — Центральный комитет
ЧГМИИ — Челябинский государственный музей изобразительных искусств
ЧГПИ — Челябинский государственный педагогический институт
ЧГРЭС — Челябинская городская электростанция
ЧИМЭСХ — Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства
ЧМЗ — Челябинский металлургический завод
ЧТЗ — Челябинский тракторный завод
ЮУЖД — Южно-Уральская железная дорога

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Николай Александрович Антипин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета; заместитель директора Объединенного государственного архива Челябинской области.

antipin87@mail.ru

Сфера научных интересов: история памяти; история Русско-японской войны; история Южного Урала; музееведение; архивоведение.

Лауреат премий Президента Российской Федерации (2008, 2009), работникам культуры и искусства г. Челябинска «Золотая лира», Законодательного Собрания Челябинской области в сфере молодежной политики (2013), имени В. П. Бирюкова (2017), VI Международной открытой Южно-Уральской литературной премии (2018).

Основные публикации:

Антипин, Н. А. Челябинский краеведческий музей. 1913–1957 гг. / А. Н. Антипин. Челябинск : Челяб. обл. краевед. музей, 2011. 224 с.

Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923–1978) / сост., науч. ред. М. С. Салмина, Н. А. Антипин. Челябинск : Край Ра, 2013. 272 с.

История. Челябинская область. 5–7 (8) классы : метод. пособие для учителей общеобразоват. орг. по проектированию учеб. предметов с учетом нац., регион. и этнокультур. особенностей территории / В. М. Кузнецов, Н. А. Антипин, П. Ф. Назыров, Л. С. Евдокимова и др. ; под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск : ЧИППКРО, 2015. 128 с.

Антипин, Н. А. Православные храмы Челябинска: история и современность / Н. А. Антипин, И. В. Купцов. Челябинск : АвтоГраф, 2015. 452 с.

История. Челябинская область. 8 (9) класс : метод. пособие для учителей общеобразоват. орг. по проектированию учеб. предметов с учетом нац., регион. и этнокультур. особенностей территории / А. В. Ражев, Н. А. Антипин, Е. Ю. Захарова, В. М. Кузнецов и др. ; под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск : ЧИППКРО, 2016. 144 с.

Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин, Е. П. Турова. Челябинск, 2017. 286 с.

Южный Урал: от колесниц до мирного атома / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2017. 153 с.

Андрей Вячеславович Буданов

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Челябинский филиал).

andreybudanov@yandex.ru

Сфера научных интересов: история оборонной промышленности в 1950–60-е годы; история Урала периода революции и Гражданской войны; история экономики, социология.

Основные публикации:

Абрамовский, А. П. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. / А. П. Абрамовский, А. В. Буданов. Челябинск : Урал. акад. гос. службы, 2008. 374 с.

Карабаш. Карабашский городской округ : энциклопедия / сост.: А. В. Буданов, Т. В. Суцепина, В. А. Черноземцев. Челябинск : Камен. пояс, 2008. 336 с.

Буданов, А. В. Высшие и центральные органы управления оборонно-промышленным комплексом СССР в 1957–1965 гг. / А. В. Буданов // Оборонно-промышленный комплекс России: прошлое и настоящее : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Челябинск, апр. 2010 г. Челябинск : Урал. акад. гос. службы, 2010. С. 56–74.

Буданов, А. В. Мобилизационная подготовка государственной власти СССР и США к применению ядерного оружия накануне Карибского кризиса / А. В. Буданов // Социум и власть. 2011. № 1 (29). С. 123–127.

Буданов, А. В. Система государственного управления оборонно-промышленным комплексом на Среднем Урале в 1957–1965 гг. / А. В. Буданов // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. 2011. № 3. С. 223–231.

Буданов, А. В. Примирительные камеры на Урале в 1917–1918 годах / А. В. Буданов // Гороховские чтения : материалы восьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Э. Алакшин. Челябинск, 2017. С. 37–45.

Буданов, А. В. От кадрового центра до Президентской академии: хроника 25 лет истории Челябинского филиала РАНХиГС / авт. текста А. В. Буданов. Челябинск, 2017.

Буданов, А. В. Система планирования в ракетостроительной отрасли СССР накануне Карибского кризиса / А. В. Буданов // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. 2018. История. Т. 63, вып. 1. С. 105–121.

Евгений Владимирович Волков

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета
evgeny-volkov@mail.ru

Сфера научных интересов: история Гражданской войны в России, визуальная и культурная история советского общества.

Основные публикации:

Волков, Е. В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина / Е. В. Волков. Екатеринбург : Урал. рабочий, 1999. 200 с.

Волков, Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования / Е. В. Волков. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. 336 с.

Волков, Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества / Е. В. Волков. Челябинск : Челяб. Дом печати, 2008. 392 с.

Волков, Е. В. «Площадь павших революционеров»: Чехословацкий «мятеж» глазами советского художника / Е. В. Волков. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 158 с.

Татьяна Владимировна Вольфович

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики танцевальных видов спорта Уральского государственного университета физической культуры.
vtv50@mail.ru

Сфера научных интересов: теоретические проблемы современной хореографии (contemporary dance).

Награды: Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации (2010).

Основные публикации:

Вольфович, Т. В. Contemporary dance как феномен нового сознания / Т. В. Вольфович // Проблемы изучения современного танца в науках об искусстве. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013.

Вольфович, Т. В. Человек танцующий: интерпретатор или творец? / Т. В. Вольфович // Страст. бульвар. 2004. № 10 (70).

Вольфович, Т. В. На стыке эпох. Хореографическое искусство Челябинска в XX веке : монография / Т. В. Вольфович. Челябинск : Урал. акад., 2013. 85 с.

Вольфович, Т. В. Моя судьба меня хранила. Творческий путь балерины Галины Борейко / Т. В. Вольфович, И. В. Сибиряков. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2008.

Вольфович, Т. В. Формирование и развитие новой хореографии в Челябинске / Т. В. Вольфович // Феникс. 2013. № 14.

Алексей Сергеевич Дюрягин

Кандидат исторических наук, региональный представитель АО «Квантум».

coldat12@mail.ru

Сфера научных интересов: история России XX века, экономическая история.

Основные публикации:

Дюрягин А. С. Становление правового регулирования рынка ценных бумаг РФ // Юж.-Урал. ист.-правовой вестн. 2088. № 3. С. 234–238.

Дюрягин А. С. История рынка ценных бумаг в Южно-Уральском регионе: постановка проблемы // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию д-ра ист. наук, проф. А. В. Бакунина, г. Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г. : в 2 т. Екатеринбург : Автограф, 2009. Т. 1. С. 210–211.

Дюрягин А. С. История биржевой торговли на Южном Урале (1991–2001 гг.) // Актуальные проблемы современной исторической науки и образования: История. Право. Образование : материалы IV Всерос. науч. конф. молодых исслед., г. Нижний Тагил, 19–20 февр. 2010 г. Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. социал.-пед. акад., 2010. С. 215–221.

Дюрягин А. С. История брокерской деятельности на биржах Челябинской области (1991–2001 гг.) // Студент и научно-технический прогресс: История : материалы XLVIII Междунар. науч. студен. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2010. С. 226–227.

Дюрягин А. С. История биржевого рынка ценных бумаг в Челябинской области // Россия и мир: история и современность : тез. XII межвуз. конф. студентов и молодых ученых. Сургут : РИО СурГПУ, 2010. С. 35–36.

Дюрягин А. С. История становления вторичного рынка ценных бумаг в Челябинской области (1991–1998 гг.) // Научный поиск : материалы второй науч. конф. аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные науки. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2010. С. 61–63.

Дюрягин А. С. История ваучерной приватизации как основы формирования рынка ценных бумаг в Челябинской области // Студент и научно-технический прогресс: История : материалы XLVIII Междунар. науч. студен. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2011. С. 199–200.

Дюрягин А. С. История биржевого рынка ценных бумаг в Челябинской области (1991–2001 гг.) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2011. Социал.-гуманит. науки. № 9. С. 22–24.

Нелли Сергеевна Журавлёва

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета.

zhurnell@mail.ru

Сфера научных интересов: история отечественной литературы первой половины XX века; объединения писателей и поэтов Урала 1920–30-х гг.; образы Севастополя в советской литературе и драматургии.

Основные публикации:

Журавлева, Н. С. Коллективные формы литературного процесса на Урале в 1925–1932 гг. / Н. С. Журавлева // Урал. ист. вестн. 2009. № 1 (22). С. 94–100.

Журавлева, Н. С. Руководство региональными отделениями Союза советских писателей в 1930-е годы (на примере Челябинской области) / Н. С. Журавлева // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2013. Сер. Социал.-гуманит. науки. Т. 13, № 2. С. 33–36.

Журавлева, Н. «Литературные забавы» уральских литераторов в 1930-е годы / Н. Журавлева // Вопр. лит. 2014. № 2. С. 136–144.

Журавлева, Н. С. Образ Севастополя в творчестве советских уральских поэтов / Н. С. Журавлева // Изв. Урал. федер. ун-та. 2016. Сер. Гуманит. науки. Т. 18, № 1 (148). С. 51–60.

Журавлева, Н. Трансформация образов Севастополя в советской литературе 1920–1930-х годов / Н. Журавлева // Вопр. лит. 2016. №4. С. 95–114.

Журавлева, Н. С. Периодическая печать как форма литературной жизни Челябинска в первой трети XX в. / Н. С. Журавлева // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» : монография / под общ. ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2016. С. 312–330.

Андрей Иванович Конюченко

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

konan6262@mail.ru

Сфера научных интересов: история Русской православной церкви, история Урала, межконфессиональные отношения.

Основные публикации:

Алеврас, Н. Н. История Урала XI–XVIII веков : учеб. пособие для учащихся ст. кл. муницип. общеобразоват. учреждений, лицеев, гимназий / Н. Н. Алеврас, А. И. Конюченко. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2000. 280 с.

Алеврас, Н. Н. История Урала XIX — начала XX века : учеб. пособие / Н. Н. Алеврас, Т. А. Андреева, А. И. Конюченко, И. В. Нарский. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2008. 640 с.

Волков, Е. В. Русские императоры XIX века : монография / Е. В. Волков, А. И. Конюченко. Челябинск : Аркаим, 2003. 335 с.

Конюченко, А. И. Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX века: Исследования и материалы / А. И. Конюченко. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 2005. 207 с.

Конюченко, А. И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. И. Конюченко. Челябинск : Центр науч.-техн. информ., 2006. 210 с.

Конюченко, А. И. Между молотом и наковальной: еврейское население в событиях 1648–1649 годов в Украине / А. И. Конюченко // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. гос-ва, г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2008. С. 305–313.

Конюченко, А. И. «Погром был организован правительством...»: кишиневские события 1903 года / А. И. Конюченко // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 649–655.

Конюченко, А. И. К вопросу о переходе иудеев в православие в дореволюционной России / А. И. Конюченко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. История. Вып. 51, № 16 (270). С. 93–98.

Игорь Владимирович Нарский

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, директор научно-образовательного центра «Культурно-исторические исследования» Южно-Уральского государственного университета. inarskiy@mail.ru

Сфера научных интересов: культурная история поздней Российской империи, российской революции и СССР.

Лауреат областной премии В. П. Бирюкова (2004).

Основные публикации:

Нарский, И. В. Кадеты на Урале (1905–1907) / И. В. Нарский. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 148 с.

Нарский, И. В. «Революционеры справа: Черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг. : материалы к исслед. «русскости» / И. В. Нарский. Екатеринбург : Cricket, 1994. 128 с.

Нарский, И. В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г.: К вопросу о демократической традиции в России / И. В. Нарский. Челябинск : Челяб. гос. ун-т. 1995. 336 с.

Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. М., 2001. 632 с.

Нарский, И. В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман) / И. В. Нарский. Челябинск : Энциклопедия, 2008. 516 с.

Нарский, И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогли, и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности / И. В. Нарский. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 752 с.

Narskiy, I. V. Fotografie und Erinnerung: Eine sowjetische Kindheit / I. V. Narskiy. Köln u. a. : Böhlau, 2013. 622 s.

Narskiy I. Vivere nella catastrofe: La vita quotidiana nella regione degli Urali 1917–1922. / I. Narskiy. Roma, 2018. 424 p.

Марина Николаевна Потёмкина

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

mpotemkina@mail.ru

Сфера научных интересов: социальная история, история сталинизма, история Второй мировой войны, локальная история, методология исторической науки.

Награды: почетные грамоты губернатора Челябинской области (2002, 2010), Министерства образования и науки РФ (2005, 2012), звание «Почетный работник высшего образования Российской Федерации» (2009), памятная медаль «Патриот России» (2010)

Основные публикации:

Краеведение. Магнитогорск. 9–11 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений Челяб. обл. / под ред. М. Г. Абрамзона, М. Н. Потемкиной. Челябинск : Абрис, 2013. 200 с.

Краеведение. Магнитогорск. 9–11 класс : рабочая тетрадь для общеобразоват. учреждений Челяб. обл. Челябинск : Абрис, 2014. 96 с.

Краеведение. Магнитогорск. 9–11 класс : метод. пособие для учителей по проектированию учеб. предмета «История» с учетом нац., регион. и этнокультур. особенностей общеобразоват. организаций города Магнитогорска Челяб. обл. / под ред. М. Н. Потемкиной, Н. Н. Макаровой. Челябинск : Абрис, 2014. 112 с. + CD.

Потемкина, М. Н. Теория и методология истории : учеб. пособие / М. Н. Потемкина. 2-е изд. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2015. 198 с.

Потемкина, М. Н. История стран Азии и Африки в новое и новейшее время учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / М. Н. Потемкина. 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2015. 244 с. URL: <http://www.litres.ru/m-n-potemkina>

Потемкина, М. Н. Эвакуация населения в уральском тылу 1941–1948 гг. : монография / М. Н. Потемкина. Магнитогорск : Магнитог. гос. ун-т, 2006. 264 с.

Потемкина, М. Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны : монография / М. Н. Потемкина. Магнитогорск : Изд-во Магнитог. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. 151 с.

Потемкина, М. Н. Реевакуация населения СССР в 1943–1947 гг.: социальный и психологический аспекты / М. Н. Потемкина // Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. 2017. Сер. История. Политология. Вып. 41, №1 (250). С. 142–148.

Игорь Вячеславович Сибиряков

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета.

sibirjakov@mail.ru

Сфера научных интересов: история России XX века, история интеллигенции страны, история политических партий.

Основные публикации:

Сибиряков, И. В. Новый российский либерализм: опыт реконструкции социо-моральной среды. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 1998. 178 с.

Сибиряков, И. В. Интеллигенция Урала в условиях реформ: исторический опыт XX века. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2003. 100 с.

Сибиряков, И. В. Всерабис: страницы истории. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2006. 255 с.

Сибиряков, И. В. История ЮУрГУ в документах и материалах. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2010. 416 с.

Сибиряков, И. В. Аспирантура ЮУрГУ: страницы истории. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2011. 316 с.

Сибиряков, И. В. Современная российская интеллигенция: феномен «фантомной боли» в условиях цивилизационного кризиса / И. В. Сибиряков // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 66–75.

Сибиряков, И. В. Музеи советского Севастополя: трансформации прошлого во имя будущего / И. В. Сибиряков // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2017. Т. 17, № 4. С. 57–65.

Сибиряков, И. В. Художник и власть в России в начале XXI века: в ожидании «чуда» // Изв. высш. учеб. заведений. 2017. Сер. Гуманит. науки. Вып. 1, т. 8. С. 19–22.

Александр Иванович Сысов

Аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, учитель истории средней общеобразовательной школы № 112 г. Трехгорного.

Sysov_1975@mail.ru

Сфера научных интересов: история России и Южного Урала. Период индустриализации и коллективизации (1930-е гг.).

Публикации:

Сысов, А. И. Роль местных органов власти в процессе раскулачивания в горнозаводской зоне Южного Урала / А. И. Сысов // Изв. высш. учеб. заведений. Урал. регион. 2017. № 4. С. 87–94.

Сысов, А. И. Промышленные «гиганты» индустриализации на Южном Урале: глазами местных чиновников / А. И. Сысов // Научный поиск : материалы девятой науч. конф. аспирантов и докторантов. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2017. С. 187–193.

Алексей Николаевич Федоров

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета.

alnikfedorov@yandex.ru

Сфера научных интересов: история России XX века.

Основные публикации:

Федоров, А. Н. О причинах кадровой чистки 1949–1950 гг. в Молотовской области (по материалам частной переписки) / А. Н. Федоров // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2012. Сер. Социал.-гуманит. науки. № 10. С. 78–82.

Федоров, А. Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. / А. Н. Федоров // Вопр. истории. 2016. № 6. С. 53–70.

Федоров, А. Н. «Танковое дело» 1949 г.: механизм решения проблем оборонной промышленности в послевоенный период / А. Н. Федоров // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 69–86.

Галина Семеновна Трифонова

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Основные проблемы истории и теории искусства и культуры» кафедры теологии, культуры и искусства Института социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, директор Художественного музея Южно-Уральского государственного университета (2016). Искусствовед, музейвед, член Союза художников России, член Российской общественной организации искусствоведов — историков искусства и художественных критиков «Ассоциация искусствоведов» (АИС), руководитель регионального отделения АИС.

Сфера деятельности: исследования в области классического западноевропейского искусства, русского классического, искусства XX века и современного, истории художественного наследия отечественного, в том числе регионального искусства.

Награждена знаком «За отличные успехи в области культуры» Министерства культуры СССР (1990), лауреат премии Законодательного Собрания Челябинской области за достижения в области культуры и искусства (1996).

Автор научных монографий, каталогов музейных собраний и каталогов и экспозиций выставок профессионального искусства с 1973 года.

Нина Викторовна Чернова

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

nina_chernova@mail.ru

Научная направленность: локальная история, история советского кинематографа.

Основные публикации:

Чернова Н. В. Политическая атмосфера в Магнитогорске 1930-х гг., связанная с использованием на строительстве ММК немецких рабочих и специалистов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 252–259.

Чернова Н. В. Немецкие политические эмигранты на Магнитострое в 1930-е годы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4 (50). С. 167–174.

Чернова Н. В. Сценарные коллизии советского кинопроцесса на примере историко-революционного фильма (второй половины 1930 – начала 1950-х гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 2. С. 500–511.

ЮЖНЫЙ УРАЛ. ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Печатается по решению
Ученого совета Южно-
Уральского государствен-
ного университета.
Протокол № 4
от 29.12.2018 г.

Николай Александрович Антипин, Андрей Вячеславович Буданов, Евгений Влади-
мирович Волков, Татьяна Владимировна Вольфович, Алексей Сергеевич Дюрягин,
Нелли Сергеевна Журавлева, Андрей Иванович Конюченко, Игорь Владимирович
Нарский, Марина Николаевна Потемкина, Игорь Вячеславович Сибиряков, Алек-
сандр Иванович Сысов, Алексей Николаевич Федоров, Галина Семеновна Трифонова,
Нина Викторовна Чернова

ЮЖНЫЙ УРАЛ. ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Научное иллюстрированное издание

В издании использованы фотографии и репродукции из фондов Объединенного
государственного архива Челябинской области, Челябинского государственного
исторического музея Южного Урала, Челябинского государственного музея изыска-
нительных искусств, Магнитогорского историко-краеведческого музея, Музея трудо-
вой и боевой славы ЧТЗ, Музея железной дороги (Челябинск), Музея истории ЮУрГУ,
материалы из частных коллекций, общедоступные ресурсы сети Интернет, авторские
фотографии С. Арканова, В. Шарапова

Составитель, научный редактор
доктор исторических наук И. В. Сибиряков

Редактор, ответственная за выпуск Н. О. Иванова
Корректор И. Н. Козырева
Фотохудожник С. М. Арканов
Дизайн, верстка: Р. Я. Шарапов

Данный том 8-томной «Истории Южного Урала» посвящен событиям и процессам, происходившим в этом регионе в XX веке. Особое внимание уделено различным аспектам политической, экономической и социальной истории Южного Урала.

